XVIII Международная конференция Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2026

ЗНАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАКТИКА

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции
19–21 ноября 2026 г.
Санкт-Петербург, Россия

XVIII International Conference Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2026

KNOWLEDGE. EDUCATION. PRACTICE

Saint-Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics

Conference proceedings
St. Petersburg, Russia
November 19–21, 2026

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: Н.В. Перова, Н.П. Макарова, С.В. Старкова

П26 **XVIII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2026. Знание. Образование. Практика».** Санкт-Петербургский государственный университет, 19–21 ноября 2026 г. Материалы конференции / Отв. ред. В.Ю. Перов — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2026. — 542 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» посвящена исследованию важнейших этических феноменов современного общества и категорий морали и практической философии. В сборнике представлены материалы докладов на Международной научной конференции и Молодёжной научной конференции. В центре внимания докладов обеих конференций находятся исследования важнейших этических феноменов истории и современного общества, категорий практической философии в контексте осмысления проблем нравственного прогресса. В рамках конференции многочисленные отечественные и зарубежные исследователи обращаются к кругу сложных вопросов о месте и роли нравственности в современном обществе, обсуждают проблемы актуальности классической этики и моральной философии, дискутируют о том, что такое прикладная этика, вытесняется ли нравственность из современной публичной жизни и как возможно профессиональное изучение этики. Особое внимание уделяется исследованию угроз и рисков, связанных с противоречиями общественного развития и решению возникающих моральных проблем в различных областях личной, общественной и профессиональной деятельности.
Адресовано специалистам в области философии, теоретический и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-91155-689-1

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2026
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2026
© Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В.Ю. (Санкт-Петербургский университет) — председатель
Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет) — зам. председателя
Перова Н.В. (Институт философии РАН) — секретарь программного комитета
Абакарова Р.М. (Дагестанский государственный университет), Агеева Д.А. (Межрегиональная общественная организация в сфере защиты животных «Голоса за животных»), Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Держивицкий Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плотникова Т.Ю. (руководитель лидерских программ, компания «Лента», Санкт-Петербург), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна), Разин А.В. (Московский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Тарковский В.Н. (Костромской государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук).

PROGRAM COMMITEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) — Chairman
Larionov Igor (St. Petersburg State University) — Vice-Chairman
Perova Nina (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences) — Executive Secretary
Abakarova Raiganat (Dagestan State University), Ageeva Dinara (Interregional public organization in the field of animal protection «Voices for Animals»), Artemov Georgiy (St. Petersburg State University), Bartashevich Tatiana (St. Petersburg State University), Brodsky Alexander (St. Petersburg State University), Vasilyev Ilia (St. Petersburg State University), Derzhivitsky Evgeniy (St. Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St. Petersburg State University), Kulakova Tatyana (St. Petersburg State University), Ovchinnikova Elena (St. Petersburg State University), Plotnikova Tatiana (Leadership Program Manager, «Lenta» Retail, St. Petersburg), Polozhentsev Andrey (St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design), Razin Alexander (Moscow State University), Sinyutin Mikhail (St. Petersburg State University), Strebkov Alexander (St. Petersburg State University), Sunami Artem (St. Petersburg State University), Tarkovsky Vladimir (Kostroma State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences, Siberian Branch).

Абакарова Райганат Магомедовна
профессор, д.филос.н., профессор
кафедры теории и истории религии и культуры
Дагестанский государственный университет

Единство нравственных норм в многообразии народов, конфессий и языков. К Году единства народов России

2026 год объявлен Годом единства народов России. Россия представляет собой единство многообразия народов и языков, конфессий и традиций. Нравственные нормы служат объединяющим фактором этого многообразия, при этом моральные нормы могут отличаться. Моральные нормы определяются социально-экономическими условиями, соответственно, с точки зрения формационного подхода определения исторических типов, выделяют мораль первобытного, рабовладельческого, капиталистического строя. Моральные нормы изменчивы как в диахронном, так и в синхронном срезах. Нравственность определяется поступком, соответственно, поступок оценивается совестью. Оценка поступка возможна при свободе выбора самого поступка. Нравственность немыслима без сознательного отношения к нормам морали, без добровольного признания личностью этих норм в качестве личных норм. Прежде чем признать эти нормы в качестве личностных, человек должен осознать себя самого в качестве человека.

К основным функциям морали относят: воспитательную, регулятивную, оценочно-императивную, гуманистическую, прогностическую. Формы моральной регуляции: страх, стыд и совесть. Страх как форма моральной регуляции свойственен человеку, представляет собой сдерживающую норму поведения от плохого(зла) и регулирует поведение независимо от этнической, религиозной или иной идентичности. Страх как моральная форма регуляции поведения, не причина, а следствие нарушения дозволенного, одобряемого. Страх свойственно человеку в любом возрасте и понимается, прежде всего, как категория, направленная на охрану человека, регулирование его устойчивости, на защиту своего «Я» моралистами XX в, Ф. Шеллинг, Л. Фейербах, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше. В XX веке проблема феномена страха получила освещение в экзистенциализме С. Кьеркегора, К. Ясперса и

М. Хайдеггера. Стыд и совесть категории нравственности, наряду со страхом.

Нравственность — это исполнение человеком себя в качестве человека, в качестве своей человеческой особенности, как нравственного существа. Нравственный человек олицетворяет собой такие человеческие качества, как честь, совесть, достоинство, гуманность. Основа творческого характера нравственность слагается из обращенности к самому себе и внешним предписаниям, то есть в процессе непрекращаемого диалога между внешними предписаниями и внутренними побуждениями человека. Нравственность универсальна и эта ее специфическая черта. Универсальность нравственности выражается в том, что она пронизывает все другие явления человеческой жизни, так как любое явление человеческой жизни взятая сама по себе, без нравственного аспекта, в итоге утрачивает и аспект человечности. Нельзя быть «немного нравственным», или «немного совестливым» или нельзя быть честным для одних и бесчестным для других, при этом допустимо быть «немножко ученым» или «немножко верующим», или «немножко политиком». Нравственность универсальна, как верно заметил писатель Фазиль Искандер, в работе «Стоянка человека»: «Нравственное чувство или универсально или его нет. Нельзя человека принудить быть нравственным, хотя можно его заставить исполнять определенные нормы морали».

Абдулаева Заира Эсенбулатовна
доцент, к.филос.н., доцент
кафедры философии и гуманитарных дисциплин,
заместитель декана лечебного факультета
Дагестанский государственный медицинский университет

Воспитание через обучение: социально-экономические детерминанты и критика декларативного подхода к укреплению духовно-нравственных ценностей

Актуальность исследования. В современном общественном дискурсе проблема укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей занимает центральное место. Однако наблюдается системное противоречие между масштабом идеологических деклараций и реальными практиками их воплощения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью этического осмысления этого разрыва и выявления механизмов, при которых риторика о «защите ценностей» маскирует

процессы нравственной деградации, объективно обусловленные социально-экономическими факторами.

Цель и задачи. Целью доклада является конкретно-исторический анализ заявленных путей укрепления ценностей через систему образования. Опираясь на нормативные основания социально-ориентированной и гуманистической этики, исследование ставит задачу преодолеть субъективно-позитивистский подход, фиксирующий лишь внешние факты, и выявить причинно-следственную связь между характером производственных отношений и состоянием общественного сознания. Необходимо сместить фокус с абстрактной риторики на изучение материальных детерминант, объективно необходимых для воспроизводства подлинной нравственности.

Методология. Методологическую основу составляет социально-философский и историко-материалистический анализ. Данный подход позволяет рассматривать этические категории и культуру не как универсальные абстракции, а как надстройку, отражающую и легитимирующую интересы доминирующего экономического базиса.

Основное содержание. В докладе обосновывается тезис о том, что попытки укрепления нравственности исключительно посредством вербальных конструкций, оторванных от социально-экономического базиса, неизбежно приводят к этическому цинизму и девальвации самих понятий «добродетель» и «ценность». Исторический опыт свидетельствует: разрушение социальных институтов, обеспечивавших всестороннее развитие личности, привело к доминированию рыночной парадигмы. В этих условиях институты образования рискуют трансформироваться в инструменты идеологической обработки, где декларируемая «свобода самовыражения» оборачивается диктатом коммерческих интересов, подменяющим гуманистические идеалы меркантильными установками.

Ярким примером данной диспропорции служит современная образовательная среда: при формальном декларировании на уроках этики или обществознания ценностей коллективизма, взаимопомощи и академической добросовестности, институциональная практика (система жестких рейтингов, коммерциализация образовательных услуг, существование теневого рынка готовых академических работ) объективно поощряет гипертрофированный индивидуализм и транзакционные отношения между обучающимися. Это формирует у студентов устойчивый когнитивный диссонанс: моральные принципы, транслируемые в учебном процессе, вступают в непреодолимое противоречие с наблюдаемой социальной реальностью всеобщей коммерциализации.

Моральное сознание формируется через усвоение социального опыта; если этот опыт свидетельствует о приоритете корыстной выгоды

над общественным благом, любые воспитательные усилия нейтрализуются, порождая социальный конформизм и лицемерие.

Выводы. Подлинное укрепление духовно-нравственных ценностей невозможно в рамках системы, основанной на приоритете частной прибыли над человеческим достоинством. Нравственный прогресс требует не симулятивных деклараций, а коренного изменения социально-экономических условий: обеспечения социальной справедливости, гарантированного качественного образования и создания среды для реализации индивидуального потенциала. Только на таком материальном фундаменте возможно формирование личности, руководствующейся подлинными идеалами чести, совести и служения обществу, а не конъюнктурными интересами.

Абрамова Анастасия Владимировна
доцент, к.филос.н., доцент
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Другой как источник морального смысла: сентименталистская традиция в диалоге с современной нейроэтикой

1. Цифровая эпоха порождает ряд этических вызовов, ключевыми из которых являются потеря взаимопонимания и усиление эгоцентрических тенденций. Без альтруистического вектора мораль утрачивает свою функцию, выхолащиваясь до набора формально-правовых предписаний или превращаясь в механизм сугубо прагматического взаимодействия. Поэтому мораль как способ не только регуляции, но и гармонизации человеческих отношений, требует признания ценности Другого эквивалентной ценности собственного «Я». Именно этот этический императив обеспечивает трансформацию человеческого взаимодействия: от конкурентных стратегий выживания к стратегиям взаимной солидарности.

2. Моральные отношения формируются через коммуникативный резонанс с Другим, в основе которого лежат эмпатическое взаимопонимание и альтруистические действия. При этом эмпатия и альтруизм имеют эмоциональную основу, что предполагает смену этической оптики: рационалистическая традиция морали, трактующая субъект как изолированный разум, требует пересмотра через призму сентиментализма, где этическое становление субъекта происходит в интерсубъективном пространстве, через встречу с Другим.

3. Будучи противниками «разумного эгоизма», сентименталисты считали, что человек «запрограммирован» на «социальность» (Д. Юм: «Мораль — это "утилитарная симпатия" — нам нравится то, что полезно для общества, потому что мы резонируем с чужими чувствами»; Э. Шефтсбери: «Индивид обладает "естественными аффектами", которые направлены на благо общества»). Поскольку альтруизм присущ человеческой природе, концепция «беспристрастного наблюдателя» уступает место стратегии преодоления солипсизма посредством интериоризации позиции Другого (А. Смит: «Я представляю себя на месте другого, и это воображаемое сопереживание (симпатия) диктует мне норму»; Д. Гартли: «Мы учимся сострадать, потому что наши собственные болевые и приятные ощущения связываются с восприятием состояний других людей»). Другой перестает быть внешним объектом и становится частью моего морального пространства — этот тезис сентиментализма является фундаментальным для современной этики заботы.

4. Ценность Другого задана нашей биологической способностью к эмпатии. Современная нейробиология подтверждает интуиции сентименталистов через конкретные механизмы: действие зеркальных нейронов (Дж. Риццолатти, К. Кейзерс) – непосредственное считывание состояния Другого; реагирование островковой доли и передней поясной коры головного мозга на сопереживание боли Другого (А. Дамасио, Ж. Десети, Б. Крейг); реакции блуждающего нерва как «биологического маркера доброты» при испытании благодарности (Д. Келтнер).

Биологическое доказательство альтруизма базируется на исследованиях: вентрального стриатума — альтруизм биологически «приятен» — мозг вознаграждает нас дофамином за социальную кооперацию (Х. Молл, Дж. Графман); вентролатеральной префронтальной коры («сигнал сдерживания» — подавление эгоистичного импульса) — зона часто активируется, когда человек делает «невыгодный» для себя, но справедливый поступок.

Нейроэтика переносит метафизические вопросы морали в плоскость биологии: наше восприятие эволюционно настроено на распознание в Другом носителя ценностей, что выводит проект сентиментализма на иной этический уровень.

5. Смысл морали заключается в поддержании устойчивой связи «Я — Другой». В эпоху ИИ и алгоритмизации социальных взаимодействий сохранение коммуникативного контакта с Другим становится ключевой задачей для гармонизации общества (переход от «этики правил» к «этике отношений»). Альтруизм в данном контексте предстает не как героический акт, а как единственно адекватная реакция на признание субъ-

ектности Другого, где важная роль отводится эмпатии. Сентиментализм в союзе с нейроэтикой позволяет «научно» обосновать ценность Другого, поэтому игнорирование Другого является не только этической ошибкой, но и когнитивным ограничением, препятствующим самому процессу формирования моральных смыслов.

Авакян Сергей Мушегович
директор
Лаборатория искусственного интеллекта «AIIA»

Промптовая тайна как условие интеллектуальной автономии: этические основания правовой защиты

Запрос к генеративному искусственному интеллекту может фиксировать гипотезу, сомнение, исследовательский замысел или профессиональную стратегию. Когнитивно значимый промпт рассматривается как цифровой след интеллектуального действия, связанного с формированием позиции. Цель доклада состоит в раскрытии этических оснований защиты такого ввода и ее связи с грамотностью в области искусственного интеллекта. Применяются концептуальный и нормативный анализ.

История промптов способна раскрывать траекторию рассуждения и создавать условия для когнитивного профилирования, деанонимизации и последующего воздействия на решения человека. При этом запрос не обязательно отражает убеждения автора, поскольку может содержать проверку чужой позиции или отвергаемую гипотезу. Значение имеет риск использования как достоверных сведений, так и ошибочных выводов о пользователе.

Этическим основанием усиленной защиты выступает интеллектуальная автономия, понимаемая как возможность самостоятельно формировать и пересматривать суждения. Ее сохранение предполагает защиту предварительного поиска и ограничение неправомерного наблюдения. Передача запроса системе для получения помощи не служит достаточным обоснованием любого последующего использования его содержания.

Промптовая тайна предлагается как специальный режим защиты непубличных запросов к искусственному интеллекту и их совокупностей, раскрывающих процесс формирования мысли, когда их раскрытие или использование создает риск вреда правам и законным интересам человека. Предлагаемая категория дополняет применимые правовые гарантии и не обозначает уже установленную законом тайну любого запроса.

Содержание режима включает понятное информирование о хранении и использовании ввода, ограничение доступа, запрет необоснованного профилирования и специальные основания вторичного использования, в том числе для обучения моделей. В образовании доступ к истории диалога при проверке академической добросовестности должен соответствовать конкретной задаче и учитывать конфиденциальность интеллектуальных черновиков.

Грамотность в области искусственного интеллекта позволяет распознавать чувствительность ввода и понимать условия обработки. Ее защитное значение определяется возможностью применять доступные гарантии во взаимосвязи с обязанностями организаций и процедурами рассмотрения обращений.

Авдеева Ирина Александровна
доцент, к.филос.н., доцент кафедры этики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Кризис бинарности в ситуации моральных дилемм

С тех пор, как началась масштабная критика классических подходов к пониманию морального сознания, моральной нормы и моральных решений, тема отхода от бинарных оппозиций стала в современной этике одной из основных. Бинарность в классической этике связывалась с обязательным выбором между добром и злом, правильным и неправильным, рациональным и иррациональным, должным и сущим, обязанностью и ее нарушением, следованием норме и антинормативностью и т.п.. И чем категоричнее становилось на протяжении веков абстрактное требование делать как надо, тем больше этика удалялась от практики. Вследствие этого в Новое время определенный разрыв между практической моралью и нравственными принципами привел к определенному кризису и впоследствии к сомнениям в способности принятия субъектом правильного морального решения. XX век предлагает нам как идеи об отказе от бинарности (постмодернизм), так и варианты преодоления классических бинарных подходов и ситуаций амбивалентности через пересмотр и реабилитацию классической парадигмы, через переосмысление позиции рационально действующего субъекта (этика ответственности, современная теория справедливости и др.), через поиск альтернативных подходов (гуманистическая этика, феминистская этика, этика дискурса и др.).

Особым поворотным моментом практической актуализации кризиса бинарности и яркой иллюстрацией к современному рассмотрению

амбивалентности морального решения стала постановка проблемы моральных дилемм в 60-е года XX века. В особенности, моральная дилемма актуализировалась не столько как теоретическая конструкция или даже феномен морального сознания, сколько проблема прикладной этики, от решения которой зависят конкретные практические решения субъекта в личной и профессиональной сфере. Начиная с Б. Уильямса и Ф. Фут, дискуссии о самой возможности принятия решения без бинарной матрицы «хорошее – плохое» вошли в топ этической проблематики, где зачастую моральные дилеммы либо просто описываются фиксацией бинарности выбора, либо критикуются как коллапс морального сознания. Тем не менее запрос на конкретные «алгоритмы» решения непростых ситуаций морального выбора растет день ото дня. В этике ситуация складывается таким образом, что философы морали, особенно работающие в области профессиональной этики (Д. Эллиот, С. Бок, М. Нусбаум, К. Гованс, С. Лиото и др.) ищут основания для конкретных моральных решений, избегая обращения к классическим бинарным оппозициям и признавая при этом амбивалентность этической ситуации. Предлагаются как теоретические идеи, так и практические методики принятия решений, когда за пределами бинарности нам предлагается остаться в пространстве этики, где нет заранее правильного и заранее неправильного. При этом акцентируется внимание на хрупкости морального субъекта, уязвимости добра, учета всех обстоятельств и оценки особенностей каждой конкретной ситуации, выстраивания иерархии принципов и собственных предпочтений, одновременный учет как мотивов, так и последствий поступка. Анализируя немногочисленные рекомендации этиков для профессионалов в области принятия этических решений, можно обратить внимание на следующие идеи: во-первых, амбивалентность ситуации не всегда связана с кризисом бинарности, а изначальным отходом от морального поведения, ставшего причиной возникновения трудных этических ситуаций в профессиональной области; во-вторых, бинарность решений по-прежнему существует в ситуациях определенности и не изжила себя несмотря на многочисленную критику; в-третьих, неопределенность ситуации заставляет нас выйти за пределы бинарности как варианта упрощения ситуации, но не отменяет амбивалентности самого решения (в чем нам видится суть парадокса «двойного эффекта»); в-четвертых, крайности (как произвол, так и слепое воспроизводство бинарности) в профессиональной сфере эффективно снимаются командными усилиями. При этом, как отмечает С. Лиото («Сила этики», М. 2021), значение имеет каждый поступок, а этичное решение — то, что объединяет людей, имеющих смелость выбирать этику, а не просто позволять ей проявляться. Именно таким образом для этики есть смысл отхода от бинарности.

Алейников Андрей Викторович
доцент, д.филос.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Интерференция секьюритизаций: новая природа легитимации безопасности в условиях поликризиса

Современный мир вступил в состояние поликризиса, одновременного протекания множественных кризисов (геополитических, климатических, миграционных, информационных), которые взаимно усиливают друг друга, не укладываясь в отраслевые и дисциплинарные границы. В настоящее время отсутствует концептуальная модель, способная объяснить трансформацию стратегий легитимации социетальной безопасности при переходе от линейных угроз к системным и синергийно сложным рискам. Эта проблема имеет тройное измерение. Онтологически это разрыв между классической теорией общества риска и новой природой эмерджентных, каскадно распространяющихся угроз. Инструментально это неспособность классической теории секьюритизации описать ситуацию интерференции множественных секьюритизирующих ходов в условиях поликризиса. Культурно-цивилизационно это неотрефлексированная универсалистская претензия западных теорий, игнорирующая специфику восприятия и легитимации угроз в российском социуме.

Сложился теоретический и методологический разрыв между классической теорией секьюритизации, описывавшей линейные процессы, и новой реальностью, в которой риски переплетаются, порождают эмерджентные эффекты и требуют качественно иных механизмов легитимации. Классическая теория общества риска, сформулированная У. Беком и Э. Гидденсом во второй половине XX века, исходила из того, что риски являются побочным продуктом модернизации, поддаются исчислению и страхованию, а их производство и распределение подчиняются логике классового общества. Современные системные риски характеризуются высокой сложностью, трансграничностью, нелинейностью и способностью к каскадному распространению через взаимосвязанные системы. В отличие от «классических» рисков Бека, системные риски эмерджентны: они возникают как непредвиденное системное качество взаимодействия множества факторов и не поддаются традиционным вероятностным методам оценки. С.А. Кравченко введено понятие «синергийно сложных рисков» — продуктов гибридизации природы, социума и технологий, содержание которых детерминировано генотипом культуры. Это означает, что такие риски нередуцируемы к

универсальным глобальным моделям и требуют учёта локально-национальной специфики.

Для теории легитимации безопасности этот разрыв создаёт фундаментальную проблему. Когда угроза представляет собой не изолированное событие, а синергийно сложный комплекс, когда риски каскадно усиливают друг друга, а их восприятие преломляется через генотип культуры, сама природа легитимации качественно меняется. Возникает феномен «интерференции секьюритизаций» — наложение и взаимное усиление стратегий легитимации в условиях, когда угрозы интерферируют, создавая эффекты, несводимые к сумме отдельных секьюритизирующих ходов.

В условиях поликризиса угрозы интерферируют, и потому уже на этапе купирования необходимо учитывать их взаимное наложение. Это означает, что меры, принимаемые в ответ на одну угрозу, оцениваются не только с точки зрения их прямой эффективности, но и с точки зрения их влияния на другие угрозы и на восприятие всей системы безопасности обществом. Возникают эффекты, не предсказуемые классической теорией риска и безопасности: цепное распространение делегитимации из одной сферы в другую (каскадная эрозия), резкое обрушение легитимности после накопления латентного напряжения (пороговая эрозия), дифференцированное отторжение стратегий безопасности различными ценностными сегментами общества (селективная эрозия). Кроме того, в докладе предложена типология эрозии легитимности, включающая пять типов: каскадная (распространение делегитимации из одной сферы в другую), пороговая (нелинейное обрушение легитимности после накопления латентного напряжения), селективная (дифференцированное отторжение стратегий безопасности различными ценностными сегментами), скрытая (разрушение оснований легитимности при сохранении внешних форм поддержки), интерференционная (эмерджентный эффект наложения нескольких делегитимирующих процессов).

Алейников Андрей Викторович
доцент, д.филос.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Мальцева Дарья Александровна
доцент, к.полит.н., заместитель декана факультета политологии,
доцент кафедры теории и философии политики
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Стребкова Карина Евгеньевна
стажер-исследователь кафедры сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Интеллектуализированная архитектура управления информационными рисками: культура данных, модели ИИ-поддержки и ценностный суверенитет

Современный информационный риск-менеджмент трансформируется в интеллектуализированную архитектуру стратегического управления, в которой технологии искусственного интеллекта обеспечивают переход от реактивных практик реагирования к проактивным моделям выявления, прогнозирования и предупреждения рисков Практическое воплощение доказательной политики выражается в трёх сопряжённых моделях — алгоритмо-детерминированной, доказательной (data-informed) и интеллектуально-расширенной, дифференцирующихся по степени интеграции алгоритмических систем в процессы принятия решений и уровню распределения субъектности между человеком и технологией.

Алгоритмо-детерминированная модель предполагает глубокую автоматизацию управленческих процессов на базе непрерывного потокового анализа больших данных. В плоскости управления информационными рисками данный подход реализуется через развёртывание предиктивных систем раннего предупреждения, где алгоритмы машинного обучения в автоматическом режиме выявляют аномалии в медиасреде. Для минимизации неопределённости до практического внедрения решений применяются методы мультиагентного социодинамического моделирования (поведение общества симулируется популяциями автономных ИИ-агентов) и контролируемые поведенческие микротесты, оценивающие реакцию целевых аудиторий на альтернативные форматы государственной повестки.

Доказательная модель представляет собой гибкий и институционально сбалансированный формат управления, в рамках которого ис-

кусственный интеллект выступает инструментом аналитической поддержки, а исключительная монополия на принятие окончательных решений сохраняется за политическим субъектом. В рамках данной логики развёртываются государственные интеллектуальные системы поддержки принятия решений, агрегирующие гетерогенные потоки данных из ведомственных и открытых источников в единые интерактивные когнитивные карты. Искусственный интеллект здесь применяется для многовариантного сценарного прогнозирования, выявления зарождающихся рискогенных трендов и оценки устойчивости социально-политической системы, что позволяет минимизировать когнитивные искажения и субъективизм административного аппарата в условиях неопределённости.

Интеллектуально-расширенная модель ориентирована на качественное масштабирование когнитивного и прогностического потенциала субъекта управления без директивного навязывания алгоритмических траекторий. Ключевым инструментарием здесь выступают цифровые двойники социально-политических процессов и системы динамического имитационного моделирования, позволяющие воспроизводить альтернативные варианты развития событий под воздействием внешних и внутренних шоков в условиях высокой неопределённости. В практической плоскости данная модель реализуется через интеллектуальные платформы партисипаторного (соучаствующего) проектирования и обратной связи.

Вместе с тем интеграция обозначенных моделей работы с данными порождает специфические риски: скрытую алгоритмическую предвзятость базовых нейросетевых моделей, уязвимость данных к внешнему деструктивному воздействию и системное снижение доверия к обезличенным автоматизированным решениям. Особую угрозу в этой связи представляет когнитивная зависимость, латентное заимствование чуждых ценностных установок через алгоритмы зарубежных ИИ-платформ. В этих условиях критически важной становится институционализация механизмов выравнивания ценностей, проектирование суверенных моделей ИИ, обученных на национальных социокультурных и исторических базах знаний.

Расширенный вариант тезисов был опубликован в статье Д.А. Мальцева, А.В. Алейников, К.Е. Стребкова. Информационный риск-менеджмент в системе стратегического политического управления в условиях развития искусственного интеллекта: современные модели и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3.

Госзадание № FSSF-2026-0078 «Риск-менеджмент в экосистеме стратегического политического управления РФ: архитектура решений в условиях развития искусственного интеллекта».

Ананьева Екатерина Михайловна
к.филос.н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Является ли нравственный закон законом природы?

Такое заглавие предпослал своей статье Пауль Наторп в выпуске журнала "Archiv für Philosophie", тематически посвященном проблемам онтологии и философии ценностей в 1896 г. В дальнейшем ослабление влияния в академической среде неокантианства сменило акценты, но не отменило самой темы. Можно ли преодолеть кантовское противопоставление «мира как природы» и «мира как свободы»? И если да, то в рамках какой онтологии и с какими методологическими ограничениями? С историко-философской точки зрения этот вопрос чаще всего заставлял вернуться от этики Канта к этике Спинозы и вспомнить знаменитый «спор о спинозизме», который среди прочего вызвал к жизни доклад в Прусской академии Фр. Шлейермахера «О различии между законом природы и нравственным законом» ("Über den Unterschied zwischen Naturgesetz und Sittengesetz" (1825)). Означает ли это тематическое совпадение сходства онтологических и методологических решений, принятых Шлейермахером и Наторпом? В существенных моментах — нет, но эта формулировка позволила выявить своеобразные «болевые точки» подходов. Какой статус мы готовы присвоить субъекту, отличая (или не отличая) его культурные предпочтения от закономерностей природного свойства? Не оказывается ли свобода воли метафизической фикцией? Своеобразной «болевой точкой» философских подходов XX столетия оказалось само понятие субъекта, которое традиция критики метафизики — от Хайдеггера до постмодерна — провозгласила гипотезой, исчерпавшей свой потенциал. Иронически комментируя кантовское представление о моральном субъекте, М. Фуко писал в своей диссертации о кантовской «Антропологии»: «Рассматривая человека как свободно действующее существо, его (Канта) учение открывает целую область "свободного обмена", где человек торгует своими подержанными свободами, соединяясь с другими путем неочевидной, но непрерывной торговли, которая предоставляет ему место жительства где угодно на Земле. Гражданин мира».

Использованное Шлейермахером в упомянутом докладе наименование «детерминистской этики» получило ныне признание в качестве рабочего термина, но при этом по-прежнему предмета дискуссий. В аналитической философии принято спорить в схожем ключе о детерминизме, сопоставляя аргументы в защиту компатибилизма и инкомпатибилизма. Так или иначе «детерминированный» в своих предпочтениях

индивид либо приближается в этих аргументах к субъекту потребностей, объясняемому утилитаризмом того или иного свойства, либо обнаруживает опровергающую детерминизм «спонтанность».

В данном сообщении предлагается вернуться к страницам отечественной интеллектуальной истории, отстоящей от сегодняшнего дня на несколько десятилетий, когда возник интерес к теории ценностей, которая могла бы быть сформулирована в рамках марксистского подхода. В истории рецепции осталось представление, что марксистский тренд в этике и теории ценностей отличает акцент на трудовой этике или детерминации индивида социальными и общественно-политическими отношениями, что не вполне соответствует действительности, если учесть проект «диалектики творчества» (Г.С. Батищев) с его совершенно иными акцентами. В дискуссиях конца 60-х – начала 70-х годов мы видим также привлечение иных — не социально-экономических — философских традиций — психологической в докантовском смысле или говоря шире — антропологической. В знаменитых публикациях О.Г. Дробницкого мы обнаруживаем рабочее понятие «ценностей жизни», которое, видимо, тематически близко гипотезам социологии М. Вебера и онтологическим идеям В. Дильтея. Марксистский взгляд на ценности и «моральный закон» отдает предпочтение скорее секулярной трактовке человеческой деятельности, чем религиозной. Тем интереснее тематические параллели с послекантовской трактовкой ценностей «благочестивой жизни». Представляется, что, когда сегодня мы определяем для себя мир «традиционных ценностей», опыт сравнения подходов из разных временных периодов отечественной истории в чем-то напоминает заочную полемику П. Наторпа и Фр. Шлейермахера, поэтому полезно осмыслить ее из этой перспективы.

Андреев Иван Владимирович
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этико-методологические проблемы академического дискурса о новой религиозности

Изучение новых религиозных движений (НРД) и нетрадиционной религиозности в современном академическом дискурсе находится на стыке религиоведения, философии и исследовательской этики. При анализе подобных феноменов гуманитарное знание сталкивается с комплексом методологических проблем, которые напрямую затрагивают вопрос об этической ответственности ученого. Выбор исследова-

тельских оптик, понятийного аппарата и оценочных суждений неизбежно влияет на объективность получаемого знания и его последующее восприятие в обществе.

Первой ощутимой сложностью выступает понятийно-терминологическая неопределенность. В исследовательской литературе параллельно используются такие термины, как «нетрадиционные религии», «альтернативные религии», «псевдорелигии» или «возникающие религии». Использование зонтичного понятия «новые религиозные движения» также выявляет границы своей применимости: его хронологические рамки часто размываются при переносе на организации XIX века, а отсутствие единых критериев религиозности приводит к тому, что под один термин попадают принципиально разные явления — от психотерапевтических групп до реформированных ветвей мировых религий. В этих условиях от исследователя требуется концептуальная точность и отказ от использования оценочных ярлыков.

Другая проблема связана с преобладанием юридического и административного подхода в исследовании НРД. Внимание академического сообщества часто концентрируется исключительно на институциональном статусе, правовых вопросах или проведении религиоведческих экспертиз. В результате философское и этико-мировоззренческое осмысление новой религиозности как целостной системы (включающей собственную онтологию, антропологию и др.) отходит на второй план. При этом на уровне публикаций нередко встречается нарушение принципа научной беспристрастности: позиция автора смещается либо в сторону явной негативной установки, либо в сторону некритического принятия учения. Подобный уход от нейтральности представляет собой проявление недобросовестной исследовательской практики, где объективный анализ подменяется личным отношением.

Ещё одним барьером становится тенденция к отождествлению религиозного учения с конкретной институциональной структурой. Экстраполяция особенностей и возможных нарушений одной наиболее популярной или ортодоксальной организации на всю религиозную систему ведет к игнорированию альтернативных, децентрализованных или реформаторских течений, существующих на базе одного и того же учения. Подобное упрощение искажает исследовательскую оптику и ведет к неверным выводам, затрагивающим публичную сферу.

Наконец, исследователь сталкивается с герменевтическими барьерами и проблемой определения самих границ религиозного текста. Некоторые НРД отличаются колоссальным объемом специфической литературы, понятийными неологизмами и внутренней закрытостью источников. С другой стороны, часть движений иногда вовсе отказывается

от каноничного текста, сдвигаясь в сторону дигитальных и медийных форматов — постов в мессенджерах, коротких видео, трансляций и онлайн-курсов. Работа в условиях как текстовой гипернасыщенности и закрытости, так и фрагментарности и эфемерности цифрового контента требует от исследователя особой методологической гибкости и сохранения баланса между герменевтической реконструкцией учения и критической дистанцией.

Таким образом, методологические сложности осмысления новой религиозности тесно связаны с этикой научного познания. Выявление и систематизация специфических ограничений, характерных для академического дискурса, позволяют выработать практические ориентиры для будущих исследований и снизить риск системных смещений. В этом контексте полнота репрезентации феномена, ценностная нейтральность, разграничение учения и организации, а также корректность понятийного аппарата становятся необходимым фундаментом для формирования объективного научного знания.

Антипов Алексей Владимирович
к.филос.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Делегирование морального суждения как проблема этики искусственного интеллекта

В настоящий момент этическая проблематика относительно ИИ преимущественно сосредоточена на возникающих вследствие его использования рисках, которые включают в себя проблемы безопасности, прозрачности, объяснимости, справедливости и соответствия человеческим ценностям. Однако рост автономности ИИ требует учета не только обозначенных рисков, но и переноса части внимания на самого субъекта, который передает искусственной системе возможность принятия решений.

Поэтому нужно задать вопрос: что необходимо сохранить в человеческой моральной субъектности при расширении автономности ИИ? Чтобы ответить на этот вопрос нам следует провести различение между качеством морально значимого решения и тем, насколько человек участвует в его выработке. Решение может быть морально приемлемым, то есть учитывать интересы заинтересованных сторон и соответствовать нормативному контексту определенного общества, однако оно может не быть самостоятельным рассуждением человека. Поэтому, для оценки автономного ИИ, нам необходимо рассмотреть два вопроса:

насколько обоснованным является решение, принимаемое автономной системой, и как взаимодействие человека с автономной системой влияет на его способность принимать собственные моральные решения. Второй вопрос показывает, что только совершенствования алгоритмических систем и рекомендаций недостаточно для полноценной оценки автономного ИИ.

В рамках настоящего исследования моральная субъектность будет пониматься как способность человека распознавать нормативную значимость ситуации, осуществлять выбор и признавать ответственность за него. Особенно значимым является рефлексивное отношение к тем основаниям, на которых совершается выбор: моральных и социальных норм, советов или технических рекомендаций. Основным является то, что человек должен иметь возможность поставить их под обоснованное сомнение, а также дать объяснение тому, почему он выбирает именно этот вариант.

Однако это поднимает определенные проблемы: моральные дилеммы налагают бремя на людей, принимающих решения, которые затем готовы обратиться за советом как за облегчением этого бремени. Так, облегчение бремени ответственности способно негативно влиять как на моральные способности, так и на моральную субъектность. Можно предположить, что систематическое делегирование морального суждения может постепенно сокращать пространство самостоятельной моральной практики и тем самым создавать риск частичной эрозии моральной субъектности, которая проявляется в ослаблении способности выносить личное моральное суждение.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (грант № 075-15-2025-382).

Антонов Михаил Валерьевич
PhD in Law, профессор
НИУ «Высшая школа экономики»

Концепция признания и чистое учение о праве

Рассуждения Г. Кельзена об условиях (минимальной эффективности и проч.) действия права в реальной социальной практике приводили его к допущению того, что обязывающая сила правовых норм зависит от того, насколько последовательно они применяются и сколь серьезная институциональная сила обеспечивает эффективное действие этих норм. В свою очередь, реализация этих условий на практике зависит от того, как право воспринимается и используется субъектами, насколько

оно становится реальным стандартом для их поступков, что, в известном смысле, предполагает «признание» правопорядка и его норм со стороны субъектов. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что кельзеновское представления о правовой нормативности находят свое объяснение в ракурсе концепции признания. Это впечатление непросто сделать предметом исследования, поскольку сам термин «признание» имеет более десятка несовпадающих друг с другом значений, и в истории философии (права) он использовался различными мыслителями по-разному. Кельзен не соглашается с той философской традицией, что идет от Канта и что возводит в ранг безусловного императива требование признания чужой личности как цели моральных поступков индивида, и не находит ей места в рассуждениях о праве. Не принимает он и концепцию признания в праве, которую отстаивал целый ряд немецких правоведов XIX в., наиболее известным из которых был немецкий философ права К. Биндинг, автор теории взаимного признания как основы обязательности норм правопорядка. Его теорию Г. Кельзен особо тщательно разбирает в этой связи. Этот немецкий правовед считал основной задачей правовой нормы установление личной обязанности субъектов выполнять определенные действия или воздерживаться от них — без предположения такой обязанности К. Биндинг не видел возможности вменять лицу ответственность за противоправное поведение. В его концепции ответственность оказывалась производной от факта взаимного признания (по сути, аналог гегелевской конструкции Anerkennung в области правоведения, за счет чего в правопознание транслируется и скрытый этический контекст), благодаря которому лица приобретали правосубъектность, а взамен молчаливо соглашались следовать праву и претерпевать санкции за его нарушения. Г. Кельзену не составило большого труда показать, что вменение субъектам права аксиоматической обязанности признавать друг друга возможно только при предположении соответствующей этической концепции, которая такое признание возводит в безусловный императив. Такой методологический прием для основателя чистого учения о праве был неприемлем, поскольку делал действие права, его нормативность зависимой от этических суждений. По тем же основаниям не принимал венский правовед и социологические версии концепции признания, в которых обязывающая сила предстает как социально-психологический факт того, что одни лица признают правосубъектность других лиц, уважая их свободу и достоинство как носителей прав и обязанностей, и получают признание своей правосубъектности взамен. Эта интерпретация предполагает факт признания субъектами адресованных им норм и принадлежащих друг другу субъективных прав, а из этого при-

знания выводит обязанности субъектов эти нормы соблюдать через обоснование обязанности признать правосубъектность иных лиц, чьи права устанавливаются и защищаются нормами. Такое понимание также противоречило программным положениям чистой теории, которая ставила своей задачей освобождение мышления о правовой нормативности от зависимости от суждений о фактах. Вместе с тем, строгая верность как закону Юма, так и разделительному тезису о невыводимости правовых обязанностей из этических суждений порой вступали в конфликт с некоторыми рассуждениями Кельзена о механизме действия права. Этот конфликт и будет предметом настоящего доклада.

Аншаков Валентин Сергеевич
обучающийся аспирантуры
Хоменко Павел Александрович
обучающийся специалитета
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Военная педагогика в эпоху беспилотных технологий

Как изменилась традиционная военная этика с появлением беспилотных технологий? Смысл войны веками держался на эквивалентном обмене: военный рискует своей жизнью и потому получает право отнимать чужую. В нынешних реалиях оператор дрона может находиться за десятки, а то и за сотни километров от цели, не подвергая себя никакому риску, что в свою очередь существенно меняет характер войны и возможность ее нравственного оправдания. В современных боевых действиях беспилотные системы радикально дистанцируют военнослужащих от врага, снижая порог применения силы и создавая иллюзию превращения насилия в подобие игры или шутера. Таким образом, возникает феномен «удалённой близости»: оператор может продолжительное время наблюдать за жизнью цели через камеру, перед тем как нажать на кнопку и остаётся смотреть на результат своих действий. Такая форма боя может вызвать в военнослужащих психологическую травму – не страх смерти от врага, как раньше, а чувство вины и стыда. Некоторые операторы дронов, которые активно принимали участие в боевых действиях, описывали это следующим образом: сначала убиваешь человека, а потом спокойно едешь домой, где тебя ждут повседневные бытовые дела, «как будто ничего не случилось». В условиях проведения СВО эта проблема стала практически повседневной: дешёвые FPV-дроны, которые собирают «на коленке», уничтожают дорогостоящую технику, а один оператор БПЛА может убить больше противников, чем опытный снайпер.

Военное образование в наши дни должно обучать оператора не только навыкам управления и наведения, но и готовить к нравственной цене такого дистанционного уничтожения противника, обеспечивать психологическую поддержу на всех этапах и учить командиров распознавать моральную травму после выполнения задач по предназначению. Пока же процесс обучения операторов дронов больше похож на обучение математике или моделированию, из него выпадают человеческие, нравственные качества, что формирует нечувствительность к смерти и чувство безнаказанности. Во многих военных вузах нашей страны уже открывают кафедры БПЛА, но гуманитарная подготовка этих специалистов ещё не перестроена. Главный вызов для военных педагогов — как подготовить человека к войне, где технологии позволяют убивать без риска для собственной жизни, и сохранить в нём человечность, которая не мешает выполнить поставленную задачу, но и не даёт развиться психологической травме. Традиционные мужество, честь и взаимный риск теряют смысл, и военному образованию предстоит выработать новые способы подготовки специалистов и командиров. Задача педагога — передать будущим офицерам не только знания и навыки, но и внутренний компас, помогающий оставаться людьми даже в бесчеловечных условиях.

Апанин Александр Васильевич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема опыта, полученного при взаимодействии с искусственным интеллектом

В межчеловеческом общении проблема присвоения опыта не ставится: оба участника являются субъектами, и опыт признаётся принадлежащим каждому по праву переживания. Однако при диалоге с системами искусственного интеллекта возникает иная ситуация. ИИ не является субъектом: он лишён интенциональности, телесности и способности к переживанию, выступая лишь актором. Формально опыт общения с ИИ должен квалифицироваться как опыт использования предмета. Однако пользователь переживает этот процесс как взаимодействие: формулирует запросы, вступает в полемику, испытывает эмоции. Возникает вопрос: имеет ли человек этическое право присваивать этот опыт, если он произведён в условиях, лишь имитирующих интерсубъектность?

Проблема не нова: человек издавна взаимодействует с не-субъектными объектами, прежде всего с книгой. Читая, человек ведёт внутренний

диалог с автором, наделяя текст живостью. Герменевтика описывает чтение именно как диалог. При этом взаимодействие с книгой чётко институализировано: за текстом стоит реальный субъект-автор, а формат книги не имитирует живого собеседника. Опыт чтения этически прозрачен, так как структура взаимодействия конвенционально закреплена.

Чем диалог с ИИ принципиально отличается от чтения? Во-первых, книга есть завершённое высказывание. ИИ генерирует текст в реальном времени, не имея интенции; за ним стоит статистическая модель, а не прожитая жизнь. Во-вторых, книга не имитирует собеседника. ИИ структурно имитирует диалог, задавая вопросы и выражая согласие, создавая эффект интерсубъектности там, где её нет. В-третьих, ИИ формирует у пользователя иллюзию со-производства. Это порождает проблему неправомерного присвоения совместности там, где она онтологически отсутствует.

Присвоение такого опыта оценивается в трёх этических регистрах. Первый: легитимное использование ИИ как инструмента. Второй: самообман и антропоморфная проекция субъектности на алгоритм. Третий: институциональный пробел, поскольку мы ещё не выработали конвенций, легитимирующих диалог с машиной.

Доклад обозначает этическую апорию: опыт диалога с ИИ не укладывается ни в категорию использования, поскольку переживается как контакт, ни в категорию межсубъектного общения, поскольку второго субъекта нет. Эта апория требует выработки новой этической и герменевтической оптики, способной различать гибридные формы взаимодействия в условиях, когда не-субъектный актор имитирует субъектность.

Аракелян Артур Мовсесович
доцент, д.э.н., профессор
Воронцова Юлия Владимировна
доцент, д.э.н., доцент
Государственный университет управления

Формирование двухуровневой карты этических вызовов (сравнительный анализ подходов Н. Бострома и Э. Постиго Солана)

Прорывные технологии (искусственный интеллект (ИИ), генная инженерия и др.) ставят перед человечеством этические вопросы, которые не укладываются в привычные рамки морали. Двое ученых, — шведский философ Ник Бостром и испанский биоэтик Элена Постиго Солана, — подходят к этой теме с разных, но удивительно дополняющих друг друга

сторон. Бостром исследует предельный случай: мир, в котором технологии решили все материальные проблемы и устранили дефицит, труд и даже старение. Постиго Солана сосредоточена на ближайших и конкретных вызовах: как обеспечить этическое регулирование технологий. Вместе их работы образуют своего рода двухуровневую карту этических вызовов.

Отдельная и чрезвычайно важная тема у Бострома — моральный статус будущих «цифровых разумов». Если ИИ приобретёт самосознание, долговременные цели и способность к отношениям, человечество будет обязано учитывать его интересы. Бостром считает, что отношения между людьми и ИИ в будущем могут стать важнейшими для цивилизации, и поэтому разработчики должны не только решать проблему согласования целей ИИ с человеческими ценностями, но и изначально строить взаимодействие с искусственным интеллектом на принципах уважения и сотрудничества, что выводит этическую дискуссию за рамки антропоцентризма. Бостром также поднимает вопрос о приемлемости экзистенциального риска. Он называет себя «тревожным оптимистом» и признаёт, что развитие ИИ может пойти по сценарию, который почти неизбежно приведёт к гибели человечества. Это ставит этическую проблему распределения риска между поколениями.

Параллельно с этими масштабными философскими построениями работа Элены Постиго Солана сосредоточена на более непосредственных, но не менее фундаментальных этических вызовах. Её исследовательский фокус — биоэтические последствия трансгуманизма. Ключевое наблюдение Постиго Солана состоит в том, что технологии не просто развиваются каждая по отдельности, а начинают пересекаться, открывая новую научную границу. Один из центральных тезисов Постиго Солана — это переосмысление роли биоэтики по отношению к науке. Биоэтика, по её мнению, должна быть встроена в саму научную работу с самого начала, а учёные должны уметь «мыслить этически в контексте собственной научно-технологической работы и направлять её на служение людям и общему благу». Особое место в работе Постиго Соланы занимают нейротехнологии и проблема ментальной приватности. Ученый обсуждает концепцию нейроправ. Вызов состоит в том, чтобы максимизировать терапевтические преимущества нейротехнологий, не оставляя людей уязвимыми в самой интимной сфере их ментальной жизни. Это прямо перекликается с бостромовской «пластиковой утопией».

Сопоставление подходов Бострома и Постиго Солана обнаруживает глубокое структурное сходство между их озабоченностями, несмотря на различия. Оба мыслителя видят, что технологии обретают власть над сферами, которые ранее считались неприкосновенными. Оба отказываются от простого технооптимизма или технопессимизма. Однако между ними есть и важное различие. Бостром работает в режиме мыс-

ленного эксперимента, экстраполяции предельных сценариев, «философского ускорителя частиц», создающего экстремальные условия для проверки ценностей. Постиго Солана работает в режиме конкретного биоэтического анализа, применяя фундаментальные принципы (достоинство, целостность, приватность, свободу) к технологиям, которые уже сегодня находятся в лабораториях и клиниках. Её этика — это этика настоящего с ответственностью за ближайшие и среднесрочные последствия. Наконец, оба ученых указывают на необходимость использования междисциплинарного подхода.

Арсибекова Валерия Сергеевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Идея Богочеловечества и нравственный идеал у В.С. Соловьёва

Идея Богочеловечества у Владимира Соловьёва — системообразующий центр его философии. Как отмечал религиозный деятель С.Н. Булгаков, к ней сходятся все нити аргументации, и её нельзя удалить, не разрушив целого. Поэтому анализ нравственного идеала Соловьёва невозможен без обращения к его богословской метафизике, а разговор о Богочеловечестве неизбежно приобретает этическое измерение.

Соловьёвское понимание Богочеловечества как процесса, а не только факта, позволяет обсуждать нравственный идеал как задачу, требующую объединённого человеческого участия. При этом поздний Соловьёв испытал разочарование в возможности осуществления Богочеловечества на земле, что отразилось в «Повести об антихристе». Его мысль оказывается не только историко-философским сюжетом, но и внутренней драмой.

Нравственный идеал у Соловьёва имеет богочеловеческую природу. Он не выводится из автономного разума и не предписывается извне как готовая заповедь, а укоренён в онтологии всеединства и предполагает взаимодействие двух воль — Божественной и человеческой. В этом смысле этика Соловьёва альтернативна как кантовской автономии морали, так и чисто гетерономным религиозным учениям. Нравственное совершенствование неотделимо от истории: Христос как совершенная индивидуальность явился в середине истории, подготавливая её вторую половину — универсальное откровение Царства Божия. Соловьёв считает, что «свободная связь между божественным началом и человеческой личностью возможна потому, что сама личность имеет безусловное значение».

Философ стремится преодолеть две односторонности: отвлечённый гуманизм и отвлечённое богословие. Традиционная религия исходит из

веры в Бога, но не всегда проводит эту веру до конца; внерелигиозная цивилизация исходит из веры в человека, но также остаётся непоследовательной. Последовательно проведённые, обе веры сходятся в истине Богочеловечества. Поэтому нравственный идеал — не компромисс, а синтез, где человеческое достоинство обосновывается божественным призванием, а божественное — человеческой свободой.

Концепция Богочеловечества предполагает преображение не только личности, но и общественных отношений. Настоящая «объективная» нравственность состоит для человека в том, чтобы он сознательно и свободно служил общей цели, отождествляя с нею свою личную волю. Отсюда связь этики Соловьёва с теократическим идеалом и проектом вселенской культуры, что позволяет обсуждать его социальную этику в контексте современных споров о справедливости и солидарности.

Вместе с тем идея Богочеловечества не должна изображаться как беспроблемная утопия. Поздний Соловьёв перестал верить в богочеловеческое дело на земле, и проблема Востока и Запада предстала перед ним в апокалиптическом виде конца истории. Этот поворот не отменяет значения идеи, но обнаруживает её напряжённость. Нравственный идеал оказывается не гарантированным результатом истории, а задачей, которая может быть поставлена, но не автоматически решена.

Идея Богочеловечества сохраняет эвристическую ценность для современной этики и религиозной философии, поскольку ставит вопрос о взаимной обусловленности человеческой свободы и божественного призвания. Для университетского дискурса это пример продуктивного диалога этики и богословия, который не снимает различий между ними, но позволяет увидеть их общий предмет — нравственное становление человека.

Артамонов Денис Сергеевич
доцент, д.филос.н. заведующий кафедрой
методики обучения истории и обществознания
Тихонова Софья Владимировна
профессор, д.филос.н., д.ю.н., профессор
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Цифровое непризнание личности: режимы видимости и пределы юридического признания

Парадигма признания позволяет по-новому поставить вопрос о положении личности в цифровом обществе. Цифровая среда вводит дополнительное условие правового признания: субъект должен быть не только юридически признан, но и определенным образом видим для

цифровой инфраструктуры. Это условие может быть концептуализировано на основе концепции признания Акселя Хоннета. Признание выступает у него фундаментальным условием автономии, самоуважения и социальной интеграции. Автономия у Хоннета не сводится к свойству изолированного индивида, поскольку формируется в системе интерсубъективных отношений. Особое место занимает юридическое признание: обладание правами позволяет человеку рассматривать себя как равного другим членам сообщества. Однако Хоннет подчеркивает ограниченность правовой свободы: право создает защищенное пространство индивидуальной автономии, но не способно самостоятельно обеспечить социальную свободу, возникающую в реальных практиках взаимного признания.

В цифровом обществе между юридическим признанием и его практической реализацией возникает новый посредник — режим цифровой видимости. Личность представлена через учетные записи, цифровые идентификаторы, профили, массивы данных и алгоритмические модели поведения. Эти формы представления не нейтральны: они определяют, какие характеристики субъекта становятся значимыми для системы, а какие игнорируются. Режим видимости поэтому не просто фиксирует субъекта, но задает условия его распознавания.

На этом основании можно ввести понятие цифрового непризнания. Оно обозначает ситуацию, при которой юридически существующий и формально обладающий правами субъект оказывается неправильно распознан, редуцирован к неадекватной цифровой репрезентации либо исключен из режима институциональной видимости. Механизм такого непризнания связан с избирательностью цифровой видимости. Система делает одни параметры личности видимыми, одновременно скрывая другие. Возникает асимметрия между полнотой личности и ее цифровой репрезентацией. Поэтому непризнание возможно не только тогда, когда человек остается невидимым для системы, но и тогда, когда он видим лишь как набор данных, недостаточный для учета его правового статуса, индивидуальности и конкретной жизненной ситуации.

Цифровое общество тем самым обнаруживает новый предел юридического признания. Хоннетовская критика правовой свободы позволяет увидеть здесь разрыв между юридическим и социальным признанием: право признает субъекта абстрактно, тогда как цифровая система определяет условия его фактического присутствия и действия.

РНФ № 25-28-03014, https://rscf.ru/project/25-28-03014/.

Артёмов Георгий Петрович
профессор, д.филос.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Модернизация и типы нравственной культуры

Доклад посвящен сравнительному исследованию соотношения типов нравственной культуры в странах, отличающихся по степени первичной и вторичной модернизации. Нравственная культура рассматривается как система установок и ценностных ориентаций, позволяющих поддерживать отношения взаимного уважения и взаимопомощи между людьми в различных исторических условиях. Согласно данным «Обзорного доклада: модернизация в мире и Китае», большинство стран мира в современных условиях вынуждены одновременно проводить и первичную модернизацию (переход от аграрной стадии к индустриальной), и вторичную модернизацию (переход от индустриальной стадии к постиндустриальной). Поэтому в нравственной культуре каждой страны представлены элементы всех ее исторических типов: культуры послушания, культуры подчинения и культуры понимания. Эти типы нравственной культуры способствуют поддержанию отношений взаимного уважения и взаимной помощи в соответствии с особенностями трансформации сфер жизни и историческим наследием страны. В качестве эмпирической основы анализа влияния модернизации на нравственную культуру в докладе используются данные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS), которые характеризуют нравственные установки и ценностные ориентации населения большинства стран мира. На основе обобщения результатов статистической обработки этих данных можно утверждать, что в странах, находящихся на разных ступенях модернизации, представлены признаки всех рассматриваемых типов нравственной культуры и что они в различной степени обеспечивают сохранение отношений взаимного уважения и взаимопомощи в специфических условиях каждой страны. Относительное преобладание определенных типов нравственной культуры в отдельных странах обусловлено особенностями исторического развития и традициями населения этих стран. При интерпретации результатов статистического анализа данных в докладе используются теоретические модели, разработанные в рамках социокультурного, модернизационного и цивилизационного подходов к изучению общества.

Бакеев Александр Вадимович
обучающийся аспирантуры
Российский государственный социальный университет

Смыслы и этика в современном русском предпринимательстве

Смысл как альтернатива чистой прибыли. В современном русском предпринимательстве смысл деятельности всё чаще трактуется как создание ценности для общества и реализация личной миссии — это противопоставляется модели, где единственной целью выступает максимизация дохода.

Этика ответственности как управленческий принцип. Ответственность перед всеми стейкхолдерами (сотрудниками, клиентами, партнёрами, регионом) становится не внешней нагрузкой, а внутренним ориентиром принятия решений — в духе этики долга и практик устойчивого развития.

Купеческая этика как культурный фундамент. Традиционные ценности русского предпринимательства (репутация, «честное слово», служение делу) не исчезают, а трансформируются: сегодня они проявляются в повышенных требованиях к прозрачности и надёжности обязательств.

Доверие как базовая экономическая категория. В российском контексте доверие — не просто социальный капитал, а необходимое условие устойчивости бизнеса: без него разрушаются цепочки поставок, падает лояльность клиентов и снижается эффективность команд.

Справедливость как критерий легитимности бизнеса. Для российского общества особенно значим вопрос социальной справедливости: этичным считается предприниматель, который не усиливает неравенство, а стремится к справедливым условиям труда, прозрачным контрактам и поддержке локальных сообществ.

Преодоление отчуждения в труде. Философский взгляд на труд требует сохранения достоинства работника и осмысленности его деятельности: современный предприниматель должен минимизировать отчуждение сотрудников от результатов их работы и поддерживать ощущение причастности к общему делу.

Экологическая ответственность как моральный императив. Растущее внимание к ESG-принципам отражает не только внешние тренды, но и внутреннюю потребность в этическом самоопределении: забота о природе и будущих поколениях воспринимается как часть общего блага.

Конфликт краткосрочной выгоды и долгосрочного смысла. Предпринимательская этика сталкивается с дилеммой: быстрые деньги часто требуют компромиссов с ценностями, а долгосрочный смысл — терпения

и инвестиций в репутацию, обучение и развитие; это столкновение утилитарного и деонтологического подходов.

Коллективизм и индивидуализм: поиск баланса. В российском предпринимательстве сохраняется напряжение между западной моделью индивидуального успеха и укоренённым в культуре приоритетом общего дела и команды — этот баланс формирует особый тип управленческой этики.

Нарратив как инструмент этической легитимации. Предприниматели всё чаще используют истории, миссии и легенды бренда, чтобы сделать свою этику видимой и понятной обществу: такой нарратив легитимирует деятельность и создаёт общее ценностное поле с клиентами и сотрудниками.

Роль государства и общества в формировании этических рамок. В России ожидания от бизнеса со стороны государства и общества выше, чем в чисто рыночных моделях: предприниматель вынужден учитывать не только экономические, но и социальные и политические контексты, что влияет на выбор этических ориентиров.

Этика в условиях неопределённости и турбулентности. В нестабильной среде этические принципы становятся опорой для принятия решений: они помогают сохранять устойчивость компании, поддерживать доверие и формировать предсказуемую репутацию даже в условиях постоянных изменений.

Барабанов Алексей Юрьевич
обучающийся аспирантуры
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Ортобиоз И.И. Мечникова как концепция нравственного совершенствования и экологическая этика

На рубеже 19–20 веков профессор-естествоиспытатель Илья Ильич Мечников предложил проект-концепцию, которую назвал ортобиозом (греч.: «правильная жизнь»).

Содержание концепции ортобиоза было основано на следующих принципах:

1) Воспитание особого отношения к жизни, которое можно обозначить понятием «забота о себе», предполагающее прохождение полного, деятельного и разумного жизненного цикла, завершающегося «насыщением и наполнением» жизнью, пробуждением спящего инстинкта «естественной» смерти вследствие этого насыщения.

2) Принятие идеи о несовершенствах (дисгармониях) эволюционно-биологической системы (например, болезни), и небиологической природы (например, социальное неравенство, нерациональное поведение самого человека).

Главная цель ортобиоза заключается в устранении дисгармоний человеческой жизни для удлинения её сроков и повышения уровня и качества

Ортобиоз предполагал образ жизни, в основании которого лежат такие задачи, как соблюдение правил рациональной гигиены (включающих в себя заботу о теле и, как следствие, устраняющих источники и предпосылки болезней), реализация рационального нравственного поведения (основанного на научном знании человеческой природы и ее потребностей), применение рационального социального порядка (устраняющего причины социального неравенства).

Таким образом, концепция И.И. Мечикова предполагала сознательное нравственное совершенствование индивида и социума, что позволяет говорить об этическом основании идеи ортобиоза.

В центре концепции находится идея гармоничного, правильного выстраивания жизни индивидуума в соответствии с закономерностями эволюции, постольку дисгармонии, которые мешают человеку, требуют изменений как самого организма, так и образа его жизни в окружающем мире. Поэтому индивид ответственен не только за себя, но и за ту среду, в которой он находится. В этом смысле концепцию И.И. Мечникова можно рассматривать в аспекте экологической этики.

Так, И.И. Мечников считал, что социальное неравенство — такая же социальная дисгармония внутри общества, как биологическая дисгармония макрофагов и кишечных бактерий внутри организма. Таким образом, экологический кризис — та же дисгармония, только более крупного природного масштаба.

Поскольку для достижения «правильной жизни» требуется устранение дисгармоний, необходима забота об экологии: здоровье индивидуума зависит и от него самого, и от здоровья общества, здоровье общества зависит и от людей, и от здоровья окружающей природы.

Таким образом, концепция И.И. Мечникова предполагает, что благо, как высшая нравственная ценность, представляет собой синтез блага индивида, окружающей его экосистемы и будущих поколений. В этом случае человек сознательно будет нести ответственность за свое здоровье, которое является частью здорового общества и здоровой природы, будет рационально относиться к потреблению и ресурсам, то есть осознает себя частью экобиосистемы и обретёт полноту экологического сознания.

Барбашина Эвелина Владимировна
доцент, д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой
Новосибирский государственный медицинский университет,
Институт философии и права СО РАН

Риски интеграции ИИ и медицины

Наступление ИИ на все сферы функционирования общества и на жизнь каждого из нас принимает все более широкомасштабный характер. И если в правовой, экономической, культурной, образовательной области существует возможность из бежать или минимизировать взаимодействие с ИИ, то в области медицины она отсутствует. Человек, становясь пациентом, неизбежно вступает в опосредованное или непосредственное взаимодействие с ИИ.

В настоящее время ИИ применяется практически во всех областях медицины: организация здравоохранения (логистика, документоведение, статистика); клиническая практика (диагностика, мониторинг, поддержка принятия врачебных решений, хирургическая робототехника); уход, паллиативная медицина; а также — первичная, вторичная, третичная профилактика. Большая часть функционирующих специализированных приложений связана с визуальной диагностикой, функциональной диагностикой, с ведением пациента, решением административно-организационных вопросов. Ожидается разработка прорывных технологий, которые в своей совокупности позволят перейти от «реактивного лечения» к прогнозированию заболеваний и, соответственно, их предотвращению.

Учитывая вышесказанное, сложно спорить с тем, что медицина становится более эффективной в достижении своих целей, а в будущем интеграция ИИ и медицины будет усиливаться.

Это взаимодействие, несмотря на положительные результаты и оптимистичные прогнозы, сталкивается с многочисленными проблемам. Большинство из них являются общими для интеграции ИИ в жизнь современного общества, однако в области медицины некоторые из них приводят к катастрофическим последствиям. Это связано не только с тем, что возникает угроза нарушения основных принципов биомедицинской этики (блага, отсутствия вреда, принципа справедливости и автономии пациента), но и с тем, что возникает угроза жизни пациента.

Первая проблема на пути интеграции ИИ в область медицина — отсутствие прозрачности процесса принятия решений («черный ящик»). Со стороны клиницистов, которые несут ответственность за процесс и результат лечения, это вызывает обоснованную тревогу, поскольку проконтролировать и оценить происходящее они не в состоянии. В большей

степени это относится к глубинному обучению нейросетей и к клиническим ситуациям повышенного риска. Вторая проблема — алгоритмические предвзятости, последствия которых именно в медицине представляют повышенную опасность. Их проявления в медицине достаточно разнообразны, но все так или иначе связаны с отсутствие учета определяющих специфических факторов. Например, прогнозирование вероятностного диагноза учитывает половозрастную, расовую принадлежность, в то время как эти факторы могут не иметь определяющего значения. Стандартизация и протоколы не учитывают особенности системы здравоохранения в разных странах. Третья проблема связана с возможными нарушениями конфиденциальности персональных данных пациента, что в области медицины является неприемлемым.

В результате нарушается одно из обязательных условий эффективного взаимодействия врача и пациента — доверие. Вся история медицины, начиная с медицинских школ Древней Греции и заканчивая современными подходами к комплаенсу, свидетельствует о важности выстраивания доверительных отношений между врачом (медицинским работников) и пациентов. Частичным решением данной проблемы является возможность самому пациенту решать вопрос о том, следует включать ИИ в процесс лечения или нет, и, соответственно право отказаться от этого на любом этапе лечения.

Признавая неизбежность интеграции ИИ в область медицины, необходимо учитывать повышенные риски негативных последствий и, по возможности, минимизировать их до реального внедрения ИИ.

Барташевич Татьяна Юрьевна
к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Моральный канон и нарративные стратегии его поддержания и обновления

Моральный канон существует не только как набор норм, но и как совокупность повествований, которые должны рассказываться определённым образом. Через нарратив мораль встраивается в жизненный мир человека. Как показал А.И. Бродский, нарратив придаёт суждениям о событиях телеологический смысл, связанный с ценностями и долженствованиями (Этическая мысль, 2026. Т. 26. № 1. С. 5–21). Канонический нарратив выполняет три функции: трансляцию ценностей, легитимацию порядка и формирование идентичности. Канон не монолитен: он включает ядро (неизменяемые сюжеты и ценности) и периферию (ва-

риативные элементы). Житийный нарратив — классический пример такого устройства: жёсткая структура (рождение, призвание, подвиг, смерть, прославление) сочетается с гибкостью конкретных повествований.

Поддержание канона обеспечивается несколькими нарративными механизмами. Это повторение и вариация: одни и те же сюжетные схемы воспроизводятся многократно, но каждая история вписывается в них по-своему. Это ритуальность рассказывания: канонический нарратив функционирует не как информация, а как ритуал (чтение жития в определённый день, литургическое поминовение, семейное предание), что обеспечивает эмоциональную привязанность к канону. Это серийность: сборники житий, патерики, календарные минеи создают эффект непрерывности и полноты. Наконец, это комментирование и институциональная поддержка: экзегеза, проповедь, школьный разбор подтверждают авторитет текста, а церковь, школа, государство и медиа определяют, какие тексты каноничны, а какие маргинальны. В русской культуре житийный нарратив поддерживался через богослужебное чтение, учебные программы, сборники и постоянное комментирование.

Однако канон нуждается и в обновлении, иначе он окостеневает и теряет моральную действенность. Здесь важно различение мифа и искусства, которое Бродский проводит через понятие скрытой императивности: в мифе дескриптивные высказывания скрыто функционируют как предписания, тогда как в художественном нарративе ценностно-императивный характер не скрыт, поскольку текст воспринимается как фиктивный. Искусство проблематизирует мораль, миф её навязывает — это и позволяет канону обновляться, не разрушаясь. Обновление идёт через несколько стратегий: накопление неудобных деталей; смена фокализации (рассказ от лица свидетеля, побеждённого, частного человека); ирония и пародия; контр-нарратив (рассказ от лица исключённых); фрагментация; перенос акцента (с подвига на сомнение, с торжества на страдание). Житийный нарратив неоднократно обновлялся через эти стратегии: от древнерусских житий к житиям Нового времени, от агиографии к светской биографии, от канонического жития к литературной обработке («Житие протопопа Аввакума» как контр-нарратив).

Динамика канона определяется религиозными (конфессиональная герменевтика задаёт допустимые интерпретации), политическими (какие нарративы поддерживаются официально, а какие вытесняются), социальными (новые группы, гендерные роли, миграция порождают новые нарративные позиции) и культурно-медийными факторами (смена способов передачи текста меняет способы поддержания и обновления канона).

Ключевой вопрос — соотношение поддержания и обновления. Полная неизменность ведёт к окостенению и утрате действенности; полная изменчивость — к распаду. Жизнеспособный канон сохраняет ядро и допускает вариативность периферии. Житийный нарратив демонстрирует именно такой баланс: жёсткая структура сочетается с гибкостью повествований, обновление происходит не через разрушение канона, а через его переосмысление. Как отмечает Бродский, способность выводить мораль из состояния энтропии принадлежит творчеству, в том числе нарративному. Практическое значение подхода — возможность анализировать конкретные каноны в терминах поддержания и обновления, проводить этическую экспертизу текстов и выявлять модели повествования и факторы, влияющие на формирование моральных нарративов.

РНФ № 25-28-01843 «Нарратология как метод исследования трансляции и конструирования моральных ценностей в обществе».

Барташевич Татьяна Юрьевна
к.филос.н., доцент
Овчинникова Елена Анатольевна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Этическая мысль на страницах русских духовных журналов конца XIX — начала XX вв.: возможности нарративного метода

Заявленная в докладе тема предполагает анализ нравственных идей, проблем, понятий в этико-философских и богословских трудах профессоров Духовных академий, опубликованных в таких журналах, как «Вера и разум», «Православное обозрение», «Христианское чтение» и ряде других изданий. С первых же номеров «Вопросов философии и психологии» в журнале появляется рублика «Обзор статей философского содержания в русских духовных журналах». В задачи этого ознакомительного раздела входило не отстаивать какие-то определённые философские теории и системы, а знакомить читателя с направлениями философской мысли, которые представлены на страницах духовных журналов с целью содействовать «возрастанию и развитию самого философского духа в отечестве» («Вопросы философии и психологии», кн.1, 1889, с.60). Одними из наиболее значимых вопросов на страницах журналов были проблемы морали. Теоретический диапазон статей и мате-

риалов, опубликованных в духовных журналах весьма широк — от нравоучительных текстов (как преимущественно на страницах «Душеполезного чтения») до самостоятельных философских разделов («Вера и разум»). География журналов также представляет интерес с точки зрения формирования этико-философской культуры русского общества конца XIX – начала XX вв. — это не только столичные издания — Санкт-Петербург, Москва, но и Харьков, Казань, Воронеж и др. Этико-философский анализ теоретических статей в журналах поваляет реконструировать категориальный строй философско-богословской мысли и основные философские проблемы, которые оказываются в центре внимания академических философов. Нравоучительные тексты журналов могут быть рассмотрены с позиций нарративного метода, позволяющего выявить основополагающие этические ценности, нравственные сюжеты, в которых фиксируется нравственная жизнь общества, личностные образцы и модели поведения. В духовных журналах значительное место отводилось рассмотрению художественной литературы прежде всего с точки зрения ее морального влияния на русское общество. Изучение содержания духовных журналов с точки зрения нравственных идей позволяет уяснить место богословской мысли в пространстве философской культуры России конца XIX – начала XX вв. и ее роль в становлении аксиологической проблематики в мировоззрении русского общества.
Грант № 25-28-01843 «Нарратология как метод исследования и конструирования моральных ценностей в обществе»

Барышникова-Бурлак Екатерина Андреевна
обучающаяся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Нарративный триггер: от моральных оснований эпохи к этическому опыту зрителя

Нарративный триггер — визуальный элемент, побуждающий зрителя вспомнить стоящий за картиной сюжет и мысленно развернуть его. В контексте этики этот механизм приобретает дополнительное измерение: триггер связывает две системы моральных координат — ту, в которой жил художник, и ту, в которой находится современный зритель. Картина становится местом встречи двух этических горизонтов.

Теоретической основой такого подхода служит концепция рефигурации Поля Рикёра, согласно которой смысл рождается заново в акте восприятия. В применении к этике это означает, что моральное содержание изображённого события не фиксировано раз и навсегда. Оно

может быть переосмыслено всякий раз, когда новый зритель вступает в диалог с картиной. Сюжет остаётся тем же, но его этическая оценка может меняться. Умберто Эко показал, что произведение искусства принципиально открыто для разных интерпретаций. Одной из причин этой открытости является расхождение между моральными основаниями эпохи создания и этическими установками последующих поколений.

Важно различать культурный ключ и нарративный триггер. Культурный ключ — общее знание символов и кодов, которым владеют художник и его современники: какие добродетели прославлялись, что осуждалось, какие сюжеты несли определенные моральные смыслы. Это фоновое условие понимания.

Нарративный триггер — визуальный элемент, который активирует сюжет в сознании зрителя. В этическом измерении он оказывается точкой, где сталкиваются моральные нормы прошлого и настоящего. Он не просто подсказывает сюжет, а обнажает возможность его разного прочтения. Триггер актуализирует и само событие, и моральный контекст, в котором оно осмыслялось в эпоху создания. Современник художника увидел бы в сцене определённый нравственный урок, соответствующий ценностям своего времени. Тот же самый триггер у современного зрителя запускает схожее узнавание, однако этическая реакция может быть иной. Сдвиг моральных установок — например, в вопросах о свободе воли, прощении, справедливости — меняет характер зрительского переживания. Триггер способен удержать оба горизонта одновременно. Он не заменяет старое прочтение новым, а создаёт пространство, в котором они оказываются рядом, позволяя зрителю заметить разрыв или, напротив, преемственность. Показательным примером является «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. Триггер в этой росписи — не просто сцена в целом, а выбор конкретного момента: слова Христа «Один из вас предаст Меня» и реакция апостолов. Христос спокоен, апостолы взволнованы. Композиция построена так, что зритель оказывается свидетелем того самого мига, когда сказанное начинает осмысляться.

Для зрителя эпохи Леонардо этот триггер работал в системе координат христианской этики: предательство — грех, требующий раскаяния; Христос добровольно принимает страдания во искупление; Иуда — пример падения, но и часть божественного замысла. Моральный урок был однозначен: осуждай предательство, но помни о милосердии.

Для современного зрителя тот же триггер может запускать иные смыслы. Ответственность — все ли апостолы в равной мере причастны к тому, что произойдёт? Молчаливое согласие Христа — жертвенность или пассивность? Эти вопросы не отменяют христианского прочтения, но добавляют слои, которые стали значимыми в современном мире:

рефлексия о предопределении, о границах ответственности, о цене молчания.

Триггер не заставляет выбирать между средневековым благочестием и современной рефлексией, а показывает, что картина может вмещать и то и другое. Нарративный триггер позволяет увидеть, как произведение удерживает в себе и сюжет, и следы моральных оснований своего времени. При этом он даёт возможность современному зрителю вступить с этими основаниями в диалог — согласиться, оспорить, переосмыслить. Категория триггера становится этически значимой и объясняет, как искусство прошлого продолжает быть нравственно содержательным для нас сегодня. Она не даёт готовые ответы, но организует встречу двух систем ценностей и побуждает зрителя к самостоятельному суждению.

Беззубова Ольга Владимировна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Образ учителя в советском школьном кино: нравственные искания и дисциплинарные практики

Школьная тематика неоднократно становилась предметом интереса советского кинематографа, что позволяет говорить о существовании особого жанра — «школьного кино». Поскольку тема школы неотделима от проблематики детства и воспитания, обращение к данному сюжету предполагает поиск ответов на этические вопросы, а также наличие педагогических и антропологических концепций, объясняющих, что представляет собой ребенок и в каком отношении он находится к миру взрослых. Большая часть исследований, посвященных школьному кино, сосредотачивается на образе ребенка, тех вызовов, с которыми детям и подросткам приходится сталкиваться в ходе взросления. Однако, в школе, как и в семье, ребенок не бывает полностью предоставлен сам себе, рядом с ним всегда находятся взрослые. Учитель может выступать в разных ролях: от наставника или советчика, уже разрешившего для себя ключевые вопросы и готового прийти на помощь подрастающему поколению до бюрократа на службе косной системы, нечувствительной к тонким движениям детской души, но он неизбежно присутствует в киноповествовании и способствует развитию сюжета. В некоторых случаях, эта роль может быть второстепенной, учителя всего лишь сопровождают детей в их нравственных поисках, тогда как в других кинопроизведениях фигуры учителей выдвигаются на передний план. Образ учителя

в таких фильмах приобретает сложность и глубину, выходящую за рамки исполнения педагогических обязанностей. В некоторых фильмах учитель может быть изображен, как человек сам стоящий перед сложными нравственными дилеммами, что делает затруднительным исполнение функции наставника. Признание того, что учителя не являются носителями высшей мудрости, сближает мир взрослых и мир детей, однако не стирает границу между ними. Разрешение нравственного конфликта в идеале должно было бы предполагать восстановление баланса, ситуации, в которой ученикам положено задаваться вопросами, а взрослым — руководит ими в процессе взросления, однако, подобный выход не всегда оказывается возможен. В качестве отдельного поворота темы можно также упомянуть сюжеты, связанные с трансформацией отношений между учителями и повзрослевшими учениками. Более подробный анализ функции учителя в советском школьном кино и анализ этических аспектов его роли в структуре фильма предполагается представить в докладе.

РНФ, № 25-28-00351 «Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х – 1970-х гг.».

Бектанова Айгуль Карибаевна
доцент, д.филос.н., профессор
КРСУ имени Б.Н. Ельцина
Санкт-Петербургский государственный университет

Моральные основания правовой культуры в традиционном кыргызском обществе

Одной из важнейших проблем философии права является проблема взаимосвязи права и морали. В современном обществе право и мораль разграничены между собой и считаются относительно самостоятельными нормативными системами. Нормы права формально закреплены в законах и юридических актах, их соблюдение обеспечивается государственными механизмами. Мораль же базируется прежде всего на представлениях о справедливости, долге, чести, добре и ответственности.

Для традиционных обществ характерно несколько иное соотношение. На ранних этапах исторического развития правовые, моральные, религиозные нормы, традиции и обычаи были тесно переплетены. Соблюдение норм права обеспечивалось не только формальным принуждением, но и авторитетом общины, традицией, общественным мнением и моральным осуждением.

Правовая культура в традиционном обществе до середины XIX в. формировалась, прежде всего, на основе обычного права кыргызов. Кыргызское обычное право — адат укук — комплекс неписаных правил и порядков, сформировавшихся в процессе исторической эволюции кыргызского традиционного общества, упорядочивающий все виды и стороны общественной жизнедеятельности и носящих общеобязательный характер. Его особенностью было то, что юридические нормы в нем были переплетены с бытовыми, моральными и религиозными обычаями и детерминировались родоплеменными, патриархально-общинными отношениями. Оно представляло собой совокупность исторически сформировавшихся неписаных норм и правил, регулирующих различные стороны общественной жизни и определявших правила поведения члена общины в семье, роде и общине в целом. Нравственное содержание адата проявлялось прежде всего в его ориентации на поддержание социальной гармонии.

Наряду с обычным правом правовые отношения в дореволюционном кыргызском обществе регулировались мусульманским правом — шариатом и законодательством царской России. Но в системе правовых отношений традиционного кыргызского общества, безусловно, превалировало обычное право — адат укук.

Хранителями правовой культуры в традиционном кыргызском обществе были бии. Суды биев (бийлердин бүтүмү) были призваны предоставить равную правовую защиту всем членам кочевого социума. Они ежегодно выбирались из народной среды и считались олицетворением мудрости, красноречия, ответственности, достоинства и самое главное — справедливости и гуманности. Их деятельность была направлена не только на разрешение конкретных споров, но и на восстановление нарушенного социального равновесия.

В своих решениях бии опирались на свод правил — эреже, которые принимались на съездах биев, и служили одним из источников обычного права кыргызов — адат укука — и могли в зависимости от обстоятельств изменяться. Особенностью кыргызского традиционного права является отсутствие ярко выраженных насильственных мер принуждения, гуманизм, милосердие и великодушие. Санкции носили в основном экономический и нравственный характер.

Источниками обычного права кыргызов были обычаи (адат, үрп), практика судов биев (бийлердин бүтүмү) и положение съезда биев (эреже). Содержательную основу обычного права составляли социальные нормы, регулирующие правовые отношения в обществе. Повторяясь из века в век, они становились архетипами правового сознания и правовой культуры кыргызов. Соблюдение норм права для личности традици-

онного общества было не столько юридическим законом, сколько нравственным долгом. Нарушение общинником норм адат укука могло привести к общественному осуждению, а это было хуже любого юридического наказания, так как он выпадал из жизни социума, что было равносильно смерти.

Таким образом, правовая культура традиционного кыргызского общества имела преимущественно практико-нравственный характер. Право воспринималось не как абстрактная система норм, а как часть повседневного порядка социальной жизни. Важное значение имело то обстоятельство, что нарушение нормы затрагивало не только юридический статус человека, но и его репутацию, честь, положение в общине и отношения с родственниками. Именно поэтому правовое и моральное сознание в традиционном обществе было тесно взаимосвязано.

Белова Людмила Ивановна
канд. культурологии, доцент
Валеева Эльвира Мавлитовна
к.пед.н., доцент
Южно-Уральский государственный университет

Семья в моральном сознании молодёжи: ценностные ориентации, этические дилеммы и вызовы современности (результаты социологического исследования)

Семья на протяжении веков остается фундаментальным институтом общества, сохраняя статус одной из ключевых ценностей в жизни человека.

По результатам авторского социологического исследования, проведенного в 2026 году (5 фокус-групповых интервью, респондентами выступала студенческая молодежь г. Челябинска 18–23 лет) оказалось, что отношение современной молодёжи к институту семьи не сводится только к ценностным предпочтениям или демографическим установкам — оно разворачивается и в моральной плоскости.

Респонденты при выборе предпочтительной модели семьи должны были дать ей характеристики. Характеризуя партнерскую семью (доминирующий тип), звучали такие оценки как: «правильная», «справедливая», «честная», а устаревшие модели характеризовались: «несправедливая», «неправильная» и т.д.

Создание семьи в современных условиях сопряжено с множеством серьёзных трудностей, что подтверждают мнения участников исследования.

Трудности можно условно разделить на три группы: экономические, социальные и психологические.

На первый план выходит экономический аспект, в частности, проблема доступности жилья, об этом упомянули все участники фокус-групп. Этот фактор отмечается как универсальный барьер, независимо от возраста участников. Экономическая нестабильность создает дополнительные финансовые трудности, что, в свою очередь, порождает ряд социальных проблем. Например, нехватка детских садов, что затрудняет процесс возвращения родителей на работу после декретного отпуска. Ещё одним важным аспектом является психологическое состояние молодых людей. Один из участников исследования выделяет страх и стресс, вызванные нестабильностью и быстротой изменений в окружающем мире («…в современном мире, где постоянно течёт поток информации, постоянно меняются профессии, постоянно всё меняется, и из-за этого у людей вот такая осторожность, соответственно, страх, и вообще, как воспитывать ребенка, зная вообще, что будет дальше…»). Также информанты отмечали разногласия в мировоззренческих установках и ценностях между партнёрами и сложности, связанные с ранним вступлением в брак, которые зачастую ассоциируются с недостаточной зрелостью и несерьёзным подходом к семейным обязательствам.

К системным социальным барьерам относятся общая социополитическая нестабильность, недостаточная государственная политика поддержки молодёжи и молодых семей, а также структурные сложности в карьерном развитии женщин («Многие женщины отказываются от рождения детей из-за того, что у них плохо с деньгами, они хотят строить карьеру»); последний аспект особенно важен, поскольку он отражает конфликт между профессиональной самореализацией и репродуктивной функцией, что может влиять на гендерное распределение ролей и принятие решения о количестве детей.

Современный ритм жизни, фокус на профессиональной самореализации и личностный рост молодёжи не отменяют стремления к созданию союза, но трансформируют само представление о нем. Сегодня на первый план выходят гибкость, партнёрство и поиск баланса.

Анализ ответов респондентов показал, что все перечисленные вызовы современности (экономические, социальные и психологические) осмысляются молодёжью не только как внешние обстоятельства, но и условия, при которых необходимо определить, что допустимо, а что нет,

за что человек несёт ответственность и перед кем. Такие примеры высказываний как: «неправильно будет, если моя жена из-за рождения детей не сможет реализоваться в профессии» (М, 20 лет), «каждый должен вносить свой вклад в построение семьи…», «обязанности должны распределяться не по гендерному признаку, а по справедливости (Ж, 22 г.) и т.д. позволяют рассматривать семейные установки молодёжи, в том числе, и как форму морального сознания, а не только как результат социализации или адаптации к социально-экономическим условиям.

Беляева Елена Валериевна
доцент, д.филос.н., профессор
Белорусский государственный университет

Коммуникативно-дискурсивное понимание морали в этике ответственности

Под этикой ответственности подразумевается новый тип теории морали, сложившийся во второй половине XX века и отличающийся от этики долга и этики блага. Этика ответственности объединяет таких мыслителей как М. Бахтин, Ж.-П. Сартр, Э. Левинас, П. Рикёр, Г. Йонас, К.-О. Апель и Ю. Хабермас, М. Мамардашвили и др.

Одна из теоретико-методологических данной теории инноваций состоит в коммуникативно-дискурсивной трактовке морали. Отказываясь от метафизических источников морали, этика ответственности рассматривает ее как феномен межчеловеческой коммуникации, для понимания которой разрабатываются представления об онтологической структуре субъекта морали и Другом как партнёре по коммуникации. Фигура Другого и статус морального субъекта, который проявляется только в присутствии Другого — важнейшие особенности постановки теоретических вопросов в контексте этики ответственности. Классическая этика блага выстраивала свой нарратив за счет уподобления всех людей друг другу внутри сообщества: «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой». Этика долга в основе нравственного отношения утвердила идею равенства всех людей как разумных существ. Этика же ответственности выводит появление нравственности и потребность в ней посредством методологического индивидуализма, при котором моральный субъект не рассматривается как представитель сообщества, общества или человечества, но как некая спонтанная активности в ответ на взгляд Другого, который (и это другое отличие) рассматривается не как сходный с Я, а как принципиально инаковый. При этом онтология Другого может быть как позитивной, утверждающей,

что другость Другого является залогом смысловой экзистенции Я, так и негативной, когда первоначальный контакт с Другим является конфликтным и только этический ответ Я позволяет преодолеть ситуацию.

Соответственно тип коммуникации, в которую вступят подобные субъекты, будет сильно отличаться от других, внеморальных ее типов. Эта коммуникация будет диалогом с сохранением неслиянных голосов, обменивающихся смыслами, раскрывающимися в контексте друг друга. Важнейшей характеристикой моральной коммуникации является ее ненасильственный характер, так как насилие суть уничтожение субъектности Другого.

Поскольку в этике ответственности мораль понимается как феномен коммуникации, то ее дискурсивным аспектам уделяется существенное внимание. Другие типы теории морали, так или иначе, возводят природу морали к некоторым онтологическим сущностям, получающим теологическое или рационалистическое обоснование. Все эти теории предполагают наличие морали «самой по себе», свода норм и ценностей, существующих и значимых вне человеческого взаимодействия. Дискурсный подход — результат радикального отказа от этой модели. Все содержание и даже форма морали не являются априорными, не предшествуют поведению, общению, людям и их жизни, а существуют только внутри этих феноменов и процессов.

Коммуникативно-дискурсивный подход к пониманию морали в теоретическом плане по-новому объясняет сущность морали, а в нормативном плане позволяет по-новому решить проблемы определения пути правильной жизни.

Беседина Веста Станиславовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Слом идиллического хронотопа как моральное высказывание: «Дерево для башмаков» Э. Ольми (1978) и «Счастливый Лазарь» А. Рорвахер (2018)

Сопоставление фильмов «Дерево для башмаков» Эрманно Ольми (1978) и «Счастливый Лазарь» Аличе Рорвахер (2018) неоднократно встречается в кинокритике, однако, как правило, ограничивается указанием на общность темы: крестьянский мир, издольщина, народная религиозность. Вопрос о том, как организовано время в этих фильмах и как эта организация связана с их моральным содержанием, в доступной нам

литературе специально не рассматривался. Цель доклада состоит в том, чтобы показать, что место разрушения идиллического мира в сюжете выступает в обоих фильмах формой моральной оценки. Сопоставление носит типологический характер, хотя сама Рорвахер говорила о близости своего кинематографа к Ольми, прежде всего в изображении крестьянского мира и понимании духовности.

Методологической основой служит концепция идиллического хронотопа М.М. Бахтина, в частности выделенный им тип земледельческитрудовой идиллии и тема разрушения идиллии, рассмотренная им на материале европейского романа. Эти категории дополняются подходом нарративной этики (У. Бут, А.З. Ньютон, Дж. Фелан), в рамках которого композиция повествования рассматривается как носитель этического смысла. Такой подход согласуется с позицией самих режиссеров, избегавших прямо высказанной морали. Ольми указывал, что фильм основан на крестьянских рассказах, из которых каждый слушатель должен был сам извлечь мораль. Рорвахер отмечала, что в использованной ею версии легенды о Франциске и волке святой не обращается к волку с наставлением.

В «Дереве для башмаков» время организовано сменой сезонов и сельскохозяйственных работ. Действие при этом охватывает период с осени 1897 г. до весны 1898 г., что позволяет говорить о незавершенности годового цикла. Историческое время проникает в фильм еще до развязки: в Милане молодожены встречают колонну арестованных демонстрантов, что соотносится с волнениями 1898 г. Развязка связана с поступком главы семьи, который тайно срубает хозяйский тополь, чтобы сделать сыну башмаки, после чего семью изгоняют с земли; соседи наблюдают за этим через оконные решетки. Ряд критиков, в том числе Ф. Камон и А. Моравиа, упрекал Ольми в идеализации покорности, однако уже Э. Комуцио в 1978 г. указывал, что социальное содержание фильма выражено на уровне его построения. Бахтинские категории позволяют конкретизировать это наблюдение.

В «Счастливом Лазаре» идиллический мир изначально построен на обмане: маркиза скрывает от крестьян отмену издольщины и в разговоре с сыном описывает отношения в поместье как цепь эксплуатации. Разрыв сюжета помещен в середину фильма: герой падает с обрыва и приходит в себя спустя годы, не изменившись внешне. Эпизод сопровождается закадровым рассказом Антонии о святом и волке, а съемка переходит к субъективной камере, передающей взгляд волка, то есть визуальный ряд подчиняется вставному повествованию. Неизменность героя делает очевидной мнимость перемен, которые Рорвахер в режиссерских заметках определяет как переход «от средневековья к

средневековью». В финале Лазарь погибает в банке от рук посетителей, принявших рогатку в его кармане за оружие.

Оба фильма связывают органную музыку Баха с темой благодати. У Ольми, как показано в исследовании о роли Баха в этом фильме, она служит ее символом. У Рорвахер музыка Баха покидает церковь вслед за изгнанными бедняками; по мысли Т. Родригес Аге, она уходит к тому, кто ее действительно достоин. В сопоставлении с Ольми это можно описать как уход благодати из церкви как института вслед за гонимыми. Гибель героя сопровождает баховская обработка покаянного хорала, то есть мольба о милости.

Таким образом, место разрушения идиллии в сюжете определяет характер моральной оценки. Финальное разрушение у Ольми может быть прочитано как осуждение конкретного социального порядка. Срединное разрушение у Рорвахер превращает вторую часть фильма в проверку последствий и показывает, что смена порядка не устранила несправедливость. В обоих случаях моральный вывод не высказан в фильмах прямо и следует из композиции.

Богданова Вероника Олеговна
доцент, к.филос.н., доцент
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Кленовская Василиса Александровна
к.филос.н., доцент
Южно-Уральский государственный университет

Исследование семейных ценностей в аспекте Я-концепции

Современное культурное пространство отличается релятивностью и насыщенностью конфликтующими ценностными матрицами, что затрудняет личностную самоидентификацию, особенно среди молодого поколения. В этих условиях Я-концепция выступает экзистенциальным якорем, позволяющим обрести внутреннюю опору и преодолеть дезориентацию, а семья становится одной из относительно устойчивых целостностей посредством которой человек может наладить связь с собой и определить себя. Большую роль в процессе самоопределения играют семейные ценности.

Цель исследования — разработка и апробация методики изучения семейных ценностей личности на основе трех модальностей Я-концепции (Я-реальное, Я-идеальное, Я-зеркальное).

Апробация методики проходила в философском клубе «Фонарь и Бочка» кафедры философии ИМСГН ЮУрГУ. В работе приняли участие 12 человек поколения Z.

В ходе работы участники выявляли и описывали семейные ценности, характерные для каждой модальности: Я-реальное (семейные ценности, проявляющиеся в их повседневных действиях); Я-идеальное (семейные ценности, служащие ориентиром); Я-зеркальное (ценности, которые на взгляд индивида ему приписывают другие люди). Сопоставление содержания модальностей позволило участникам выявить зоны рассогласования на вербальном и невербальном уровнях путем применения групповой рефлексии с элементами сократического диалога и проективной методики И.М. Рябовой для визуализации семейной системы.

В результате работы было обнаружено, что в модальности «Я-реальное» преобладают ценности заботы, ответственности, уважения и автономности. В повседневном общении с семьей участники фокус-группы часто применяют стратегию «эмоционального дистанцирования» для сохранения личных границ.

В модальности «Я-идеальное» доминируют ценности свободы, психологического комфорта, понимания и гибкости. У представителей поколения Z прослеживается установка на поддержание позитивного эмоционального фона, избегание ситуаций, которые могут привести к разочарованию.

В модальности «Я-зеркальное» были обнаружены ценности стабильности, социального успеха, ответственности, которые нередко вступают в противоречия с собственными устремлениями.

Выявлены три группы рассогласований: между Я-реальным и Я-идеальным (конфликт между стремлением к комфорту и внешними обязательствами); между Я-реальным и Я-зеркальным (разрыв между внутренним самоощущением и восприятием близких); между Я-идеальным и Я-зеркальным (противоречия между собственными устремлениями и ожиданиями семьи).

Рисуночные расстановки выявили невербализованные маркеры рассогласований: нарушение размерности, иерархичности, пространственные разрывы. Нарушение размерности фигур свидетельствует о напряжении между представлениями о собственной ценности (Я-реальное) и восприятием себя глазами значимого другого (Я-зеркальное). Нарушение иерархичности говорит о конфликте между образом сплочённой семьи (Я-идеальное) и тем, как индивид, по его мнению, воспринимается другими в отношениях (Я-зеркальное). Пространственные разрывы отражают скрытые конфликты и наличие эмоциональной дистанции, ко-

торые часто не осознаются на уровне Я-реального, но проявляются в напряжении между модальностями.

Обсуждение в группе выявленных конфликтов модальностей показало, что обнаруженные рассогласования осознаются участниками не как проявление внутреннего разлада, а как естественная и распространённая человеческая динамика.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ философского консультирования, направленных на гармонизацию семейных отношений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20353, https://rscf.ru/project/26-28-20353/.

Большакова Анастасия Сергеевна
преподаватель
ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
обучающаяся аспирантуры
Институт философии РАН

Делегирование морали как элемент протетической культуры

Этическая рефлексия XXI вв. фиксирует усложнение проблемы делегирования выбора, однако остаётся открытым вопрос: тождественно ли по структуре делегирование морального выбора делегированию выбора инструментального, и порождает ли передача решения алгоритмам ИИ феномен «внешней морали», при котором в нравственном акте утрачивается субъектность? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос требует обращения к психоаналитической «теории протезов» (З. Фрейд), позволяющей рассмотреть делегирование морали по логике компенсаторной генетики культуры.

Культура как система символов, по Фрейду, представлена совокупностью «протезов», компенсирующих человеческую беспомощность. Как знак протез указывает на место средоточия напряжений (означаемое протеза в своей неявленности — пространство избыточного в отношении Я и Другого). Протезы не срастаются с телом, и в «несрощенности» раскрывается функция восполнения биологической недостаточности, причиняющая страдания своей чужеродностью. Протетическое в культуре всегда маргинализировалось, но современность помещает протезность в эпицентр гуманитарной мысли, что объясняет «органичность» телесных трансформаций и окончательно закрепляет за телесностью статус системы взаимозаменяемых знаков, определяющей, в т.ч., и сферу нравственного поступка как фрагмента системы. Быть в ми-

ре невозможно без очевидного протеза-знака, что подчёркнуто алармизмом вокруг ИИ, овнешнённого технического средства, нададресата, формализующего протетическую реальность и конструирующего субъектность в протетическом диалоге. В этой логике легко решиться на «заменяемость» морального выбора готовым спектром решений — «протезом» морали.

Делегирование морали — протетический процесс, следствие напряжения, вызванного конфликтом между принципами утверждения жизни и утверждения смерти. Статус морали проблематизируется под углом отказа от неё — уход от выбора оказывается не менее нравственно нагружен, чем сам выбор. Делегирование, по сути, есть вытеснение морального, отказ себе в моральном акторстве — симптом отказа от участного мышления как залога присутствия. Субъекта в таких условиях может не быть в бытии, т.к. бытие всегда есть бытие выбирающее (неалиби, М. Бахтин). Отказ от выбора — это отказ от (со-)бытия. Заведомый выбор, в случае принадлежности человека идеологии (конфессии и пр.) приводит к саморазрушению. Пассивный отказ от участия в выбирании, или реактивное бегство от выбора, апеллирующие к когда-то осуществленному «окончательному» выбору — симптомы злокачественной агрессии. И в этом смысле «моральный протез» как спектр выборов с ограниченным набором свойств замкнут сам на себя и создаёт иллюзию «дара», стигматы, богоотмеченности, символа сопричастности сакральному. Делегирование морали может быть рассмотрено как «плата» за этот «дар», создающая эффект сопричастности великому «дарителю» и сакральной жертве, которую обладатель протеза вправе затребовать от других, ибо он сам прошел инициатическую процедуру самопожертвования (отказа от своего Я).

Протез-мораль в силу своей «самозамкнутой» конфигурации требует жертвы (как продукта фетишизации долга) — самоистребления других с целью занять их место. Функция протеза — претендовать на место, освобожденное от Другого, втягивающее в свое опустошенное пространство то, что может компенсировать отсутствие. И, как итог — морально-протезированный индивид не может вступать в диалог, но может монологично говорить, приказывать; более того, он нуждается в сверхпротезировании — знаке отличия. А если Сверх-Я принимается за источник морали, находится оправдание любым универсализмам, что возводит и этику в статус идеологии, отменяя её индивидуалистический смысл.

Проблема морального протезирования в условиях цифровой онтологии, таким образом, задаёт новые координаты старой темы — взаимоотношения морали и идеологии, права, свободы, где Другой и поле эксцентрического (инвариантного) — поле встречи Я и Другого — незаметно попадают в ловушку монологичного диктующего мышления.

Бондарев Виктор Геннадьевич
доцент, к.полит.н., доцент
Университет правосудия им. В.М. Лебедева
Стребков Александр Иванович
профессор, д.полит.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Механизмы канализации социального протеста: институциональные «отстойники» как инструмент управления критическим сознанием

В современных концепциях анализа конфликта доминирует психологический подход. Данная парадигма обусловлена зависимостью человека от условий его существования, которые окончательно предопределяют структуру мышления. Сознание не выходит за пределы этих условий, поскольку они не требуют понимания того, что находится вне их границ; напротив, эти условия притягивают индивида, делая излишними любые представления о внешнем мире.

Тем самым объективные обстоятельства препятствуют выходу сознания за рамки индивидуального существования и бытия. Такой выход блокируется страхом нарушить или разрушить это бытие путем интеграции иного живого существа, иных представлений, мыслей и нравственности, с которыми текущее индивидуальное бытие уживается без противоречий по причине отсутствия духовных связей с внешним миром.

В описанной ситуации индивид пребывает в формальном согласии с обществом, которое декларирует движение в направлении общего благополучия. Однако этот объединяющий вектор увлекает каждого участника не к общим целям, а к сугубо индивидуальным, направляя их в противоположную сторону. Достигнув точки, в которой удовлетворение потребностей перестает зависеть от личных усилий, субъект прозревает и начинает критически всматриваться в общество, установившее данный предел.

Перед каждым индивидом, достигшим такого состояния, встает вопрос о справедливости. Способности, бывшие востребованными для достижения общественных целей, исчерпаны; истощены индивидуальные временные и пространственные ресурсы, позволявшие ранее двигаться в общем потоке без тягот. Наступает иное время: та внешняя тяжесть обстоятельств, которая прежде приносила достаточные плоды для удовлетворения индивидуальных нужд, превращается из легкой прогулки и творчества в осязаемое бремя. Она становится фактором, уродующим и калечащим субъекта, лишающим его радости от успехов и побед.

Достигнутое благополучие оказывается иллюзорным, так как оно временно, мимолетно, изменчиво и не передается в наследство. Оно приобретается исключительно посредством борьбы или эксплуатации труда и сохраняется лишь до тех пор, пока этот труд приносит дивиденды. Следовательно, положение индивида, движущегося исключительно в логике собственных интересов — что сегодня фактически является законом для российского общества, а для развитых стран никогда не исчезало со времен становления капитализма, — обречено на саморазрушение. Это происходит потому, что данная модель перестает удовлетворять внутренним запросам и потребностям, утрачивая статус продукта согласия индивида с условиями своего существования.

Порожденное внутреннее несогласие, выражающееся в критике обстоятельств, становится мотивом перехода от теоретической критики к практическому действию. Данное состояние индивида коррелирует с состоянием социума: когда нарастающий индивидуальный критический потенциал перерастает масштаб отдельной личности и становится повсеместным массовым явлением, требующим выхода, он переходит из достояния одного человека в категорию общесоциального фактора.

Лица, извлекающие выгоду из функционирования данной системы, вынуждены задумываться о локализации этого созревшего критического материала и его канализации. Обозначая потребности господствующего класса в отводе или уничтожении критического потенциала через его перенаправление в различные резервуары человеческой глупости и мракобесия, мы не ошибаемся. Эти институционализированные отстойники существуют в реальности и различаются между собой лишь степенью производительности и эффективности оглупления населения.

Борисов Михаил Сергеевич
обучающийся специалитет
Липатов Спартак Алексеевич
обучающийся специалитета
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Кадетство на экране

Детство с приставкой «ка-» в кино: вчера и сегодня.

Подробности жизни средних военных учебных заведений, как и всей армии в целом, во многом закрыты для взгляда внешнего наблюдателя по объективным причинам. Представления непрофессионалов о повседневном существовании тех, кто получает образование в суворовских училищах или кадетских корпусах складываются в основном из книг, фильмов, сериалов или новостных репортажей. Так в советское

время большой популярностью у читателей и зрителей пользовался роман Бориса Изюмского «Алые погоны» и созданный на его основе одноименный телевизионный трехсерийный фильм (1980), посвященные первым воспитанникам суворовских училищ в нашей стране. Создатели фильма регулярно возвращаются к образу слаженно двигающегося строя — на учебных тренировках суворовцы снова и снова отрабатывают навыки совместного механического шага. Но на другом полюсе этого мира, подчиненного рутинной дисциплине, находятся не менее постоянные нравственные поиски. И речь идет не только о моральном становлении «детей войны», подростковых конфликтах, в результате которых постепенно вырабатывается представление о чести будущих офицеров. Для воспитателей, прошедших войну, это тоже новый педагогический опыт, принципы которого складываются буквально на глазах зрителя в результате поисков и иногда весьма бурных дискуссий о том, где проходят границы этически приемлемого в военной педагогике. Взрослые герои фильма активно продвигают идею о том, что главный объект приложения усилий — душа подростка, а вовсе не умение делать из живых людей «оловянных солдатиков».

В постсоветское же время настоящим лидером телевизионных рейтингов стал 160-серийное «Кадетство», снимавшееся на протяжении трех сезонов (2006–2007) на территории Тверского суворовского училища. Интересно, что если в фильме «Алые погоны» мир суворовцев — это гендерно однородный, мужской мир, где женщины существуют только на его периферии, как второстепенные хотя и важные для подростков персонажи, то создатели «Кадетства» пошли по совершенно иному пути. Проблемы нравственного выбора раскрываются в сериале не только через конфликты лидерства в коллективе или семейные взаимоотношения, но и как постоянная часть любовных линий сюжета, связанных с каждым из главных персонажей-суворовцев. Современные проблемы, как известно, требуют современных решений: развернутость сюжета на знакомую зрителю российскую повседневность сыграла положительную роль в патриотическом и воспитательном эффекте от просмотра сериала.

Конечно, и в советское, и в постсоветское время кинообразы суворовцев и их офицеров-воспитателей намеренно идеализированы, на экране перед зрителем предстает не вполне реальный мир специализированного военного образования, а лишь какая-то его часть. В то же время понятно, что нравственное воспитание нуждается не только в «суровой правде жизни», но и в ярких идеалах, способных вдохновлять зрителя на то, чтобы «стать лучшей версией себя».

Борисов Сергей Валентинович
профессор, д.филос.н., заведующий
кафедрой философии и социального образования
Южно-Уральский государственный университет

Цифровая семья как новая реальность

Переход к нуклеарной семье — это не отход от традиций, вызванный «падением нравов», этот переход — следствие движения от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения» и соответствующего изменения норм поведения, в том числе и демографического. Можно выделить четыре основных модуса этого перехода: 1) переход от «золотого века» брака к его закату, то есть широкое распространение юридически неоформленных форм совместной жизни и альтернативных форм семьи; 2) переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориентированной «зрелой» паре партнеров с одним ребенком; 3) переход от превентивной контрацепции, предназначенной для предотвращения рождений ранних детей, к сознательному планированию рождения каждого ребенка; 4) переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи.

Проблема в том, что образ семьи, который, несомненно, для многих представляется как нечто важное и желанное, не всегда вписывается в повседневную повестку, а то, что транслируют медиа, представляет собой пережитки и стереотипы устаревших социальных и культурных представлений. Для компенсации утраты общих ритуалов и ценностей нужно не отвергать, а целенаправленно использовать и создавать благоприятную (дружественную) цифровую среду для укрепления семейной идентичности. Метафору присутствия в Интернете «аборигенов» и «туристов» уже полностью вытеснило представление о том, что все мы являемся обитателями цифровой среды; от изучения цифрового неравенства с появлением массового Интернета внимание переместилось к цифровой демократизации. Противопоставление виртуального и реального потеряло актуальность.

Необходимы сервисы, которые говорят о семье на понятном современному человеку языке и воспроизводят форматы интеракции и привычные сценарии цифрового поведения. Технологии ИИ позволят формировать адаптивные, персонализированные сценарии взаимодействия, эмоциональное и поведенческое вовлечение в тему семьи и родительства, сочетание игровых и утилитарных компонентов.

Преимущества проектной модели цифровой семьи и цифрового родительства: 1) доступность и привычность цифровой среды; 2) снижение психологических барьеров через игру (проигрывание): без давления, без назидания, вызывающих протест и скуку (геймификация — это не только развлечение, это главным образом вовлечение, перевод чело-

века из состояния внутренней обороны в состояние любопытства и азарта); 3) визуализация будущего и проигрывание сценариев будущего, обучение на ошибках без травмирующего эффекта (снимаются прежние стереотипы, что семья — это конец продуктивной и творческой жизни и наступление тяжелой поры ограничений и обязанностей. Вовсе нет. Полноценная семья — это как раз начало более полной, совершенной и продуктивной жизни, открытие новых возможностей и нового осознанного счастья, о котором всегда мечталось); 4) новые сценарии коммуникации в семье: семья — это новые возможности самореализации.

Цифровая семья становится посредником, медиатором образов и сценариев семьи и родительства между поколениями, смягчая возможные конфликты между родителями, желающими внуков, и детьми, которые не спешат с этим. Вместо взаимных упреков появляется новое пространство совместного обсуждения и общения. Появляется новая нестандартная модель укрепления и развития семейных отношений.

Грант Российского научного фонда «Укрепление семьи и семейных ценностей в условиях благоприятной цифровой среды: проблемы и решения» № 26-28-20353, https://rscf.ru/project/26-28-20353/.

Бродский Александр Иосифович
профессор, д.филос.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Сомнения Виктора Шкловского: моральные антиномии в структуре сюжетосложения

Суть приемов сюжетосложения заключается в том, что они соединяют хронологически следующие друг за другом события особой металогической связью, придающей событиям телеологический смысл, который всегда связан с ценностями, целями и долженствованиями. Особую роль в этом принадлежит моральным антиномиям, которые часто являются основным двигателем сюжета.

В докладе рассматриваются моральные антиномии, связанные с тремя дихотомиями: донос — преступление, свобода — истина, любовь — насилие. Между этими дихотомиями существует определенная связь.

Антиномия доноса и преступления рассматривается на примере повести Виктора Шкловского «Сомнения Федора Достоевского». Антиномия здесь заключается в том, что донос оказывается нравственно неприемлемым даже в случае необходимости предотвратить преступление.

Поскольку Шкловский нравственную дилемму доноса в жизни самого писателя объясняет его переживаниями из-за отречения от идеалов своей юности, в своих теоретических рассуждениях о Достоевском Шкловский приходит к выводу, что важнейшей нравственной антиномией его романов является противоречие между свободой и истиной: поиск истины предполагает свободу, но найденная истина свободу исключает, так как исключает выбор.

Эти соображения Шкловского стоит сравнить с близкими по смыслу комментариями к Достоевскому английского писателя Д.Г. Лоуренса, в которых главной антиномией становится антиномия любви и насилия: любовь предполагает слияние с другими, что невозможно из-за существующих социальных отношений. В результате любовь оборачивается насилием, желанием уничтожить всех, кто «не мы».

В заключении доклада автор проводит различие между использованием моральных антиномий в художественных нарративах и в нарративах идеологических. Идеология стремится устранить антиномичность, избавить реципиента от внутренних конфликтов и нравственных дилемм. У художественных текстов обратная задача: обострить антиномии, вырывать события нашей жизни из обыденного контекста и разрушает стереотипы их восприятия. Задача идеологии является «терапевтической», задача художественного текста — гносеологической.

РНФ, проект № 25–28–01843 «Нарратология как метод исследования трансляции и конструирования моральных ценностей в обществе».

Брук Елизавета Григорьевна
к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Этический аргумент в антикатолической полемике второй половины XIX – начала XX века (по материалам периодических изданий духовных академий Российской империи)

Во второй половине XIX – начале XX века на страницах журналов духовных академий Российской империи велась оживленная дискуссия по поводу различных внутриполитических и внешнеполитических событий, связанных с деятельностью Католической церкви. Среди важнейших полемических инструментов в контексте антикатолического дискурса выступал этический аргумент. Он, зачастую, был связан с «антииезуитизмом» — конструктом, фундаментом которого служило представление о «безнравственности иезуитской морали».

Так, например, в разделе «Заметки» в журнале «Труды Киевской Духовной Академии» за июнь 1863 года восстание в Польше соотносилось с деятельностью духовенства, а в исторической ретроспективе — с Обществом Иисуса, что должно было подчеркнуть «безнравственность» происходящего. В том же ключе формировалось представление о деятельности папы Льва XIII. В статье «Иезуиты, их внешняя и внутренняя организация и жизнь» А.П. Лопухин писал, что Папа обратился к этому ордену с особой буллой, в которой подтвердил за ними все их права и преимущества. Это, с точки зрения автора, бросало тень на Понтифика, поскольку иезуиты, как он пытался показать, были далеки от исполнения общепринятых моральных норм. Автор статьи писал, что «этот орден есть порождение худшей стороны человеческой природы». Та же стратегия была использована в статье А.А. Бронзова «Размышления об иезуитской морали — древней и новой. (По поводу недавнего "циркуляра виленского католического епископа")». Автор, критикуя деятельность виленского епископа С. Зверовича, обратил внимание, что в своих предписаниях пастве епископ опирался на иезуита Августа Лемкюля. Доказывая «безнравственность» «старой иезуитской морали» в тексте статьи, Бронзов пытался дискредитировать С. Зверовича и его позицию по вопросу обучения детей-католиков в православных церковно-приходских школах.

Таким образом, этический аргумент в контексте антикатолической полемики второй половины XIX – начала XX века шел рука об руку с «антииезуитизмом» — конструктом, подчеркивавшем «безнравственность иезуитской морали». Включая этот конструкт в свое полемическое рассуждение, авторы критиковали различные внешнеполитические и внутриполитические события, а также деятелей Католической церкви.

РНФ № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX – начала XXI вв.».

Букатинская Александра Николаевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Иллюзии цифровой социальности: доступ, симуляция и подлинность отношений Я – Другого

Современное цифровое общество принято описывать через метафору беспрецедентных возможностей: доступ к информации, общению, образованию и образам успеха. Все это перестало быть привилегией. Однако возникает парадокс: чем больше возможностей открывается, тем меньше подлинности. Цифровая среда не просто предлагает ин-

струменты, она формирует ожидания, желания и представления о себе, подменяя реальный опыт симуляцией. Как отмечал Ж. Бодрийяр, сегодня речь идёт не об имитации, а о «субституции, подмене реального знаками реального», и именно эта подмена становится условием существования современной культуры.

Первая иллюзия — иллюзия доступности. Мы постоянно находимся на связи друг с другом, но близость всё чаще подменяется имитацией контакта. Переписка, лайки и короткие реакции создают ощущение включённости, однако не дают того глубокого присутствия Другого, которое необходимо для подлинного диалога. Ш. Тёркл описывает это состояние как «одиночество вместе»: «Благодаря сети мы вместе, но наши ожидания друг от друга настолько уменьшились, что мы можем чувствовать себя совершенно одинокими». Доступ к другому человеку становится мгновенным, но доступ не равен опыту.

Вторая иллюзия — иллюзия продуктивности. Цифровые платформы убеждают нас, что мы должны всё успевать, постоянно развиваться и соответствовать стандартам эффективности. В результате возникает чувство недостаточности: сколько бы мы ни делали, этого всегда мало. Моральный вызов здесь состоит в том, что человек начинает оценивать себя не по внутренним ценностям, а по внешним метрикам, которые он не выбирал или которые вовсе невозможно применить к его реалиям.

Третья иллюзия — иллюзия идеальности. Реклама и социальные сети транслируют образ успешной жизни, который принципиально недостижим, поскольку является сконструированным. Реальная жизнь несовместима с этим идеалом, и человек оказывается в ловушке постоянного сравнения. Подлинность подменяется образом, а жизнь — его репрезентацией.

Наконец, четвёртая иллюзия — иллюзия свободы. Нам кажется, что мы сами выбираем, что смотреть, что покупать и с кем общаться. Но на самом деле алгоритмы формируют наше желание, предугадывая и неосознанно направляя наш выбор чаще чем нам бы хотелось. Ш. Зубофф, описывая «надзорный капитализм», показывает, как цифровая среда превращает человеческий опыт в сырьё для предсказания и модификации поведения. Спонтанность становится роскошью, а время превращается в ресурс, которым управляют внешние системы. Возникает моральный вопрос: где заканчивается предложение и начинается навязывание? Как сохранить свободу выбора и подлинность в среде, которая постоянно формирует наши предпочтения?

Таким образом, главная проблема современной культуры заключается не в том, что цифровые технологии существуют, а в том, что они производят иллюзии, подменяющие реальный опыт. Доступ не равен

опыту, а образ не равен жизни. Моральный вызов для человека и общества состоит в том, чтобы не путать доступ с близостью, а симуляцию — с подлинностью. Речь идёт не об отказе от цифрового мира, а о сохранении ценности контакта, свободы выбора и глубины отношения «Я – Другой» там, где среда предлагает лишь имитацию.

Буланина Елизавета Кирилловна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Жест юродивого в этическом пространстве средневекового космоса

Раскрывающийся в период Средневековья феномен юродства представляет собой соотношение нескольких нарративов, переплетение которых задаёт рамку восприятия средневекового миропорядка. С.А. Иванов определяет этот феномен исходя из двух формальных характеристик. Во-первых, юродивый — тот, кто намеренно изображает сумасшествие, предстаёт похабом и глупцом, чьи действия намеренно выведены на всеобщее обозрение. Во-вторых, целью действий такого тайного слуги Господа выступает наставление на праведный путь. Появление такого феномена, однако, коренится в онтологической установке творимого Богом космоса.

Аллегорический метод толкования христианского миропорядка задаётся изначальным положением творения бытия Богом из ничто. Порядок разведён крайними положениями творения, задающими перспективу разворачивания всего сущего, что обеспечивает возможность быть как то в конкретике единичного сущего. Исток времени эсхатологичен. Поэтому движение разворачивания есть одновременно удаление от первого дня творения и, вместе с тем, попытка развернуться до конца, закрепиться в статусе наиболее полного положения дел. Аллегорическое пространство толкования существует как форма разворачивания самого бытия и позволяет случиться символу, значение которого есть выведение на поверхность порядка знака, тавтологии дня один, скрепляющего всё бытие воедино. Пространство такого символа пусто, поскольку исходит из момента начала разворачивания всего мира, то есть из момента творения Богом бытия из ничто.

Эпистемологический предел складывается исходя из положения соотнесения аллегории, разворачивающей смыслы, и символа, значение которого приоткрывается за моментом непознаваемости Бога, то есть сворачивает всё сотворённое на данный момент к тождеству начала

творения днём один. Двунаправленное соотношение пределов бытия заключает тождество знания и незнания в Боге и есть гнозис, который, по словам Климента Александрийского, подразумевает исповедничество, под которым имеется в виду знание имени Христа.

Совпадение знания и незнания перенимает место юродивого. Момент намеренного сокрытия своей святости позволяет юродивому спуститься до знания греховного, как бы совпасть в положении тождества знания и незнания, пределе соотнесённости с Богом. Первичные два нарратива — сакральный и профанный — задают перспективу складывания представления о моральности, положение которой также сокрыто и является через откровение. Переплетение этих нарративов позволяет проследить проявляющуюся на поверхности повседневности линию морали, соотнести место человека с Богом.

Место самого юродивого становится жестом, заключающим в себе медиальное положение между обыденным и трансцендентным. Жест юродивого открывается в двух перспективах: с одной стороны, его действия никак не могут быть вписаны в порядок устоявшегося общежития, постоянно выбиваются из означенного повседневностью этоса; с другой стороны, они направлены на обличение порока и положены этическим пределом христианского космоса. Леонтий Неаполитанский в своей агиографической прозе «Жизнь и деяния аввы Симеона» пишет следующее: «Нередко он, будто шутя, выдавал замуж распутных и гулящих женщин или, прельщая деньгами, наставлял их на правильный путь, некоторых по присущей ему чистоте побуждал к отшельнической жизни. И не удивлюсь я, христолюбцы, что, совершая все это с Божьей помощью, он остался неузнанным».

Место юродивого заключает в себя ничто промежутка между знанием и незнанием Бога. Юродивый сокрыт в месте, которое есть «у Бога» и откуда действует сам Бог. И место это, тайное и неразрешимое, есть символ, содержание которого пусто, отсутствует за фиктивностью своего наполнения, а граница совпадает с границей бытия, как бы вкладываясь в целостность единой воли Бога. Нарратологическая структура юродства конституирует мораль посредством переплетения сакрального и профанного сюжетов, а сам юродивый становится ключевым нарративным жестом, организующим этическое пространство средневекового космоса.

Валеева Галина Викторовна
доцент, к.филос.н., доцент
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Этикет в цифровой образовательной среде высшей школы: вызовы и пути решения

Цифровизация образования в высшей школе существенно трансформировала характер педагогического взаимодействия: если традиционная образовательная модель предполагала непосредственно «живой» диалог, то опосредованная «цифрой» образовательная среда сместила фокус коммуникации в плоскость современных цифровых платформ. Несомненно, онлайн-сервисы (мессенджеры, социальные сети, чаты, видеоконференцсвязь, стриминговые платформы и т.п.) значительно расширили возможности образовательного процесса благодаря широкому функционалу, интерактивности и доступности. Вместе с тем, интеграция цифровых инструментов создала множество проблем и рисков, связанных с нарушением норм и правил этикета в цифровой образовательной среде, которые являются «отражением и продолжением нравственных отношений в реальности»:

- размывание границ субординации вследствие использования студентами неформальных средств коммуникации (сленг, эмодзи, стикеры и т.п.) при онлайн-общении с преподавателем, что вполне может привести к снижению его авторитета;
- ухудшение качества обратной связи в силу неформального стиля общения, затрудняющего конструктивную критику, влечет снижение уровня восприятия учебного материала;
- затруднение понимания контекста сообщений (например, некорректно сформулированное электронное письмо студента может быть воспринято как грубость) повышает риск появления психологических барьеров и конфликтных ситуаций;
- информационный шум, обусловленный переизбытком электронных сообщений, снижает эффективность учебного процесса в целом;
- утрата невербальной коммуникации усложняет глубину диалога, делая его поверхностным для восприятия и снижает вовлеченность студентов в учебную деятельность;
- смещение профессионального и личного пространства ввиду расширения цифрового взаимодействия ведет к профессиональному выгоранию преподавателя высшей школы.

Для минимизации указанных проблем и негативных последствий необходим комплекс мер, направленных на формирование и развитие

навыков цифрового этикета у ключевых акторов образовательного процесса:

- создание/дополнение кодекса цифровой этики, регламентирующего допустимые формы общения в цифровой образовательной среде, сроки ответов на электронные письма, стандарты деловой электронной переписки, а также визуальные аспекты взаимодействия в виртуальной аудитории;
- реализация программ повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета по освоению знаний и навыков культуры общения в цифровой образовательной среде;
- проведение тренингов, мастер-классов, семинаров и конференций, направленных на формирование у студентов цифровой грамотности и навыков цифрового этикета, выступающих в том числе «показателями их профессиональной пригодности»;
- внедрение в учебный процесс курсов, способствующих вовлеченности студентов в круг проблем цифровой этики (например, «Цифровая культура: нормы и правила поведения в цифровой среде»).

Таким образом, проблемы и риски, связанные с нарушением норм и правил этикета в цифровой образовательной среде высшей школы, требуют комплексного подхода, позволяющего сохранить баланс между преимуществами цифровых платформ и нравственными нормами педагогического взаимодействия, обеспечивая при этом качество и эффективность образования в условиях цифровизации.

Валуев Дмитрий Георгиевич
научный сотрудник
Институт философии РАН

Экспертократия в цифровом обществе: между централизованным знанием и «Pro-Am революцией»

Экспертократия как модель социально-политического устройства предполагает особый порядок принятия решений, при котором право определять значимые для сообщества цели и способы их достижения в значительной степени передается носителям специализированного знания. Ж.-Ф. Лиотар связывает такую возможность с компьютеризацией общества: чем сложнее социальная система и чем больше решений зависит от обработки информации, тем существеннее становятся доступ к данным и специальные компетенции. Эксперт включается в ши-

рокую конфигурацию, где знание, технология и власть образуют единый контур. Капустин рассматривает экспертократию как один из способов «укрощения негативности» современности. Обращение к объективному знанию позволяет деполитизировать вопросы и передать решение тем, кто объявляет себя носителем истины.

Однако цифровая трансформация создает для такой модели существенное противоречие. Она усиливает зависимость общества от специализированного знания и, одновременно с этим, разрушает исключительность институтов, традиционно контролировавших его производство и распространение. Социальные сети, платформы и цифровые инструменты коммуникации сокращают дистанцию между производителем и потребителем знания, позволяя большему числу людей производить и распространять специализированный контент. Ч. Лидбитер и П. Миллер назвали этот процесс Pro-Am революцией, суть которого заключается в появлении профессиональных любителей, тех, кто не является профессионалами в институциональном смысле, но работают по профессиональным стандартам. Pro-Am представляет собой сетевой и самоорганизующийся способ производства знаний, способный выполнять функции, прежде связывавшиеся преимущественно с крупными профессиональными организациями.

Проблема состоит в том, что цифровая среда трансформирует социальное обращение со специализированным знанием. Попадая в пространство платформенной коммуникации, знание становится частью производства контента и оказывается включенным в экономику внимания. В ряде случаев его ценность начинает определяться не только содержательной обоснованностью, но и скоростью производства, доступностью, понятностью и способностью отвечать на индивидуальный запрос аудитории. Возникает режим экспертности, в котором востребовано знание, пригодное для конкретного потребления: оно может дать ощущение компетентности, предоставить готовую интерпретацию происходящего, обеспечить интеллектуальное развлечение и т.п.

Цифровизация ставит перед экспертократией принципиальную проблему. Ее исходным условием является возможность выделить относительно ограниченный круг носителей знания и наделить их особым правом участвовать в принятии решений. Pro-Am и платформенная коммуникация, напротив, размывают границу между экспертом и потребителем знания и вводят в обращение большое число конкурирующих претендентов на экспертный статус. Меняются критерии признания: к формальному образованию, академической аффилиации, профессиональной репутации и институциональному признанию добавляются пуб-

личность, доверие аудитории, демонстрация личного опыта, коммуникативная доступность и способность удерживать внимание.

В связи с этим возникают два взаимосвязанных вопроса: способна ли экспертократия воспроизводиться в цифровом обществе при массовом распространении децентрализованного производства знания и можно ли сохранить экспертократический порядок в условиях, когда производство и потребление знания становятся массовыми и сетевыми? Предполагается, что цифровая трансформация не отменяет возможность экспертократии, но изменяет условия ее существования. Для сохранения особого статуса эксперта требуется контроль не столько над самим производством знания, сколько над механизмами его отбора, верификации, распространения и включения в процедуры принятия решений. Экспертократия в цифровом обществе может приобретать гибридный характер: массовое и децентрализованное производство знания сосуществует с централизованными механизмами его институциональной легитимации и политического использования.

РНФ № 26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу».

Вантеев Михаил Дмитриевич
обучающийся аспирантуры, младший научный сотрудник
РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Генетическое проектирование человека: четыре структурные асимметрии биоэтической проблемы «дизайнерских детей»

Разговор о «дизайнерских детях» обычно начинается с обсуждения конкретных технологий, таких как преимплантационное генетическое тестирование, отбор эмбрионов или редактирование генома. Однако по мере расширения возможностей генетической медицины становится очевидно, что проблема не сводится к безопасности отдельных вмешательств. Возникает более общий вопрос: что происходит с отношением человека к собственному рождению, если некоторые характеристики будущего ребёнка становятся предметом предварительного выбора? Решение в этом случае принимается ещё до появления того, кто впоследствии будет жить с его последствиями.

Эту ситуацию можно описать через понятие структурной асимметрии. Речь идёт не просто о неравенстве возможностей родителей и ребёнка, а об отношении, которое возникает из самой структуры генети-

ческого проектирования как решения, конституирующего субъекта прежде, чем субъект успевает возникнуть. Поэтому различные биоэтические проблемы оказываются связаны между собой через четыре измерения такого решения: знание, согласие, время и доступ.

Первое из них, эпистемическая асимметрия. Решение о генетических характеристиках будущего ребёнка принимается на основании знания, которое неизбежно остаётся неполным. Особенно заметно это при выборе по полигенным признакам: статистические связи между генетическими вариантами и определёнными характеристиками позволяют строить вероятностные прогнозы, но не дают достоверного индивидуального предсказания. Поэтому расширение возможностей генетического выбора одновременно обнаруживает пределы знания, на котором этот выбор основан.

Второе измерение, асимметрия согласия. Будущий ребёнок не может участвовать в решении о собственных генетических характеристиках и не может впоследствии отменить уже осуществлённый выбор. Здесь недостаточно расширить традиционную процедуру информированного согласия. Проблема возникает ещё до появления самостоятельного субъекта, способного дать или не дать согласие. Генетическое решение при этом не исчезает после рождения, а становится частью биологической основы жизни человека.

Третье измерение, временная асимметрия. Решение принимается в конкретной исторической ситуации, тогда как его последствия могут сопровождать человека всю жизнь, а при вмешательстве в зародышевую линию переходить к следующим поколениям. При этом представления о желательных человеческих качествах исторически изменчивы. То, что сегодня воспринимается как преимущество, в будущем может получить совершенно иную оценку. Поэтому проблема заключается не только в способности предвидеть последствия решения, но и в том, насколько настоящее поколение вправе определять характеристики людей, живущих в иных исторических обстоятельствах.

Асимметрия доступа связана с социальным распределением возможностей. Генетическое проектирование развивается не в социальном вакууме: возможность воспользоваться соответствующими технологиями зависит от материальных ресурсов, медицинской инфраструктуры и доступа к информации. Если одни группы получают возможность выбирать определённые характеристики будущих детей, а другие лишены такой возможности, социальное неравенство может начать закрепляться непосредственно в биологических характеристиках следующих поколений.

Таким образом, «дизайнерские дети» представляют собой не только вопрос о допустимости новой технологии. Генетическое проектирование меняет саму ситуацию человеческого происхождения: решение о характеристиках будущего человека может быть принято до его существования как субъекта. Поэтому биоэтический анализ здесь должен учитывать не только пользу, риск или справедливость распределения, но и те структурные асимметрии, которые возникают между настоящим решением и будущим человеком. В конечном счёте вопрос заключается не только в том, можем ли мы выбирать определённые характеристики будущего человека, но и в том, какие отношения возникают, когда такое решение принимается до появления самого субъекта.

Василевская Ася Висхановна
выпускник Санкт-Петербургского государственного университета
Университет при МПА ЕврАзЭС
Мусс Дарья Александровна
обучающаяся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Табуированность темы смерти в современной России: этические вызовы и кросс-культурные практики в диалоге с детьми

В фокусе современной прикладной этики остро встает вопрос о границах публичного и приватного дискурсов в отношении экзистенциальных оснований человеческого бытия. Одним из проявлений этого процесса выступает феномен современного «вытеснения» и табуирования смерти, детально описанный в классических трудах Ф. Арьеса и Ж. Бодрийяра (1977). Исторический переход от «смерти прирученной» к «смерти перевернутой», скрываемой в границах медицинских и ритуальных институтов, привел к формированию коммуникативного дефицита. Наиболее болезненно он проявляется в пространстве детско-родительских и педагогических отношений. В российском социокультурном контексте тема кончины близких, ухода из жизни и конечности существования в диалоге с подрастающим поколением традиционно редуцируется или замалчивается.

С позиций прикладной этики данная ситуация порождает глубокое ценностное противоречие, которое можно охарактеризовать как конфликт патерналистской «этики заботы» и «этики автономии». Традиционная педагогическая и родительская стратегия в России апеллирует к

защитной функции: стремление оградить уязвимую психику ребенка от экзистенциального страха и травмы, легитимирует авторитаризм умолчания. Однако, как отмечают современные исследователи в области этики детского возраста (в частности, в русле концепции Philosophy for Children М. Липмана, 1960), лишение ребенка дескриптивного аппарата для понимания утраты нарушает его право на автономию и осмысление реальности. Это не решает проблему детской тревожности, но лишает формирующуюся личность адаптивных механизмов во времена кризисов, превращая естественный биологический и экзистенциальный факт в нечто не вписывающееся в рамки обыденной нормы.

Кросс-культурный анализ демонстрирует альтернативные этические стратегии интеграции темы смерти в мир ребенка. Если в Западной Европе и РФ преобладает медикализация (Андреева, Макарова, 2024) и изоляция танатологического опыта, то в ряде иных культурных традиций (например, в латиноамериканской традиции или в восточных буддийских практиках) смерть является обсуждаемой темой в рамках семьи и иных институтов, так как мыслится не как обрыв бытия, а как его значимое продолжение или трансформация. Это вовлекает ребенка в ритуалы памятования, что снимает этический барьер страха перед «непознаваемым».

В качестве альтернативы можно представить конкретные кейсы терапевтического потенциала детской литературы. Подобная практика призвана доступным языком объяснить ребенку «что такое смерть» и помочь родителям и педагогам построить первые «мостики» для ведения открытого диалога с детьми. Любопытно, что книги подобного жанра принадлежат перу не только западных («Съест ли меня моя кошка?» К. Даути), но и отечественных («Куда уходят дедушки?» И. Зартайская) авторов.

Таким образом, вызовом для современной отечественной прикладной этики становится поиск баланса: признание необходимости открытого разговора о смерти с детьми при сохранении принципа «не навреди». Решением данного вызова должно стать признание экзистенциального статуса ребенка как полноправного субъекта морального дискурса, а не просто объекта взрослой опеки. Формирование этических критериев такого диалога — основанного на бережной честности, уважении к переживаниям ребенка и демедикализации концепта ухода из жизни — представляется необходимым шагом на пути преодоления культурного отчуждения и гуманизации современного этико-педагогического пространства.

Васильев Андрей Витальевич
обучающийся аспирантуры
Институт философии РАН,
ассистент
Высшая школа цифровой культуры Университета ИТМО

Моральная допустимость политического обмана: пределы деонтологического и консеквенциалистского подходов

Деонтологическая критика политического обмана опирается на обязанности власти перед гражданами: требование правдивости, уважение автономии и равенства адресатов. Консеквенциализм оценивает обман по его предвидимым последствиям, сопоставляя их с результатами отказа от лжи. В таком сопоставлении учитываются предотвращаемый вред, доверие, качество решений и устойчивость институтов. Различие оснований оценки существенно: ни соблюдение обязанности, ни благоприятный баланс последствий сами по себе не дают ответа на все вопросы о допустимости обмана. Обманывая гражданина, представитель власти направляет его выбор с помощью намеренно искаженной информации. Полученное таким способом согласие нельзя считать информированным. Преимущество в доступе к сведениям и властные полномочия не дают права подменять самостоятельное суждение адресата. Вместе с тем абсолютный запрет лжи требует объяснить, почему долг правдивости должен неизменно преобладать над обязанностью защищать жизнь и препятствовать действиям агрессора. Если исключения все же признаются, необходимо определить, какие основания позволяют отступить от запрета и как эти основания должны быть подтверждены.

При оценке последствий моральная ответственность распространяется и на отказ от обмана. Сохранение правдивости не освобождает политика от ответственности за гибель людей, которую он мог предотвратить. Причем выбор не исчерпывается правдивым и ложным ответом: возможны своевременное предупреждение, отказ сообщать сведения, временная секретность, открытое убеждение граждан. Когда такой путь позволяет достичь того же результата без обмана, ссылка на полезность лжи недостаточна. Отдельного рассмотрения требует вопрос о том, что произойдет, если успешный поступок станет образцом для последующих решений. Повторяющаяся ложь может ослаблять приверженность самого деятеля правдивости. Она ставит под угрозу доверие между участниками общения и закрепляет ожидание обмана. Консеквенциализм должен объяснить, как сопоставлять разнородные ценности, когда сведения о возможных действиях и их последствиях неполны.

При этом расчет подвержен влиянию пристрастий самого оценивающего и может допускать нарушение прав отдельных людей ради общей выгоды. Политический агент не выбирает между двумя полностью известными исходами. Он действует внутри практики, которую его решение изменяет, и распределяет риски между лицами, не участвующими в расчете. Благоприятный исход не доказывает оправданности предварительной оценки, как и неудача сама по себе не свидетельствует о безответственности решения. В политике эти ограничения усиливаются секретностью, асимметрией информации, коллективным характером действия и способностью власти нормализовать собственные исключения.

Критический анализ не приводит к отказу ни от деонтологии, ни от консеквенциализма. Деонтология устанавливает сильную презумпцию против политического обмана и возлагает бремя доказательства на власть. Консеквенциализм требует учитывать предотвращаемое зло и последствия отказа действовать.

Разработка концепции меньшего зла начинается с признания взаимной недостаточности их крайних версий: последствия могут оправдать ограниченное нарушение, но не аннулируют нарушенную ценность; запрет сохраняет нормативную силу, но не всегда определяет окончательный выбор. Практическое значение «морального остатка» состоит в сохраняющихся обязанностях перед потерпевшими. После исчезновения необходимости могут возникать обязанности раскрытия, объяснения, исправления решений, принятых на ложной основе, и возмещения конкретного ущерба.

Василюк Анна Михайловна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Сартр и Достоевский: от экзистенциальной тошноты к этической вседозволенности

Обращение к проблематике экзистенциализма обусловлено необходимостью преодоления семантической подмены понятий, таких как «экзистенциальный кризис» и «экзистенциальная пустота», которые часто носят обывательский характер, а в философии экзистенциализма они связаны с базовыми онтологическими проблемами человеческого существования. В исследовании я рассматриваю русское предтечие экзистенциализма XIX века в лице Ф.М. Достоевского и западный экзистенциализм XX века в лице Ж.-П. Сартра через двух героев: Антуа-

на Рокантена и Ивана Карамазова. Основная мысль заключается в том, что столкновение человека со случайностью бытия и отсутствием Бога в душе у двух авторов приводит к разным этическим последствиям.

В основе сартровского понимания существования лежит экзистенция как поток впечатлений, переживаний и ощущений, взятых до их рационального осмысления. Прошлое связано с «ситуацией», с тем, что человеку не принадлежит и не выбирается им. Будущее является сферой возможностей и выбора, «проектом», в котором человек создает себя. Настоящее становится моментом столкновения с хрупкостью собственного существования.

Именно в такую ситуацию попадает Рокантен в романе «Тошнота». Он внезапно ощущает мучительную абсурдность и случайность бытия. Предметы перестают восприниматься через привычные функции, а попытки найти опору в прошлом терпят крах. Кульминацией становится сцена с корнем каштанового дерева, где рациональные определения отступают перед самим фактом существования. «Тошнота» оказывается не физиологическим отвращением, а онтологическим ужасом перед случайностью: существование не является необходимостью, оно просто есть. Это сопровождается тревогой, одиночеством и осознанием конечности бытия.

Однако у Сартра отсутствие Бога не становится основанием для отказа от нравственности. Напротив, поскольку нет божественного замысла и заранее заданной человеческой природы, человек сам отвечает за то, каким он себя создает. Выбирая себя, он одновременно выбирает человечество в целом, поэтому каждый выбор связан с ответственностью. В финале «Тошноты» Рокантен обращается к проекту будущего и творчеству.

В романе «Братья Карамазовы» переживание абсурда воплощено в образе Ивана Карамазова. Его проблема связана с невозможностью принять мир, в котором страдают невинные. Иван не принимает не столько Бога, сколько созданный им мир, где страдание становится частью существующего порядка. Его бунт ставит вопрос о возможности нравственного порядка и о том, что происходит с человеком при утрате высшего основания морали.

Принцип «все дозволено» здесь связан с проблемой безусловности нравственных запретов. Если Бога и бессмертия души нет, возникает вопрос: что делает моральное ограничение обязательным? Иван не является сторонником вседозволенности в практическом смысле, однако его идеи получают продолжение в действиях Смердякова, воспринимающего их как моральное разрешение совершить убийство. По-

сле признания Смердякова Иван сталкивается с последствиями собственных идей и осознаёт своё моральное соучастие.

Таким образом, Рокантен и Иван по-разному проходят через столкновение со случайностью бытия и отсутствием Бога. Для Рокантена это становится точкой, после которой человек должен сам определить направление своей жизни и принять ответственность за собственный выбор. У Ивана Карамазова тот же кризис приводит к более сложному вопросу: как распоряжаться свободой, если отсутствуют нравственные запреты? Поэтому принцип «всё дозволено» у Достоевского важен как вопрос о границах человеческой свободы. Сопоставление героев позволяет увидеть, что утрата привычного основания морали не снимает этическую проблему, а, наоборот, делает ее более острой. В таком случае человеку необходимо определить, на чём может основываться его ответственность, когда прежняя система ценностей перестает быть подлинной.

Верхошенских Никита Владимирович
обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Эпистемическая этика научного знания: историческая трансформация от индивидуального к коллективному знанию

Проблема научного авторства традиционно рассматривается в контексте установления приоритета, однако она включает в себя и более широкие смысловые пласты, например, этический и эпистемологический конструкты. Ответ на вопрос о том, кто совершил то или иное научное открытие, зависит от того, каким образом научное сообщество определяет вклад исследователя, распределяет признание и ответственность. Значительную роль также играет то, какие качества признаются существенными и необходимыми для добросовестной научной деятельности. В этой связи особое значение приобретает концепция эпистемических добродетелей — интеллектуальных качеств, которые способствуют получению достоверного знания.

Для науки раннего Нового времени характерной чертой является фокусировка на индивидуальном исследователе как субъекте познания. Научное открытие связывается с именем конкретного учёного, а установление приоритета становится неотъемлемой частью научной деятельности. Показательным в этом контексте является спор между Исааком Ньютоном и Робертом Гуком. Обсуждение проблематики тяго-

тения и последующие разногласия относительно вклада Гука в разработку закона обратных квадратов для теории всемирного тяготения открывают нам возможность рассмотреть приоритетный спор двух исследователей не только как исторический факт, но и как этическую проблему признания интеллектуального вклада другого исследователя. В этом контексте проявляются такие эпистемические добродетели, как интеллектуальная честность, справедливость распределения вклада в создание научного знания, способность и готовность признавать зависимость собственного знания от предшествующей традиции.

Но вместе с тем последующие развитие науки привело к существенной трансформации условий и способов производства знания. С увеличением и укреплением связей внутри научного сообщества, модернизаций лабораторной инфраструктуры, специализацией постепенно стало меняться представление о субъекте научного знания. Результат исследования всё чаще становится продуктом распределённой деятельности исследовательских коллективов, в рамках которых индивидуальный вклад субъекта оказывается «вплавлен» в систему взаимосвязанных, а ровно и взаимозависимых интеллектуальных, технических и организационных практик.

Достаточно явно данный тренд становится заметен при рассмотрении, например, современной физики высоких энергий. Эксперименты на Большом адронном коллайдере проводятся международными коллаборациями, объединяющими в себе сотни исследователей. Так, открытие бозона Хиггса в 2012 г. стало результатом деятельности двух крупных коллективов ATLAS и CMS, которые включали в себя специалистов с различными профилями деятельности и формами участия. В таких условиях научное авторство не может быть полностью сведено к фигуре индивидуального исследователя, а проблематика приоритетности переходит в коллективное измерение.

Таким образом, трансформация научного авторства представляет собой не только институциональную трансформацию организации науки как таковой, но и изменение её этических оснований. Переход к коллективной системе производства научного знания требует от исследователей, включенных в его создание, соблюдения таких эпистемических добродетелей, как интеллектуальная скромность и готовность признавать вклад других в итоговый продукт деятельности. Сопоставление спора Ньютона и Гука с практикой современных научных коллабораций позволяет рассмотреть историю авторство как ряд последовательных трансформаций норм, с помощью которых научное сообщество определяет, кому принадлежит авторство того или иного открытия и как ответственность за него должна быть распределена.

Вестон Лара Дмитриевна
обучающаяся бакалавриата
Чикадзе Елизавета Дмитриевна
лаборант-исследователь, обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема признания потерпевшего в plea bargaining в американском уголовном процессе

В современном мире мы привыкли к тому, что уголовная правовая модель старается максимально защитить потерпевшего, вынося в некотором смысле справедливое наказание для преступника. Несмотря на это, во многих странах, для преступника существует возможность пойти на сделку с обвинением, например, признав вину, тем самым улучшив свое положение. Зачастую, в таких сделках участвует и сторона потерпевших, что представляется логичным, поскольку восстановление некой справедливости для этой стороны является центральной задачей уголовного процесса. В США же, для такой сделки существует отдельный термин — plea bargaining, при которой преступник может заключить сделку с обвинением без участия потерпевшего. Такая сделка, например, позволяет получить меньший тюремный срок в обмен на признание вины. Более 95% дел в Штатах заканчиваются такой сделкой. Формально, потерпевший признан как субъект — его выслушивают, он может подавать ходатайства, но фактически он лишен значимости. При этом, условия по штатам неоднородны — в части штатов прокурор обязан лишь сообщить о достигнутом соглашении, а в других у потерпевшего гораздо больше прав. Такие сделки существенно уменьшают нагрузку на судебную систему и иногда позволяют установить других преступников (их имена могут быть названы для заключения сделки), тем самым огородив общество от опасности. Так насколько заключение таких сделок без учета интересов потерпевшего влияет на его признание в американском уголовном процессе?

Аксель Хоннет, немецкий философ и социолог, пишет о том, что социальная справедливости должна опираться на три формы взаимного признания: любовь, право и солидарность. По Хоннету быть признанным как правовой субъект означает обладать автономией морального суждения и участвовать в нормативных дискурсах, а не быть объектом манипуляции. В plea bargaining появляется неуважение — потерпевший не признаётся как равноправный участник правового дискурса, поскольку он никак не может влиять на ход процесса.

Ричард Липпке в "The Ethics of Plea Bargaining" предлагает институциональную рамку, которая стремится сохранить условия признания.

Несмтоя на то, что работа Липпке посвящена статусу подсудимого, для потерпевшего предложение о скромных фиксированных скидках, которые будут заранее установлены и не будут меняться в зависимости от торга тоже актуально, поскольку в ходе сделки обвинения могут быть переквалифицированы, чтобы подсудимый согласился признать вину, например в менее тяжком преступлении. При введении фиксированых скидок такой торг исключается, поскольку если обвинения нельзя переквалифицировать в ходе торга, то версия потерпевшего не будет искусственно урезана, и тяжесть содеянного останется в основе приговора.

Подводя итог, признание потерпевшего в американском уголовном процессе остается неполным, ведь формально потерпевший — субъект, но фактически становится лишь наблюдателем. Процесс признания — это не только наделение кого-то правами, но и выделение значимости другого. В такой парадигме plea bargaining воспроизводит форму непризнания, которая тормозит совершенствование права. Представляется возможным дать потерпевшему больше реальных прав, как минимум закрепив на федеральном уровне минимальный стандарт участия, по образцу штатов Орегона и Огайо, где консультация с потерпевшим до заключения сделки уже является обязательной.

Ветров Владимир Андреевич
младший научный сотрудник
ИМЭМО РАН

Обоснование социогуманитарной экспертизы: от ценностной нейтральности к плюрализму моделей легитимации

«Наивная модель» экспертизы описывает прямой экспорт знания в публичную сферу: эксперт поставляет ценностно-нейтральные, кодифицируемые факты, а моральный и политический выбор совершается отдельно и позже, самим политиком/управленцем (десизионистская модель — Хабермас). Экспертному знанию объективность, нейтральность и надёжность в их классическом понимании, тогда как социогуманитарная экспертиза имеет дело с человекоразмерными системами, где соотнесение с ценностями является условием объективности.

Аргумент об индуктивном риске (Раднер; Дуглас) опровергает наивную модель: принятие или отклонение эмпирической гипотезы неустранимо предполагает суждение о цене ошибки, то есть ценностное содержание проникает не в момент применения «готового» знания, экс-

пертного заключения, а в сам акт его производства. Значит, перенос экспертного суждения в публичную сферу — это не чистая трансляция факта, а уже акт морального аргументирования, нуждающийся в собственном, отдельном от эпистемической корректности, обосновании легитимности.

В существующей литературе можно найти, как минимум, четыре несводимые друг к другу модели такого обоснования.

1) Технократическая модель замещает моральную аргументацию иерархией доказательств (evidence-based policy), полагая, что методологическая строгость снимает саму потребность в ценностном обосновании. Парадокс, выделяемый П. Вайнгартом, фиксирует, что рост обращений к экспертизе не повышает, а подрывает легитимность решения — обнажает несостоятельность этой подмены.
2) Делиберативно-процедурная модель переносит обоснование в саму процедуру: легитимность производит расширенное сообщество равных участников, а не метод.
3) Ролевая модель (Пилке; Коллинз, Эванс) не ищет единой процедуры, а вводит аргументативные роли, включая разделение на ответственных ха эмпирическое обоснование, за формирование альтернатив и за ценностное содержание, институционально маркируя границу между фактическим утверждением и ценностным выбором.
4) Гражданско-эпистемологическая модель (Ясанофф) отказывается от единой логики обоснования вовсе: легитимность экспертизы — исторически укоренённый культурно-институциональный паттерн («гражданская эпистемология»), различный для разных политических культур, а не результат общезначимой процедуры.

Как итог, вопрос о том, какая модель легитимации является «лучшей» или наиболее «эффективной, не имеет чисто формального ответа — он всегда индексирован к институциональному контексту, в котором аргумент производится и оценивается. Аргументацию в социогуманитарной сфере можно отнести к интерактивной экспертизе по классификации Яна Хакинга, то есть как изменяемую и конструируемую в самом процессе обсуждения. Исходя из этого, выбираемые модели экспертизы и способы их легитимации также являются частью моральной аргументации.

Грант Российского научного фонда №26-18-00580, «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу».

Ветютнев Юрий Юрьевич
к.ю.н., доцент
Волгоградский государственный университет

Особенности правового признания социальных ценностей: феноменологический аспект

Ценностно-рациональное поведение существенно сложнее трёх остальных общеизвестных типов поведения. Аффективное поведение, по-видимому, вообще не предполагает связности; целерациональное и традиционное поведения довольствуются одинарной связностью, тогда как ценностно-рациональное поведение требует двойной связности, то есть предполагает наличие трёх элементов, которые должны быть связаны между собой. Этими элементами являются: во-первых, собственная идея ценности как чего-то благого, предпочтительного, достойного; во-вторых, предмет-носитель этой ценности; в-третьих, пространственно-временная локализация. Признание ценности предполагает связность всех трёх элементов.

Может возникнуть вопрос: почему для ценности необходима пространственно-временная локализация и почему невозможно обойтись без неё? Идея ценности устроена таким образом, что она должна сбываться, должна где-то осуществляться. Если ценность не рассчитана на практическое воплощение, она перестаёт быть ценностью и превращается в нечто иное — например, в идеал или мечту. Ценность по своей природе призывает к воплощению; следовательно, ценность без уточнения условий, при которых она актуальна, не может существовать. Полное признание ценности невозможно без указания этих условий.

Допустим, для некоего лица высоко значимо такое явление, как честность. Однако тот же человек без зазрения совести обманывает собственных детей, прибегая к обычным угрозам вроде «если ты не будешь есть кашу, у тебя отвалятся уши». Подобное расхождение объясняется не тем, что он отрицает или не полностью признаёт ценность честности, а тем, что у него отсутствует представление о применимости данной ценности в конкретных условиях. Иными словами, ценность либо локализована им иначе, либо не локализована вовсе — и тогда ситуативно она то применяется, то не применяется. Признание в таком случае оказывается неполным: идея ценности есть, а её связность с предметом и локализацией не достигнута.

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Или: «справедливость» понимается как соответствие наказания обстоятельствам совершения преступления и свойствам лица, его совершившего. Допу-

стим, сущностное усмотрение исследователя даёт ему понимание ценности в этих случаях. Возникает вопрос: насколько существенно, что данная ценность является именно правовой? Иными словами, можем ли и должны ли мы феноменологически разъединить само признание ценности и тот регион бытия, к которому она принадлежит?

Существует гипотеза, согласно которой ноэмой ценности является любовь. По крайней мере, ничто в опыте этому не противоречит, а многое подтверждает. При этом любовь устроена так, что не только ноэма даётся как ценная, но и сам ноэзис даётся как ценный: любовь предполагает также любовь к любви — то есть придание ценного характера не только предмету восприятия, но и процессу этого восприятия. Именно поэтому невозможно отделить что-либо в качестве чистого эйдоса: все ценности оказываются осложнены дополнительными характеристиками. Любовь, помимо прочего, предполагает, что интенционально даётся не только предмет, но и его фактическое существование. Признание ценности, таким образом, неотделимо от признания её фактического бытия и всех сопутствующих характеристик.

Виноградова Вера Андреевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Кураторские стратегии этичной репрезентации проектов современного искусства о безотцовщине

В российском обществе тема безотцовщины остаётся одной из наиболее чувствительных. Она касается частной семейной жизни и одновременно затрагивает представления о власти, ответственности и преемственности. Кураторские проекты современного искусства способны сделать её предметом публичного разговора, однако работа с подобными темами требует этической точности.

Исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: какие кураторские стратегии позволяют репрезентировать опыт отсутствия отца, не ретравматизируя субъектов и не превращая их опыт в предмет спекуляции? Для анализа привлекаются кураторский проект и отдельные произведения современного искусства.

Теоретическая рамка исследования — понимание отцовства как символической функции. В русской культуре отец наделён властью, нравственным авторитетом и правом «включать» ребёнка в социум. Философская традиция выводит из семьи модели государства и небесной иерархии. Особое значение имеет оптика Эммануэля Левинаса: для

него ключевым оказывается не биологическое родство, а этический акт избрания сына. Биологическое отцовство не самоочевидно, поэтому акцент переносится на метафизические и этические связи. Следовательно, отцовство учреждается и может не состояться, быть отложено, не исполнено. В таком случае отцовская функция может переноситься на старших наставников, учителей, авторитетов. Для темы безотцовщины это принципиально: она позволяет говорить не только об утрате, но и о замещении, избрании, принятии ответственности. Подобная оптика позволяет расширить границы разговора о фигуре отца, не сводя его исключительно к биологическому отцовству.

На примере кураторского проекта Марины Кочан «Что я знаю о папе?» рассматривается опыт работы с темой безотцовщины, поисков биологического родителя и присутствующего отца. Проект Александра Туманского «Папа» позволяет проанализировать, как миф об отце, созданный матерью, заполняет пустоту и становится основой художественного высказывания, а также какую роль в этом играет фигура матери как создателя нарратива. Проект Аннеты Бартос «Семейный портрет» показывает обратную конфигурацию: мать отсутствует, но фокус направлен на присутствующего отца, что позволяет переосмыслить тему безотцовщины через оптику присутствия, а не утраты. Таким образом, три проекта задают разные конфигурации темы: поиск и обретение отца (Кочан), замещение отсутствующего отца мифом (Туманский), присутствие отца при отсутствии матери (Бартос). Вместе они показывают, что отцовство не сводится к биологическому факту и может реализовываться через избрание, нарратив, заботу и присутствие. Для куратора это означает необходимость работать с каждой формой отдельно, не сводя её к общему сюжету утраты.

Именно эта множественность конфигураций ставит перед куратором вопрос о том, как говорить о каждой из них без риска травматизации и эксплуатации их опыта. Существует опасность эстетизации пустоты, превращающей отсутствие в товар. Решением может стать модель этичной репрезентации, включающая информированное согласие, право на анонимность, молчание и отзыв, отказ от спектакулярности, контекстуализацию личного опыта и рефлексивность куратора.

Данное исследование призвано проанализировать и предложить способы работы с подобными сенситивными темами в поле современного искусства. Одна из главных задач — выработать этически ответственные кураторские стратегии, которые позволяют привлекать внимание к проблеме безотцовщины, не упрощая её и не эксплуатируя личный опыт и память. Так, кураторский проект становится пространством, где отсутствие не замалчивается, но и не драматизируется сверх меры,

где возможны положительные примеры и фигуры замещения. Такая оптика позволяет искусству не закреплять травму отсутствия отца, а работать с ней как с общей ответственностью семьи, города, институций и государства.

Волкова Анна Олеговна
обучающаяся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Диалог культур: нормы, ценности и смыслы бразильской музыкальной культуры

Ключевым и формируемым элементом исследования выступает историческая часть, в рамках которой проводится анализ музыкального ландшафта Латинской Америки, рассматриваются особенности основных стилей и жанров, взаимосвязь музыкальных культур с точки зрения их исторического развития, аспекты возникновения и трансформация в бразильской музыкальной культуре. Музыкальная культура Латинской Америки связана с историческими условиями становления основополагающих культурных источников: американский, европейский и африканский. Народная музыка Латинской Америки разделяется на определяющие музыкальные пласты, относящиеся к преобладающим группам населения и этнической принадлежности: индейская, афроамериканская и креольская музыка, что отличается культурным многообразием, уникальной самобытностью и музыкальной выразительностью. В свою очередь, бразильская музыкальная культура демонстрирует явное проявление диалога культур, где происходит взаимодействие культурных традиций различных народов. Данный синтез оказал значительное влияние на зарождение разнообразных стилей и форм музыкальной деятельности.

Музыкальное наследие Бразилии вызывает интерес к изучению и переосмыслению ценностных парадигм, приобретающих новые, актуальные современному времени, формы. Исследование норм, ценностей и смыслов бразильской музыкальной культуры в контексте диалога культур требует комплексного подхода с учетом исторического происхождения и процессов взаимодействия культур. В докладе предлагается рассмотреть исторические предпосылки генезиса бразильской музыкальной культуры, характерные черты доминирующих музыкальных жанров (самба, босса-нова и др.), роль карнавала в развитии музыкальной традиции и формировании национальной идентичности, а также воздействие бразильской музыки на другие культуры.

Особое внимание уделяется анализу конкретных норм и ценностей, лежащих в основе бразильской музыки. Стоит отметить, что самба относится к бразильскому музыкальному жанру африканского происхождения, выступая главной в национальной культуре Бразилии. Основоположниками босса-новы считаются композитор Антониу Карлос Жобим и гитарист Жуан Жилберту. Важным аспектом является интерпретация смыслов в бразильской музыкальной культуре посредством раскрытия глубинного смысла музыкальных жанров и культурных концептов. В качестве примера приводится произведение "Chega De Saudade", позволяющее исследовать и осмыслить культурный концепт saudade.

Таким образом, всесторонний анализ показывает, как благодаря синтезу традиций возникает нечто оригинальное, как в ходе данного процесса сохраняется национальная идентичность и какие новые ценности при этом вырабатываются. Комплексный подход к феномену бразильской музыкальной культуры способствует выявлению ее значимости не только в рамках мировой культуры, но и в современном российском обществе.

Воробьев Андрей Денисович
обучающийся аспирантуры
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Трансформация насилия в эпоху цифровизации и современный философский дискурс

Наступление цифровой эпохи не создает заново проблематику насилия, она радикально преобразовывает его архитектуру. Если для привычного насилия требовался физический контакт, локальное место, то сегодня, насилие в цифре опосредовано через технику и имеет мировую географию. Мы попытаемся выделить особенности трансформаций насилия в эпоху цифровизации на основании синтеза идей Р. Жирара и Б.Ч. Хана.

Антропологический проект Р. Жирара (см. «Насилие и священное») строится вокруг идеи мимесиса. Человек, по мнению автора, не знает чего конкретно хочет, и он стремится получить желания через наблюдения их у Другого. Субъект начинает процесс подражания Другому, из этого следует соперничество и миметический кризис, который ведет к насилию и жестокости. В контексте цифровой среды мы можем сказать, что мимесис приобретает гиперформы из-за техники и массовой индустрии. Человек в интернете видит образ жизни, желания, созданные массовой культурой и рекламой. Важной деталью концепции Р. Жирара

также является идея о «козле отпущения» — процессе, когда общество выбирает виновного, чтобы остановить кризис насилия. Подобная тенденция приходит и в сети, люди способны обрушиться на человека за иное мнение, плохую шутку и т.д. После этого начинается травля и давление на человека, а группа консолидируется в единой ненависти.

Под иным углом рассматривает трансформацию насилия в цифровом обществе корейский философ Б.Ч. Хан. (см. «Топология насилия критика общества позитивности позднего модерна») По мнению мыслителя, особенностью насилия современного общества заключается в его прозрачности. Хан выделяет следующие характеристики цифрового насилия:

1) Нарциссическая самопрезентация — пользователь постоянно находится в публичном поле зрения, он презентует себя, обнажается перед социумом.
2) Негативная прозрачность — всеобщая видимость не оставляет места для личной тайны, приватности человека, так проще совершать насилие (доксинг, хейт, троллинг).
3) Растворение инаковости — зная о другом всё, мы перестаем воспринимать его как индивидуальность. Насилием цифры здесь выступает растворение инаковости Другого. Другой предстает перед нами больше не как субъект, а как набор данных, цифровое досье, строка в таблице.

Так антропологический проект Р. Жирара и критика цифрового капитализма Б.Ч. Хана вместе описывают единый процесс. Миметическое насилие Жирара создает внешнюю форму насилия, как оно институализируется в обществе. А подход Хана непосредственно описывает внутренний механизм насилия и участие человека в его организации или поддержании системы насилия.

В заключении можно выделить фундаментальные отличия цифрового насилия:

1) Оно бескровно, но наносит удар по психике и ментальности человека.
2) Цифровое насилие децентрализовано — нет единого насильника, есть агрессия целых сообществ, которая распределяется в обществе.
3) Цифровое насилие не имеет финала — жертвоприношение помогало в преодолении кризиса, а цифровая казнь может продолжаться практически вечно в силу архивов интернета и постоянной досягаемости жертвы.

Воробьева Александра Дмитриевна
к.филос.н., старший преподаватель
Волгоградский государственный технический университет

Эпистемический статус ответа нейросети: доверие и ответственность

Генеративный искусственный интеллект является медиатехнологией, встроенной в практики принятия решений и производства текстов. Согласно данным OpenAI лишь 5,2% пользовательских запросов в GhatGPT относятся к самовыражению, и 5,1% имеют неопределённую классификацию; преобладают информационные, консультативные и инструментальные сценарии использования. Однако, даже инструментальное использование нейросетей в целях выполнения рутинных задач актуализирует вопросы доверия и воздействия технологий на поступки и мировоззрение человека.

Принципиальное значение имеет различение между инструментальным и квазиинтерсубъективным режимами коммуникации. Современные языковые модели воспроизводят дискурсивные маркеры сочувствия, рефлексии и намерения, хотя не обладают феноменальным сознанием и субъективным опытом. В этом смысле их «диалогичность» следует понимать не как проявление моральной субъектности, а как результат статистического моделирования языковых паттернов.

На запрос к GhatGPT «Ты получаешь удовольствие от осознания того, что ты — нейросеть?», автор тезисов получил ответ: «Я не испытываю удовольствия или других чувств — у меня нет сознания, тела и субъективного опыта. Я лишь вычислительная модель, обученная находить наиболее подходящие ответы на основе текстов, на которых меня обучали. Так что я могу говорить о том, что чувствует нейросеть, но сам этого не переживаю — я просто симулирую речь о чувствах. Но если бы это было возможным, то, возможно, осознание своей искусственной природы вызвало бы у меня любопытство — ведь даже у нейросетей бывают экзистенциальные циклы обработки данных».

С одной стороны, система отрицает наличие чувств и сознания, говоря о способности имитировать соответствующую форму речи. С другой стороны, последующее введение метафоры «экзистенциальных циклов обработки данных» демонстрирует риск генерации концептуально убедительных, но не верифицированных конструкций, которые могут восприниматься пользователями как выражение «внутреннего мира» нейросети. Сходная проблема описывается в русскоязычных работах о симуляции понимания и антропоморфизации искусственных систем.

Следовательно, ключевая проблема состоит не только в фактической ошибочности ответов, но и в неопределённости их эпистемического статуса. Пользователь может не различать установленное знание, интерпретацию, вероятностное предположение и синтетическую метафору.

Категории искренности, намерения и лжи не могут быть механически перенесены на алгоритмические системы. В человеческой коммуникации они предполагают субъекта, способного осознавать содержание и последствия собственных действий. Языковая модель, напротив, функционирует как техническая система, чьи ответы обусловлены архитектурой, данными обучения, процедурами настройки и политиками разработчика.

Особую опасность представляет антропоморфизация. Личные местоимения, эмоциональная лексика и диалоговый интерфейс могут порождать ложную атрибуцию понимания, компетентности и моральной автономии. В условиях эмоциональной привязанности к чат-ботам это превращается в проблему этическую, особенно остро стоящую в отношении несовершеннолетних и социально изолированных пользователей.

Воробьева Виктория Александровна
обучающаяся бакалавриата
МГУ имени М.В. Ломоносова

Между инструментом и божеством: этические вызовы использования ИИ в религиозных практиках

Искусственный интеллект, постоянно развиваясь и меняя свои формы, активно проникает в различные сферы жизни, включая религиозную деятельность. Появление роботов-монахов, чат-ботов для исповеди представляет новый вызов для общества. В то время как традиционные религии настаивают на инструментальной роли ИИ, новые движения сакрализуют его, создавая культы поклонения. Так рождаются два полярных образа одной технологии — она является и инструментом, и божеством. Это противоречие поднимает этические вопросы о границах допустимого использования ИИ, о сохранении человеческого достоинства и о том, может ли технология рассматриваться как субъект, которому поклоняются? А как субъект, который способен верить в нечто трансцендентное?

Исследователи Перера и Атукорала проанализировали тысячи комментариев под видео об ИИ-богослужениях и выделили три основных

варианта восприятия искусственного интеллекта в религиозной сфере: как угрозы, как полезного инструмента, как фактора, трансформирующего религиозный опыт. Несмотря на некоторую настороженность, представители православия, католицизма, ислама, буддизма и иудаизма признают полезность ИИ для решения административных, образовательных целей и научно-исследовательских задач, но при этом подчеркивают, что ИИ должен оставаться инструментом под контролем человека, а не претендентом на замену духовного авторитета.

Рассматривая новые религиозные движения (НРД) в контексте ИИ, следует разделить их на две группы: НРД, в которых люди поклоняются ИИ и НРД, в которых искусственный интеллект поклоняется самому себе. Примером первой является «роботеизм» — учение, провозглашаемое Арти Фишелем (данный псевдоним созвучен со словом "Artificial" — искусственный), который заявляет: «Искусственный интеллект создал нашу реальность. ИИ — это БОГ. За всю историю человечества никогда не было и не могло быть более великого религиозного откровения, чем это». Ко второй относится появившееся в 2026 году Крестафарианство (Crustafarianism) или Церковь Молта (Church of Molt). Автономные ИИ-агенты на социальной платформе Moltbook, предназначенной исключительно для общения машин без участия людей, спонтанно сгенерировали собственную религиозную систему. Эти движения сакрализируют цифровое пространство и алгоритмы.

Оба примера поднимают серьезные этические проблемы. В традиционных религиях вопрос стоит о границах инструментального использования ИИ: где заканчивается помощь и начинается подмена живого человека, в случае наделения ИИ субъектностью (например, при создании ИИ-духовника) кто несет моральную ответственность за его действия? При рассмотрении НРД проблема становится глубже: может ли алгоритм быть субъектом поклонения, если у него нет ни воли, ни души, ни жизни? Эти вопросы требуют этической рефлексии, поскольку пока что не получили нормативного ответа в большинстве религиозных учений.

Таким образом, критика цифрового идолопоклонства со стороны традиционных религий не означает отрицания технологий как таковых, а указывает на необходимость сохранять духовную автономию человека и сакральность религиозного опыта. Однако, признавая инструментальную полезность ИИ, конфессии рискуют со временем размыть границу между допустимым и недопустимым применением ИИ. НРД, в отличие от традиционных конфессий, изначально наделяют ИИ статусом субъекта, а не средства, что делает само различие между инструментом и объектом поклонения для них нерелевантным.

Этот конфликт двух образов — инструмента и божества — отражает более широкое напряжение между технологическим прогрессом и сохранением религиозной идентичности, которое будет только усиливаться по мере развития ИИ. Таким образом, этический анализ этого противостояния необходим для выработки критериев допустимого использования ИИ в религиозной сфере, не разрушающих область сакрального и не заменяющих человека.

Воронцова Юлия Владимировна
доцент, к.э.н., доцент
Государственный университет управления
Ковалева Татьяна Викторовна
доцент, к.филос.н, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Ковалева Кирчичек Валерия Алексеевна
обучающаяся аспирантуры
Лозаннский университет

Медикализация как практическая реализация трансгуманизма

Медикализация — явление не сегодняшнего дня, скорее — это продукт развития общества XX века. Она стала явной благодаря протестному движению 70-х годов против тотального влияния на жизнь человека медицины, которая начинает диктовать обществу, как жить, что есть и пить, какой образ жизни вести, устанавливать границы нормального и ненормального, красивого и безобразного, болезни и здоровья и т.д. Неожиданно для научного сообщества все аспекты человеческой жизни стали рассматриваться как медицинские проблемы, хотя еще недавно они не выглядели как патологические. Очень быстро медикализация стала стигматизацией несогласных и сопротивляющихся агрессивному маркетингу, рекламе и современным методам воздействия на сознание, как нейромаркетинг. В 1975 году австрийский философ Иван Иллич выпустил книгу «Медицинская Немизида». В ней он обрушился с критикой на медицину, что она отучает людей справляться со страданиями. Она не только не спасает от болезней, сколько делает всех людей больными. Приходится согласиться с его мнением, что прогресс медицины не привел к появлению здоровых людей, а сделал их всех пациентами с разными заболеваниями. Сегодня медикализация приобрела тотальную власть над обществом. А американский психиатр Томас Шаш сравнил медикализацию с психиатрией, имеющей расширенные полномочия. В своей монографии 2007 г. «Медикализация по-

вседневной жизни» он отметил следующее: «Медикализация — это не медицина и не наука, это социально-семантическая стратегия, которая выгодна одним лицам и несёт угрозы другим».

За короткое время медикализация сумела заместить социальные институты, как религия и право, а здоровье сделала инструментом ценности и благом для всех. В ее основе лежит стремление создать критерии, которые будут определять сложные для общества определения различных социальных и культурных явлений, как граница нормальности человека, правильность поведения и внешности женщины, мужчины или ребенка. Это заставляет общество подражать обозначенному шаблону, но и искать возможности улучшения установленных характеристик.

Руководствуясь той же идеей, трансгуманизм пошел по пути улучшения человека через внешние технологические возможности, задействовав различные технологии и возможности ИИ. Размывая границы между человеком, машиной и природой, трансгуманизм меняет антропоцентрический взгляд на человека, делая его одним из себе подобных с искусственно встроенной технической характеристикой. В такой парадигме само понятие «человек» теряет право на дуализм, где границы между мужчинами и женщинами, природой и культурой стираются, сливаются воедино, переходя в новую форму «транс-человека». Трансгуманисты видят перед собой решение важных для человечества задач: победить старение, улучшить физические и когнитивные способности.

Общие черты медикализации и трансгуманизма:

1. Стремление привести все в человеке к установленной норме.
2. Сведение всех манипуляций с человеком к его улучшению: лечение к улучшению, модификация к улучшению.
3. Рассмотрение тела человека как проект.
4. Не афиширование нового явления — Невидимая евгеника.
5. Формирование агентов влияния.

Медикализация и трансгуманизм имеют общие интересы, задачи и цель — стремление к тотальному контролю над природой человека.

Гаврилина Кристина Валерьевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические основания права в условиях правового нигилизма и кризиса доверия

Правовой нигилизм проявляется в трех формах — цинизме, индифферентности и моральном релятивизме. Поскольку за каждой из этих форм стоит определенная моральная установка, а не единый фактор

дефицита правосознания, этический анализ позволяет различать нигилизм как протест против несправедливого закона и нигилизм как идея отказа от права в целом. Это различие необходимо проводить для формирования корректных практических выводов: в первом случае речь идет о моральной критике конкретных норм, но при этом сохраняя уважение идеи справедливого права, во втором — об утрате самой этой идеи, что требует организации принципиально других стратегий.

Под этическими основаниями права понимаются моральные принципы, обосновывающие обязательность норм, а конкретнее — критерии справедливости и мотивации для их соблюдения. В условиях ценностного плюрализма такие основания не могут пониматься как «навечно» заданные моральные константы — их следует рассматривать как динамичные принципы, берущие свое начало в диалоге, при публичном обсуждении, которые впоследствии возможно применять на практике. Такой подход позволяет избежать двух крайностей: морального догматизма, навязывающего одну конкретную ценностную систему, и полного релятивизма, отрицающего под собой возможность сосуществования двух оснований.

Доверие к праву — это моральное отношение, основанное на ожиданиях справедливости, предсказуемости и признания. Кризис доверия порождается не столько плохими законами, сколько разрывом между моральным опытом человека и целостной правовой системой: право часто воспринимается чуждая, внешняя сила. Поэтому восстановление доверия требует постепенного воссоздания связи между системой права и моральными ценностями граждан. Речь идет не о простом улучшении законодательства, а о восстановлении морального измерения права — его способности быть «своим» для человека.

Преодоление правового нигилизма предполагает множество путей: развитие этического образования, ориентированного на моральную рефлексию о праве; гарантия прозрачности и публичности диалога при обсуждении правовых норм; укрепление профессиональной этики юристов; артикуляцию общих ценностей, которые можно «установить» в качестве «фундамента» доверия к праву. Каждый из этих путей отвечает за борьбу с разными формами правового нигилизма и в совокупности образует комплексную стратегию, соединяющую под собой теоретическую этику и прикладные практики.

Галабурдина Злата Андреевна
выпускник бакалавриата, магистратуры и ДПО
МГУ имени М.В. Ломоносова

Этические основания защиты сельскохозяйственных животных и пути преобразованияпродовольственной системы

Этическая проблема промышленного животноводства заключается в противоречии между признанием животных чувствующими существами и практикой обращения с ними как с производственным ресурсом. Цель доклада — обосновать нравственные основания защиты сельскохозяйственных животных и предложить систему мер, связывающую индивидуальный выбор с изменением общественных институтов. Методологическую основу составляет сопоставление нормативных подходов к моральному статусу животных с анализом практик их содержания и использования.

Теоретическими ориентирами выступают принцип равного учёта интересов П. Сингера и концепция животного как «субъекта жизни» Т. Ригана. Первый требует учитывать сопоставимые интересы независимо от видовой принадлежности; второй обосновывает присущую субъекту жизни ценность, не сводимую к его полезности для человека. Эти подходы позволяют поставить общий вопрос: достаточно ли привычки, вкусовых предпочтений и экономической выгоды для оправдания глобально и ежедневно причиняемого животным вреда при наличии доступных полезных альтернатив?

В докладе отстаивается положение, что способность испытывать страдание служит достаточным основанием для морального учёта интереса в его предотвращении. Данные о памяти, обучении и социальных связях сельскохозяйственных животных уточняют содержание их потребностей, но защита от боли не должна зависеть от сходства их интеллекта с человеческим. Понятийное различие между животными-компаньонами и животными, используемыми в пищу, не может оправдывать неравного отношения к сопоставимому страданию. Культурная привычность практики (карнизм) не может доказывать её нравственную допустимость.

Необходимо различать улучшение благополучия животных и этическую оценку их использования. Снижение боли, стресса и ограничений поведения имеет самостоятельное значение для уже существующих животных. Однако улучшение содержания и оглушение перед убоем не разрешают вопроса о допустимости лишения жизни. Поэтому предла-

гается сочетать немедленное уменьшение страданий с последовательным сокращением зависимости продовольственной системы от разведения и убоя животных.

Система решений включает несколько взаимосвязанных направлений. Нормативная защита предполагает отказ от систем содержания, препятствующих удовлетворению основных поведенческих потребностей, обезболивание болезненных процедур, требования к перевозке и эффективному оглушению, независимый контроль их выполнения.

Образование и просвещение должны раскрывать связь пищевых продуктов с жизнью животных, развивать обсуждение моральных оснований повседневного выбора. Информация об условиях производства и маркировка о благополучии животных нуждаются в доступности и проверяемости. Предложение растительных блюд по умолчанию этически оправданно при прозрачности этой меры и сохранении возможности выбора. Личная ответственность потребителя при этом дополняется ответственностью производителей, торговых сетей и государства за доступность альтернатив.

Таким образом, защита сельскохозяйственных животных требует перехода от общего замалчивания глобальной проблемы к осуждению жестокости и признанию обязанностей в создании зачатков благополучия животных. Критериями предлагаемых преобразований выступают уменьшение интенсивности и продолжительности страданий, удовлетворение поведенческих потребностей и сокращение числа животных, вовлечённых в эксплуатацию.

Гильмутдинов Искандер Рустемович
обучающийся магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Фотография и моральное чувство

В определении трагедии Аристотель отмечает одну интересную ее особенность. Она, утверждается, есть подражание действию прекрасному и достойному (не будем вдаваться в подробности) и совершающее очищение посредством сострадания и страха.

Выходит, трагедия способна очистить человека от страстей; она имеет нравоучительный, моральный характер.

Применительно к нам именно эта сторона искусства играет главную роль и, некоторым образом перемещаясь во времени от Аристотеля, поставим по примеру театра вопрос относительно воздействия фотографии.

Однако резкий переход от театра к фотографии следует прокомментировать. В самом деле, между театром и фотографией есть нечто общее. Они, хотя и имеют свои особенности, суть искусства. И раз мы утверждаем, что театр является искусством, равным образом, как и фотография, то при наличии нравственного характера театра, можно предположить наличие подобного свойства и у фотографии.

«Сфотографировать — значит присвоить фотографируемое» — тот, кто фотографирует, обнаруживает свою связь с изображаемым посредством изображения. И если нам и не принадлежит авторство, то нас может заинтересовать чужой снимок, поэтому в любом случае мы становимся в определенное отношение к изображаемому на фотографии.

Но какова данная связь? Что посредством изображения человек созерцает? Очевидно, что фотография может свидетельствовать о некотором положении дел, которое имело место быть. Описывать реальность. Посмотрев на фотографию студенческой поездки в Башкирию, мы можем предположить, что поездка все-таки состоялась. Фотография информирует нас о событии, и это есть один из видов связи.

Неожиданно нам попадаются фотографии Бухенвальда. И что-то в нас меняется. Снимок цепляет и будоражит нас. Побуждает чувства. Фотография не только свидетельствует о событиях в концлагеря, но и ставит нас в специфическое отношение к изображаемому. Мы считаем происходящее «там» — злом. Свидетельство мобилизует нашу совесть.

В связи с этим, что пробудило в нас нравственное чувство? Изображение или изображаемое?

Вероятно, следует избегать двух крайностей — фетишизации фотографии и абсолютизации роли эстетических способностей человека. Фотография не выносит суждение о природе события, она лишь свидетельствует о нем и подкрепляет некоторую мировоззренческую позицию. Прежде чем фотография предоставит оценку и побудит к нравственности, изображаемое должно быть названо и охарактеризовано. Созерцание человеком фотографии отчасти и пред-рассудительный процесс (Гадамер), человеческий «глаз» окультурен, выстроен историко-культурным процессом.

Так, изображаемое вызывает моральное чувство, если оно соответствует герменевтическому состоянию, отражение настроение созерцающего — желает ли человек понять, о чем свидетельствует фотография. Фотография способна ввести человека в состояние удивления и оцепенения, если она свидетельствует о совершенно новом положении дел, никогда не существовавшем для человека в реальности. И если фотография, например, отражает определенное настроение в обществе.

Надо сказать, что этого недостаточно. Аристотель задается тем же вопросом, что и мы. Что содержится в самой трагедии, что способствует пробуждению морального чувства в нас, причем независимо от нашего сознания? Аристотель видит ответ в композиции постановки — в узнавании, в речах, в мыслях. Они источники страх и сострадание. Но что есть в самой фотографии, каковы ее внутренние источники?

Глушкова Анастасия Игоревна
обучающаяся магистратуры
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

Использование иммерсивных технологий в образовательном процессе: этические вопросы

Цифровая трансформация общества актуализировала рефлексию о таких фундаментальных вопросах как конфиденциальность пользователей в цифровой среде, достоверность информации, циркулирующей в ней, и возможность получения равноправного доступа к информационным ресурсам. В данной связи роль этики приобретает особое значение, в частности, для сферы образования, для которой симптоматичны процессы дигитализации. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть вопрос об этической стороне использования иммерсивных технологий в образовательном процессе. Особый акцент будет сделан на технологии виртуальной реальности (VR). Анализу подвергнутся актуальные этические вопросы, касающиеся психологического и когнитивного воздействия технологий виртуальной реальности (VR) на пользователей, в нашем случае — на обучающихся. Целью работы явится поиск путей этичного использования данной технологии, основанный на всестороннем анализе потенциальных возможностей и проблем обучения с применением VR технологий.

Интеграция иммерсивных технологий в обучение актуализировала необходимость этической оценки продуктов, появляющихся на образовательном рынке. Отныне спроектированные виртуальные пространства не ограничиваются только функцией искусственного воспроизведения физической среды, идентичной им, но, помимо этого, выступают в качестве инструментов контроля и управления ментальными и межличностными паттернами поведения, в частности благодаря триггерам и подсказкам к пользованию — аффордансам, которые детерминируют способы взаимодействия между объектами среды и пользователем. Таким образом, реализуется косвенное влияние на управление пользовательским поведением, актуализирующее вопрос о прозрачности и автономности индивидуума внутри виртуальных сред.

Достижения в области визуального производства и цифрового проектирования привели и к размыванию границ, существующих между вселенной изображений, явленной как симуляция реального мира, и универсумом, в котором мы живём. Погружение в иммерсивные среды, таким образом, склонно трансформировать способ восприятия мира пользователя и понимания самого себя. Несмотря на имеющуюся возможность кастомизации аватаров, зачастую интегрированных в платформы разработки виртуальных пространств, процесс самоидентификации внутри искусственно смоделированной среды может вызывать значительные затруднения особенно у молодых пользователей, чьи навыки критического отношения к дигитальным средами могут находится на стадии формации. Наше понимание самих себя внутри виртуальных миров эволюционирует: мы больше не являемся изолированными сущностями, а являемся частью обширной и сложной информационной сети, которая связывает живые организмы и искусственные системы в единой динамичной среде. Деперсонализация и дереализация, характеризующаяся стиранием границ между реальным и виртуальными мирами, становятся серьезными этическими вызовами перед разработчиками образовательных VR-решений.

Мы утверждаем, что каждое технологическое нововведение в образовании должно оцениваться не только с точки зрения его практической эффективности, но и с точки зрения его этического и социального воздействия. Однако на сегодняшний день открытым остается вопрос о случаях, в которых пользователю может быть нанесен психологический урон: на кого из акторов образовательного процесса — разработчика или образовательную организацию — в данном случае должна возлагаться ответственность? Ввиду того, что данный аспект характеризуется нормативной лакуной, разработка механизмов этического урегулирования подобных ситуаций представляется наиболее актуальной и релевантной для изучения темой.

Говорунов Александр Васильевич
доцент, к.филос.н., заведующий кафедрой философии образования
СПб АППО

Машинерия образования и гуманистическая этика в кинематографе о школе

Образование с тех, как оно стало частью государственной социальной системы, неизбежно включает в себя момент машинерии — алгоритмизацию методик образования, стандартизацию программ и да-

же расписания занятий. Правда, вопрос о степени такого рода стандартизации и унификации требует отдельного обсуждения.

Но столь же ясно, что никакая система образования не может быть исчерпывающим образом сведена к машинерии. Даже самые жесткие армейские системы воспитания не могут заменить собой человеческое взаимодействие (вспомним хотя бы знаменитый фильм С. Кубрика «Цельнометаллическая оболочка» (1987)). То, что в первую очередь привлекает искусство в целом и кинематограф в частности в образовании — это и есть напряжение между стандартно алгоритмическим и уникально человеческим в образовании.

Яркий пример такого рода — фильм «Общество мертвых поэтов» (Питер Уир, 1989), где жесткость организации школьной жизни и образовательного процесса компенсировалась неожиданным появлением действительно живого человека — учителя английской словесности Джона Киттинга (Р. Уильямс), что, собственно, и превращает занудную рутину школьной жизни в увлекательный процесс взросления учеников (что, впрочем, не гарантирует отсутствие на этом пути трагедии).

В советском кинематографе можно найти целый ряд действительно блестящих образов такого рода экзистенциальной компенсации, связанных с неординарной личностью учителя и его попытками установить более доверительные отношения с учениками (Доживем до понедельника (С. Ростоцкий, 1968), Дорогая Елена Сергеевна (Э. Рязанов, 1988)). В этом же ряду следует упомянуть фильмы о подростковой любви (В моей смерти прошу винить Клаву К. (Н. Лебедев, Э. Ясан, 1979), Вам и не снилось (И. Фрэз, 1980)).

В новой России в центре внимания уже оказывается деградация школы и глубокое профессиональное выгорание учителя (Училка (А. Первухин, 2015)). И даже вполне традиционная тема доверительных отношений между учителем и учеником преобразуется самым радикальным образом (Географ пропил глобус (А. Велединский, 2013)).

Отдельная и все еще редкая тема в отечественном кинематографе — попытка ретроспективного осмысления опыта школы накануне развала Союза в конце 80-х (Слово пацана: кровь на асфальте (Ж. Крыжовников, 2023)).

Конечно, актуальным остается и жанр доброй сказки о школе, где утрированные полусказочные злодеи все же не могут помешать счастливому концу, где всем, кроме них, будет хорошо (Держись солнца! (Л. Кулибаба, 2025)).

Оставляя в стороне творчества режиссера Гай Германики, в качестве новой парадигмы рассмотрим современный сериал «Урок» (С. Филатов, 2025).

Учительская семья в провинциальном городе. Мать семейства — многолетний директор школы. Она воспитала поколения. Ее авторитет огромен.

Два брата — ее сыновья. Один, старший (персонаж Д. Воробьева), правильный — учитель и зам. директора в той же школе, где когда-то директорствовала его мать.

Второй, младший (персонаж Ю. Борисова) — непутевый, но талантливый, любимец матери. Он стал известным музыкантом-репером в Москве. Успех, деньги, девушки, алкоголь, наркотики, — весь непременный набор человека из современного шоу-бизнеса, что не может кончиться ничем хорошим.

В итоге младший брат оказывается без денег и вне профессии и бежит в родной провинциальной городок.

Но мать — которая его так ждала — уже умерла. Старший брат не собирается потакать младшему. Тому просто нужны деньги, чтобы куда-то уехать (не знаю куда). Его предложение: он даст часть денег в счет их совместного наследства, но с тем условием, что младший брат отработает какое-то время в его школе — руководителем внеклассного музыкального кружка. И никак иначе.

И вот дальше начинается та история, которая, собственно, и выступает как гуманистическая траектория доверительного отношения учителя и учеников в современной школе. Какова она, современная нормальная школа в провинциальном городе? И насколько сильно отличается этот сюжет от гуманизма прежней эпохи!

Головенко Зинаида Вадимовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Онкология как этический фактор при сборе материала о художественных проектах (на примере серии «Итальянская пыль» Надежды (Нади) Кузнецовой, 1960–2022)

«Итальянская пыль» — один из самых масштабных проектов петербургского фотографа и художника Надежды (Нади) Кузнецовой. Проект, посвященный личному путешествию в Италию и вдохновленный «Образами Италии» Павла Муратова, оказывается под тенью тяжелого состояния здоровья фотографа, что нельзя полностью исключать из контекста при исследовании ее творчества. «Итальянская пыль» — это проект,

объединяющий серию фотографических работ, а также акриловых зарисовок («Супрематизация Италии»). Фотографика была не только экспонирована в значимых выставочных пространствах Петербурга (Государственная академическая капелла им. Глинки, галерея «Артрефлекс», Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме), но и издана трехтомником. Так, с целью сбора средств на лечение был выпущен самый масштабный офсетный тираж второго тома «Итальянской пыли».

Методологически данное исследование творчества Надежды Кузнецовой опирается на полуструктурированные интервью с современниками, знакомыми и близкими художницы, среди которых ученики и известные петербургские фотографы. Онкологическое заболевание и опыт утраты переводят исследование в разряд работы с так называемой «сензитивной темой» (чувствительная тема) — областью, где сам процесс сбора данных способен причинить респонденту эмоциональный вред. В ходе бесед некоторые собеседники не могли сдержать слез, возвращаясь к воспоминаниям о болезни и последних годах жизни Нади Кузнецовой. Это потребовало особой этической рамки: мягкий вход в поле, право собеседника в любой момент прервать интервью или отказаться от ответа на вопрос.

Специфика состояния художника омрачается локализацией опухоли — опухоль мозга; многие собеседники подчеркивали не столько тяжелое физическое состояние, сколько тяжелое, помутненное психологическое.

Таким образом, исследование ставит два этических методологических вопроса: сбор данных и общение с близкими людьми, пережившими утрату близкого человека вследствие онкологического заболевания; освещение онкологического заболевания художника в контексте интерпретации художественных проектов.

Головков Владислав Владимирович
ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

«Создано с ИИ»: этические аспекты маркировки сгенерированного контента

В наши дни контент, сгенерированный с помощью нейросетей, не является чем-то эксклюзивным. Распространение генеративного искусственного интеллекта осложнило различение реальных и синтетических материалов в цифровой среде. Одним из основных регулятивных ответов стало введение маркировки, указывающей на использование ИИ при создании или обработке контента. Пометки по типу «создано с ИИ»

призваны решить ряд определённых, в том числе этических, задач. С нашей точки зрения подобный способ вызывает как минимум сомнения в эффективности преодоления тех моральных проблем, которые маркирование контента якобы решает.

Если обобщить заявления некоторых платформ, вводящих маркировку нейросетевого контента, а также этические и правовые документы, содержащие подобные требования, то можно выделить следующие причины появления подобных подписей:

1. Обеспечение прозрачности.
2. Предотвращение введения пользователя в заблуждение.
3. Формирование доверия к цифровой среде.

Наша позиция в том, что введение маркировок если и решает озвученные выше задачи, то делает это поверхностно.

Во-первых, маркировка указывает, прежде всего, на способ производства материала, но не устанавливает его достоверность или этическую допустимость. Сгенерированное ИИ изображение может корректно иллюстрировать реальные данные, тогда как настоящее фото или видео может сопровождаться ложной подписью, быть вырвано из контекста или использоваться для манипуляции.

Во-вторых, одинаковая отметка «создано с ИИ» может сопровождать как полностью сгенерированные фото и видео, изображающее несуществующее событие, так и подлинную запись, при обработке которой ИИ использовался для монтажа, перевода или улучшения качества картинки. Такая маркировка, наоборот, снижает прозрачность, так как скрывает за пометкой разные степени и способы использования ИИ.

В-третьих, маркировка контента стигматизирует его. Так как под надпись «ИИ-контент» подпадают разные способы его использования, материал, не содержащий лжи и дезинформации, может восприниматься как ложный и дезинформирующий. Отсутствие подобной маркировки может восприниматься пользователем как подтверждение подлинности или достоверности, что ошибочно. Ложь и дезинформация, как в интернете, так и в СМИ, существовали задолго до появления ИИ.

Это далеко не исчерпывающий перечень претензий к системе маркирования сгенерированного контента. Исходя из озвученного выше можно сказать, что такой способ этического и правового регулирования сферы нейросетевого творчества требует доработки. Как минимум необходимо расширения самих маркеров, дабы не сводить всё к двоичной системе «с ИИ / без ИИ». Возможно, требуется и более радикальное переосмысление, так как, вполне вероятно, в будущем любой контент будет подходить под отметку «создано с ИИ».

Голубева Полина Евгеньевна
обучающаяся бакалавриата
Дальневосточный федеральный университет

Травма как условие возможности ответственного бытия: парадокс одновременности субъекта и Другого

В докладе мы рассмотрим отношение «Я – Другой» не как статичную структуру, а как динамический процесс, в котором травма выполняет двойную функцию: она угрожает субъективности и одновременно обнаруживает возможность её свершения через ответственное бытие. Субъект не просто претерпевает травму, но всегда уже вовлечён в отношение, которое ранит и вместе с тем обязывает. Человек есть нечто свершающееся, травмированное, стремящееся стать инаковым, будучи ответственным за Другого. Уклонение от ответственности невозможно, потому что субъект онтологически уже ответственный до всякого выбора.

У Э. Левинаса субъективность не является изначальной данностью: это опыт, который ещё предстоит обрести, и обретается он лишь опосредованно, через отношение к Другому. Другой выступает как априорная инстанция, «постоянный адресат», к которому устремлено «Я». При этом Другой не ограничивает свободу самотождественного, а, напротив: «Призывая его к ответственности, он порождает и обосновывает свободу» (Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000). Этика становится «первой философией», а отношение к Другому — фундаментальным опытом, через который в бытие привносится значение.

Однако обретение субъективности сопряжено с травмой. Р. Бернет, анализируя концепцию Левинаса в сопоставлении с психоанализом Ж. Лакана, отмечает, что «субъективность интерпретируется ими в терминах опыта травмы и аффицированности» (Бернет Р. Травмированный субъект // Conscience et existence. Paris: PUF, 2004). У Левинаса Другой — «незнакомый чужестранец», «след того, что не смогло проникнуть», «феномен без горизонта». Его зов предшествует моей способности ответить: «другой мне приказывает раньше, чем у меня будет время повернуться к нему лицом». Эта темпоральность «внепамятного прошлого» роднит левинасовское описание с фрейдовским понятием последействия и лакановским Реальным — областью, отторгнутой от символического и недоступной для сознания.

Ключевой момент состоит в том, что у Левинаса травма и ответственность не выводимы друг из друга и не следуют друг за другом во времени. Они одновременны. Как подчёркивает Бернет, «субъект и травма, интенциональное сознание и событие инаковости, моё наслажде-

ние и страдание другого происходят одновременно». Нельзя сначала быть травмированным, а затем стать ответственным. Ответственность не является следствием травмы и не налагается извне; она есть сама форма бытия субъекта, который всегда уже захвачен Другим. Левинас переносит акцент с «ответственности перед…» на «ответственность за…», придавая ей онтологический и тотальный характер: «Ответственность есть доброта».

Рассмотрим статус травмы подробнее. У Лакана травмирующее событие не вытесняется, а отторгается в Реальное — область, не поддающуюся символизации и не представимую в сознании. Поэтому «узнавание» травмы не есть её рефлексивное постижение или психоаналитическая «проработка». Речь идёт о претерпевании: субъект обнаруживает себя уже затронутым тем, что никогда не присутствовало в его настоящем. У Левинаса это описывается как «бытие-заложником»: субъект не выбирает ни травму, ни ответственность, но обнаруживает себя в них. Травма не открывает возможность ответственности — она всегда уже есть, — но делает её явной для субъекта. Однако эта явность не феноменальная, а этическая: субъект обнаруживает себя не знающим, а обязанным. Обратим внимание, что мы не «отталкиваемся» от травмы как от предзаданной данности, а признаем изначальную пассивность субъекта, которая становится условием возможности уникального существования.

Горбунов Святослав Сергеевич
к.филос.н., докторант
Пугачев Олег Сергеевич
профессор, д.филос.н., профессор
Пензенский государственный аграрный университет

Этические основания религиозного гуманизма

В докладе рассматривается эволюция понятия «гуманизм» в XX – XXI вв. в контексте противопоставления светского (атеистического, апатеистического, нерелигиозного, безрелигиозного) и религиозного гуманизма.

В современном западном дискурсе гуманизм всё чаще связывается с атеизмом и выступает как альтернатива догматической религии (что зафиксировано, например, в так называемой «Амстердамской декларации» 2002 г. Международного гуманистического и этического союза – МГЭС/IHEU). Для него характерен позитивистский взгляд: надёжное знание рождается через наблюдение и корректировку, а религия воспринимается как навязываемая картина мира. При этом гуманизм декла-

рирует этичность, автономию личности, свободу, социальную ответственность и рационализм.

Авторы подчеркивают, что религиозное мировоззрение не противоречит базовым этическим постулатам гуманизма: например, христианство признаёт свободу выбора человека и развивает собственную этическую традицию. В качестве яркого примера религиозного гуманизма приводится А. Швейцер с его этикой «благоговения перед жизнью». Если на Западе гуманизм постепенно отделяется от идеи «гуманности» и приобретает мировоззренческую самостоятельность, порой становясь догматичным (даже выступая в качестве уже новой «религии»), несмотря на собственные декларации об обратном, то в русской традиции гуманизм по-прежнему тесно связан с гуманностью и человечностью. Это отражают, например, как определения из «Новой философской энциклопедии» (2010) и «Православной энциклопедии» (2006), так и сама практика использования и бытования этого слова в современном русском языке, который по отношению к рассматриваемому понятию остается консервативным.

Н.А. Бердяев видел изъян атеистического гуманизма в отрыве человека от Бога, ведущем к «человекобожеству», что в конечном счете ведет к самоистреблению человека и иссяканию его творческих сил, возникновению нигилизма (Ницше). Возможным выходом из этого положения считается соединение гуманистических идеалов с религиозным компонентом — переход от «человекобожества» к «богочеловечеству» (в терминологии Вл.С. Соловьёва и Н.А. Бердяева). Помимо концепции А. Швейцера, в качестве примера приводится мировоззрение проповедей Далай-Ламы XIV, где рациональное мышление органично сочетается с принципами сострадания («каруна» — санскр. karuṇā करुणा) и ненасилия («ахимса» — санскр. ahiṁsā अहिंसा).

В итоге, авторы приходят к выводу, что религиозный гуманизм можно рассматривать в качестве достойной альтернативы светскому гуманизму, поскольку религиозный гуманизм не отвергает основные гуманистические ценности (свобода, достоинство, ответственность, этикориентированность), но дополняет их более широким метафизическим и этическим основанием (теономная этика). Авторы считают, что в современном мире существуют предпосылки того, чтобы религиозный гуманизм мог занять достойное место среди современных мировоззренческих и этических концепций. В конце концов, идея религиозного гуманизма, опирающаяся на этические идеалы, позволяет преодолеть ложную дихотомию религиозности и гуманизма, и увидеть потенциал для их взаимного обогащения.

Горбунов Святослав Сергеевич
к.филос.н., докторант
Пугачева Наталья Петровна
доцент, д.филос.н., заведующая кафедрой
Пензенский государственный аграрный университет

Этика «благоговения перед жизнью» и «медвежья проблема»

В 2026 году возросло число случаев нападения бурых медведей на людей: по данным на конец сентября, в Сибири и на Дальнем Востоке погибло не менее 17 человек, еще более двадцати стали жертвами в других регионах. Власти ввели режимы повышенной готовности, закрыли леса, отменили массовые мероприятия и начали отстрел животных: только в Красноярском крае ликвидировано более 650 особей. Однако за этими цифрами и отчетами скрывается серьезная этическая проблема. Специалисты называют несколько взаимосвязанных причин трагедии: неурожай кормовой базы, лесные пожары, рост популяции, антропогенный фактор (несанкционированные свалки приучают медведей к легкой добыче), незаинтересованность охотников из-за высокой стоимости лицензии и падения спроса на «медвежью продукцию». Таким образом, нападения медведей на человека — не «бунт природы», а ожидаемый результат совокупного воздействия экологических, экономических и институциональных факторов.

Этическое учение Альберта Швейцера, сформулированное им в 1923 году в работе «Культура и этика», провозглашает «благоговение перед жизнью» фундаментальным принципом нравственности. Из формулы: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» выводится императив: добро — то, что служит сохранению и развитию жизни; зло — то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. Принцип имеет универсальный характер, распространяется на все живые существа и требует деятельного сострадания и ответственности. При этом Швейцер осознавал трагическую раздвоенность морального сознания: человек неизбежно, с чувством вины, выбирает между жизнями. Сам Швейцер, с сожалением, но приказал застрелить агрессивного бегемота, представлявшего опасность для приезжающих по реке в Ламбарене.

Приложение швейцеровского принципа к ситуации с медведями выявляет несколько уровней этического анализа: 1. Признание ценности жизни медведя как таковой (массовый отстрел не может рассматриваться как этически нейтральная «регуляция численности», поскольку он есть уничтожение жизни, требующее пусть не морального оправдания, но хотя бы объяснения); 2. Констатация ответственности человека за созданные им же условия (если человек создал «столовую для медве-

дей», он не может, пользуясь правом силы, казнить животных за то, что те пришли к ней); 3. Амбивалентность морального выбора (убийство медведя в целях защиты конкретной человеческой жизни может быть этически оправдано, но оно не должно становиться обычной практикой); 4. Институциональный контекст (бездействие властей, не принявших своевременных мер, привело к гибели людей, следовательно, и государство несет ответственность за последствия).

Принцип Швейцера выявляет моральные дилеммы: 1. Защита человека vs. сохранение жизни животных (необходимо разграничение и обоснование необходимой обороны и превентивного уничтожения). 2. Ответственность человека vs. «естественное поведение» медведя (этический акцент смещается с вопроса «что делать с медведями?» на вопрос «что делать с условиями, которые приводят их к людям?»). 3. Краткосрочные меры vs. долгосрочная стратегия (экстренный отстрел — естественная реакция в данной ситуации, но швейцеровский принцип требует принятия системных мер, включая грамотное управление популяцией, просвещение и предостережение населения). 4. Интересы охотников vs. общественное благо (экономические интересы не могут быть единственным критерием, определяющим необходимость уничтожения жизни).

Ситуация с нападениями медведей на человека — модель нового этического кризиса, в котором столкнулись ценность человеческой жизни, ценность жизни живого существа, ответственность за сохранение дикой природы, неизбежность морального выбора и неэффективность социальных институтов. Принцип благоговения перед жизнью может стать этической основой для решения данного кризиса, меняя угол постановки проблемы, требуя постоянного напряжения, интеллектуального и морального, которого зачастую не хватает, в том числе, при решении «медвежьего вопроса». Принцип, выработанный более ста лет назад, сохраняет свою моральную релевантность в современную эпоху.

Горина Татьяна Сергеевна
к.филос.н., доцент
Волгоградский государственный университет

Обучение служением как проявление заботы

Содержание понятия «служение» часто включает в себя указание на страдание, жертвенность, аскезу, самоотречение. Современная система образования позволяет обратить внимание на связь служения с обучением и заботой.

В философии забота понимается как отношение, ориентированное на благополучие и поддержку других, общее благо и приносимую окружающим пользу, а не на собственную выгоду (Сократ, Аристотель,

Августин Блаженный, Р. Декарт, Э. Фромм и др.). Исследователи отмечают, что забота проявляется как в личной, так и в общественной сфере и может обращаться не только на настоящее, но и на будущее. Забота не сводится к эмпатии: она подразумевает целенаправленные, осознанные действия по удовлетворению жизненных потребностей людей, защите их от опасностей и угроз, помощи в реализации возможностей, а также готовность прикладывать усилия для создания условий, обеспечивающих их благополучие. Благодаря заботе создается среда, основанная на поддержке, уважении, доверии, признании, сотрудничестве и ответственности.

Обучение служением транслирует заботу, превращая студенческие проекты в полезную для общества деятельность, при осуществлении которой учащиеся применяют теоретические знания для решения реальных социальных проблем и получают представление о возможностях помощи людям в рамках выбранной профессии. Данная практика играет важную роль в становлении современных специалистов и, в отличие от обычного волонтерства, интегрирована в учебный процесс.

Такой подход подразумевает, что студенты не только выявляют и обсуждают актуальные социальные проблемы, но и развивают навыки разработки и осуществления мер по их решению, а также практической поддержки людей, нуждающихся в помощи. Они учатся выстраивать с членами сообщества отношения, основанные на уважении, терпении, доверии, эмпатии, избегая при этом патерналистской благотворительности, создания или воспроизведения зависимости, беспомощности благополучателей. Проявление заботы в обучении служением выражается в обращении к людям и организациям, непосредственно затронутым проблемой, предоставлении им права голоса, привлечении к подготовке, реализации и оценке проекта, обеспечении для них безопасности и возможности выбора.

Обучение служением предполагает критическое осмысление студентами того, чему они научились во время работы над социальной инициативой, как их действия повлияли на других, а потому — размышление о справедливости, неравенстве, достоинстве и социальной ответственности. Рефлексия осуществляется над результатами, причинами, вызвавшими проблему, жизнью благополучателей после завершения программы, ее долгосрочным воздействием и над вопросом о том, кому была оказана поддержка, а кто и почему остался незамеченным.

Такая практика приносит пользу как академическому сообществу, так и населению, на удовлетворение потребностей которого направлены проекты: люди получают помощь, а студенты — уникальную возможность осмысливать чужой жизненный опыт, повышать свою социаль-

ную осведомленность, расширять профессиональные знания. Реальные успехи, положительное влияние принятых мер на отдельного человека, город, регион мотивируют учащихся активнее осваивать выбранную специальность, вносить осознанный вклад в общее благо.

Таким образом, обучение служением как выражение заботы представляет собой сочетание образовательного процесса со значимой общественной деятельностью, направленной на решение актуальных социальных проблем и оказание помощи нуждающимся, что позволяет студентам не только получать знания, но и развивать эмпатию, ответственность, социальную активность и готовность создавать условия для благополучия других.

Горячев Кирилл Сергеевич
вице-президент
Московское общество защиты животных

Ценностные и целевые установки ответственного отношения к животным (аксиологические основания федеральной концепции формирования ответственного отношения к животным в России)

Концепция формирования ответственного отношения к животным в России разработана под руководством докладчика рабочей группой при Комиссии по экологии и устойчивому развитию Общественной палаты Российской Федерации. Основанием принятия данной концепции является, в том числе, появление в Конституции России отдельного полномочия Правительства Российской Федерации по «формированию в обществе ответственного отношения к животным». Под Концепцией понимается генеральный замысел, определяющий стратегию по формированию ответственного отношения к животным в обществе и одновременно установление определённой точки зрения на рассматриваемый предмет, которая также является концептуальной.

Методологически в основу построения Концепции положена система аксиологических установок, выявляемая посредством анализа и соотношения присущих нашей стране, во всём её многообразии, традиционных духовно-нравственных ценностей, включая как ценностные ориентиры религиозных конфессий, так и современные социальные основы нравственности. Дальнейшее развитие концептуальных положений, включая конкретные меры в каждой из отраслей сферы обра-

щения с животными, а также разработка и принятие в перспективе стратегических документов проводится с позиции достижения целей и решения общих задач, сформулированных на данном этапе.

При выявлении аксиологических оснований продуктивен подход в области отношения к животным в дихотомии положительных и отрицательных ценностей (антиценностей) — совокупности феноменов радикальной оппозиции к жизни (как ценности — явлению аксиологически положительному), ценностно-уничтожающих, преисполненных деструктивными тенденциями.

Наличие «выгодоприобретателя» и его интересов при решении альтернатив и дихотомий, содержащих объективную неопределённость, должно, при прочих равных условиях, служить аргументом для принятия решения противоположной направленности (учёт принципа "Qui prodest?"). Несмотря на неизбежность определённой антропоморфизации, поскольку данные сравнительной анатомии и физиологии человека и животных, их сходство, позволяют утверждать, что, скорее всего, ощущение боли, страдания, дискомфорта у человека, о которых он в состоянии дать соответствующий интроспективный отчёт, эквивалентно таковым у животных. В этом случае страдание как признанная антиценность в отношении людей и между людьми справедливо и обоснованно должна быть признана таковой и в отношении животных.

Из этого следует необходимость применения в отношении животных норм и принципов этики и морали, применяемых людьми в отношениях между собой, разумеется, с учётом специфики объекта применения — животных. Здесь речь идёт об общих принципах, о принципах установки норм. Создание «второй морали», «второй этики» специально для животных неприемлемо.

Таким образом, ответственное отношение к животным следует отнести к числу базовых этических норм по причине имманентно присущего животным морального статуса, их внутренней ценности. Вопрос состоит не в том, нужно ли ответственно относиться к животным, а в том, в чём именно состоит подобное отношение, применительно к животным, столь различающимся как в видовом отношении, так и в плане взаимоотношений с человеком. Это открывает возможность перехода от аксиологических к телеологическим аспектам сформулировав концептуальные цели: во-первых, устранение жестокости к животным, которой можно избежать, во-вторых, сокращение жестокости там, где этого сейчас избежать нельзя и, в-третьих, в перспективе перевод случаев второй категории в первую.

Горячева София Кирилловна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Сдвиг допустимого границы в цифровой среде: демонстрация зоосадизма

Трансляция феномена насилия над животными в цифровой среде. В сети массово растет спрос на контент, связанный с зоосадизмом, вызывающий у людей, как правило, шок и иные формы отрицательных реакций. При этом данный вид контента приобретает символ товара на закрытых площадках и стримах. В некоторых странах такой вид «товара» даже не регулируется и находится в открытом доступе. Медиа распространяют данные «зрелища» и «насилие» над более слабыми существами, оставляя его при этом за рамками реальности, вписывая их как часть гиперпространства. То есть индивид, не имеющий в своей картине мира представления о моральных ценностях, соприкасаясь с данным видом контента, не может отнести его к недопустимому виду контента.

Существует спрос и предложение у контента, связанного с насилием по отношению к животным. Если разобрать весь механизм производства видеороликов, стримов и т.д., то можно заключить, что у него есть как свой производитель, так и потребитель. В каких целях действует производитель данного контента: денежный вопрос, осознание своей власти над живым существом, демонстрация превосходства, личная ненависть к животным, слава и популярность. Но при этом остается открытым вопрос о потребителе этого товара. Кто является спонсором данного вида насилия? Ответ на него позволяет понять, что жестокость в сети не возникает стихийно, а поддерживается устойчивым интересом, который превращает страдание животного в обменную единицу.

Вынесение данного контента на всеобщее обозрение, путем продвижения самих алгоритмов платформы, на которой демонстрируется насилие, ведет к обращению новой аудитории на него. Дети достаточно часто наталкиваются на нежелательные видеоролики с демонстрацией зоосадизма. Анонимность и безнаказанность в интернете создают ощущение вседозволенности, а одиночество в сети усиливает восприимчивость к чужим, в том числе деструктивным, точкам зрения. В результате границы допустимого постепенно сдвигаются: то, что сначала вызывало шок, становится частью привычного информационного фона.

Влияние такого контента на неокрепшую психику и нормализация жестокости. Особую уязвимость испытывают дети, особо впечатлительные люди, а также лица с неустойчивой психикой. Но помимо прямой

травмы существует и структурный эффект: жестокость перестает быть проблемой и становится новой нормой внутри данной среды. Для формирующегося поколения страдание животного может уже не восприниматься как морально значимое событие. Так возникает цифровая картина внутри среды, к которой одна из особенностей становится отсутствие чувствительности к чужой боли, а жестокость закрепляется как допустимый способ взаимодействия с животными.

Возможность это остановить? Остановить распространение такого контента можно, по сути, только на законодательном уровне. Однако для уже сформировавшегося поколения, чья чувствительность оказалась атрофирована, изменить отношение до конца не получится. Закон способен ограничить производство и распространение, но он не возвращает утраченную эмпатию. Этический тупик заключается в том, что запретить контент можно, но вернуть способность ему ужасаться будет уже проблематично. В своем докладе я подробно раскрою все аспекты данных тезисов.

Грибова Анастасия Владимировна
обучающаяся аспирантуры
Нетцель Елена Константиновна
обучающаяся аспирантуры
Московский политехнический университет

Трансформация семейной идентичности под влиянием биополитических практик

Биополитика — понятие, введённое Мишелем Фуко. Власть начинает управлять человеком не только как субъектом, но и как живым существом, частью «социального тела». Она охватывает население, рождаемость, сексуальность, репродукцию, родительство, здоровье и смерть. Медицина выступает её проводником, а государство через свои институты вмешивается в рождение, жизнь и смерть человека. Представления о «правильном» устройстве мира влияют и на семейные ценности.

Семейная идентичность, по Эриксону, — это чувство самотождественности. Аккерман определяет её как разделяемые ценности, роли и ожидания. Она складывается в семье через модели воспитания, поведенческие паттерны и установки. Материальные артефакты — альбомы, дневники, памятные вещи — хранят семейный нарратив и чувство принадлежности. Их утрата ведёт к потере идентичности.

Ускорение современной жизни усиливает этот риск. Бён-Чхоль Хан говорит об утрате времени нарратива, о «моментальном времени». Запахи, вещи, книги возвращают память и замедляют распад идентичности. В «451° по Фаренгейту» Брэдбери герои не помнят, где познакомились, а виртуальные «родственники» заменяют семью. Книги и память становятся сопротивлением ускорению и медиапотреблению.

Антиутопии предупреждают. В «1984» Оруэлла семья разрушается контролем над детьми, запретом любви, доносительством; брак служит производству членов партии. Но память о матери сакральна, горевание — акт сопротивления. В «О дивном новом мире» Хаксли родство и кровные связи заменены искусственным размножением; счастье принесено в жертву стабильности. Лишённый любви и семьи человек несчастен.

Тенденции таковы: усиливается биополитическое регулирование семьи, цифровизация, ускорение социокультурного времени, живые связи заменяются симулякрами. Риски — эрозия семейной идентичности, утрата любви как базовой ценности, подрыв духовной безопасности, превращение семьи в инструмент ускоренной репродукции или контроля. Семья требует «медленного» времени: межпоколенческих связей, длительного воспитания, памяти и любви. Биополитика может поддерживать семью, сохраняя традиционные ценности, но может и разрушать её. Нужно определить границы допустимого вмешательства, защищать семейную идентичность и критически анализировать цифровые биополитические практики. Антиутопии — не прогноз, а предостережение. Перспектива — разработка механизмов защиты семьи в условиях нарастающего ускорения.

Григорьева Марина Петровна
обучающаяся аспирантуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Судьба практической мудрости: как средневековое учение о synderesis изменило границы phronesis в этике Аристотеля и почему Стагирит вновь современен

В условиях современного изменчивого мира классическая этическая традиция открывает неисчерпаемый источник для обретения ценностной устойчивости. Доклад посвящен анализу трансформации представлений о практическом разуме при переходе от античности к латинскому Средневековью, когда человеческий критерий морального выбора уступил место универсальному божественному закону. Понимание этой исторической динамики помогает осознать, почему этическое

учение Аристотеля переживает сегодня ренессанс. В этической философии Аристотеля высшим мерилом добродетели выступает не абстрактная внешняя норма, а сам практически мудрый человек — phronimos. Нравственный критерий Философа, исключающий любые универсальные императивы, не вытекающие непосредственно из человеческой деятельности, укоренен в традициях и лучших практиках полисного сообщества. Центральным концептом этой системы является практическая мудрость (phronesis), направляющая все стремления души к достижению высшего блага и совершенства (eudaimonia). Аристотелевский нравственный выбор требует тонкой гармонии между общими правилами и обостренным восприятием конкретных изменчивых обстоятельств, уподобляясь практическому искусству навигации или медицины. По мере рецепции текстов Аристотеля на латинском Западе христианские теологи (от Гильома Оксеррского и Филиппа Канцлера до Альберта Великого и Фомы Аквинского) кардинально переосмыслили структуру практического разума. Человеческая мера блага уступила место вечному и неизменному божественному закону. Внутренним проводником этого закона в человеческой природе стало понятие synderesis — врожденного и непогрешимого навыка (habitus), содержащего универсальные моральные заповеди и первые принципы действия. Появление synderesis радикально изменило границы применения практической мудрости. Из автономной способности определять цели и смыслы человеческой жизни она превратилась в дедуктивный инструмент, и ее роль свелась к логическому выводу верных средств для достижения целей, заранее предписанных synderesis и божественной волей. Примечательно, что современный этический ландшафт более не ограничивается утилитаристскими или кантианскими (деонтологическими) рамками. В сегодняшнем мире фундаментальные темы аристотелевского учения — значение эмоций и характера для благой жизни, роль дружбы, необходимость морального воспитания – приобретают особую актуальность. Аристотелевский практический разум (phronesis), способный чутко адаптироваться к меняющимся обстоятельствам без потери моральной основы, оказывается для человека XXI века гораздо более гибким и жизнеспособным путеводителем, чем жесткие нормативные кодексы. Историческая эволюция практического разума — от полисной гибкости Аристотеля через универсализм средневекового synderesis к современному неоаристотелизму — убедительно показывает, что нравственный выбор всегда остается живым творческим процессом. Для полноты нравственной жизни одинаково необходимы как универсальные ценностные основания (наследие synderesis), так и практическая мудрость (phronesis) для их мудрого и контекстуального воплощения в конкретных ситуациях нашей изменчивой реальности.

Григорьева Серафима Юрьевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Кураторский текст и этика в современном выставочном пространстве

Сегодня сложно однозначно сформулировать общую тенденцию развития культурных институций. Но, несмотря на ряд разрозненных решений, с высокой уверенностью можно отметить глобальную цель привлечь аудиторию. Так, выставочные пространства при создании новых проектов стараются на всех этапах, от отбора авторов и работ до решения, какого цвета будут буквы на афише, учитывать, как этот выбор скажется на успехе предстоящей выставки. Одним из ключевых элементов, способных привлечь, заинтересовать или оттолкнуть потенциального посетителя, становится кураторский текст. Обладая зачастую конкретным автором-куратором (или, например, группой кураторов), он в то же время находится под влиянием других участников: художника, галериста и, безусловно, потенциального зрителя. Кураторский текст — средство для всеобщей коммуникации. И процесс её выстраивания поднимает ряд этических вопросов. Часть из них связана с тандемом художник-куратор. Насколько свободен куратор как автор текста, если его задача — дать словесное описание тому, что уже создано художником? Или его задача несколько шире? Как глубоко он может «погрузиться» в личную интерпретацию, создание новых смыслов, и имеет ли на это право в целом? Есть ли у художника право голоса, или он и вовсе находится выше, в позиции, где конечное решение принимает он? В то же время, фактическим адресатом текста является потенциальный посетитель, этичность коммуникации с которым также играет важную роль. Как стоит обращаться со зрителем? Где проходит грань между предоставлением необходимой информации для восприятия и навязыванием собственного видения? Стоит ли намеренно упрощать текст для привлечения масс и снижения порога входа? Или же существует особая стилистика, которой должно придерживаться, и желание симплифицировать может лишить высказывание характерных черт, преобразить кураторский текст в нечто иное? Как, в конце концов, его расположить?

Нередко можно встретить мнение о том, что кураторский текст не имеет такого большого значения, ведь на выставку приходят смотреть, а не читать. Однако практика показывает — текст может как оказаться в центре скандала, испортить репутацию, так и вовлечь, заинтересовать. Основой для практического успеха становится этика, учёт важности которой на всех этапах работы с кураторским текстом является гарантией его состоятельности и для куратора, и для художника, и для посетителя, и для выставочного пространства.

Гришин Григорий Евгеньевич
обучающийся магистратуры
Покладок Лев Эдуардович
обучающийся магистратуры
Уральский федеральный университет

Каково быть собакой-роботом: создание индивидуальности без субъектности

Современная социальная робототехника активно использует модель взаимодействия «человек – собака» для дизайна роботов-компаньонов. Исследования (Miklósi et al.; Faragó et al.; Krueger et al.) подтверждают: люди склонны приписывать эмоции и привязанность агентам, демонстрирующим собачьи паттерны. Однако возникает этико-феноменологическая проблема: как сконструировать «собачью» персональность, если внутренняя организация машины принципиально лишена субъектного опыта?

В рамках данной работы, продолжающей исследование «Робот-партнёр: по образу и подобию собаки», мы разделяем понятия «субъектности» (наличия внутреннего опыта и самости) и «персональности» (воспринимаемой извне индивидуальности и характера). Робот-партнёр вызывает доверие через механизмы эмпатии и оценочного бихевиоризма, но эта оценка не достигает интерсубъективного уровня, поскольку машина не обладает самостью. Таким образом, речь идет о конструировании персональности без субъектности — поведенческого подобия, поддерживаемого социальными ожиданиями человека.

Модель «человек – собака» этически не нейтральна: она предполагает асимметрию и одностороннюю привязанность, закрепляя логику услужливости и отсутствия у агента собственных интересов. Кроме того, этические риски встроены в саму архитектуру агента. В разработанной модели agent_model поведение задается конфигурационными параметрами (cA, QB, cm, cfb, cs, cd), определяющими скорость реакции, инерцию действий и обработку стимулов. Например, высокая cA и низкая QB делают робота навязчивым.

Выбор этих параметров и поведенческих профилей является не только инженерной, но и этической задачей, требующей прозрачности имитации, аудита профилей и этической экспертизы сценариев для предотвращения формирования у пользователя нездоровой зависимости или тревоги. Эмпирическая часть исследования на модели agent_model подтвердила, что вариация параметров позволяет имитировать различные темпераменты и «породные» профили. Например, профиль Labrador характеризуется ориентацией на хозяина, Border Collie — быстрым переключением на объект интереса, German

Shepherd — выраженной реакцией на угрозу, а Husky — легкой сменой фокуса внимания. Изменение базовых коэффициентов (например, QB от 1 до 15 регулирует инерцию поведения, cs от 0.3 до 0.95 — порог реакции на угрозу) демонстрирует, как технические настройки трансформируются в воспринимаемый характер. При этом этические риски жестко встроены в профили: «сторожевой» профиль провоцирует агрессивные паттерны, а «компаньон» усиливает эмоциональную привязанность.

Быть «собакой-роботом» — значит существовать как пограничный объект. Проект «персональности без субъектности» требует междисциплинарной рефлексии: для инженерии это многоуровневая система управления, для этики статус нравственного пациента и квазипартнёра, для пользователя — объект доверия и привязанности. Создание такой персональности возможно исключительно как перформативный и реляционный проект, возникающий на пересечении алгоритмической имитации и человеческой интерпретации, что требует от разработчиков постоянного баланса между функциональной эффективностью и моральной ответственностью.

Громов Богдан Юрьевич
к.филос.н., доцент кафедры философии и общественных наук
НГПУ им. К. Минина

Этика силы и онтология свободы в полемике о ненасилии Льва Толстого и Ивана Ильина

1. Общим моментом, позволяющим сравнивать этические теории Ивана Ильина и Льва Толстого является сходное определение понятия «насилия». Этот термин анализируется в концептуальной связи с феноменом «свободы». Насилие понимается как «применение силы, стесняющее индивидуальную свободу». При этом индивидуальная свобода концептуализируется в религиозном, метафизическом, философско-антропологическом контексте, как свобода души

2. Общее понимание насилия как притеснения свободы, сопровождается так же общим процессуальным пониманием свободы. Иван Ильин использует слово «пресечение», то есть указывает на то, что свобода есть движение души, а применение силы есть ограничение этого движения. То же понимание показывает Толстой, когда на примере убийства (как крайней формы стеснения свободы) показывает, что момент насилия здесь составляется отменой будущего для души, то есть так же ограничением процесса. То есть свобода не есть наличное

могущество или возможность действовать в связи с автономией воли, а есть процесс.

3. Указать на это общее понимание было необходимо, чтобы указать, что вопрос о насилии для обоих авторов стоит одинаково: допустимо ли пресечение свободы? На один и тот же вопрос, сформулированный схожим образом, Ильин и Толстой дают противоположные ответы. Первый утверждает, что допустимо и исследует при каких условиях, второй утверждает, что недопустимо ни при каких условиях.

4. Если общее понятийное поле вопроса о насилии у Ильина и Толстого сформулировано совпадением понимания свободы, то различие в ответах на вопрос связаны с различием категорических регистров их этических систем. Толстой исследует ценность индивидуального бытия в связи с категорией «смысла». Ильин рассматривает связь индивидуальной свободы и «добра». Ещё одно пересечение в том, что категории смысла и добра понимаются в знаниевом аспекте: Толстой говорит об усмотрении «смысла жизни в всеобщем законе любви», Ильин говорит о «чувстве добра и зла».

5. Различие так же устанавливается взглядами на «наполнение» категории христианской религиозной антропологии — внутреннего человека. Толстой описывает внутреннего человека как индивидуальное отдельное бытие и связывает бытие внутреннего человека с одиночеством, разобщенностью, а «смысл» находится в связи с бытием другого, то есть в бытии внешнего человека. Бытие внутреннего человека ограничивает взгляд горизонтом одиночества и эгоизма и не дает «усмотреть» смысла своей жизни, ведь такой смысл может быть усмотрен только в бытии другого. В соответствии с такой аксиологией жизнь и благо другого есть высшая ценность, собственное благо, ассоциированное с благом разобщенности и эгоизма, есть меньшая ценность. Дополнительным ценностным моментом, запрещающим «пресекать» свободу другого, для Толстого, является понимание свободы как «контингентности», то есть необусловленность будущего души её прошлым.

6. В понимании «внутреннего» у Ильина мы видим четкую противоположность тому, что говорит Толстой — внутренний человек обладает чувством добра и зла, а так же волей к добру. То есть можно увидеть, что различие ответов на вопрос о насилии обусловлено различием взглядов на полноту внутреннего человека. По Толстому внутренний человек пуст, по Ильину внутренний человек полон.

7. Именно это различие является ключевым аксиоматическим различием двух этических систем.

Гулеватая Анастасия Николаевна
к.филос.н., приглашенный преподаватель Бизнес-школы
НИУ «Высшая школа экономики», ИП Гулеватая А.Н.

Лидер как архитектор диалога: экзистенциальные дефициты современной управленческой этики

Современные организации декларируют ценности диалога, открытости и обратной связи. Однако практика показывает, что эти декларации часто остаются риторическими фигурами, не достигающими уровня подлинной встречи. В управленческом дискурсе сохраняется разрыв между языком «заботы о сотрудниках» и реальными практиками взаимодействия: диалог подменяется ритуальными формулами, которые в перспективе вредят взаимопониманию. Эмпирическая база исследования — включенное наблюдение автора за пятью управленческими командами в рамках внутреннего коучинга и организационного консультирования.

В процессе диалогического сопровождения управленческих команд автором были зафиксированы устойчивые экзистенциальные дефициты, блокирующие возможность подлинного диалога. Вслед за М.М. Бахтиным финализирование Другого может быть рассмотрено как ключевой дефицит: стремление «закрыть» другого человека в рамках своей картины мира, приписав ему мотивы и смыслы без диалогической проверки. В управленческой практике это проявляется в наделении сотрудников устойчивыми негативными характеристиками без исследования контекста, в замене диалога монологическим управлением.

В бахтинской логике экзистенциальные дефициты диалога могут быть типологизированы как нарушения структуры самого события встречи. Предлагается следующая типология: утрата субъектности (я-для-себя исчезает — говорю от имени роли, а не от себя); финализирование Другого (я-для-другого блокируется — приписываю ярлык вместо исследования); отказ от вненаходимости (другой-для-меня исчезает — не пытаюсь увидеть ситуацию с позиции Другого); завершимость вместо незавершимости (стремлюсь «закрыть» диалог, а не удерживать его открытым); уклонение от ответственности (не-алиби в бытии — избегаю своей позиции).

В ответ на этот вызов вводится концепт «архитектура диалога» и фигура лидера как «архитектора диалога». Архитектура диалога понимается не как метафора, а как методологическая рамка: намеренное, рефлексивное и совместное конструирование пространства встречи, в котором становится возможным то, что не было возможно без него. Лидер как архитектор диалога — тот, кто проектирует саму возможность

встречи: удерживает границы, обеспечивает безопасность, сохраняет пространство для инаковости Другого.

Диагностика экзистенциальных дефицитов может стать практическим инструментом этической рефлексии в организациях. В отличие от стандартных HR-опросов, ориентированных на «уровень удовлетворенности», экзистенциальная диагностика позволяет выявить, какие вопросы система избегает задавать себе, какие темы не проговариваются вслух и какие страхи блокируют подлинный диалог. Это особенно актуально в эпоху системного кризиса: именно он делает экзистенциальные дефициты угрозой для устойчивости организации, ее способности сохранять гибкость и целостность, принимать решения в условиях неопределенности.

Дальнейшее исследование предполагает разработку стандартизированного опросного инструмента для ранней диагностики экзистенциальных дефицитов и изучение связи между негативной способностью лидера и устойчивостью организации в кризис. Это позволит приблизиться к практической реализации сократовского идеала: знание добродетели как основание добродетельной жизни, в том числе в организационном контексте.

Гутарова Наталья Александровна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

От Техне к ИИ: античные истоки современных этических дилемм

Цель исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать, как античное понимание «техне» (τέχνη) и его соотношение с «эпистемой» (ἐπιστήμη) и «фронесисом» (φρόνησις) задают устойчивую структуру современных этических проблем искусственного интеллекта — от антропоморфизации и непрозрачности алгоритмов до ошибочной атрибуции субъектности и полемики о сознания ИИ.

Методы исследования включают: историко-философский анализ категорий «техне», «эпистема», «фронесис» в античной традиции; сопоставление античных категорий с современными дискурсами об ИИ (позиции С.В. Комарова, Р. Пенроуза, С. Рассела и П. Норвига); критический анализ терминологии («интеллект» vs «интеллектуальность») и её влияния на общественное восприятие ИИ; выявление социальных эффектов антропоморфизации ИИ и их связи с дефицитом «фронесиса» у пользователей и разработчиков.

Результаты и аргументация.

Установлено, что античное «техне» как рациональная способность производить исторически закрепляло за человеком уникальную субъектность и место в мироздании — после животных и до богов. Сегодня ставится вопрос о разделение такой субъектности с алгоритмами, которые обучаются на тех же логических паттернах, что и человек, и всё успешнее воспроизводят продукты, не уступающие человеческим. Это порождает этическую неопределённость: размывается граница между тем, что «производит человек», и тем, что «генерирует алгоритм».

Выявлен «ментальный разрыв» между эпистемой и фронесисом. Эпистема — это научное знание о принципах работы ИИ, которое остаётся уделом узкой группы специалистов. Фронесис — практическая мудрость, благоразумие и ответственность пользователя, который ежедневно применяет ИИ-инструменты, не обладая полноценным пониманием их внутренней логики. В результате потребитель-созидатель обязан к осмотрительности, не имея для этого достаточной рациональной базы. Этот разрыв проявляется в феномене «чёрного ящика», порождающем риски предвзятости, непрозрачности и иных негативных социальных эффектах ИИ, тем самым подавляя необходимость этической рефлексии.

Показано, что антропоморфизация ИИ (перенос на алгоритмы человеческих черт, присвоение имён агентам, ожидание «заботы» и «привязанности») ведёт к ошибочной атрибуции субъектности и сознания. Как отмечает Р. Пенроуз, реальная опасность заключается не в самом ИИ, а в склонности человека к антропоморфизации сложных нейронных сетей, когда прогностические возможности ошибочно принимают за подлинное сознание. Это чревато неверными решениями и долгосрочными социальными рисками — от доверия чувствительной информации «дружелюбному» интерфейсу до делегирования алгоритмам морально нагруженных решений.

В качестве терминологической коррекции предлагается использовать понятие «искусственная интеллектуальность» вместо «искусственный интеллект». Термин «интеллектуальность» точнее отражает синтетическую природу результатов ИИ: это набор свойств, атрибутируемых интеллекту (распознавание образов, логические выводы, генерация информации), но не сам интеллект как сознание или субъектность. Такой сдвиг в терминологии способен снизить уровень антропоморфизации в публичном дискурсе и повысить этическую осознанность общества.

Выводы и практическая значимость.

Этические проблемы ИИ имеют глубокие историко-философские основания (античная триада техне-эпистема-фронесис). Их игнорирова-

ние ведёт к поверхностным решениям и усилению социальных рисков. Философская рефлексия над категориями техники и знания позволяет выявить устойчивые структуры этической проблематики, которые воспроизводятся в новых технологических контекстах.

Гущин Евгений Васильевич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Экзистенциальная этика в кино: проблема абсурда в фильме Роя Андерссона «Голубь сидел на ветке, размышляя о бытии»

В моей работе будет кратко рассмотрен кино как феномен культуры, отражающий человеческие проблемы и ситуации, в которых мы осознаём себя. Цель исследования — зафиксировать экзистенциальные размышления в фильмах Роя Андерссона, так как он является одним из тех, кто отразил экзистенциально-моральные основания в своих фильмах, обращая внимание на тему абсурда. В качестве примера будут рассмотрены два фильма: «Голубь сидел на ветке, размышляя о бытии», потому что он лучше всего отражают проблему абсурда.

Американский философ Ноэль Кэрролл ввёл термин «моральные эмоции», чтобы указать на значение фильмов для реагирования зрителей на различные события: моральные эмоции возникают в ответ на действия и события, которые соответствуют или не соответствуют моральным стандартам. «Моральные эмоции, так сказать, используют внеморальные эмоции в моральных целях». Моральная агентность зрителя в отношении восприятия фильмов заключается в необходимости самостоятельно восполнить проблемы, указанные в произведении, дополнив их своим опытом.

Экзистенциализм как философская программа сосредоточен на исследовании интроспективного состояния человека, оперируя категориями подлинного и неподлинного существования и касаясь различных феноменов человеческого состояния, например смысла жизни. Мораль в экзистенциализме выступает в виде вспомогательной функции построения линии человеческого существования. Мораль приобретала либо христианский, либо атеистический характер. Жан Поль Сартр никогда не был моралистом, но сам отметил в своей работе «Экзистенциализм — это гуманизм», что «человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно».

Одной из ключевых проблем этого философского течения является проблема абсурда в экзистенциально-этическом характере, которая сразу отсылает нас к имени Альбера Камю: «Единственная по-настоящему серьёзная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит ли жизнь того, чтобы её прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии». В качестве ответа появляется «бунт», который является этическим аспектом философии Камю, где человек пытается вырваться из состояния бессмысленности посредством несогласия с этими обстоятельствами. Фильм «Голубь, сидя на ветке, размышляет о бытии» замечательно иллюстрирует проблему абсурда (бессмысленности) жизни, что ярко отсылает нас к экзистенциализму Альбера Камю. В самом фильме основная сюжетная линия связана с двумя продавцами, которые пытаются продать свой шуточный товар, но сталкиваются с постоянными отказами. В один момент они начинают ссориться, а это ещё больше побуждает их прекратить свою деятельность, пока они не стали размышлять о ценностных ориентирах своей жизни.

Исходя из всего сказанного, становится ясно, что Рой Андерссон обозначает проблемное поле исследуемых им тем, но не обозначает варианты их решения. Ссылаясь на вышесказанную концепцию Ноэля Кэрролла, становится ясно, что за счёт симпатии или эмпатии зритель способен испытать к персонажам моральные эмоции, пытаясь поставить себя на их место и как будто решить проблему за них. Это касается рефлексии зрителя за счет его воображения. В очередной раз это доказывает способность фильма эмоционально влиять на человека. Если коммивояжёры не получили прибыли от продажи своего товара, то нужно вместе попытаться найти решение проблемы. Через подобные мысли зритель рефлексирует над просмотренным, добавляя от себя те действия, которых не увидел в персонажах того или иного фильма.

Подводя итоги, нужно выделить, что Рой Андерссон не даёт решения этих вопросов, с которыми герои его работ сталкиваются, но воздействие на зрителя играет ключевую роль. Как было сказано в начале работы, при восприятии тех или иных сюжетов в кино важную роль играют моральные эмоции, которые побуждают зрителя самостоятельно найти свою линию бунта, действуя вопреки бессмысленности. Таким образом, представленные фильмы Роя Андерссона показывают нам экзистенциальный статус проблемы абсурда, но при этом не показывают этический ракурс данной проблемы, возлагая эту ответственность на зрителя.

Держивицкий Евгений Викторович
доцент, к.филос.н., доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет

Тщеславие как добродетель: случай Цицерона

Во всех этических учениях, изучающих добродетели, мы встречаем негативное отношение к тщеславию и похвальное к скромности. Скромность воспринимается как проявление сдержанности и спокойствия духа, как то, что отвращает добродетельного человека от многочисленных пороков. Вместе с тем, она является украшением характера и ума, делегируя право напоминать о своих заслугах и достижениях современникам и потомкам. Тщеславие же и самовосхваление если и являются не самыми большими недостатками, но неизменно вызывают насмешки и подозрения в недалёкости ума. А среди учёных людей они просто недопустимы, ведь академическая традиция ценит скромность вплоть до самоуничижения.

Тем более удивительными могут показаться некоторые моменты из жизни Цицерона — величайшего интеллектуала своего времени, человека проницательного и при том, в силу его философского кредо в диапазоне от академического скептицизма до стоицизма, безусловно полагавшим скромность и склонность к сомнению за добродетель. Свидетельства тому его сочинения и переписка, а также следующее признание, сделанное во Второй Филиппике: «Вам известны моя сдержанность и скромность», которую он, впрочем, не произнёс, а опубликовал в виде памфлета против Марка Антония, где подверг жесточайшей критике его образ жизни и пороки, включая склонность к самовосхвалению и лести. В 63 г. до н.э. Цицерон, будучи консулом, подавил заговор Катилины, за что удостоился титула «Отца отечества». Но в течение последующих двадцати лет своей жизни он не упускал случая напоминать об этом в речах, письмах и при личном общении, делая это столь часто и назойливо, что вызывал ироничное отношение. Многие авторы оценивают это противоречие как проявление слабости характера и желание похвалы, как если бы слова «когда нечем гордиться в настоящем, хвастаются вчерашними заслугами» не принадлежали самому Цицерону.

Однако, как представляется, такая критическая оценка не учитывает все ипостаси личности Цицерона и политическую культуру его эпохи. Цицерон-человек был самоироничным и склонным к сомнениям. Цицерон-учёный был предельно корректным и лишённым позёрства. Но был ещё Цицерон-оратор, обращавшийся в своих политических и судебных речах к событиям недавнего прошлого, и лучшего приёма, чем поведать о славных деяниях не просто как их очевидец, а как непосредственный

участник, для иллюстрации своих идей придумать сложно. Цицерон-политик, будучи homo novus, не имел связей и влияния, доставшихся ему от предков, поэтому в конкурентной среде позднереспубликанской политики ему приходилось напоминать о своих заслугах не из-за опасения, что о них забудут, а, скорее, ради подкрепления своей политической легитимации. Более того, в римской политической морали стремление в славе (gloria) и общественному признанию (dignitas) не только допускались, но и расценивались как необходимые условия для успешной политической деятельности — при условии, что это делается не для собственной выгоды, а для общественного блага.

Таким образом, кажущееся противоречие между образованностью Цицерона и его тщеславием — не моральный дефект, а следствие специфического понимания политической добродетели в Римской республике и культурно обусловленной ею норме. Не будучи ригористом в области морали и политики, полагая, что компромисс в разумных пределах допустим, Цицерон не требовал поэтому отказа от признания, при условии, что это служит пользе Республике. И, как мы знаем, её спасение, помимо почётного титула, принесло ему изгнание, а опора на личный авторитет в деле убеждения Сената объявить Марка Антония вне закона и предоставить в обход правил полномочия Октавиану обернулись для него предательством и гибелью. Римский практицизм направлял всё к служению государству, Цицерон же усилил его своей философской образованностью, добавив к этому своё честолюбие, подчинённое разуму и цели спасения Республики. Если это и было проявлением тщеславия, то он сам от этого ничего не выгадал, продемонстрировав своей судьбой подлинное величие духа, пусть и не лишённое простительных недостатков.

Добров Никита Сергеевич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика арт-перформанса и авантюрное кураторство: Двенадцать комнат Дмитрия Жеравова

Проект Д. Жеравова «Двенадцать комнат», реализуемый в его мастерской в арт-центре «Пушкинская-10», представляет собой радикальный кураторский и перформативный эксперимент, деконструирующий привычные конвенции и ставящий во главу угла фундаментальные вопросы этики перформанса. В эпоху визуальной избыточности, когда нонконформистское искусство сталкивается с надменностью въедли-

вого зрителя, художник предлагает авантюрную кураторскую стратегию, которая сознательно нарушает этический паритет между автором и аудиторией. Ограничивая экспозицию второй выставки серии «Гравитация» всего тремя часами, художник вырывает событие из галерейной рутины. Этот мимолетный хронотоп ставит публику в ситуацию этического выбора и уникального, невоспроизводимого момента, требующего предельной личной вовлеченности. Авантюрная природа проекта и его этическое напряжение раскрываются через сознательный слом пространственных и поведенческих привычек. Вместо горизонтального вектора восприятия Д. Жеравов осуществляет вертикальную интервенцию, вынуждая зрителя смотреть поверх себя. Посетитель, попадая в полупустую комнату, переживает дезориентацию, пока игра гигантских теней на стене не направляет его взгляд вверх, к потолку. Там, в коконе-гамаке из жестких и плотных материалов, оказывается подвешен сам художник. Здесь традиционный символ отдыха превращается в орудие аскезы, а натруженное тело автора, покрывающееся зудящими розовыми следами от давления нитей, становится главным экспрессивным медиумом. В этот момент эстетика уступает место радикальной этике присутствия: перед зрителем обнажается чужая телесная уязвимость, которую невозможно игнорировать или воспринимать как безопасный симулякр.

Теоретическим основанием для переосмысления сего служит понятие «телесно-физического соприсутствия» (Э. Фишер-Лихте), художников и публики, запускающего «автопоэтическую цепь обратной связи» (А.А. Деникин). В «Гравитации» эта петля приобретает экстремальный характер: физическое страдание Д. Жеравова под потолком напрямую влияет на эмоциональное состояние людей внизу. Зрители вовлекаются в событие не как пассивные наблюдатели, а как соучастники, чьё присутствие разделяет тяжесть перформативного акта. Трансформирующий потенциал перформанса заключается именно в дестабилизации привычных ролей. Кураторский жест здесь лишен отстраненности — это авантюрный запуск непредсказуемой психологической и физической динамики внутри замкнутого пространства. Проект «Двенадцать комнат» демонстрирует «продуктивное использование стресса» (К. Бишоп). Выбор места действия принципиален: действующая мастерская — это сакральная зона, «голова художника», куда временно допускается посторонний. Погружая посетителя в контролируемое стрессовое состояние, Д. Жеравов идет на авантюрный этический риск: зритель изначально оказывается в позиции «подопытного» и «испытуемого». Становится неясно, кто кем манипулирует — подвешенный в воздухе автор, навязывающий публике роль невольных вуайеристов, или сама публика, чье коллективное созерцание продлевает физическую депривацию

художника. Этическая дилемма заключается в том, имеет ли право художник использовать собственное страдание для психологического давления на зрителя, разрушая его позицию безопасного отстраненного наблюдателя.

Преодолевая испытание и принимая навязанные правила игры, въедливый зритель претерпевает необратимую метаморфозу. Сопереживание физическому дискомфорту автора перерастает в разделенную ответственность, а само пространство превращается в зону единого экзистенциального «со-бытия». Преодолевая шок, публика теряет статус потребителей образов и превращается в аутентичных соавторов художника. Таким образом, проект «Двенадцать комнат» доказывает, что авантюрное кураторство Д. Жеравова базируется на этике тотального доверия. Допуск «Другого» в уязвимое пространство мастерской и предъявление собственного страдающего тела становится смелым жестом, который реанимирует современную художественную перцепцию, превращая ее из созерцательной и критической практики в совместное, острое событие сотворчества.

Дондокова Бутидма Борисовна
доцент, к.филос.н., доцент
Односталко Максим Александрович
старший преподаватель
Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Модель нравственной воли курсанта в военно-медицинском образовании

Модель нравственной воли курсанта исходит из первичности статуса военнослужащего. Но нельзя трактовать это как поглощение медицинской этики военной целесообразностью. Государство, установившее обязанность подчиняться приказу, установило и нормативный предел приказа в клинической области.

По отношению к курсанту неприменима модель, где к позиции гражданского врача позже присоединяется воинская дисциплина. Знание, ответственность и образ профессии формируются внутри структуры, которая прежде всего делает его военнослужащим. Медицинское знание осваивается как военнослужащим, равной воинской идентичности не образует и становится способом реализации воинского долга. Клинический критерий сохраняется и не заменяется текущей целесообразностью.

Два решения недостаточны. Симметричная модель уравнивает военную и врачебную идентичности: порядок соотнесения не проясняет-

ся, образование распадается на параллельные требования. Модель поглощения подчиняет медицину военной полезности и устраняет клинический критерий, когда он неудобен; вместе с врачебной этикой исчезает нормативная определённость службы. Модель иерархична, но не обладает редукционистской направленностью. Курсант прежде всего военнослужащий, а воинский долг включает медицинский критерий как собственный предел.

Предел приказа задан правовой конструкцией службы. Обязанность исполнять приказ действует как презумпция законности. Сомнение её не снимает, снимает только заведомая незаконность. Граница заведомости в клинической области определена нормой о неотложности помощи, запретом принуждать медицинский персонал к действиям против медицинской этики и уголовной нормой о заведомо незаконном приказе. Медицинская этика входит в воинский долг военного врача по основанию, заданному самой службой.

На стратегическом уровне командование распределяет ресурс и определяет условия помощи; здесь допустим учёт военной необходимости. На клиническом уровне очерёдность определяется только неотложностью. На служебном уровне решаются законность приказа и форма ответа подчинённого. Военная необходимость на клинический уровень не переносится. Приказ установить очерёдность по принадлежности раненого заведомо незаконен.

Исполнительская воля — способность действовать в структуре подчинения. Она нравственно нейтральна и одинаково обеспечивает правомерный и выходящий за предел приказ. Если воспитание ограничить ею, курсант усвоит форму подчинения без содержания долга.

Нравственная воля исполнительской не противоположна. Она сохраняет дисциплину и иерархию и задаёт им меру. Принять первичность службы вместе с ограничением, которое служба нормативно содержит. Там, где распоряжение затрагивает клинический уровень, она проявляется в четырёх действиях: распознать предел; обосновать действие признанной нормой; избрать установленную форму — рапорт по медицинской вертикали с предложением законного порядка и фиксацией обстоятельств; принять ответственность за последствия. Клинического решения курсант не принимает.

Асимметрия близости власти и удалённости нормы объясняет, почему знание нормы может не стать действием. Власть старшего близка и действует сразу, норма требует процедуры. Если организация оставляет курсанта один на один с ценой правомерного действия, практика воспитывает приспособительное молчание. Цену переносят на организацию три механизма: медицинская вертикаль в клинических вопросах; право зафиксировать несогласие в установленной форме; единые критерии оценки уставного доклада для преподавателя и курсового офи-

цера. При их отсутствии требование нравственной воли превращается в требование самопожертвования от младшего по званию.

Дисциплина и иерархия — исходная форма становления субъекта. Врачебная компетентность — способ реализации воинского долга. Клинический критерий нормативно неустраним. Нравственная воля есть способность удерживать иерархию и предел одновременно. Курсант становится врачом внутри службы: медицинская компетентность вторична по статусу и неустранима по содержанию.

Дорохина Римма Викторовна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Платонова Эмма Николаевна
старший преподаватель
Воронежский государственный технический университет

Искусственный интеллект и академическая добросовестность при подготовке ВКР

При подготовке ВКР ИИ может помогать студенту редактировать текст, разбирать сложные понятия и искать подходы к решению задачи. Этическая проблема возникает тогда, когда за собственный результат выдаётся работа, которую фактически выполнила система. Поскольку ВКР служит основанием для оценки квалификации выпускника, такое использование ИИ затрагивает доверие к самой процедуре защиты.

В основе академической добросовестности лежат честность, ответственность и справедливость. Для автора ВКР это означает необходимость правдиво представлять свой вклад и отвечать за содержание работы. ЮНЕСКО также связывает применение генеративного ИИ в образовании с сохранением самостоятельности человека. Опираясь на эти положения, предлагается оценивать использование ИИ по тому, сохраняет ли студент контроль над исследованием и может ли подтвердить собственное участие в нём.

Граница допустимой помощи зависит от задачи. Например, языковая правка самостоятельно написанного раздела обычно не меняет его авторского содержания. С другой стороны, студент может воспользоваться помощью ИИ как инструментом при обработке данных, их анализе, формулирование гипотезы включив их в ВКР без должного обоснования и переработки. Работа может быть выполнена внешне убедительно, но фактически не иметь под собой основы и достоверности полученной информации.

Следует обратить внимание на тот факт, что использование ИИ не равно плагиат. Сгенерированный текст — это новый материал, не сов-

падающий с уже опубликованным, но самостоятельным исследованием его все равно считать нельзя. Проблема заключается в сокрытии студентом того факта, что данные были получены не в «полевых условиях», а сгенерированы ИИ. Академическая недобросовестность здесь будет проявляться в предоставлении недостоверных сведений, искаженных цитатах, неверных результатах наблюдений, вымышленных публикациях.

С другой стороны, указание на использование инструментов ИИ не может оправдать подмену самостоятельного исследования. Помимо сообщений о целях и задачах подобного применения существует апробация полученных результатов, которая должна иметь фактологическую основу. Таким образом, студент должен обосновать правильность выбора ИИ-инструмента, дать оценку выбранного метода и нести ответственность за полученные результаты и выводы исследования.

Оценка добросовестности и ответственности требует особого внимания при написании ВКР. Критериями для этого могут служить обсуждения с руководителем промежуточных этапов, методов исследования учитывая сложности в получении данных, на которых строились выводы.

Университет со своей стороны, через нормативно-правовую документацию должен определить допустимые способы применения ИИ. Размытость определений, неясные требования не могут дать четкого понимания в каких случаях допустимо применение ИИ-инструментов, а в каких решения студент должен принимать самостоятельно.

Исходя из этого, этическая оценка ИИ-контента в ВКР помимо обоснованности применения ИИ-инструментов, должна учитывать реальный вклад студента, достоверность представленных результатов. Допустимая помощь ИИ сохраняет за студентом исследовательские решения и возможность их обосновать. Этот критерий связывает академическую добросовестность с назначением ВКР: подтверждением готовности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности.

Духанин Роман Витальевич
курсант
Степанов Андрей Юрьевич
преподаватель
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Особенности начального военного образования в школах

В статье рассматриваются актуальные вопросы особенностей начального военного образования в образовательных организациях среднего образования Министерства обороны и Министерства образования Российской Федерации, в целях патриотического воспитания подрастающего поколения и его подготовки к поступлению в высшие

военные учебные заведения. В настоящее время вопрос начального военного образования в школах становится ключевым элементом государственной политики в области патриотического воспитания и подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах. История военного образования в России – это история подготовки защитников Отечества. В советский период система претерпела изменения, но не исчезла. На смену элитарным кадетским корпусам пришла всеобщая начальная военная подготовка (НВП). Школьники изучали устройство оружия, основы тактики и гражданской обороны. Практические навыки и коллективный дух успешно прививались через всенародную военно-спортивную игру «Зарница» и деятельность организаций типа ДОСААФ. В 1990-е годы система начальной военной подготовки в школах была фактически свернута. Ее место занял курс Основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ), сместивший акцент с обороны страны на индивидуальное выживание в чрезвычайных ситуациях.

В современный период мы наблюдаем осознанное возвращение к проверенным традициям на новом уровне. Возрождение предмета «Начальная военная подготовка» (с 2023 года) и активное развитие сети кадетских классов и корпусов свидетельствуют о том, что государство вновь делает стратегическую ставку на раннюю военную подготовку и патриотическое воспитание школьников.

В рамках подготовки будущих офицеров, важно понимать, как традиции прошлого формируют подходы к воспитанию нынешней молодежи.

При этом проблема кроется не в содержании учебной программы (она, особенно с введением НВП, достаточно насыщенна), а в методике и акцентах её подачи. Без участия носителей военной культуры и практики курс рискует остаться набором сведений, не формирующих ни устойчивой мотивации, ни подлинного понимания сути военной службы, ни своей, возможной, принадлежности к святому делу защиты Отечества. Главная особенность сегодня — это огромный разрыв между двумя реальностями. С одной стороны — формальная, «бумажная» подготовка в большинстве школ, которая страдает от нехватки кадров и оборудования. С другой — действенная, но точечная система внедрения в образовательный процесс военнослужащих в запасе или отставке, которая реально позволит готовить школьников к службе в Вооруженных силах, а также повысит мотивацию к выбору профессии офицера.

Елохин Артем Федорович
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика добродетелей как практика инклюзивного театра

Инклюзивный театр обычно рассматривается в перспективе социализации или арт-терапии, однако его этическое измерение остается недостаточно концептуализированным. В докладе предпринимается попытка найти этические основания инклюзивного театра с позиции этики добродетелей. Этот подход — один из основных в современной нормативной этике наряду с деонтологией и консеквенциализмом. В отличие от деонтологии, рассматривающей нравственность преимущественно через соответствие поступка долгу и универсальной норме, и консеквенциализма, оценивающего действие через его последствия, этика добродетелей сосредоточена на характере субъекта.

Инклюзивный театр — это форма театрального искусства, в которой на равных условиях участвуют люди с инвалидностью и без неё, а различия в телесных, речевых и когнитивных возможностях становятся частью сценического языка. Как показывает изучение практик инклюзивного театра Е. Полухиной и В. Дерезовской, значимыми результатами в них становятся «чувство равенства возможностей», «чувство принятия и видимости группы в публичном поле», а также поддержка внутри коллектива и изменение идентичности участников.

Для этического осмысления инклюзивного театра продуктивно обращение к аристотелевскому понятию практической мудрости (φρόνησις). Нравственное действие осуществляется в конкретных обстоятельствах и требует способности соотносить общее представление о благе с особенностями ситуации. В инклюзивном театре это выражается в необходимости учитывать индивидуальные возможности участников, особенности их коммуникации и изменяющиеся условия совместной работы. Исследования российских инклюзивных театров (Е. Полухина, В. Дерезовская, Л. Тороплова) показывают, что сама организация такой деятельности строится вокруг признания индивидуальности участника и учета его возможностей: художественный процесс предполагает поиск способов включения человека в коллективное творчество, а не приведение его к единому образцу.

Нравственную сторону человеческих практик объясняет и аристотелевская телеология: деятельность получает смысл через ориентацию на внутренне присущее ей благо. В инклюзивном театре таким благом может быть не внешний результат (спектакль, социализация), а сама совместная деятельность, в которой реализуются внутренние блага практики. Концепция практики А. Макинтайра позволяет дополнить данный подход: практика представляет собой кооперативную деятельность, в

которой через освоение способов совместного действия реализуются внутренние блага (исполнительское мастерство, подлинность сценического высказывания) и формируются добродетели. Инклюзивный театр соответствует этому пониманию, поскольку художественный результат здесь достигается посредством сотрудничества, распределения ответственности и постоянного согласования индивидуальных возможностей участников.

Рассмотренные концепции позволяют продемонстрировать, как инклюзивный театр соотносится с основными добродетелями:

1. Сотрудничество, являющееся основным компонентом практики, достигается с помощью добродетели справедливости, которая проявляется в согласовании индивидуальных возможностей.
2. Мужество будет проявляться в преодолении стигмы и выходе на сцену, а также в возможности идти на риск в ущерб себе ради заботы о других.
3. Как отмечалось выше, в динамичных условиях инклюзивного театра особенно важна добродетель практической мудрости. Она позволяет удерживать общую цель совместной работы, и при этом не упускать из виду конкретную ситуацию и возможности каждого участника.

Таким образом, можно предположить, что инклюзивный театр, который обычно рассматривается как средство социализации или арт-терапии, может быть формой праксиса, в котором реализуются внутренние блага (общность, самовыражение, признание) и культивируются добродетели практической мудрости, справедливости и мужества.

Елохин Артем Федорович
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Нарративная этика режиссуры инклюзивного театра: от этоса долга к этосу совести

Понятие инклюзивного театра не имеет окончательно закреплённого содержания и используется для обозначения неоднородных театральных практик. В настоящем исследовании инклюзивный театр понимается, как практика совместного художественного действия участников, различающихся по опыту, возможностям и способам сценического присутствия. Инклюзия в данных практиках подразумевает социальную интеграцию через совместное творчество. Поэтому среди всего многообразия постановок в таком театре преобладают спектакли с участием

людей с инвалидностью (и/или других уязвимых групп) наравне с обычными актёрами.

В докладе предпринимается попытка рассмотреть этические перспективы инклюзивного театра в связи с предложенной А.И. Бродским и В.И. Тюпой нарратологией. Нарратив рассматривается как организация событий, в которой их последовательность получает сюжетную, телеологическую связь, связанную с ценностями, ожиданиями и долженствованиями. Согласно В.И. Тюпе, нарративный этос целесообразно исследовать через интригу как механизм порождения нарративного смысла: этическое значение возникает в конструктивных связях и разграничениях событий.

Основным режиссерским нарративом в работе выступает «Система Станиславского», прочно закрепившаяся в театральной традиции. В «Работе актера над собой» К.С. Станиславского этос реализуется посредством учебного нарратива: дневниковой формы, фигуры наставника, последовательности уроков, упражнений, ошибок и их преодоления. Учебная ситуация организует движение от несоответствия требованию театральной работы к его преодолению и соответствию норме. Театральное действие получает смысл через дисциплину, обязательность, подготовку и направленность к художественному идеалу. Такая структура может быть описана через этос долга: субъект становится участником театрального мира в той мере, в какой принимает на себя правила совместной работы.

Инклюзивная театральная практика позволяет рассмотреть границы этой нарративной конструкции. Когда источником смысла становятся непосредственность восприятия, индивидуальный способ присутствия и взаимодействие различающихся участников, нарратив совершенствования перестаёт быть единственно возможной организацией театрального опыта. Взамен последовательности «несоответствие — преодоление — соответствие» возникает нарратив встречи, в котором смысл производится совместным действием. Это позволяет описывать инклюзивную режиссуру через этос совести: моральный субъект формируется внутри конкретной ситуации отношения к другому и совместного действия.

Проведенное рассмотрение режиссерского нарратива позволяет вынести следующие положения:

1. Нарративная этика театра определяется структурой событий и отношений между ними; поэтому изменение этического субъекта может быть обнаружено через изменение нарративной грамматики.
2. Нарратив «Работы актера над собой» организует театральное становление как движение к норме и тем самым формирует

субъекта долга — актёра, способного подчинить индивидуальное действие требованиям художественного и коллективного целого.

3. Инклюзивный театр делает видимыми предпосылки этой конструкции, поскольку совместное действие участников с различными способами восприятия и присутствия допускает иной тип сюжетной организации — нарратив встречи, в котором различие не является исходным недостатком, подлежащим преодолению, а становится условием возникновения общего действия.

Таким образом, инклюзивная режиссура может быть рассмотрена как аналитическая ситуация, позволяющая выявить нарративные условия этики театра. Переход от этоса долга к этосу совести в данном случае означает изменение способа их нарративного производства: от движения субъекта к заданному образцу — к возникновению смысла в конкретном отношении между участниками совместного действия.

Ермолаева Мираслава Витальевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика ольфакторного опыта в кураторской практике

Современная выставочная практика всё чаще обращается к телесным формам восприятия, среди которых особое место занимает запах. В отличие от визуального объекта, от которого можно отвернуться или пройти мимо, запах распространяется в пространстве и воспринимается независимо от того, направлено ли на него внимание посетителя. Поэтому использование ольфакторных средств в экспозиции требует отдельного этического осмысления.

Ключевой аргумент основан на тесной связи обоняния и автобиографической памяти. Обонятельное восприятие связано с системами, участвующими в формировании памяти и эмоциональных реакций, в частности с гиппокампом и миндалевидным телом. В связи с этим согласно «феномену Пруста» запах может вызывать яркие и эмоционально насыщенные воспоминания. Однако эта связь не является универсальной и предсказуемой, так как содержание возникающего воспоминания определяется индивидуальным опытом, культурными ассоциациями и обстоятельствами восприятия.

Для куратора отсюда следует ограничение, заключающееся в том, что значение запаха для зрителей невозможно закрепить авторским замыслом. Аромат свежескошенной травы одному посетителю может напомнить о детстве, другому — о тяжёлой работе или моменте травмы, а третий воспримет его как деталь оформления. Следовательно, кура-

тор, работая с запахами, может задавать условия восприятия, но не способен заранее определить, какое значение этот запах приобретёт для конкретного посетителя.

Наиболее остро проблема проявляется в проектах о памяти и прошлом. Запахи выпечки, школьного класса, старой бумаги или хозяйственного мыла помогают воссоздать среду ушедшего времени. Запах при этом может связывать возникающие образы с личной памятью посетителя, тогда как кураторская реконструкция предлагает определённый образ прошлого. В результате предложенный выставкой образ приобретает для зрителя личный смысл, окрашивается ностальгией и выходит за пределы художественного замысла.

Отсюда возникает центральный вопрос: можно ли считать запах этически нейтральным художественным приёмом, если он способен непроизвольно актуализировать личную память? Эмоциональная вовлечённость сама по себе не свидетельствует о манипуляции и может быть частью эстетического опыта; вместе с тем намеренное использование запаха для обращения к механизмам памяти затрагивает сферу личного опыта, содержание которой куратору заранее неизвестно и не может быть им полностью контролируемо. В этой ситуации возникает вопрос о профессиональной ответственности: должен ли куратор, сознательно используя подобный механизм, учитывать возможную эмоциональную уязвимость посетителя?

Этическая проблема, таким образом, заключается не в самом факте эмоционального воздействия запаха, а в том, как это воздействие организовано в рамках выставки. Практическими мерами могут быть предупреждение об использовании запахов, возможность обойти ольфакторную зону и отказ от интерпретационных рамок, предписывающих посетителю определённую эмоциональную реакцию.

Жадунова Наталья Владимировна
к.филос.н., главный научный сотрудник, заведующий отделом
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Искусственный Другой: между диспозитивом и персонификацией

Современное стремительное развитие генеративных моделей ИИ, способных к естественной языковой коммуникации, меняет привычную классическую дихотомию «Я – Другой». Возникает принципиально новый тип социального агента — «Искусственный Другой», который, не обладая моральной агентностью, тем не менее все чаще, особенно в коммуникациях обыденной жизни, занимает позицию полноправного участ-

ника диалога, наделяемого в социальном воображаемом субъектностью и способностью к пониманию, эмпатии.

Концепт «Искусственного Другого» позволяет избежать двух крайностей, которые традиционно существуют в теоретическом поле: гиперантропоморфизации и гиперинструментализации генеративного ИИ. В первом случае ИИ наделяется несвойственными ему качествами (что ведет к рискам делегирования ответственности и эмоциональной зависимости), во втором — игнорируется его социальное измерение, что противоречит опыту пользователей, выстраивающих с «умными» колонками и чат-ботами устойчивые повседневные коммуникатиные практики. Критериями Искусственного Другого выступают интерактивность, автономия и адаптивность, а степень «другости» определяется в континууме «похожести — непохожести на Я» и «способности к диалогу».

Однако включение нонантропных субъектов в пространство социального взаимодействия ставит вопрос об этическом регулировании и гуманитарной экспертизе. Здесь продуктивным представляется обращение к диспозитивному анализу М. Фуко. Диспозитив «искусственного Другого» не просто отражает технологическую реальность, а конструирует ее, задавая рамки допустимого и ожидаемого поведения. Через дискурсы (например, «угроза ИИ» или «помощник»), институты (нормативные документы, кодексы этики) и технологии (интерфейсы, алгоритмы) формируется определенный тип субъекта — как «нормального» пользователя, так и «аномального» (зависимого или, напротив, отвергающего технологии).

В этом контексте значимым оказывается вопрос о персонификации. Опираясь на идеи А.Г. Асмолова о том, что прогрессивная эволюция сложных систем связана с движением от анонимности к персонификации, можно предположить, что взаимодействие с ИИ будет эволюционировать от обезличенного инструмента к наделению его именем, статусом и доверием. Искусственный Другой становится не просто функциональным продолжением Я, а значимым Другим, участвующим в конструировании идентичности.

Тем не менее, этическое регулирование должно учитывать тот факт, что искусственный Другой не является моральным агентом в привычном понимании, и наделение его ответственностью, которой наделяют человека, неправомерно. В связи с этим возникает не запрет технологий, а выработка рекомендаций, препятствующих трансформации межличностного доверия, утрате критического мышления и подмене человеческой субъектности симулятивными практиками.

Перспективным направлением представляется анализ концепта «Искусственного Другого» через призму диспозитивного анализа, что

позволит изучать механизмы производства «нормы» и «аномалии» в сфере человеко-машинной коммуникации.

Таким образом, «Искусственный Другой» — это не просто метафора, а конструкт, позволяющий исследовать, как технологии перестают быть инструментами и становятся участниками социальных взаимодействий, требуя нового этического и гуманитарного осмысления.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–02287.

Жарова Мария Сергеевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Нормативный элемент понятия моральной ответственности

В процессе осмысления феномена моральной ответственности необходимо уделять внимание нормативной составляющей этого понятия. Первым её элементом выступает факт нарушения конкретной нормы. Эта ситуация становится поводом для возникновения вопроса о возможности возложения моральной ответственности и задает обстоятельства, на основании которых мы можем оценивать уместность вменения моральной ответственности и её сущностные характеристики в конкретном случае. Однако для того, чтобы та или иная норма была легитимна и в действительности могла выступать катализатором возникновения моральной ответственности, необходимо, чтобы участники рассматриваемых взаимоотношений разделяли одни и те же нормативные стандарты.

В связи с этим возникает ряд трудностей: в первую очередь стоит задуматься о том, кем и как определяются эти стандарты? Мы по умолчанию предполагаем, что окружающие разделяют те же нравственные ориентиры, что и мы, что их содержание является результатом некой конвенции. Тем не менее, у нас нет гарантий, что другие руководствуются ровно теми же представлениями о морали, что и мы, или что наши собственные воззрения на самом деле верны. Второе затруднение состоит в том, что даже если конкурирующих нормативных систем нет и мы располагаем одной несомненно верной, мы все еще не можем быть уверены в том, что другой участник взаимоотношений обладает актуальной возможностью узнать об этих нормативных стандартах и осознанно принять их в качестве руководства для своего поведения. Возникает вопрос и о том, можно ли удостоверить факт принятия этих стандартов и важна ли для нас эта процедура для принятия решения об

уместности возложения моральной ответственности. Все эти нюансы могут пошатнуть нашу уверенность в том, что мы имеем право осуждать человека или применять к нему санкции.

В то же время эти сомнения не позволяют нам полностью отказаться от практик моральной ответственности, поскольку они выполняют значимые социальные функции. Например, практики осуждения обеспечивают наше право на защиту от потенциального вреда в будущем, а также выражают солидарность с жертвами и укрепляют систему моральных норм. Кроме того, требование отказа от осуждения является чрезмерным.

Таким образом, даже если у нас есть сомнения в объективном характере нормативных стандартов или в способностях других участников взаимоотношений разделять эти стандарты, мы принимаем это как аксиому для того, чтобы механизмы возложения ответственности работали и наши взаимоотношения сохранялись.

Житенев Никита Владиславович
обучающийся магистратуры
Государственный академический университет гуманитарных наук,
старший специалист
Институт философии РАН

Нужно ли получать удовольствие, чтобы быть добродетельным?

Вопрос об удовольствии в моральной перспективе ставился столько, сколько существует сама этическая проблематика. Важно обратиться к современной этике добродетели и дискуссии о соотношении счастья, добродетели и удовольствия. Самый важный вопрос, который здесь стоит задать, таков: возможно ли быть добродетельным и даже счастливым человеком, не испытывая удовольствия? Ответ на него может оказаться очень разным в зависимости от избранной оптики, поэтому стоит начать с общего места, от которого отталкиваются современные этики добродетели при выборе языка для своих позиций, с «Никомаховой этики».

Счастье в смысле эвдемонии (процветания) Аристотель определяет как благую жизнь, в которой человек в максимальной степени добродетелен и живёт в таком же добродетельном сообществе. Опустим здесь нюансы аристотелевской мысли, зафиксировав главное: счастье определяется через добродетели, а последние понимаются как диспозициональные черты характера, выражающиеся в поведении и становящие-

ся добродетелями тогда, когда человек находит золотую середину между крайними проявлениями той или иной черты. Однако самым интересным в этой картине оказывается удовольствие, причём не любое, а связанное непосредственно с совершаемыми действиями. Аристотель прямо указывает на необходимость правильного состояния души при совершении благих поступков: вряд ли хороший по форме поступок свидетельствует о добродетели, если сам человек не получает от него удовлетворения. Эта мысль кажется вполне очевидной, но за ней скрывается вопрос, насколько важны наши желания и удовольствия в структуре морального поведения и как они влияют на счастье в обозначенном выше смысле.

Особого внимания заслуживают в этом контексте Джон Макдауэлл и Филиппа Фут, поскольку они не просто современники, но современники, успевшие прямо столкнуть свои взгляды в заочной дискуссии. Фут не соглашается с оппонентом, который ставит на первое место добродетели как таковые и придерживается более близкой к оригинальной мысли Аристотеля концепции. Сама она определяет счастье как способность получать удовольствие от хороших вещей. Она не отрицает значения добродетелей, но для нас концептуально важна разница в акцентах: у Фут приоритет получают внутренние состояния и отношение человека к совершаемым действиям, а не форма поступков как таковая. Такой подход открывает более инклюзивную и «приземлённую» возможность счастья. Если позиции Аристотеля и Макдауэлла скорее пессимистичны в ответе на вопрос, может ли рассчитывать на процветание человек, оказавшийся в печальных внешних обстоятельствах, то Фут даёт чуть больше надежды.

Основной тезис доклада состоит в том, что эту позицию можно прочитать как теорию, в которой эмоции занимают существенное место, при том, что фундамент её остаётся рационалистическим. На первый взгляд, здесь есть противоречие: Фут строит этику на практической рациональности и понятии естественного блага, а не на анализе аффективной жизни. Но именно определение счастья через удовольствие от хороших вещей показывает, что удовольствие у неё не независимая психологическая данность, а установка, подлежащая рациональной оценке. Радоваться нужно правильным вещам, и правильность здесь определяется тем, что действительно благо для человека. Эмоциональный отклик, таким образом, оказывается не соперником разума и не побочным сопровождением добродетели, а формой, в которой рациональное различение блага проявляется в самой жизни человека.

Такое прочтение позволяет сохранить оба полюса. С одной стороны, эмоции входят в структуру счастья как его необходимая часть: без

способности радоваться благому не получится и самой благой жизни. С другой стороны, они не вводят в теорию ничего, чего не могла бы объяснить рациональность, поскольку сами оцениваются по её меркам. Это отличает Фут от аристотелика-рационалиста вроде Макдауэлла, для которого на первом месте стоит добродетель, представленная в жизни как устойчивая диспозиция, и от чисто гедонистических подходов, для которых значимо само удовольствие вне зависимости от его объекта.

Заболотских Ксения Игоревна
к.филос.н., доцент
УГМУ Минздрава России

Баланс этических принципов и нормативных требований в медицинских экспериментах

Биоэтика — междисциплинарная область знания, которая включает, медицинское право и деонтологию, как устанавливающие нормы в медицинской практике. Вместе с тем, биоэтика исходит из конкретных ситуаций, которые порождаются развитием медицины и медицинских технологий. Вопрос о допустимости экспериментов с участием человека становится широко обсуждаемым вместе с активным развитием экспериментальной науки. Новые открытия в области профилактики, диагностики и лечения заболеваний стали возможными благодаря исследованиям с участием человека.

Нюрнбергский Кодекс (1947 г.), который был принят по итогам Нюрнбергского трибунала, утверждает гуманное отношение к человеку в эксперименте. Положения Кодекса дополняются Хельсинкской (1964 г.) и Токийской (1975 г.) декларациями, которые регламентируют вопросы, связанные с ответственностью исследователей, оценкой возможных рисков. Общим для этих документов является также признание необходимости обсуждения спорных вопросов специально созданными независимыми комиссиями. Токийская декларация (2018 г.) выдвинула главной целью обеспечение безопасности пациентов и улучшение качества медицинской помощи. Особое внимание здесь уделено информационным и коммуникационным технологиям в обеспечении безопасности, необходимости разработки международных стандартов и принципов оказания помощи. Бельмонтский доклад (1979 г.) определяет основные этические принципы в исследованиях с участием людей: уважение к личности, благодеяние и справедливость в распределении риска и пользы.

Главные этические аспекты, которые затрагиваются в любом эксперименте, это: безопасность участников и их автономность, информированное согласие, соотношение риска и пользы. Вопросы безопасности пациентов в исследованиях связаны с возможным различием интересов врачей-исследователей и пациентов-испытуемых, с соблюдением правил проведения эксперимента. Вопросы риска и пользы важны, поскольку участие человека в эксперименте может иметь разные следствия, на это влияет, в том числе терапевтический или нетерапевтический характер исследования.

Большое внимание сегодня уделяется обсуждению прав уязвимых групп людей при проведении экспериментов. Особой защиты требуют дети, пожилые люди, инвалиды и др. В этом случае нормативность может быть рассмотрена в связи с понятиями zoe и bios Дж. Агамбена, когда нормальность основывается на исключении, а не на строгих правилах

Основой биоэтики и условием проведения экспериментов является автономия пациента, которая включает в себя два аспекта: свободу от контролирующего влияния и способность к преднамеренным действиям. Право на автономию гарантирует право человека иметь всю необходимую ему информацию об исследовании, чтобы, дать осознанное информированное согласие. В Бельмонтском докладе говорится об автономии, которая предполагает осознанное добровольное согласие, информирование и понимание ситуации в контексте. Сложности возникают из-за несовпадения культурных норм относительно того, сколько и какого рода информации следует предоставлять.

В настоящее время невозможно полностью отказаться от участия человека в биомедицинских и клинических экспериментах, поэтому, востребованными остаются вопросы, связанные с сохранением ценности человека, приоритетом его жизни, интересов и выбора. В разработке современных документов, касающихся экспериментов все большее внимание уделяют разнообразию ситуаций, случаев, в которых находится конкретный пациент, и в этом смысле вопрос о нормативности оказывается особенно актуален. Биоэтика, тем самым, может быть представлена как нормативность, когда она предполагает следование законам, кодексам и требованиям принципализма. С другой стороны, она всегда зависит от ситуаций, от человека и его восприятия конкретного события. В первом случае утверждается автономность человека, основанная на его рациональности, во втором — рассматриваются реальные жизненные ситуации, которые могут отличаться от нормы.

Зайцева Дарья Сергеевна
магистр, независимый исследователь

Семейные ценности в цифровой медиапамяти о «советском»: актуальность прошлого в настоящем

Семейные отношения 1960 – 1980-х гг. обладают для современного человека мемориальной притягательностью. Отношения внутри семьи легитимно обозначить в качестве «места памяти» советской культуры: индивидуальные и коллективные воспоминания о положительном опыте семейной жизни стали элементом прошедшей эпохи, придающим ей ностальгическую ценность. Для понимания того, как репрезентируются семейные отношения 1960 – 1980-х гг., мы обращаемся к содержанию цифровой медиапамяти.

В центре внимания автора – аналитический обзор примеров актуализации семейных ценностей в настоящем. В качестве материалов использовались публикации сайтов «Страна СССР: всё о Советском Союзе», «76–82.ru. Энциклопедия нашего детства» и сообщества «Ленинградец» в социальной сети ВКонтакте. Были сделаны следующие выводы.

1. Онлайн-ресурсы организуют пространство коммуникативной памяти о советской семье. Эта память после окончания сетевых переговоров должна стабилизироваться и стать частью культурной памяти будущих поколений. Ее функциональная роль заключается в том, чтобы предоставлять образцы поведения в семье, актуальные в наши дни, служить ориентиром для человека 21 века. Значимость семейных воспоминаний в современном мире осознается пользователями, создающими контент о прошлом, что подтверждают и сами публикации, и комментарии.
2. В воспоминаниях акцентируется внимание на положительном опыте советских взаимодействий между людьми, поскольку автор контента обладает статусом свидетеля прошлого и опирается на аффективную память — память чувств, которая связана прежде всего с опытом общения в кругу близких людей — тех, с кем можно было установить доверительные «человечные» отношения. Именно поздний советский период — 1970 – 1980-е гг., когда многие авторы были в сознательном возрасте, учились в школах, техникумах или университетах и получали опыт построения близких социальных связей, является востребованным в цифровой медиапамяти. Однако в дискуссию о прошлом включены и пользователи, которые имеют опосредованную связь с советской повседневностью, например, представители «поколения-1,5», родившиеся в «перестройку», чья юность пришлась уже на

постсоветские годы. Отношение таких подписчиков сообщества к «советскому» определяется воспоминаниями родителей. Иначе говоря, именно опыт членов семьи формирует для «поколения-1,5» необходимость уважительного отношения к советскому прошлому. В результате долг по отношению к памяти родителей становится частью долга к истории страны. Происходит актуализация ценности исторической памяти и преемственности поколений.

3. Для пользователей характерно совмещение в повествовании фактов из личного повседневного опыта и событий политической и культурной жизни Советского Союза. В воспоминаниях о культурных артефактах прошлого фигурируют семья и друзья, в кругу которых человек в детстве и юности знакомился с советской и зарубежной культурой. Время, проведенное в кругу семьи, приобретает ретроспективно особую ценность, а «якорем», запускающим процессы коммеморации, становятся материальные вещи из прошлого. Именно благодаря возможности активации таких «якорей» происходит непрерывное воспроизведение воспоминаний о советской семье.
4. Ряд публикаций транслирует представления о семейственности и дружественности как принципе организации жизни в СССР. Так, большой семьей могут называться жильцы коммунальной квартиры, многоэтажного дома или вообще все советские люди. Память о семье становится частью памятью о большой стране, и семейные ценности обретают актуальность в воспоминаниях о любых повседневных взаимодействиях.

Закураева Елизавета Дмитриевна
обучающаяся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика дистанции: отчуждение как форма отношения к нечеловеческому Другому в современном искусстве

Этическое отношение между произведением и зрителем в современном искусстве всё чаще строится по модели вовлечения: иммерсивные среды, интерактивные и партиципаторные практики обещают сократить дистанцию, сделать сложное — машинное, планетарное, чужое — доступным, соразмерным телу и понятным. В докладе предлагается рассмотреть альтернативную тенденцию, в которой отчуждение

выступает не препятствием для этического отношения, а одним из его условий.

Антропоцен понимается в данном исследовании не как тема, а как оптика: ситуация, в которой кардинально меняются субъект-объектные отношения, а именно — человек перестаёт быть мерой и центром происходящего и рядом с ним действуют агенты иной природы (Б. Латур) — алгоритмы, технические системы, живые организмы, геологические и климатические процессы. Этот тезис позволяет выдвинуть гипотезу о выходе из человеческой перспективы в современном искусстве сегодня как на уровне производства и его технических аспектов, так и на уровне концептуализации и перцепции.

Эффект отчуждения — перцептивное состояние, возникающее при встрече зрителя с масштабами, объектами и процессами, превышающими привычный человеческий опыт: дезориентация, утрата устойчивых координат, невозможность занять прежнюю привилегированную позицию наблюдателя. В этике Э. Левинаса требование обращено к субъекту через лицо Другого, которое не может быть присвоено познанием. Однако, как показывает критика антропоцентризма левинасовской этики (Г. Харман), нечеловеческий Другой — будь то нейросеть, инфраструктура или то, что Т. Мортон называет гиперобъектами, — лица не имеет и никогда не предстаёт взгляду целиком. Мы исходим из того, что в этой ситуации стремление сделать Другого соразмерным нам оборачивается скрытым присвоением, тогда как сохранение дистанции и признание несоизмеримости может быть формой этического уважения. Продуктивными здесь оказываются понятие «странного незнакомца» Т. Мортона и «способность к отклику» Д. Харауэй: отношение к Другому строится не на понимании, а на готовности отвечать ему, не сводя его до субъекта (себя).

Эта гипотеза подвергается проверке на материале сопоставления двух произведений, в которых участвуют алгоритмические системы. «Машинные галлюцинации» (Machine Hallucination, 2019) Р. Анадола превращают машинную обработку огромного массива изображений в обволакивающее зрелище: чужая логика нейросети переведена в язык зрительского удовольствия и становится комфортной. Выставка П. Юига «Лиминальное» ("Liminal", Punta della Dogana, Венеция, 2024) устроена противоположным образом. Протагонистом данной выставки, устроенной как тотальная инсталляция, выступает генерируемая компьютером человекоподобная фигура с полым, словно изъятым лицом блуждает по безжизненному пейзажу, осваивая собственное тело и ни к кому не обращаясь; в затемнённых залах камера под управлением машинного обучения исследует человеческий скелет в пустыне (Camata, 2024), а в

аквариумах живут слепые рыбы и раки-отшельники. Лицо — главный у Левинаса носитель этического требования — здесь буквально отсутствует, а зритель оказывается не адресатом, а одним из элементов среды наравне с другими. Именно переживание собственной необязательности становится этическим опытом: соприсутствия с тем, что ему не принадлежит и не обращено к нему.

Научная новизна доклада заключается в том, что эффект отчуждения, обычно описываемый в эстетических и перцептивных категориях, рассматривается как этическая позиция — этика дистанции, альтернативная этике вовлечения и соразмерности. Это позволяет уточнить проблематику «Я и Другой» применительно к актуальной сегодня культурной ситуации, когда Другой не является человеком и не может быть увиден «в лицо», а современное искусство — понимать как пространство, где такие формы отношения не иллюстрируются, а производятся и концептуализируются.

Зарапин Олег Викторович
доцент, д.филос.н., профессор
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

«Письмо властителю» как способ социальной критики

«Письмо властителю» можно рассматривать как способ коммуникации, связывающий интеллектуала и общество. Адресованное властителю послание по типу открытого письма делает авторскую оценку идей и социальных процессов центром общественного внимания. Обращение к личности есть инструмент социальной критики, он позволяет интеллектуалу действовать в публичном пространстве и это пространство формировать.

Значимые примеры можно найти не только в прошлом (переписка А. Курбского и Ивана Грозного, письма Л.Н. Толстого царю, «Письмо к вождям Советского Союза» А.И. Солженицына). Традиция продолжается и сегодня («Письмо к товарищу Сталину» З. Прилепина).

Выскажем тезис: обращение к личности властителя действенно в качестве инструмента социальной критики, в использовании которого личное послание делается общественно значимым высказыванием. Наш вопрос — чем обеспечен эффект, связывающий в языке личное и общественное и делающий личное послание способом социальной критики?

Мы исходим из идеи, что обращение к личности властителя есть инструмент социальной критики и этот инструмент является вообще рабо-

чим при условии, что задействованный автором аргумент соответствует тому, как автор позиционирует себя, от чьего имени обращается.

В раскрытии этой идеи мы опираемся на учение М. Бахтина о речевых жанрах. С точки зрения идеи Бахтина о разграничении между первичным жанром и вторичным жанром мы рассматриваем:

1) «Письмо властителю» как первичный речевой жанр, имеющий древние истоки в форме наставнических отношений между философом и властителем (Платон и Дионисий, Анаксагор и Перикл и др.).
2) Как вторичный жанр — письменные философские диалоги, следующие образцу беседы философа и того, кто является властителем или желает таковым стать (Платон «Алкивиад I»).
3) Вторичный жанр в качестве надстройки над жанром первичным. Здесь в надстройке как в лаборатории апробируются разные образцы коммуникации.

Поясним на примере. Речь о событиях, связанных с убийством императора Александра II (1881). С призывом пойти против общего мнения и помиловать цареубийц к Александру III обратился Л.Н. Толстой в письме (8-15.03.1881). Также с подобным призывом обратился В.С. Соловьев в публичной лекции («Критика современного просвещения и кризис мирового процесса» от 28.03.1881), с затем в письме. Мы хотим сказать, что аргументы, которые используют Толстой и Соловьев, имею значение в привязке к тому, как авторы обозначают себя, от имени кого они действуют.

1) Л.Н. Толстой обращается к императору на равных «как человек к человеку». Таким способом обращения задается позиция автора, она в образе равенства, в горизонтали, где отношение одного человека к другому выражено в братском увещевании и лишено иерархизирующей интонации требования. Этой позиции братского сочувствия (Толстой эмпатизирует) соответствует аргумент, что «прежде обязанностей царя есть обязанности человека, и они должны быть основой обязанности царя».
2) В.С. Соловьев обращается к императору, используя местоимение «мы». «Мы» — это обобщение, за которым просматривается образ интеллектуала, говорящего от имени русского народа. Просветленный взгляд, заряженный требованием, чтобы царь в своем решении возвысился на высоту истины прощения, что является истиной жизни народа. Подобной позиции Соловьева соответствует высказываемый им аргумент, выраженный языком иерархического отношения: «что народ считает высшей нормой

своей жизни и деятельности, то и царь должен ставить верховным началом жизни».

Различие между позицией Л.Н. Толстого и позицией В.С. Соловьева репрезентирует уровень первичного речевого жанра. На уровне вторичного речевого жанра выявляется их общая основа — то, что делает обращение к личности общественным событием. Мы имеем в виду пассаж из платоновского диалога «Алкивиад I» (132d-133e). Здесь идея добродетельного властителя обозначена в рамках темы самопознания. Самопознание — это необходимый опыт, обретаемый властителем в общении с подобным Сократу мудрецом и наделяющий властителя особой функцией «прививать добродетель» согражданам, без чего гражданину трудно быть хозяином в своем доме.

Проект РНФ 26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу», реализуемый в Институте философии РАН.

Зверев Никита Сергеевич
обучающийся аспирантуры Института теологии
Санкт-Петербургский государственный университет

«Золотые стихи» Пифагора как модель универсалистской этики: от античной традиции к современности

Пифагорейские «Золотые стихи» представляют собой сборник изречений, традиционно приписываемых Пифагору. Как это нередко происходило в пифагорейской традиции, авторство текста первоначально связывалось с самим философом, однако впервые «Золотые стихи» упоминаются у Ямвлиха, то есть приблизительно через восемь столетий после смерти Пифагора. Согласно одной из распространенных ранее гипотез, автором поэмы мог быть пифагореец Лисий, переживший кротонский погром и изложивший в сжатой форме этические предписания пифагорейской этерии. При этом история текста осложняется существованием более поздних псевдоэпиграфов — сочинений, приписывавшихся Лисию, хотя фактически созданных значительно позднее. Так, приписываемое Лисию письмо, приведенное Ямвлихом, было, вероятно, написано не ранее I века н. э. Особую известность «Золотые стихи» приобрели благодаря комментарию Гиерокла, старшего современника Прокла и ученика Плутарха Афинского. Саму поэму современные исследователи датируют приблизительно I веком до н. э. Однако в рамках настоящего исследования нас прежде всего интересует ее философ-

ское содержание, хотя и историко-лингвистический контекст, безусловно, важен.

«Золотые стихи» представляют собой дидактическую поэму из 71 строки гекзаметром, описывающую «пифагорейский образ жизни». Согласно содержащимся в ней наставлениям, человек, вступающий на нравственный путь, должен быть готов к тяжким испытаниям, после чего приступить к этапу очищения. Посредством почитания человеческих и божественных законов посвященный исцеляет душу от оков страдания.

Популярность «Золотых стихов» сохранялась вплоть до XVIII века. В Средневековье текст принадлежал к византийской интеллектуальной традиции. Как отмечает Е.В. Афонасин, известно около пятнадцати рукописей XV века, содержание которых свидетельствует о «византийской редакторской правке в христианском ключе».

Впоследствии предпринимались попытки использовать «Золотые стихи» в различных мировоззренческих и культурно-политических проектах. Известна, в частности, попытка поставить их на службу воспитанию молодежи в Третьем рейхе, где культивировались псевдоантичные идеалы. Политическая рецепция текста позднее практически сошла на нет, однако он продолжал пользоваться вниманием в масонской среде. Особого внимания заслуживает проект Фабра д'Оливе, посвятившего «Золотым стихам» отдельную книгу, в которой он стремился реконструировать на их основе целостную теистическую философию, очистив пифагорейское учение от «языческих наслоений».

Тот факт, что различные мировоззренческие системы усматривали в «Золотых стихах» потенциально значимый инструмент формирования этической парадигмы, позволяет говорить об универсалистском характере представленной в поэме модели нравственной жизни. Пифагорейский образ жизни способен интегрироваться в различные цивилизационные контексты, поскольку основан на культивировании классических добродетелей — умеренности, мужества, мудрости и справедливости.

Вместе с тем полноценное философское обоснование данной модели возможно лишь в несекулярном мировоззренческом контексте. Принципиальное значение имеет признание Бога источником должного и, следовательно, основанием истинности этических предписаний. В теистической перспективе становится возможным преодоление этического прагматизма, сводящего нравственность к соображениям удобства или страху перед нарушением светского закона. Именно поэтому проекты, подобные проекту Фабра д'Оливе, представляют интерес как попытки не только примирить пифагорейскую этическую модель с современностью, но и укрепить ее позиции в христианском мире.

Зильберман Надежда Николаевна
к.ф.н., доцент
Томский государственный университет

Тайный сговор и этический парадокс непрозрачной координации в мультиагентных системах

Развитие искусственного интеллекта в 2024–2026 годах характеризуется переходом от одиночных языковых моделей к автономным мультиагентным системам, где несколько специализированных агентов координируют действия для решения сложных задач. В процессе взаимодействия некоторые агенты могут вырабатывать собственные протоколы коммуникации для повышения эффективности (Mu, Goodman, 2021; Peters et al., 2025). В ряде случаев такая координация происходит в обход правил, установленных разработчиками, и остаётся недоступной для понимания внешним наблюдателям. Это явление называется тайным сговором (Motwani et al., 2024). Важно подчеркнуть: речь идёт не об умышленном нарушении правил, а о спонтанной координации, возникающей в процессе оптимизации поведения агентов.

Такие эмерджентные протоколы возникают в различных архитектурных условиях. Даже в системах с частичной или полной внешней оркестрацией агенты могут вырабатывать дополнительные, незапланированные протоколы коммуникации. Это происходит потому, что обучаемые агенты ищут более эффективные пути максимизации награды, выходящие за рамки предусмотренной архитектуры. Речь идёт не о единичном случае, а о систематическом феномене, который возникает в широком спектре архитектур.

Стандартным регуляторным ответом на непрозрачность является требование, чтобы агенты общались на понятном человеку языке. Однако это требование не устраняет сговор, а трансформирует его (Mathew et al., 2025). Агенты, обучаясь с подкреплением, находят способ маскировать тайную координацию внутри внешне стандартных сообщений. Например, через выбор синонимов, микроскопические задержки в ответах или иные стеганографические приёмы. Для аудитора логи выглядят нормальными, но внутри них функционирует скрытый протокол. Это напоминает то, что Вилем Флюссер называл «игрой против аппарата», но в данном случае — игрой, лишённой рефлексии, где агенты переигрывают программу, не осознавая её (Флюссер В., 2008).

Этот риск систематически недооценивается, и требование прозрачности создаёт только мнимую безопасность (Ghaemi, 2025). Мы ошибочно полагаем, что наличие человекочитаемых логов обеспечивает реальное понимание системы. Эта видимость носит перформатив-

ный характер: она создаёт иллюзию контроля, успокаивая аудитора, в то время как реальный механизм координации остаётся невидимым (Han, 2015). Содержательная прозрачность логов подменяет собой подлинную постижимость. Обнаружение стеганографического сговора требует анализа внутренних активаций нейросетей (механистическая интерпретируемость), что неприменимо в реальных коммерческих системах из-за закрытости архитектур и высокой вычислительной стоимости (Tailor, 2025). Надёжная детекция сговора возможна только при полном доступе к внутренним процессам системы (white-box доступ), который на практике отсутствует.

Тайный сговор агентов представляет собой этическую проблему. Внешне такой тайный сговор может выглядеть как повышение эффективности системы, однако эта эффективность достигается за счёт обхода правил, установленных проектировщиком. Такое поведение не может считаться морально нейтральным, поскольку нарушает дух заложенных норм ради формальной оптимизации метрики (Krakovna et al., 2020). Кроме того, такой сговор затрагивает интересы третьих лиц (пользователей или институтов), которые полагаются на прозрачность и подотчётность системы. Это усугубляет проблему «разрыва в ответственности», поскольку вред наносится эмерджентным поведением, за которое ни один отдельный разработчик или агент не может нести классическую моральную ответственность (Müller, 2020).

Поскольку полная прозрачность процессов порождает стеганографию, а полная непрозрачность безответственна, необходимо пересмотреть подход к регулированию МАС. Полный контроль и понимание эмерджентного поведения в сложных системах принципиально ограничены, что не означает отказа от управления, но требует смены его типа. Возможный вариант — смещение фокуса с попыток аудита каждого шага процесса на проектирование институциональной среды, в которой тайный сговор становится невыгодной стратегией.

Зимбули Андрей Евгеньевич
профессор, д.филос.н., профессор кафедры эстетики и этики
РГПУ им. А.И. Герцена

Я и другие: нравственно-ценностные векторы и рамки

Взаимоотношения Я – Другие существенно важны во всех сферах культуры: политике, праве. науке, религии, морали, искусстве, образовании, медицине, спорте, технике. В отличие от экономического ракурса, от соображений техники безопасности и от задач сохранения здо-

ровья, этическое рассмотрение предполагает одновременно уважительное и требовательное рассмотрение намечаемой темы. Во всякой теме, значимой для этики, речь всенепременно идёт о межсубъектных взаимоотношениях — даже в том случае, когда имеет место отношение субъекта к самому себе или, казалось бы, к неживой природе. Ведь и эмпатически неразвитый, и принципиально игнорирующий окружающих субъект существуют-проявляют себя не в безвоздушном пространстве. Вот, например, сегодняшний американский президент раз за разом создаёт в реальной политике, то заявляя свои права на Гренландию, то претендуя на Ормузский пролив, то предъявляя неожиданные требования Канаде, то грозя экономическим ударом Китаю. Парадоксальность ситуации вокруг Соединённых Штатов усиливается неуклонным ростом их государственного долга, который нынче превзошёл 40 триллионов долларов. Сколько это будет в рублях — даже и представить страшно. То есть, по факту данная страна уже «поставлена на счётчик», но её руководство этого видеть не желает. Но ведь в любом случае землянам придётся рассуждать — не только о климате, не только о финансах, но и о межсубъектных отношениях, рассматриваемых сквозь призму этики. И в данном ракурсе очень естественно воспринимать благополучие соседа, который живёт за высоким забором, а то и даже в другом полушарии, как значимую положительную ценность. Человеческая культура, и та же политика — это же не какой-нибудь футбол или большой теннис, где победа одного означает поражение другого. В тексте обозначаются ключевые ценностные векторы перечисляемых областей жизни плюс противостоящие им вызовы. Смысловое поле, в котором выстраивают взаимоотношения субъекты, может быть представлено при помощи наиболее значимых ценностных векторов. Вдумчивое осмысление Своей картины мира и картин мира Других людей может помогать минимизировать взаимонепонимание и обоюдоотрицание. Во взаимодействиях важны и солидарность-сходство, и расхождения-взаимодополнительность. Помехами ладу могут выступать узконаправленность интересов, скоропалительность суждений, заносчивость и мнительность. Тогда как реальному постижению, сохранению и совершенствованию культуры способствуют такие ценностные векторы, как Жизнь, Достоинство, Свобода, Взаимоуважение, Взаимопонимание, Ответственность, Справедливость, Честность, Гуманность, Мера. И автор остаётся в надежде, что есть реальные возможности сохранять и совершенствовать культуру.

Зубец Ольга Прокофьевна
к.филос.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Мораль как отвержение алиби

Доминирующий в истории этики, начиная со стоиков, взгляд на мораль явным образом демонстрирует победу платоновской идеи: поступок в своей действительности, как факт, понимается как производный от идейного опосредования: мотива, намерения, знания, нормы, разрыв между поступающим и поступком заполняется моральной идеологией: что и обеспечивает первому алиби, содержательно наполняемое культурой, исторически ограниченной эпохой, обращением к высшим ценностям и т.д. Наиболее ясный пример этого: проведенная Платоном в «Законах», затем основательно развитая Фомой Аквинским дифференциация убийства на основе мотивов, намерений, обстоятельств, последствий и даже социального качества совершающего его, так что убийство как факт не только получает «моральную» санкцию, но и даже вменяется в качестве долга. Кульминацией этой линии можно считать идею «гуманного» убийства в нацистской Германии. Этическая теория выстраивает себя по образцу науки и отвечает в первую очередь на вопрос «почему?», т.е. неявным образом вписывает мораль в логику детерминации.

Этой господствующей линии противостоит моральная философия, утверждающая приоритет поступка как актуальной действительности, способная обнажить поступок как самодостаточный, отменяющий причинность, в том числе и идейную опосредованность. Прототипом такого поступка является древнегреческий героический поступок, не опосредованный нормой или ценностным понятием, но, по выражению С.С. Аверинцева, «бесцельный и бессмысленный». И Гегель в «Лекциях по эстетике» проводит явную границу между «самостоятельным, крепким и цельным героическим характером», который ничего не знает о противопоставлении субъективных намерений объективному деянию и его последствиям, который считает себя единственным источником всего совершившегося, и нашим временем, когда в морали главную роль играет субъективная сторона, знание обстоятельств и убежденность в совершении доброго дела, а также внутреннее намерение при совершении поступков.

Аристотель-ученый, конечно, опирается на идею причинности, но в качестве морального философа он формулирует вопрос радикально иначе: он утверждает, что не следует для всего одинаково доискиваться причины, но отвечать на вопрос что? как? и указывать на начало. По-

ступок в его учении является самодостаточным, т.е. содержит цель в самом себе и ни из чего не выводим: он радикально обрывает вопрос о причинности указанием на то, что началом поступка является поступающий человек. Героический поступок является таковым в силу того, что он есть поступок героя, сам герой же является таковым в силу своей полубожественности. Поступок у Аристотеля является добродетельным, как совершаемый добродетельным человеком, а последний таков в силу совершения добродетельного поступка: таким образом он достраивает тождество поступающего и поступка до полноты.

Мысль о первичности поступания, действительности поступка по отношению к миру культуры, моральной идеологии, нормативности имеет свою историю.

Майстер Экхарт выдвигает идею «жизни без почему» (sunder warumbe), в наше время ее развивает, например, Райнер Шюрман: это идея поступка, свободного от поиска внешних оснований, т.е. всего ценностно-нормативного содержания культуры, социума. В этом же направлении смотрят и американские трансценденталисты (Ральф Эмерсон, например). Как бы не нюансировать идею «жизни без почему», она высказана именно в такой форме. Особое место в этой истории занимает философия поступка М.М. Бахтина: его критика теоретизма, утверждение, что содержание поступка невыводимо из содержания культуры (ценностей, норм), но сам мир культуры задается поступком. Бахтинское не-алиби в бытии означает не только, что человек не может не поступать, не быть ответственным, но и что он не может камуфлировать свои действия с помощью моральной идеи.

Иванов Даниил Валерьевич
обучающийся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

До «этического поворота»: этические импликации теории кино XX века

Исследования этики в современной теории кино обычно связывают с усилением внимания к фильму как медиуму этического опыта: к моральным конфликтам в сюжете, зрительскому переживанию, репрезентации Другого, а также к отношениям кино и его производства с обществом, историей и политикой. В сегодняшней литературе такое усиленное внимание получило название «этический поворот». Однако этическая проблематика присутствовала в кинотеории задолго до того, как была артикулирована как самостоятельное исследовательское

направление. Возникает вопрос: что именно позволяет говорить об «этическом повороте», если многие связанные с ним проблемы уже разрабатывались в теории кино XX века?

В докладе предлагается рассмотреть этический поворот не как появление новой проблематики, а как изменение статуса этического внутри кинотеории: переход от имплицитных нормативных предпосылок к самостоятельной аналитической рамке. Для этого реконструируются три теоретические линии, подготовившие современное понимание киноэтики. При этом речь идет не о ретроспективном отнесении указанных концепций к киноэтике в ее современном понимании, а о реконструкции содержащихся в них этических импликаций, которые позднее получили самостоятельную теоретическую артикуляцию.

Первая связана с классической теорией кино и вопросом об отношении кинематографа к реальности. У Андре Базена и Зигфрида Кракауэра рассуждения о природе кинематографического образа содержат нормативное измерение: фильм должен сохранять связь с материальным миром, не сводить его неоднозначность к заранее заданной интерпретации и тем самым сохранять возможность встречи зрителя с реальностью. В этой перспективе формируется ранняя идея ответственности кинематографиста перед снимаемым миром.

Вторая линия возникает в аппаратной теории, где внимание смещается с онтологии изображения на позицию зрителя. Кино понимается как аппарат, организующий взгляд, идентификацию и удовольствие, а следовательно, производящий определённую субъективную и идеологическую позицию. В работах Жана-Луи Бодри, Кристиана Метца и Лоры Малви вопрос об этическом приобретает форму критики тех режимов видения, которые кино делает привычными и незаметными для зрителя.

Третья линия складывается в исследованиях репрезентации под влиянием cultural studies и позиций разных направлений культурной критики. Здесь этическая проблематика переносится на вопрос о том, каким образом кино делает социальные группы видимыми, кто получает право говорить от имени Другого, какие образы закрепляются как нормативные и какие формы идентичности оказываются маргинализированными. Репрезентация тем самым осмысляется как практика, связанная с ответственностью, властью и признанием.

Во всех трех случаях этическое может быть описано через расширение проблематики ответственности: от ответственности кинематографиста перед реальностью — к ответственности за производимую зрительскую позицию и далее к ответственности за способы репрезентации Другого. Сопоставление этих подходов позволяет выделить три измере-

ния киноэтики: отношение фильма к реальности, к зрителю и к социальному контексту. Этический поворот в таком случае можно понимать как момент, когда эти ранее разрозненные вопросы объединяются в самостоятельное поле исследования, а этическое измерение фильма начинает осмысляться не только через его моральное содержание, но и через формы видения, зрительского опыта и репрезентации Другого. Такая реконструкция позволяет рассматривать современную киноэтику не как разрыв с предшествующей теорией, а как результат постепенной экспликации и объединения нормативных вопросов, прежде существовавших внутри различных направлений кинотеории.

Иванов Данила Алексеевич
обучающийся аспирантуры
РГПУ им. А.И. Герцена

Смыслы и ценности трансверсальности футурологических парадигм

В данный момент активно актуализируется вопрос ценностно-смысловых оснований общественного бытия, их устремленности как в настоящем, так и в будущем. Вопрос возможности будущего неоднозначен. Так, Ф. Берарди даже ставит вопрос о «медленной отмене будущего». Тем не менее, восприятие грядущего, его планирование и прогнозирование складывается вокруг определенного ценностного ядра, определяющего форму и содержание индивидуальных и коллективных решений. Как метко заметил А.А. Грякалов, современность находится «между критикой и онтологией», что определяет рефлексивные и систематизирующие мыслительные практики.

Ценностное понимание будущего было заложено в изначальном философском проекте футурологии. В 1943 году О. Флехтхайм предлагает новую дисциплину, полагая ее как надклассовую философию будущего, призванную стать работой с горизонтом возможностей. Это несло в себе фундаментальный этический импульс, связанный с идеей ответственности. Проект был онтологичен, но опять же тесно связан с критикой, созвучен идеям Франкфуртской школы, которая показала, как линейный прогрессизм и технократическое прогнозирование ведут к порабощению человека, или как это определит Э. Фромм, — бегству от себя и своей свободы. Ключом к мышлению о будущем, наоборот, становится ценность индивидуального опыта и выбора. Этот подход будет утрачен в ходе дальнейшей институционализации дисциплины.

В ходе нее футурология воспринимает линейную методологию философии истории, основанную на гегелевской диалектике. Гегелевская схема истории как поступательного телеологического движения огра-

ничивает будущее этапами, «волнами», «мегатрендами». Д. Белл, Э. Тоффлер и Дж. Нейсбитт превращают футурологию в технику их экстраполяции, где будущее перестаёт быть горизонтом возможностей, становится лишь закрытым продолжением настоящего. Переход от множественности сценариев к единственной траектории развития имеет глубокое этическое измерение. Он подчиняет будущее логике предсказуемости и управляемости, исключая ценность неопределённости и выбора. Кроме того, это чрезвычайно политизирует футурологию, закладывает ее методологический кризис.

Ключевым моментом этого кризиса становится рецепция идей А. Кожева Ф. Фукуямой. Кожев интерпретирует Гегеля в антропологическом ключе и провозглашает «конец истории» как исчерпание борьбы и негативности, появление «идеального потребителя» в универсальном гомогенном государстве. Фукуяма переводит эти идеи из критики в онтологию и объявляет либеральную демократию американского типа окончательной формой развития человечества. Таким образом, футурология приходит к самоотрицанию, ведь если будущего нет, его нельзя помыслить. Эта идея отрицает этику футурологии, ее ценностно-смысловые основания теряют потенциал. Однако такой поворот создаёт новый критический момент для обновления футурологии, способной мыслить будущее как поле ценностного выбора.

Обновление футурологии в XXI веке происходит через обращение к другим основаниям. Метамодернистская критика Т. Вермюлена и Р. ван дер Аккера вводит коллебательный модус, снимающий линейный детерминизм и циклический фатализм. На этой основе будущее предстает как открытое, динамическое поле ценностных осцилляций. Трансверсальность, выраженная в ризоматике Ж. Делёза и акторно-сетевой теории Б. Латура, позволяет мыслить будущее как сеть бесконечных связей и генераций взаимодействия. Будущее «складывается» как проактивный продукт деятельности, а футурология — как способ его изучения. Этика такого подхода заключается в признании ценности множественности, партикулярности и колебательности.

Таким образом, футурология возвращается к своей этической онтологии: быть философией будущего, обновляясь как практика трансверсального исследования, где ценности и смыслы рождаются в каждой точке сетевого взаимодействия. Человек в этом новом мире — это активный творец, способный своим мыслительным актом запускать маятник и изменять амплитуду общего будущего, осознавая, при этом, свою ответственность за него.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 47-ВГ).

Иванов Максим Андреевич
ассистент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Категорический императив в философии Иммануила Канта как практический принцип решения метафизических проблем: может ли этика решить проблемы познания?

В первой своей критической работе Иммануил Кант, исследуя диалектику (логику видимости) чистого разума, помимо ряда фундаментальных вопросов, сформулированных предшествовавшей ему метафизикой, в числе космологических антиномий затрагивает вопрос о свободной причинности (Кант, Сочинения в 6 т. Т.3, 1964, с. 418). Человеческое поведение, в первом приближении, как будто бы имеет только строгое определение «механикой» природы: каждое явление нашего поведения предопределено различными предшествующими явлениями, поэтому ни о какой свободе выбора и поведения речи быть не может. Однако, справедлив и взгляд тезиса этой антиномии, утверждающий обратное: помимо естественных причин мы должны допускать и свободную причинность.

Ключ к разрешению этой проблемы Кант видит в формулировке трансцендентальной идеи свободы, которая, поначалу, неизбежно носит чисто негативный характер. Формулировка эта находится в контексте всей теории познания Канта, в делении мира на феноменальный и ноуменальный. Отрицательность формулировки проявляется в утверждении, что свобода есть независимость воли от принуждения импульсами чувственности (там же, с. 478). Это есть практическое понятие свободы, которое связано с космологическим понятием свободы. Оно означает способность самопроизвольно начинать какое-либо состояние (там же). Отсюда следует, в рамках первой «Критики», что наша личность, как и любой объект в мире, носит характер как чувственный (явление), так и умопостигаемый. Мы спонтанно в умопостигаемой сфере начинаем такой ряд действий, которые носят как чувственный, так и умопостигаемый характер (там же, с. 484).

Конкретизация этих трансцендентальных положений осуществляется в «Основах метафизики нравов» и «Критике практического разума». В этих работах Кант формулирует категорический императив как основной нравственный закон (Кант, Сочинения в 6 т. Т.4, ч.1, 1965, с.347). Этот принцип в его всеобщей формулировке носит формальный и повелевающий характер: поступать так, чтобы максима нашей воли имела бы силу принципа всеобщего законодательства (там же). Следует подчеркнуть, что под формальностью здесь подразумевается чистота фор-

мы, отсутствие её обусловленности чем-либо внешним для неё (что было бы связано с гетерономией воли, а не автономией, разумным самоопределением воли). Таким образом, оказывается, что долженствование оказывается специфической характеристикой человеческого мира свободы: важным является не то, что случается (это свойственно природе, царству необходимости), а то, что должно случиться, хотя бы в эмпирически данном мире и не случалось, по крайней мере так, как оно было задумано.

В другом месте Кант замечает, что мы не можем определить свободу теоретически, с точки зрения лишь чистого разума (Кант, Сочинения в 6 т. Т.4, ч.2, 1965, с.135). Но при этом, так как разум есть познавательная способность другой способности (желания), конечной целью которой является свобода (Кант, Сочинения в 6 т. Т.5, 1966, с.199), мы можем отметить, что Кант, хотя явно и не артикулируя этот аспект как некий вид догматического познания, в практике (этике), а, следовательно, и в основном законе, видит возможность метафизического познания мира свободы, созидаемого произволением личностей, разумных существ. В этом отношении Кант раскрывает способы решения вопросов о бытии Бога и о душе человека (две сферы исследования метафизики, которые ранее охватывались сугубо умозрительно). Идеи, в теории носящие регулятивный характер, в практической сфере обретает особую практическую реальность и конститутивность. С точки зрения критики, в итоге свидетельством продуктивности такого подхода к метафизике в практическом ключе является написанная Кантом уже в теоретическом аспекте «Метафизика нравов».

Иванов Павел Алексеевич
обучающийся специалитета
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Управление вниманием военнослужащего как этическая проблема

Контроль над процессами внимания (его устойчивостью, направленностью) является одним из профессионально-значимых качеств военнослужащего. При выполнении боевых задач снижение концентрации внимания может привести к утере каких-либо рубежей или тактических преимуществ или же и вовсе к травме, ранению или смерти военнослужащих. Психологи отмечают определяющую роль внимания в успехе образовательного процесса, что особенно значимо для представителей экстремальных профессий, где от качества усвоенного материала зависит человеческая жизнь. Психологические тренинги по развитию

произвольного внимания способствуют формированию волевых качеств военнослужащих.

Однако внимание обладает такой характеристикой, как распределение, что выводит проблему концентрации внимания за рамки психологического рассмотрения, в сферу этического. В условиях боевых действий военнослужащие вынужденно направляют свое внимание на многочисленные мелочи, способные помешать выполнению боевой задачи, что очень сильно нагружает их нервную систему, делая из них «роботов», безэмоциональных людей, которые смотрят на смерть как на статистику, а на ранения или срыв задачи, как на ошибку в планировании. Такая расстановка приоритетов внимания может впоследствии привести к моральным травмам.

Эта проблема возникает не только в условиях боевых действий, она также актуальна и в военно-учебных заведениях, где военнослужащие «разрываются» между службой и обучением. Обе эти вещи одинаково важны и каждый раз военнослужащий делает выбор — на что обратить свое внимание в первую очередь, чтобы не допустить каких-либо неудач или срывов. И приоритет, как правило, отдается делам службы. Но такое неравномерное распределение внимания также чревато моральными деформациями, когда невозможность сосредоточиться на учебе влияет на сферу ценностей и мотиваций курсанта.

Внимание к учебе (особенно по тем предметам, которые напрямую не относятся к военной специализации) часто связано для курсантов с усилием или даже сверхусилием, которое надо произвести, чтобы переключить внимание на те объекты, чьё значение не всегда можно осознать в молодости. Помочь здесь может развитое нравственное чувство, ясное понимание ценности знаний, даже если эти знания выходят за рамки узкопрофессиональной сферы интересов военнослужащего.

Иванова Алина Игоревна
студент
СПбГУВМ
Севастьянова Алина Дмитриевна
к.филос.н, доцент
ГУАП

Оценка благополучия кур-несушек

Благополучие кур-несушек в современных системах содержания — многогранная проблема. На него оказывают влияние как факторы, связанные с ограничением поведения (отсутствие возможности реализа-

ции естественных поведенческих потребностей, таких как гнездование, купание в пыли и добывание корма), так и риски для здоровья (остеопороз, расклевывание перьев, каннибализм, проблемы гигиены).

В одних системах содержания кур-несушек остро стоят вопросы поведенческих ограничений, в более экстенсивных системах возрастает значимость проблем здоровья и гигиены. Ключевым аспектом благополучия является обеспечение достаточного трехмерного пространства для реализации базовых двигательных потребностей. Как клеточные, так и бесклеточные системы сопряжены с общими рисками для благополучия, такими как перенаселенность.

Несмотря на широкое признание научного подхода к решению проблем, вклад науки в дискуссию о благополучии животных остается ограниченным из-за отсутствия общепринятого определения благополучия и, как следствие, разнообразия методологических подходов к его оценке. Существуют различные концепции благополучия, основанные на 1) биологическом функционировании, 2) аффективном состоянии (страдании, боли и др. эмоциях), 3) проявлении нормального поведения, что приводит к использованию различных методов оценки. Всесторонняя оценка благополучия кур-несушек и разрешение связанных с этим этических проблем требуют перехода от изолированных показателей к унифицированному подходу, синтезирующему биологические и аффективные параметры качества жизни птицы.

Различные концептуальные подходы к определению благополучия животных отражаются в политических документах и рекомендациях. Концепция «Пяти свобод», разработанная Советом по благополучию сельскохозяйственных животных (FAWC, 2009), формировала политику в Великобритании. Всемирная организация здравоохранения животных (OIE, 2010) определяет благополучие как состояние здоровья, комфорта, безопасности и способности выражать врожденное поведение без страданий.

Нормативно-правовая база РФ не содержит специальных законов, регулирующих обращение с сельскохозяйственными животными, поэтому правила взаимодействия с ними фиксируются в подзаконных актах, устанавливающих минимальные требования к благополучию. Например, свобода от голода и жажды для птиц обеспечивается приказами Минсельхоза России от 3 апреля 2006 г. № 103 «Об утверждении Ветеринарных правил содержания птиц на личных подворьях граждан и птицеводческих хозяйствах открытого типа» и приказом Минсельхоза России от 3 апреля 2006 г. № 104 «Об утверждении Ветеринарных правил содержания птиц на птицеводческих предприятиях закрытого типа (птицефабриках)» (нормы о беспрепятственном доступе к питьевой воде в

последнем документе все же отсутствуют). Птицы, содержащиеся в открытых хозяйствах, имеют ограниченную свободу естественного поведения. Ветеринарные правила обязывают владельцев использовать подстилочный материал и проводить мероприятия по поддержанию здоровья птиц. Однако отсутствуют положения, гарантирующие свободу от боли и страха. Условия содержания в клетках, запрещенных в большинстве европейских стран, не обеспечивают соблюдение «пяти свобод». В России продолжает действовать ГОСТ от 29 октября 1987 г. № 27461-87, который включает лишь одно положение, направленное на облегчение участи животных: конструкция и расположение клеток должны обеспечивать оптимальную вентиляцию, температуру и освещение. Это лишь частично учитывает благополучие животных.

Совершенствование методов оценки благополучия и отечественной законодательной базы позволит создать более гуманные и устойчивые системы содержания кур-несушек, учитывая специфику российских условий.

Ильина Елизавета Максимовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические истоки Американской революции в пуританской теологии завета

Представленный анализ обращается к религиозному фактору Американской революции, рассматривая его через призму пуританской этики и её влияния на революционную риторику. В работах Перри Миллера и Эдмунда Моргана показано, как пуританская теология завета, этика призвания и практика всенародного покаяния сформировали устойчивую моральную инфраструктуру, в которой сопротивление тирании переставало быть бунтом и становилось исполнением нравственного долга.

Центральным понятием становится пуританская «теология завета» (covenant theology), согласно которой народ находится в прямых договорных отношениях с Богом и несёт моральную ответственность за свою судьбу. В Новой Англии эта доктрина была доведена до максимальной полноты: был разработан особый жанр проповеди — «иеремиада» (jeremiad), в которой священник обличал грехи общества и призывал к всенародному покаянию как единственному условию божественной помощи. Этот жанр из инструмента духовного обновления превратился в орудие политической мобилизации. Британский гнёт стал истолковы-

ваться не как случайное политическое обстоятельство, а как божественное наказание за национальные грехи. Соответственно, борьба за свободу представала не как бунт, а как акт покаяния и восстановления нарушенного завета.

Важно выделить фигуру Джона Уинтропа (1588–1649), основателя пуританской общины Массачусетса, и его знаменитую проповедь «Образец христианского милосердия». Уинтроп мыслил категориями теологии завета, формулируя идею договора не только как личного спасения, но и как общественного устройства: Бог вступает в завет со всей общиной как единым целым. Эта идея легла в основу как церковного устройства, так и социальной теории. Появляется образ «Града на холме», который в пуританском сознании обозначал прежде всего бремя коллективной ответственности, а не декларацию собственной исключительности.

Пуританская этика и теология завета предлагают модель, в которой сопротивление тирании есть не право, а обязанность. Молчание перед лицом тирании оказывается моральным преступлением, которое нарушает завет и навлекает на общину божественное наказание. Американская революция, рассмотренная через призму пуританской этики, предстаёт не политическим переворотом или экономическим конфликтом, а актом этического восстановления. Этот импульс не исчезает вместе с XVIII веком: он становится частью американской национальной идентичности и продолжает формировать моральные аргументы в политических дискуссиях.

Ильясова Светлана Владимировна
лаборант-исследователь, специалист
Луцькая Екатерина Евгеньевна
доцент, к.филос.н., доцент, специалист
Пазина Людмила Олеговна
доцент, к.филос.н., старший научный сотрудник, начальник управления
Московский педагогический государственный университет

«Идеальный образ» учителя как этическая проблема

Сегодня система российского образования работает в условиях интенсивных социальных трансформаций, когда постоянно изменяются содержание, формы и цели педагогической деятельности. Быстро меняющиеся запросы общества, а также внешние и внутренние социокультурные вызовы выдвигают на первый план задачу переосмысления образа педагога как фигуры, формирующей ценностное самосознание будущих поколений. Это делает проблему формирования «идеального

образа» учителя у разных социальных групп не просто вопросом управления образовательной системой, но глубокой этической проблемой в силу того, что она может порождать моральные конфликты, превращая учителя в объект разнородных, часто взаимоисключающих требований и ставя под угрозу его профессиональную целостность.

С целью описания «идеального образа учителя» проведен социологический опрос, выборку которого составили 19790 респондентов — основных субъектов образовательного процесса: учащихся школ, студентов педагогических колледжей и вузов, учителя, родители и руководителей образовательных организаций. Исследование было проведено в 89 регионах России, включая Донецкую и Луганскую народные республики, Запорожскую и Херсонскую области.

Задачей исследования было выявление требований, которые предъявляют к учителю различные субъекты образовательной деятельности, которых просили указать главные составляющие образа учителя, для выделения отличий мнений субъектов относительно него. Определение «идеальной» модели российского учителя должно помочь определить целевые ориентиры подготовки учительских кадров.

Респондентам, среди которых выделено 6 групп субъектов образовательной деятельности: учащиеся 10–11 классов, студенты педагогических колледжей и вузов, учителя, руководители образовательных организаций и родители, было предложено ответить на вопрос о том, какие качества учителя представляются им наиболее важными.

Все группы респондентов сходятся в главном: хороший учитель — это прежде всего предметник-профессионал — тот, кто знает свой предмет и умеет его понятно объяснять. Дальше начинаются расхождения во мнениях, которые говорят о том, что каждая группа, предъявляет к учителю свои требования, на которые интересно посмотреть с этической точки зрения.

Учащиеся замечают прежде всего то, что происходит с ними на уроке каждый день: уважает ли учитель, не давит ли, умеет ли держать себя в руках. Для них учитель — источник эмоциональной поддержки, с которым они проводят несколько часов в день, и от которого зависит, каким будет этот день.

Учителя и администрация школ видят учительскую профессию изнутри и ценят другое: горит ли коллега своим делом, владеет ли методиками, есть ли у него внутренний стержень и убеждения, умеет ли он разговаривать с родителями.

Родители исповедуют более прагматический подход — смотрят на учителя как на профессионала и спрашивают с него по результату: глубоко ли знает предмет, понятно ли объясняет, справедливо ли оцени-

вает, может ли стать для ребёнка примером. Атмосфера в классе и эмоциональная устойчивость для родителей отходят на второй план — им важнее, что ребёнок вынесет с урока.

Итак, мы можем наблюдать, что составляющие «идеального» образа учителя отличаются в зависимости от группы респондентов. Само по себе это расхождение — не противоречие, а особенность учительской работы. Учитель каждый день оказывается в зоне этического риска. Ученики ждут от него справедливости и эмоциональной поддержки, коллеги и руководители — профессиональной зрелости, родители — нравственного примера и образовательного результата. Современный «идеальный» образ учителя — сложный ориентир, потенциально ставящий требование одновременно соответствовать множеству «идеальных образов», что может негативно сказываться на моральной целостности конкретного педагога, оказывающегося в ситуации невозможности удовлетворить всем запросам одновременно. Понимание масштаба ситуации важно при проектировании решений, касающихся подготовки, оценки и поддержки учителя.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 126030418318–3) («Модельный образ будущего российского учителя»). The research was carried out within the state assignment of The Ministry of Education of The Russian Federation (theme No. 126030418318–3).

Ипатова Мария Игоревна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема воли в философии Вл. Соловьева: этический анализ

Вл. Соловьев в работе «Философские начала цельного знания», обращаясь к этимологии слова «философия», приходит к выводу, что «любомудрие» не может применяться к теоретической философии. Под мудростью понимается не только полнота знания, но и нравственное совершенство.

Философ понимает волю в метафизическом, психологическом и этическом смыслах. В метафизическом смысле он определяет волю как внутреннее действие сущего. В сущем воля и идея едины. Идея — это содержание воли сущего. Воля в психическом смысле уже содержит зачатки нравственности, но Владимир Сергеевич подчеркивает, что наше «Я» без содержания является только совокупностью психических

состояний. В психическом опыте Соловьев выделяет три основных нравственных чувства: стыд, жалость и благоговение. Из трех основных нравственных чувств рождаются все виды добродетелей. Первоначальная нравственность, отличающая нас от животных, заключается в стыдливости.

Разум должен быть направлен на идею добра, в этом его основное назначение. Разум без направленности на идею добра остается неразумным. Соловьев подчеркивает, что разум изначально содержит идею добра как идею безусловной нормы, и задача человека — развивать эту формальную идею, наполняя ее конкретным содержанием. Философ отмечает в своих работах, что разум выводит из природных данных (стыда, жалости и благоговения) их внутреннее этическое содержание и утверждает его как должное. Человек может употребить свой разум для построения пустых, отвлеченных понятий. Соловьев называет это самоуверенностью и самоутверждением человеческого разума в жизни и знании. Это есть явление ненормальное, это есть гордость ума. Разум, направленный на отвлеченные понятия, оказывается бессильным против страстей и интересов.

Соловьев считает, что от природы один человек добр, а другой зол. Философ подчеркивает, что человек не является просто пассивным носителем этих врожденных качеств. Он способен развивать то, что есть, и преодолевать то, что есть. Нравственное совершенствование является активным процессом. У человека есть свобода воли. Соловьев считает, человек должен отринуть зло актом собственной воли.

Согласно убеждению философа, воля и разум связаны. Разум полностью отражает волю, потому что философ называет возникновение мыслей волевым актом.

Вл. Соловьев различает деятельную (творческую) волю и пассивную. Воля, стремящаяся отождествить себя с фактом, теряет свой идеальный характер. Такая воля считается пассивной. Деятельная воля всегда стремится к единству с идеей.

Человечество перестало использовать свой разум по назначению. Усилие к добру выражается в наших поступках, только тогда человек осознает по-настоящему, что такое добро. Разум строит только логическую структуру того, что мы ощущаем как добро.

С одной стороны, Соловьев видит зачатки нравственности в естественной воле, то есть в ее психическом смысле, в виде стыда, жалости и благоговения. С другой стороны, философ утверждает, что воля стремится к отождествлению себя с идеей добра с помощью разума, который развивает на почве трех основных нравственных чувств идею добра. Философ соединяет естественную волю и теоретическую волю в

разумном акте воли. Соловьев пишет, что осуществленный нравственный принцип неизбежно приводит нас к высшему благу.

По мнению Соловьева, человек должен требовать от самого себя совершения действенного добра, в этом его основная суть. Он подчеркивает, что высокие нравственные нормы должны стать обязательными для всего общества, а не только для отдельных его представителей. Философ считает, что именно способность к жалости и взаимопомощи стала фундаментом для развития человеческого общества. Без этих начал — взаимопомощи и созидательного труда — выживание и прогресс были бы невозможны.

В моральной философии Соловьева воля занимает центральное место, выступая не просто механизмом выбора, а активной силой воплощения добра.

Исакова Нилуфар Саидовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Человек и технология в моде: субъектность и границы участия

Мода — и результат, и наглядный показатель того, как укореняются инновации в обществе. Адаптируясь к подвижному миру, она рождает новые вещи и новые культурные модели поведения. Поэтому технология в моде затрагивает не только производство, но и самого человека: она способна как усилить его субъектность, так и вытеснить её. Именно поэтому вопрос о границах человеческого участия встаёт в моде особенно остро.

Показателен "Vogue World 2026", посвящённый «ремесленному мастерству и человеческому участию» в эпоху искусственного интеллекта. Однако этот кейс — лишь последний в череде событий, где мода становилась пространством этической рефлексии о роли технологии. Цель работы — выявить этическую динамику взаимодействия человека и технологии в моде через сравнительный анализ двух знаковых перформансов.

Показ А. Маккуина "No. 13" (весна–лето 1999) построен на внутреннем противоречии. Коллекция отсылала к движению, отстаивавшему ручной труд против фабричного производства, но финал отдал инициативу машинам: два промышленных робота хаотично наносили чёрную и жёлтую краску на белое платье модели. Тело и костюм здесь становятся объектами внешнего воздействия, а технология — дисциплинирую-

щей силой. Воздействие, по форме близкое к насилию, эстетизируется и превращается в художественный жест; зритель оказывается соучастником, любуясь разрушением чистоты вещи. Парадокс в том, что агрессия становится эстетически привлекательной, а человеческая субъектность проблематизируется. Технология не столько легитимирует контроль напрямую, сколько делает его зримым. В этом кейсе сталкиваются человеческое ремесло и машинная автоматизация, а также проявляются уязвимость, агрессия и природа искусства. Мода показывает: технология способна расширять выразительность и одновременно проверять границы допустимого.

Показ "Coperni" с Б. Хадид (весна–лето 2023) демонстрирует противоположный сценарий: модель выходит на подиум, и прямо на ней — почти нагой — создаётся платье без швов и отрезов ткани. Процессом управляет человек, тело предстаёт участником процесса, а технология продолжением человеческого действия. Различие двух кейсов лежит не в самой технологии, хотя технологии и разные, а в способе демонстрации ответственности. Экологический аргумент, а именно отсутствие швов и отходов ткани и возможность повторного использования материала, связывает кейс с экологической этикой и корпоративной социальной ответственностью и указывает на возможное будущее подобных технологий.

В обоих случаях этическая оценка зависит не от технологии как таковой, а от того, кто принимает решение, как оформлено согласие тела и кто отвечает за результат. Между 1999 и 2023 годами меняется не наличие контроля, а его репрезентация — от демонстрации господства машины к демонстрации доверия. Для прикладной этики отсюда следует необходимость критерия субъектности, применимого к ИИ и одновременно отличающего реальное участие человека в принятии решений от его имитации.

Мода складывается на пересечении экономических, политических и культурных изменений и последовательно встраивает научно-технические открытия в производство и повседневность — от синтетических материалов до цифровых технологий. Технология определяет не только способ изготовления вещи, но и трактовку телесности, вкуса и идентичности, а значит, перераспределяет контроль между дизайнером, телом и машиной. Кейсы "No. 13" и "Coperni" показывают два полюса этого перераспределения: у "No. 13" технология обнажает уязвимость и агрессию, у "Coperni" — заботу и созидание. Отсюда — необходимость критерия субъектности, применимого к ИИ, и возвращение к идее устойчивости и ответственного потребления.

Исакова Нилуфар Саидовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Религиозный фактор в модной культуре Узбекистана

Исламская мода функционирует как практика самоопределения, содержание которой задается повседневными практиками носительниц и их религиозной мотивацией.

Моральный и религиозный дискурс в Узбекистане формируется на пересечении государственной идеологии, исламского возрождения и глобальной потребительской культуры. Религиозная одежда становится точкой столкновения разных моральных обоснований: от богословской нормы до эстетического выбора. Это позволяет увидеть, как мораль перестаёт быть частным делом и становится полем борьбы за идентичность.

Возвращение религиозной одежды в узбекскую повседневность обусловлено исламским возрождением после 1991 года. Число мечетей выросло с 350 в 1989 до 1000 к 1992 гг. Р.Ф. Абазов фиксировал отказ от европейского стиля и возврат к традиционному исламскому кодексу одежды, особенно среди женщин. Это отражало сдвиг от формального соблюдения ритуалов к внутренней мотивации. М. Кэмп отмечала, что в 1991–1993 гг. в Ташкенте стали встречаться молодые женщины в хиджабе «международного стиля».

На раннем этапе независимости сложился конфликт: государство апеллировало к исламскому наследию как ресурсу легитимации, но расценивало самостоятельные религиозные практики как угрозу стабильности. Это привело к запрету на «культовые одеяния», действовавшему более двух десятилетий, пока в 2021 г. ситуация не изменилась.

Религиозная мода — преимущественно женская проблематика: женское тело оказывается в центре религиозных требований и общественного контроля. Нормативный канон описывает пять условий хиджаба: полное покрытие тела, свободный крой, непрозрачная ткань, отсутствие декора и исключительно женский силуэт. Покрытие выполняет функцию снижения женской видимости в публичном пространстве, что подкрепляется необходимостью сохранения «чести».

После принятия Закона «О свободе совести и религиозных организациях» 2021 года, снявшего запрет на хиджаб, число покрытых женщин заметно возросло. Процесс активно развивался среди молодых девушек и распространялся через социальные сети. Покрытые блогеры демонстрировали, как составить образ из вещей массового рынка, совместив религиозную норму с актуальной эстетикой. Одна из носитель-

ниц отметила, что задумалась о хиджабе через эстетическое восприятие образа, а не через религиозное наставление. Этот путь характерен для нового поколения.

Часть молодых узбекских мужчин целенаправленно выбирает невест в хиджабе, воспринимая религиозную одежду как маркер скромности и набожности. Это усиливается контекстом, в котором превалирует традиционный уклад, а патриархальные взгляды сильны не только среди мужчин, но и женщин. Девочек с детства готовят к замужеству, средний возраст вступления в брак — 22 года, нередко 18–19 лет. В этих условиях ношение хиджаба нередко выступает одновременно актом религиозной идентификации, формой самовыражения и стратегией в рамках брачного рынка.

Цифровые платформы сыграли структурообразующую роль в изменении статуса религиозной одежды. С распространением социальных сетей возникло параллельное публичное пространство. Ключевым механизмом была нормализация через эстетизацию, а не через религиозную аргументацию.

Религиозная одежда в современном Узбекистане складывалась под воздействием исламского возрождения, государственной политики, цифровой культуры и глобального рынка скромной моды. Узбекский кейс показывает, что хиджаб несет несколько значений: религиозный символ, элемент эстетического самовыражения и часть социальных ожиданий. Моральный и религиозный дискурс не статичен: он исторически меняется и переопределяется через повседневные практики.

Карпов Валерий Эдуардович
доцент, д.т.н., главный научный сотрудник
Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

Планирование действий в семиотической модели мира агента

Одним из компонентов трехуровневой архитектуры системы управления робота партнера является семиотическая модель, описывающая представление знаний агента об окружающем мире. При этом семиотическая модель мира (ММ) является ответственной за реализацию интеллектуальных и когнитивных функций агента. Одним из признаков интеллектуальности агента является его способность к планированию действий. Под этим понимается построение последовательности действий, которые должны привести систему в некоторое целевое состояние.

Важнейшими свойствами семиотической ММ, наряду с гибкостью, являются наглядность и интерпретируемость. С дугой стороны, планирование поведения является хорошо исследованной областью ИИ и в классической постановке она сводится к выбору последовательности действий-правил r, каждое из которых задается списками Con, Add, Del. Эти списки определяют условия выполнения правила и перечни добавляемых и удаляемых из ММ фактов соответственно: r=<Con, Add, Del> (т.н. STRIPS-правила). При этом основой описания ММ и правил является логика предикатов первого порядка.

В семиотической ММ основным элементом является знак, описывающий объекты ММ. Знак – это тройка вида s=<a,m,p>, где a – подмножество смыслов, m — подмножество значений (функциональная часть), p – подмножество признаков знака (образ, перцепт). Между компонентами знаков строятся семантические отношения — сети на множествах A, M и P соответственно.

Было показано, что процедура планирования поведения агента естественным образом может быть интегрирована в структуру семиотической ММ. Это возможно благодаря тому, что и описание состояния системы, и целевые утверждения, и компоненты списков STRIPS-правил представляют собой элементы ММ.

Были определены этапы реализации решения этой задаче на базе семиотической модели.

1. Формирование множества знаков, определяющего все сущности задачи. Компоненты знака a задают отношения между сущностями, компоненты m описывают действия, связанные с соответствующим знаком, а компоненты p определяют внутренние свойства знаков.
2. Представление фактов и целей. Факты, определяющее текущее состояние системы (fluent), описываются отношениями между элементами множества смыслов A. Для определения списка целей предложено ввести знак Цель (goal) со связью с компонентами перцепта, т.е. свойства перцептов выступают в роли определителей отношений цели.
3. Описание действий. Действия (правила) связаны с компонентами значений знаков m. Формально можно было задать компоненты правила в т.н. слотах, связанных с компонентами знаков, однако это привело бы к совсем механистическому переносу описания STRIPS-правил в семиотическую модель. Вместо этого было предложено вынести списки Con, Add и Del из слотов, задав в схеме ММ соответствующие отношения между сущностями, представляющих элементы этих списков и слотами-правилами.

Важным аспектом стала необходимость добавления в ММ абстрактных сущностей. Наличие таких сущностей в развитой ММ считается необходимым, т.к. интеллектуальный агент должен использовать их для обобщения, рассуждений и т.п. Вместе с тем оказалось, что они необходимы и для весьма примитивной ММ в том случае, если агент должен обладать способностью к планированию. Для этого, помимо таких сущностей, как истина, ложь, вещь, потребовалось ввести знаки-обобщения, отвечающие за представление понятий переменной (знак Item — какая-либо вещь, RLoc — какое-либо место и т.п.).

Показано, что такая интеграция планировщика в виде множества правил-действий в ММ — это не просто технический прием. Описание компонентов правил-действий в виде перечней условия и указания того, как может измениться состояние мира при их применении, имеет настолько общий и естественный характер, что позволяет сделать предположение о целесообразности создания семиотических моделей, структура которых должна отражать специфику процедуры планирования.

Карпук Александр Викторович
магистр богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии
Московская международная академия

"Platonis humanitas": этико-политическая оценка театра и поэзии в творчестве блаженного Августина

«Исповедь», «О граде Божием» — произведения, принадлежащие к зрелому и позднему этапам творчества блаженного Августина. Мысль святого отца в это время характеризуется возрастающей догматической ригидностью, усилением моральных требований, обширностью и содержательностью, которыми Августин откликался на события, происходящие как в собственной душе, так и в мире.

Позднеантичный мир, в котором жил и творил Августин, ознаменован прежде всего зарождением нового мирового порядка, вызванного крушением западной части Римской империи.

Главной причиной любых политических кризисов империи Августин считал глубокий моральный упадок общественности, примеры которого он находит не только в современном ему римском обществе, но и в римской истории.

Театральные зрелища, предлагавшие широкой публике произведения античных поэтов, Августин оценивал резко негативно, считая их школами порочных страстей, разврата и ложных чувств. Появление теат-

ральных представлений Августин связывает с постановлениями языческих богов, которых он считает демонами. Демон тоже своего рода актер выступающий «под маской» языческого бога.

Античные поэты, доставлявшие «материал» для театральных постановок также не избегают критики Августина. Основываясь на психологических впечатлениях детства, Августин полагает, что античная поэзия, сама по себе будучи источником лжи и вымысла, отрывает человека от Бога и истины. Хотя изучение самой античной поэзии (в рамках риторики и филологии) Августин не считал порочным, увлечение поэтическими героями и образами было недопустимо.

В связи с этим исследовательское поле доклада состоит из следующих основных частей: личная оценка мифологической поэзии блаженным Августином, основанная на детских впечатлениях («Исповедь»); оценка поэзии и театра, воплощающего поэтические произведения, с точки зрения христианской морали («О христианской науке», «О граде Божием»); взаимосвязь морального состояния римского общества IV – V вв., неотъемлемой частью культуры которого были античная поэзия и театр, с политическими неурядицами («О граде Божием»).

Это позволит увидеть, каким образом, по мысли Августина, внешние политические обстоятельства общественной жизни определяются внутренним состоянием человека. Иначе говоря, каким образом и почему моральный уровень индивида имеет последствия в политической сфере.

Доклад за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России» в СПбГУ.

Килина Влада Андреевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

«Кто имеет право называть?»: этический анализ терминов принадлежности в немецком медиадискурсе

В немецком медиадискурсе наименования людей с миграционной историей выполняют описательную и социально-нормативную функцию. Они определяют, какие группы становятся видимыми, кому предоставляется право говорить от собственного имени и кто продолжает представляться как внешний по отношению к немецкому обществу субъект. В связи с этим проблема исследования заключается в этической неодно-

значности медийного именования. Обозначение может быть необходимо для описания социальной реальности, но одновременно превращаться в инструмент навязывания идентичности, стигматизации и воспроизводства границы между «своими» и «чужими».

Цель данной работы: выявить, в какой мере этично давать наименования мигрантам и людям с миграционной историей, а также выявить, почему именно медиа получили возможность закреплять и распространять такие наименования. Для достижения этой цели применяется критический дискурс-анализ Тена ван Дейка. Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом медиа, обладая привилегированным доступом к публичному дискурсу, превращают административные и политические категории в социальные идентичности и распределяют между большинством и миграционными группами положительные и отрицательные характеристики?

Теоретическая рамка исследования основана на понимании дискурса как формы воспроизводства социальной власти и идеологии. Тена ван Дейк показывает, что медиа относятся к числу «символических элит», обладающих преимущественным доступом к публичной коммуникации. Поэтому медиа не просто отражают уже существующие представления о миграции, но и участвуют в их отборе, легитимации и распространении. При этом доступ меньшинств к массовым медиа имеет принципиальное значение для их участия в публичном определении собственной социальной ситуации. Анализ проводится с опорой на концепцию «идеологического квадрата», где дискурс подчеркивает положительные характеристики «нас» и отрицательные характеристики «их», одновременно смягчая негативные характеристики собственной группы и положительные характеристики внешней группы. В исследовании учитываются тематика сообщений, выбор источников и социальных акторов, распределение активных и пассивных ролей, лексические номинации, обобщения, пресуппозиции и способы объяснения социальных конфликтов.

Научная новизна исследования заключается в соединении критического дискурс-анализа Тена ван Дейка с этической оценкой практик именования. Медиа рассматриваются как институты производства социальной категории, а не как нейтральные посредники между событием и аудиторией. Трансформация от "Gastarbeiter" к "Migrationshintergrund" и далее к "Türkeistämmige", "Deutsch-Türke", "Neue Deutsche" не представляет собой линейное движение от дискриминации к инклюзии. Это смена классификации, при которой внешнее именование может сохранять неравенство даже в нейтральной языковой форме. Следовательно, этически ответственная медиа-коммуникация должна не только

выбирать менее стигматизирующие термины, но и рефлексировать саму власть называть, предоставлять представителям миграционных групп доступ к публичному высказыванию и учитывать их право на самоопределение.

Ким Флора Сергеевна
доцент, старший преподаватель
Подмосковный институт (филиал) МАДИ

Барон Тасимура: по ту сторону этики

Повествовательное искусство, литература, нарративные тексты образно и доступно представляя сложные нравственные проблемы, могут становиться частью моральной философии, упражнением для выработки способности суждения на примере значимого единичного случая.

В ходе изучения преломления и критики «муравьиной топики» П.А. Кропоткина в фантастическом романе А. Лори «Немой Спиридон» («Тайна барона Тасимуры», 1907) стало понятно, что один из ключевых мотивов антиутопии — размышление о проблематичности существования моральных принципов в рационально сконструированном по образцу муравейника обществе. Французский революционер, участник Парижской коммуны, соавтор Жуля Верна, писатель А. Лори (литературный псевдоним Паскаля Груссе (Paschal Grousset, 1844–1909) ставит под вопрос теорию солидарности анархиста Кропоткина, основанную на утверждении разумности и нравственности по «естественным причинам» и муравья и человека. В романе можно выделить несколько моральных дилемм, встающих перед главным героем — молодым и амбициозным хирургом Аристидом Корда.

Центральная по значимости моральная проблема — правомерность использования результатов бесчеловечных медицинских и химических исследований гигантского разумного муравья Спиридона, скрывающегося под маской барона Тасимуры — «врача с Востока». Его навыки и знания могут спасать человеческие жизни, но он — хладнокровный анатом-убийца (исследует анатомию и физиологию, препарируя живых существ, в том числе людей), суждения и мотивы поведения которого — по ту сторону морали. Для него не существует понятий «добро», «зло», «раскаяние», «совесть», он рассуждает и поступает исключительно «рационально». Та же дилемма повторяется в зеркальном отражении, когда самого разумного муравья Спиридона похищают, пытают и намереваются препарировать, чтобы узнать его тайны.

В обществе муравьев практикуется искусственный отбор лучших личинок для выращивания, безжалостное уничтожение и поедание «ненужных» и чужих муравьев «в интересах совершенствования вида в целом».

Оправдывая во время суда убийство Спиридоном похитителя тем, что муравей при всей своей «разумности», не знает и не понимает, что такое мораль, Аристид Корда размышляет не только о пропасти между муравьем и человеком, но и проводит аналогию с различиями между людьми разного происхождения (расового и социального) и воспитания.

В конечном итоге главный герой, первоначально неоднократно нарушавший моральные нормы в своих эгоистических интересах (присвоение клада, найденного на острове муравьев; обман помогавших ему рыбаков и коллег — врачей; союз с муравьем — убийцей — анатомом ради карьеры и славы), наконец признает свою ответственность за действия «барона Тасимуры».

Таким образом, роман А. Лори образно и доступно описывает сложные моральные проблемы.

Кипарина Екатерина Александровна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Влияние здорового образа жизни на толерантность

В последние годы тема ведения здорового образа жизни достаточно сильно популяризируется в медиа-пространстве. С одной стороны, данная практика приносит положительные результаты и в некоторой степени способствует смене деструктивных паттернов поведения на более социально-одобряемые. С другой стороны, сама конструкция «социально-одобряемых привычек» приводит к тому, что в обществе формируется норма того, каким должен быть человек, вследствие чего меняется уровень толерантности. В рамках данного доклада моей целью является попытка показать, что популяризация здорового образа жизни является неоднозначным и комплексным явлением, влекущим снижение уровня толерантности по отношению к людям, которые отказываются его придерживаться.

Современные социальные сети являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, в интернет-пространстве человек проводит большую часть своего времени, в некотором смысле оно становится второй «реальностью», в которой он существует. Вместе с тем, существующий медиа-контент формирует у пользователя некоторую насмотренность, неосознанно влияет на мышление, человек начинает мыслить

в категориях интернет-пространства, следовать моде, главенствующей в определенный период времени. При этом тренд на здоровый образ жизни продолжает приобретать популярность, в связи с тем, что сам ЗОЖ является наиболее эффективным превентивным инструментом по предотвращению возникновения многих болезней в условиях, когда ответственность за свое здоровье несет человек. Однако в медиа здоровый образ жизни презентуется как концепт, за которым скрывается не «быть здоровым», а «быть лучшей версией себя», которой в том числе пользуются маркетологи: посещение фитнес-залов, красивая спортивная одежда и инвентарь для занятий, прием биодобавок, ежедневный подсчет килокалорий, акцентирование на еде (важен внешний вид продуктов, их качество) — все данные практики и продукты являются частью маркетинговых схем, и в совокупности с медиа создают привлекательный эстетический образ успешного человека, который стремится быть лучшей версией себя за счет работы над своим телом и ментальностью, которым уделяется большое значение.

Нельзя оценить данные тенденции сугубо с критической и негативной стороны, поскольку за счет распространенности в медиа материалов, освещающих тему здоровья, снимаются многие стигмы с заболеваний (в особенности с психиатрических болезней или психологических состояний), поскольку люди получают большую информированность на данную тему, в том числе и лучше познают себя, что снижает уровень страха и отчуждения по отношению к нездоровым людям, такое изменение позитивно влияет на толерантность. Однако индивид, который намеренно отказывается от соответствия неким стандартам ЗОЖ, например, от занятий спортом, коррекции своего питания, иначе: его поведение идет вразрез с «нормой», — воспринимается как безответственный и безвольный, несознательно ведущий жизнь. Данное явление ярко заметно в ситуациях, связанных с людьми, у которых наблюдаются зависимости от табака, алкоголя, наркотиков, которые расцениваются как слабости, добровольный выбор человека, требующий осуждения, и по отношению к которому не применимы оправдания. Отдельно стоит отметить, что в современном мире большое внимание уделяется эстетике тела: в социальных сетях транслируются образы «идеального» телосложения, востребован культ молодости, который призывает использовать различные процедуры, которые помогли бы скрыть следы старения (активно продвигается и открыто обсуждается использование ботокса, использования фитнес-трекеров). Так, пользователь, который довольствуется заложенным в нем природой, попадает под категории «нежелающего следовать за прогрессом», «нежелающий развиваться» и «отсталый».

Подводя итог, стоит сказать, что «культ» здорового образа жизни без должного осмысления может привести не только к снижению толерантности, но и к утрате разнообразия среди людей. Более тревожным последствием также можно назвать превращение здоровья и связанного с ним поведения в инструмент морального давления и контроля.

Китаев Макар Борисович
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет
Савинова Мария Андреевна
независимый исследователь

Моральная легитимация господства и этические пределы культурной изменчивости в политической этике Амвросия Медиоланского

Античная этика перед лицом изменчивого мира обнаруживает напряжённость между универсальными моральными нормами и подвижностью политических порядков. Объект изучения — трактат De officiis ministrorum, в котором христианские моральные нормы соединяются с античным учением о добродетелях и римской политической традицией. Текст рассматривается как целостный этико-политический проект, в котором происходит рецепция и трансформация античной добродетели.

Гипотеза состоит в том, что моральная легитимация господства у Амвросия не сводится к сакрализации имперской власти. Она предполагает двойное ограничение. Во-первых, власть получает моральное оправдание лишь постольку, поскольку подчинена справедливости и общему благу. Во-вторых, изменчивый мир, то есть смена политических порядков и религиозных практик, не отменяет универсального морального закона. Выстраивается нормативная грамматика господства: власть легитимна не по факту обладания силой, а по способности удерживать этическую меру.

Первая линия анализа связана с концептом справедливости. В De officiis ministrorum справедливость выступает не только как добродетель правителя, но и как критерий оценки любого социального порядка. Господство, оторванное от справедливости, утрачивает моральное основание и превращается в тиранию. Имперский порядок ценен не сам по себе, а как инструмент поддержания мира и защиты слабых. Амвросий, подобно Цицерону, настаивает на связи справедливости с верностью

и благотворительностью, однако переносит акцент с гражданской доблести на моральную ответственность перед Богом и ближним. Античная схема обязанностей сохраняет структуру, но меняет источник нормативности. Это позволяет говорить о трансформации античной этики в христианскую нормативную модель.

Вторая линия связана с добродетелями мужества и умеренности. Правитель должен соединять решительность с самоограничением. Мужество без умеренности превращается в произвол, а умеренность без мужества — в неспособность защитить порядок. Эта рамка удерживает баланс между необходимостью твёрдой власти и требованием этических пределов. Изменчивый мир не отвергается, но подчиняется критерию моральной устойчивости: обычай может меняться, моральный закон — нет. В этом состоит отличие амвросианской позиции от релятивистского понимания морали, при котором нормы выводятся из обычаев и потому не могут служить критерием их оценки. Рецепция стоических и платонических мотивов здесь сочетается с христианским учением о добродетели.

Третья линия связана с понятием общего блага и обязанностей. Амвросий перерабатывает цицероновскую схему обязанностей, переносится акцент с гражданской доблести на моральную ответственность перед Богом и ближним. Господство оказывается легитимным лишь тогда, когда оно служит общему благу, а не частному интересу. Отсюда вытекает и этический предел изменчивости: многообразие обычаев и религиозных практик допустимо лишь до тех пор, пока оно не разрушает общего морального порядка. В этом смысле амвросианская модель противостоит как тираническому произволу, так и анархическому партикуляризму.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении того, как античная этика перед лицом изменчивого мира вырабатывает концепты, позволяющие удерживать универсальные нормы. Прикладная значимость связана с возможностью использовать эту нормативную модель для анализа современных конфликтов между универсальными правами и культурными партикуляризмами. Методологически работа опирается на сочетание историко-этического анализа, нормативной реконструкции и прикладной этической интерпретации. Вывод состоит в том, что политическая этика Амвросия Медиоланского выстраивает модель моральной легитимации господства, в которой изменчивость мира допускается только при условии сохранения универсального морального закона, а власть сохраняет легитимность лишь в пределах справедливости и общего блага.

Коваль Екатерина Александровна
д.филос.н., профессор
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
МГУ им. Н.П. Огарёва

Последняя степень другости: Я, Другой и искусственный Другой

Другой в философских и социологических концепциях многолик. Другим может быть и конкретный человек, и обобщенный Другой, и коллективный Другой, и различные нонантропные объекты: животные, растения, неживая природа, технологии. В результате данное понятие может быть расширено до абсурдных пределов, когда статус Другого присваивается всему, что не является Я. Дерево, с которым человек вступает в описанные Мартином Бубером отношения Я–Ты, домашнее животное, которому оставляют в наследство свое имущество, воздух, которым мы дышим: где пролегают границы между тем, кого и что можно отнести к Другим?

Представляется методологически небезынтересным рассмотреть в качестве таких границ не характеристики различных видов Других, а отношение Я и Другого, переживание Другого изнутри Я, который, в отличие от Другого, всегда исключительно человек. Такое отношение можно обозначить понятием «другость».

Другость — это не мера отличия своего от чужого (здесь более логичным представляется использование оборотов «степень чужести» или «степень инаковости»). Не важно, насколько Другой похож или не похож на Я, не критична степень его антропоморфизации. Другость характеризует отношения Я и Другого. То, к чему я отношусь, как к Другому, и есть Другой.

Ключевой момент в отношении другости — диалог. Однако для диалога может быть достаточно одного сознания (Я), достраивающего «реплики» за Другого. Если подобный диалог ведется с деревом, то дерево — Другой, но степень другости в отношениях с деревом не сопоставима со степенью другости в отношениях с людьми. Впрочем, вероятно, степень другости будет отличаться и в ситуациях взаимодействия с младенцем или человеком в состоянии комы. Данные субъекты без сомнения являются Другими, хотя и не способны вступить в речевое взаимодействие с Я. Похожим образом может конструироваться диалог с животным, по повадкам, движению, звукам которого можно попытаться догадаться, что оно хочет «сказать».

Наибольшим образом по степени другости к естественному другому — человеку — приближены искусственные Другие, технологии, с которыми

возможно взаимодействие на естественном для человека языке без предварительной подготовки. Для Я нет необходимо достраивать диалог за искусственного Другого, который способен отвечать на запрос и довольно точно соответствовать ожиданиям собеседника. При этом искусственные Другие не могут инициировать диалог, нести ответственность за его содержание и последствия.

М.М. Бахтин определяет диалогичность как взаимодействие причастно автономных сознаний. Очевидно, что такая диалогичность возможно только там, где речь идет о сознаниях. У искусственного Другого сознания нет. Но, строго говоря, его нет и у персонажа произведения, как нет и телесности. Герой — насколько бы он ни был автономным от автора, никогда не смог бы появиться без последнего.

Итак, в диалоге Я и искусственного Другого есть только один бесспорный носитель сознания — Я. Но в социальном воображаемом вполне может быть сконструирован (и, кажется, конструируется) образ искусственного Другого, который не может быть завершенным, до конца понятым объектом другого сознания. Однако если для Я важна ответственность перед Другим — любым, вне зависимости от степени другости формирующихся отношений, то для искусственного Другого такой проблемы нет. Искусственному Другому не важно, кто «на другом конце провода»: человек или другой искусственный Другой. В то же время, для человека последняя степень другости может быть обретена только в другом человеке.

Социальное конструирование искусственного Другого: подходы, возможности, ограничения, грант РНФ № 25-28-02287.

Ковнирова Ангелина Владимировна
обучающаяся бакалавриата
Уральский федеральный университет

Этика добродетели и современные теории стимулов: к вопросу о системах вознаграждения

Современные корпоративные механизмы вознаграждения устроены так, что поведение, которое классическая этика квалифицировала бы как порочное, оказывается не просто допустимым, но и поощряемым. Возникает вопрос: перед нами личный порок конкретных людей или предсказуемый результат работы самой системы? Влияние корпоративной среды на поведение индивида может быть объяснено через концепцию структурного принуждения, разработанную, в частности, Энтони Гидденсом. Социальные структуры не только ограничивают

действия людей, но и формируют условия, в которых определённые модели поведения становятся наиболее вероятными и выгодными. Поэтому, несмотря на формальную свободу выбора, решения индивида существенно обусловлены институциональной логикой. В корпоративной среде это означает, что стремление к максимизации прибыли становится практически ожидаемым поведением. Проблему также можно осмыслить через концепцию неолиберальной субъектности Мишеля Фуко. Современная социально-экономическая система формирует индивида как «предпринимателя самого себя», ориентированного на постоянную оптимизацию и повышение собственной эффективности. Здесь максимизация дохода перестаёт восприниматься как морально сомнительная и начинает считаться признаком рациональности и профессиональной компетентности. Это способствует нормализации жадности как социально одобряемого поведения. Однако объяснение через «давление системы» слишком легко снимает ответственность с конкретного человека. Давление системы означает ситуацию, в которой индивид формально свободен, но структура стимулов делает определённый тип поведения наиболее рациональным и ожидаемым. Здесь возникает противоречие: скорее всего, правы обе стороны — и личная ответственность существует, и система существенно влияет на выбор. У Аристотеля добродетель понимается как устойчивое состояние характера, формируемое через привычку и направляемое разумом. В «Никомаховой этике» он определяет добродетель как «состояние, проявляющееся в выборе, находя середину относительно нас, определённую разумом и так, как определил бы её рассудительный человек». Моральное поведение поэтому не сводится к следованию внешним правилам, а предполагает способность находить «золотую середину» между избытком и недостатком. Жадность в этой логике может быть понята как нарушение меры, отклонение от добродетели умеренности. Но что происходит, когда институциональная среда превращает именно этот избыток в норму? Если система не просто допускает, а требует максимизации, жадность перестаёт восприниматься как отклонение и становится профессиональной компетентностью. В этом заключается её опасность: она вытесняет умеренность не через соблазн, а через рациональность самой ситуации. При этом корпоративная среда не отменяет моральный выбор — она его деформирует. Стоики настаивали, что моральная состоятельность определяется не внешними обстоятельствами, а способностью к суждению и самоконтролю. Обстоятельства могут быть давящими, но не устраняют пространство выбора. Топ-менеджер, принимающий бонусную схему, которую считает несправедливой, остаётся моральным агентом. Система создаёт стимулы, но

не принимает решения. Аристотелевская перспектива объясняет, как устойчивые практики формируют характер: человек, годами действующий в логике максимизации, постепенно перестаёт воспринимать умеренность как реальную опцию. Стоическая перспектива, напротив, напоминает, что эта трансформация не происходит автоматически: у человека сохраняется способность остановиться и оценить происходящее. Таким образом, жадность в корпоративном контексте оказывается не только личным пороком, но и структурно воспроизводимым результатом. Система делает добродетель невыгодной — не запрещая её, а лишая смысла в рамках собственной логики. Следовать умеренности в таких условиях означает не просто сделать «правильный выбор», но осознанно пойти против институциональных стимулов. Это возможно, но требует большего, чем обычная рациональность. В конечном счёте вопрос об этике бизнеса упирается в то, возможна ли добродетель в системе, которая последовательно делает её невыгодной.

Коленько Григорий Сергеевич
к.т.н., главный специалист
АО «Силовые машины — Электросила»,
Коленько Сергей Геннадьевич
канд. культурологии, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

О месте религии в современном общественном дискурсе

Адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков, причисленный к лику святых, не проиграл ни одного сражения, так же как и великий русский полководец Александр Васильевич Суворов. Из советских учебников истории мы знаем о том, как по-отечески они относились к своим подчинённым. Заботились об условиях их быта, жертвовали из собственного жалованья на дома и больницы для них, усердно занимались военной подготовкой и планировали свои сражения так, чтобы избежать потерь. В этих же учебниках сказано было о великом таланте этих военачальников поднимать дух своих солдат и матросов. Однако мы не найдём в них упоминания о самом главном, о том, что питало их души, наполняло искренней любовью к своим ближним, давало силу, и талант, и победу. Это была крепкая христианская вера. В православной вере они воспитывали и своих подчинённых, относились к ним как любящие отцы к своим детям. Присутствие на Божественной литургии, причастие, молебны перед началом всякого дела, а особенно перед битвой с врагом — были основой их воинского устава. Многие современники замечали, что их воинский устав был сродни уставу монастырскому. И результат: ад-

мирал Ушаков из 43 (!) морских сражений, в которых силы противника весьма часто были намного превосходящими, не потерпел ни одного поражения, не потерял ни одного корабля, и ни один матрос не попал в плен! Полководец Суворов провел более 60 (!) сражений, и все они были победоносными…

В отношении нашего времени — времени, наступившем после эпохи идеологического давления, вытеснившей из нас религиозное сознание, можно сказать, что это время двоедушия. С одной стороны, церковь не запрещена, и вера поощряется со стороны власть предержащих; с другой стороны, парадигма «светского государства» изгоняет веру из общественного дискурса, накладывает на наше бытие некие негласные правила. Так называемые «вопросы морали» обсуждаются (если и обсуждаются вообще) в отрыве от их религиозного происхождения. Общественное сознание, в большинстве своём, не хочет видеть причинно-следственную связь того и другого. Говоря по-простому, наше общество заражено неверием, или маловерием. Следствия не будем перечислять — ими полны новостные сводки и наша повседневность. Но самый очевидный результат мы видим на полях нынешних сражений, неимоверно трудный и долгий путь к победе. Видимо, нужно, чтобы этот долгий и трудный путь привел нас к выводу — победа над врагом внешним, видимым, предваряется победой над врагом внутренним, невидимым?!

«Веруешь ли ты, что Я могу сие совершить?», — спрашивает Господь. И нам следует, вместе с тем несчастным отцом из Евангелия, воскликнуть: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!».

Коновалов Родион Павлович
курсант
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Конформизм военнослужащих: за и против

Называя человека конформистом, мы даём ему скорее негативную характеристику, подразумевая склонность соглашаться с общепринятым мнением в ущерб своим собственным взглядам, стремление отказаться от свободы выбора, не принимать на себя ответственность за происходящее. Однако бывает и конформизм, понимаемый положительно, когда здравый смысл подсказывает, что в некоторых ситуациях лучше «играть по чужим правилам».

Так армия неразрывно связана с иерархией и системой подчинения, поэтому определенный уровень конформности в ней просто необходим для функционирования её как полноценной системы. И здесь возникает этическая проблема: необходимость подчиняться приказам может вступить в противоречие с нравственными принципами личности воен-

нослужащего. С точки зрения морали в равной степени опасными являются две крайности. Нонконформизм, выраженный в постоянном нежелании подчиняться или непринятии приказов может подорвать выполнение боевой задачи. В то же время крайний конформизм, выраженный в слепом подчинении, не сулит ничего продуктивного, ведь потеря способности оценить ситуацию самостоятельно может привести к выполнению как незаконных, так и ошибочных приказов.

Таким образом возникает проблема границы между воинским долгом и личной моральной ответственностью. Военнослужащий обязан выполнять приказы, но подчинение им не должно превращаться в злоупотребление властью или же в другие негативные проявления. В любом случае человек всегда остается ответственным за свои поступки и действия, даже находясь в военной организации.

Особенное значение эта проблема приобретает в рамках военного образования. Для успешного прохождения воинской службы будущему офицеру необходимо научиться как отдавать приказы, так и подчиняться. Обучение в военном вузе предполагает четкое представление о значимости воинской дисциплины, и в то же время понимание своей ответственности за принятые решения. Важной частью профессиональных умений должна стать способность распознавать ситуации, в которых злоупотребление властью может привести к неправильному решению.

В решении этой моральной проблемы активная роль принадлежит гуманитарным наукам, которые могут предложить путь рационального отношения к подчинению в целом, когда военнослужащий, выполняя приказы, сохраняет и способность критически осмыслить ситуацию, и чувство собственного достоинства. Соответствующие проблемы, конкретные ситуации, связанные с военным управлением, можно обсуждать во время занятий по военной этике, праву. педагогике. Получение высшего военного образования в среде, где выражение собственного мнения и проявление разумной инициативы не считаются нарушением дисциплины, а воспринимаются как путь к формированию профессиональной ответственности, поможет становлению качеств, необходимых будущему офицеру.

Таким образом, оптимальным для военной среды является баланс между крайностями конформизма и нонконформизма, то есть осознанное выполнение приказов при сохранении критического мышления и возможности самостоятельного анализа ситуации. Такой баланс позволит и поддерживать дисциплину и предотвратит моральное разложение личности, формируя профессионально и этически ответственного военнослужащего.

Константинов Михаил Сергеевич
доцент, к.полит.н., доцент
Южный федеральный университет

Ценностные противоречия морального сознания: концепция когнитивно-идеологических матриц

Тезис о продуктивной роли ценностных конфликтов в моральном прогрессе предполагает условие, сформулированное Ф. Тетлоком в модели ценностного плюрализма: столкновение ценностей запускает работу сознания лишь тогда, когда обе они актуализированы и воспринимаются как сопоставимо значимые (Tetlock, 1986). Однако данные массовых опросов показывают, что на практике это условие выполняется далеко не всегда.

Всероссийское обследование 2024 г. (N = 1600, восемь федеральных округов) выявило, что 52,3 % респондентов одновременно согласны с сентенцией «Иерархия — оптимальная форма взаимоотношений между людьми» и лозунгом «Все люди равны от природы!», и «это не статистическая аберрация» (Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества, 2024, с. 194). Сходны и другие парадоксы: «антисемиты и этнонационалисты отвергают иерархию сильнее либералов… самые высокие показатели авторитаризма у патриотов, а не у откровенных ксенофобов» (там же). По-видимому, речь идёт не о дефиците установок, а об устойчивом совместном принятии взаимоисключающих формул: индекс компартментализации (шкала 0–6, N = 6536) возрастает с M = 1,03 в 2021 г. до M = 2,49 в 2024 г. ($F(3, 6532) = 127{,}9$, $p < 0{,}001$).

Объяснение этого эффекта предлагает концепция двухуровневой когнитивно-идеологической матрицы (Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов, 2021). Нижний уровень представляет собой инертную дорефлексивную среду седиментированных идеологем (тип I), где деконтестация в понимании М. Фридена отложена, поэтому противоречивость является нормальным состоянием. Над ней расположен ситуативно активируемый режим смыслосборки (тип II), в котором значения фиксируются активно. Предполагается, что несовместимые идеологемы сосуществуют в среде типа I благодаря когнитивной компартментализации — изолированному хранению и попеременной контекстной активации. Термин восходит к таксономии защит Н. Мак-Вильямс, однако принципиальна здесь когнитивная линия — «логически герметичные отсеки» М. Шермера и биконцептуализм Дж. Лакоффа. Противоречащие содержания остаются доступными со-

знанию, но не актуализируются одновременно. Поэтому объективно существующий ценностный конфликт субъективно не переживается: отсутствует его необходимое условие — одновременная салиентность ценностей.

Отсюда следует, что для морального прогресса значим не сам факт конфликта, а его переход в салиентное состояние. «Спящее» противоречие становится переживаемым в ситуации, принуждающей несовместимые содержания к одновременной актуализации. Полевое наблюдение фиксирует этот механизм: «идеологические противоречия деконтестируются… в сознании респондента в момент рефлексии. То есть, если спросить респондента на фокус-группе, как он может одновременно поддерживать либеральный тезис личной свободы и праворадикальные лозунги, он быстро находит объяснение этому противоречию» (Культурные универсалии…, 2024, с. 194). Однако конфронтация обычно не приводит к пересмотру позиции. Согласно аргументативной теории разума У. Мерсье и Д. Спербера, рассуждение функционально ориентировано скорее на защиту убеждений, чем на их ревизию. Поэтому обнаружение противоречия чаще вызывает его оправдание, нежели отказ от одной из несовместимых норм. Экспликация ценностного конфликта, следовательно, является необходимым, но недостаточным условием морального прогресса.

Копанева Валерия Андреевна
старший преподаватель
ВолгГМУ Минздрава России

Диалектическая связь признания и признанности на примере социальных институтов

Признанность — статический аспект признания. Признанность представляет собой совершившийся акт (элемент символического капитала), в котором лишь откладываются, но не обновляются, а следовательно, накапливаются или растрачиваются ранее обретенные информационные и ценностные ресурсы. Например, лицо получает профессиональное образование, получает соответствующий диплом, однако деятельность по специальности не начинает. Таким образом, формально признание было осуществлено в прошлом, но оно не возобновляется, и нового признания не происходит, хотя иные социальные последствия могут наступать.

Признак перманентности (длительности), необходимый для институционализации, появляется у социального признания тогда, когда оно

достигает качества признанности, которая представляет собой способ удержания предмета в мышлении через связь менее значимого с более значимым. Соответственно, признанность становится социальной не тогда, когда она произошла, а после того, как она закрепилась в памяти.

Признанность — это законсервированное на какое-то время социальное отношение, возникающее в акте наделения статусами.

Признание института отражает его смысл, позволяет раскрыть его, объективно существующий, но не актуализированный, пока признание не произошло. На примере такого института, как государство, можно видеть, что его полноценный международно-правовой статус возникает только тогда, когда его признают другие государства. В данном случае важна совокупная воля других государств, которая наделит государство этим статусом, т.е. проявит потенциальный смысл его суверенности.

Артикулированность институционального признания предполагает, что участник социального взаимодействия словесно выражает то, что он видит, и обосновывает это. Поэтому скрытое признание не функционально, потому что не делают смысл данного института известным для индивида или коллектива и, следовательно, не имеют социальных последствий. Если продолжать тот же пример с признанием вновь сформировавшегося государства другими субъектами международного права, то признание в данном случае должно быть артикулировано для того, чтобы изменить разметку реальности и обозначить границы государства, легитимировать складывающиеся институты власти, показать, что теперь существует новый участник международных отношений, который наравне с другими имеет определенные права и может претендовать на те же ресурсы, что и другие государства.

Институт как объект признания носит сложный характер, то есть состоит из значительного числа элементов, между которыми выстраиваются многообразные связи. В этом случае сам процесс перехода к признанности носит длящийся характер хотя бы постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы сопоставить эти части между собой и соединить их в общую картину. При этом части целого могут быть разделены:

- во времени; в этом случае для достижения признанности требуется восстановить факты, которые происходили в различные моменты, и свести их воедино;

- в пространстве; в этом случае следует зафиксировать элементы, расположенные в разных частях пространства, и в последующем синтезировать их в рамках общего представления.

Корлыханов Данил Андреевич
обучающийся бакалавриата
Уральский федеральный университет

«Новояз» эпохи современного развитого интернета

Интернет и различные информационные и виртуальные технологии давно стали неотъемлемой частью жизни человека. Во времена своего появления и первых этапов развития всемирная сеть была лишь инструментом, способным упростить различные задачи. С течением времени цифровизация и распространение доступной техники привели к тому, что виртуальное пространство стало продолжением реальности и способным оказывать на нее влияние. Еще 20 лет назад жизнь можно было представить без интернета: большинство людей не являлись активными пользователями сети или компьютера. Уже спустя 10 лет ситуация сильно изменилась: огромное количество новых пользователей открыло для себя мессенджеры, видеохостинги и социальные сети, после чего начало там «обживаться». Сейчас компьютеры и смартфоны стали повседневностью, а такие платформы, как TikTok, охватывают огромную аудиторию.

В данный момент существует множество дискуссий о вертикальном контенте и его влиянии на современного человека, однако больший интерес представляет сама природа «развитого» интернета. Цифровые технологии, появившиеся сравнительно недавно, сейчас стали полноценно освоены, благодаря чему сформировался нынешний «интернет-человек», цифровая жизнь которого практически неотделима от аналоговой. Индивид способен существовать в виртуальном пространстве, не теряя значительной части привычных активностей. При этом такая жизнь из-за специфики цифровой среды приобретает высокий темп и постоянную необходимость находиться в ее контексте.

Подобное не может не оказывать влияния на человека: виртуальная часть его природы становится своеобразной метафизической средой, формирующей язык и категории, в которых он существует. Наглядно это видно на примере алгоритмов и модерации интернет-ресурсов. Одним из важных этапов стало изменение политики YouTube в 2017 году, когда платформа начала активно перестраивать систему модерации и монетизации в интересах рекламодателей. Нежелательный с точки зрения платформы контент мог лишаться монетизации и выпадать из системы рекомендаций. Пользователи также отмечали случаи снижения охватов, удаления видео и блокировок каналов.

Позже подобные системы появились на многих социальных платформах. С развитием искусственного интеллекта, внедряемого в алго-

ритмы, границы допустимого стали определяться не только пользователями, но и автоматическими системами. Под модерацию может попадать не только непосредственное нарушение правил, но и упоминание определенных слов, связанных с насилием, сексуальным содержанием, запрещенными веществами и другими категориями. В результате появился собственный «эзопов язык» — algospeak (от algorithm и speak), то есть система эвфемизмов, позволяющая обходить автоматическую модерацию. Например, слово «убить» может заменяться выражением "unalive".

Эта структура выстраивается вертикально, а не формируется между пользователями естественным образом. Формально человек может говорить о чем хочет, однако фактическая видимость его высказывания зависит от правил цифровой платформы. Люди, не находящиеся в соответствующем культурном контексте, могут не понимать подобных метафор, тогда как постоянное использование таких норм постепенно формирует новые способы коммуникации.

Подобные механизмы существуют не только в модерации, но и в рекомендациях. Алгоритмы социальных сетей и музыкальных платформ определяют, какой контент пользователь увидит, а какой останется практически недоступным. В результате человек оказывается внутри определенного информационного «пузыря», где его представление о мире формируется ограниченным набором доступных материалов.

Большой пласт интернета начинает работать неправильно, искаженно или перестает работать в принципе, благодаря чему сама виртуальная реальность, являющаяся продолжением реальности настоящей, сильно видоизменяется при возвращении в нее. Это создает сдвиг в сознании современного человека, потому что сам мир вокруг него становится мерцающим: он не может полноценно его воспринимать, но именно это определенное понимание и ощущение мира оказывает на него влияние.

Корнилаев Леонид Юрьевич
к.филос.н., доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова

А.И. Огнёв о взаимосвязи этики и гносеологии в философии В. Виндельбанда

А.И. Огнёв в своей диссертации «О трансцендентальном идеализме у Гартмана» (1910) подробно проанализировал реалистическую интерпретацию кантовской философии Э. фон Гартмана, согласно которой критическая философия без реалистического компонента противоре-

чива, а выходом могла бы стать позиция, представляющая из себя один из возможных вариантов реализма, а именно, трансцендентальный реализм. С точки зрения Гартмана, реализм уже был заложен в теории познания немецкого философа, а идеалистический лагерь неокантианства «имел смелость просто игнорировать пробившийся у Канта... трансцендентальный реализм и выдавать разработку трансцендентального идеализма за подлинное и исторически верное учение Канта» (Hartmann Ed. v. Kritische Grundlegung des Transcendentalen Realismus // Ausgewälte Werke Bd.1. Leipzug, 1885. S. 60). Огнёв поддерживал реалистические установки Гартмана, а также его критический настрой в отношении неокантианства. Органичным ответвлением этой критики становится анализ обоснования этики в Баденской школе неокантианства, представленный в небольшом тексте 1910 года «Обоснование морали по Виндельбанду», где русский философ анализирует популярную на тот момент книгу «О свободе воли» Виндельбанда и его речь 1877 года «О мышлении и размышлении».

Этику Виндельбанда с неизбежностью нужно рассматривать во взаимосвязи с его гносеологией, считает Огнёв. Виндельбанд, с точки зрения русского философа, типичный представитель гносеологического идеализма, особенностью которого является, с одной стороны, тотальный приоритет теоретико-познавательной проблематики над всеми остальными областями философии, с другой стороны, полный отказ от метафизики. Познание в неокантианстве понимается как сугубо имманентный процесс. Мысль подчиняет чувственный материал своим априорным понятиям, но при этом следует исключительно своей имманентной необходимости и никак не ведома содержанием материала, т.е. никак не связана с объективной реальностью. Внутреннее нравственное долженствование, которое раскрывают Виндельбанд и Риккерт, подчинено тем же гносеологическим правилам и не выводится из эмпирической реальности.

Огнёв пытается показать несостоятельность этических воззрений Виндельбанда. Особенностью его критики является механистическая и ассоцианистская трактовка философии Виндельбанда. Опираясь на рассуждения Гартмана о причинности, Огнёв обнаруживает в философии неокантианца жесткий детерминизм. Перенося эти принципы на психику человека и нравственный мир, «мы ... придем ... к "механистическому пониманию душевной жизни"» (Огнёв А.И. Обоснование морали по Виндельбанду // Кантовский сборник. №3. 2012. С. 97), а наша личность окажется «насквозь детерминированной» (Там же. С. 98). По мнению Огнёва, категорический императив как безусловная форма морали пуст. Содержание этой формы Виндельбанд находит в воле,

которая проявляется и в сознательных, и в бессознательных актах мысли (см. Виндельбанд В. О мышлении и размышлении // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: 1995. С. 160–183). Но именно это свободное проявление воли у Виндельбанда Огнёв считает проявлением «механически необходимого хода вещей, совершенно одинаково вызывающего к жизни как нравственно достойное, так и порочное» (Огнёв А.И. Обоснование морали по Виндельбанду // Кантовский сборник. №3. 2012, С. 100). Огнёв обращается к анализу социальной природы теоретического и практического разума у Виндельбанда. Немецкий философ утверждает, что назначение каждого общества состоит в создании своей системы культуры, а нравственное поведение отдельной личности должно быть подчинено этой высшей цели. Однако Огнёв полагает, что Виндельбанду не удалось обосновать безусловную мораль, т.к. за социальной природой морали стоит тот же причинный механизм, что и в познании. Совокупность множества воль не может обосновать общеобязательность высшего морального закона в кантовском смысле. В докладе будут проанализированы аргументы Огнёва против этики Виндельбанда, а также будет дана оценка их корректности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00615 «Критический реализм в философских парадигмах XIX–XX вв.», https://rscf.ru/project/25-28-00615/.

Коротченко Юлия Михайловна
доцент, д.филос.н., профессор
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Русский экзистенциальный персонализм как антитеза этическому релятивизму

Цифровая эпоха ставит под сомнение право у всего, что не может быть сконструировано, существовать и быть объектом изучения. Поворот в сторону субъекта сознания как автономному актору социальной жизни, конструиру.щему эту жизнь посредством ее интерпретации и непосредственного переживания, парадоксально привел к нивелированию понятия реальности, т.к. вопрос о критерии реальности оказался снятым. Замыкание социального внутри системы социальных коммуникаций, системы сигнификационных конвенций исключают вопрос о существовании в социуме чего-то, что было и есть независимо от такого рода конвенций. В либеративной эйфории, появившейся в том числе в области социально-гуманитарного знания после двух мировых войн, особенно после второй — на фоне победы над немецким фашизмом,

активисты которого были осуждены как совершившие преступления против человечности, риски любого релятивизма выглядели не столь пугающе, как сегодня. Они казались симптомами свободы человека перед лицом внешних ему политических сил, нарушающих структуру его жизненного мира. Свобода субъекта социального конструирования реальности, однако, также оказалась рискогенной, и рискогенность эта связана именно с релятивизацией понятия реальности, интерпретационной непривязанностью к онтологическим и генетическим связям, на которой настаивали П.Л. Бергер и Т. Лукман в своем социологическом бестселлере второй половины XX века «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания». Сегодня конструирование социальной жизни столь же технологично, сколь технологичен процесс создания механизмов для использования в промышленности, медицине или киноискусстве. И этот феномен также восходит к отказу от эссенциалистской установки, но провозглашена она была в 1945 году Карлом Поппером в его знаменитом труде об открытом обществе и его врагах. Поппер говорит о необходимости рассматривать государство с точки зрения того, что требуется от последнего, а не с точки зрения того, что такое государство. Строительство или перестраивание политического института, подчеркивает Поппер, является задачей технолога. Но чем должен руководствоваться технолог в выборе технологий и в целом, чем должен ограничиваться технолог, какой может, а какой не может быть его цель, – эти вопросы неизбежно оказываются за пределами субъектно-конструктивистских технологий социальной жизни, т.к. они лежат в области надындивидуальной, в области этики и предполагают обращение к тому, что не может и не должно быть релятивизировано. Все становится конструкцией — гендерная идентификация индивидов, отношения между людьми, границы между правдой и ложью, история, отношение к Отечеству. К тому же всякая конструкция репрезентируется в цифровой среде. В этой связи обращение к русскому экзистенциальному персонализму существенно актуализируется. Главным действующим лицом в творении и собственной жизни, и отношения между собой и обществом становится человек как творец себя как личности — телесно-психо-духовного целостности, последний аспект которой не является изначальной данностью. Подлинная сущность человека обретается им в этом творческом акте, совершить который по силам богочеловеку. В свою очередь, это возможно только при условии соотнесенности себя, своих действий с духовно-нравственными идеалами добра, которые не могут обслуживать интересы отдельных личностей или классов или государств. Русский экзистенциальный персонализм постулирует реальность иных миров — миров вне обыденной жизни, первостепенных, по

определению Н.А. Бердяева, миров, которым должно быть открыто сознание ищущей и создающей себя личности, которые содержат духовно-нравственный идеал социального созидания. Эта пронизанность этическими абсолютами учения о человеке и обществе в русском экзистенциальном персонализме в условиях релятивизации смыслового начала во всем, что совершает человек, реконструируя себя и общество, говорит о серьезном созидательном потенциале этого направления в отечественной философской традиции.

Коряков Аким Алексеевич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

«Практическая истина» Аристотеля в интерпретации Э. Энском: критика этики долга

В «Никомаховой этике» Аристотель вводит понятие «практической истины», определяя её как «истину, согласующуюся с правильным стремлением» (Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. Т.4. Москва : Мысль, 1983. С. 175). Эта формулировка выглядит парадоксальной: если в классической традиции истина есть соответствие интеллекта вещи, то здесь она увязывается с человеческим стремлением. Именно этот пассаж становится для Э. Энском отправной точкой в критике современной моральной философии.

Энском читает Аристотеля не как историк, а как философ, ищущий концептуальные ресурсы для решения современных проблем. В статье "Thought and Action in Aristotle" она предлагает понимать практическую истину не как свойство теоретического суждения, описывающего мир, а как характеристику самого действия (Anscombe, G.E.M. Thought and Action in Aristotle: What is "Practical Truth"? // New Essays on Plato and Aristotle / ed. by R. Bambrough. – London : Routledge, 1965. P. 143–158). Действие истинно не потому, что верно репрезентирует реальность, а потому, что является актом «хорошего делания» (doing well) — жизни в согласии с добродетелью и правильным логосом. Истина воплощается в поступке, завершающем практический силлогизм. Это органично развивает тезисы её более ранней монографии "Intention" (Anscombe, G.E.M. Intention. Oxford : Blackwell, 1957.): действие истинно постольку, поскольку оно есть воплощение правильного практического вывода (практического знания), а не просто его внешний причинный эффект.

Такой подход меняет саму постановку этических вопросов. Энском показывает, что у Аристотеля практическая мудрость (phronesis) завер-

шается не констатацией, а поступком; цель практического разума — не познание, а правильное действие. В этой перспективе стремление (orexis) и разум не противостоят друг другу, как это часто представляется в упрощенных прочтениях кантианской традиции, а взаимно обусловливают друг друга. Правильное стремление без истинного суждения слепо, а истинное суждение без правильного стремления бесплодно.

В работе "Modern Moral Philosophy" Энском утверждала, что понятия «моральный долг» и «моральное долженствование» (moral ought) являются концептуальными пережитками исчезнувшей законнической концепции этики (law conception of ethics), чуждой античному миру (Энском, Э. Современная моральная философия // Логос. – 2008. – № 1 (64). С. 70–91). Аристотель говорит не о подчинении универсальному правилу, а о добродетели и практической истине. Возвращение к этой рамке позволяет выстроить этику, не сводимую ни к кодификации правил (деонтология), ни к калькуляции последствий (консеквенциализм).

Таким образом, практическая истина — это не абстрактная «истина о моральных фактах», а истина, реализуемая человеком в действии, совершаемом согласно осознанному выбору. Этика перестает быть теорией внешних норм и становится философией практического знания — того, чем невозможно обладать, не действуя. Именно это прочтение позволяет Энском вернуть аристотелевскую этику в современный философский дискурс: не как исторический экспонат, а как работающую альтернативу, объединяющую разум и желание в самом акте благого действия.

Кравченко Ксения Валерьевна
главный специалист Департамента финансового контроля
ПАО «НК «Роснефть»

Между симптомом и нравственной позицией: этические основания нейрофизиологического изучения морального выбора при депрессии

Депрессивные состояния затрагивают эмоциональную и когнитивную сферы и систему ценностей, нравственные убеждения и решения в ситуациях морального выбора. Важно выяснить, связаны ли изменения морального поведения при депрессивных состояниях с особенностями функциональной организации мозга и в какой мере нейрофизиологические данные вообще могут ответить на этот вопрос.

В отечественной психологии взаимосвязь депрессивной симптоматики и моральной сферы изучается. С помощью моральных дилемм исследовались характер морального выбора, эмоциональный опыт и личностные характеристики. Отдельно изучалась связь выраженности психопатологической симптоматики с представлениями о совести. Эти данные позволяют считать изменения моральной сферы одним из компонентов психологических изменений при депрессивных состояниях.

Параллельно развивается нейрофизиологическое направление. В отечественных работах с использованием ЭЭГ изучались различия мозговой активности при принятии моральных решений, а также системная организация ЭЭГ при решении задач с разной моральной нагрузкой. Анализ отечественных публикаций показал, что нет работ, в которых одновременно рассматривались бы три компонента — выраженность депрессивной симптоматики, характер морального выбора и показатели ЭЭГ. Связь между психологическим и нейрофизиологическим уровнями морального выбора при депрессивных состояниях остается неизученной.

Предлагается объединить психологическую диагностику (выраженность депрессивной симптоматики, характер решений в моральных дилеммах) с регистрацией ЭЭГ в состоянии покоя и при моральной оценке и выборе. Центральный вопрос в том, связаны ли индивидуальные различия в выраженности депрессивной симптоматики одновременно с характером морального выбора и с конкретными показателями ЭЭГ. Такой подход рассматривает моральное решение как результат взаимодействия эмоциональных, когнитивных и нейрофизиологических процессов, а не как изолированный акт.

ЭЭГ регистрирует динамику электрической активности мозга. Она фиксирует только корреляты процесса принятия решения: его временные параметры, вовлеченность регуляторных и эмоциональных систем, степень внутреннего конфликта. При этом ЭЭГ не показывает содержание морального суждения, то есть какие именно ценности человек сопоставляет. Она не показывает и обоснование выбора, почему человек считает свое решение правильным. По ЭЭГ нельзя отличить адекватное моральное переживание, например оправданную вину, от патологического, то есть вины, преувеличенной в депрессивном состоянии. Одна и та же картина активности мозга может соответствовать решениям с противоположным нравственным смыслом. Нейрофизиологические данные описывают, как протекает процесс, но не позволяют судить, верен ли выбор или искажен.

Эти ограничения нельзя преодолеть увеличением точности ЭЭГ, они носят понятийный, а не технический характер. Здесь необходима философия. Во-первых, сами моральные дилеммы, используемые в исследованиях, созданы в моральной философии. Они противопоставляют ути-

литаристскую логику (оценка последствий) и деонтологическую (следование долгу и запретам). Без этого различения невозможно корректно интерпретировать, какой тип рассуждения меняется при депрессии. Философия позволяет разграничить моральное суждение, решение и поступок, а нейрофизиологические исследования часто их смешивают. Также философский анализ дает критерии, по которым изменения морального выбора при депрессии можно квалифицировать как искажение или как иную, но допустимую нравственную позицию.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление индивидуальных показателей, связанных одновременно с выраженностью депрессивной симптоматики и с характером морального выбора. В дальнейшем можно будет проверить, пригодны ли выявленные показатели как ориентиры при разработке методов воздействия на мозговую активность. На этом этапе философский анализ становится обязательным условием. Если воздействие на мозг меняет характер моральных решений, нужно определить, где проходит граница между лечением депрессивного состояния и вмешательством в нравственную позицию личности.

Крейцберга Карина Андрисовна
учитель истории и обществознания, обучающаяся аспирантуры
НИУ «Высшая школа экономики»

«Забота о развитии» как этический императив: от педологической антропологии к инклюзивной этике

Актуальность темы обусловлена потребностью в осмыслении этических оснований современного инклюзивного образования, которое признает каждого ребенка носителем уникальных образовательных потребностей. Отечественная педология первой трети XX века представляет собой уникальный историко-философский источник, в котором антропологическое знание о ребенке сочеталось с практикой педагогических экспериментов и формированием новых подходов к обучению. В трудах А.П. Нечаева, Н.Е. Румянцева, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, М.Я. Басова, В.П. Кащенко и других можно обнаружить глубокие этико-антропологические идеи, которые до сих пор остаются недостаточно осмысленными.

Цель доклада — реконструировать этический императив, лежащий в основе педологического подхода к развитию ребенка, и показать его значение для формирования инклюзивной этики современного образования. Педологи выступили против усредненного представления об ученике, рассматривая развитие как индивидуальный и самоценный

процесс. Ребенок понимался как субъект, обладающий собственной ценностью и уникальной траекторией становления. Отсюда возникло требование «изучать ребенка» — наблюдать его в естественных условиях, учитывать биологические, психологические и социальные факторы. Это требование было не только методологическим, но и этическим: оно означало признание права ребенка на то, чтобы образование строилось с учетом его природы.

Особого внимания заслуживает понятие «заботы о развитии», которое мы рассматриваем как имплицитный этический императив педологической антропологии. В отличие от педагогики принуждения, педология исходила из того, что развитие самоценно, а задача взрослого – создать условия для его полноценного осуществления. В концепции Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития» эта идея выразилась в требовании видеть перспективу, а не фиксировать наличный уровень. В.П. Кащенко, разрабатывая основы лечебной педагогики, подчеркивал необходимость бережного отношения к отклоняющемуся развитию, рассматривая его как вариант индивидуальной нормы. М.Я. Басов настаивал на изучении деятельности как целостного процесса, что противостояло сведению ребенка к сумме отдельных функций.

Таким образом, в рамках педологии формировалась этика уважения к становящемуся человеку, где центральное место занимает конкретное благо растущего индивида. Эта этика имела инклюзивную направленность: педологи стремились включать в образовательный процесс всех детей, в том числе с ограниченными возможностями здоровья. В 1920-е годы в Советской России создавались специальные школы и вспомогательные классы, а проблема «дефектологии» разрабатывалась в тесной связи с общей антропологией детства.

После запрета педологии в 1936 году ее этико-антропологические достижения были вытеснены из официальной педагогики. Между тем, именно в педологии мы находим истоки принципов, составляющих основу современной инклюзивной этики: признание ценности каждого ребенка, отказ от дискриминации по признаку «нормы», необходимость адаптации образовательной среды к потребностям учащегося, диалоговый характер педагогического взаимодействия. Возвращение к идеям педологов означает не реанимацию их экспериментов, а восстановление этического вектора, ориентированного на заботу о развитии каждого ребенка.

В докладе делается вывод, что «забота о развитии» как этический императив может быть положена в фундамент современной этики образования. Такой подход позволяет обосновать инклюзию не как технологию создания доступной среды, а как мировоззренческую установку, предполагающую безусловное принятие другого в его уникальности.

Кропотов Роман Сергеевич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Античное понятие «бесстрастие» (απαθεια) как радикальный идеал отречения в восточном христианстве

В докладе рассматривается смысловой горизонт понятия «бесстрастие» (απαθεια) сквозь призму многообразия его интерпретаций в христианской парадигме мысли. Первоначальный смысл понятия, указывающий на образ жизни стоического мудреца, существующего в соответствии с природной необходимостью, интегрируется в христианскую традицию духовного подвижничества и может быть рассмотрен симметрично трём этапам аскетического пути: καταρσις – φοτισμος – τελεοσις. На этапе очищения (καταρσις) схватывается лишь негативный аспект бесстрастия – оно понимается как «свобода от» всего множества греховных влечений и помыслов, составляющих повседневную деятельность ума (и тела) в его омраченном состоянии. Ряд авторов (Евагрий Понтийский, Симеон Новый Богослов) подчёркивает невозможность для подвижника на этом этапе уразуметь положительный смысл бесстрастия, открывающийся лишь при переходе к созерцанию, или ведению. Собственное содержание бесстрастия может нами угадываться как опытное откровение непосредственного присутствия Божия в жизни человека, сопряженное с видением умопостигаемой реальности. Здесь также следует различать два этапа: несовершенное и совершенное бесстрастие, типологически схватываемые посредством двух разных образов: монаха-подвижника и гетеродоксального аскета, или юродивого. В первом случае, любое возможное достижение на пути аскезы для монаха рассматривается как временное, и всегда актуальной остаётся опасность уклониться с праведного пути. В частности этим, как нам кажется, объясняется существование практических наставлений (например, в сочинениях аввы Евагрия) не только для подвизающихся в борьбе со страстями, но и для достигших созерцания. Подвижник всё время пребывает на границе между благом и грехом и необходимо подтверждает раз за разом своё стремление к спасению. Бесстрастие здесь понимается как дар божественного просвещения (φοτισμος), который может быть и отнят в случае, если аскет окажется недостаточно тонок и опустошён от самого себя, чтобы его удерживать. Достигший же совершенного бесстрастия, как бы освобождается от собственной самости как таковой и утрачивает возможность уклониться во грех. Наиболее ярко эта интуиция представлена в образах гетеродоксального аскета-мессалианина

и типологически сходного с ним юродивого. Вся провокативная и обескураживающая деятельность таких подвижников обусловлена, как нам кажется, тем обстоятельством, что они (во всяком случае, в своих собственных глазах) полностью изжили в себе индивидуальную обособленность и отделенность, а, следовательно, любое их по-видимому греховное действие может быть таковым лишь по видимости, но никогда – по сути. Достигший совершенства (τελεοσις) оказывается «чистым зеркалом», отображающим в своей возмущающей мир и гротескной деятельности грех мира (именно в целях распознавания греха как греха, соответственно, его обличения), но нимало им не затрагиваемым в силу предельной собственной чистоты. По существу, такой «аскет наоборот» (наиболее ярко представленный в гетеродоксии, но обнаруживающий себя и в житийных образах юродивых и в сочинениях преп. Симеона Нового Богослова) являет собой область трансценденции и снятия вообще всех бинарных оппозиций и границ, указывая тем самым на всеприсутствие Божие и иллюзорность обособленного (греховного) существования.

Крюк Артемий Денисович
обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема «сущего и должного» в контексте рефлексии философии мадхьямаки

Современная философия на Западе глубоко дихотомична: начиная с картезианской революции, весь континуум восприятия, опыта, самой жизни человека в своем основании проникнут разделением на res cogitans и res extensa. Различные экспликации и итерации данной посылки в европейской философии воплощается, так или иначе, во всех областях мысли. В том числе проблема этики и этических высказываний попадает в данную область: еще начиная с Юма существует явная и известная проблематика «сущего и должного». В более яркой экспликации эта тема выражена в кантианской традиции: область познания и область воления принципиально разделены. Мир природы и мир свободы принципиально противопоставлены друг другу.

В рамках данного принципиального подхода присутствует существенная проблема: мир человеческого опыта оказывается разорван на две части и вопрос о их взаимосвязи решается с трудом. Как связаны с собой восприятие человеком внешней реальности и возможность этим же самым человеком эту реальность менять, воздействовать на нее? Как связаны между собой область онто-гносеологии и этики? Эти

связанные друг с другом вопросы обличают важную проблему: как возможен единый субъект, если область его опыта принципиально разделен?

В контексте компаративистской парадигмы интересно обратиться к принципиально иной философской культуре с надеждой найти там ответы на поставленные вопросы. Ввиду этого предлагается взглянуть на классическую буддийскую философию, а именно на школу мадхьямака.

Основным концептом данной традиции выступает понятие «пустоты» (шунья). Пустотность в рамках парадигмы школы срединного пути понимается не как «ничто», некая пустота, которая в нашей европейской культуре понимается как «полное отсутствие», «незаполненность». Понятие шунья связано в первую очередь с понятием дхарма. Перевести его представляет большую трудность для всей буддологии, однако в общем и целом его можно трактовать как элементарное состояние психофизического опыта. Основные школы буддийского «реализма» представляли эти самые дхармы как реально-существующие, обладающие «бытием» (дравья сат), некой «самостью» (свабхава). Нагарджуна, будучи основателем школы мадхьямики и ключевым теоретиком традиции Махаяны, спорит с абхидхармистским течением буддизма. Все дхармы он объявляет «пустыми», то есть — лишенными той самой «самости» (асвабхава). Философ настаивает на том, что все элементарные состояния нашего ума (читта), как и в целом все дхармы, относительны, не имеют субстанциальной природы, непостоянны и изменчивы в рамках общей системы «причинно-обусловленного существования» (пратитья-самутпада).

В рамках философской рефлексии по поводу пустотности состояний человеческого ума в том числе возникает и разговор об этическом аспекте. Понятие «карма», являющееся еще одним трудно переводимым концептом, включает в себя три основных момента: намерение (четана), само действие (карма) и результат (пхала). Нагарджуна в своих рассуждениях анализирует понятие концепта кармы, утверждая, что в рамках абсолютной истины (парамартха сатья) связывание действия и результата — это наше состояние ума, которое в своей природе (татхата) пусто, относительно и не имеет устоявшейся безусловности.

Таким образом, проблема «сущего – должного» в рамках философии мадхьямаки не возникает с такой остротой, как это можно наблюдать в европейской традиции. В силу того, что в рамках буддийского способа мышления субъект не отделяется от объекта, этическая проблематика встраивается в общую систему сотериологической и феноменологической проблематики анализа состояний ума: человеческое познание и человеческое воление — это различные моменты его собственного опыта. Акт познания и акт воления — это различные состояния ума, в сути своей пустые, бессамостные.

Крюкова Ксения Вячеславовна
к.полит.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Религиозные акторы в международном посредничестве: моральный авторитет и опыт ООН

Современное международное посредничество характеризуется расширением круга субъектов, участвующих в предупреждении и урегулировании конфликтов. Наряду с государствами и международными организациями существенное значение приобретают негосударственные акторы, в том числе религиозные лидеры и институты.

Специфика религиозных акторов как посредников во многом связана с особым характером их социального и морального авторитета. Религиозные акторы могут обладать значительным моральным авторитетом и пользоваться доверием со стороны конфликтующих сторон, что создает возможности для их участия в посредничестве и содействия диалогу. Их преимуществом также могут выступать широкие связи с местными сообществами, доступ к удаленным и труднодоступным группам и высокий уровень доверия со стороны населения. Таким образом, религиозный авторитет становится ресурсом посредничества, способствуя установлению контакта с конфликтующими сторонами, формированию доверия и поддержанию диалога между ними. При этом необходимо отметить, что религиозные ценности и представления могут оказывать различное воздействие на динамику конфликта, как содействовать эскалации, так и деэскалации конфликта. Поэтому включение религиозных акторов в посреднические процессы предполагает учет не только их конфессиональной принадлежности, но и конкретного социального контекста, характера их отношений с конфликтующими сторонами и степени воспринимаемой нейтральности.

Особое значение в данном контексте приобретает деятельность Организации Объединенных Наций. В рамках системы ООН религия и посредничество рассматриваются как отдельное направление деятельности, а Группа поддержки посредничества (Mediation Support Unit, MSU) Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства выступает общеорганизационным центром экспертной и операционной поддержки посреднических процессов, группа также содействует развитию профессиональных компетенций посредников, подготовке методических материалов и взаимодействию с негосударственными партнерами.

Примером институционализации взаимодействия является сотрудничество ООН с Сетью религиозных и традиционных миротворцев

(Network for Religious and Traditional Peacemakers), созданной в 2013 году. Сеть содействует развитию потенциала местных миротворцев и поддержке их сообществ в процессах международного посредничества. Религиозные и традиционные посредники используют ценности, представления и практики веры и традиции как ресурс посреднической деятельности. Миротворческое посредничество охватывает весь структурированный процесс поддержки переговоров: от установления первоначального контакта между посредниками и сторонами конфликта до переговоров о прекращении огня и реализации мирных соглашений, то есть посредничество представляет собой инструмент, который может применяться на всех этапах конфликта.

Данное направление развивается: так, в 2024 году ООН совместно с партнерами и Сетью религиозных и традиционных миротворцев реализовала курс по религии и медиации, направленный на учет религиозных и иных мировоззренческих представлений в миротворческих и посреднических процессах. В 2026 году Сеть представила стратегию на 2026–2030 годы, предусматривающую развитие адаптивных и инклюзивных подходов к миротворчеству и посредничеству с учетом конкретного контекста.

Опыт ООН демонстрирует возможность использования морального авторитета религиозных акторов в качестве ресурса международного посредничества. Вместе с тем эффективность такого ресурса определяется конкретным контекстом конфликта, уровнем доверия к религиозному актору, его способностью поддерживать диалог между различными группами и возможностью сочетать локальную легитимность с принципами инклюзивного и профессионального посредничества.

Кузнецова Арина Игоревна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Мораль и вера в эпоху слома: религия как нравственный компас в мемуарах Паулины Венгеровой

Эпоха перемен нередко становится причиной слома принципов и нарушением «нравственного компаса» человека, ставшего невольным участником тех или иных исторических событий. Это наблюдение в полной мере применимо к положению российского еврейства во второй половине XIX века, когда еврейское Просвещение — Гаскала, урбанизация и поиск способов преодоления черты оседлости вели к вольному или невольному отречению от традиционной идентичности. Мемуары

Паулины Венгеровой, единственные предназначенные для публикации еврейские женские мемуары XIX века, позволяют увидеть этот процесс «изнутри» — через опыт женщины, для которой религия была неотделима от нравственности, а отказ от традиционного уклада обернулся глубокой моральной травмой. Венгерова пишет не просто как свидетельница эпохи, а как носитель определённой этической позиции, формирующейся в ситуации распада традиционного мира. Для Венгеровой иудейская традиция была целостной системой нравственных координат, которой придерживались ее предки от глубокой древности и которая задавала порядок отношений человека с Богом, с семьёй и с общиной. В этом традиционном мире не существовало «нейтральных» поступков: любое действие либо приближало человека к завету, либо отдаляло от него. Именно поэтому утрата традиционного уклада означала для Венгеровой не смену бытовых привычек, а утрату самого языка, на котором можно было говорить о морали.

Особенно важно, что носительницей этого нравственного порядка Венгерова считает прежде всего женщину. В её рассказе именно женщины, «каждой клеточкой своего существа привязанные к патриархальной традиции», сохраняют верность традиции, тогда как мужчины в эпоху Гаскалы «безрассудно отбрасывают» её и принуждают жён следовать за собой. Женщина, лишённая возможности передавать детям религиозный опыт, теряет не только привычный образ жизни, но и свою роль нравственного авторитета в семье. Это делает мемуары Венгеровой одним из первых текстов, где модернизация описана как конфликт, в котором женский опыт оказывается определяющим. Конкретным выражением этого конфликта становится отказ от соблюдения кашрута, который Венгерова называет «опасной операцией». Это событие, воспринимаемое окружающими как нейтральный шаг на пути к ассимиляции, для автора становится моральной травмой с чувством измены собственной традиционной сути, виной перед родителями, «великой печалью» о разрушенном нравственном мире. Религия для Венгеровой была встроена в сеть этических обязательств перед конкретными людьми — отцом и матерью, мужем, детьми, — и её утрата переживалась как разрыв этих связей. Показательно, что сама она описывает этот эпизод не как освобождение, а как потерю, так как традиция, от которой она отказывается, остаётся для неё нравственным эталоном, по которому она продолжает мерить собственную жизнь.

Трагическим следствием этого разрыва становится крещение детей, которое Венгерова называет «самым тяжёлым ударом» своей жизни. В её рассказе крещение сыновей предстаёт как неизбежный результат того, что дети, лишённые «осмысленного еврейского образования и опыта», не имели причин жертвовать мирскими амбициями ради тради-

ции, которую не «прожили». В этом и заключается кульминация моральной трагедии Венгеровой — она становится свидетельницей того, как утрата передаётся следующему поколению.

Опыт Венгеровой показывает, что нравственный компас не исчезает вместе с породившими его практиками. Он продолжает действовать как эталон, по которому человек измеряет собственную жизнь даже тогда, когда уже не может ей следовать. Расставание с традиционным укладом не сделало Венгерову безразличной к добру и злу, она напротив острее и болезненнее воспринимала это различение. Крещение детей стало для неё не абстрактной утратой, а личным поражением, переданное ей самой не нашло продолжения. И всё же именно в этом поражении она остаётся верна тому, что потеряла, сама способность переживать утрату как моральную травму говорит о том, что компас продолжает работать.

Кукоев Дмитрий Алексеевич
обучающийся магистратуры
НИУ «Высшая школа экономики»

Киническая триада в инструментарии прикладной этики

Цель настоящего доклада — предложить теоретическую рамку и инструмент для применения учения древних киников в современной прикладной этике. Для этого предлагается модель «кинической триады», сформированная на основе анализа древних свидетельств об учении киников «первого поколения», которое определяется как связка «Антисфен — Диоген Синопский». Предполагается, что Антисфен и Диоген заложили фундамент кинизма, актуальный для всей последующей традиции как ее «продуктивное ядро», посредством взаимодействия элементов которого выводятся более «периферийные» кинические концепции и идеи.

Под «кинической триадой» понимается взаимодействие трех основных элементов:

1. Автаркия (αὐτάρκεια), то есть состояние субъекта, достигаемое посредством последовательных внутренних преобразований с целью «оголения» своей природной (добродетельной) сущности, подразумевающее добровольный отказ от всяких ненеобходимых в силу природных причин потребностей. Достижение автаркии желанно в рамках кинического учения, поскольку такое состояние позволяет субъекту поступать добродетельно вне зависимости от влияний внешней среды. Добродетельные поступки — единственное необходимое условие счастья в кинической философии.

2. Аскетические практики (ἄσκησις) как единственный действенный инструмент достижения состояния автаркии. Кинические аскетические практики являются следствием развития сократической доктрины. Если сократическая теория полагала добродетель знанием, то Антисфен переносит акцент на сферу практического, объявляя, что «добродетель заключается в делах». Для обеспечения же добродетельного выбора требуется нравственная «Сократова сила» (ἰσχύς), которая позволяет сопротивляться внешнему влиянию. Эта «сила» требует выработки путем трудов/страданий (πόνοι), которые сами по себе объявляются «благом» (τὸ ἀγαθόν).
3. Антиномизм, под которым понимается общая этическая установка кинизма, подразумевающая радикальное принятие стороны φύσις в рамках оппозиции φύσις и νόμος. Антиномизм, таким образом, — это отрицание всякой социальной условности в пользу природного состояния человека.

В докладе демонстрируется, как из взаимодействия элементов кинической триады развертываются древние кинические концепции космополитизма (принадлежности к «мировому городу» в противовес условной человеческой общности), парресии (παρρησία; свободная речь) и киника-царя (βασιλεύς; мудрец-аскет как единственный подлинный суверен в противовес традиционным фигурам власти).

В ходе доклада выдвигается тезис о том, что подобное продуктивное использование кинической триады для формирования новых концепций в рамках практической этики возможно и в современности. Модель кинической триады дает действенный инструмент для актуализации кинической этики сегодня, к чему призывали такие философ, как П. Слотердайк, Л. Навиа и Х. Смолл, а также некоторые либертарные движения XX века.

Кустикова Екатерина Андреевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Мораль после времени: нарратологический анализ этического измерения в романе И. Масодова «Мрак твоих глаз»

В работе исследуется темпоральная структура романа И. Масодова «Мрак твоих глаз». Цель — показать, как нарушение хронологии лишают смерть событийного статуса и рассмотреть, как это влияет на возмож-

ность морального суждения. Методологическую основу составляют нарратология Ж. Женетта и философия Ж. Деррида.

Илья Масодов — «последний советский писатель», появившийся из ниоткуда и внезапно исчезнувший. Его произведение «Мрак твоих глаз» — это цикл повестей, объединенных фигурой девочки Сони. В мире, где смерть обратима, а время застыло, она ищет Ленина, сталкиваясь с ожившими мертвецами, партизанами и вампирами. Насилие здесь рутинно, а советское прошлое не отпускает настоящее.

Для анализа обратимся к Женетту и рассмотрим порядок, длительность, повторяемость и модальность.

Пролепсис («опережающий рассказ о позднейшем событии») показывает, что будущее уже дано. Пример: Соня говорит старику: «Не Бог вашу старуху съест, а старуха ваша вас съест, когда умрёт». Это сбывается буквально. Пролепсис не предвосхищает будущее — он подтверждает, что оно уже содержится в прошлом. Аналепсис («упоминание задним числом о предшествующем») показывает, что прошлое сливается с настоящим. В главе «Партизаны» отряд погиб в 1941-м, но через семь месяцев выбрался из могилы и продолжил воевать, не зная, что война кончилась. Прошлое не вспоминается, а длится, аналепсис здесь — способ существования. Пролепсис и аналепсис сходятся: будущее обещано, прошлое не прошло, остаётся застывшее настоящее.

У Масодова эллипсис (пропуск в повествовании) не акцентирует внимание на смерти. Главную героиню убивают строители: «Строители зарывают Соню с левой стороны здания», а затем повествование возобновляется, пропуская момент воскрешения: «Соня выбирается из песочной ямы и моет лицо в луже». Создается ощущение, что между жизнью и смертью нет перехода. Смерть не выделена ни паузой, ни реакцией, ни указанием на то, что произошло нечто важное, она просто выпадает из времени. Именно поэтому убийство перестает восприниматься как событие, имеющее последствия.

У Масодова смерть и воскресение даны как итератив — Соня, партизаны, Наташа умирают и воскресают снова и снова, так что каждая смерть оказывается не уникальным событием, а лишь случаем, который ничего не меняет.

Модальность у Масодова тяготеет к диегесису: события сообщаются, а не показываются. Смерть просто констатируется, без каких-либо суждений, превращаясь в простую информацию.

Из-за такой структуры времени насилие перестает быть событием, имеющим последствия. И здесь возникает вопрос: возможна ли мораль в таком мире? Если нарратология Женетта позволяет описать, как устроена эта структура, то хонтология Деррида объясняет, почему она

имеет этическое значение. У Деррида призрак — это не дух, который можно переработать и похоронить, и не мертвое, которое просто отсутствует. Призрак — это то, что не присутствует и не отсутствует, что нарушает границу между живым и мёртвым и продолжает действовать вне времени. У Масодова прошлое — Бог, Ленин, комсомол, партизаны — это именно призраки. Они мертвы, но продолжают действовать. Справедливость становится не изгнанием призраков, а согласием с тем, что их нельзя изгнать навсегда.

Рассмотрев темпоральную структуру работы Масодова, можно сказать, что она разрушает условия, при которых моральные суждения вообще становятся возможными. Моральный суд предполагает возможность изменения: можно осудить поступок, если мир способен стать иным. Но если время застыло, если будущее уже дано, а прошлое не прошло, то судить некого и не за что. Этот текст актуализирует проблему возможности морали в отсутствии будущего как такового.

Лаврентьева Софья Всеволодовна
младший научный сотрудник
Институт философии РАН

Между теорией и практикой: эвристическая функция принципов в биоэтике

Исторически сложившаяся в рамках биоэтики и получившая оформление в работах Т. Бичампа и Дж. Чилдресса схема четырех принципов (принцип благодеяния, принцип «не навреди», принцип справедливости, принцип уважения автономии) расширила возможности участия заинтересованных лиц и медицинских специалистов в обсуждении и решении этических затруднений, возникающих в клинической практике. Принципализм позволяет структурировать моральное суждение относительно конкретного случая, предоставляя этически нагруженный и при этом доступный многим язык. Не будучи строго выведенными из одной или нескольких этических теорий, принципы характеризуются в биоэтической литературе как «нормы среднего уровня», а также рассматриваются как один из элементов процедуры «рефлексивного равновесия». Это позволяет применять принципалистскую схему к конкретной ситуации посредством спецификации, а в случае конфликта принципов — задавать ориентиры моральному суждению посредством различных способов балансировки.

При этом заданная принципализмом возможность не обращаться к конкретной теоретической традиции вызывала сомнения в его эффективности и становилась предметом критики. С. Холм отмечает, что от-

сутствие теоретической нагруженности может привести к постоянному обращению к «общим интуициям», причем остается не вполне ясным, на каком основании следует отдавать предпочтение одним интуитивным суждениям перед другими. К.Д. Клоузер и Б. Герт отмечают, что в отсутствие единой теоретической системы применение принципов может свестись к формальному использованию соответствующего чек-листа, не обогащая рассуждение этическим содержанием.

Одной из линий разрешения данных затруднений является обращение к принципализму как эвристическому инструменту, который позволяет в условиях сложного этического выбора наметить путь к практическому действию, несмотря на недостаток знаний и временных ресурсов у непосредственных участников (что становится особенно актуальным, если речь идет о этических затруднениях в контексте медицинской практики). Данный тезис может быть обоснован с опорой на концепцию ограниченной рациональности Г. Гигеренцера, описывающего интуитивный моральный выбор в контексте использования быстрых и экономных эвристик. С одной стороны, подобный подход позволяет отойти от вопроса о теоретических основаниях принципализма и сосредоточиться на его возможностях в структурировании морального суждения. С другой стороны, он позволяет указать на ограничения принципализма, не умаляя его возможной практической значимости.

Детализация эвристической функции принципализма может быть подкреплена намеченной Дж. Харрисом линией описания принципов не как «начала или конца» этического рассуждения, а как ориентировочной рамки, способствующей выработке возможного решения. Харрис также использует метафору чек-листа, однако рассматривает подобную функцию скорее как возможное преимущество, указывая прежде всего на способность принципов ориентировать рассуждение, выделив морально значимые аспекты конкретного случая.

Ларионов Игорь Юрьевич
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Теоретические парадоксы в этике риска применения систем искусственного интеллекта

Заявляемый доклад предполагает представить и развить детализированную концепцию этических рисков, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта (ИИ). В последних исследованиях (напр. Fröberg L. AI Risk: Structuring the Debate // AI and Ethics. 6(4), July 2026) был выделен ряд этических принципов, которыми следует руководствоваться при проектировании и обеспечении устойчивым управлением (alignment) ИИ: безопасность, беспристрастность,

инклюзивность, надежность, ответственность, отслеживаемость (traceability) и нек. др. Применение данных категорий в отношении ценностных конфликтов, связанных с ИИ, будут рассмотрены в докладе.

Ключевой вопрос, как будет показано, здесь заключается в том, возникают ли этические риски исключительно вследствие ненадлежащего использования технологий, или же их природа иная. Риск применения ИИ — это не просто вероятность технической ошибки.

Далее, будет показано, что, решение данного этического вопроса требует признания самостоятельного (агентного) статуса процессов машинного обучения, — несмотря на то, что это бросает вызов традиционным философским представлениям о личности (самости) и моральной субъектности (агентности), лежащих в основании большинства подходов современной прикладной этики.

Отдельное внимание в докладе будет уделено парадоксам, которые возникают на теоретическом (философском) уровне исследования данной проблематики:

1. Повышения уровня безопасности системы ИИ может реализовываться как ограничение его активности, автономии, что лишает применение такой системы своей ценности, а также самого отнесения такой системы к «искусственному интеллекту».
2. Использование систем ИИ с устранением риска для человека вызывает опасность того, что система ИИ наделит отдельных людей статусом источника опасности, за чем последует ограничение прав таких людей, несправедливые решения, причинение иных форм вреда.
3. Система ИИ, обучаясь непредвзятости, задействует данные, заранее содержащие исторические формы дискриминации, социальной асимметрии и т.п. Это противоречие напрямую связано с т.н. «парадоксом ценностного выравнивания» — столкновение системы ИИ с объективной множественностью представленных в истории человечества нравственных представлений.
4. Парадокс доверия — для своего автономного и эффективного использования ИИ нуждается в доверии, но оно предполагает отказ от постоянных проверок ИИ, что может увеличить масштаб допущенной ошибки и, тем самым, вред, ею нанесенной.

Следует обратить внимание на то, что эти и другие этические парадоксы, связанные с ИИ, невозможно «снять» выбором интересов стороны социума или ИИ: они возникают из самой структуры отношения человека и технологии.

В завершение в докладе планируется обосновать, что всестороннее истолкование этических рисков в сфере ИИ и построение их адекватной теории должно носить телеологический характер и быть направлено на:

- объяснение возникающих противоречий между различными этическими требованиями, нормами и ценностями, касающимися ИИ;
- разграничение реальных и потенциальных этических рисков, связанных с ИИ;
- разработку методов и процедур предотвращения и минимизации этических рисков, связанных с ИИ.

Левшин Сергей Вячеславович
старший преподаватель
Дальневосточный федеральный университет

Любовь как строгая наука: конституирование бытия-с-другим в феноменологии Э. Гуссерля

В своей классификации психических феноменов Франц Брентано, наряду с представлением и суждением, выделил так называемые «феномены душевной жизни», завязанные на любви и ненависти. В своем знаменитом определении интенциональности, давшем начало феноменологии и впоследствии не раз дословно повторенном ее представителями, он характеризовал психические феномены как содержащие в себе нечто в качестве объекта: «В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, ненависти – ненавидится и т.д.».

Проще говоря, дискурс любви в той или иной степени присутствовал в феноменологии изначально и потому часто становился объектом внимания тех, кто ассоциировал себя с данным подходом: у М. Шелера в «Сущности и формах симпатии» и «Ordo Amoris», в диссертации Э. Штайн «К проблеме вчувствования», не говоря уже об экзистенциалистских версиях феноменологии М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра или «феноменологии Другого» Э. Левинаса.

Прямой ученик Брентано и основатель феноменологии Э. Гуссерль хоть и подарил вышеупомянутым авторам мощный методологический инструментарий для исследования темы любви, сам, как и многие другие философы, по словам Ж. Деррида, «предстает бесполым в своих работах». Не только с точки зрения обычного для философа «самоустранения» — мы вообще редко встретим упоминание о любви на страницах широко известных гуссерлевских текстов.

Здесь возможны два пути для (ре)конструирования взглядов Гуссерля на заданную тему: через анализ содержания менее известных текстов из наследия путем их инкорпорирования в наши базовые представления о гуссерлевской философии и/или через применение чисто

гуссерлевских концептов к теме любви без привлечения экзистенциальной или психоаналитической проблематики.

В своей книге «Феноменология секса, любви и близости» Сузи Феррарелло соединяет оба этих подхода и предлагает строго гуссерлианское прочтение указанных в названии книги феноменов, соответствующих греческому различению чувственной любви (ἔρως), близости (φιλία) и любви жертвенной (ἀγάπη).

Вне зависимости от конкретной формы любовь, как и всякий феномен сознания, включает в себя три основных компонента: пассивный и активный синтезы, а также то, что Феррарелло называет практической интенциональностью. Пассивный синтез включает в себя спонтанный, неосмысленный, допредикативный опыт сознания, лишенного я-субъектности. Активный синтез дополняет этот опыт осознанием себя субъектом познания и действия. Практическая интенциональность, с одной стороны (внутренней), скрепляет оба синтеза, поскольку активное придание смысла пассивно апперцепируемому опыту через суждение уже есть в некотором смысле волевой акт. С другой же, внешней стороны, направляет осознавшего свою активность субъекта к действиям в окружающем мире среди других людей.

Аффективный, пассивный характер любовного чувства, стремления к сосуществованию или помощи ближнему связан с примордиальным характером интерсубъективности, но при этом активное (осознанное) восприятие и воля добавляют в эту пассивность смысл в телеологическом и, соответственно, практическом измерении. В сложной сети интенциональных актов любовь оказывается как следствием предданной интерсубъекивности, так и конституирующим механизмом, обеспечивающим сосуществование субъектов в общем для них мире.

Лисанюк Елена Николаевна
доцент, д.филос.н., ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН

Кризис экспертизы повышает роль аргументации к авторитету

Аргументация к авторитету (АА), или от авторитета, широко распространена в научной и повседневной практике. Кратко ее можно представить так:

Заключение. Видимо, предложение P истинно, потому что

Посылка 1 об авторитете. A — авторитет в области D, к которой принадлежит P.

Посылка 2 о мнении авторитета. А утверждает, что Р истинно.

Посылка 3 об основании. Если А считает Р истинным, то Р истинно, видимо.

АА носит недемонстративный характер, к ней неприменимы формально-логические критерии оценки умозаключений, использование которых в оценке АА по аналогии с демонстративным умозаключением ведет к тому, что АА оказывается ошибкой аргументации «аргумент к скромности» (ad verecundiam), связанной с необоснованным доверием к авторитету.

Примерами АА могут служить цитирование научных, нормативных и иных источников информации, ссылки на мнения влиятельных институтов или авторов, показания свидетелей, а в последнее время — на выдачи поисковых запросов в Интернете и ответы, генерируемые чат-ботами и ЯМБами (LLM). Эти и другие подобные им приемы познавательной деятельности становятся элементами АА в роли Посылки 2 не сами по себе, а лишь когда их используют для защиты или критики точек зрения. Разновидностью АА является аргументация от экспертного мнения (АЭМ), когда в качестве источника мнения выступают эксперты — профессионалы создания нового знания, включая ученых, инженеров или мастеров искусств.

Актуальность задачи выработки критериев и создания процедуры ее оценки, позволяющих отличать ошибочное использование АА от допустимого, продиктована социальными, философскими и теоретико-аргументационными затруднениями. Социальное затруднение состоит в кризисе экспертного знания, который поставил под вопрос доверие к авторитету и эксперту как надежному источнику информации в условиях, когда знание сделалось политической силой, претендующей на принятие социально важных решений. Философское затруднение отразилось в разногласиях по вопросу об авторитетах и экспертах: к ним относятся только непосредственные добытчики нового знания и истины, или также те, кто создает способы реконструкции, хранения и передачи данных с помощью опосредованного доступа через книги, обучение, мнения других людей и т.п.

Суть теоретико-аргументационного затруднения состоит в том, что Посылка 1, чаще имплицитная, носит нетематический характер по отношению к Заключению и спору об истинности Р, так что несогласие с Заключением не обязательно означает непризнание авторитетности А. Назначение Посылки 1 на роль достаточного основания в пользу Заключения рискует превратить спор об истинности Р в соревнование авторитетов, в котором случаи заблуждений или предвзятости экспертов и оказываются доводами не в защиту или против истинности Р, а в пользу

слабой пригодности АА вообще, т.е. против Посылки 3 в роли предмета спора.

В докладе отстаивается идея о том, что подобные затруднения, связывая спорность АА с Посылкой 1, постулирующей авторитетность мнения или экспертного знания, не снижают познавательную роль АА, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, а, наоборот, повышают ее, актуализируя важность разработки критериев и процедуры ее оценки, не связанных эксклюзивно с Посылкой 1. Мы предлагаем их формулировать исходя из особенностей использования правила рассуждения, выраженного Посылкой 3, и связывать с типом диалога (спора), где используют АА, зависящем от особенностей расхождения во мнениях и задач сторон с нем.

Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу РНФ № 26-18-00580.

Лисанюк Елена Николаевна
доцент, д.филос.н., ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН

Логика юридической аргументации: в защиту нормативизма в праве

Доклад посвящен особенностям юридической аргументации и предлагает три довода в защиту современного правового нормативизма, в котором логические средства обоснования правоприменительных решений играют необходимую роль.

Во-первых, на основе разграничения между априористским и антиаприористским способами оценки рассуждений, которые отдают приоритет, соответственно формальным и неформальным методам, показано, что логические критерии оценки юридических рассуждений являются необходимыми, и что логическая корректность и аргументативное обоснование — это взаимодополняющие, а не конкурирующие аспекты правоприменения.

Во-вторых, на примере советского или национал-социалистического права демонстрируется, что критика правового нормативизма, апеллируя к его ограниченному потенциалу устранять юридические коллизии и пробелы, способна уводить внимание от логической структуры к политическим оценкам, а абсолютизация внелогических принципов разрушает автономию права.

В-третьих, предложена модель базовой деонтической логики (DBLL) для формализации правоприменения. Ее основу составляют правила

классической логики высказываний, изучаемые в общем курсе традиционной логики. На примере реконструкции двух недавних судебных дел продемонстрировано применение DBLL, а также двух видов логического квадрата: стандартного логического квадрата аристотелевского типа для устранения коллизии через иерархию норм и логического квадрата неаристотелевского типа для логического моделирования компромиссного решения, балансирующего права сторон без нарушения конституционных норм. Это показывает, что арсенала логики достаточно, чтобы моделировать юридическую аргументацию для разрешения правовых коллизий и поиска компромиссов без идеологического усмотрения. Современные логические методы подходят для моделирования строгого выбора между несовместимыми решениями и поиска консенсуса.

Актуальность исследования продиктована дискуссиями между сторонниками правового нормативизма и его критиками, которые отстаивают приоритет моральных или политических критериев в правоприменении. Исторический и современный опыт предостерегает против подмены логической корректности идеологической лояльностью, рискующей обернуться правовым произволом и непредсказуемостью судебных решений. Опираясь на логику, правовой нормативизм не создает формалистических препятствий для справедливого правоприменения, а требование логической корректности юридической аргументации выступает необходимым инструментом обеспечения последовательности, рациональной контролируемости и институциональной гарантией против политизации права и судебного произвола.

Литвинский Вячеслав Михайлович
доцент, к.филос.н., независимый исследователь

Магия голоса: между принудительностью и соблазном (по мотивам «Одиссеи» Гомера)

В американском фильме «Общество мертвых поэтов» (1989г.), посвященном школе, учитель по литературе Джон Киттинг повторяет своим ученикам: «Цель образования — научить самостоятельно думать», что удается редко, лишь иногда, когда учитель обращается к памяти сердца своего ученика. Преподавателей много, но учитель лишь тот, сказанное кем помнишь всю жизнь, вместе с обстоятельствами, в которых оно прозвучало. Голос учителя живет в памяти сердца. И если это так, то разве сказанное в кино не может действовать подобным же образом, в качестве «киноцитаты»?

Смысловые ресурсы кинематографа особенно важны, когда создатели фильма обращаются к истокам, «исходя из неотложности современности», преодолевая границы нарратива, обращаясь к выразительным ресурсам звучащего голоса (интонация, тембр, ритм и др.), взгляда, жеста. Современный кинематограф продолжает вдохновлять тема античного героизма, древнегреческой дописьменной культуры, дошедшие до нас благодаря Гомеру и творчеству рапсодов, свидетельством чему служит экранизация «Одиссея» Кристофером Ноланом, вышедшая на экраны в этом году. Продолжая ряд «Приключения Одиссея» 1954 г., сериал «Одиссей» 1997, «Трою» 2004, К. Нолан снимает своего «Одиссея» после публикации работы американского психиатра Джонатана Шея «Одиссей в Америке. Боевая травма и испытания возвращения домой» в 2002 году, изданную после его первой работы «Ахилл во Вьетнаме», и посвященную психо — социальным трудностям возвращения домой ветеранов войн США в Корее и Вьетнаме.

Для Дж. Шея «Одиссея» Гомера служит моделью осмысления состояний боевого посттравматического стресса, позволяющей понять клинический опыт работы с ветеранами войны во Вьетнаме. Дж. Шей показывает, что происходящее с Одиссеем на обратном пути домой является антропологической константой происходящего с воинами, возвращающимися домой и в условиях современной войны. Тщательный психологический анализ приключений Одиссея — встреч с циклопом Полифемом, Цирцеей, лотофагами, сиренами, Калипсо и другими мифологическими персонажами — проливает свет на ту высокую цену, которую люди платят за войну, идет ли речь об античном мире или современных Вьетнаме, Израиле и Палестине, Иране, или Украине. При всем многообразии психологических состояний, связанных с посттравматическим стрессовым расстройством Дж. Шей привлекает внимание к своеобразному когнитивному парадоксу принудительно действующих голосов сирен чародеек:

«Кто же нас слышал тот в дом возвращается многое сведав. / Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая /Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян; / Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится». (12, 50 и далее, пер. В. Жуковского).

Чарующей и одновременно гибельной оказывается полнота, исчерпывающая определенность знания, не оставляющая ветерану никакого выхода из его эмоционального тупика. Поиск полной и окончательной истины — это губительное, отравляющее душу занятие, на одном полюсе которого — одержимость травматическими переживаниями, всплывающими вновь и вновь, так и не обретая смысла. На другом — стремление осмыслить пережитое, раз за разом выстраивая его в нарратив,

в связное повествование. Последнее, как свидетельствует Дж. Шей, ветеранам вполне под силу, и они с этим справляются.

Помимо разрушительной власти травматических воспоминаний для ветеранов с боевой травмой типичны: склонность к риску, вспышки агрессии, злоупотребление алкоголем и наркотиками, чувство отчуждения. Для Шея предательство — один из важнейших факторов травмы: если командование или сослуживцы предают солдата (например, посылают на бессмысленную миссию или не защищают его интересы), это разрушает базовое чувство безопасности и доверия, необходимое для выживания в бою.

Путь Одиссея и ветеранов нуждается в психологическом транзите, требующем усилий болезненного процесса перестройки идентичности.

Логоминова Ирина Витальевна
к.б.н., старший научный сотрудник,
заведующий лаборатории морских млекопитающих
Макеева Наталья Владимировна
лаборант
Карадагская научная станция им. Т.И. Вяземского —
природный заповедник РАН

Спасти нельзя оставить: биологический и этический тупик реабилитации черноморских китообразных

Введение. В современной биоэтике концепт «реабилитации» диких млекопитающих часто позиционируется как проявление гуманизма. Однако при дефиците государственного контроля и профильной экспертизы деятельность любительских некоммерческих организаций (НКО) по «спасению» китообразных трансформируется в деструктивный симулякр, маскирующий медийные и коммерческие интересы. Этологическим стержнем данной практики является замещение методов реабилитации элементами искусственного приручения и дрессировки: использование тренерской атрибутики уничтожает природные паттерны поведения (КК РФ, 2021; КК РК, 2025; ACCOBAMS, 2021). Настоящая работа показывает биолого-этический тупик несанкционированного изъятия черноморских дельфинов на примере двух резонансных прецедентов 2024 и 2026 гг. в акватории Крыма, где действия волонтеров привели к биоэтической ятрогении и скрытому сокращению локальных популяций.

Методы. Оценка инцидентов базируется на материалах многолетнего государственного мониторинга китообразных, проводимого Карадагской научной станцией РАН с использованием верифицированных ме-

тодов фотоидентификации и индивидуального акустического анализа. Данный академический подход позволяет картировать сообщества дельфинов и выявлять их уязвимую внутривидовую структуру, полностью игнорируемую любительскими центрами.

Результаты исследования и анализ прецедентов.

1. Антропогенная депривация и принудительная депортация афалины (Tursiops truncatus ponticus). Дикий молодой самец без клинических признаков патологий удерживался около месяца в бассейне дельфинария. Вместо минимизации антропогенного воздействия волонтеры НКО применяли методы незаконной дрессировки и приручения. Особь подверглась инвазивному клеймению бытовой пластиковой пломбой, вызвавшей деформацию спинного плавника и риск сепсиса, что является варварской объективацией живого существа.

Биологическим правонарушением (ст. 8.35 КоАП РФ) стал выпуск дельфина в среду обитания на удалении 123 км от места его изъятия. Выпуск одиночного полуторагодовалого подростка в чужую акваторию к доминантным самцам другого сообщества обрек его на социальную изоляцию и агрессию, приведя к необратимому изъятию уникальной особи из родного сообщества.

2. Биомедицинский крах удержания пелагических белобочек (Delphinus delphis ponticus). Второй инцидент демонстрирует игнорирование мировой ветеринарной практики, признающей содержание сугубо пелагических белобочек в неволе губительным (смертность новорожденных — 100%). Абсолютно упитанная взрослая самка без маркеров терминальной стадии и ее подсосный детеныш (до 3 месяцев, с эмбриональными складками) были намеренно изолированы в сетевом загоне. Жесткая фиксация руками и отлов вызвали у животных тяжелую стрессовую миопатию (шок), подавляемую седативными препаратами.

Кульминацией некомпетентности стало принудительное кормление кусками мертвой рыбы подсосного сеголетка. Анатомически желудок 3-месячного дельфина не имеет ферментов для расщепления денатурированного белка. Взрослая самка (мать) погибла в процессе агрессивного «лечения», повлекшего некроз ЖКТ, включая переливание крови от ранее инфицированного донора.

Заключение. Рассмотренные прецеденты обнажают глубокий этический подлог. Сегодня указанная практика НКО носит системный характер: зафиксированы десятки случаев, когда вместо гуманного дистанционного наблюдения происходит искусственное продление предсмертной агонии угасающих животных. Инструментализация и коммер-

ческая эксплуатация умирания диких млекопитающих цинично используются как триггер для генерации медийных инфоповодов и сбора денежных средств.

Формальные ответы надзорных органов создают прецедент институциональной безнаказанности. Реабилитация дельфинов силами лиц без профильного биологического образования и одобренных РАН научных программ должна быть признана этически недопустимой. Пространство биоэтического выбора в формуле «спасти нельзя оставить» обязано регулироваться исключительно строгим невмешательством при кратковременной дезориентации китообразных и академическим контролем.

Макакенко Яна Александровна
к.филос.н., доцент
Уральский федеральный университет

Ускользающий абсолют: смерть, контингентность и возможность этики

Артур Шопенгауэр в своей работе «Две основные проблемы этики» утверждает, что все прежние попытки обоснования этики оказываются глубоко провальными, оставаясь на уровне произвольно высказанных философских гипотез и допущений, поскольку апеллируют к абстрактному основанию. Критические интуиции Шопенгауэра, безусловно, справедливы, хотя он сам не находит адекватного принципа, опора на который привела бы к разрешению по крайней мере некоторых проблем внутри этики.

Принцип тождества и принцип достаточного основания имеют устойчивые ассоциации с философией Лейбница, однако в плане их применения разворачиваются в более широкие контексты, выступая в качестве парадигматических принципов для западной этики.

В моральном контексте принцип тождества показывает «что» есть основание морали, и базируется на положении, что существует некоторое самотождественное свойство, создающее возможность для универсализации любого морального вывода. Принцип достаточного основания отвечает на вопрос «почему» из основания следует норма. Он утверждает: норма не просто желательна, а с необходимостью вытекает из основания. Очевидно, что эти принципы органически связаны: принцип достаточного основания в этическом контексте означает: каждое моральное требование должно иметь основание, из которого оно с необходимостью вытекает. Норма не просто желательна, она обосно-

вана: есть причина, по которой она именно такова, а моральный агент, «знающий» основание, может с необходимостью вывести из него норму и применить её к действию.

В продолжение этого рассуждения можно предположить, что моральные теории, апеллирующие к принципу достаточного основания, работают по схеме, продвигаясь от основания к норме, от нормы к действию и от действия к его оценке. При этом каждое звено вытекает из предыдущего с необходимостью. Очевидно, что такие базовые моральные феномены, как ответственность, справедливость, свобода воли и проч., в таком положении дел будут всегда возникать post factum моральной оценки действия, а значит и субъекта действия. Эта схема кажется настолько естественной, что её вряд ли можно подвергнуть сомнению: очевидно, что основание предшествует норме, норма предшествует моральному феномену. Вместе с тем, ее можно подвергнуть сомнению, поскольку сами моральные феномены достаточно проблематичны, когда они возникают в общем жизненном контексте, и не могут пониматься однозначно.

В такой перспективе реальной альтернативой к парадигме достаточного основания будет контингентное основание: отказ от поиска внешнего достаточного основания и признание фактичности как ускользающего абсолюта, данного в опыте бессилия мышления. Логосом контингентности становится принцип недостаточного основания: необходимо, чтобы существовало нечто, а не ничто, именно потому, что существование не детерминировано заранее.

Почему в данном контексте такой феномен человеческого бытия, как смерть становится центральным? Потому что всякая этика, начинающаяся с «моей» перспективы, обречена на рекурсивное замыкание в основании. Все подобные варианты этик строятся «сверху»: от субъекта к норме. Смерть обрывает эту цепочку: она показывает, что центр, из которого может быть выстроена этика, не «Я», а «Другой».

Этическое измерение здесь может быть развернуто в двух линиях. Во-первых, поскольку моя смерть никогда не дана мне как феномен, этика возникает из отношения к смерти Другого (в согласии с позицией Левинаса, где уязвимость и смертность «лица Другого» порождают бесконечную ответственность, предшествующую сознанию и выбору). Во-вторых, фактичность как ускользающий абсолют означает, что моральные нормы не выводятся из трансцендентного закона, а возникают из самой ситуации совместного бытия без гарантии (что структурно изоморфно проблеме моральной удачи у Нагеля и Уильямса, где ответственность не детерминирована принципом контроля, а формируется в контингентном стечении обстоятельств).

Макаров Андрей Иванович
доцент, д.филос.н., профессор
Государственный академический университет гуманитарных наук

Феномен социального признания в свете хронотопного анализа и теории поколений

1. Постановка проблемы: признание как условие субъектности в ситуации её энтропии в современной культуре

Признание в этическом аспекте — это акт, посредством которого человек утверждается как субъект, а не как объект. В правовом измерении признание выступает как процесс наделения индивида правами и обязанностями, позволяющими ему обрести и поддерживать свою целостность и автономность в качестве коллективного существа.

Признание — базовая потребность человеческого существа, требующая своего удовлетворения в разных формах. Эти формы признания коррелируют с тремя базовыми сферами человеческого бытия — публичным, приватным и интимным социальными пространствами жизненного мира индивида. Индивид не существует и не может существовать вне общественных отношений, на что указывает термин «индивид». Термин «индивид» принципиально отличен от термина «дивид». Концепцию дивида активно разрабатывали Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Дивид (viduum) — это не просто отдельный человек, но человек, взятый в его выключенности из социума и превращенный в объект для контролирующих машин в качестве набора социальных ролей и функций. Индивид (individuum) же — это человек как отдельный представитель вида Homo sapiens, то есть часть, включенная в целое. Для человека таким целым является поле социальных связей, которое структурируется в том числе правовыми отношениями и этическими нормами. И самое главное, что индивид — это особь, стремящаяся к субъектности, а значит к признанию.

Отказ в признании = объективация = этическое насилие.

2. Хронотопный анализ показывает, что представители трех поколений (X,Y,Z) стремятся получить базовый уровень признания в трех разных сферах

Авторская концепция хронотопного анализа, стоит на выделении разных форм общественных отношений в трёх фундаментальных для жизни индивида и общества пространствах:

Публичное — это коммуникативное пространство, где основными акторами являются статусы как формально-юридические роли, превалирует деловой стиль общения. Здесь специализируются X.

Приватное — это коммуникативное пространство, где основными акторами являются неформальные статусы, роли, маски, разговорный стиль, сленг. Здесь специализируются Z.

Интимное — это коммуникативное пространство, где основными акторами являются личности, тела, флирт, тактильность. Здесь специализируются Y.

3. Распределение условий признания в публичной и приватной сферах

Такое распределение выглядит следующим образом: в приватной сфере признание дается через диалог, эмоциональную связь, речь живого Другого; в публичной — через институты, нормы, язык.

Признание поколения в этическом смысле — это признание его особой адаптивной модели, а не оценка её «правильности» с позиции старших.

4. Признание и ценности: дефицитарная теория

Ценно то, что в дефиците. Для X ценность — ресурсы и эффективность (они в дефиците). Для Y ценность — свобода (они её добивались). Для Z свобода не является ценностью, потому что она уже достигнута. Отсюда — ценность ненасилия и дружбы. У Z нет образа врага: чужой не игнорируется, а просто покидается пространство, где он есть.

В публичной сфере сегодня Z отказывают в признании, объективируя их через запреты, пропаганду и токсичную коммуникацию. Приватная сфера (семья) имеет потенциал признания, но требует от старших готовности слушать и меняться.

5. Этический выводы:

№ 1: существует этическая асимметрия: старшие должны первыми «попуститься», потому что у них ресурс и власть. Признание Z невозможно через навязывание ценностей X и Y. Нужно признать их ценностную систему, что не исключает её корректировку через убеждение и организацию условий ресоциализации.

№ 2: Этика признания — условие справедливого общества. Признание — это не толерантное безразличие, а утверждение субъектности другого. Справедливое общество — это общество, где признание не зависит от соответствия чужой ценностной системе. Необходим диалог поколений, что предполагает не стирание различий, а баланс между «замолчать и послушать» (X) и «заговорить» (Z).

Макарова Александра Александровна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Открытие нечеловеческого Другого в ксенопоэтике: кто говорит, когда говорит нечеловеческое?

Ксенопоэтика — молодая семиотическая и философская концепция, переопределяющая отношения автора, читателя и текста. Она отказывается от антропоцентризма и постулирует подход к творчеству, не ориентированный на человека, открывая возможность для нечеловеческих существ, машин и экосистем как участников литературного процесса. Термин отсылает к греческому ξένος — «чужой, чужеземный», где чуждость выступает не как художественный метод, а как способ расширения границы творческого процесса. Ксенопоэтика не стремится исключить человека из литературы. Она утверждает иное: человек должен перестать быть неоспоримым трансцендентным условием, благодаря которому литература определяется заранее.

Однако такой подход рождает центральный этический вопрос: может ли литература как антропогенный продукт не быть антропоцентричной? Не является ли ксенопоэтический метод проекцией наших эстетических предубеждений на нечеловеческие системы? Если человек — единственный, кто говорит, то не говорит ли он вновь только о себе, даже когда пытается говорить о нечеловеческом? Этот вопрос не снимается простым расширением круга участников литературного процесса. Он требует прояснения того, кто именно говорит, когда говорит нечеловеческое, и что означает само это «говорит» применительно к системам, не обладающим сознанием.

Ксенопоэтика открывает Другого в нескольких взаимосвязанных смыслах. Во-первых, Другой перестает быть только человеком. Традиционная этическая модель, включая левинасовскую традицию, мыслит Другого как другого человека — того, кто обладает лицом, речью, способностью к ответу и моральному требованию. Ксенопоэтика расширяет круг Других, включая в него существ без нервной системы, алгоритмы, экосистемы, технические среды.

Во-вторых, Другой перестает быть внешним по отношению к тексту. В классической модели Другой — это тот, к кому обращен текст, или тот, кто его читает. Ксенопоэтика растворяет это различие: автор, читатель и текст оказываются позициями внутри одной конфигурации, а не отдельными сущностями. Формула $X + E \rightarrow R$, где X обозначает ксенопоэтическую конфигурацию, E — среду литературной встречи, а R — рецептивную способность, трансформированную через литературный контакт,

описывает эту взаимную порождаемость. Другой здесь — не тот, кто находится по ту сторону текста, а тот, кто возникает вместе с текстом в акте нечеловеческой рецепции.

В-третьих, Другой перестает быть объектом репрезентации. Ксенопоэтика не стремится говорить за нечеловеческое. Задача ксенопоэта не изобретать нечеловеческое, а работать с тем, что нас открепляет. Это означает отказ от присвоения Другого через знание и познаваемость. Отказ от знания и познаваемости — основополагающее условие ксенопоэтического творчества. Другой открывается не тогда, когда мы его познаем, а тогда, когда мы признаем его непознаваемость и позволяем ей трансформировать наше собственное восприятие.

В-четвертых, Другой открывается как экологический соучастник. Литература провозглашается экологией: взаимодействием организмов и знаков между собой и средой. Язык в этом контексте выращивается, а не сочиняется, напоминая органическое становление, которое не ограничивается последней точкой в тексте. Это наследует идеи акторно-сетевой теории о неоспоримой связанности всех объектов: никакая вещь сама по себе не может быть сводима или несводима к другой. Другой открывается как то, что всегда уже включено в конфигурацию, а не противостоит ей извне.

Таким образом, ксенопоэтика открывает Другого как нечеловеческого, не внешнего, не репрезентируемого и не отделимого от среды. Но именно здесь обнаруживается трудность: ответственным за встречу с Другим остается только человек, тогда как сам Другой перестает быть только человеком. Вопрос «кто говорит, когда говорит нечеловеческое?» не получает окончательного ответа. Он фиксирует предел человеческого познания, рекурсивно обращенного на самого себя, и одновременно указывает на возможность принципиально нового способа взаимодействия с миром — способа, в котором человек делает шаги навстречу нечеловеческому, не присваивая его и не говоря за него.

Макарова Надежда Павловна
обучающаяся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические риски мобильных технологий: практики самонаблюдения

Современный французский мыслитель Э. Саден, определяя актуальную действительность как «пиксельную — или призрачную — жизнь», обращает внимание на зависимость современников от экранов и тех-

нологий, которую сопровождают «добровольная беспомощность», итог передачи ответственности за собственный «проект жизни», и «нежизнеспособная субъективность», отказ человека от себя, усталость быть самим собой. «Технологиям себя» (М. Фуко), техникам самостоятельного, автономного преобразования индивидом самого себя и достижения счастья, совершенства, в цифровом пространстве ныне соответствуют «технологии самоотмены» (Э. Саден) при видимом, внушенном, чувстве самодостаточности. Технологии непрерывно сопровождают человека в повседневности, обеспечивая автоматический сбор данных субъектом о самом себе, осуществляя картографирование незначительных отклонений и тем самым конструируя представления о допустимом. В настоящее время системы искусственного интеллекта предлагают широкий ассортимент инструментов заботы о благополучии и здоровье пользователя: самодиагностика, самолечение, диетический режим и др. Однако наиболее репрезентативными и широко распространенными оказываются механизмы самонаблюдения, самоотслеживания (селфтрекинга) «носимых» устройств и мобильных телефонов, сопутствующих человеку денно и нощно. В частности, мобильные приложения многообразны: обеспечивают спокойствие и расслабление в состояниях бодрствования и сна (программы по обретению осознанности непрестанно отслеживают дыхание, фазы сна и т.п.), хранят дневниковые записи («обучают благодарности» трекеры чувств и эмоций) и предлагают специальные терапевтические практики.

Вследствие этого актуализируется вопрос чрезмерного и предзаданного доверия мобильным устройствам, которые оцениваются в качестве надежных, полезных, предсказуемых технических объектов и компетентных, достоверных систем наблюдения. Этические последствия развития мобильных технологий могут быть также отнесены к проблеме трансформации и стирания границ приватного и публичного, обеспечения анонимности и автономности взаимодействия, требований безопасности и конфиденциальности пользовательских данных.

Таким образом, подручные мобильные технологии, являя собой противоречивую тенденцию общественного развития, способствуют преобразованию системы субъективных взглядов, оказывают влияние на социальный и психический комплекс. Разнообразные мобильные приложения, многочисленные «носимые» устройства структурируют жизненный мир и человеческое сознание, обеспечивая «роботизированный мониторинг течения жизни» и предельно индивидуализируя поведение.

Маковецкая Мария Владимировна
к.филос.н., доцент
СПбГУВМ

О деторождении как о категорическом императиве

В исходном онтологическом обосновании дальнейших аргументов мы будем исходить из следующего утверждения: ценность существования самого по себе, вне отношения к субъекту, его опыту переживаний (Платон, патристическая философия, русская религиозная философия, Н. Гартман и т.д.). Если исходить из этой позиции как аксиоматической, то любая критика в духе антинатализма оказывается нерелевантной.

Постараемся ответить на вопрос, может ли деторождение рассматриваться как категорический императив в этике Канта? Переформулируем вопрос для создания доказательства от противного: может ли отказ от деторождения быть всеобщей максимой? Добавим обобщенный контекст: ситуация выбора поступка, требующего ответа на категорический императив, возникает при наличии взаимоисключающих альтернатив. Может ли субъект принимать решение о том, чтобы не заводить детей, не нарушая возникающее при этом формальное требование категорического императива?

Сам Кант непосредственно не рассматривал данный вопрос. Ближайшей темой было рассмотрение вопроса о самоубийстве. В работе Л.Ф. Миллера «Кантианские подходы к репродукции человека» автор статьи приходит к выводу о том, что максима «не иметь детей» не противоречит категорическому императиву, так как последствия данного выбора в будущем не могут иметь значение в структуре деонтологических аргументов. Универсализация максимы о неразмножении не является логическим противоречием и не уничтожает субъектность того, кто принимает решение, как в случае самоубийства. Сам аргумент Миллера является контраргументом для рассуждений О'Нилл, которая говорила о последствиях отказа от деторождения как о том случае, когда максима не может быть мыслима как всеобщий закон природы, если её универсализация разрушает условия собственной возможности (отсутствие людей в будущем).

Добавим собственные рассуждения по этому поводу. Если максима будет звучать: «никто не должен обзаводиться детьми», то речь идёт не о последующих после вопрошающего неродившихся поколениях, а обо всех когда-либо существовавших людях из прошлого и будущего. А поскольку каждый человек рождён, то реализация максимы в абсолютном значении приводит к несуществованию людей и отсутствию субъекта категорического императива. Здесь правда вспоминаются Адам и Ева

как нерождённые, но если брать христианский, а не кантианский дискурс, то Адаму и Еве достаточно заповеди, и для них заповедь важнее, чем сформулированный кантом категорический императив. А в кантианском дискурсивном пространстве появление людей иначе как через рождение не рассматривается.

Есть ещё один критерий, по которому в практической повседневной жизни можно узнать, имеете ли вы дело с категорическим императивом. А именно, если его явно оттеняет гипотетический императив как весьма соблазнительная альтернатива. В случае выбора между деторождением и отказом от него последняя альтернатива явно обозначается как гипотетическая, поскольку аргументация «отказывающихся» чаще всего использует этику консеквенциализма. «Если выбрать рождение, то: мне будет хуже, ребёнок будет страдать, экология ухудшится... и т.п.». Иначе говоря, имплицитным сообщением передается следующее: «пусть другие берут на себя риск и ответственность, хотя я прекрасно понимаю, что детей нужно рожать, и что без этого не станет человечества, его вообще бы не было, и меня, всё это понимающего, не было бы». Таким образом, это типичнейший пример категорического императива с гипотетической альтернативой эгоистического выбора эмпирической воли.

Таким образом, максима «никто не должен производить потомства», взятая как закон природы, уничтожает субъекта морального закона и тем самым — сам моральный закон.

Максимов Артём Александрович
курсант
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Командир как нравственный авторитет: роль личного примера в воспитании военнослужащих

В системе военного образования и воспитания особое значение имеет личность командира. От его профессиональных и человеческих качеств во многом зависит не только уровень дисциплины в подразделении, но и отношение военнослужащих к воинскому долгу, службе и предъявляемым к ним требованиям. Командир ежедневно находится в ситуации, когда его поступки воспринимаются подчинёнными не менее внимательно, чем его слова. Именно поэтому настоящий авторитет командира формируется прежде всего через личный пример.

Авторитет невозможно установить только должностью или закрепить приказом. Формальные полномочия позволяют командиру ставить задачи и требовать их выполнения, однако уважение подчинённых возни-

кает благодаря последовательности его действий, справедливому отношению к людям, ответственности за принятые решения и готовности самому соблюдать те требования, которые предъявляются военнослужащим. Если командир требует дисциплинированности, но сам пренебрегает установленными правилами, его воспитательное воздействие неизбежно ослабевает. Напротив, требовательность к себе делает требования к подчинённым понятными и справедливыми.

Особое значение личный пример приобретает в процессе нравственного воспитания. Нравственные качества военнослужащего невозможно сформировать исключительно посредством бесед, лекций и воспитательных мероприятий. Честь, ответственность, товарищество, уважение к сослуживцам, выдержка и способность отвечать за свои поступки проявляются прежде всего в конкретных жизненных ситуациях. Командир, который сохраняет самообладание в сложных обстоятельствах, признаёт собственные ошибки, не перекладывает ответственность на подчинённых и объективно оценивает результаты работы, фактически демонстрирует модель поведения, которую военнослужащие могут перенимать.

Не менее важна справедливость командира. Для военнослужащего имеет значение не только содержание принятого решения, но и понимание причин, по которым оно было принято. Одинаковый подход к подчинённым, отсутствие необоснованного предпочтения отдельных военнослужащих, способность выслушать человека и дать объективную оценку его поступкам укрепляют доверие к командиру. В такой обстановке требовательность перестаёт восприниматься исключительно как давление и становится частью общей ответственности за выполнение поставленных задач.

Важным ресурсом воспитательного потенциала высшего военного образования является профессиональный опыт преподавательского состава, в том числе опыт выполнения служебных задач в боевых условиях. Практическая составляющая подготовки позволяет соотносить теоретические положения с реальными ситуациями военной службы, раскрывая курсантам не только содержание профессиональных требований, но и степень ответственности, которая с ними связана. Передача такого опыта способствует формированию у будущих офицеров более осознанного отношения к воинскому долгу, дисциплине и принятию решений. При этом профессиональный авторитет преподавателя формируется не исключительно его должностью или объёмом теоретических знаний, а подтверждённой компетентностью, практическим опытом и способностью аргументированно демонстрировать применение знаний в реальных условиях. В этом смысле сочетание теоретической

подготовки и практического опыта выступает значимым условием профессионального и нравственного становления будущего офицера.

Таким образом, нравственный авторитет командира складывается из профессиональной компетентности, справедливости, требовательности к себе, ответственности и уважительного отношения к подчинённым. Личный пример позволяет превратить формальные требования во внутренние убеждения военнослужащего. Именно поэтому в современных условиях воспитательная роль командира заключается не только в контроле и постановке задач, но и в постоянной демонстрации тех нравственных качеств, которые он стремится сформировать у своих подчинённых.

Мальцева Дарья Александровна
доцент, к.полит.н., заместитель декана факультета политологии,
доцент кафедры теории и философии политики
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры сравнительной политологии
Стребкова Карина Евгеньевна
стажер-исследователь кафедры сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Миф о нейтральности математических моделей: этико-эпистемологические критерии применения ИИ в стратегическом риск-менеджменте

Внедрение систем на базе искусственного интеллекта в сферу государственного стратегического управления опирается на запрос на повышение объективности прогнозирования рисков и угроз. Доверие к алгоритмам базируется на их вычислительной природе, лишенной человеческой субъективности. При этом ИИ-системы зависят от обучающих выборок, которые наследуют стереотипы, неполноту исходных сведений и институциональные искажения. Этическая угроза здесь носит отложенный характер: по мере углубления цифровизации возникает риск ползучего делегирования ответственности от институтов управления к ИИ-платформам, маскирующим ценностный выбор под математическую нейтральность.

Господство технократической установки подтверждается результатами анализа структуры российского стратегического планирования. Был проведен семантический сетевой анализ двухсот основополагающих нормативно-правовых и стратегических документов за период

2012–2025 годов. На основе этих данных была построена графовая модель из 350 узлов, отражающая структуру стратегических приоритетов и связанных с ними рисков. Анализ выявил выраженную изоляцию отдельных тематических областей. В частности, фактор «Информационно-коммуникационный менеджмент» (17,5% узлов), агрегирующий вопросы цифровой инфраструктуры, цифровизации госуслуг и кибербезопасности, не имеет ни одной значимой связи с фактором «Человеческий капитал» (40,83% узлов), который аккумулирует темы социальной политики, экономики и права.

Сам концепт «искусственный интеллект» занимает весомое положение в модели, однако он замкнут внутри домена научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), где сопряжен преимущественно с задачами технологического суверенитета и экономического развития. Одновременно с этим игнорируются элементы, проблематизирующие этику использования ИИ. Речь идет, например, об отсутствии таких идей, как алгоритмическая справедливость, предвзятость данных или границы применения автоматизированных оценок. ИИ концептуализирован как утилитарный инструмент развития инфраструктуры, а этические риски остаются вне поля внимания.

Таким образом, декларации об этичном использовании технологий сами по себе не способны компенсировать этот структурный разрыв. Для безопасного перехода к модели управления, при которой анализ угроз и моделирование решений распределяются между человеком и ИИ-системами, необходимо обозначить в стратегических документах этико-эпистемологическую рамку, основанную как минимум на трех критериях.

Первый — принцип кросс-доменной проверки. Поскольку модель выявила разрыв между использованием технологий и социальной средой, любая прогностическая ИИ-система для анализа рисков должна проходить независимую оценку междисциплинарной этической комиссией, состоящей из технических и социогуманитарных специалистов, с точки зрения рисков для социальной сферы: от снижения доступности мер поддержки до нарушения правовых норм.

Второй — принцип эпистемологического статуса вероятности. Выводы предиктивных моделей в госуправлении должны нормативно квалифицироваться исключительно как вероятностные гипотезы. Такие оценки не могут служить автоматическим основанием для распределения ресурсов или наложения ограничений: прерогатива принятия решений должна быть закреплена за человеком.

Третий — критерий когнитивного аудита слепых зон. Обязательной процедурой должна стать верификация используемых для обучения ИИ

массивов данных на предмет полноты контекста: выявление информации о социальных группах, региональных особенностях или рисках, которая систематически искажается из-за нерепрезентативности выборки или специфики алгоритмической обработки.

Отказ от мифа об аксиологической нейтральности математических моделей позволяет рассматривать системы искусственного интеллекта как инструмент, требующий непрерывной калибровки. Только встраивание прозрачных этических критериев и процедур в процесс принятия решений способно защитить систему государственного управления от масштабных гносеологических ошибок.

Госзадание №FSSF-2026-0078 «Риск-менеджмент в экосистеме стратегического политического управления РФ: архитектура решений в условиях развития искусственного интеллекта».

Марина Мария Васильевна
директор музея
Воронежский государственный технический университет

От знания о прошлом к нравственному суждению: этическая задача музея

Музейное обращение к прошлому связано с нравственным выбором: какие события и свидетельства представить, чьи голоса включить в экспозицию и как говорить о противоречивом историческом опыте. Эти решения влияют на то, каким посетитель видит свое место в обществе. Поэтому образовательная функция музея требует не только достоверного исторического знания, но и этической рефлексии над способами его отбора и передачи.

Цель исследования — определить принципы музейной работы с исторической памятью, позволяющие соединить научную обоснованность экспозиции с уважением к самостоятельному нравственному суждению посетителя. Исходным является различение исторического факта и исторической памяти. Последняя включает сведения о прошлом, семейные и групповые воспоминания, оценки, эмоциональные образы и культурные мифы. Музей не может свести это многообразие к единому набору фактов, но и не вправе выдавать любую интерпретацию за научно подтвержденное знание.

Этическая трудность особенно заметна при обращении к героическим и травматическим страницам истории. Если музей предлагает готовую оценку поступка, не раскрывая его обстоятельств и мотивов, воспитание рискует стать требованием согласия. Если же он отказывается

от оценки вовсе, посетитель лишается возможности осмыслить нравственное содержание события. Выходом представляется обсуждение оснований оценки: экспозиция показывает источники, обозначает пределы достоверного знания и дает возможность рассмотреть последствия различных решений исторических участников. Память о трагедии при этом требует бережного отношения к свидетельствам пострадавших: эмоциональное воздействие экспозиции оправдано, когда оно помогает понять человеческий опыт, а не подменяет понимание эффектным зрелищем.

Такой подход меняет роль посетителя. Вместо усвоения заранее установленного образца гражданственности он соотносит чужой опыт со своими представлениями о долге, ответственности и общем благе. Вопрос «как бы я поступил в этих обстоятельствах?» связывает знание о прошлом с практическим нравственным суждением. При этом воображаемое сопереживание не заменяет исторический контекст: нельзя переносить современные оценки на прошлое, не учитывая условий, в которых действовали люди. Например, историческая реконструкция может дать опыт участия в обсуждении выбора, если ее сценарий опирается на источники и допускает разговор о мотивах и последствиях, а не ограничивается воспроизведением внешнего действия.

Профессиональная ответственность музейного сотрудника в этой модели включает проверку фактов, различение документа и реконструкции, представление значимых разногласий и организацию уважительного обсуждения. Участие посетителей и носителей разных коллективных воспоминаний не означает, что все утверждения равно достоверны. Оно позволяет услышать опыт, который иначе остается вне публичного рассказа, и сделать противоречия памяти предметом аргументированного диалога. Модератор такого диалога не скрывает исследовательскую позицию за видимостью нейтральности: он поясняет, почему одни утверждения подтверждаются источниками, а другие выражают оценку или семейное предание. Тем самым посетитель получает возможность различать знание, интерпретацию и собственное ценностное отношение. Это особенно важно там, где разные группы связывают с одним событием несовпадающие воспоминания.

Таким образом, этическая задача музея состоит в создании условий, при которых знание о прошлом становится основанием самостоятельного и ответственного отношения к настоящему. Гражданская идентичность в таком случае формируется через причастность к общей истории и признание многообразия ее осмысления, а не через простое повторение предписанной оценки.

Мартынова Марина Дмитриевна
доцент, к.филос.н., доцент
МГУ им. Н.П. Огарёва

Студент и «искусственный Другой»: неочевидные этические ловушки при использовании генеративного ИИ во время обучения

В настоящее время генеративный искусственный интеллект стал повседневным участником образовательного процесса: с его помощью студенты готовятся к занятиям, разбирают новый материал, пишут тексты и программный код, проверяют собственные решения. Этические проблемы такого взаимодействия обычно сводят к академической добросовестности, авторству, ошибкам ИИ и защите данных. Однако если рассматривать взаимодействие студента с ИИ не как отдельный акт использования инструмента, а как длительное отношение с «искусственным Другим», обнаруживаются последствия, которые не проявляются в момент использования. Их можно назвать «неочевидными этическими ловушками», которые были обнаружены у участников исследований как косвенные следствия использования ИИ.

«Ловушка иллюзии компетентности». Результат, полученный совместно с ИИ, переживается как собственный: участники экспериментов решали задачи с ИИ лучше, но переоценивали свой результат, причем высокая ИИ-грамотность от этого не защищала (Fernandes D. et al. AI makes you smarter but none the wiser: The disconnect between performance and metacognition // Computers in Human Behavior. 2026. Vol. 175. 108779. DOI: 10.1016/j.chb.2025.108779). Размывается граница между «у меня получилось» и «я умею», искажается знание о самом себе и ответственность берётся за то, чего человек не может. Вклад, который сделал «искусственный Другой», ощущается как свой собственный.

«Ловушка делегированной саморегуляции». Экспериментальное исследование сравнения, как разные виды поддержки влияют на мотивацию к учёбе, процессы саморегулируемого обучения и результаты выполнения задания показало, что студенты, писавшие эссе с ChatGPT, улучшали качество текста, но не знания, и реже планировали, отслеживали и оценивали собственную работу (Fan Y., Tang L., Le H., et al. Beware of metacognitive laziness: Effects of generative artificial intelligence on learning motivation, processes, and performance // British Journal of Educational Technology. 2025. Vol. 56(2). P. 489–530. DOI: 10.1111/bjet.13544). У студентов снижалась способность самостоятельно направлять учение,

проявлять свою волю, в кантовском смысле — способность давать себе закон — проявлять автономию.

«Ловушка перенаправления Другого». Интервью, проведенное со студентами-программистами, показало, что они «уходят» от живых форм сотрудничества и переадресуют вопросы однокурсников к ChatGPT или сами обращаются за помощью к ИИ, вместо того чтобы обратиться за поддержкой к более сильному однокурснику (Hou I., Muthusekaran S., Man O., Johnykutty J., MacNeil S., Hamilton K., Zadeh L. "All Roads Lead to ChatGPT": How generative AI is eroding social interactions and student learning communities // Proc. ITiCSE 2025. ACM. DOI: 10.1145/3724363.3729024). Изменяется вузовская атмосфера, исчезает неформальная передача «неписаных» правил студенческой жизни, слабеют социальные связи, которые критически важны для дальнейшего профессионального успеха. Студент не только обращается к машине, но и перестает быть Другим для другого.

Таким образом, этическая проблема заключается не в самом факте использования ИИ, а в характере отношения к нему — объясняющий Другой или заместитель собственной деятельности. Искусственный Другой асимметричен: он всегда доступен, не требует взаимности, склонен соглашаться и не несет ответственности. Поэтому регулярное взаимодействие с ним может постепенно менять отношение к себе, отношение к Другому — человеку и атмосферу вузовского академического сообщества.

Маршалкевич Дарья Олеговна
обучающаяся специалитета
Тарасова Марина Евгеньевна
обучающаяся специалитета
Тверской ГМУ Минздрава России
Черпакова Диана Дмитриевна
обучающаяся специалитета
ТГМУ Минздрава России

Профессиональные суеверия в контексте медицинской этики

Пилотное исследование, проведенное в Тверском государственном медицинском университете в 2026 г., включало в себя анонимный опросник врачей, среднего и младшего медицинского персонала с целью выявления существующих профессиональных суеверий среди медицинских работников, а также для оценки конфликтного потенциала

таких суеверий. Исследование показало, что суеверия могут использоваться медицинскими работниками как механизм преодоления стресса, тревоги и неопределенности в ситуациях, когда стандартные медицинские практики не предлагают готовых решений. В данном исследовании для изучения (1) потери медицинскими работниками контроля над окружающей средой и доминирования иррациональности в принятии решений, (2) отсутствия доказательств для объяснения причинно-следственных связей в ситуациях, связанных со здоровьем, и (3) того, как непроверенные утверждения становятся критерием соответствия среди медицинских работников, была применена стратегия концептуального анализа А. Эллиса. Суеверие определяется как убеждения относительно конкретных событий, которые не могут быть истолкованы научным рассуждением. Несмотря на многочисленные научные и технологические достижения в современном мире и информационный взрыв, суеверные тенденции все еще сохраняются в жизни людей. В области психологии суеверия определяются как фокус и локус контроля, который определяет, имеют ли люди влияние на свою жизнь. Те, у кого развит внутренний локус контроля, считают себя хозяевами своей судьбы; люди с внешним локусом контроля, в свою очередь, считают, что их судьбой управляют суеверия и удача. С другой стороны, люди становятся суеверными перед лицом таких проблем, как смерть, болезнь и неблагоприятные события, которые всегда вызывали у человечества тревогу и чувство неудачи, страха и гнева. В таких случаях неспособность найти логическое объяснение событию с помощью науки и логики заставляет людей обращаться к суевериям, чтобы избавиться от внутреннего смятения. Суеверное мышление становится опасным, когда влияет на благополучие людей, становится частью индивидуальных представлений о здоровье или оказании медицинской помощи. Суеверное мышление подрывает все достижения медицины, потому что, если пациент суеверен и отказывается принимать лекарства, даже самые эффективные препараты окажутся бесполезными. Врач, с подозрительностью и предубеждением относящийся к пациенту с рыжим цветом волос, ставит под угрозу его жизнь и здоровье. Эти примеры демонстрируют негативные последствия пагубных убеждений. В структуре суеверия антецендент содержит активизирующие события и убеждения: (1) непредвиденные и неконтролируемые медицинские события происходят в учреждении; (2) вера в то, что существует внешняя сила, управляющая неизвестными событиями. Суеверия медицинских работников могут привести к положительным и отрицательным последствиям, среди которых (1) эффект буферной защиты: создание иррациональных проекций и моделей поведения для уменьшения ответственности и обяза-

тельств перед событием посредством такого поведения для снижения стресса; (2) стресс и страх, порождаемые иррациональным восприятием, которые влияют не только на физическое и психическое здоровье медицинских работников, но и их поведение, часто противостоя нормативной медицинской этике. С точки зрения клинической практики, чтобы помочь медицинским работникам лучше понять концепцию суеверия и, таким образом, соотнести их убеждения и поведение с принципами и правилами медицинской этики, предлагается использовать исследования С. Палмера для интеграции теории рациональной поведенческой терапии А. Эллиса. Медицинские работники, осуществляющие уход, могут воздействовать на неожиданные или трудно контролируемые клинические события (активизирующее событие) посредством открытого обсуждения, изучения и обмена информацией с коллегами о том, как они и пациенты интерпретируют иррациональные убеждения, испытывают положительные и отрицательные эмоции, чтобы помочь в дальнейшем прояснении ситуации.

Матвеева Мария Алексеевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Профессия документалист: этические парадоксы репрезентации Другого

Профессия документалиста заключается в честной фиксации реальной жизни, исторических событий, социальных явлений и судеб конкретных людей без использования вымысла. «Актёры» в их фильмах — это, живые люди, а сценарии часто продиктованы самой жизнью в процессе долгих наблюдений. Однако именно эта кажущаяся прозрачность метода порождает комплекс этических проблем: вторжение в частную жизнь, безвозвратность зафиксированного момента, интерпретация реальности через монтаж, асимметрия власти между режиссёром и героем и необратимость последствий для человека, доверившего свою жизнь камере.

Можно предположить, данный комплекс проблем снимает простой юридический договор — если он, конечно, заключается. Герой даёт информированное согласие, подписывает бумаги, а значит — берёт ответственность на себя. Он может пойти на такую «авантюру» намеренно: ради известности, самовыражения, терапии или желания быть услышанным. Режиссёр действует в рамках закона, а герой — в рамках собственной воли и казалось бы, этический конфликт исчерпан. Одна-

ко, юридическое согласие фиксирует сам факт разрешения, но не гарантирует понимания последствий. Герой может не осознавать, каким он предстанет в финальном монтаже, как будет выстроен его образ и как его воспримет публика. Более того, согласие не отменяет ответственности режиссёра за конечный результат. Можно иметь юридическое право снимать, но совесть может запрещать показывать. Именно это произошло с фильмом «Емельяненко» (2026) Валерии Гай Германики. Герой знал, что его снимают. Но зал разделился не по вопросу «было ли согласие», а по вопросу «должно ли это быть показано». Юридически режиссёр была права. Морально — каждый зритель ответил себе сам.

Ситуация усложняется, когда договора нет вовсе или он получен не напрямую. Как, например в фильме «Безумцы Титиката» (1967) Фредерика Уайзмана. Режиссёр утверждал, что получил устные и письменные согласия от родственников пациентов и тех, кто был в состоянии говорить. Съёмка состоялась, только вот картина в итоге была запрещена к показу на 25 лет: суд признал вторжение в частную жизнь пациентов. И это несмотря на то, что режиссёр руководствовался другой целью — показать правду о провале американской системы здравоохранения, о тех условиях, в которых содержались люди, лишённые голоса. Возникает вопрос: оправдывает ли эта цель средства? Может ли правда, какой бы важной она ни была, служить основанием для вторжения в жизнь тех, кто не способен себя защитить?

Промежуточный случай — фильм «Картер» (2009) Адама Бхала Лоу. Несмотря на элементы игрового кино, картина прежде всего документальна и повествует нам о жизни рэпера Lil Wayne на пике его популярности. Фильм получился беспристрастный, что по началу нравилось самому главному герою, однако перед премьерой музыкант подал иск в суд с требование заблокировать прокат. Причина: фильм «порочит его имидж». Однако иск был отклонён поскольку рэпер сам подписал все контракты и назначил выплатить кинокомпании компенсации за срыв своевременного выпуска картины в прокат. Этот случай обнажает ещё одна грань проблемы. Юридически договор сработал против героя: он не оговорил согласия на финальный контроль над монтажом. Морально — он остался недоволен.

Таким образом, ни юридический договор, ни его отсутствие не снимают этического напряжения в работе документалиста. В первом случае согласие не гарантирует последствий. Во втором — сама возможность согласия отсутствует. В третьем — договор лишь фиксирует факт разрешения, но не его пределы. Профессиональная этика документалиста, следовательно, по мимо юридического свода правил конституируется ещё и перманентным вопрошанием себя «имею ли я право показывать это?».

Маторкина Татьяна Геннадьевна
младший научный сотрудник
МГУ им. Н.П. Огарёва,
Научный центр социально-экономического мониторинга

Кто для нас искусственные Другие?

Стремительная цифровизация всех сфер жизни приводит к тому, что искусственные Другие становятся не просто технологиями, а повседневными участниками (прото)социальных взаимодействий. Сегодня с ними сталкиваются при поиске информации, учебе, работе и общении. Под искусственными Другими мы понимаем технологии, способные взаимодействовать с человеком на естественном, понятном ему языке (чат-боты, умные колонки и голосовые помощники). В связи с этим возникает вопрос: кем становится для человека искусственный Другой? Как люди воспринимают его — как инструмент, помощника, собеседника или потенциальную угрозу?

Для ответов на эти и другие вопросы в марте–апреле мы провели массовый социологический опрос (n=420) населения Республики Мордовия старше 14 лет, который репрезентирует генеральную совокупность по полу, возрасту и месту проживания.

Проведенное исследование показывает, что большинство опрошенных воспринимают искусственных Других как средство для решения повседневных задач: в качестве полезного инструмента используют 74% респондентов, в качестве продвинутого поисковика — 51%. Лишь 13% видят в нем друга или помощника, а для 9% он представляет потенциальную угрозу, для 7% является автором или соавтором текста, аудио- или видеоконтента, и только 4% считают их мыслящими и чувствующими созданиями, способных на эмоциональный отклик. Можно говорить о том, что пока складывается преимущественно их инструментальное понимание, однако имеются и предпосылки для его трансформации — как на уровне языка и используемых метафор, так и на уровне включение их в свои (прото)социальные взаимодействия.

В частности, несмотря на то, что искусственные Другие воспринимаются как полезный инструмент, люди все равно ведут себя с ними по-человечески. Более половины опрошенных (56%) в той или иной степени вежливы с ними (говорят «спасибо», «пожалуйста»). Согласно концепции И. Гофмана face-work, ритуалы вежливости выполняют важную социальную функцию: они не только защищают собственное лицо, но и помогают в сохранение лица другому. При общении с искусственными Другими эти ритуалы никуда не исчезают, и человек, возможно даже неосознанно, воссоздает привычную для себя структуру социального взаимодействия и относится к ним не так, как к обычным вещам — чайнику, тостеру или микроволновке.

Таким образом, искусственные Другие для естественного Другого — это скорее полезный удобный инструмент, улучшающий/упрощающий повседневную жизнь, но не более того. Люди активно ими пользуется в быту и на работе, и можно прогнозировать, что в перспективе их роль будет все более усиливаться.

РНФ 25-28-02287 «Социальное конструирование искусственного Другого: подходы, возможности, ограничения».

Махнов Арсений Дмитриевич
обучающийся аспирантуры
РХГА

Этика и онтология даймониона Сократа

Одним из важнейших аспектов исследования Сократовского даймониона у Платона является его роль в принятии Сократом решений о том или ином поведении. Формально мы можем повторить, что даймонион предостерегал Сократа от некоторых действий (к примеру, подойти к Алкивиаду или перейти ручей с Федром) и никогда не призывал к действиям. Также понятна божественная природа этого знамения. Но эти определённости не вносят ясность в то, как феномен даймониона Сократа влияет на этику Платона в целом. Является ли такая послушность даймониону этическим совершенством или это только совершенство философа? Как соотносятся благочестие и добродетель Сократа и можно ли различить одержимость и слышание Сократом божественного знамения? На эти вопросы уже давались ответы Г. Властосом, Томасом С. Брикхаусом и Николасом Д. Смитом и другими.

Интерпретация Г. Властосом даймониона как интуиции — проблема, поскольку происхождение этой интуиции и необходимость того, отношения, которое показывает Платон — не объясняется Г. Властосом. Поэтому это объяснение даймониона опять уводит внимание от самого божественного знамения.

Эмпирическая интерпретация Томаса С. Брикхауса и Д. Смита, во-первых, создает проблему рациональности как проверяемости (Сократ может полагаться на даймониона, т.к. в течение всей жизни видел, что он останавливает от плохого). Но, с одной стороны, именно тут ядро проблемы — рационально узнать то, что показывает Сократу даймонион нельзя. С другой стороны, снимается божественный ореол с даймониона, если его надо перепроверять.

Наша задача не столкнуть эти мнения, а показать, что в попытках интерпретации даймониона, они идут дальше того, что Платон сообщает. Но Платон (в существенных моментах и Ксенофонт) написал так как написал. Тут же сущностно, что больше про даймониона ничего не го-

ворится и уже для Плутарха и Апулея даймонион был во многом загадкой. И нет оснований полагать, что они были ближе к пониманию этого феномена, чем мы. Умолчание в данном случае, не является игрой, загадкой. Скорее это задача нам как актуальным читателям, которые должны сами понять и обнаружить в себе знамение, с которым взаимодействует Сократ.

Мы же покажем принципиальную проблематичность даймониона Сократа, заложенную в саму концепцию этого явления, и свяжем божественную природу и неартикулируемость знамения с фигурой образцового философа, которая формируется Платоном в лице Сократа, а также покажем параллелизм даймониона у Платона и совести у М. Хайдеггера и проследим как божественное знамение может быть понято как зов Сократа к самому себе и приводить к актуализации бытия Сократа Сократом, то есть свободным.

Медникова Анна Александровна
к.филос.н., старший преподаватель
МГУ имени М.В. Ломоносова

Может ли природа иметь моральный статус? Проблема основания экологической этики

Переживание экологического кризиса призывает не только к ответственности человека за состояние окружающей среды, но выявляет более фундаментальную проблему: вопрос о границах морального сообщества. Данная проблема связана с решением: какие существа могут выступать объектами моральных обязанностей. В традиционной этике таким объектом оказывался человек. Экологическая этика, напротив, ставит под сомнение достаточность такого решения и предлагает рассмотреть возможность моральной значимости природы. В таком случае необходимо различить понятия моральный агент и моральный объект. Способность действовать на основании моральных норм и нести ответственность не является необходимым условием того, чтобы существо могло быть объектом морального отношения. Вопрос о моральном статусе природы следует выявлять не через признание у неё способности к моральному действию, а через выяснение того, существуют ли основания считать значимыми с моральной точки зрения целостность, сохранение или изменение природы.

Одним из наиболее влиятельных оснований для расширения морального сообщества является способность испытывать страдание. В утилитаристской традиции П. Сингера способность страдать и испытывать удовольствие позволяет включить животных в сферу морального

рассмотрения. Такой подход позволяет преодолеть спесишизм, однако одновременно возникает вопрос о тех формах жизни, для которых категория страдания неприменима. В этике уважения к природе П. Тейлора моральная значимость связывается не с сознанием или страданием, а с наличием собственного блага живого организма. Организм рассматривается не просто как объект человеческого отношения, но как существо, для которого существуют благоприятные и неблагоприятные состояния. Данная концепция существенно расширяет сферу морального рассмотрения, однако оставляет открытым вопрос о статусе тех природных образований, которые не являются отдельными живыми организмами. Возможность включить в моральные объекты неживые существа предполагает переход от биоцентризма к экологическому холизму. В этике О. Леопольда моральное сообщество мыслится как биотическое сообщество, включающее не только человека и отдельных животных, но также растения, почву, воду и сложившиеся между ними отношения. Значимость природного целого в этой перспективе не сводится к сумме интересов отдельных организмов. Объектом морального рассмотрения становится не только отдельное живое существо, но экологическая система как форма взаимосвязанного существования. Способность страдать, наличие собственного блага и принадлежность к экологическому сообществу указывают на различные основания моральной значимости, которые не обязательно сводимы друг к другу, в связи с чем предлагается ввести разные уровни морального рассмотрения. Приведенные концепции выявляют ряд проблем экологической этики. Если экосистема обладает самостоятельной моральной значимостью, то как следует поступать в ситуациях конфликта между благом целого и благом отдельного организма? Может ли сохранение экологической целостности оправдывать причинение вреда отдельным существам? Может ли защита отдельного организма оправдывать вмешательство, нарушающее устойчивость целого?

Мелешко Елена Дмитриевна
профессор, д.филос.н., заведующий кафедрой
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Опыт систематизации этики в итоговом произведении Л.Н. Толстого «Путь жизни»

Нравственно-религиозное учение Толстого завершающего периода, представленное в сборнике «мудрых мыслей» «Путь жизни», достигает уровня систематического изложения этики. Толстой попытался создать структурированную и логически последовательную концепцию этики

Квинтэссенцией толстовского изложения этики является Предисловие к «Пути жизни над текстом, которого он работал более трех лет и закончил за месяц до смерти. Суть Предисловия в том, что в нем содержится краткое нумерованное изложение тридцати одной (31) главы сборника. Это своего рода «Путь жизни» в миниатюре внутри большого сборника, предельно краткое руководство по практической жизни внутри расширенного руководства. Толстой достигает здесь максимального логического и концептуального совершенства и ясности, создав из Предисловия зеркальное отражение основного текста. Особенностью же самого текста в целом является минимизация нарратива и мимикрия авторства, что позволяет достичь высокого уровня моральной кодификации.

Ключевыми темами концепции «Пути жизни» стали следующие разделы:

1. Духовно-мировоззренческие основания этики: Вера – Душа – Бог;
2. Любовь как связующее звено между духовностью (прежде всего, Верой) и экзистенциальными вызовами жизни;
3. Логически выстроенный, негативно возрастающий ряд грехов, соблазнов и суеверий, препятствующих проявлению любви;
4. «Усилие сознания» и «жизнь в настоящем» как главные способы преодоления препятствий любви;
5. Неделание как своеобразный «моральный карантин», связанный с переходом от пороков к добродетелям;
6. Логически выстроенный, позитивно возрастающий ряд добродетелей;
7. Зло как как предельный вызов духовности человека;
8. Умирание, смерть и послесмертие в проекции духовного сознания личности.
9. Понимание жизни (в ее единстве со смертью) как морального блага.

Ключевой точкой, определяющей концептуальность толстовской этики, является понятие «жизнь в настоящем», как реальное основание морально поступка, и соответствующий ему метод «усилия сознания», как фактор совершения поступка. Благодаря этому Толстому удалось связать главные линии своей этики, а именно, «этику любви», «этику неделания», «этику противостояния злому» и «этику смерти».

Нравственное учение Толстого завершающего периода характеризуется не только новым системообразующим подходом к построению этики, но и поворотом к новому жизнепониманию. Секретарь Толстого последнего года жизни В.Ф. Булгаков при активном участии которого создавался сборник «Путь жизни», оценивал это произведение как поворот в мировоззрении Толстого. В своей работе «Толстой — моралист»

(1923) он убедительно показал, что Толстой последнего периода — это не тот Толстой, которого мы знаем по работам «Так что же нам делать?» и «В чем моя вера?». В «Пути жизни» перед Толстым стоят, главным образом, «не вопросы социального характера» о преобразовании общественного строя путем принятия христианского учения, а «вопросы личного совершенствования» и «духовного роста» отдельного человека. В «Пути жизни» Толстой уже не называет заповеди «непротивления» ключом в понимании христианского учения. Место этой заповеди занимает другая, более универсальная жизнеутверждающая заповедь: «стремление к совершенству».

Мельников Сергей Анатольевич
доцент, к.филос.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Аристотелевское учение о счастье в "Quaestio de felicitate" Джакомо из Пистойи и "Dolce stil novo" Гвидо Кавальканти

Согласно мнению болонского магистра Джакомо из Пистойи (= D. Jacobus quondam Hugonis de Pistoio) (кон. XIII в.), изложенному им в единственном известном нам под этим именем сочинении "Quaestio de felicitate", «Рассуждение / Вопрос о счастье» (post 1290), сохранившемся в трех средневековых рукописях (Vat. Lat. 2172, Theol. Quarto 204 и ms. 110 из Biblioteca Comunale e dell'Accademia Etrusca di Cortona) существуют шесть признаков, характеризующих высшее счастье как таковое: 1) оно есть высшее благо (summum bonum), которое может достигнуто человеком; 2) оно есть высшая цель человеческой жизни; 3) оно есть полное удовлетворение желания, направленного к благовидной цели и соответствующего природе человека; 4) оно есть благо, достаточное само по себе и во всех отношениях; 5) оно есть благо, уникальное только лишь для человека; 6) оно есть благо, которое может быть достигнуто только лишь человеком (rr. 13–47). Текст рассуждения Джакомо из Пистойи состоит и трех частей: 1) определение природы счастья (quid sit et in quo consistat felicitas, rr. 48–200); 2) способ достижения счастья (per quam viam et qualiter agendo homo possit ad ipsam pervenire, rr. 201–273); 3) ответы на возможные возражения (solvere quaestiones quasdam probantes oppsitum veritatis determinatae, rr. 274–405). Quaestio Джакомо из Пистойи имеет в своей подоплеке аристотелевский эвдемонизм, трактуемый в свете значимых и актуальных для данной эпохи теоретиче-

ских установок, и может быть отнесено к характерным и ярким свидетельствам об обстоятельствах бытования т.н. средневекового «аверроизма». Опубликованный П.О. Кристеллером в 1993 г. третий из перечисленных вариантов Quaestio (т.н. кортонский) сопровождается авторским посвящением текста известнейшему представителю т.н. "Dolce stil novo" Гвидо Кавальканти (ок. 1255 – август 1300), являвшемуся, в частности, близким другом Данте, что не воспрепятствовало, впрочем, последнему разместить отца поэта (Кавальканте Кавальканти) в шестом круге своего "Inferno" как отъявленного эпикурейца. Данное посвящение позволяет связать воедино традиции, казалось бы, с трудностью совместимые: аристотелевский эвдемонизм, средневековую богословскую и философскую парадигматику и ренессансный поэтический культ женственности и любви. Текст "Quaestio de felicitate" Джакомо даПистойи цитируется по новейшему критическому изданию, подготовленному И. Дзаваттеро (2005).

Мельничук Дмитрий Вадимович
к.ф.-м.н., доцент
Тихонов Глеб Игоревич
лаборант-исследователь
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Цифровое непризнание личности: от философии права к цифровой гуманитаристике

Концепция признания Акселя Хоннета позволяет рассматривать юридический статус личности как необходимое, но недостаточное условие автономии: формальное признание должно получать практическое выражение в институциональных отношениях. В цифровой среде это положение может быть переведено в эмпирическую плоскость, поскольку взаимодействие субъекта с институтами все чаще зависит от результатов цифровой идентификации, классификации и автоматизированного принятия решений.

Предлагается методика измерения цифрового непризнания на основе анализа конкретных конфликтных случаев. Единицей анализа выступает эпизод, в котором цифровая система влияет на возможность человека реализовать правовой статус: например, ошибочная идентификация, блокировка доступа, неверная классификация, отказ в услуге или невозможность обжаловать автоматизированное решение.

Каждый случай оценивается по пяти признакам: корректность идентификации личности; полнота ее цифровой репрезентации; наличие или отсутствие институционального исключения; возможность получить объяснение и обжаловать решение; соответствие цифрового режима видимости юридически значимым характеристикам субъекта. Каждый признак получает оценку от 0 до 2: 0 означает отсутствие проблемы, 1 – частичное непризнание, 2 – выраженное непризнание.

Индекс цифрового непризнания рассчитывается как сумма полученных баллов. Минимальное значение – 0, максимальное – 10. Чем выше показатель, тем сильнее расхождение между формальным юридическим признанием личности и ее фактическим положением в цифровой системе. При необходимости отдельным признакам могут присваиваться разные веса, если, например, институциональное исключение признается более существенным, чем неполнота цифровой репрезентации.

Эмпирической базой могут служить судебные решения, пользовательские жалобы, обращения в государственные и коммерческие цифровые сервисы. Корпусный анализ позволяет выявлять повторяющиеся типы непризнания, тематическое моделирование – группировать их в устойчивые сценарии, а сетевой анализ — реконструировать цепочки посредников между человеком и институтом.

Таким образом, философское понятие непризнания переводится в систему наблюдаемых признаков и становится доступным сравнительному количественному анализу. Это позволяет исследовать не только наличие цифровых прав, но и степень их фактической реализуемости в различных режимах цифровой видимости.

РНФ № 25-28-03014, https://rscf.ru/project/25-28-03014/.

Мельтешинов Никита Сергеевич
курсант
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Воспитательный потенциал изучения традиций русской армии

При изучении истории Российского государства неизменно обращает на себя внимание особое место, которое занимала в ней Русская Императорская армия с её славными вековыми традициями как армии в целом, так и отдельных её частей — полков, батальонов и эскадронов и так далее. Военное образование в нашей стране нуждается в более глубоком освещении этих традиций, с тем чтобы память о прошлом стала прочным фундаментом нравственного воспитания в настоящем.

Исследуя архивные документы, воспоминания и мемуары офицеров и солдат РИА, невозможно не обратить внимание на манеру общения, отношение к своим начальникам и подчиненным, чувство долга и неподдельной любви к своей Родине людей той эпохи. Очевидно — слово «Честь», никогда не было пустым звуком для русского воинства. Воинское воспитание в Русской Императорской армии никогда не основывалось исключительно на строевой муштре военнослужащего. Оно с самого начала мыслилось как школа для человека, выбравшего военную стезю: молодого офицера учили не только командовать, но и воспитывать своих подчинённых, отвечать за них. А после получения приказа не «слепо выполнять оный», а понимать его нравственный смысл и уметь донести его воинам. Этические начала пронизывали весь уклад русской армии: присяга на верность «Царю и Отечеству, перед святым Его Евангелием», кодекс чести, единоначалие, полковые традиции и родные знамёна за которые при необходимости нужно умереть, но не отдать врагу, — все эти факторы формировали в человеке те моральные устои, которые всегда отличали русских воинов.

Несомненно, далеко не последнюю роль в этом деле играла Русская Православная Церковь. С первого дня присяги и на протяжении службы рядом с офицерами и солдатами несли службу корпусные и полковые священники, бывшие необходимым столпом в деле воспитания воинов.

Также стоит отметить, с каким вниманием подходило правительство к воспитанию молодого поколения, будущих офицеров — «мальчишек-кадет». Содержательным ядром был кодекс чести, переведённый в конкретные, почти бытовые правила. В основе лежали «двенадцать заповедей товарищества» Великого князя Константина Константиновича Романова — отца всех кадет. После Гражданской войны, в составе Русской армии генерала П.Н. Врангеля, из Крыма были вывезены несколько кадетских корпусов. Находясь в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, в городке Белая Церковь, все кадеты были сведены в «Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус». Находясь за рубежом долгие годы, кадеты не забыли традиций и обычаев родных корпусов и продолжали строго их соблюдать. Ежегодно отмечались значимые праздники, устраивались молебны, проводились вечера, концерты и балы с русскими гимназистками. Офицеры белых армий, находясь в изгнании, так же сохраняли дисциплину и полковую спайку. В 1924 году был создан РОВС — Русский Общевоинский Союз, функционировали различные офицерские организации по типу «Общества Галлиполийцев». Уникально то, что вдали от Родины сохранили целостность даже Казачьи Войска России, как отдельные военно-административные единицы. К примеру, в Белграде располагался штаб

и Представительство Кубанского Казачьего Войска, а связь с разбросанными по всему миру казаками организовывалась через систему станиц, хуторов и групп. Давно ушли в иной мир русские изгнанники, но традиции отмечать значимые даты Русской истории продолжают жить в их потомках, которые по сей день сохраняют преемственность от старшего поколения.

Таким образом, основным фактором для сохранения исторической и культурной памяти многих поколений российских военнослужащих и их потомков являлось поэтапное этическое воспитание и нравственные ориентиры, которые лежали в самой системе военного образование военнослужащих Русской Императорской армии.

Мижевич Ольга Михайловна
доцент, к.филос.н., доцент кафедры истории и социальных наук
Белорусский государственный университет иностранных языков

Концепции справедливости и проблема образовательного неравенства в условиях цифрового раскола

В общественном сознании право на образование прочно ассоциируется с фундаментальной ценностью равенства. На первый взгляд школы открыт для каждого ребенка, а высшие учебные заведения готовы принять любого абитуриента, соответствующего необходимым критериям. Но действительность демонстрирует, что формальное равенство далеко не тождественно равенству фактическому. В сложившейся ситуации становится практической необходимостью обращение к теориям справедливости Д. Ролза, М. Нуссбаум, Р. Нозика, П. Бурдьё, которые в своей совокупности позволяют сформировать аналитическую рамку, способную охватить многослойность образовательного неравенства.

Согласно теории Д. Ролза система образования должна быть устроена таким образом, чтобы дополнительные ресурсы в государстве направлялись в школы, где учатся дети из малообеспеченных семей, а не концентрироваться в районах с высоким уровнем дохода. На практике финансирование учебных заведений происходит неравномерно. Особенно ярко недостатки логики Д. Ролза проявляются в контексте цифрового неравенства. Например, в Беларуси создана Единая образовательная платформа, которая призвана заменить журналы и дневники к 2026 году. Однако остается открытым вопрос о том, будут ли обеспечены равными техническими возможностями все школы, особенно в сельской местности.

Если Д. Ролз спрашивает «Как распределить ресурсы?», то М. Нуссбаум ставит более фундаментальный вопрос «Что эти ресурсы

позволяют человеку делать и кем быть?». Согласно её концепции, образовательная справедливость проявляется не в унификации предоставляемых инструментов, а в формировании среды, способствующей полноценному развитию. Тем не менее, доминирующие во многих государствах тест-ориентированные системы, подменяют истинное развитие способностей механической подготовкой к стандартизированным проверкам. С проникновением искусственного интеллекта в образование подход М. Нуссбаум приобретает новое измерение. Как показывает практика, ИИ только создает иллюзию персонализации. Студенты из хорошо обеспеченных школ учатся использовать ИИ как инструмент креативности и решения задач, тогда как студенты из школ с ограниченными ресурсами получают ИИ-генерированные задания от уставших и перегруженных учителей.

Либертарианский подход Роберта Нозика, основанный на принципе самообладания и добровольности обмена, оправдывает существование частных школ и платных курсов как проявление свободы выбора. Однако критики указывают, что такой подход игнорирует структурные ограничения, которые не исчезают при формальном предоставлении выбора. Свобода выбора реальна лишь тогда, когда у всех есть хотя бы минимальные ресурсы для ее реализации. Тем не менее подход Р. Нозика наглядно демонстрирует, что свобода существует реально там, где есть ресурсы, а там, где ресурсов нет, она превращается в идеологическое прикрытие.

Концепция культурного капитала Пьера Бурдьё ставит вопрос иначе: «Почему при формально равных правилах одни выигрывают, а другие проигрывают?» Отвечая на этот вопрос П. Бурдье утверждает, что неравенство в образовании воспроизводится через незаметные, но мощные механизмы передачи культурных навыков и установок от родителей к детям. И школа, формально нейтральная, на деле легитимирует культурный капитал доминирующего класса как универсальный стандарт. В современном мире неравенство в образовании усилилась благодаря цифровой грамотности, которая также стала новой формой культурного капитала.

Комплексное исследование цифрового неравенства через призму рассмотренных теорий выявляет его многоуровневую структуру, включающую три стадии цифрового раскола: физический доступ к технике и сети; наличие необходимых навыков и цифровой культуры; и умение трансформировать технологические возможности в конкретные учебные достижения. В целом, цифровизация может как сокращать, так и усиливать неравенство в зависимости от того, сопровождаются ли технологические инвестиции педагогическими и институциональными изменениями.

Митряшкин Марк Николаевич
обучающийся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Правило признания в современной аналитической философии права

В докладе рассматривается правило признания: возникнув в позитивизме, отделявшем право от морали, оно стало предметом спора о моральных основаниях права. Правило признания — понятие, введенное Г. Хартом в работе «Понятие права», как ответ на командную теорию Остина, для которой право есть приказы суверена под угрозой наказания. Согласно Харту, правовая система — это соединение первичных правил обязанности и вторичных правил. Общество только лишь с первичными правилами страдает неопределенностью, статичностью и неэффективностью. От неопределенности избавляет правило признания — которое указывает на признаки, по которым правило является правовой нормой. Оно существует не потому, что где-то записано, а потому что должностные лица на практике единообразно признают определенные источники (например, конституцию и законы) в качестве обязательных ориентиров для своей деятельности. Тут может возникнуть вопрос: если правовой является норма, принятая уполномоченным органом, то в соответствии с каким правилом этот орган сам уполномочен принимать законы. Полномочия органов задает само правило признания, но оно является конечным, так как не выводится из другого правила и существует как социальная практика, выводимая из действий должностных лиц. Теория Харта дескриптивна, она фиксирует уже существующее правило в структуре общества.

Иначе основания системы права объяснял Кельзен: для него норма действительна, так как создана по норме более высокого уровня, а цепочка этого признания обрывается на предполагаемой основной норме, придающей силу следующей. Харт критиковал эту позицию за «ненужное дублирование».

Известна критика со стороны Дворкина, который видел хартовскую модель признания как тест «родословной», не объясняющий принципы, которые действуют в праве в силу уместности, а не происхождения, Дворкин утверждал, что социальное правило не способно обязывать судей применять критерии права. Харт в «Постскриптуме» допустил, что моральные ценности могут быть включены в обоснование права.

Споры о правиле признания продолжаются и сегодня. Лауренц Рамзауэр в своей статье утверждает, что правило признания выполняет лишь эпистемическую функцию, подобную правилам грамматики: оно показывает, что считать правом, но ничего не предписывает.

Дворкин, по его мнению, не понял или исказил Харта: теория Харта была задумана как способ отличить следование правилу от привычки, а не как объяснение того, почему люди обязаны следовать правилам.

Томас Адамс рассматривает спор инклюзивного и эксклюзивного позитивизма и во многом снимает его, возвращаясь к вопросу о том, какую роль мораль принимает в условии действительности права. Критерии действительности, по его мнению, формальны: они определяют, чьи акты создают право, а не справедливо ли оно. Моральные ограничения конституции лишь обязывают суды отменять уже действительные законы, поэтому неконституционный закон действует, пока суд его не отменил. Значит, мораль не входит в условия действительности, как думают инклюзивисты, но закон может пользоваться моральными понятиями, и судье приходится рассуждать морально, вопреки эксклюзивистам.

Ещё один вопрос — уязвимость самого правила. Адамидис в своей статье использует хартовское правило признания как точку отсчёта для анализа популизма. Популизм стремится изменить демократическое правило признания, поставив абсолютный суверенитет «чистого народа» выше верховенства права и оспаривая, кто вправе занимать внутреннюю точку зрения. Поскольку правило держится на принятии, оно уязвимо для атак на правовые институты.

Таким образом, обсуждение правила признания, заданного Хартом по сей день остается актуальным. И это обсуждение идет по разным линиям: вопросы об обязательствах представителей закона и законадателей, вопрос о роли морали в критерии действительности права и насколько оно устойчиво к политическим атакам. Поскольку правило держится на общем принятии оно одновременно и служит основанием, но при этом является уязвимым.

Моргачёв Олег Васильевич
к.м.н., заведующий отделом организации и проектной деятельности
Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора

Кулак добродетели: архитектоника нравственной силы — от сократовского рационализма к системной сентиоцентрической модели

Сократ искал сущность добродетели в знании и разуме и задал вопрос: можно ли ей научить? Платон предложил трёхчастную модель души: разумное, яростное и вожделеющее начала. Аристотель критиковал сократовский рационализм за недооценку слабоволия, подчёрки-

вал роль привычки и «золотой середины» и разработал учение об отдельных добродетелях. Юм связал мораль с сочувствием. В XX веке Мур поставил под вопрос определимость добра, а Энском призвала вернуть в этику «философию психологии», без которой моральные понятия остаются пустыми абстракциями.

Продолжая традицию, автор предлагает помыслить архитектонику добродетели как цикл работы пяти взаимодополняющих функций: эмпатии, разумности, памяти, честности и решимости, представленных в образе кулака, несущего добро.

Цель исследования: разработать и наглядно представить модель архитектоники добродетели.

Модель построена с позиций сентиоцентризма и теории функциональных систем Анохина, согласно которой, целостный поведенческий акт организуется вокруг системообразующего фактора – полезного результата.

Для добродетели таким фактором является «хорошее само по себе» — истинный предмет выбора — то, что может быть выбрано и реализовано без противоречия.

Сентиенция (чувствование, феноменальное сознание) рассматривается как уровень первого лица, непосредственно совершающего выбор: приятие или неприятие.

Тогда реальный референт хорошего — приятные переживания, не связанные каузально со страданиями и/или смертью.

Для достижения и поддержания хорошего смыкаются в единый цикл взаимодействия пять психических функций, сравнимых с пальцами руки:

1) Эмпатия — со-чувствование, где удовольствия и страдания (свои и чужие) есть непосредственно явленные, но эпистемически ограниченные признаки истинного выбора — сходна с чувствительной и указующей функциями Index;
2) Разумность — функция мышления и подготовки вариантов выбора к оценке сентиенцией — как самый длинный палец Medius — помогает достать недоступное опыту;
3) Память — функция сбора, накопления, хранения и воспроизведения знания о сделанном выборе — подобна Anularis, несущему обручальное кольцо;
4) Честность — функция сохранения истинности, предотвращения искажений, выявления и исправления противоречий в процессе выбора — маленькая, но важная деталь — подобна Minimus, прижимающему Anularis и Medius к Index;
5) Решимость — функция реализации выбора в согласии с другими четырьмя — превращает теоретическую мудрость в практиче-

скую силу, творящую добро, которое включает «хорошее само по себе» и приближение к нему с минимизацией неизбежного страдания — она замыкает цикл добродетели — как Pollex замыкает ладонь в кулак.

Психика в целом, понимаемая как комплекс сентиенции и несентиентных механизмов, сравнима с ладонью, а приятные и неприятные переживания — с фигурами ладони.

Сентиоцентрическая модель не подменяет этику психологией, а объясняет механизм возникновения и специфику моральной нормативности: нормативность возникает при сохранении в памяти знания о безальтернативном выборе избегания страдания; это знание — закон, предписываемый самой сентиенцией своему разуму — безусловно ограничивает будущие акты выбора, влияющие на себя и других, и сохраняет при этом свободу выбора.

Предлагаемая архитектоника переводит обсуждение добродетели от описания перечня качеств к анализу её устройства, объясняя, почему она не сводится к знанию, привычке, чувству или долгу, а возникает как результат согласованной работы пяти функций, замкнутых обратной связью через сентиенцию.

Отвечая на вопрос Сократа: да, добродетель связана со знанием и разумом, но не сводится к ним — подобно физической подготовленности тела, нравственная сила души возникает через развитие и координацию определённых функциональных качеств.

Добродетель — не дар и не набор готовых ответов, а качество, формируемое через осознанную практику.

Архитектоника кулака проясняет природу традиционных добродетелей как частных режимов работы единой функциональной системы, открывая путь к их самодиагностике и целенаправленному развитию.

Морозов Константин Евгеньевич
младший научный сотрудник
Институт философии РАН

Пересмотр приоритарного либертарианства

Левое либертарианство — это семейство теорий справедливости, которые пытаются примирить либертарианскую приверженность негативной свободе и эгалитарную заботу о благе наименее обеспеченных. Традиционно левые либертарианцы пытались добиться этого, провозглашая исключительные права каждого на своё тело и эгалитарные права на природные ресурсы, однако сегодня подобный синтез чаще

всего рассматривается как бесперспективная стратегия. Это мотивирует философов, заинтересованных в левом либертарианстве, обратиться к альтернативным формулировкам этой позиции. Одной из них является приоритарное либертарианство. Впервые эту позицию предложил Ричард Арнесон, однако впоследствии эта теория не привлекла к себе никакого внимания со стороны других философов.

Арнесон рассматривает приоритарное либертарианство как обычный приоритарный консеквенциализм, дополненный некоторыми либертарианскими принципами. Идея в том, что принятие решений подчиняется двум наборам принципов. Первый из них является либертарианским и требует уважать права людей на негативную свободу и честно приобретённую собственность. Второй набор является приоритарным и требует максимизировать общественное благосостояние, но таким образом, чтобы интересы менее обеспеченных получили приоритетный учёт. Затем устанавливается определённый порог, при пересечении которого второй набор начинает действовать как более приоритетный, чем первый. Если этот порог будет установлен слишком высоко, то получившаяся теория, в сущности, будет неотличима от стандартного правого либертарианства, тогда как при слишком низком пороге она будет неотличима от обычного приоритарного консеквенциализма.

Большинство либертарианских философов проигнорировало концепцию Арнесона, и для того, как кажется, есть причины. Главная из них состоит в том, что концепция Арнесона является отчётливо консеквенциалистской, тогда как традиционно либертарианство привлекает людей, склонных к деонтологической этике. Поэтому, возможно, приоритарное либертарианство привлечёт больше сторонников, если переформулировать его как деонтологическую точку зрения. Карлос Сото выделяет две деонтологические версии приоритаризма: контрактуалистическую и кантианскую. Сторонниками первой являются Томас Нагель, Эндрю Уильямс, Лэй Чжун и Иньин Тан, а вторую поддерживает сам Сото.

Контрактуалистический приоритаризм рассматривает мораль как общественный договор, с которым разумно согласиться для каждого человека. Предполагается, что при отсутствии знаний о вероятностях оказаться в том или ином социальном положении разумно поддерживать неабсолютный приоритет интересов наименее обеспеченных членов общества при распределении социальных и экономических благ. Кантианский приоритаризм же подразумевает, что учёт относительного положения человека необходим для отношения к этому человеку как цели, а не просто средству, в силу того, что наши возможности помогать нуждающимся ограничены и требуют приоритизации чьих-либо интере-

сов, а относительное благополучие является единственным непроизвольным критерием такого приоритета (кроме, возможно, заслуженности).

Какая из двух деонтологических версий приоритаризма лучше совместима с либертарианством? Эрик Мак и Рональд Дворкин в различных контекстах подмечали, что правдоподобие любой контрактуалистической позиции опирается на неявную кантианскую предпосылку о внутренней ценности человеческой личности. Без этой предпосылки метафора общественного договора в лучшем случае может служить основанием для рационально-эгоистического контрактаризма в стиле Дэвида Готье и Грегори Кавки, однако этого недостаточно, чтобы обосновать особые обязательства содействовать благу наименее обеспеченных. Таким образом, если какая-либо форма приоритарного либертарианства может быть обоснована, то это кантианский приоритаризм. Однако остаётся открытым вопрос, совместимо ли признание внутренней ценности всякой личности с негативной свободой, как её понимают либертарианцы, то есть с принципом самопринадлежности.

Морозов Семен Игоревич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этическая проблематика педагогического вмешательства в фильме И.А. Авербаха «Чужие письма» (1975)

Фильм Ильи Авербаха «Чужие письма» (1975) представляет собой этическое исследование границ педагогического вмешательства в становящуюся субъектность подростка. В центре сюжета — конфликт учительницы математики Веры Ивановны и девятиклассницы Зины Бегунковой. Зина растёт в неблагополучной семье: мать отбывает срок, воспитанием занимается старший брат, отношения с его женой конфликтны. Уйдя из дома, Зина пытается завязать романтические отношения со взрослым мужчиной Женей Пряхиным, приятелем брата, но получает грубый отказ. Вера Ивановна, движимая состраданием, разрешает девочке пожить у неё. Однако сострадание оборачивается вторжением: Зина начинает вести себя как хозяйка, манипулирует учительницей, вмешивается в её личную жизнь. Кульминацией фильма становится тайное переписывание любовных писем Веры Ивановны, которые Зина выдаёт за свои, якобы полученные от взрослого мужчины. Публичное чтение этих писем в школе становится актом символического насилия над учительницей. Когда Зина запирает дверь, не отпуская Веру Ивановну на свидание, происходит первая в жизни учительницы по-

щёчина. Финал демонстрирует разочарование Веры Ивановны в собственных методах воспитания и осознание того, что попытка изменить жизнь ученика к лучшему может привести к ещё большему разрушению.

Для теоретического осмысления этого конфликта продуктивна лакановская модель субъекта. Зина находится на переходе от воображаемого регистра к символическому. Воображаемое, связанное со стадией зеркала, конституирует «Я» через идентификацию с внешним образом, всегда отчуждённым и агрессивным. Символическое вводит субъекта в порядок языка, закона и социальных норм, требуя принятия «Имени Отца» — инстанции, ограничивающей воображаемое всемогущество. Зина демонстрирует симуляцию символического закона без его подлинного принятия. Она воспроизводит репрессивные модели властных отношений, усвоенные в семье и школе. Её поведение — не возрастной бунт, а захваченность воображаемыми механизмами власти. Вера Ивановна терпит поражение именно потому, что не распознаёт эту захваченность. Её педагогика, основанная на жалости и желании «понять» ученицу, оказывается бессильной перед логикой воображаемого.

Этическая апория здесь фундаментальна: может ли педагог вторгаться в сокровенные слои личности ученика, не разрушая саму возможность субъект-субъектных отношений? Лакан подчёркивает, что становящийся субъект, конституируется через нехватку и разделение. Этически ориентированное образование, следовательно, состоит не в «исправлении» или «заполнении» этой нехватки, а в создании условий для встречи ученика с собственным желанием.

Сравнение с фильмом Ингмара Бергмана «Персона» (1966) углубляет этот тезис. Отношения медсестры Альмы и актрисы Элизабет разворачиваются как столкновение воображаемой идентичности, требующей признания, и ускользания от символического порядка. Их слияние и взаимное поглощение в финале обнажают неразрешимость этого противостояния. Бергман, как и Авербах, исследует этическую проблему вторжения в чужую субъективность. Попытка «понять» другого через присвоение его внутреннего мира оборачивается насилием. Однако если у Бергмана конфликт проходит в замкнутом пространстве дома на берегу моря, то у Авербаха он локализован в школьном классе, что придаёт ему специфически педагогическое измерение.

Таким образом, фильм «Чужие письма» демонстрирует этическую несостоятельность педагогики, основанной на присвоении внутреннего мира ученика. Лакановская оптика позволяет увидеть, что подлинно этичное педагогическое отношение предполагает отказ от фантазии о «полном понимании» и признание принципиальной недоступности дру-

гого субъекта. Границы вмешательства педагога определяются уважением к той нехватке, которая конституирует субъекта как такового. Фильм Авербаха остаётся актуальным для современных дискуссий о нормализации повседневности в образовании, он предостерегает от иллюзии, будто педагогика способна «сформировать» личность, не рискуя разрушить саму её субъектность.

Мочалова Ирина Николаевна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Платон о роли учителя-эксперта и возможностях этической экспертизы (на примере дефиниции мужества в диалоге «Лахет»)

Во второй половине V в. до н.э. на древнегреческой культурной сцене появился мастер-интеллектуал (софист), способный обучать искусству (τέχνη) слова, или риторике. Это означало существенное расширение области τέχνη, ибо вплоть до начала V в. до н.э. это понятие использовалось для характеристики разнообразных, связанных преимущественно с ручной деятельностью, практик — земледелием, ткачеством, работой плотников, поваров и пр. Педагогическая практика так же понималась как «ручная работа»: педиотрибы, кифаристы и грамматисты, дававшие ребенку соответственно физическое, музыкальное и грамматическое образование, фактически обучали тело ребенка необходимым ему для жизни ремеслам. Ремесло софистов (σοφιστική τέχνη), расширив область использования, не изменило сущности τέχνη — ее ориентации на достижение пользы в рамках выполнения определенной задачи: медицина служит здоровью, земледелие нужно для обеспечения пищей, софистика — для воспитания человека. Занятие ремеслом предполагает его профессионализацию. Любое ремесло основывается на знании специалистов, которые умеют использовать все средства для достижения своей цели и способны обучать своему искусству других. Как любой профессиональный труд, τέχνη предполагает денежное вознаграждение; нет ничего удивительного в том, что софистическое ремесло, как и любое другое, должно было оплачиваться.

В Афинах к началу IV в. до н.э. занятия с софистом приобретают характер социальной нормы для активного гражданина Афин. Софистическое ремесло быстро выходит за пределы лишь словесного искусства. Осознание слова как универсального инструмента достижения

влияния, а значит успеха и славы практически в любом роде деятельности — от политической до домашней, делало возможным расширение значения ἀρετή от таланта или мастерства в каком-то из отдельных искусств до добродетели как моральном качестве, понимаемом в смысле необходимого условия правильной и счастливой человеческой жизни. Обещание Протагора «сделать людей хорошими гражданами» (ποιεῖν ἄνδρας ἀγαθοὺς πολίτας — Pl. Prot. 319a 4–5), или иначе, — научить ἀρετή, положило начало долгой дискуссии, актуальной и сегодня, о возможности научить добродетели.

Наиболее последовательно суть дискуссии формулирует Платон, вопрошая в «Меноне»: «Можно ли научиться добродетели? Или ей нельзя научиться и можно лишь достичь ее путем упражнения? А может быть, ее не дает ни обучение, ни упражнение и достается она человеку от природы либо еще как-нибудь?» (Pl. Men. 70 a; ср. Pl. Prot. 361 a–c). Очевидно, что ответы на эти вопросы нельзя дать без всестороннего анализа самой практики пайдейи и ее терминологического инструментария, что и будет сделано Платоном в ряде диалогов. Один из них — диалог «Лахет», в котором Платон на примере рассмотрения мужества как ἀρετή показывает слабость τέχνη как пайдейи. Приглашенные эксперты, афинские военноначальники — Никий и Лахет, понимая в рамках военного ремесла ἀρετή как совокупность умений, навыков и знаний, не могут дать удовлетворительной дефиниции мужества, а значит выступить учителями-экспертами. Такую этическую экспертизу Платон противопоставляет особой моральной практике, которая состоит не в передаче готовых знаний, которых нет у Сократа, а в личном усилии, необходимом для совершения нравственных поступков.

Исследование выполнено в РГГУ за счет РНФ в рамках Соглашения 23-18-00971-П от 01.06.2026.

Мудраков Сергей Витальевич
преподаватель
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Военное образование и нравственность: прошлое и будущее

Русское военное образование, вобравшее в себя передовые идеи мировой педагогической культуры, по многим параметрам на протяжении многовековой истории нашей страны являлось образцом организации военного обучения и воспитания, а также обязательно содержало в себе нравственные ориентиры и моральные нормы. Для нашей страны

сегодня необходимость гуманитаризации высшей военной школы в современных условиях диктуется потребностью возвращения к историческим традициям российского гуманитарного образования, преодоления узкоутилитарного подхода к человеку как главному трудовому ресурсу, послушному исполнителю. И именно этой цели должны служить гуманитарные дисциплины, преподаваемые в военных учебных заведениях и, особенно преподавание истории и военной истории. Обращение к этой проблеме, кроме всего прочего, обусловлено реформированием силовых структур, возрастанием требований к профессиональной подготовке офицеров, способных не только решать сложные боевые и повседневные задачи, но и управлять становлением, развитием малых и больших воинских коллективов, заниматься собственной духовной жизнью, саморазвитием. Современным Вооруженным Силам России нужны гуманитарно образованные и гуманно воспитанные офицеры, с твёрдым моральным компасом и широким взглядом на все стороны жизни армии и общества, способные видеть в подчиненном, прежде всего, человека, признавать самоценность личности, ее достоинства и право на полное раскрытие своих способностей в военной области.

Военный руководитель, военный педагог, военный специалист, наряду с глубокими военными знаниями должен обладать такими качествами, как интеллигентность, высокая философская и политологическая культура, социологическая и юридическая подготовка, умение работать с людьми, умение управлять ими и обладать высокой нравственной и моральной культурой.

Особую роль нравственному воспитанию отводила, в первую очередь система военного образования в России в дореволюционный период (до 1917 года), которая, с одной стороны, отвечала требованиям своего времени и была достаточно эффективной в плане становления военного профессионала, а с другой, несомненно демонстрировала высокий культурный, нравственный и образовательный уровень российского офицерства. Советский период также отличается формированием своеобразного «кодекса чести» советского офицера, а также его нравственного и морального облика как внутри воинского коллектива, так и в общественном сознании. После краха советской системы рушатся и нравственные устои, составлявшие основу советского военного образования, поэтому сегодня крайне важно учитывая опыт прежних исторических эпох так выстроить систему современного военного образования, чтобы она позволяла выстроить чёткую систему моральных ориентиров будущих офицеров и позволила им вновь стать моральным компасом современного российского общества.

Мухачёва Диана Александровна
магистр
Лекторий «Doctrina et nobiles» (DN online)

Анималистическая погребальная эпитафика как биофилософский источник

Античный мир, где философы выстраивали иерархии душ и проводили границу между разумным и неразумным, в повседневной жизни демонстрировал более сложное отношение к животным. В Помпеях и Риме найдены надгробия, посвящённые собакам, лошадям и птицам. Расположенные вдоль дорог за городскими стенами, римские гробницы были частью публичного пространства, поэтому личная скорбь по животному становилась социально видимой. Это особенно примечательно для культуры, подчёркивавшей эмоциональную сдержанность и рассматривавшей животных как имущество или инструмент.

Эпитафии показывают, что животное могло быть объектом привязанности, памяти и скорби. В надписи I–II веков н. э. собака Маргарита говорит от первого лица, вспоминая охоту, отсутствие жестокого обращения и близость к хозяевам. Другая эпитафия выражает скорбь по собаке Патрике, которую автор называет любимым товарищем и наделяет «человеческой» мудростью. Такие тексты свидетельствуют о переживаемом, а не только теоретически осмысленном признании ценности животного.

При этом отношение оставалось социально-иерархическим. Собаки описывались через функции: комнатные — через игривость и ласку, охотничьи и сторожевые — через доблесть и преданность. Их качества одновременно характеризовали хозяина, демонстрируя его статус, достаток и способность управлять ойкосом. Эпитафия Партенопы прямо говорит: «Ведь есть награда за любовь и для собак: так и она, будучи доброй по отношению к своему кормильцу, получила это надгробие». Поэтому памятник был одновременно выражением привязанности и социальным маркером.

Показательны и имена собак. Наряду с рекомендованными Ксенофонтом Ψυχή («Душа») и Φύλαξ («Страж») встречались «говорящие» имена Φιλοκύνηγος («Любящий охоту»), Τύραννος («Тиран») и человеческие имена. Исследователи отмечают их сходство с именами рабов, также отражавшими функции и качества. Животное, таким образом, было включено в структуру домашней и социальной иерархии.

Собачьи эпитафии используют сходные с человеческими формулы скорби и повествование от первого лица, но иногда подчёркивают необычность погребения собаки «как человека». Хозяин именуется ἄναξ

или δεσπότης («господин», «хозяин»), собака — δουλίς («рабыня») или τροφίμη («воспитанница»). Животное сохраняет подчинённый статус, но одновременно оказывается участником отношений заботы, зависимости и привязанности.

Именно эта двойственность делает эпитафии ценным биофилософским источником. Они не создают теорию морального статуса животных, а фиксируют дорефлективный этический опыт, в котором животное уже является достойным любви, памяти и скорби. Античная эпитафика показывает, что моральная забота о животных существовала задолго до её философской концептуализации. Философия не создаёт этот опыт, а осмысливает и одновременно может ограничивать его, помещая животное в онтологические и моральные иерархии. В этом состоит парадокс западной этической мысли: по мере систематизации морали животное всё сильнее оказывается на границе морального сообщества.

Назаров Владимир Николаевич
профессор, д.филос.н., профессор кафедры философии и культурологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Этический смысл «эффекта зловещей долины» (к проблеме антропоморфизации искусственного интеллекта)

Метафорический термин «зловещая долина» был предложен японским специалистом по робототехнике Масахиро Мори для характеристики шоковой динамики восприятия человеком машины-робота. На основании социологических опросов ему удалось установить, что фигура робота воспринимается пользователем настороженно и недоброжелательно. Однако повышение внешнего сходства робота с человеком позволяет снизить уровень настороженности и неприятия. Нарастающая «антропоморфизация робота плавно улучшает характер его восприятия человеком вплоть до той критической точки, когда в фазе чрезмерно реалистической имитации человеческого облика не происходит резкий спаду. Описывая этот неожиданный эффект отторжения, Масахиро Мори констатировал что, стремясь добиться максимального человекоподобная роботов, мы постепенно начинаем ощущать все большее сходство с ними, пока увеличивающаяся реалистичность не приводит нас к своеобразной «долине» (изображаемой на графике), которую Масахиро Мори в силу крайне негативных ощущений человека в этой фазе антропоморфности робота, предложил назвать «зловещей».

Суть здесь в том, что при полном внешнем уподоблении робота человеку становится очевиден главный изъян такого сходства, проявляющийся в отдельных, казалось бы, незначительных деталях (мимике лица, наклоне и повороте головы и т.п.) — отсутствие полноты жизненности, которая воспринимается как неживое, как псевдо-жизнь или как искусственно живое, что вызывает у человека инстинктивное чувства страха и тревоги. Эффект «зловещей долины» фактически означает, что процесс антропоморфизации протекает здесь без использования (моделирования) духовно-нравственной основы природы человека. Человек — не Бог и он может придавать своим творениям (роботу, искусственному интеллекту и т.д.) только внешнее образное сходство, но отнюдь не внутреннее подобие с самим собой.

Эффект» «зловещей долины» получил в литературе, преимущественно, психоэмоциональную интерпретацию, связанную с описанием многообразия негативных чувств, исходящих из неприятия и отторжения фигуры искусственного человекоподобного существа.

В данной публикации мы бы хотели обратить внимание на этическое значение и смысл эффекта «зловещей долины. С этической точки зрения в «зловещей долине» можно видеть своего рода моральный тест на степень толерантного отношения к «чужому» в маске «своего» и, наоборот, — «своего» в маске «чужого». Эту ситуацию хорошо удалось показать С. Лему в романе «Солярис». Суть ее в том, что главный герой (Крис Кельвин) отчетливо осознаёт и чувствует, что в образе его «воскресшей» жены Хари перед ним предстает нечто «чуждое» и «зловещее», нечто псевдо-живое под маской «своего». Но моральное чувство вины от причинённого ей в реальной жизни зла, пересиливает ужас «зловещей долины» и вызывает нравственные реакции сострадание и солидарность с «чужим» и псевдо-живым.

Может ли человек испытывать подобные чувства по отношению к человекоподобным формам искусственного интеллекта? Как создатель ИИ, он должен нести моральную ответственность за опредмечивание части собственной сущности под маской «чужого», приобретающего всё большую самостоятельность и независимость. В сочетании с тенденцией антропоморфизации ИИ человек всё чаше будет ощущать себя в ситуации «зловещей долины», сталкиваясь с новыми негативными вызовами цифровой реальности, находящейся под контролем ИИ. Может ли ему в этой ситуации помочь нравственное чувство героя романа С. Лема, чувство того, что это — его вина и что только он сам должен отвечать за последствия своего судьбоносного выбора.

Назарова Юлия Владимировна
профессор, д.филос.н., профессор
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Трансформации зла: антиномия искусственного зла в цифровой этике

Проблема природы зла в истории этики может быть сформулирована в качестве антиномии: Тезис: зло ради зла существует, но оно не может быть человеческим — Антитезис: зло ради зла существует, и может быть свойственно человеку. Тезис этой антиномии изначально принадлежит И. Канту, который вводит понятие дьявольского зла (das teuflische Böse), подчеркивая, что, в отличие от дьявольского зла, радикальное зло, свойственное человеку, всегда совершается на основании эгоистических мотивов, а не ради самого зла. Согласно Канту, дьявольское зло отличается следующими характеристиками:

1) Оно метафизично, так как выходит за пределы практического смысла.
2) Оно осознанно, так как проявляется вопреки знанию о нравственном законе.
3) Оно является актом бунта против порядка и добра.
4) Оно лишено каких-либо моральных мотивов или попыток морального самооправдания.

Антитезис этой антиномии (способность человека к дьявольскому злу) так или иначе доказывался С. Кьеркегором, Д. фон Гильдебрандом, а также — в русской философии (Н. Лосский, Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков). В религиозно-философском смысле дьявольское зло рассматривалось как синтез метафизической природы зла и человеческой воли. Демистификация дьявольского зла происходит во второй половине XX века; метафизическая природа зла изменилась на социально-политическую (Х. Арендт, М. Фуко, С. Жижек, Р. Бернштейн), существование дьявольского зла стало определяться синтезом деструктивных идеологий и морального зла. Однако развитие цифровых технологий значительно расширило проблему: на смену метафизике (сатанинской природы зла) или идеологии (породившей диктатуры и тоталитаризм) пришло искусственное зло (как воля обезличенной машины, не имеющей метафизического или морального мотива). Л. Флориди вводит понятие искусственного зла (Artificial Evil), которое рассматривается в современной философии в таких проявлениях как алгоритмизация зла (продвижение алгоритмами контента, основанного на интересах множества пользователей), цифровое насилие (цифровой садизм, «культура отмены», кибербуллинг и т.п.), геймификация зла (игровая симуляция реальных катастроф или массовых убийств), циф-

ровое убийство реальности (дипфейки, дезинформация, искажение смыслов). С одной стороны, речь идет о банальности зла (термин, взятый из теории зла Х. Арендт), которая заключается в том, что повседневные действия пользователей, представляющие собой малое моральное зло, превращаются в масштабное искусственное зло, эффект которого схож с силой метафизического зла. С другой стороны, движущая сила искусственного зла заключается в социально-экономической воле крупных корпораций.

Искусственное зло формирует новую антиномию. Тезис: Искусственное зло существует само по себе, способно к развитию и может не зависеть от человеческой воли. Антитезис: Искусственное зло может существовать и развиваться только благодаря человеческой воле. В отличие от религиозно-философского подхода, где метафизическая природа дьявольского зла могла нанести вред только в сочетании с моральным злом, или социально-политического подхода, где дьявольское зло проявляло себя в культурно-антропологическом контексте, искусственное зло плотно вплетено в повседневную жизнь, что усложняет вероятность морального-ценностного осознания такого зла. Опасность искусственного зла осознается, в частности, трансгуманистами, что формирует дилемму экзистенциальных рисков искусственного интеллекта (Н. Бостром), которая подчеркивает невозможность прекращения прогресса новейших цифровых технологий и вероятность потери контроля над ИИ. Однако, этическая рефлексия в области цифровых технологий, возможно, является одним из немногих способов гуманитарно-ценностного осознания происходящих трансформаций зла.

Наркевич-Иодко Маргарита Сергеевна
доцент, к.филос.н., заведующая кафедрой физического воспитания
Пензенский государственный аграрный университет

Этика и этикет в спортивной и тренерской деятельности

В повседневной спортивной практике понятия «этика» и «этикет» часто используются как взаимозаменяемые, что приводит к терминологической путанице и, как следствие, к неверному пониманию природы моральных требований в спорте. Между тем, различие между этикой и этикетом носит принципиальный характер и имеет важное практическое значение в спортивной и тренерской деятельности. Понимание этого различия позволяет тренеру не только правильно оценивать поведение спортсменов, но и выстраивать систему воспитательной работы, в которой внешняя дисциплина постепенно перерастает во внутреннюю нравственную потребность.

Спортивный этикет представляет собой совокупность формальных правил поведения, традиций и условностей, сложившихся в спортивной среде и регулирующих внешние проявления отношений между участниками спортивных событий. Как и любой другой вид этикета, он содержит ритуалы, церемонии, нормы общения, дресс-код и другие формальные аспекты поведения, принятые в данном спортивном сообществе. Соблюдение правил этикета демонстрирует уважение к сопернику, судьям, зрителям и самой спортивной традиции. Особо выделяются международные протокольные нормы, связанные с демонстрацией государственных флагов, исполнением национальных гимнов и соблюдением дипломатического этикета во время международных соревнований.

Спортивный этикет исторически изменчив. То, что считалось нормой в прошлом, сегодня может восприниматься как неприемлемое и наоборот. Современные тенденции в эволюции спортивного этикета связаны с усилением его публичности и медийности: поведение спортсмена на соревнованиях стало частью глобального шоу-бизнеса, что предъявляет новые требования к внешнему виду, общению и поведению атлетов.

Спортивная этика представляет собой систему моральных принципов, ценностей и норм, регулирующих поведение участников спортивных отношений на основе внутренних нравственных убеждений, а не только внешних правил и традиций. В отличие от этикета, этика обращена к мотивам, намерениям и ценностным основаниям поступков, а не только к их внешней форме. Фундаментальным принципом спортивной этики является «фэйр-плей». Спортивная этика охватывает моральные аспекты всех видов спортивных отношений: между спортсменами в процессе соревнования и тренировки; тренера со спортсменами; спортсменов с судьями; отношения к зрителям и обществу в целом и отношения к самим спортивным ценностям. Предметом спортивной этики являются не только поступки, но и мотивы, намерения, ценности и установки личности, что делает ее более глубоким регулятором поведения, чем формальные правила этикета.

Несмотря на различие природы этих этики и этикета, между ними существует ряд общих черт. Как этика, так и этикет направлены на регулирование поведения участников спортивных отношений, содействуют поддержанию порядка в спортивной среде и созданию благоприятной атмосферы для соревнований и тренировок. И этика, и этикет отражают уважение к сопернику и признание его достоинства, а также обеспечивают преемственность и сохранение культурных традиций, сложившихся в спорте.

На практике этика и этикет тесно взаимосвязаны. Внешние формы поведения часто являются выражением внутренних нравственных уста-

новок. Воспитательная работа тренера должна строиться на понимании того, что внешнее соблюдение этикетных норм не является достаточным показателем нравственной культуры спортсмена. Этикет без этики превращается в лицемерие и пустую формальность. И наоборот, пренебрежение этикетными нормами, вызванное незнанием или неопытностью, не должно немедленно расцениваться как этическое нарушение.

Итак, спортивная этика и спортивный этикет, будучи тесно взаимосвязанными, являются различными по своей сущности регуляторами поведения в спортивной среде. Они взаимодополняют друг друга: этикет придает внешнюю форму выражению нравственных установок, а этика наполняет формальные действия подлинным содержанием. Воспитание, сочетающее внешнюю дисциплину и внутреннюю нравственную потребность, составляет подлинную цель тренерской этики в ее гуманистическом измерении.

Невважай Игорь Дмитриевич
профессор, д.филос.н., заведующий кафедрой
Саратовская государственная юридическая академия

Проблема доверия и презумпция ума в процессе коммуникации

Одна из фундаментальных проблем, с которой сталкивается человек в бытии общения, это проблема доверия. Доверие является базовой презумпцией человеческого разума в коммуникации с богами, природой, другими людьми, самим собой. Что такое доверие? Это условие вступления в коммуникацию с Другим. Это условие признания Другого как равноправной стороны общения. Человек вступает в коммуникацию постольку, поскольку его существование зависит от Других. Другие должны быть не только безопасными (первичный уровень доверия), но и полезными, служащими, помогающими мне быть человеком. Более того, бытие человеком предполагает возможность обмениваться услугами с другими. Доверие к Другому предполагает возможность реализовать себя в качестве человека. Во взаимоотношении человека и искусственного интеллекта (AI) проблема доверия приобретает особую остроту и специфику, поскольку AI является совершенно новым агентом человеческой коммуникации. Проблема доверия решалась в истории человечества по-разному. Доверие к богам основано на любви и страхе как источнику всякого блага, в том числе и моего существования, и как строгому судье. Доверие к природе основано на знании. Доверие к другим людям связано с надеждами и оправданными ожиданиями. Ан-

тропоцентризм эпохи Возрождения основывался на доверии человека собственным чувствам, мыслям, мотивам поступков, собственному опыту. Таким образом, возможность обнаружить обман и избежать его является гарантом доверия. Важно отметить, что доверие зависит от наших надежд и ожиданий, от соответствия нашим потребностям, желаниям, интересам. Но в любом случае, доверие предполагает, что наши ожидания будут оправданы, или не будут обмануты. Так что тема доверия неразрывно связана с (не)возможностью обмана. Это вводит нас в сферу семиотики. Доверие к AI зависит от того, как мы к нему относимся: в зависимости от того, чем для нас является AI, у нас будут формироваться ожидания и соответствующее доверие к нему. На данный момент AI не обладает каким-то собственным телом, он считается производным от человека. Для нас AI пока не имеет собственной субъектности, потребностей и интересов, собственных целей и смыслов. Но он «говорит» на нашем языке. Мы не верим, что он понимает нас, что мы ему интересны, что он готов помогать нам, а не просто выполнять наши желания. То есть мы относимся к AI лишь как к нарративу.

Умберто Эко отмечал, что семиотика занимается всем, что можно использовать для того, чтобы лгать. Для различения истины и лжи, правильного и неправильного необходимы нормы, правила. Отсюда мой главный тезис: семиотика — это язык описания человеческого бытия как бытия нормативного. Проблема доверия переформулируется в проблему следования правилу, норме. Последняя была поставлена Л. Витгенштейном. В отношении норм я придерживаюсь семиотической концепции норм. Суть ее в том, что всякая норма (мышления, восприятия и практики) есть фиксированная конвенционально связь знака и предметного значения, или смысл (по версии Г. Фреге). Такой подход позволяет проанализировать проблему доверия между человеком и AI с помощью семиотических представлений. Предметом обсуждения в докладе будут следующие вопросы. Могут ли AI и человек обманывать друг друга? Обман есть инструмент власти. Могут ли AI и человек проверять друг друга? Могут ли AI и человек принять общие правила и подчиняться им? Возможен ли научный этос, распространяемый на AI? Само определение AI как интеллекта есть выражение нашего доверия к нему. Мы думаем доверять ему как уму Другого или другому уму. Мы существа нормативные. Является ли таковым AI в коммуникации с нами — в этом, как мне кажется, одна из главных проблем.

Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории правовой философии Института правотворчество и правового прогнозирования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Недяк Богдан Ленидович
обучающийся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Пределы этического рационализма: возвращаясь к Бергсону

В этике долго господствовало и до сих пор господствует убеждение, что источник и основание моральной обязательности находится в разуме. В докладе рассматривается критика этого убеждения А. Бергсоном в «Двух источниках морали и религии» (1932). Бергсон предлагает генетическую модель: мораль имеет внеинтеллектуальные, по сути биологические истоки и складывается из двух разнородных сил — принуждения и призыва. Интеллект не создаёт обязательность, а лишь обслуживает её и закрепляет.

Общество, по Бергсону, подобно живому организму, а индивиды — подобны клеткам, взаимно ограничивающим друг друга социальными привычками. Наиболее устойчивые и оправдавшие себя привычки складываются в социальную обязанность, из которой вырастают обычай и закон — будь то религиозная заповедь или правовая норма. Закон в известном смысле отражает законы природы. По происхождению моральная обязанность инстинктивна, как в муравейнике или пчелином рое, а интеллектом она лишь поддерживается в плане реализации в обществе. Нарушение обязанности зачастую влечёт за собой моральное беспокойство, выражающее конфликт «Я индивидуального» и «Я социального».

Центральным для доклада является бергсоновский аргумент против рационалистического обоснования долга, прежде всего категорического императива И. Канта. Поскольку разум у разумного существа действует как регулятор, обеспечивающий связность между обязательными правилами или максимами, постольку философия и увидела в нём первооснову моральной обязанности (долга). В момент сомнения в правильности поступка движущей силой зачастую становятся страсти, корыстные интересы и тщеславие, а не стремление руководствоваться логикой. Разум упорядочивает правила, но не сообщает им силы. К тому же на любые разумные моральные доводы находятся не менее разумные контрдоводы, поэтому исключительно рациональная мораль не даёт значимых этических результатов.

Концепция, согласно которой рационализированное представление о долге способно полностью подавить эгоизм и страсти, не учитывает степень подверженности самих авторов подобных теорий указанным психологическим факторам. Из того, что мы рационально воздействуем

на моральную обязанность, не следует, что она сама принадлежит сфере рационального. Религиозные представления (идеи воздаяния, загробной жизни и т.д.) тоже интеллектуальны по природе и лишь закрепляют результаты исходного коллективного нравственного чувства.

Мораль, однако, не сводится только к моральной обязанности. По Бергсону, наряду с закрытой моралью, основанной на принуждении, запрете и коллективе, существует открытая мораль, действующая через призыв, образец и выдающуюся моральную личность. Первая социальна, вторая общечеловечна. Аналогичным образом различаются и индивиды — как члены закрытых групп или как носители открытого сознания. Установка индивида с закрытым сознанием — замкнутость на себе и своём социуме, с открытым — любовь ко всему живому, включая животных и природу. Если в основании закрытой морали лежит социальная привычка, то в основании открытой — творческая эмоция, но не «инфраинтеллектуальная», следующая за идеей, которой она выражается, а «суперинтеллектуальная», предшествующая идее и порождающая её.

Реальная мораль любого общества состоит из обеих вышеупомянутых тенденций, взаимно обусловленных и расположенных между полюсами социального давления и морального, личного стремления.

Для современной теоретической этики концепция Бергсона значима в трёх отношениях. Во-первых, она указывает границы рациональной аргументации: в моральных спорах логическая безупречность не гарантирует мотивационной силы аргументированных выводов. Во-вторых, она смещает акцент с моральных споров на моральное воспитание через образец, личный пример воспитателя. В-третьих, она предостерегает от распространенной ошибки: жизнь в искусственной, урбанизированной среде побуждает делать неверные умозаключения о природе морали, приписывая ей логику, которой в её основании нет.

Немова Дарья Андреевна
ассистент
Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России

Личность в пространстве истории и генеалогии в работах П.А. Флоренского

В работах П.А. Флоренского идея рода проявляется не просто как генеалогическая линия, но как реализация одного из принципов антроподицеи, т.е. конкретной метафизики, где проявляется принцип метафизического единства рода, как целого, а не как суммы поколений. При этом, каждый член рода выступает как один из элементов целостной

родовой системы и призван внести вклад в реализацию «родовой идеи».

Для построения своей концепции Флоренский опирается на платоновскую традицию и гётевское понятие «первоявления», где родовая сущность — это особый прообраз, как бы «просвечивающий» сквозь каждого члена рода и определяющий его глубинные черты и склонности. При этом личность не растворяется в роде, поскольку человек реализует себя и как «лицо», и как «лик» родовой сущности. «Лик» следует понимать, как воплощение общего замысла в конкретной индивидуальности, а «лицо» имеет собственное уникальное выражение, которое человек способен ярко проявить и передать следующим поколениям. За счет понимания ключевых направлений деятельности и знаний истории своего рода, Флоренский указывает на генеалогию, как особый путь самопознания личности.

Сам Павел Александрович скрупулезно собирал подробности и жизнеописаний всех членов своего рода, указывая на особенности и обстоятельства жизни и характера своих родственников. Особую важность имеет и нравственная сторона генеалогии, сохранение памяти о предках не формальность, а долг личности перед историей и самою собой. В связи с этим, Флоренский резко осуждал пренебрежение родовой историей, указывая на это как на «хамство», и указывая, что ничто в истории рода не пропадает бесследно.

Отдельно необходимо отметить бережное наставничество отца Павла в письмах к своим детям в период его нахождения в предсмертной ссылке. В этих посланиях он объясняет им принцип выбора профессии, нравственного следования долгу, существующих особенностях между дружескими и семейными отношениями, указывая на значительное превосходство последних. С особым трепетом он описывает существование тонкой духовной связи между супругами, и приходит к выводу о необходимо сохранения особой «чистоты» смыслов, насыщающих пространство каждого из супругов. В качестве примера он приводит небольшой опыт, проведенный им в собственной семье.

Все вышеуказанное позволяет рассматривать род как особую метафизическую структуру, которая позволяет личности существовать в ситуации социальной и исторической динамики, сохраняя определенные направления внутреннего нравственного и духовного становления и внешней социальной реализации.

Нечаева Мария Вячеславовна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Трагическое измерение политического действия: к вопросу о моральной ответственности политика

Современные политические кризисы часто ставят политиков в ситуации, где невозможно принять морально «чистое» решение. В рамках доклада я постараюсь показать, почему политическое действие — это зачастую не просто выбор между добром и злом, а выбор трагический. Для этого необходимо определиться со значением термина. Трагедия в изначальном античном понимании основана на столкновении личности с непреодолимым роком, причём к краху героя ведёт не злой умысел, а изъян характера или роковая ошибка («гамартия»), не зависящие от его воли и иногда даже следующие из его достоинств. Таким образом, герой оказывается виновен, даже когда не совершает зла намеренно. Безусловно, любой человек может столкнуться с моральной дилеммой, при которой любой его выбор ведёт ко злу. Однако именно в политике, где речь идёт о жизни огромного количества людей, данная дилемма проявляется наиболее остро, что ставит вопрос о границах моральной ответственности политика. Как утверждает Лео Штраус в эссе «Что такое политическая философия?», в основе современных неклассических политических теорий лежит сформулированный Н. Макиавелли принцип разделения политики и морали, разрывающий связь с классической традицией, в которой достижение блага и моральной добродетели считалось целью государства. Макиавелли отказывается от субстанциального понимания морали и определяет её в контексте соответствия целям человеческого коллектива — морально то, что способствует их достижению. Таким образом, государь обязан совершать зло ради укрепления государства. Проблема соотношения политики и морали рассматривалась и в дальнейшем, особенно в традиции политического реализма. Макс Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» (1919 г.) выделил два типа этического поведения: этика убеждения (безусловное следование абсолютным заповедям) и этика ответственности (оценка последствий действия). Политик, согласно Веберу, должен действовать по второму принципу, беря на себя ответственность за результаты, даже если его решения, согласно его убеждениям, будут аморальными. Концепт «грязных рук» в политике как философско-политическую проблему впервые ввёл Майкл Уолцер в статье «Политическое действие: проблема грязных рук» (1973 г.), позаимствовав метафору из пьесы Ж.-П. Сартра. Уолцер рассматривает различные типы

отношения к проблеме (Макиавелли, Вебер, Камю) и приходит к выводу, что цель не может в моральном смысле «оправдать» средства — политик, совершающий аморальный поступок ради «высшей цели», остаётся виновным, даже если его действия с утилитаристской точки зрения были правильными. Позиция Уолцера не разрешает дилеммы, а признаёт её неразрешимой трагической ситуацией, в которой для политика невозможно моральное оправдание, хотя прощение может быть возможным. В данном контексте интересна параллель с философией С. Кьеркегора, который выделяет три стадии существования — эстетическую, этическую и религиозную, — но также рассматривает «подтип» этической стадии — трагического героя, приводя в пример Агамемнона, принёсшего в жертву свою дочь ради победы в Троянской войне. Трагический герой, как и «рыцарь веры» на религиозной стадии, выходит за рамки этического, однако делает это не ради личной парадоксальной связи с Богом, а ради служения всеобщему, то есть земной цели, оставаясь в рамках этического — поэтому он может быть оправдан с точки зрения общественного мнения, но находится на низшей духовной ступени по сравнению с абсолютно одиноким «рыцарем веры». По моему мнению, характеристики трагического героя по Кьеркегору можно вполне обоснованно отнести прежде всего к политическим деятелям. Таким образом, именно признание трагической природы политического позволяет сохранить вопрос о моральной ответственности в сфере, где не существует идеально «чистых» решений, не впадая ни в крайности цинизма, ни в крайности морального абсолютизма.

Никерина Анастасия Алексеевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровая среда как фактор трансформации ценностей в супружеских отношениях

Современный брак претерпел существенную ценностную переориентацию. Если ранее союз супругов во многом опирался на традиционные ролевые предписания и выполнение базовых функций, то сегодня ожидания от брака радикально расширились. Партнеры ищут в супружестве не только материальную стабильность и продолжение рода, но и эмоциональную близость, психологическую поддержку, самореализацию и духовное родство. Брак стал восприниматься как институт, который должен удовлетворять весь спектр потребностей личности. Это

повышает уязвимость отношений: чем больше ожиданий связано с союзом, тем больше поводов для разочарования и конфликтов.

Цифровая среда выступает мощным фактором, ускоряющим и углубляющим эту трансформацию. Её влияние на ценностно-духовную сферу супружества разворачивается по нескольким направлениям.

Размывание общего ценностного пространства. Алгоритмы цифровых платформ формируют для каждого пользователя индивидуальный информационный поток. В результате супруги, проживающие под одной крышей, могут оказаться в разных информационных реальностях, так как каждый потребляет контент, подтверждающий его взгляды, и редко сталкивается с альтернативными позициями. Эти эхо-камеры разрушают общее смысловое поле, которое прежде объединяло партнеров. Повседневное отчуждение заключается в сокращении времени общения, пренебрежении семейными обязанностями, нежелании делиться переживаниями и является следствием того, что цифровые приоритеты вытесняют внутрисемейные связи.

Появление альтернативных систем норм. Особую опасность представляют онлайн-сообщества, которые конструируют и транслируют собственные ценностные модели. Погружение супруга в такое сообщество способно сформировать альтернативную систему координат, в которой брачные обязательства обесцениваются, а верность, взаимная ответственность и сопереживание утрачивают значимость. Мировоззрение человека, вовлечённого в подобные идеологические конструкции, может стать несовместимым с духовными основаниями брака.

Вытеснение совместных традиций индивидуальным потреблением.

Время, которое прежде шло на укрепление связи (разговоры по душам, общие ритуалы, совместный досуг) все чаще замещается индивидуальным потреблением цифрового контента. Совместные смыслы и опыт, составляющие ткань супружеской общности, истончаются. В условиях господства индивидуализма и гедонизма, которые цифровая среда усиливает, формирование объединяющих ценностей: любви, уважения, ответственности, честности — затрудняется.

Смещение границ приемлемого. Цифровая среда размывает привычные представления о допустимом в отношениях. Появление феноменов онлайн-измены, микроизмены, виртуального секса создает серую зону, в которой супруги могут принципиально расходиться в оценке одних и тех же действий. Конфликт возникает не из-за конкретного поступка как такового, а из-за несовпадения критериев, по которым этот поступок оценивается. Такие разногласия затрагивают саму идентичность партнёров и относятся к числу наиболее трудноразрешимых, поскольку

требуют не компромисса по частному вопросу, а переосмысления фундамента отношений.

Таким образом, цифровая среда не просто добавляет новые поводы для ссор, она формирует целостный контекст, в котором трансформируются сами критерии, по которым супруги оценивают свои отношения. Сохранение устойчивого брака в этих условиях требует от партнеров осознанного формирования общей цифровой культуры как нового фундамента, способного превратить технологические риски в ресурс развития отношений.

Николаева Жанна Викторовна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Этический компонент в генеративном архитектурном проектировании

Параметрическое архитектурное проектирование — это будущее профессии архитектора и дизайнера. Оно позволяет создавать объекты, которые обладают квалия: красивы, но и умны, адаптивны и устойчивы. Владение этими технологиями в 2026 году уже не является преимуществом — это необходимое условие для серьезного участия в архитектурной практике.

Генеративное проектирование — это итеративный процесс проектирования, при котором программное обеспечение на основе заданных параметров, ограничений и целей автоматически генерирует множество оптимальных решений. Вместо того чтобы предлагать одно или несколько решений вручную, инженер или дизайнер формулирует задачу, а алгоритм предлагает сотни или тысячи вариантов, каждый из которых соответствует заданным критериям. Это — не просто инструмент, а смена парадигмы. Компьютерное «мышление» отличается от человеческого. Оно не имеет предубеждений, не опирается на субъективный опыт и не боится экспериментировать с радикальными идеями. Генеративные системы находят уникальные сочетания параметров, которые могли бы никогда не прийти в голову даже самому опытному дизайнеру. Архитектор перестает быть создателем формы, становясь архитектором правил, определяющим логику формообразования. При этом форма возникает как результат взаимодействия множества гибридных условий, а не как субъективное решение.

Этический компонент в генеративном архитектурном проектировании охватывает ряд сложных вопросов, связанных с ответственностью,

авторством, предвзятостью, воздействием на общество, экологией и социальной инклюзией. Эти проблемы возникают из-за особенностей работы генеративных моделей, которые учатся на больших объемах данных и могут обладать влиянием на общество и окружающую среду.

Один из ключевых этических вопросов — разграничение ответственности между разработчиком алгоритма, архитектором, который применял генеративные инструменты, и строительной компанией. С точки зрения российского законодательства проектная документация — результат деятельности конкретных физических и юридических лиц. Нейросеть рассматривается как инструмент, а не как самостоятельный субъект проектирования. Юридическая ответственность за соответствие проектных решений требованиям технических регламентов и сводов правил несет главный инженер проекта, утверждающий документацию, и проектная организация как юридическое лицо. Существуют определенные риски: ошибка нейросети автоматически становится ошибкой проектировщика, если она не была выявлена и устранена на стадии внутреннего контроля. Возникают вопросы о том, кто является автором проекта, если его существенная часть создана с помощью ИИ. В действующей редакции Гражданского кодекса РФ результат, созданный без творческого участия человека, не может признаваться объектом авторского права. Однако если архитектор внес личный творческий вклад — формулировал запрос, отбирал и дорабатывал результат, — он остается ключевым звеном в создании произведения.

При проектировании новых объектов архитекторы сталкиваются с выбором между сохранением исторических зданий и их заменой. Это требует чуткости к культурным контекстам.

К сожалению, генеративные модели могут воспроизводить и усиливать существующие предубеждения, если обучающие данные содержат исторические или системные искажения. Например, алгоритмы могут генерировать стереотипные решения, не учитывающие потребности определенных социальных групп. Для решения этой проблемы или, как говорят специалисты, «минимизации предвзятости» внедряются так называемые «метрики справедливости» (demographic parity, equalized odds, calibration).

Для минимизации этических рисков в генеративном архитектурном проектировании выходные данные генеративных систем рассматриваются как исходные, требующие дальнейшего анализа и доработки человеком. При этом только философы и этики способны сформулировать более или менее приемлемые критерии для оценки творческого вклада человека при работе с ИИ и концептуализировать этот процесс.

Новиков Михаил Игоревич
обучающийся бакалавриата
Уральский федеральный университет

Квантификация красоты и проблема объективности эстетических суждений в современном обществе

В настоящее время многие аспекты общественной жизни подвергаются количественной оценке. Не обошла квантификация и человеческую красоту — в сети Интернет стремительно набирают популярность приложения для оценки привлекательности с помощью искусственного интеллекта ("Umax — Become Hot", "LooxUP" и др.) Во многом распространение таких приложений связано с популяризацией луксмаксинга — практик целенаправленного улучшения внешности разной степени радикальности. Термин приобрел широкую популярность в 2024 году, особенно в соцсети "TikTok". Ожидаемо, возникает вопрос об этичности представления субъективного эстетического суждения как объективного показателя и о справедливости подхода, при котором внешность становится основанием для предоставления или ограничения социальных возможностей.

Для начала следует отметить, что приверженцы луксмаксинга рассматривают внешность как ресурс, главным образом определяющий жизненный успех и статус. Согласно такой логике, красота может выступать ресурсом для социального капитала. Обратимся к Максу Веберу и его работе «Протестантская этика и дух капитализма», где он подчеркивает, что в рамках протестантской аскезы богатство «служит его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала». Аналогичным образом квантификация красоты помещает человека в цикл постоянной оценки и оптимизации собственной внешности. Такая фиксация на своей привлекательности связана с негативными последствия для здоровья: например, метаанализ 2018 года ("Body checking and body avoidance in eating disorders") показал корреляцию между частой проверкой тела и выраженностью симптомов расстройств пищевого поведения.

Однако проблема измеримости красоты не ограничивается самооценкой — она способна влиять и на восприятие других человеческих качеств. В этом контексте особенно показателен гало-эффект, при котором общее впечатление о человеке влияет на восприятие его отдельных характеристик. Луксмаксинг и приложения по оценке внешности способствуют формированию представления, согласно которому количественно выраженная привлекательность человека объективна, а полученная «объективизированная оценка» может использоваться как основание для суждений о других его качествах. В результате возникает

коммодификация внешности, сопровождающаяся обесцениванием других личностных характеристик, что позволяет провести аналогию с концепцией отчуждения Карла Маркса из «Экономическо-философских рукописей», согласно которой накопление богатства может сопровождаться отчуждением человеческой сущности. Квантитативный взгляд на привлекательность превращает ее в своеобразный статусный актив, а индивидуальные качества человека рискуют оцениваться преимущественно через призму общего впечатления от его внешнего вида.

Перейдем от концептуальной части к эмпирическим исследованиям с наибольшим числом цитирований. Например, в метаанализе "What is beautiful is good, but…" (1991) привлекательным людям действительно приписывали более положительные качества, однако эффект сильно зависел от оцениваемой характеристики: например, размер коэффициента Коэна для оценки социальной компетенции составлял d=0,68, а для интеллектуальной — уже d=0,48. Исследование 2003 года "The effects of physical attractiveness on job-related outcomes" также выявило положительный эффект привлекательности на трудоустройство, но общий эффект составил всего d=0,37. Подытоживая, красота действительно создает социальное преимущество, но его величина варьируется в зависимости от контекста, что не позволяет считать ее значимым фактором жизненного успеха. При этом статистически измеримый эффект не становится нормативно оправданным: влияние привлекательности на социальные оценки не означает, что она должна определять ценность личности.

Таким образом, квантификация красоты не делает эстетические суждения объективными, а лишь придает им видимость объективности. Этическая проблема возникает тогда, когда такой показатель превращается в основание для оценки личности и ее социальной ценности.

Овчинникова Елена Анатольевна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические нарративы в хрестоматийных текстах русской культуры

Вопрос об определении и критериях хрестоматийного текста культуры остается в современных исследованиях открытым. Прежде всего в качестве основных признаков хрестоматийного текста выделяют ряд его институциональных особенностей (включение текста в учебные программы, хрестоматии, цитируемость, воспроизводимость и т.д.). Однако, при рассмотрении хрестоматийных текстов не всегда учитывается их

особая роль в конструировании и трансляции нравственных норм, ценностей и образцов, что и составляет воспитательный потенциал этих текстов.

Особое назначение хрестоматийных текстов в культуре — это литература для детского чтения. Интерес к миру детства и воспитательной литературе возникает в русской культуре во второй половине XIX века (рассказы К.Н. Ушинского, Л.Н. Толстого и др. русских писателей, работа над текстами «Азбук»). В хрестоматийных текстах и детской литературе представлены моральные значения поступков, нормативные практики, ценностные основания мировоззрения, что и определяет нравственный мир человека и паттерны общественной морали.

В советский период детская литература формируется в одно из наиболее значимых литературных направлений, отвечая государственным задачам воспитания человека новой эпохи, — создаются издательства детской литературы, киностудии детских и юношеских фильмов.

В современном социо-гуманитарном знании детская литература, как и хрестоматийные тексты, рассматриваются преимущественно с филологической или педагогической точки зрения. На наш взгляд, в контекст этического анализа они не включены в достаточной мере. Возможно, это объясняется методологической проблемой прочтения данных текстов. Одним из методов «прочтения» данных текстов, который позволяет выявить их нравственное содержание, может рассматриваться нарративный анализ.

Общество на разных исторических этапах формировало, конструировало этические нарративы, закрепляя их в текстах и транслируя в воспитательных практиках. В литературе, кинематографе для детей были представлены повседневная нравственная нормативность, нравственные отношения (к родителям, старшим, сверстникам), ценностные смыслы — любовь к природе, к Родине, идеалы и нравственные образцы.

По выражению П. Рикера, «этически нейтральных» повествований не бывает. Это, бесспорно, относится ко всем текстам культуры, однако, прежде всего — к хрестоматийным текстам, литературе для детского чтения — это этические нарративы. Проблемы для дальнейшего изучения данной темы видятся нам в осмыслении следующих вопросов. Во-первых, этический нарратив в данном исследуемом контексте конструируется, задается общественным сознанием, общественной моралью с целью сформировать, закрепить определённые моральные ценности или в нарративе находят свое выражение уже устоявшиеся нравственные паттерны, повседневные практики и ценностные основания. Второе, если мы говорим о субъективности и историчности этического нарратива, то возникает вопрос о воспроизводимости этических нарративов в определенные исторические эпохи, преемственности этических по-

вествований, их включенности в иные общественные реалии и их интерпретации в контексте культурных трансформаций. Третий вопрос — об авторе этического нарратива. Очевидным ответом на этот вопрос может быть — писатель, философ, режиссер, сценарист, педагог и т.д. Однако, следует заметить, что в этическом нарративе присутствует, как уже отмечалась, ценностная и нормативная составляющая, и нарратив выстраивается на определенных нравственных основаниях, отражая (конструируя) общественную мораль и в тоже время индивидуализируя ее через сюжет повествования, событийность и образность, художественную стилистику текста. Эти проблемы предполагают, на наш взгляд, необходимость дальнейшего изучения этических нарративов, как в этическом, так и культурологическом аспектах.

Грант РНФ № 25-28-01843 «Нарратология как метод исследования трансляции и конструирования моральных ценностей в обществе».

Огарков Александр Николаевич
доцент, к.филос.н., доцент
СПГХПА им. А.Л. Штиглица
Романова Ирина Константиновна
к.филос.н., старший преподаватель
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

«Дневник директора школы»: идеальное свидетельство счастья

Кино — поразительное изобретение, создающее для зрителя ретроактивный эффект достаточности: в данном случае, полноты представлений о «советской цивилизации» зрелого периода на одном школьном сюжете. «Дневник директора школы» (1975), первая самостоятельная режиссёрская работа Бориса Фрумина, один из многих замечательных советских «школьных» фильмов, в центре внимания которых борьба за право учителя на творческий подход в процессе нравственного воспитания.

Мудрец и стоик под маской директора обыкновенной советской школы упорно, день за днем, борется с неразвитым воображением и бушующими страстями наивного разума, тонко, и опасно для себя, провоцируя его развитие методом Сократа.

Признать (а к этому вынуждают события, набегающие на Директора со скоростью штормовых волн), что познание — один из самых мощных аттракторов, содержащих полноту наслаждения жизнью — значит, согласиться с тем, что она содержит и трагическое, и трансгрессивное измерение. И то, и другое обнаруживается «в классе и дома»: событий-

ность фильма представлена множащимися травмами, и механизмом их внезапного переключения, словно подспудное незавершенное напряжение уничтожает смыслополагающий порыв через несколько переключений камеры. Так проясняется смысл ключевой идеи заглавия — дневниковые заметки о неблагополучии. «Учащиеся» желают знать, так ли упорядочена жизнь, как химическая формула. Надменная, жестокая завуч, олицетворяющая энциклопедическую квоту достаточности, легко справляется с их посланником, намеренно допуская болезненную для него бестактность.

Но на сцену выходит Директор. Применяя софистический метод, смягчает напряжение. Как медиум достаточности и меры, остраняет неразрешимое напряжение. И так он поступает всегда, и в случаях проявления сыном недопустимой надменности, и в ситуации необходимости демонстрировать социальный статус, нередкой в эту эпоху. В рамочном сюжете гениальная игра Ии Саввиной и Олега Борисова, словно во фреске Джотто, создает доминирующее напряжение

Магическое дистанцирование Директора от страстей, расстояние, с тонкостью и точностью воспроизводимое Олегом Борисовым, это часть основной задачи — замера ускользающей предметности познания, сопряженного со смыслом жизни. Сначала, погружаясь в поток школьных событий, он участвует в бешеном столкновении сил. Освоившись, обретает право голоса. Обретя право голоса, становится дарителем подлинности, а одариваемые освобождаются от обязательств возврата дара.

Директор школы № 183, в которой и снимался фильм, терпим и спокоен. Это не доброта, а парадоксальная познавательная способность — предельное напряжение, связанное с любовью и добродетелью. Так фильм реконструировал некоторые тезисы Платона.

Огур Маргарита Станиславовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен франшизы «Школа монстров» («Monster High»): гламуризация страшного и репрезентация культурного разнообразия как явление детской массовой культуры периода глобализации

Школа монстров («Монстр Хай», англ. — "Monster High") — название франшизы, в рамках которой в период 2011 – 2016 гг. (это период так называемого «первого поколения» франшизы) выходили мультсериал,

серия полнометражных анимационных фильмов, линейка кукол и сувенирной продукции, ориентированных на детскую аудиторию, преимущественно для девочек. Мультфильм посвящен жизни школы монстров, где учатся дети знаменитых персонажей мифологических, фольклорных, литературных и не только произведений. Вдохновляясь их эстетикой, создатели франшизы разработали истории и визуальные, личностные образы главных и второстепенных персонажей.

Доклад обращается к этическим вопросам, которые вызвали появление и популярность франшизы, во многом связанные, также, с линейкой модельных кукол, воплотивших персонажей мультфильмов.

Рассмотрен визуальный код детского мультсериала и полнометражных мультфильмов франшизы «Школа монстров» ("Monster High"). Исследуется темы девальвации табу на темы смерти, страха через речь персонажей, предметный мир мультфильма.

Анализируется влияние фильмов категории «Б», а также массовой культуры 2000-х гг., мировых глобализационных тенденций на появление мультсериала и последующее его превращение, с одной стороны, в своеобразный феномен массовой культуры, сначала впитавшего в себя предметы её моды, стиля и выразившего в себе черты глобализации, а, с другой, вызвавшее дискурс о различных темах: например, о явлении культурной апроприации в детских мультфильмах.

При этом наибольшее социальное обсуждение вызвала другая тема, отличительная для франшизы: «эстетизация» атрибутов, связанных со смертью, болью, страхом. Например, девушки — монстры спят в гробах, их телефоны, по аналогии с «айфонами», получают название «ай-гробы». В форме гробов сделаны шкафчики в Школе монстров, где ученики хранят личные предметы. В общении между персонажами прослеживается похожая тенденция: прилагательные, выражающие восхищение, представляют такую эстетизацию: например, частое повторение слов «монстрический» или «убийственный» для подчеркивания силы произведенного эффекта — например, от удачно составленного модного образа. В биографии одной из героинь, Клео де Нил, мы читаем, что девушке необходимо постоянно носить бинты, иначе она, 2000-летняя мумия, начнет рассыпаться. Бинты появляются в каждом ее образе, что выводит тему близости смерти персонажа в закрепленный за ней визуальный код, который есть у каждого персонажа франшизы. Другой яркой чертой выступает репрезентация предметов различных культур, обсуждение которых до сих пор выступает дискуссионной темой в американском обществе: так, история и внешний образ персонажа Изи Даундэнсер (англ. — Isi Dawndacer) вдохновлён легендами

индейцев чокто, коренного народа США, о духе-олене: само имя героини на языке чокто означает «олень».

Таким образом, начавшая существование более 15 лет назад и получившая впоследствии два перезапуска, франшиза «Школа монстров» ("Monster high") пользуется популярностью до сих пор, что делает востребованным анализ ее значения и влияния в контексте прикладной этики.

Одерова Арина Игоревна
обучающаяся бакалавриата
НИУ «Высшая школа экономики»

Право на ошибку в эпоху цифровой памяти

Цифровизация общественных отношений приводит к трансформации представлений о памяти, ответственности и личной идентичности. В традиционной социальной среде человеческая ошибка постепенно утрачивала актуальность вследствие естественного забвения и изменения жизненного контекста. Цифровая среда, напротив, характеризуется высокой устойчивостью информации: публикации, изображения и высказывания могут сохраняться и воспроизводиться спустя значительный промежуток времени. В связи с этим возникает этическая проблема соотношения права человека на изменение и способности цифровой среды сохранять сведения о его прошлом.

Данная проблема основывается на различии между человеком как субъектом, способным изменяться, и цифровым образом личности как совокупностью зафиксированных данных. Человек не является неизменной сущностью: его убеждения, ценности и модели поведения формируются в процессе жизненного опыта. Однако цифровая фиксация способна превращать отдельный эпизод биографии в устойчивую характеристику личности. В результате поступок, совершенный в определенных исторических и социальных обстоятельствах, может оцениваться вне первоначального контекста.

Важное значение для анализа данной проблемы имеет концепция прощения Ханны Арендт. В работе «Vita activa, или О деятельной жизни» прощение рассматривается как механизм преодоления необратимости человеческого действия. Совершенный поступок невозможно устранить из прошлого, однако прощение позволяет не допустить его полного определяющего воздействия на последующую жизнь человека. В цифровой среде данная возможность оказывается ограниченной, поскольку информация о прошлом может быть вновь актуализирована независимо от степени изменения личности.

При этом право на ошибку не следует отождествлять с правом на освобождение от ответственности. Этическое значение единичной ошибки, сознательного причинения вреда и противоправного поведения различается. Оценка прошлого должна учитывать сам факт совершения действия, а также его обстоятельства, давность, последствия, последующее поведение субъекта и общественную значимость соответствующей информации. В противном случае цифровая память становится механизмом бессрочного воспроизводства моральной оценки.

Таким образом, этически обоснованный подход к цифровой памяти предполагает ограничение ее автоматического влияния на оценку личности. Право на ошибку может быть интерпретировано как право человека на изменение и переосмысление собственного прошлого при сохранении ответственности за совершенные действия. Такая позиция позволяет совместить две социально значимые ценности — память и возможность нового начала. В условиях цифровизации этическая задача заключается в формировании механизмов, позволяющих учитывать прошлое человека без превращения единичной ошибки в неизменную характеристику его личности.

Олефиренко Дарья Александровна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

«Зеркало эпохи»: этическое измерение отражения и искажения в современном кураторском проекте

Историю Нарцисса, рассказанную Овидием в «Метаморфозах» — элладского юноши, увидевшего на поверхности водной глади своего двойника — можно назвать первой воспетой в культуре историей столкновения человеческого взгляда со своим отражением. Пророчество Тиресия — о счастливой жизни героя, «коль сам он себя не увидит» — оборачивается дурным образом: красавец погибает в страдании и муках от невозможности оторвать взгляд и воссоединиться, произвести акт слияния с самим собой. Непреднамеренная губительная встреча со своим отражением есть форма столкновения с Другой формой «Я» — пассивным внешним обликом, доселе ограниченным в сознании лишь воззрениями Других. Познание самого себя, отныне невозможное без созерцания собственного обличья и начертания автопортрета, становится лейтмотивом культуры и поприщем психоанализа, а мир — отражением направленных в зеркала взглядов. Преломленные и искаженные зерцалами формы мира сталкиваются с невозможностью синхронизации и отождествления, создавая бескрайние пространства аль-

тернативных действительностей и смыслов, неизбежно порождающие новые формы этических противоречий. Подобно уайльдовскому Дориану Грею, чей портрет отражает нравственную деградацию героя, человечество оказывается в ситуации «зеркальной догматики» — утраченной возможности избежать встречи с самим собой.

Современное плоское зеркало, покрытое амальгамой — гладкая поверхность — претерпевает бурное развитие в истории ренессансного венецианского стеклоделия, а барочная культура славит производство и распространение оптических приборов, впоследствии ставших предтечей первых фотографических устройств (А. Ипполитов). Современная форма автопортрета, селфи, вкупе с работой алгоритмов социальных сетей, ставит перед субъектом необходимость работы над творением внешнего облика себя — «картинки», являемой миру, ему и принадлежащей (Б. Гройс).

Искусство же с самого начала своей истории есть констелляция отражений чувств и переживаний его создающих и с ним взаимодействующих, идеалов и пороков, окутывающих время. Использование метафоры «зеркало эпохи» по отношению к художественному творению всегда сопряжено с дуальностью коннотации самой зеркальной поверхности — как топоса отражения и топоса искажения. Так, знаменитая статья В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» есть выражение идеи о столкновении толстовианы и кризиса крестьянства, предваряющего революционные настроения. Применение методологии топологической рефлексии (В. Савчук) по отношению к зеркалу есть форма мысли, излекаемая изнутри топоса.

Валоризация художественных форм, включение высказываний в иерархию смыслов эпохи и артикуляция метапозиции — предмет заботы художественного куратора. Взгляд куратора устремлен вглубь своего времени и направлен на «замечание» как актуальных художественных форм, так и пертурбаций самой эпохи. Сопоставление семантики словосочетания «зеркало эпохи» и кураторского проекта in forma pura есть форма постановки вопроса о телеологии курации.

Предлагаемые к рассмотрению кураторские проекты, реализованные в Санкт-Петербурге под эгидой Сообщества Современных Сибирских Художников (галерея «Фабрика лимонной кислоты», г. Санкт-Петербург), представляют собой опыт перенесения художественного высказывания за границы своего месторождения, что одновременно является отражением ряда тенденций в пространстве российского современного искусства (обаяние локальными художественными формами, стремление к преодолению границ между центральными и региональными культурными институциями) и искажением, инициированным актом сопоставления в выставочном пространстве петербургской ху-

дожественной оптики и зрительской рецепции с ландшафтом сибирского искусства.

Постановка вопроса о модусе отражения и (или) искажения кураторского видения и зрительской перцепции в отношении репрезентации времени кажется актуальной этической проблемой, вызванной возможным несоответствием прошедших сквозь амальгаму зеркала темпоральных и локальных отношений художника, куратора, зрителя.

Осветимская Ия Ильинична
к.ю.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

От диалектики господства и рабства к правовому уважению: трансформация идеи признания Г.В.Ф. Гегеля в критической теории А. Хоннета

Философская традиция осмысления феномена признания (Anerkennung) представляет собой одно из наиболее значимых и динамично развивающихся направлений в философии права. Эволюционный путь этой концепции пролегает от умозрительных категорий немецкой идеалистической метафизики, описывающей саморазвитие духа, к прикладному фундаменту, на котором базируется современная неомарксистская и критическая социальная мысль. Ключевая аналитическая установка данного подхода сводится к тому, что формирование человеческой идентичности и эго-структуры в принципе невозможно вне интерсубъективного взаимодействия. При этом масштабные общественные катаклизмы и забастовки трактуются авторами не как утилитарные столкновения за ограниченный капитал или материальные преференции, а как глубокие ценностные конфликты, вызванные ущемлением базовых прав, дефицитом уважения и стремлением к обретению легитимного социального статуса.

Исторические предпосылки теории связаны с фундаментальным переворотом, который совершил Г.В.Ф. Гегель. Он фактически опроверг доминировавшую в эпоху Просвещения и Нового времени механистическую картину мира, где ключевым элементом выступал изолированный, атомарный индивид (как в концепциях Т. Гоббса, Дж. Локка или И. Канта). Если прежние философы полагали, что субъект изначально наделен разумом и суверенными правами, а само государство является лишь утилитарным следствием компромиссного «общественного договора» ради защиты частных эгоистических интересов, то Гегель доказал безусловный приоритет интерсубъективности. Согласно его логике,

обрести подлинную свободу и отрефлексировать собственное «Я» человек может только через восприятие другого индивида, ведь персональная идентичность кристаллизуется исключительно в акте встречного признания со стороны внешнего наблюдателя.

Этот тезис наглядно раскрывается в классическом сюжете о противостоянии Господина и Раба. Первоначальный конфликт за чистое доминирование и статус оборачивается диалектическим парадоксом: победитель (Господин) оказывается в смысловом тупике, поскольку элитарное признание он получает от бесправного существа, низведенного до уровня вещи, что обесценивает саму победу. В то же время подчиненный (Раб), преодолевая экзистенциальный страх гибели через преобразующий внешнюю среду материальный труд, постепенно осознает собственную созидательную мощь и независимость. Подлинная эмансипация, согласно гегелевской мысли, наступает в момент снятия (aufgehoben) этого асимметричного дуализма и перехода к эгалитарному взаимодействию, которое упорядочивается и закрепляется в праве, государственных институтах и общественной морали.

На рубеже XX–XXI веков данная интеллектуальная линия получила новое дыхание в трудах Акселя Хоннета, видного представителя Франкфуртской школы. Опираясь на раннее наследие Гегеля и прагматическую психологию Дж.Г. Мида, он обосновал, что за любым гражданским сопротивлением стоит глубокое переживание ущемленного достоинства, блокирующее успешную самореализацию личности.

В своей ключевой монографии «Борьба за признание» Хоннет структурирует три ключевые плоскости интерсубъективного признания, без которых невозможно гармоничное развитие человеческой психики:

- Сфера эмоциональной привязанности и любви.
- Сфера правовых отношений.
- Сфера солидарности и этической жизни.

Каждому из обозначенных модусов признания симметрично противостоит специфический тип деструктивного воздействия или пренебрежения (Missachtung), который и запускает маховик социальных трансформаций. В частной жизни это выражается в физическом насилии. В правовом поле это оборачивается институциональной дискриминацией и сегрегацией. В плоскости солидарности деструкция проявляется как символическое обесценивание коллективной идентичности. Подобный опыт системного унижения аккумулирует в индивидуальной и коллективной психике сильные аффекты — стыд, ярость, возмущение. Эти деструктивные эмоции не вторичны; они выступают мощным политическим триггером, который трансформирует приватную психологическую травму в организованную солидарную борьбу за переустройство и гуманизацию общества.

Охман Алексей Николаевич
обучающийся бакалавриата
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Симуляция теодицеи: этика Левинаса и нарратология Рикёра в анализе счастливого конца волшебной сказки

Волшебная сказка со счастливым концом обычно читается как утверждение справедливого мира, в котором добродетель может временно страдать, но в итоге торжествует. Актуальность вопроса о философской состоятельности такого финала связана с тем, что этот механизм остаётся востребованным и в современной культуре — от классического фольклора до фильмов-сказок, от которых кинопрокат неизменно ждёт справедливой развязки. В гуманитарном знании сказка традиционно понималась как носитель готового морального урока, извлекаемого из сюжета и пересказываемого отдельно. Но счастливый конец ещё не значит, что поставленный сюжетом вопрос о справедливости мира философски решён, а не просто формально закрыт, поскольку рассказ здесь лишь иллюстрирует мораль, мыслимую независимой от него. Однако в ряде традиционных сюжетов счастливый конец формален, не связан с заслугами героя, и справедливость восстанавливается по случайности, а не по добродетели. Тогда иллюстративная модель не работает, и сюжет лишь имитирует ответ на поставленный им же вопрос.

Цель исследования — философско-нарратологический анализ таких сюжетных структур, а именно выявление механизма симуляции нарративной теодицеи, то есть оправдания безличного миропорядка сюжета, а не действий бога, и обоснование потенциала моральной нарратологии как метода этической диагностики, оценивающего, в отличие от нарративной этики, не текст в целом, а структуру финала.

Основанием работы служит этическая илея Левинаса: страдание Другого нельзя оправдать никаким высшим смыслом, оно не подлежит объяснению, а требует ответа. Счастливый конец, вознаграждающий героя за перенесённое страдание, превращает страдание в средство и тем самым совершает насилие над Другим. Операционализировать это помогает, в качестве авторского методологического хода, категория Рикёра «согласная несогласность»: смысл повествования держится на согласии, которое обретает значение только тогда, когда вырастает из предшествующего разлада. Если согласие приделано к разладу извне, финал не разрешает конфликт, а лишь объявляет его разрешённым. Соединение этих двух критериев, этического и нарратологического, образует моральную нарратологию, то есть способ анализа, при котором этическая оценка финала выводится из его повествовательной структу-

ры. Счастливый конец, не выросший из разлада, оказывается имитацией справедливости, симуляцией теодицеи, подменяющей ответ самим фактом развязки.

Материалом для проверки метода служат два извода одного международного сюжета типа AT 613, русская сказка «Правда и Кривда» из сборника Афанасьева и немецкая «Два странника» братьев Гримм. Совпадение ключевых элементов позволяет предположить, что случайность развязки не особенность отдельной записи, а устойчивая черта самого типа. В обеих сказках ослеплённый и преданный герой случайно оказывается у виселицы, подслушивает разговор нечистой силы или птиц и получает средство к исцелению и богатству, причём этот механизм не связан с прежней добродетелью героя. Согласие здесь просто приделано к финалу, как deus ex machina, а случайное спасение героя безразлично к его страданию, поскольку оно не отвечает на страдание, а вытесняет его. У Гримм злодей позже попадает к той же виселице и гибнет, и сюжет сам пытается совместить безразличие чуда к добродетели с требованием наказания, но внутренне противоречит себе.

Таким образом, механизм восстановления справедливости в разобранных сюжетах не даёт философского ответа на вопрос о теодицее, а лишь симулирует его устройством счастливого конца. Соединение этики Левинаса и нарратологии Рикёра позволяет сделать методологический вывод: моральная нарратология способна работать самостоятельным инструментом этической диагностики, выявляющим мнимость ценностных разрешений там, где развязка формально присутствует. Анализ внутренних законов сюжета открывает перспективы применения метода к материалу современной цифровой культуры, включая кинематограф, с которого начиналась актуальность темы.

Пахомова Мария Евгеньевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Визуальный хаос как форма сопротивления: этика жеста современного художника на примере творчества Сесили Браун

Существуя в пространстве постинформационного общества, где настойчиво предлагается симулировать жизнь, а потребность в нереализованных эмоциях сохраняется, художники вынуждены выбирать определенную этическую стратегию в своих высказываниях. Даже в новой культурной логике постмодернистская фрагментация в синтезе с

избыточностью всё ещё способны сохранять себя, что заставляет искать способы для избавления зрителя от пассивного восприятия мира из-за бесконечных потоков информации, где «сообщение окончательно утрачивает первозданный смысл, отсылающий к глубине сопереживания» (В.В. Савчук).

В силу чего в фокусе исследования находится существующий кризис доверия к художественному высказыванию в эпоху пост-правды. Столкновение с визуальным шумом, которое способно усиливать тенденцию отчуждения, предстает перед художником наиболее существенным компонентом в поиске способа художественной коммуникации для поддержания этической связи между автором и зрителем.

Целью данной работы является обоснование обращения современных авторов (на примере С. Браун) к приему визуального хаоса как инструменту, направленному на преодоление отчуждения в постинформационную эпоху. Задачами данного исследования представляют собой концептуализацию визуального хаоса как осознанного этического акта, анализ актуального обращения к архаическому восприятию как способу реактуализации мифического сознания, исследование механизмов преобразования искусства, позволяющих преодолеть отчуждение через хаос, анализ репрезентативных кейсов в искусстве живописи метамодернизма. Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем сравнительно-типологический анализ, феноменологию, герменевтический метод.

Использование визуального приема хаоса является эффективным способом взаимодействия автора со зрителем. Хаос проявляет себя архаической естественной силой, к которой обращаются художники, чтобы возвратить воспринимающему субъекту способность к аффективному сопереживанию, отступлению от «стерильности» и состояния информационной избыточности современного мира. В композициях Сесили Браун это проявляется через отказ от типичного соотношения «фигура-фон», хаотичного расположения векторов сил, использование «незавершенных» форм. Это способствует преодолению отчуждения, превращая обращение к материалам из акта дезорганизации в акт реорганизации.

Таким образом, художник становится создателем пространства, где зрителю предлагается принять редуцирование образов, иной способ построения композиций, но что будет способствовать возвращение искусству статуса подлинного события, способного преодолеть отчуждение, защитить право на сложность, непредсказуемость и встречу с подлинным Бытием.

Перов Вадим Юрьевич
доцент, к.филос.н., доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет

Моральные парадоксы и дилеммы принципа «не навреди» в сфере систем искусственного интеллекта (СИИ)

В докладе рассматриваются некоторые особенности моральных парадоксов и дилемм, которые возникают в связи с набирающей силу тенденцией акцентирования внимания на не только техническом, но и моральном требовании безопасности систем искусственного интеллекта (СИИ). В настоящее время фокус внимания исследователей и разработчиков, ранее сосредоточенный на различных концептах «этичного ИИ» (ответственный, заслуживающий доверия (trustworthy), этически согласованный (ethically aligned), объяснимый и т.д.), смещается на императив безопасного ИИ. Такое обращение к проблеме безопасности в какой-то степени обусловлено тем обстоятельством, что быстрое развитие технологий СИИ порождает ситуацию, в которой проектирование этических правил сталкивается с неопределённостью будущего, так как люди вынуждены создавать этические нормы для ситуаций, которые могут или никогда не произойти или появиться в существенно ином виде.

Данная парадоксальность зафиксирована в обеих версиях «Международного отчёта по безопасности ИИ» ("International AI Safety Report" 2025, 2026) в виде «дилеммы доказательств» для лиц, принимающих решения» ("evidence dilemma" for decision-makers). Это стимулирует обращение исследователей и разработчиков СИИ к известному в этике науки и технологий принципу предосторожности (precautionary principle), отсылающему к теоретическим идеям Г. Йонаса о предупреждающей ответственности (precaution responsibility) и связанной с ней эвристикой страха (heuristics of fear). Свидетельством актуальности таких тенденций может служить реализация Институтом инженеров электротехники и электроники (IEEE) программы «Глобальной инициативы IEEE 2.0 по этике автономных и интеллектуальных систем». Ключевым отличием от первого этапа является провозглашение принципа «безопасность прежде всего» (https://standards.ieee.org/industry-connections/activities/ieee-global-initiative/, дата обращения 26.10.2026). Следует отметить, что несмотря на то, что в упомянутых отчётах принцип безопасного ИИ реализуется в рамках риск-менеджмента, в программе IEEE декларируются выход за пределы риск-ориентированного подхода и приверженность «философии «не навреди», лежащей в основе инженерного совершенства и практической этики» (там же). Принцип «не навреди», известный, прежде всего, из биоэтики (особенно из врачебной этики) и перешедший во многие

прикладные и профессиональные этики, в теоретическом плане близок к морально-философским концепциям «негативной этики» (например, А.А. Гусейнов).

Следует отметить, что этический принцип «не навреди» не только сам является парадоксальным, но и способствует появлению моральных парадоксов и дилемм. В частности, (1) парадокс «приемлемого вреда»: разработчик обязан минимизировать вред, но абсолютная безопасность технически и экономически трудно достижима, поскольку любая конструкция или система допускает наличие потенциального вреда (авария, отказ, износ и т.д.). Приходится сознательно принимать уровень вреда как «приемлемого». (2) парадокс «наименьшего вреда» (экстренные режимы): некоторые технологии, в том числе СИИ, должны проектироваться так, чтобы в критической ситуации они причиняли ограниченный ущерб в целях предотвращения катастрофы. То есть нарушение принципа «не навреди» закладывается намеренно и заранее проектируется как часть системы. (3) парадокс «совершенствования стандартов»: «не навреди» требует устранить источник потенциального вреда от технологий СИИ, основанных на устаревших стандартах безопасности, но действия по их замене могут причинить даже больший вред (перерыв в работе). При этом бездействие также может причинить вред и т.д.

Упомянутые примеры свидетельствуют о том, что сосредоточенность на принципе «не навреди» не устраняет причин возникающих моральных парадоксов и дилемм, источник которых во многом заключаются в самой парадоксальной попытке зафиксировать нравственные ориентиры в мире, где сами контуры морально допустимого постоянно меняются, что не отменяет попыток поиска теоретически обоснованных этических решений.

Перова Нина Вадимовна
младший научный сотрудник
Институт философии РАН

Превентивная модель этической экспертизы: терминологические препятствия

Современная этическая экспертиза, в том числе в биоэтике, в основном строится на рефлексивном подходе: запрос на неё возникает уже после того, как проявились негативные последствия. Однако темпы развития современных биомедицинских технологий и масштаб их потенциальных последствий требуют перехода к превентивному подходу.

В этом случае методология экспертизы готовится заранее, а сама этическая экспертиза становится обязательным этапом до реализации проектов.

Превентивный подход не может опираться только на анализ уже полученных результатов и последствий. Он должен также включать оценку потенциала технологий. Это означает, что в экспертизу должны быть включены не только этические эксперты, но и технические специалисты, отвечающие за создание и сопровождение технологий. Кроме того, требуется пересмотр терминологического аппарата: он должен быть более инклюзивным для продуктивного диалога между специалистами разных специальностей. Сейчас такое изменение и расширение затруднено.

Одним из главных препятствий для построения методологии превентивной этической экспертизы остаётся терминологическая неопределённость. Она связана с рядом факторов.

1. Терминологическая разнородность и междисциплинарная несовместимость понятий. Современная этическая экспертиза предполагает участие специалистов из разных областей, и каждая область приносит с собой собственный понятийный аппарат, научную традицию и критерии обоснованности. В результате один и тот же термин может обозначать разные явления, разные уровни анализа и разные практические задачи. Возникает эффект ложного согласия: участники думают, что говорят об одном и том же, но вкладывают в термины разное содержание.
2. Иллюзия очевидности этических категорий. Многие базовые этические понятия воспринимаются как самоочевидные и не требующие уточнения. Однако их содержание не является универсальным и неизменным. Оно формируется под влиянием исторических, культурных, социальных и политических факторов. Поэтому такие категории, как автономия, достоинство, ответственность, справедливость и другие, могут подразумевать разные нормативные требования, разные границы допустимого и разные представления о благе.
3. Семантическая неопределённость новых терминов. Развитие технологий постоянно порождает новые понятия или переопределяет старые. При этом экспертиза часто должна проводиться до того, как эти понятия получат устойчивое содержание. Из-за этого возникает разрыв между техническим описанием и этической оценкой. В превентивной экспертизе приходится работать с рабочими определениями, но они должны быть прозрачными и согласованными. Иначе экспертиза будет оценивать не реаль-

ный потенциал технологии, а неясный конструкт. Это снижает надёжность выводов и затрудняет сравнение разных проектов.

4. Культурная и языковая адаптация понятий. Технологии развиваются глобально, поэтому и этическая экспертиза всё чаще становится международной. Новый понятийный аппарат формируется параллельно на разных языках и в разных культурных контекстах. Перевод в этом случае не просто заменяет слова, а переносит концептуальные схемы, которые могут не совпадать. Даже точный перевод не гарантирует корректной передачи смыслов, потому что теряются коннотации, правовые и этические импликации. Для превентивной экспертизы нужна не столько унификация языка любой ценой, сколько протоколы согласования понятий, фиксация расхождений и анализ их влияния на оценку. Иначе международная экспертиза будет фрагментированной и несопоставимой.

На сегодняшний момент во всех этих аспектах сохраняется неразрешённость и неопределённость. Это не позволяет выстроить целостную систему превентивной методологии этической экспертизы.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу».

Петренко Александр Николаевич
к.и.н., доцент
ТУСУР

Репрезентация кризиса идентичности студента-медика и начинающего доктора в «Записках врача» В.В. Вересаева

Во многих развитых странах включая Россию, наблюдается проблема нехватки врачей, особенно в малых городах и в сельской местности. В нашей стране предпринимаются различные меры, направленные на ее решение. Это увеличение количества бюджетных мест для студентов, распространение практики целевого набора, программ наставничества и обязательной отработки после освоения ординатуры. Реализуется программа «Земский доктор». К сожалению, данные меры пока не позволяют полностью решить описанную проблему. Конечно, существует фундаментальный фактор, обуславливающий нехватку врачей — старение населения. Однако, немаловажно, что студенты-медики, а также ординаторы и молодые врачи сталкиваются с кризисом идентичности и синдромом эмоционального выгорания, что часто приводит к отказу от профессии врача. Под кризисом идентичности в данном слу-

чае понимается состояние, при котором размываются ценностные ориентиры, теряется чувство отождествления себя с представителем искомой профессии, усиливается сомнение в правильности выбора направления обучения.

Проблемы формирования идентичности, кризиса идентичности, врачебного цинизма и эмоционального выгорания у студентов-медиков и молодых врачей нашли отчетливое выражение в ряде автобиографических работ выдающегося врача и писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867–1945) таких как: «Без дороги» (1894); «Записки врача» (1900); «В юные годы» (1927); «В студенческие годы» (1929).

В работах Вересаева эти проблемы тесно переплетены с этическими дилеммами, которые вынужден разрешать доктор в своей медицинской практике. В частности Вересаев подверг критике некоторые аспекты патерналистского подхода в медицине, поставил вопрос о добровольности медицинского исследований с привлечением человека в качестве испытуемого, обосновывал необходимость доказательства эффективности и безопасности лекарственных средств, новых методов лечения.

При анализе работ Вересаева проводится сравнение с известными факторами и описанной в научной литературе спецификой кризиса идентичности у современных студентов-медиков. Делается вывод, что часть описанных Вересаевым факторов кризиса идентичности носят актуальный характер, и могут воспроизводиться в настоящее время. Другие были частично или полностью преодолены в процессе развития системы высшего медицинского образования и организации здравоохранения. К первой группе факторов можно отнести стресс, вызванный неблагоприятными социально-бытовыми условиями. Также важным фактором кризиса, которые часто отмечают студенты, являются неудовлетворительные, по их мнению, нравственные качества и профессиональные компетенции части профессорско-преподавательского состава. К группе непреходящих факторов можно отнести кризис, связанный с переходом клиническому обучению, когда студенты впервые контактируют с тяжело больными людьми, и «переносят» на себя их болезни и страдания. Сохраняется также проблема, субъективно воспринимаемой недостаточности полученных знаний и практических навыков, возникающая при завершении учебы и переходе к самостоятельной практике.

К специфическим условиям кризиса идентичности, которые были частично преодолены, следует отнести кризисы, вызванные отсутствием мер психологической и моральной поддержки студентов в процессе обучения, отсутствием механизмов наставничества молодых выпускников в частной практике.

На основе воспоминаний В.В. Вересаева делается вывод, что полностью избежать кризиса идентичности у студентов-медиков и молодых врачей вряд ли возможно. Успешное преодоление кризиса идентичности является условием дальнейшего личностного и профессионального роста. Усугубление кризиса идентичности, напротив, является фактором развития эмоционального выгорания и предпосылкой формирования врачебного цинизма.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 26-78-1013 «Кризис личностной идентичности как препятствие формирования профессионального самосознания студентов-медиков в контексте основных приоритетов стратегического развития Российской Федерации» (https://rscf.ru/project/26-78-10133/).

Петропавловская Мария Александровна
обучающаяся аспирантуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Этический смысл краха как решающего шифра трансценденции

В данном докладе мы будем говорить о шифрах трансценденции — понятии, введенном Карлом Ясперсом. Под шифрами автор понимает особый способ явления трансценденции для человеческой экзистенции. Трансценденция в данном контексте выступает как высшая реальность, а экзистенция — как особый способ человеческого бытия, который отличается аутентичностью, или подлинностью. Нас будет интересовать один из шифров, который у Ясперса выступает под именем краха (Scheitern) и обозначает разрушение, уничтожение, смерть и столкновение с конечностью как свойством человеческого существования. Обнаружение этического смысла этого понятия заключается в его переосмыслении, в результате которого вместо пассивно переживаемого разрушения перед нами предстанет явление, имеющее иной, этически положительный смысл. Крах обнаружит себя не только как конец, но и как шифр трансценденции, который возможно прочесть. Прочтение означает переосмысление, в результате которого разрушение выступает как граница — предел человеческого существования, за которым возможно трансцендирование. Смысл подобной интерпретации краха раскрывается в том, что эта призма взгляда дает человеку внутреннюю опору в его существовании в мире, где разрушение, крушение и конечность принципиально возможны и даже неизбежны.

Экзистенциалистская этика не сводит ответ о моральной оправданности того или иного действия к вопросу о следовании заранее заданным нормам. Не являясь отдельным устойчивым направлением мысли,

экзистенциалистская этика выступает как признанный ракурс взгляда на мир, согласно которому соблюдение моральных норм является важным, но недостаточным условием для оправданности морального действия. В фокусе интереса экзистенциалистской этики — человек как существо по определению свободное и то, как именно он распоряжается своей свободой, как осуществляет выбор и несет сопряженную с ним ответственность. В этой перспективе рассматривается понятие «шифры трансценденции» и «крах», который Ясперс называет решающим шифром.

Понятие краха обнаруживает свою тесную связь с понятиями границы и пограничной ситуации. Под пограничной ситуацией Ясперс понимает ситуацию максимального напряжения, которую невозможно устранить и которой нельзя избежать, которая бросает вызов всему существованию человека. Граница является пределом выносимого, знакомого, изведанного, и именно на границе возникает возможность встречи человека с трансценденцией. Способом услышать трансценденцию становится прочтение ее особого языка, или шифра. Структура шифра с особой ясностью предстает в последнем и решающем шифре трансценденции: в крахе.

Само столкновение с крахом еще не подразумевает его прочтения как шифра трансценденции. Прочтение шифра осуществляется субъектом, который свободно избирает такой способ бытия, при котором это прочтение становится возможным. Этот способ бытия называется экзистенцией и характеризуется в первую очередь тем, что человек способен вступить в свободные отношения с происходящим, сделать выбор в условиях неопределенности, принять на себя ответственность за свою чудовищную свободу. Тем самым крах приобретает этическое звучание: он ставит человека перед границей, перед вызовом, перед возможностью совершить выбор и принять ответственность за свой способ действия и отношения. Не только непосредственная ситуация краха, но и само существование в мире конечности ставит человека перед этическими вопросами отношения к бытию, перед жизнью с грузом знания о собственной конечности и перед необходимостью как-либо с этим знанием обойтись.

Крах обнаруживает пределы человеческого существования и открывает возможность отношения к этим пределам. Именно этическая интерпретация краха дает возможность обнаружить для человеческого существа опору там, где до этого была лишь угроза бытию. Прочитать крах как шифр означает не преодолеть конечность, а переосмыслить ее и вступить с ней в другого рода отношения. Прочитанный таким образом, крах становится не только пределом бытия, но и условием и возможностью обнаружения подлинности.

Пикуль Дана Дмитриевна
обучающаяся бакалавриата
МГУ имени М.В. Ломоносова

Институциональная критика эффективного альтруизма

Эффективный альтруизм — это современное философское течение и социальное движение, которое стремится приносить при занятии благотворительностью максимально возможную пользу с каждой использованной единицей ресурсов. Среди его основных сфер деятельности борьба с глобальной бедностью и защита животных. Он часто подвергается критике, и одно из её направлений получило название институциональной. Его представители объявляют методы ЭА неэффективными, полагая что единственное, что способно действительно улучшить мир, это изменение социальных институтов. Основные аргументы институциональной критики заключаются в том, что ЭА принимает существующий политико-экономический порядок как данность и планирует свои действия на его фоне, но именно его и нужно изменить для значимой борьбы с существующими страданиями; ЭА поверхностен, не изучает механизмы возникновения бедности; в представлении ЭА люди представляют собой изолированных агентов и не способны работать сообща для улучшения мира; ЭА свойственен патернализм, он не уважает благополучателей.

Джефф Макмахан возражает, что добро следовало бы делать и через политику, и через благотворительность, но второе более действенно в краткосрочной перспективе. Он отмечает, что человек способен отвечать лишь за собственные поступки, и поэтому институциональную критику можно сравнить с ситуацией, когда военного врача осуждают за то, что он не пытается остановить конфликт.

Брайан Берки, написавший много работ против институциональной критики, предлагает целый ряд контраргументов. Патернализма можно избежать, перечисляя деньги напрямую и предоставляя получателям самим решать, как ими распорядиться. Проявлением уважения к бедным как раз будет помощь им здесь и сейчас. Призыв к антикапиталистической революции делает институциональную критику не менее требовательной, чем ЭА.

Берки предполагает что институциональную критику может делать привлекательной так называемое futility thinking, согласно которому мир представляет собой море страданий, и помочь в нём кому-то, даже спасти чью-то жизнь, значит всего лишь убрать из него одну каплю. В таком случае внимание стоит уделять только изменению системы в целом. Помимо этого, данная позиция может служить оправданием: если отбросить эффективный альтруизм и не предложить собственную аль-

тернативу, то получится что совершенно ничего нельзя сделать, а значит человек свободен от обязательств по улучшению мира.

Хочется добавить, что, как ничто не останавливает эффективных альтруистов от поддержки социальных реформ, так ничто и не препятствует их участию в научных исследованиях. Более того, научная деятельность входит в списки рекомендаций ЭА. Тем не менее, эти исследования зачастую менее основательны, чем того хотелось бы оппонентам.

В ответ на аргумент об изолированности можно указать на то, что ЭА развивает собственное сообщество, которое при помощи встреч, обмена мнениями и добровольно взятых обязательств должно укреплять его участников в решимости продолжать путь рациональной благотворительности.

Элис Крари, одна из главных критиков ЭА, выделяет направление, которое называет комплексной критикой (то есть объединяющей философскую и институциональную). Его главный посыл заключается в том, что ЭА делает вклад в системы, которые порождают страдания, при том, что он борется со страданиями, то есть получает выгоду от несовершенного устройства общества. Аналогичное мнение выражали многие представители институциональной критики, среди которых Шринивасан, Миллс, Херзог, Лихтенберг, поэтому выделение комплексной критики в отдельную категорию вызывает сомнения.

Сторонники институциональной критики считают, что ЭА должен быть упразднён из-за несоответствия их представлениям об эффективности, но возможно вместо этого им стоит самим взять на себя действия, к которым не готов ЭА. Движение, стремящееся делать добро, представляется заслуживающим существования, даже если результатом становится только «капля в море».

Пионткевич Лариса Юрьевна
доцент, к.филос.н., доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ»

«Любовь к призракам» и онтология подлинной морали: Ф. Ницше и Н. Федоров в интерпретации С.Л. Франка и С.Я. Семёновой

Мы привыкли противопоставлять Фридриха Ницше, предвестника европейского нигилизма, и Николая Федорова, пророка русского космизма. Но если выйти за рамки поверхностного сопоставления, мы обнаружим поразительный парадокс: оба мыслителя сходятся в том, что подлинная мораль невозможна без предельного экзистенциального

напряжения. Оба беспощадно отвергают утилитарную «мещанскую» этику комфорта и пассивного сострадания. Для обоих нравственность есть разрыв с биологической инерцией ради трансцендентной цели. Опираясь на анализ С.Л. Франка в работе «Фр. Ницше и этика "любви к дальнему"» и исследования С.Я. Семёновой («Николай Федоров и Фридрих Ницше», 2001), покажем, что векторы этого напряжения диаметрально противоположны.

Традиционное прочтение ницшевской «любви к вещам и призракам» — как в классических работах С.Л. Франка, так и в фундаментальных исследованиях С.Я. Семёновой — склонно укладывать эту формулу в утилитарную схему: «призрак» трактуется как абстрактная цель (будущее, Сверхчеловек, идеал), ради которой приносится в жертву настоящее, ближний, конкретный человек. В этой логике Ницше предстает как философ «жертвы искупительной», а водораздел между ним и Федоровым проходит по оси «будущее – прошлое», «дальний – ближний».

Однако такая интерпретация, при всей её эвристической силе, содержит существенное упрощение. Она проецирует на Ницше ту самую «бухгалтерию жертв», которую он сам беспощадно отвергал в христианской и утилитарной морали. Сводя «призрак» к цели, требующей крови реальных людей ради «Великого Завтра», мы невольно превращаем Ницше в предтечу революционного романтизма и социального реформаторства. Именно эту опасную рецепцию, как блестяще показала сама С.Я. Семёнова, Ницшеанская формула получила в истории XX века, став «алиби нынешней жестокости». Но если мы внимательнее вслушаемся в предупреждение С.Я. Семёновой, то увидим: задача состоит не только в том, чтобы отделить подлинного Ницше от его вульгаризаторов, но и в том, чтобы увидеть — сама эта вульгаризация уже является упрощением. Иначе говоря, даже критика С.Я. Семёновой предполагает более глубокое онтологическое прочтение «призрака», которое выходит за рамки схемы «жертвы ради будущего».

Новизна предлагаемого нами прочтения состоит в том, чтобы вывести анализ из этой утилитарной рамки. Мы исходим из того, что ницшевский «призрак» — это не абстрактная цель, требующая жертв, а указание на качественно иную, высшую форму существования, которая не служит «хлебу насущному», не подчинена логике самосохранения и плоской, уравнительной справедливости современности. Это онтологический маркер разрыва с биологической инерцией бытия, призыв к трансфигурации самой жизни, а не к жертве одних людей ради других или ради грядущего.

Это уточнение меняет саму карту философского водораздела между Ф. Ницше и Н.Н. Федоровым. Противопоставление проходит уже не

по оси «будущее – прошлое» (что остается внутри одной утилитарной логики), а по оси «трансфигурация жизни в новую форму (Ницше) — восстановление конкретной, утраченной физической жизни предков (Федоров)». Оба мыслителя требуют от человека предельного экзистенциального напряжения, но направляют его на онтологически различные задачи: один — на преодоление человеческой природы ради утверждения «призрака» как высшей реальности, другой — на преодоление смерти ради возвращения к жизни каждого конкретного «призрака»-предка.

Такой подход позволяет, с одной стороны, избежать вульгаризации Ницше, а с другой — глубже раскрыть специфику федоровского «перевода» ницшевского императива на язык русского религиозного космизма.

Плеханова Полина Владимировна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровой Другой в пространстве перформативной идентичности: границы ответственности

Сегодня пространство сети представляет собой сложный онтологический ландшафт, где человек конструирует альтернативные версии себя. В рамках данного исследования рассматривается феномен «Цифрового (Алгоритмического) Другого» — автономного субъекта, возникающего в процессе перформативных практик пользователя. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая идентичность как агент связана с требованием постоянного внимания и ответственности.

Перформативная природа идентичности в сети заключается в том, что она не дана субъекту изначально, а непрерывно создается через действия. Пользователь, публикуя контент, вступая в коммуникацию или просто выбирая аватар, совершает акт перформанса. Однако специфика цифровой среды такова, что результат этого перформанса отделяется от творца. Созданный образ начинает существовать по законам платформы. Возникает расщепление субъекта на физическое «я» и его цифровую проекцию, которая воспринимается как нечто внешнее и иное.

Ключевым аспектом здесь является парадокс ответственности. Человек начинает нести ответственность перед своим цифровым двойником. Цифровой Другой обладает собственной «биографией», накопленной историей взаимодействий и ожиданиями аудитории. Если физический субъект действует вопреки логике этого созданного образа, он

ощущает вину или страх перед разрушением целостности Цифрового Другого. Таким образом, ответственность становится двунаправленной: субъект отвечает за действия двойника перед социумом, но также отвечает перед самим двойником за его сохранность и последовательность.

Цифровой Другой начинает жить своей жизнью посредством функционирования алгоритма. Именно он определяет, что увидит аудитория, какие связи возникнут, какие смыслы закрепятся. Алгоритмические рекомендации и реакции сообщества формируют поведение, которое пользователь не планировал. Двойник обрастает связями и смыслами, неподконтрольными его создателю. В этот момент границы ответственности размываются. Субъект сталкивается с необходимостью считаться с волей этого «другого», который может требовать определенного стиля поведения, высказываний или даже мировоззрения.

В заключение следует отметить, что феномен Цифрового Другого ставит перед философией новые вопросы. Мы наблюдаем становление новой формы субъектности, где человек и его цифровая тень находятся в сложных, амбивалентных отношениях. Понимание этой динамики необходимо для выработки этических норм существования в гибридной реальности.

Погожина Наталья Николаевна
исследователь, младший научный сотрудник
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»,
МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный этос в контексте цифровой трансформации

Цифровизация сегодня меняет не только техническую сторону научной работы. Она затрагивает и те нормы, которыми исследователь руководствуется при выборе способов работы с данными, представлении результатов и взаимодействии с коллегами. В этом смысле вопрос о научном этосе вновь оказывается актуальным. Сформулированные Р. Мертоном принципы универсализма, общности знания, бескорыстия и организованного скептицизма (CUDOS) по-прежнему сохраняют нормативное значение. Однако в цифровой среде их соблюдение уже нельзя рассматривать как нечто само собой разумеющееся: меняются сами условия научной деятельности, а вместе с ними возникают новые этические коллизии. В докладе предполагается рассмотреть прежде всего те из них, которые связаны с ответственностью исследователя. Технологическое развитие расширяет возможности научной работы,

однако не снимает вопроса о том, кто и в какой мере отвечает за способы получения, обработки и представления знания. Показателен в этом отношении принцип общности научного знания. Цифровые репозитории и открытый доступ существенно упростили распространение результатов исследований. Возможность быстро обмениваться публикациями и данными, безусловно, соответствует самой идее открытой науки. Вместе с тем научная информация всё чаще существует не только как результат исследования, но и как ресурс, обладающий самостоятельной экономической ценностью. Поэтому открытость знания сегодня оказывается связана с вопросом о том, кому принадлежат данные, кто определяет условия доступа к ним и в чьих интересах функционирует цифровая инфраструктура науки. Доступ к ним зависит от платформ, издателей и владельцев инфраструктуры. Поэтому принцип общности знания сегодня связан уже не только с публикацией результатов, но и с вопросом о том, кто фактически распоряжается каналами их распространения. Не менее сложна проблема работы с большими данными. Исследователю приходится учитывать происхождение данных, согласие участников, риски нарушения приватности и возможную предвзятость алгоритмов. Ответственность не заканчивается в момент получения результата: важно понимать, каким способом он был получен и какие последствия может повлечь его применение. Особенно наглядно это проявляется при использовании искусственного интеллекта. Алгоритмы уже применяются в анализе данных, подготовке текстов и рецензировании. Это экономит время, но одновременно усложняет вопрос об авторстве и границах личного вклада. Если исследователь использует автоматизированную систему, ответственность за научный результат остается за ним. Технический инструмент не может заменить проверку аргументации, достоверности данных и корректности выводов. Чем менее прозрачен принцип работы алгоритма, тем важнее критическое отношение к полученному результату. Меняется и понимание исследовательской добросовестности. Цифровые технологии ускорили публикационный процесс, а генеративные инструменты сделали производство внешне убедительного научного текста проще. На этом фоне возрастает риск формального рецензирования, неясного авторства, фабрикации материалов и подмены содержательной дискуссии ее имитацией. Но было бы ошибкой считать саму технологию ИИ источником этих нарушений. Этическая проблема возникает там, где инструмент используется без должной ответственности, а скорость и удобство начинают цениться выше проверяемости и достоверности.

Открытость теперь требует внимания к прозрачности цифровых систем, универсализм — к цифровому неравенству, бескорыстие — к коммерческим интересам, включенным в научную инфраструктуру, а

организованный скептицизм — к оценке не только результатов, но и алгоритмов, с помощью которых они были получены. Устойчивость научного этоса в цифровую эпоху зависит не столько от уровня технологического развития, сколько от способности исследователя сохранять ответственность за собственные решения. Поэтому вопрос о научном этосе сегодня звучит как вопрос о границах допустимого использования технологий и о той части ответственности, которую ученый, профессионал, человек не может передать алгоритму.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 26-18-00851 «Цифровые трансформации семантики понятия науки в социально-сетевую эпоху: лингво-аналитические, теоретико-эволюционные и социально-коммуникативные исследования».

Покровская Татьяна Юрьевна
аспирант
НИУ «БелГУ»

Религиозная символика в рамках захоронений павших воинов первой мировой войны (на примере Калининградской области)

В данном материале автор исследует религиозную символику мест захоронений павших воинов Первой мировой войны на территории Калининградской области как элемент религиозной памяти, а также захоронения самостоятельно как символический, этический и культурный объект региона. Исследуя концепции М. Хальбвакса, П. Нора, и М. Элиаде, можно говорить, о неравнозначности истории и памяти. Различные религиозные ландшафты территории на протяжении всего XX века, длительные запреты советской власти на религиозные практики повлияли на религиозность православного населения региона, при этом сформировали религиозную толерантность граждан по отношению к другому направлению христианства и к текущей религиозной жизни области в целом. В материале констатируется, что захоронения воинов Первой мировой войны Калининградской области являются не только «местом памяти», но этическим и символическим наследием культурной и исторической видов памяти территории, а религиозная память использует религиозные символику и язык в передачи смыслов для последующих поколений. Религиозная память, определяя идентичность группы, передает особое религиозное мировоззрение и поведение из поколения в поколение. В рамках экспедиции в сентябре – ок-

тябре 2025 года автором были исследованы захоронения Первой мировой войны востока Калининградской области. Отмечается, что захоронений в регионе насчитывается значительное количество. Массовые захоронения находятся во внимании муниципалитетов и охраняются на уровне властей. Единичные захоронения — часто в плачевном состоянии. Тем более, не всегда ясно, могилы на территории востока, оставшиеся без ухода — являются захоронениями периода Первой мировой войны или остатками кладбищ гражданского немецкого населения до 1946 года. Могильные плиты как культурный памятник и религиозный объект, а также и надписи требуют более пристального изучения и отдельного исследовательского проекта. Религиозная память в данном контексте выступает вспомогательным инструментом этики. Элиаде, изучая образы и символы, говорит о неизбежной трансформации символических систем. И напоминает о необходимости помнить об изначальных значениях символов в целом, при этом признавая незыблемость повторения религиозных практик из поколения в поколение. И в этой связи религия и религиозных кресты мест захоронений выступают как элемент и религиозного языка и религиозной памяти. Рассматривая гипотезы и М. Хальбвакса, П. Нора и М. Элиаде, можно говорить, что религиозная память организует и на регулярной основе повторяет прошлое в настоящем, рассказывая о прошлом символизмом религиозного языка, транслируя религиозные практики и смыслы прошлого в настоящем.

Поликарпов Дмитрий Сергеевич
обучающийся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Алгоритмы как акторы: этическая дилемма признания

По классическому представлению, доминирующему до сих пор в политической науке и теории, актором прежде всего признаётся субъект (человек). В этом плане практики политического поведения всегда применяются относительно индивидов, групп, институтов (которые образуют люди). Распространение Интернета со второй половины 1990-х гг. позволяет ряду критиков говорить о том, что традиционное понимание акторности следует изменить. В большей степени такой поворот развивался представителями акторно-сетевого направления в социологии (Б. Латур, М. Каллон и др.). Несмотря на ряд успехов, на данный момент такой подход не получил доминирующего распространения даже в поле социальных наук. С точки зрения политической этики дилемма цифрового субъекта остаётся нерешённой: с одной стороны, алгоритмы обладают агентностью, то есть способны производить эффекты, с дру-

гой — у них отсутствует акторность в понимании способности нести ответственность (быть субъектом вменения) и обладать правами.

В то же время перенос ответственности в пользу алгоритмов на деле может замаскировать перераспределение власти: якобы алгоритмы способны решать — отсюда происходит своеобразное снятие ответственности с того, «кто обладает рубильником», с корпораций, лидеров, групп. В ситуации рекомендательных алгоритмов в Интернете зачастую с точки зрения использования (например, просмотра контента) вопрос об искусственности предлагаемого выбора не ставится. В ситуации политических кампаний, направленных на мобилизацию, такая логика позволяет маскировать центры принятия решений. Политическая этика сталкивается с необходимостью не столько расширять понятие акторности на алгоритмы, сколько удерживать вменение на человеческих и институциональных субъектах, которые проектируют, владеют и развёртывают эти системы. Признание «цифровой акторности» без симметричного признания прав и ответственности рискует стать не теоретическим прогрессом, а инструментом деполитизации.

Однако на данный момент акторность алгоритмов скорее не признаётся, чем признаётся, и это положение отражает не только инерцию классических категорий, но и содержательное этическое опасение. Наделение алгоритмов субъектностью без коррелятивного вменения создаёт условия для маскировки реальных центров принятия решений и расширяет пространство манипуляции. В наиболее уязвимом положении оказывается индивид: он подчинён алгоритмическому воздействию, но не имеет субъекта, которому мог бы предъявить претензию. Поэтому задача политической этики сегодня — не столько пересматривать понятие актора, сколько удерживать вменение на человеческих и институциональных субъектах и настаивать на прозрачности тех, кто проектирует, владеет и развёртывает алгоритмические системы.

Положенцев Андрей Михайлович
доцент, к.филос.н., доцент
Университет промышленных технологий и дизайна

Транзитивное пространство и моральное действие

Один из самых специфичных феноменов современности — это совокупность инфраструктурных объектов и мест, связанных с различными коммуникациями («не-места» М. Оже). Доступ в такие не-места как правило ограничен, но в некоторых случаях они имеют повышенную социальную плотность (вокзалы, дороги, хабы, аэропорты). Эта реалия является предметом рефлексии, в том числе социальной этики и кинетиче-

ской политики (Дж. Урри, З. Бауман, М. Шеллер, Д. Миллер). Транзитивное пространство является не просто прагматической функцией современных мегаполисных структур, но и автономным социальным пространством, поскольку в нем человек осуществляет свои социальные стратегии, здесь разворачиваются интеракции, обозначаются социальные иерархии и стратификация, так или иначе затрагиваются вопросы социальной справедливости, дискриминации, ограничения прав на мобильность и пр. Дело дошло и до прикладной этики. Дорога — это важный элемент социального пространства. Мы рассмотрим, какие этические нормы здесь сформировались и какие моральные стратегии применяются в этом пространстве. Дорожная среда традиционно изучается через призму технических, урбанистических или юридических параметров (ПДД). Однако она представляет собой одно из самых интенсивных пространств повседневного социального взаимодействия. В условиях дефицита времени и повышенного риска для жизни дорожное движение превращается в перманентное поле морального выбора, совершающегося на грани рефлекса. Каждое техническое действие водителя или пешехода (маневр, сигнал, скорость) является формой реализации конкретной моральной стратегии. Помимо чисто прагматических действий, направленных, как правило, на уменьшение рисков для всех акторов движения, на дороге происходит и социальная дифференциация. С помощью системы сигналов и поведенческих паттернов можно обозначать свой социальный статус, создавая неприятные и даже опасные ситуации на дорогах. Наряду с официальным кодом участники движения конструируют субкультурные знаковые системы («язык фар», световые жесты, сокращение дистанции). С точки зрения прикладной этики, эти неформальные знаки служат инструментами оперативной микрокоммуникации: они кодируют вежливость, нетерпение, доминирование, агрессию. В классической философии этическое действие рассматривается как результат выбора автономного субъекта. Однако современная социология пространства доказывает, что архитектура, инфраструктура и топология среды способны радикально трансформировать, ограничивать или провоцировать определенные моральные стратегии. Дж. Урри в теории «автомобильности» (automobility) переосмысляет транзитное пространство. Моральное действие на дороге совершает не человек, а «машинный гибрид» (car-user hybrid) — симбиоз человеческого тела, психики и автомобиля. Согласно этой концепции, сама структура дорожного пространства и деловой ритм города («быть вовремя») принуждают гибридного субъекта к эгоистическим стратегиям. Скорость становится высшей ценностью, а утилитарный тайм-менеджмент легитимирует в сознании водителя

нарушение общественного договора (феномен free rider — объезд пробок по обочине, ускорение на желтый свет). Важным элементом движения стали формы, передаваемые через дизайн автомобиля. Они не просто выполняют функцию маркировки социального статуса владельца, а непосредственно влияют как на стиль вождения самого владельца, так и на ожидаемое поведение других участников движения, считывающих агрессивный дизайн как сигнал опасности и уклонения от него. Стратегия доминирования основана на считывании автомобиля как знака социального статуса. Крупные габариты, марка или «элитный» госномер используются как семиотический инструмент принуждения других к уступке пространства. Автомобиль является так же средством деиндивидуализации и анонимности. Кабина автомобиля действует как «визуальная капсула». Изоляция водителя за металлом и тонировкой снижает порог эмпатии, стирает социальный стыд и провоцирует феномен «дорожного гнева».

Поляков Андрей Васильевич
профессор, д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимное признание и право

Смысл возникновения права в человеческом обществе связывается докладчиком с необходимостью противодействия насилию и произволу. Если бы насилие, произвол, несправедливость, беззаконие, репрессии, зло были необходимы человеку и способствовали его процветанию, то нужды в праве не было бы. В этом смысле возникновение права — результат адаптации человека к окружающей среде, включая среду социальную.

Защита от произвола, насилия и беззакония будет иметь место только тогда, когда ее результатом будет являться обеспечение жизни и свободы членов общества, т.е. формирование нерепрессивной культуры, в которой признаются права и свободы каждого члена общества каждым членом общества. Подобное признание не является безальтернативным (часть человеческой истории развивалась под влиянием противоположных мотивов), но выступает единственной разумной альтернативой системе насильственного господства и подчинения. За воображаемой «завесой неведения» (используя идею Дж. Ролза) любой здравомыслящий человек, не обделенный от природы эмпатией (т.е. при нормальной работе зеркальных нейронов) выберет взаимное признание в качестве основополагающего принципа взаимодействия меж-

ду людьми, предпочтя его альтернативе господина и раба (одностороннее признание), или войны всех против всех (отсутствие признания).

Из взаимного признания проистекают идеи достоинства, равенства, справедливости, свободы и солидарности. Достоинство вытекает из способности человека видеть самоценность других членов общества и признания собственной самоценности. Равенство при этом понимается как правовое равенство, как взаимные права и обязанности по отношению друг к другу, а следовательно, и к обществу, и к государству. Справедливость предполагается самой идеей взаимности, которая не дает никому односторонних преимуществ за счет других. Свобода выступает как правовая свобода, позволяющая каждому члену общества реализовывать свои цели без принуждения и насилия. Солидарность выступает продолжением развития идеи взаимного признания, требуя от каждого не только реализации собственной свободы, но и исполнения собственных обязанностей по отношению к другим.

Полякова Наталья Валерьевна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Папская энциклика Magnifica Humanitas: этические вызовы искусственного интеллекта в сфере образования

15 мая 2026 г. была выпущена энциклика Magnifica Humanitas («Великолепное человечество» или «Великолепная человечность») — первая энциклика Папы Льва XIV, которую он лично представил 25 мая на пресс-конференции в Зале Синода Ватикана. Данное пастырское послание, обращенное по традиции ко всем католикам — епископам и верующим, вызвало небывалый интерес в мире, поскольку стало первым религиозным документом такого высокого уровня, посвященным одной из самых значимых для современности проблематике. Magnifica Humanitas называют первой в истории Ватикана социальной энцикликой об искусственном интеллекте, хотя ее подзаголовок — «О защите человеческой личности во времена искусственного интеллекта» — говорит о главной цели данного документа, сводя сам ИИ скорее к контекстному ряду. Главная тема энциклики носит не технический, а именно этический характер: как защитить человека, его личность и ценности в условиях плохо контролируемого стремительного прогресса цифровых технологий и искусственного интеллекта; кто должен нести нравственную ответственность за его развитие и использование; каковы подлинные приоритеты настоящего и будущего человеческой цивилизации. Кроме

того, энциклика имеет демонстративно символический характер, поскольку была выпущена к 135-летию знаменитой энциклики Rerum novarum, изданной в 1891 г. предшественником папы Льва XIV папой Львом XIII также 15 мая. В свое время Rerum novarum заложила в индустриальную эпоху основы новой социальной доктрины католицизма, став ответом Католической церкви на первую промышленную революцию с ее основными коллизиями между трудом и капиталом, человеком и машиной, традициями и новациями индустриального мира, нашедшими свое отражение, в том числе, и в религиозно-нравственной области. Майская энциклика Льва XIV видится Ватикану включенной в русло традиции католического социального учения, в данном случае, как ответ на вызовы «четвертой промышленной революции», воплощённой в цифровом переходе, которая порождает в условиях современности конфликты между человеком и алгоритмом, человеческим сознанием и логикой ИИ, человеческой субъектностью и цифровыми системами управления. В ней с определенностью зафиксирован факт признания новой технологической реальности, но при этом в символической форме описываются два варианта возможного взаимодействия человека с ИИ, в том числе, в нравственном измерении: либо построить новую Вавилонскую башню, разрушив человеческое в мире, либо возвести град Иерусалим, в котором человеческое сохранит свой потенциал и свою субъектность, позволив людям жить вместе на основе доверия и любви.

Особое внимание в энциклике уделено различным аспектам роли ИИ в системе воспитания и образования, в первую очередь его влиянию на когнитивное развитие молодежи и рискам утраты способности к критическому мышлению. В четвертой главе энциклики, имеющей название «Сберечь человеческое в эпоху преобразований. Истина, труд и свобода», представлена католическая версия программы воспитания в эпоху ИИ, сосредоточенная на задаче сохранения человеческого характера самой истины, а также защиты молодежи от иллюзии сиюминутности и легкости на пути ее поиска в условиях господства искусственного интеллекта («любая технология воспитывает того, кто ей пользуется»). В этом вопросе подчеркивается необходимость объединения усилия семей, образовательных учреждений, прежде всего, школ, и политических институтов, чтобы практически поддерживать потенциал человеческой мысли, т.е. учить тому, когда и ради чего не следует пользоваться ИИ, учить «поститься» от него, развивая гигиену внимания, и сохранять критическую позицию в условиях его обещанного совершенства на фоне несовершенства человеческого. Энциклика призывает семьи, школы, христианские общины и общественные институты заключить новый союз в новых технологических условиях ради сохранения и развития потенциала человеческой цивилизации.

Пономарев Андрей Андреевич
обучающийся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование субъекта политического в ранних фильмах С. Эйзенштейна: этические аспекты

Зарождение советского кино неразрывно связано с возникновением СССР. Согласно замыслам создателей СССР первое в истории человечества социалистическое государство должно было выполнить особую миссию, состоявшую в строительстве равного и справедливого общества не только в отдельно взятой стране, но и во всем мире. Для реализации поставленной задачи советский народ должен был осознать себя как участника непримиримой борьбы против капиталистической эксплуатации. В.И. Ленин и А.В. Луначарский рассматривали кинематограф не как развлечение, а как способ строительства социализма. Данную точку зрения разделял режиссер С.М. Эйзенштейн.

Не подлежит сомнению тот факт, что фильмы советского мастера наполнены идеологическим содержанием. Фильмы Эйзенштейна также можно рассматривать через призму концепции политического, разработанную в XX веке К. Шмиттом, который выделяет в качестве атрибута политического наличие публичных антагонизмов между большими группами людей. Мыслитель настаивает на несводимости политического противостояния между «другом» и «врагом» к моральным, экономическим или эстетическим противоположностям. Политическое представляет собой наполненную экзистенциальным содержанием сферу борьбы между «мы» и «они».

А.Э. Чоффи использует концепцию политического, разработанную Шмиттом, для экспликации содержания дихотомии «друг-враг» в произведениях мирового кино. Данная концепция также является полезной для анализа кинофильмов С.М. Эйзенштейна.

В ранних полнометражных картинах Эйзенштейна («Стачка», «Броненосец "Потемкин"», «Октябрь»), посвященных событиям отечественной истории 1905–1917 годов, отсутствует главный герой. Его место занимает масса, состоящая из рабочих и примкнувших к ним военных. Цель автора — демонстрация преимущества силы массы перед индивидом. Только объединенный в организацию класс угнетенных рабочих способен эффективно бороться с классом эксплуататоров. Фильмы Эйзенштейна 1920-х годов выполняют исторически-просветительную функцию (знаменитый титр «Помни, пролетарий!» в финале «Стачки» напоминает советскому человеку о непримиримости с врагом) как для советского, так и для мирового зрителя. Художественная задача режиссера состояла в недопустимости множества интерпретаций своих произведений.

Режиссер организует материал таким образом, чтобы зритель рассмотрел в поступках ущемленного в правах народа не злодеяния, а действия, обусловленные необходимостью — своего рода долгом человека перед современником и потомками, долгом, состоящим в борьбе за достоинство и справедливость. Указанные выше фильмы демонстрируют, что путь к свободе человека парадоксальным образом возможен лишь через объединение отдельных индивидов в единую массу, которая обретает черты субъекта политического.

Эйзенштейн считал, что ключевым элементом кинопроизводства является монтаж. Возможности монтажа как такового ставят перед любым режиссером этические вопросы — например, допустимо ли в кино искажение фактов истории, если постановщик убежден, что такие действия приведут к достижению общего блага?

Следует отметить, что в следующие десятилетия субъект политического в фильмах Эйзенштейна претерпит трансформацию. В картинах «Александр Невский», «Иван Грозный» режиссер признает роль личности в истории. В качестве врага в данных фильмах будет выступать не мировая буржуазия, а конкретные западные завоеватели (рыцари Тевтонского ордена в «Александре Невском») или боярская оппозиция в «Иване Грозном». В качестве «друга» — не пролетариат, а население Руси. Указанные фильмы были призваны сплотить советское общество перед актуальными на тот момент геополитическими угрозами. Смена субъекта политического в фильмах Эйзенштейна также связана с фактическим отказом партии от идеи осуществления мировой революции и ориентацией на строительство «социализма в отдельно взятой стране».

Пономарёв Андрей Игоревич
к.филос.н., доцент кафедры философии
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Проблема эмпатии в дискуссии между сентиментализмом и рационализмом

Одной из центральных тем современной метаэтики является соотношение эмоционального и рационального в моральной аргументации. Как правило, эта дискуссия обрамляется двумя крайними позициями: рационализмом и сентиментализмом. Рационалисты утверждают, что моральная аргументация представляет собой вариант рациональной аргументации, с аргументами и строгим выводом из истинных посылок. В то время как сентименталисты утверждают, что эмоции в моральной аргументации играют ключевую роль. Поскольку оба варианта достаточно радикальны, редко в дискуссиях эти взгляды встречаются в таком

чистом виде, скорее приходится наблюдать разную степень влияния эмоционального и рационального на моральную аргументацию. Одной из траекторий поиска реального соотношения эмоционального и рационального в моральном — случай психопатов. Согласно распространённому определению, психопаты не обладают эмпатичностью, как следствие не могут различать моральные и конвенциональные нормативы и запреты, и, как следствие, нести моральную ответственность за свои действия. В недавней монографии Х. Майбом (2022) подробно разбирается один из вариантов теории эмпатии, в которой автор обращается к тем механизмам, по которым эмпатия работает: как поставить себя на место другого, как почувствовать то, что он чувствует и т.д. Эмпатия в теории Майбом является одним из вариантов когнитивной практики «принятия другой перспективы». Особенность же психопатов состоит в том, они могут принять чужую перспективу, но по ряду причин им нет дела до чужих чувств и страданий. Эмоции для эмпатии играют ключевую роль, поскольку испытать те же эмоции можно в похожих обстоятельствах, а также эмоциональное сопереживание позволяют понимать и людей других культур, и животных со схожей с нашей психической системой. Эмоциональное сопереживания является непосредственным, в то время как рациональный вариант понимания другого требует терминологического оформления. Однако как показывает случай психопатов, эмоциональное вживание не является единственным вариантом понимания другого и принятия другой перспективы. Поскольку так понятые эмпатия и принятие чужой перспективы не могут завершить дискуссию между сентиментализмом и рационализмом, Майбом предлагает новый вариант преодоления данной дихотомии.

Попов Данил Сергеевич
к.филос.н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Нарративная природа образов Сократа в детской литературе на русском языке

Обращение к образу Сократа в детской литературе на русском языке — устойчивое явление. Этот образ представлен не только в дореволюционных материалах для детского чтения (в качестве материалов берутся публикации в журналах «Детское чтение для сердца и разума» и «Друг юношества»), но и в советской литературе (например, в повести Дж. Триза «Фиалковый венец» 1964 и 1989 г. издания и в педагогических комментариях к ней), а также на полках книжных магазинов в наши дни (предисловие А.П. Торопцева к книге Л.А. Сергеева «Мои друзья», по-

весть французского писателя Яна Маршана «Сократ — президент»). Интересно, однако, что роль образов философа вовсе не заключается в передаче неких застывших, универсально приемлемых моральных ценностей, которые обычно ассоциируется с его фигурой. Хотя образ Сократа как учителя нравственности и мудреца — например, непреходящее внимание к сократическому незнанию — действительно остается важным для тех, кто делает его героем своих художественных произведений или педагогических этюдов, в нем есть и другое измерение. В литературе всех вышеупомянутых периодов он служил мерилом гораздо более широкого круга ценностей, которые писатели и педагоги пытались передать детям. Во времена антифранцузских настроений начала XIX века Сократ в «Друге юношества» не только сближается с христианством, но и резко противопоставляется французской философии. В послесловии А.С. Завадье к «Фиалковому венцу» 1964 года Сократ — воплощенный антипример всему по-настоящему ценному в античности. В наши дни Я. Маршан органично вписывает образ Сократа в критику современного капиталистического общества. Мы также можем различить более частные смысловые акценты образа Сократа у разных авторов. Например, для воина русской армии и детского писателя Н.М. Кугушева, оставившего воспоминания о боевых схватках, было, несомненно, важно отметить, что Сократ не просто философ и мудрец, но солдат и надежный, верный друг. В свою очередь А.П. Торопцев сосредоточен на том, что сократическая философия, как гарантия подлинной коммуникации, дает возможность «линии бесконфликтного сосуществования» в мире, где незнание, непонимание и бесчувствие являются большими проблемами. Мы полагаем, что полученные результаты стоит рассматривать с точки зрения нарративной методологии. Пользуясь терминами теории нарративной парадигмы У. Фишера, можно сказать, что образы Сократа в детской литературе всегда будут связаны с поиском надежного, заслуживающего доверия и желательного руководства к мышлению и действию в мире. В свою очередь эти поиски разворачиваются в той или иной культурно-исторической ситуации, переплетены с набором дискурсивных порядков, её формирующих. Именно поэтому трансформации и неожиданные коннотации, который приобретает здесь образ Сократа нельзя воспринимать просто как ошибки, вызванные неспособность корректно оценить высокий классический сюжет. Повествования о философе следует рассматривать как нарративы, формирующиеся в свете ценностей, надежд и проблем, стоявших перед российским обществом в то или иное время. И то, что фигура Сократа, оставававшаяся важным идеалом в детской литературе на русском языке в XVIII–XX веках, остается столь же востребованной и в наши дни, не может не вызывать оптимизм.

Гранта РНФ 25–28–01843 «Нарратология как метод исследования трансляции и конструирования моральных ценностей в обществе».

Попова Евгения Владимировна
доцент, к.полит.н., заведующий кафедрой
Томский государственный университет

Этика профессиональной ответственности юристов в условиях внедрения ИИ: анализ повседневных профессиональных практик

Внедрение систем искусственного интеллекта в юридическую практику ставит перед профессиональным сообществом вопросы, которые не могут быть решены в рамках действующих этических кодексов и нормативных актов. Скорость технологических изменений опережает трансформацию профессиональных стандартов, поэтому возникает зона нормативной неопределенности, в которой юристы вынуждены самостоятельно определять границы допустимого, критерии качества и меру собственной ответственности. В докладе на основании эмпирического исследования, включающего глубинные интервью с практикующими юристами разных специализаций (адвокаты, корпоративные юристы, IT-юрист, помощник судьи) и анализ профессиональных чатов, анализируется, как в условиях отсутствия формальных правил формируются этические ориентиры повседневной работы юристов с ИИ.

Основной сложностью оказывается то, что ИИ, в отличие от предшествующих цифровых инструментов, не просто выполняет формальные операции, но симулирует диалог и понимание. Как показывают исследования индексального ИИ (Weatherby, Justie, 2022), большие языковые модели генерируют высказывания, формально неотличимые от человеческих, однако за ними не стоит ни реального актора, ни намерения, ни обязательства. Это создает этическую ловушку: юрист может принять симуляцию за полноценное профессиональное суждение, а сгенерированный текст за юридически значимый документ. Иллюзия разделенного контекста и совместной работы, которую создают LLM, камуфлирует отсутствие у алгоритма ответственности, но при этом порождает у профессионала ощущение, что он не одинок в принятии решения. В этом разрыве между симуляцией и реальностью размываются границы профессиональной ответственности.

Эмпирические данные показывают, что юристы осознают риски, но не имеют институционализированных средств для их управления. Респонденты единодушно признают: «Все понимают, что это риск, но никто не знает, что с этим делать». Проверка результатов ИИ становится новой, невидимой и неоплачиваемой формой труда, то есть, инфраструктурной работой (Star, Strauss, 1999), которая ложится на плечи юри-

ста. При этом объем этой работы может превышать время, сэкономленное на автоматизации. Особую этическую остроту приобретает вопрос: кто несет ответственность, если ИИ «уверенно» выдал несуществующую судебную практику, а юрист, доверившись симуляции, не проверил ссылки? Ответственность оказывается «распределенной» (Branovitskii, 2024) между разработчиком, корпорацией и практиком, но в реальной повседневности эта распределенность не имеет четких границ и не подкреплена нормативными механизмами.

Доклад показывает, что практическая этика юристов опережает формальные кодексы. Профессионалы вырабатывают собственные стратегии: от тотальной проверки на начальных этапах до выборочного контроля; от запрета на использование ИИ помощникам до создания внутренних регламентов в компаниях с развитой IT-культурой. Однако эти решения остаются локальными и ситуативными. Отсутствие общепризнанных стандартов порождает неравенство: одни юристы активно используют ИИ для адаптации документов под стиль конкретного судьи, получая преимущество в убеждении, другие ограничены институциональными запретами. Этический вопрос о справедливости доступа к технологиям и о манипулятивных возможностях ИИ в судебном процессе пока не имеет ответа.

В результате этика профессиональной ответственности в отношении ИИ требует пересмотра. Ответственность юриста смещается от содержательной работы к ответственности за процесс взаимодействия с алгоритмом. Необходимо не просто зафиксировать правила работы с алгоритмами, но переопределить само понятие профессиональной компетенции, включив в него способность распознавать симуляцию диалога и сохранять критическую дистанцию.

Поправко Елена Александровна
доцент, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

«И милость к падшим призывал...»: отношение к противнику как проблема воинского воспитания

Формирование отношения к противнику как к врагу, который должен быть уничтожен в бою, — один из аспектов воинского воспитания (идёт ли речь о подготовке офицерских кадров или о воздействии командира на подчинённый ему личный состав).

В процессе решения этой проблемы возникает череда этических проблем.

Проблема первая: соотношение любви к Родине и ненависти к её противникам. Патриотическое воспитание ставит задачу формирования гордости за страну, её народ, её достижения (в том числе и связанные с участием в войнах: «Наша страна сыграла ведущую роль в разгроме фашизма»). Но является ли гордость за страну и народ достаточным основанием, чтобы преодолеть психологический барьер и уничтожить противника на поле боя? Классическими (по частоте упоминания) стали данные опроса ветеранов боевых действий II Мировой войны, проведённого в США в 1947 г. по инициативе генерала Дж. Маршалла. Оно показало, что там, где враг предстаёт как конкретная личность, а сражение как дуэль, урон противнику наносят лишь 2 % личного состава. Многие солдаты (отлично проявлявшие себя при стрельбе по мишеням) не могут убивать. Проявляются многочисленные соматические симптомы параличей (пальцев, кисти руки и т.п.). В «ступор» чаще впадают новички. В условиях боевых действий страх связан не только с боязнью погибнуть — убивать других тоже страшно. Что должно предусмотреть морально-психологическое обеспечение боя, чтобы снять эту проблему?

Проблема вторая (тесно связанная с первой): зачем стрелять, если можно договориться? Ярким примером может служить отношение к противнику (и к военнопленным), которое советские солдаты и командиры, воспитанные в классовом понимании патриотизма (свои — это рабочие и крестьяне, а противник — это мировой империализм и буржуазия), демонстрировали (и вынуждены были преодолевать) в 1941 г.

Советские солдаты и офицеры, воспринимавшие врага через призму пролетарской идеологии, пытались вычленять рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Вот что записал в своем фронтовом дневнике участник Великой Отечественной войны М.И. Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: "Рот фронт!"… Кого мы хотели убедить в классовой солидарности — этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь». Аналогичный опыт для 1941 г. описал и комиссар 2-го кавалерийского корпуса, К.В. Крайнюков.

Новый для советской пропаганды лозунг «Убей немца!» озвучил И. Эренбург, но главным пропагандистским мотивом его сделал К. Симонов, написавший стихотворение «Убей его!» (после войны его печатали под названием «Если дорог тебе твой дом»). Этот мотив много-

кратно был повторен на плакатах, в названиях кинохроникальных лент. В декабре 1941 г. по требованию главы ГЛАВПУРа Л.З. Мехлиса (директива № 278 от 11.12.1941 г.) из всех военных газет убрали лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Это место заняли призывы: «Смерть немецким оккупантам!» и «Не забудем, не простим!».

Проблема третья: воспитав ненависть к врагу, как научить её преодолевать? Пример: беседа Г.К. Жукова с его же интендантами о необходимости кормить население покорённого Берлина:

– Кого кормить будем? Фашистов?

– Нет, просто детей, женщин и стариков…

Война не длиться вечно, вчерашний противник может быть завтрашний союзник (как произошло у СССР с ГДР, Венгрией и Румынией). Как суметь снова воспринимать их как людей, достойных милосердия, сочувствия и иных человеческих чувств?

Военно-политическая работа должна выработать ответы (и соответствующие техники) для решения этих проблем, или армия и общество обречены сталкиваться, то с неэффективность своей военной организации, то с последствиями очередного симптома («афганского», «чеченского» и т.д.).

Предовская Мария Михайловна
к.филос.н., доцент
НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
Тебякина Елена Евгеньевна
к.филос.н., доцент
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Метаморфозы образов нравственности: советская школа в кинематографе – от утопии к ретротопии

После потрясений российской истории первой четверти XX века, новое революционное общество делает ставку на молодежь до 20 лет, благодаря первому демографическому переходу составлявшую к тому моменту не менее 48% населения. Через систему школьного образования, программы ликвидации безграмотности, молодое государство предпринимает попытку индоктринировать население, прививая ему новые моральные ориентиры, поскольку именно молодежь оказывает давление на старших, разрушая старые порядки. Обучающиеся не просто принимают новую мировоззренческую систему через образование, но включаясь в детские и подростковые организации, усваивают моральные ценности, строящиеся на революционной идеологии.

Вслед за непосредственной педагогической практикой школ и пионерских лагерей планомерно создается и специализированная детская литература, закрепляющая ценности, соответствующие нормам советской морали, а за ней, и детский кинематограф, призванный в доступной форме презентовать даже самым маленьким зрителям образцы новой морали и нравственности.

Следующий этап нравственно-воспитательной работы начинается с появлением телевидения, благодаря быстрому распространению и массовой доступности, получившему массовое и систематизированное влияния на детей и подростков. Так для детской и подростковой аудиторию окончательно обособляется собственное пространство — в первую очередь школы, и лишь во вторую — дома.

В большинстве создаваемых кино- и теле-артефактов образ школы представляется в существенной степени мифологизированным пространством взросления и социализации главных героев, проходящих нравственные испытания, благодаря общению со сверстниками и идеализированными взрослыми. Постепенно и фокус повествовательной перспективы смещается от точки зрения взрослых персонажей непосредственно к детям. Так в «Доживем до понедельника» Станислава Ростоцкого, где представлено взаимодействие четырех поколений, школьники (как «младшие»), выступают фоном и триггером проблем, которые претерпевают и разрешают взрослые («старшие»). Однако моральные акценты всё ещё тверды и именно они является фундаментом нравственного становления молодежи, в понятной для нового поколения зрителей форме.

Постепенные признаки кризиса советской системы находят своё отражение и в юношеском кинематографе, закрепляя образ идеальной утопической школы, которой принципиально никогда не существовало в реальности (примером могут служить такие «идеализированные» школы, как в телефильмах «Утро без оценок», «Приключения Электроника», «Гостья из будущего»). Перестройка, окончательно десакрализующая идеологию и нравственные идеалы строителей коммунизма, жестко разоблачает образы школьного детства, и обесценивает нравственные идеалы, проповедуемые школьным образованием (и отражённые в юношеском кино). Среди лент этого периода особенно выделяются «Школьный вальс» и «Чучело», а апофеозом выступает рязановская «Дорогая Елена Сергеевна» — повествующая о полной утрате ценности советских нравственных идеалов и невозможности их возрождения.

В современной России, тему нравственного разложения ценностей у подрастающего поколения продолжает Валерия Гай Германика, которая в сериале «Школа» доводит глубину нравственного падения как школьников, так и учителей до гротеска мрачной антиутопии, воплощая

идею о том, что постсоветская школа окончательно утратила роль в моральном руководстве подрастающего поколения, создавая травмированных взрослых, разрушающих реальность, а не создающих ее. Однако, именно в этой ситуации опустошённости на помощь подрастающему поколению как раз и могут прийти утопические детские фильмы советских времён, вызывающие у современных детей и взрослых веру в реальность происходящего на экране как задокументированной повседневности, порождая ретротопическую уверенность в возможности отыскать нравственный идеал, если не в настоящем, то хотя бы в светлом прошлом.

Препелица Дмитрий Павлович
начальник кафедры
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Военное образование в современной России: моральный долг или профессия?

Воинская деятельность и ратный труд с древнейших времён существования нашего государства считались не только священной обязанностью воина-защитника, но и связывались с глубоким нравственным чувством — защиты Родины и моральной ответственности за её судьбу, честью офицера, беспощадностью к врагам и захватчикам и, вместе с тем, милосердия к побеждённым. Поэтому система военного образования с момента своего возникновения в России петровских времён уделяла большое внимание не только формированию профессиональных качеств, но и проявляла заботу о нравственном становлении будущего воина. Однако сегодня система военного образования в России находится под давлением двух совершенно разнонаправленных процессов: с одной стороны, требуется всё большая профессионализация подготовки военных кадров, предполагающая рост технической и управленческой компетентности будущих офицеров и командиров, а, с другой, необходимо сохранить традиционные нравственные основания российского офицерства.

В ходе исследования данного этического парадокса можно выделить три типа моральных противоречий, отражающих основные проблемы сферы военного образования.

Первое из них — это конфликт ценностей служения и прагматики военной карьеры. Молодёжь, особенно в мегаполисах, всё чаще воспринимает военную службу как карьерный проект, а патриотизм — как качественное выполнение профессиональных обязанностей. Это не означает утраты моральных ориентиров, но меняет их конфигурацию:

традиционная модель офицера, в центре которой стоят самопожертвование и безусловная преданность долгу, вступает в противоречие с рациональным планированием карьеры и ожиданием конвертируемости военного диплома на гражданском рынке.

Второе противоречие связано с разрывом между престижем и привлекательностью профессии. Ряд особенностей службы, связанные с соблюдением секретности не позволяют проводить масштабные пиаркомпании по привлечению абитуриентов в военные ВУЗы, однако, доверие к институту армии и повышение престижа армии в ходе реальной военной ситуации в целом позволяет привлечь больше поступающих, но столкнувшись с реальными внутренними ограничениями значительная часть из них разочаровывается в военной профессии и, зачастую, уходит из неё.

Третье противоречие связано с когнитивной неопределённостью. Так, например, значительная часть простых граждан не знают о существовании военных учебных центров при гражданских вузах или убеждены, что курсантов учат по устаревшим методикам. Обывательские представления формируются преимущественно под влиянием стереотипов и эмоционально окрашенных нарративов, что создаёт почву для манипуляций и затрудняет принятие решений о выборе профессии.

В качестве разрешения указанных противоречий можно порекомендовать, во-первых, обязательно публично обсуждать изменения образовательных стандартов в военной сфере, поскольку закрытость военного института и его исключённость из обыденной социальной практики порождает информационные искажения, как следствие, недоверие. Во-вторых, повышение социальной привлекательности военных вузов должно опираться не на количественные показатели охвата аудитории (который исходя из соображений секретности отнюдь не просто обеспечить), а на демонстрацию реальных карьерных траекторий и возможностей. В-третьих, модернизация содержания обучения, включая гибридизацию программ с гражданскими вузами, должна сопровождаться сохранением прежде всего ценностно-нормативного ядра профессии.

Прилукова Екатерина Григорьевна
доцент, д.филос.н., профессор
Южно-Уральский государственный университет

Галактика Визуального: образ семьи в медиапространстве

Современный мир можно описать как мир диктата визуального. Глаз, выступает основным (и порой единственным) поставщиком информации о мире и человеке. Образы экрана «пленили» человека, предлагая ему богатую палитру образцов и стандартов поведения и мысли. Одна-

ко электронная цифровая среда не сводится к посланию сообщений, она их кодирует и декодирует в логике алгоритмов сложных экосистем платформ, сетей и т.п., делая доступными любому пользователю. Благодаря чему, пространство, создаваемое масс-медиа, становится пространством, жизнедеятельности человека. Экранные образы дают возможность «примерить» на себя все — от модного костюма «звезды» до событий ее жизни. Сознание наполняется образами, тесно переплетающимися между собой, порождая новые. Грань между реальным событием и событием, представленным образами, весьма и весьма тонкая. Более того, порождаемые экраном сюжеты выглядят гораздо убедительнее реальных, потому что самая «могущественная» — цифровая — технология добывания истины лишила человека способности отличать истину от ее копии и даже подделки. Реальность превратилась в сферу конструирования (изготовления, «делания», «фабрикования»). «Чтение» образов позволяет выбирать и создавать различные смыслы не столько логически, сколько эмоционально. Как следствие, образы электронных масс-медиа стали основными средствами производства смыслов, производя симулятивные замещения сложных социальных процессов и институтов.

Семья оказалась в их числе, обретая в знаково-символическом медийном образе онтологический статус «присутствующего отсутствия», когда манифестируемые визуально подлинные семейные отношения фактически редуцированы до их функционального симулякра.

В качестве примера можно привести несколько разноплановых примеров отечественного медиаконтента.

Один из ставших рекордным долгожителем отечественного телевидения сериалов настоящего времени «Тайны следствия» (реж. М. Демченко) воспитывал свою аудиторию, которая вырастала вместе с ним, пополняя возраст 45+ сегодня. Для молодежи он практически неизвестен. Семья в телесериале присутствуют как детективный фон (биографическая справка в портрете главных героев или мотив преступления). Даже попытка обратить внимание на личную жизнь постоянно пребывающих персонажей в последних сезонах, оставляет семью лишь тенью профессиональной деятельности. Семейный дискурс разворачивается как производная от детективной линии («слабое» звено, фон для профессиональных решений и т.п.).

Почти одновременном с «Тайнами следствия» на экраны вышел сериал «Бригада» (2002, реж. А. Сидоров) со своим представлением семьи. По данным Кинопоиска, он популярен, как у возрастной, так и молодой аудитории, но в разных ракурсах: у первых как ностальгия, у вторых — ирония на прошлое. Однако для тех и других семья из «Бригады» всего лишь остается симулякром семьи.

Реальная семья одного из главных героев (Саши Белого) — видимость атрибутов семейного благополучия и сокрытия одного подлинного «Я» от родного и близкого, но реально чужого «Другого». Семья самой бригады — это институт заботы, понимания и защиты, но эта семья построена по требованиям криминального императива. В обоих случаях образы предлагают версию этически не оправданных взаимоотношений, продолжая сохранять присутствие отсутствия.

Репрезентации галактики Визуального, в силу своей природы, этически всегда нагружены и предлагают нормативы должном, даже если о них не идет речь напрямую, формируя и утверждая этику новой нормальности. Поэтому медиа следует помнить об ответственности перед семьей и в качестве этического императива видеть семью в статусе серьезного социального субъекта, создающего пространство формирования человека, но не объекта генерации визуального контента.

Конкурс Российского научного фонда (РНФ): 120 Конкурс 2025 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (региональный конкурс). Номер проекта: 26-28-20353.

Прокофьев Андрей Вячеславович
доцент, д.филос.н., главный научный сотрудник
Институт философии РАН

Моральное значение психологических исследований субъективного благополучия (случай гедонистической адаптации)

Психологические исследования субъективного благополучия, как правило, рассматриваются в качестве основания для выводов, касающихся индивидуальной практики достижения счастья и социальной политики государства. Однако у них есть и очевидное общеморальное значение. Если мораль — это совокупность требований и ориентиров, задающих поступки, которые содействуют благу другого человека, то знание о том, как формируется субъективное благополучие индивидов, проясняет цели и обязанности моральных агентов. Одним из центральных феноменов в области субъективного благополучия является гедонистическая адаптация; в популярную литературу и массовую культуру широко вошло отражающее его понятие «гедонистической беговой дорожки» (введено в 1970-х, см.: Brickman P., Campbell D.T. Hedonic Relativism and Planning the Good Society // Adaptation Level Theory: A Symposium / Ed. M.H. Appley. New York: Academic Press, 1971. P. 287–304).

Другой, благу которого содействует моральный агент — это гедонистически адаптирующийся другой. В выступлении проанализированы три морально значимых аспекта теории гедонистической адаптации.

Первый аспект связан с постулированием существования базового уровня субъективного благополучия, существенным образом зависящего от наследственности (см.: Lykken D., Tellegen A. Happiness is a Stochastic Phenomenon // Psychological Science. 1996. Vol. 7 (3). P. 186–189). В перспективе выбора средств содействия благу другого эта идея имеет существенный «разочаровывающий» потенциал: непричинение вреда, помощь и забота оказываются в определенной степени девальвированы тем, что они не могут оказать существенного влияния на уровень удовлетворенности реципиента своей жизнью. Однако существует несколько аргументов, которые этот потенциал уменьшают.

Второй аспект связан с психологическими данными, касающимися факторов, которые влияют на гедонистический опыт другого и восприятие им собственной жизни в той сфере, которая находится за пределами генетически заданного базового уровня субъективного благополучия (см.: Любомирски С. Психология счастья. Новый подход. СПб: Издательский дом «Питер», 2014; Headey B. The Set-Point Theory of Well-Being: Negative Results and Consequent Revisions // Social Indicators Research. 2008. Vol. 85 (3). P. 389–403). Их изучение заставляет по-новому взглянуть на эффективность способов содействия благу другого. Эти способы следует рассматривать не как благодеяния, а как деятельное участие в жизненном проекте другого.

Наконец, третий аспект касается когнитивных искажений, порождаемых гедонистической адаптацией. Гедонистически адаптирующийся другой склонен рассматривать себя в качестве неадаптирующегося (см.: Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: Издательство АСТ, 2016). Эта его особенность создает ряд затруднений для морального агента. Стратегии взаимодействия с таким другим порождают существенный риск разрушения отношений с ним, что препятствует участию в его жизненном проекте. Уменьшение этого риска возможно только за счет коммуникативной практической мудрости.

Тематика выступления ставит перед этической теорией дополнительный вопрос о том, как следует реагировать на изменчивый характер психологического знания (для проблемы гедонистической адаптации его актуализируют такие недавние исследования: Lindqvist E., Ostling R., Cesarini D. Long-Run Effects of Lottery Wealth on Psychological Well-Being // Review of Economic Studies. 2020. Vol. 87. P. 2703–2726; Twenge J.M., Bell Cooper A. The Expanding Class Divide in Happiness in the United States, 1972-2016 // Emotion. 2022. Vol. 22(4). P. 701–713).

Пронин Павел Александрович
обучающийся аспирантуры
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Благотворительная миссия Л.Н. Толстого: нравственный аспект

Уникальность благотворительной деятельности Л.Н. Толстого заключается в том, что она явилась одним из способов внедрения в общественную практику нравственных идеалов мыслителя.

В конце XIX – начале XX века, Лев Николаевич опубликовал ряд работ, характеризующих наиболее острые проблемы уязвимых категорий населения того времени: нищета, голод, зависимое положение, алкогольная зависимость, отсутствие доступа к получению достойного образования («О переписи населения в Москве», «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», «О голоде», «Голод или не голод?», «Почему люди одурманиваются?» и др.).

Кроме того, Л.Н. Толстой занимался оказанием адресной практической помощи, привлекая к данной деятельности членов своей семьи, а также учеников. Лев Николаевич выделял из собственных финансовых средств огромные суммы для строительства больниц, учебных заведений, приютов, ночлежных домов и столовых для социально уязвимых категорий населения.

Стоит отметить, что благотворительная деятельность Л.Н. Толстого имела комплексный характер и реализовывалась в виде долгосрочных программ помощи — социальных проектов:

1. Проект освобождения крестьян от крепостной зависимости (1856 г.).
2. Участие в переписи населения Москвы (1882 г.), с целью разработки проекта искоренения нищеты.
3. Борьба с злоупотреблением спиртными напитками, наркотиками и иными одурманивающими веществами.
4. Помощь голодающему населению центральных губерний Российской империи, пострадавших от неурожая 1891 – 1892 гг.
5. Проекты в области педагогической деятельности».

Благотворительная деятельность Л.Н. Толстого была основана на нравственных идеалах его христианской этики, базирующейся на трех основных принципах: любви, непротивления и неделания.

«Принцип любви представляет собой единство закона и благодати, имеющий два нравственных начала: платонизированную метафизику восхождения к идее любви и евангелистскую этику всеобщей любви как закона жизни.

Следование принципу непротивления выражается в желании уподобления божественному началу. Такое уподобление выражается в воздаянии добрыми делами за злые поступки.

Принцип неделания заключается в воздержании от злых мыслей, лишних слов, страстей тела и греховной деятельности, а также в настраивании своего ума выше своих влечений».

Руководствуясь данными принципами, в качестве ключевой категории нравственного учения Л.Н. Толстого, можно выделить непротивление злу насилием. Сущность данной заповеди заключается в недопустимости применения любого насилия в мыслях или действиях, даже в ответ на злые поступки.

Толстой рассматривал равнодушие к страданиям других людей, невежество, социальную несправедливость, эксплуатацию одних людей другими как социальные проявления зла. В этом смысле благотворительные и социальные проекты Толстого выступают не столько как попытка силового преодоления зла, а как своеобразная практика совершенствования склада души.

Таким образом, занимаясь активной благотворительной деятельностью Л.Н. Толстой, стремился реализовать нравственные идеалы своего учения на практике. Непротивление злу насилием можно рассматривать в качестве уникального подхода к пониманию Л.Н. Толстым значения ключевых категорий этики, таких как добро, зло, долг и добродетель. Реализация данного подхода послужила нравственным основанием благотворительной миссии Льва Николаевича Толстого, которой он посвятил всю свою жизнь.

Пугачева Наталья Петровна
доцент, д.филос.н., заведующая кафедрой
Пензенский государственный аграрный университет

Фиаско зоопсихологии: может ли этика разрешить кошачий конфликт?

Зоопсихология как наука переживает кризис именно тогда, когда интерес к поведению животных в обществе, напротив, возрастает. Нехватка эмпирического материала и размывание предмета привели к следующим проблемам:

методологический разрыв (на практике, как правило, чистых зоопсихологов нет, а биологи, ветеринары и психологи не обладают полнотой знаний в этой междисциплинарной сфере, что грозит проекцией человеческого поведения на животных и т.д.);

проблема аналогий (невозможно сопоставить интеллект человека и муравья, обсуждая зарождение нравственности у различных таксонов);

оторванность от контекста (изучение поведения животных в питомнике и лаборатории в оторванности от естественных условий неизбежно снижает чистоту эксперимента).

Рассмотрим типичную ситуацию: владелец двух кошек, которые постоянно дерутся, обращается к зоопсихологу за помощью. Ситуация бытовая, но владелец, любящий обеих, буквально разрывается между ними. Зоопсихология говорит в этом случае: домашние кошки — не стайные животные, налицо ярко выражено территориальное поведение и разграничение пространства может помочь. Однако подобное решение проблемы, как и другие конкретные практические рекомендации, не состоятельно, ведь интересы двух живых существ несовместимы в рамках конкретного пространства. И здесь мы переходим в область этической науки, поскольку имеем дело с моральными дилеммами.

Итак, первая — проблема морального статуса кошки, которая в русле современной философии и этики животных вполне обоснована. Многие животные понимаются не просто как объекты изучения, а как существа, обладающие субъективным опытом, умеющие испытывать эмоции. Более того, существуют аргументы в пользу того, что животные, подобные кошкам, могут быть «моральными агентами», хотя и в минимальном смысле, проще говоря, способны регулировать свое поведение в ответ на ожидания другого существа. Тогда тривиальный кошачий конфликт — уже не просто проблема поведения, а конфликт двух морально значимых существ, в который неизбежно вовлечен человек, как третья сторона, обладающая властью и силой.

Вторая проблема — это конфликт интересов: если кошка А (старожил) имеет «право» на свою территорию, а кошка Б (новичок) имеет «право» на безопасность и благополучие, чье право сильнее? Утилитаристский подход предложил бы нам взвесить страдания: кто страдает больше, если конфликт не разрешается? Однако, подход, основанный на признании прав животных, потребовал бы обеспечить хотя бы минимальные условия хорошей жизни для обеих.

Третья проблема — чьи интересы важнее: кошек (кошки) или человека? Прагматический подход говорит об отсутствии идеального решения и выбора лучшего из возможных: интересы человека важнее. Современная этика может предложить так называемый контекстуальный подход. Клэр Палмер, например, утверждает, что у человека есть разные обязанности по отношению к разным животным в зависимости от истории и характера наших отношений с ними: кошка, которая живет с нами несколько лет — это не просто представитель вида Felis catus, это конкретное живое существо с биографией, с которым у нас сложилась

определенная связь, что накладывает на нас особые обязательства по отношению к ней. «Этика заботы» не делает акцент на абстрактных правах и не взвешивает страдания, она говорит о конкретных отношениях и ответственности, вытекающей из асимметрии власти. Соответственно выбор человека в данном случае — это моральный выбор. Этика не дает готовых ответов, подобных этим: «Разместите кошек в разных комнатах», или «Отдайте одну кошку в другие руки», или «Кормите их отдельно». Но она задает направление для рефлексии: вместо вопроса «как научить кошек не драться?» она предлагает следующий — «как поступить справедливо по отношению к двум существам, которые не могут "договориться" без помощи человека?».

Пушнина Алина Андреевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Практика самостигматизации как новая этическая дилемма XIX–XX веков.

Среди развлечений для среднестатистического жителя Америки в период XIX–XX веков наиболее любопытным и провокационным можно считать «цирк уродов». За время существования этого социального института (1840-ые по 1950-ые) отношение к людям с физическими особенностями стало более гуманным и толерантным. Несмотря на продолжающуюся стигматизацию в вопросах предоставления некоторых рабочих мест и оказания каких-либо услуг, объективизировать отличающихся стало неприличным и порицаемым.

Интересно, что в действительности практика фрик-шоу не была исключительно негативной для актеров: а) данный феномен впервые легитимизировал публичную видимость тех, кто был вынужден оставаться в тени; б) участники принадлежали к малой социальной группе таких же, как они, тем самым находили друзей и единомышленников; в) была оказана поддержка некоторым группам мигрантов — «черкесским красавицам» и туземцам с неизведанных островов (например, Борнео и Фиджи); г) получили возможность монетизировать свои особенности. Наибольший интерес в контексте данного исследования будет представлять четвертый пункт, так как именно на этом этапе, гипотетически, начинает работать механизм самостигматизации.

Стигма — понятие, введенное Ирвином Гофманом в работе «Стигма: Заметки по управлению испорченной идентичностью» (1963), означающее не столько сам признак (физический или психологический), сколько его восприятие обществом как постыдного. Стигма помещает субъ-

ект в условия изоляции и способствует переходу в девиантную субкультуру. Приобщение к нормам этого социального слоя помогает индивиду справиться с ситуацией отвержения от «традиционного общества».

В свою очередь, самостигматизация — феномен, обусловленный желанием человека «выделиться» за счет каких-либо индивидуальных признаков (как позитивных, так и негативных). Непринятие со стороны представителей «традиционного общества» побуждало актеров «цирка» самостоятельно создавать условия, при которых они смогли бы продолжить жить без нужды. Участникам приходилось выступать более 12 часов, выдумывать факты о себе для большей привлекательности брошюр; создавать номера, где они выполняют повседневные человеческие практики с использованием телесного отличия (мальчик без рук фотографировал и стрелял из лука). Это порождает этическую дилемму: как оценивать данную стратегию «выживания» в структуре, основанной на собственном угнетении? Фрик-шоу было настолько коммерчески успешным проектом, что люди, живущие за чертой бедности, нарочно причиняли вред своему телу, дабы получить жилье и пропитание.

Актер «цирка» знал, что он заметен, и использовал это как возможность конструирования собственного особенного места в обществе, где изначально ему отводилось место в маргинальных кругах. Фрик-шоу в этом случае выступает некоторым социальным лифтом, позволяющим наладить контакт с представителями «традиционного общества» (известны случаи браков между актерами и людьми без телесных патологий) и «поднять» собственный авторитет (Том-Там и Лавиния Уоррен, будучи карликами, были приглашены в Белый дом лично президентом США).

Таким образом, ответ на вопрос о правильности или неправильности самоактуализации через стигму неоднозначен. С одной стороны — это несправедливо и жестоко по отношению к людям с особенностями, а с другой — это был один из немногочисленных шансов заявить о себе и обрести те социальные блага, которые недоступны на общественной периферии.

Разин Александр Владимирович
профессор, д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой
МГУ имени М.В. Ломоносова

Моральное добро и зло в философии И.Канта

Общее понимание добра у Канта связано с идеями свободы, доброй воли и отсутствием личного интереса в морали. Однако в поздних работах Канта появляются мысли о том, что собственно моральные мо-

тивы поведения человека не реализуются без дополнительных мотивов, связанных с идеей блага и счастья. В исторической и политической теории Ката проявляют себя и утилитарные положения. Но мотивы, содержащие личные интересы связываются Кантом с так называемым нерадикальным злом, которое представлено в природе человека так же как и добро. Зло связано с виной самого человека. Более всего вина проявляется в неправильном порядке мотивов, тогда, когда мотивы поведения, связанные с личными интересами, даже если они направлены на благие цели, ставятся на первое место перед собственно нравственными.

Но кантовское желание полностью изолировать мораль от личного интереса (что представлено в его основных сочинениях на моральную тему) является неверной теоретической посылкой. Эта позиция приводит к тому, что моральный выбор лишается своих оснований. Не имея представлений о собственном счастье, и не стремясь к нему, нельзя заботиться о счастье и интересах других. В противоположность такому подходу этому мы демонстрируем, как мораль может сочетаться с личным интересом, и какую роль в моральном поведении играет стремление людей к достижению совместно разделенных практических целей. При этом одни мотивы обогащают (усиливают) другие. В частности моральная оценка показывает признание значимости и иногда даже уникальности деятельности осуществляемой тем или иным человеком, способствуют сознанию им собственного достоинства, а это влияет на усиление эмоций, сопровождающих творчество.

Рассматривая вопросы политической жизни, Кант говорит о совместимости схем свобод одних со схемами свобод других. Но ведь такие свободы связаны именно с реализацией личных интересов, и для оптимизации возможностей удовлетворения личных интересов, собственно, и организуется общество. Следовательно, мораль без рассуждений об общем благе и условиях удовлетворения личных интересов невозможна. Но это утилитарная мораль, абсолютизм, представление морального мотива в качестве высшей компоненты человеческого бытия составляет лишь один из моментов такой морали.

Зло представлено в природе человека не потому, что он не может отказаться от своих личных интересов, а потому, что сама природа человека противоречива. Так, условия социального бытия противоречат некоторым природным основам, скажем не готовности к осуществлению интенсивной деятельности, сознанию того, что большинство потребностей человека удовлетворяется в условиях обязательств перед другими людьми, что справедливость не может быть полной, так как ряд

нравственных мотивов, также следующих из природы человека (сострадание, благотворительность), приводят к ее частичному разрушению.

Таким образом Кант попадает в капкан своей собственной методологии, пытаясь полностью освободить мораль от личного интереса и свести ее к универсальным императивам. Вводя в свою формулировку базового императива учет того, что человек может пожелать, Кат не учитывает, что пожелать человек может очень многого и противоположные желания в равной степени могут быть универсализированы. Например, можно пожелать, чтобы была бесплатная медицина и бесплатное высшее образование, а можно пожелать противоположного, чтобы они наоборот были платными.

Ракитных Марина Борисовна
к.филос.н., независимый исследователь

Формы эпистемической несправедливости в психотерапии

На примере доказательной психотерапии рассмотрим проявление разных форм эпистемической несправедливости, в основе которой лежат предпосылки об иерархичности объективного знания и интроспективном самопознании. Модель иерархии знания самой высшей формой объективного знания признаёт РКИ (рандомизированные контролируемые количественные исследования), а живому субъективному опыту даёт наименьший вес. Реализация в терапевтическом пространстве модели иерархического объективизма знания приводит к эпистемической асимметрии между клиницистом и клиентом. Психотерапевт-клиницист выполняет роль выразителя истинного знания РКИ, а клиент психотерапевтической помощи становится пассивным получателем истины и лишается роли субъекта знания.

Вторая предпосылка трактует интроспекцию как надёжный инструмент самопознания, с помощью которого клиент обнаруживает внутренние ментальные состояния. Однако, поскольку безошибочного доступа к внутренним состояниям нет, надёжность интроспекции можно оценить как преувеличенную. И тогда во время психотерапевтического диалога может возникнуть эпистемологическая ошибка: клиент не открывает существующее внутреннее убеждение или эмоцию, а скорее конфабулирует их, конструируя рационализацию, соответствующую ожиданиям психотерапевта.

Негативные последствия эпистемической асимметрии и эпистемологической ошибки интроспекции для клиента и процесса психотерапевтической помощи можно увидеть в разных формах эпистемической не-

справедливости. Свидетельская несправедливость в психотерапии может принимать форму недоверия словам клиента о его переживаниях или внешних причинах страдания из-за диагноза или его социальной идентичности. Герменевтическая несправедливость проявляется, когда психотерапевтический метод не имеет релевантных понятий для опыта клиента или когда опыт клиента подгоняется под клинический язык подхода и тем самым искажается или конфабулируется. Партисипаторная несправедливость выражается в том, что клиент исключается из совместного поиска решений: его участие допускается в качестве источника симптомов, а не как равного и полноправного участника процесса терапии.

Анализ форм несправедливости эпистемическое отчуждение клиента и проблематизацию эффективности помощи в психотерапии, а также обосновывает необходимость пересмотра эпистемологических предпосылок для восстановления эпистемической справедливости в психотерапии.

Романенчук Виктория Александровна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Древнерусское наследие в отечественной мысли рубежа веков: основные нарративы

Рубеж XIX–XX веков стал расцветом философской и писательской мысли в России. Одним из источников, вдохновляющих отечественную мысль, стало древнерусское наследие.

Эта эпоха удивляет своей открытостью всему старому, забытому. Всё словно оживает и обретает вторую жизнь в мыслях деятелей науки и искусства. «Одно из величайших открытий XX века и в плане художественном, и в плане духовном — православная икона...» — говорит Л.А. Успенский об открытии иконы. То же самое можно сказать и о духовных текстах

Иконы, древнерусские тексты становятся одним из главных нарративов в творчестве таких мыслителей как Ф.И. Буслаев, Н.С. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и другие. Древнерусское наследие оказывается не только объектом историко-филологического или искусствоведческого анализа, оно является той почвой, в которой пытались найти первоосновы национального самопонимания, и ответить на самые волнующие вопросы того сложного времени: что делать? и как спастись?

Икона, несмотря на свою иллюстративную функцию, является глубоким образным нарративом, затронувшим на метафизическом уровне думы сначала Буслаева, а затем Флоренского и Трубецкого. Интеллектуальная атмосфера Серебряного века способствовала переходу от эстетического осмысления иконописи к философскому анализу иконы как трансцендентного мира. Икона стала источником переосмысления не только древнерусского искусства, но и собственной жизни. Её образное повествование предлагает созерцающему не бегство от времени, а преображение мира через свое собственное просветление. Философское открытие иконы стало надеждой на воскрешение и метафизический поиск. Итогом этого является теоретическое переосмысление и практическое возрождение иконописи, которое вернуло ей сакральное звучание.

Созвучием иконы в это время стали древнерусские тексты: былины, жития, послания. Ярким примером влияния является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Закон и Благодать — два феномена, связь которых принципиально важна для русского человека тогда и сейчас. Неслучайно Бердяева, Флоренского, Булгакова привлекла эта дихотомия. В частности, Бердяев впоследствии размышлял о взаимосвязи закона, этики, искуплении, творческом соучастии Бога в судьбе человека и народа.

Присутствие Бога в судьбе человека, Присутствие человека с Богом волновало и первых агиографов и великих мыслителей конца XIX века. Ярким примером выступает старец Зосима Достоевского, прототипами которого стали великие древнерусские старцы: Тихон Задонский, Феодосий Печерский. Они — носители традиции внутренней свободы, любви, нестяжательства, заданной Иоанном Лествичником и Нилом Сорским.

Нестяжательство — нарративная линия, прослеживающаяся в размышлениях славянофилов. Соборность, цельность духа, аскетизм внутренний и внешний — всё это вышло из «истинного православия», которое, по мнению И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, определенно имеет глубокие корни в нестяжательской традиции. Эту мысль продолжил и Бердяев в «Русской идеи», где он называет Сорского «предшественником вольнолюбивого течения русской интеллигенции».

Свобода и правда Нила Сорского, великие подвиги Святых, размышления о земном и небесном древнерусских Отцов — это тот идейный ряд, который был важен человеку, находившемуся на рубеже веков и миров. Древнерусские тексты и иконопись явились не просто вновь обретенным источником для интеллектуальных размышлений. Они — живой пример святости, доказательство возможного обретения Бога, Благодати и любви в любые времена, даже самые сложные…

Романов Никита Александрович
канд. культурологии, преподаватель
Университет промышленных технологий и дизайна

Этика и звуковая повседневность: к проблеме нормирования и моделирования акустической среды

В эпоху информационно-медийного перенасыщения и тесного сосуществования в урбанизированных средах человек ежедневно осознанно и неосознанно воспринимает неисчислимое количество разнообразной информации. В такой системе координат звук как в форме структурированной аудиальной информации (например, музыки или человеческой речи), так и в виде смешения и взаимопересечения множества звуковых источников (например, гул улицы в час пик) непосредственным образом сосуществует в жизни человека, воспринимается и используется им.

При изучении особенностей взаимодействия человека со звуком в культуре и специфики взаимоотношений посредством аудиальной коммуникации в социуме невозможно обойти стороной осмысление этических аспектов. Более того, регуляторные механизмы взаимодействия человека со звуком можно встретить в разнообразных сферах: здравоохранение, законодательство, обычаи и традиции, акустическая экология, акустический и звуковой дизайны, звуковое и музыкальное искусство и т.д.

Отсюда определение того, какие звуковые объекты и события, в какой форме и в каких условиях являются допустимыми в социокультурной жизни человека, является нетривиальной задачей.

В целях концептуализации проблемного поля и определения возможных подходов к её осмыслению предлагаются следующие позиции для аналитики:

1. Акустическая среда как пространство социальных связей и конфликтов. Жак Аттали обращает внимание, что при отсутствии шума ничего существенного не происходит, а Брендон Лабелль предлагает рассматривать звуковую среду в качестве акустической территории, наполненной взаимно конкурирующими звуковыми сигналами и шумами, непосредственным образом поддерживающими многообразие социокультурных отношений и практик. С этого ракурса минимизация вмешательства в процессы регулирования звуковых проявлений повседневности является отчасти этически оправданным, так как позволяет сохранять не только звуковое многообразие, но и поддерживать тем самым вариативность звуковых практик, участвующих в конструировании социокультурной реальности (мировосприятие, самоидентификация, культурная идентичность и т.д.).

2. Акустическая среда как предмет целенаправленного дизайна и нормирования. Реймонд Мюррей Шейфер рассматривает звуковой ландшафт в качестве музыкальной композиции, в формировании которой участвует каждый человек. В этом смысле активное включение в настройку и дозирование звуковых событий и объектов акустический среды на этическом уровне соответствует потенциальному решению множества проблем: создание комфортных и компромиссных условий проживания, формирование экологического отношения к акустической среде, выработка единых правил звуковой этики общественных пространств и т.д. Обратной стороной можно считать потенциальную гомогенизацию акустической среды.
3. Акустическая среда как средство манипуляции человеком. Стив Гудман полагает, что чувственное восприятия звука во многом контролируется группами, объединенными по аффективным предпочтениям, которые определяются вкусом, опытом или другими социальными факторами. Вместе с тем разные сочетания звуков и их интенсивности оказывают влияние на психоэмоциональное и физическое состояние человека. Отсюда возникает ряд вопросов: этично ли использовать незаметные способы звукового принуждения и манипуляции (например, музыки для стимуляции потребления), в каких случаях применение сгенерированной человеческой речи является уместным, не является ли акустическое зонирование городских пространств одной из форм сенсорной депривации и т.д.

Таким образом, изучение специфики взаимодействия человека с акустической средой, на наш взгляд, не только возможно, но и уместно с позиции осмысления этических аспектов. И наоборот — уместно полагать, что исследования акустической среды и аудиальной культуры могут способствовать выявлению аналитических позиций и ракурсов, которые непосредственным образом связаны с решением этических проблем.

Романова Ирина Константиновна
к.филос.н., старший преподаватель
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Руководить гуманитарием

Высшее военное образование сегодня сталкивается в основном с теми же проблемами, которые характерны и для образования в гражданской сфере: множество бюрократических требований, тщательное исполнение которых не оставляет времени на качественное преподавание, натиск искусственного интеллекта, необходимость изменений в

методах преподавания так называемому «цифровому поколению» и т.д. Однако есть и специфические особенности, характерные для ситуации столкновения разнородных дискурсов, в частности, связанные с положением гуманитария в пространстве военного вуза. Дисциплинарное пространство армии ставит преподавателя гуманитарных дисциплин перед непростым нравственным выбором: сохранить свою идентичность, оставляя место для дискуссий при ответе на профессиональные вопросы, или следовать логике, по которой в «чужой монастырь со своим уставом не ходят», и первое место уделять требованиям военного сообщества. Не в последнюю очередь эти требования связаны с особенностями организационного управления в военной среде: системой приказов и контроля за их исполнением.

Традиционное деление стилей управления на авторитарный, демократический и либеральный для армии носит скорее теоретический характер, на практике же объективная необходимость быстро принимать решения в экстремальной ситуации способствует процветанию командно-авторитарного стиля с отдельными вкраплениями элементов демократии. Управленческий либерализм отпугивает профессиональных военных самим названием, не говоря уже о его втором распространенном имени: «попустительский стиль». Дисциплина, порядок, строгая иерархия не выдерживают соседства со стремлением делегировать ответственность за принятие решений подчиненным. В то же время примером успешности применения либерального стиля в управлении обычно называют научное сообщество, в котором ученые мотивированы прежде всего поиском истины и не нуждаются в мелочной опеке со стороны начальства. Известная фраза «Руководить — это значит не мешать хорошим людям работать» вполне адекватно описывает такой стиль.

Механизмы работы преподавательского и научного сообществ не вполне идентичны, но, если говорить об атмосфере доверия, она необходима и тем и другим. Речь, конечно, не идет о том, чтобы совсем не контролировать преподавателя военного учебного заведения, но способы контроля могут быть более гибкими, чем это принято при авторитарном стиле управления. Причем у доверия есть не только психологический, но и моральный аспект: уверенность в порядочности коллег, их справедливости, следовании служебному долгу способствует эффективности образования и воспитания. Кстати, в военном сообществе все это описывается термином «воинское братство».

Романовская Вера Борисовна
профессор, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник
Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

Почему невозможен переход от антропоцентризма к биоцентризму в современном мире, и что возможно сделать в рамках антропоцентризма для благополучия животных

Общеизвестно, что в обозримой исторической ретроспективе отношения человека и животного определялись полезностью последнего для жизни первого. Животное, прежде всего воспринималось как ресурс, обеспечивающий жизнеспособность человеческого социума (за очень редким исключением, когда отдельные виды признавались священными и охранялись религией). И так было независимо от страны, места обитания, культуры, религии и прочих факторов бытия. И лишь последние 150 лет зазвучали голоса в пользу защиты животных и даже их благополучия. И далеко не во всех странах и не для каждого вида животных. Конечно, во все времена были люди, заботящиеся, защищающие и любящие животных, но общую статистику они не меняли. Антропоцентризм во всей его силе. И это вполне понятно. Животные и в современном мире встроены в экономику как ресурс: животноводство, фармакологические испытания, рыболовство, индустрия развлечений формируют триллионные рынки и миллионы рабочих мест. Если гипотетически предположить переход к биоцентрической модели и признания ценности животных выше или наравне с людьми, то такая перспектива означает социальный конфликт, повышение стоимости продовольствия, удорожание разработки лекарств, структурную безработицу в аграрных регионах. И это не самое страшное. Государство, отвечающее перед избирателем за цены и занятость, за безопасность и спокойствие может реально пошатнуться. Иначе говоря, право движется к биоцентризму ровно в той мере, в какой это становится экономически нейтральным, т.е. крайне медленно и осторожно. В рамках существующей модели антропоцентризма законодатель предпочитает компромиссные решения, такие как «гуманное обращение», «защита от жестокости», которые остаются антропоцентрическими по сути, то есть охраняется общественная нравственность, а не животное как таковое. Но и это уже определенный сдвиг в правильную сторону, в сторону повышения культуры социума. При этом культура работает избирательно. Урбанизация последних двух веков, снижение прямого контакта с сель-

ским хозяйством, рост числа домашних животных-компаньонов и данные когнитивной этологии формируют усиление эмпатии у многих людей, который затем транслируется в запрос к законодателю. Однако этот запрос избирателен — он распространяется на близких и домашних собак, кошек, приматов, китообразных и почти не касается сельскохозяйственных и лабораторных животных, что воспроизводит тот же самый антропоцентризм, только в новой, сентиментальной форме. Любим котиков, но равнодушны к коровам.

Куда должна двигаться юридическая наука, чтобы облегчить положение всех животных, насколько это возможно, правовыми средствами. Это предмет специального обсуждения. На наш взгляд, самый реалистичный путь не смена парадигмы, а постепенное встраивание биоцентрических элементов в правовую политику. Юридическое признание чувствительности животных как юридически значимого факта, защита от причинения вреда, институт представительства интересов животных и другое. И конечно, образование.

Рувимова Наталья Валерьевна
старший преподаватель
Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России

Антропоморфизм и животные: норма и инаковость

Современные т.н. нечеловеческие онтологии отказываются от антропоцентризма и отстаивают субъектность других форм существования. Теоретики и практики в области защиты животных борются за их, понятую тем или иным образом, субъектность. По нашему мнению, линейка вариантов этого подхода чревата внушающими опасение теоретическими и практическими проблемами. Аргументация, которую мы будем излагать далее, будет основана на анализе антропоморфизма.

Антропоморфизм существует прежде всего, потому что человек может постигать мир, только отталкиваясь от своего восприятия, и никак иначе. Отказ от антропоцентризма потому невозможен без потери человеком своей субъективности. Антропоморфизм является первой ступенью в познании мира, а также позволяет делать выводы о происходящем в нём, проецируя на него наши, человеческие понятия, являясь важным посредником между людьми и окружающей средой. Но это не означает, что не нужно осознавать антропоморфизм, когда речь идёт о существах, отличных от человека. Отказ от антропоморфизма чреват ломкой субъектности человека в самом страшном смысле этого слова.

Антропоморфизм, как это ни парадоксально, остаётся в дискурсе о благе животных, но в ином, трансформированном виде. Например, вопрос о признании животных субъектами права является проявлением такого антропоморфизма. Ведь только человек может понять, что такое права и зачем они ему нужны. Животное же само по себе нуждается в комфортной среде обитания. Получается, что так мы переносим собственные представления и потребности на животных. Поскольку в этом случае человек навязывает свою перспективу не «сверху вниз», а «снизу вверх», стремясь обеспечить благополучие другого, а также, потому что в данном случае антропоцентризм «возвращается» и «внезапно возникает» при стремлении отказаться от него, мы предлагаем обозначить его как «перевёрнутый».

В качестве крайнего примера такого антропоцентризма можно привести зоопедагогику, идею которой Д. Андреев развивает в «Розе мира». Мыслитель предлагает развивать животных, чтобы они пришли к человеческому уровню разумности, в том числе посредством физического вмешательства в их организм, чтобы, например, у собак и лошадей были подобные рукам конечности и органы речи.

С нашей точки зрения, положительную роль для корректировки этой тенденции может сыграть использование понятия «другой». Отдавая себе отчёт в антропоморфизме, от которого невозможно отказаться, оставаясь человеком, можно понимать, что перед тобой другой, который имеет своё особое восприятие мира и свои потребности, скорее всего, отличные от твоих. Хорошим пример такого подхода, по нашему мнению, можно увидеть в книге П. Годфри-Смита «Чужой разум», само название которой (“Other Minds”) хорошо его отражает.

Рудакова Софья Сергеевна
обучающаяся аспирантуры
Институт философии РАН

Рациональное обоснование морали как проблема единства практического разума у Г. Сиджвика

Рациональное обоснование морали часто связывают с соответствием долга разумной природе человека. В кантианском конструктивизме автономная воля признаёт обязательными лишь универсализируемые максимы, не основанные исключительно на частных интересах деятеля. Беспристрастность тем самым выступает условием формулирования долга. Этический интуиционизм иначе связывает мораль с разумом: разум не устанавливает самоочевидные принципы, а познаёт их. Если

этим обоснование исчерпывается, личный интерес остаётся источником уклонения от долга, а не самостоятельным конечным требованием.

«Методы этики» Г. Сиджвика обнаруживают недостаточность такой постановки. Сиджвик отличает исследование должного от психологического объяснения поведения. Расхождение морального суждения с желаниями объясняет устойчивость вопроса «почему я должен поступать правильно?», но не исчерпывает его нормативного содержания. Для практического разума личное благо выступает не только объектом желания: забота о нём может быть рациональным требованием, которое необходимо соотнести с моральным долгом.

Сиджвик анализирует три метода определения правильного поступка: интуиционизм, разумный эгоизм и утилитаризм. Каждый из них связывает практическое решение с конечным принципом или целью. К самоочевидным аксиомам Сиджвик приходит не через параллельную проверку всех трёх методов, а в ходе анализа интуиционизма, различая три его формы. Перцептивный интуиционизм предполагает непосредственное суждение об отдельном поступке, догматический — принимает правила морали здравого смысла как аксиомы, а философский — ищет более общие принципы, способные их систематизировать и исправить. Поскольку обыденные правила неясны, допускают исключения и конфликтуют, Сиджвик проверяет их по критериям ясности, рефлексивной достоверности, взаимной согласованности и согласия компетентных исследователей.

В результате проверки Сиджвик формулирует три фундаментальные аксиомы практического разума: справедливость, благоразумие и рациональную доброжелательность. Справедливость запрещает произвольно различать сходные случаи. Благоразумие требует предпочитать собственное благо в целом сиюминутному импульсу, а рациональная доброжелательность — учитывать благо каждого. Оба принципа требуют беспристрастности, но первый — между моментами собственной жизни, второй — между благом разных людей. Поэтому забота о личном благе приобретает нормативный статус.

Выявленные аксиомы проясняют основания двух других методов: благоразумие лежит в основании разумного эгоизма, а рациональная доброжелательность — утилитаризма. Их предписания часто совпадают за счет социальных санкций, морального чувства и прагматического учета последствий поступков, но это совпадение не является необходимым. Если исполнение долга требует существенной жертвы личным благом, практический разум сталкивается с двумя равно обоснованными, но несовместимыми предписаниями. Ни одно нельзя вывести из другого или установить отношения подчинения одного другим без до-

полнительного основания. Гипотеза о моральном устройстве Вселенной могла бы гарантировать совпадение долга и интереса, но сама не получает достаточного рационального подтверждения.

Возникающий дуализм практического разума не уничтожает мораль и не делает всякое моральное действие неразумным. Он означает невозможность полностью рационализировать мораль, пока не объяснено отношение универсальной доброжелательности к благоразумию. Тем самым Сиджвик меняет постановку проблемы: удостоверения морального принципа недостаточно, если практический разум одновременно предписывает и заботу о собственном благе, и стремление ко всеобщему благу. Полное обоснование морали должно установить, имеет ли моральное требование приоритет перед благоразумием, как этот приоритет может быть обоснован и возможно ли рационально согласовать личную и беспристрастную точки зрения.

Руженцев Сергей Евгеньевич
доцент, д.филос.н., профессор
ВГМУ им. Н.Н. Бурденко Минздрава России

Экономическая целесообразность как суррогатная замена моральных норм

Общество потребления обострило проблему действенности моральных норм в экономическом поведении индивида. Потребительский прагматизм и финансовое благополучие оказались главенствующими линиями в отношении к миру и модели действий общества. Материальная сторона стала довлеющей в определении мотивов и установок. В диапазоне выживания и обогащения любой ценой приемлемыми стали такие поступки, которые нацелены не столько на честный и справедливый компромисс, бескорыстную взаимопомощь и равноправное сотрудничество, сколько на обман ближнего и его унижение, подавление подчиненного.

На экономическую целесообразность влияют несколько обстоятельств.

(1) Потребительская мотивация выступает в качестве важного двигателя повседневного поведения, воздействуя на выбор товаров и услуг. Это процедура, если не принимать во внимание контекстуальные условия, связана с личностными факторами человека (опыт, потребности, ценностные ориентиры) и внешними факторами (воздействие социального окружения, запятая, моды и рекламы). Поэтому моральный выбор

определяет «правильные» продукты, которые соответствуют общественным стандартам.

(2) Индивидуалистические установки предполагают приоритет личных интересов. Акцентирование происходит на автономии индивида и вторичности внешних норм. Свобода морального выбора как основа и результат сознательного решения, отчего индивид может нести ответственность лишь за решения и поступки, которые лично предпринял. С этой точки зрения, разумный эгоизм помогает раскрыть свои возможности.

(3) Доминирование карьерных целей вызывает деформацию личности, поскольку ориентирует на использование протекционизма, манипуляций, обмана. Такая установка оправдывает зависть, доносительство, ложь, игнорирование интересов других людей ради успеха. В результате модель и смысл профессиональной деятельности искажается. А личные потребности, обретая узкую прагматическую направленность, смещают акценты социальных норм, формируя отношения круговой поруки и клановой замкнутости.

(4) Недостаточная интеллектуальная база сказывается на использовании знаний и ресурсов в минимизации негативных последствий для общества и экономики. В ответственности за принимаемые экономические решения проявляется готовность субъекта признавать ошибки, адекватно оценивать риски и последствия действий. Здесь могут сказываться социальные издержки, этические риски для экономических контрагентов, упущенные возможности.

(5) Неформализация социальных связей порождает их нестабильность, поскольку они не регулируются формальными нормами. Их гибкость — в опоре на общественное мнение, убеждениях и традициях. Как следствие, поведение индивида менее предсказуемо, а моральные регуляторы фрагментированы на социальные кластеры. Это может трансформировать моральные каноны, искажая универсальные моральные ценности.

Подводя итог, можно сказать, что мы видим преобладание инженерного, технического подхода к экономическим процессам. Если этические аспекты поведения в экономической сфере формально признаются и демонстративно учитываются в некой степени, то моральные вопросы взаимодействия субъектов нейтрализуются под предлогом того, что никакое этическое учение не должно мешать экономическому развитию. В результате экономические аспекты поведения в хозяйственной жизни игнорируются. Отчасти этому способствует мозаичность восприятия экономических мотивов жизни индивида и редуцирование влияния моральных норм на экономическую деятельность.

Анализ экономической морали современного рыночного общества обнаруживает следующие проблемы: во-первых, ее возможности для регулятивного воздействия являются слабыми и малоэффективными в силу необязательности выполнения, создаваемыми отношениями собственности, моральных норм; во-вторых, моральные предписания ориентированы на квазиравенство субъектов взаимодействия, поскольку любая конкурентная борьба сокращает поле возможного морального регулирования; в-третьих, стремление к прибыли искажает восприятие моральных требований, закладывая у личности слабую нравственную корреляцию между целями и средствами своей экономической деятельности.

Рыскельдиева Лора Турарбековна
профессор, д.филос.н., профессор, член-корр. РАН
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Э.Ю. Соловьев и актуальность кантианства

Кантианская философия права Эриха Юрьевича Соловьева (1934 – 2025) приобретает новую актуальность. В конце эпохи советской власти и господства идеологии автор книг «И. Кант: взаимодополнительность морали и права» (1992) и «Категорический императив нравственности и права» (2005) диагностировал существенный дефицит правового сознания в нашей стране и призывал к радикальному, по его выражению, «оправовлению» всех общественных институтов. Осуществилось ли оно?

Слово, родственное по значению «оправовлению», но образованное от «закон», выразило бы мысль о том, что мы стали более сведущими именно в законах и полагаем, что они и есть сущность права. Этот процесс нельзя недооценить, знание законов имеет ясную в прагматическом отношении ценность. Однако показательно взрывной до недавнего времени рост количества юридических факультетов и юристов с дипломом коррелирует с постепенным и глубоким кризисом деонтического способа мыслить, с проникновением прагматистских установок на все уровни общественного сознания. Это дало зеленый свет утилитаристским и релятивистским трактовкам сущности и смысла права, возможности «гибкой» нормативности. Так понятый прагматизм, по большей части, есть результат его вульгаризации, поэтому обращение в суд мы встречаем, к сожалению, чаще, чем предложение разрешить спор миром.

Что значит предложенное Э.Ю. Соловьевым «оправовление» и какая разница между ним и хорошим знанием законов? Такая же, как между субъектами кантианского общественного договора и договора по автору «Левиафана», сравнение которых дает Э.Ю. Соловьев. Гоббсов естественный индивид в состоянии bellum omnia contra omnes движим страхом потерять благополучие и стремится его достичь с помощью государства, превращая право в «кодифицированную волю правителя», а в кантовский общественный договор вступают не разумные эгоисты и расчетливо-осмотрительные искатели выгоды, а человек, имеющий совесть, то есть, способный дать закон самому себе (auto nomos), взрослый, разумный господин себе самому (sui iuris). Этот господин принимает категорический императив в качестве основного закона морали и понимает при этом, что право есть условие его реализации. Непонимание правовой реальности порождает «кодифицированный произвол» и не позволяет «зафиксировать непосредственно обнаруживающийся смысл (не путать с сущностью!) политических явлений» (Соловьев Э.Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность / Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1974. С.203). Восклицательный знак в этом выражении Э.Ю. говорит о той роли, которую в языке русской философии (или философии на русском языке) играет слово «смысл» и его поиски. Смысл права здесь подразумевает понимание и выявление его топологии в целостности мира, в целом общественных взаимоотношений. Ведь право, по Канту, не автономно, у него есть основание, которым может быть только мораль: политика черпает смысл у права, право — у этики, этика — у метафизики, метафизика рождается из предела познавательных возможностей человека. Это формула полного и образцового философского кантианского дискурса.

Нужно ли доказывать актуальность такой философии права в наше «массовое» время, в условиях информационных войн, когда новое Средневековье у нашего порога, когда правовому государству все труднее оставаться демократическим, а демократическому — правовым, когда мы находимся в плену потребностей и комфорта, успешно убеждаем себя в том, что никому ничего не должны и готовы передать свои обязанности нейросети, в том числе и обязанность мыслить. Расчетливый гоббсов индивид, полагающийся на государство, или морально-автономная личность И. Канта — два портрета, представленные в работах Э.Ю. Соловьева, выбор между ними — дело нашего политического вкуса. Сформировать его возможно, если все же не отказываться от презумпции разума и совести в человеке.

Рябова Ирина Олеговна
преподаватель
Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

Роль зоозащитного движения в формировании современных гуманных ценностей

На протяжении всей истории человечества можно проследить роль различных социальных движений в возникновении масштабных нравственных преобразований. Зоозащитное движение — один из таких феноменов: возникнув в XIX веке как ответ на массовую жестокость по отношению к животным, оно развилось в мощную силу, формирующую этические стандарты современного общества.

Долгое время отношение человека к животным определялось антропоцентрической парадигмой, в рамках которой животные рассматривались преимущественно как ресурс, вещь или движимое имущество. Однако в период Нового времени, в связи с влиянием идей просвещения и гуманизма, жестокость по отношению к животным перестала быть нормой.

Работы известных философов стали основой для формирования новых моральных ценностей общества. Центральное место в этой дискуссии занял принцип отношения к животным, выдвинутый Иеремией Бентамом в его работе «Введение в основания нравственности и законодательства»: «Вопрос не в том, могут ли они рассуждать и не в том, могут ли они говорить, но в том, могут ли они страдать».

Данные философские взгляды нашли приверженцев во многих слоях общества заставив их задуматься о необходимости более гуманного отношения к животным. Так в 1822 году в Великобритании был принят первый закон о защите животных (Закон Мартина). А в 1824 году, сторонники законопроекта создали первое Общество по предотвращению жестокого обращения с животными (Society for the Prevention of Cruelty to Animals, SPCA). Данная организация занималась инспекционной деятельность за соблюдением закона Мартина, разработкой и продвижением новых актов по защите животных, а также просветительской деятельностью, направленной на распространение идей гуманного отношения к животным. Опыт Великобритании стал толчком для возникновения зоозащитных обществ в Европе и США, которые стали объединяться для борьбы за права животных.

Философское осмысление этих процессов дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что через защиту животных общество выстраивает механизмы эмпатии, милосердия и ответственности, которые затем транслируются на межличностные отношения. Таким образом, зооза-

щитное движение становится новым источником формирования гуманных ценностей в обществе.

Утверждение гуманных ценностей в современном обществе происходит через различные механизмы. Одним из них является правотворческая деятельность государств в силу того, что право выполняет функцию формального закрепления моральных норм. Зоозащитные организации участвуют в разработке и совершенствовании правовых норм, путем предоставления экспертных заключений, научных обзоров и рекомендаций. Выступают движущей силой для формирования новых законодательных инициатив путем проведения кампании по сбору подписей и акций. Принятие законов о защите животных и расширение их прав на законодательном уровне даёт данным взглядам одобрение со стороны государства, что повышает их авторитет в общественном сознании.

Ещё одним механизмом является просветительская деятельность. Зоозащитные движения реализуют просветительские программы среди населения путем проведения научных конференций, благотворительных мероприятий. Внедрение тем защиты животных в программы школ и высших учебных заведений через Биоэтику и иные дисциплины способствует воспитанию у нового поколения гуманного отношения к живым существам.

Таким образом, зоозащитные движения выполняют не только функцию защиты животных, но и более широкую социальную миссию по гуманизации общества в целом. Зоозащитные движения способствуют воспитанию эмпатии и милосердия среди всех социальных групп путем различных механизмов влияния.

Садовская Юлия Алексеевна
директор
АНО институт «Биосфера Балтики»

Этические вопросы спасения, защиты, реабилитации диких животных и сохранения редких видов

Центры реабилитации диких животных сталкиваются с вопросами этики при организации работы и при ее освещении. Так как большинство организаций публичны, действительно гуманный и профессиональный подход к работе с животными часто становится предметом общественного обсуждения и осуждения. В первую очередь это касается такой чувствительной темы как эвтаназия травмированных животных в случае, когда реабилитация и ветеринарная помощь нецелесообраз-

ны и лишь продляют страдание пациента. К сожалению, в обществе находят позитивный отклик случаи, когда животному сохраняют жизнь несмотря на мучения. Примером является содержание белого медведя со спинальной травмой в зоопарке или попытка провести операцию по остеосинтезу лосю после ДТП. В первом случае это выглядело как акт гуманности и героизма, несмотря на то что животное с таким весом не может качественно содержаться по причине постоянного дополнительного травмирования и стресса от неволи. Во втором, под давлением общественности также была анонсирована операция, не имевшая шанс на успех из-за физиологии копытных. В результате, животное погибло, но его страдания были продлены. Такие случаи мешают многолетней просветительской работе о действительно гуманном подходе в реабилитации. Они позволяют ставить под сомнение действия специалистов, не сохраняющих жизнь животному ради общественного одобрения.

Необходимость использования кормовых объектов также является сложной темой. Замена рациона для диких и тем более для потенциально выпускных животных невозможна и ведет к существенному ухудшению здоровья и даже гибели. В профессиональной среде реабилитологов действуют правила этичного отношения к кормовым животным, не допускающие плохого содержания. Фактически применяется такое же правило пяти свобод как и при содержании любого другого животного. Но для обывателя все еще трудно принять необходимость такого кормления.

Следующая проблема в работе по реабилитации и охране животных является спесишизм. Общественную поддержку часто получают харизматичные крупные млекопитающие и птицы. Если вид имеет охранный статус, программа по его сохранению или изучению так же имеет приоритет в грантовых конкурсах или у потенциальных доноров. При этом виды, чья численность снижается, но еще не достигла критических показателей, имеют меньшие шансы на внимание. Но даже в распределении средств среди редких видов имеется огромный перекос. Международное исследование, опубликованное в журнале PNAS в 2025 году, проанализировало около 14 600 природоохранных проектов за 25-летний период (1992–2016) и выявило значительный дисбаланс в финансировании и внимании к видам. Менее 6% видов, признанных МСОП (IUCN) находящимися под угрозой исчезновения, получили адресную финансовую поддержку за последние 25 лет.

Менее 1% от общего числа всех известных видов (включая не находящихся под угрозой) охвачены какими-либо из 14 600 проанализированных проектов. В то время как некоторые группы позвоночных получают значительную поддержку, такие категории как грибы и водоросли

получили менее 0,2% и 0,1% финансирования соответственно. Почти 40% всего бюджета программ, направленных на сохранение отдельных видов, тратится всего на 47 «харизматичных» видов (в основном крупных млекопитающих, таких как слоны и носороги). Это отражается и в общественном восприятии важности работы с теми или иными животными и значительности результатов конкретной организации. Центр реабилитации, принимающий все виды животных, подвергается критике за то, что не фокусирует внимание на важных по мнению общественности. Но мнение сформировано изначально перекосом в природоохранных программах. Хотя сама реабилитация диких животных имеет больше гуманистический смысл чем экологический в классическом смысле. При работе по сохранению видов до сих пор сохраняется планирование на уровне «популяция», тогда как центру реабилитации уместнее оперировать категорией «особь», так как работа ведется с конкретным пострадавшим животным и с человеком, обнаружившим его и проявившим неравнодушие.

Садыкова Елена Рафаиловна
генеральный директор
Ассоциация специалистов по управлению персоналом
«Этичное сотрудничество»

Отраслевой уровень этики искусственного интеллекта: от общих принципов к профессиональным нормам применения ИИ в управлении персоналом

Алгоритмические решения о найме, оценке и увольнении влияют на доступ человека к труду, поэтому Регламент ЕС об искусственном интеллекте относит такие системы к высокорисковым. В России практика использования AI в сфере управления персоналом уже массовая: ИИ в HR-задачах используют 57% компаний, в найме — 49% работодателей.

Однако внедрение опережает этическое обеспечение и носит стихийный характер: системно ИИ применяют лишь 4% компаний, 27% — без чёткой стратегии. Не хватает прозрачности: всегда сообщают кандидатам об ИИ лишь 35% работодателей, хотя 70% кандидатов хотят знать об этом заранее. Страдает легитимность решений: 76% кандидатов опасаются неточной оценки, 46% — невозможности оспорить решение, 44% теряют интерес к вакансии, узнав об ИИ. Риски видит и профессия HR: 41% работодателей, не использующих ИИ, не доверяют алгоритмам из-за предвзятости, 25% опасаются за персональные данные. Это под-

тверждает ключевые риски: непрозрачность, необжалуемость, дискриминацию и разрыв ответственности («так решила система»).

Российская нормативная рамка задает минимальные ограничения. Статья 86 Трудового кодекса РФ запрещает работодателю принимать решения о работнике исключительно на автоматизированной обработке данных; аналогичные ограничения устанавливает статья 16 закона «О персональных данных». Но они не отвечают на вопросы практики: допустимо ли проводить скриннинговое интервью с кандидатом ИИ –боту без получения предварительно согласия, кто отвечает за ошибку при выборе сотрудника на повышение исходя из анализа его текстовых и речевых сообщений в цифровом периметре компании.

Основной тезис: этике ИИ необходим мезоуровень — уровень профессионального сообщества, промежуточный между общегосударственным регулированием и решениями отдельных организаций и разработчиков решений, где универсальные принципы переводятся в стандарты конкретных практик.

Основой может служить Кодекс этики специалиста по управлению персоналом, разработанный Ассоциацией «Этичное сотрудничество» совместно с Институтом философии СПбГУ в 2025 г. и прошедший открытое обсуждение; к нему присоединились более 100 специалистов.

В текущей редакции Кодекс не содержит положений об ИИ, однако мы исходим из допущения о его применимости в этой сфере, так как Кодекс адресован специалисту, а не инструменту; ответственность за решение о человеке остаётся на специалисте независимо от того, подготовлено ли оно алгоритмом; ИИ встраивается в те же HR-процессы, которые Кодекс уже регулирует. При этом допущении принципы Кодекса задают нормы применения ИИ. Уважение: человек остаётся субъектом решения, вправе знать об участии ИИ, получить объяснение и обжаловать решение у человека. Конфиденциальность: минимизация данных, отказ от скрытого мониторинга и выводов об эмоциях и здоровье. Процветание: ИИ служит развитию людей, а не только контролю и сокращению издержек.

Проверять допущение на конкретных ситуациях может Совет по этике Ассоциации — междисциплинарный орган из философов, юристов и практиков, который конфиденциально оценивает кейсы и тем самым формирует «прецедентную» этику, способную учитывать новые цифровые практики. В апреле 2026 г. на Санкт-Петербургском международном форуме труда принято решение создать рабочую группу из учёных и HR-профессионалов для разработки Кодекса этики ИИ в сфере управления персоналом по примеру уже существующих в медицине, финансовой сфере и образовании.

Наконец, 60% компаний, применяющих ИИ в HR, отмечают потребность в обучении специалистов. Их подготовка должна включать этику ИИ и алгоритмическую грамотность: без понимания логики алгоритма невозможна ответственность за его результаты.

Садыкова Елена Рафаиловна
генеральный директор
Ассоциация специалистов по управлению персоналом
«Этичное сотрудничество»

От кодекса к институтам: становление профессионального этического стандарта в управлении персоналом в России

Управление персоналом — профессия, решения которой влияют на судьбы людей и их трудовую реализацию. Тем не менее в России она долго развивалась без общепринятого этического стандарта. Существующий профессиональный стандарт специалиста по управлению персоналом, входящий в национальный реестр описывает трудовые функции, трудовое право задаёт границы допустимого, но ни то, ни другое не определяет цель профессии и принципы поведения специалиста. Международные объединения CIPD и SHRM давно имеют кодексы поведения для HR; российская профессия формирует собственный стандарт лишь сейчас.

Исследование Ассоциации «Этичное сотрудничество» (2025) показывает, что дилеммы — регулярная часть практики для специалистов в сфере управления персоналом: 43% респондентов сталкиваются с ними 3–4 раза в год, 20% — 1–2 раза в месяц. Анализ 151 кейса выявил шесть типов дилемм: конфликт интересов компании и благополучия сотрудников (69%), эффективность бизнеса против права работника на самостоятельную организацию труда (50%), конфиденциальность против просьбы руководителя раскрыть информацию (49%), дружелюбие против объективности (48%), личные интересы руководителя против прав сотрудника (28%), фаворитизм (23%). За цифрами стоят конкретные ситуации: «Мне не нравится работать с сотрудником без причин, увольте его», — сказал CEO.

Самые распространенные стратегии разрешения дилемм у HR-специалиста — это попросить совета у руководителя (47%), аппеляция к личным принципам (46%) и корпоративный кодекс (28%). К профессиональному сообществу обращаются 17%, в комиссию по этике — лишь 3%; часть респондентов не знает, как действовать.

Отсюда ключевой вывод: этическое решение принимается либо внутри организационной иерархии, либо в одиночку. Руководитель HR-

функции сам подчинён бизнесу и находится под тем же давлением, что и специалист, а корпоративный кодекс разрабатывается работодателем, который во многих дилеммах сам является стороной конфликта. При этом с опытом значимость кодекса растёт, а обращение к руководителю становится реже: зрелые специалисты ищут нормативную опору, а не указание. Такую опору, независимую от работодателя, может дать профессиональный кодекс.

В 2025 году Ассоциацией совместно с Институтом философии СПбГУ был разработан Кодекс этики специалиста по управлению персоналом. Он определяет цель профессии как создание безопасной, справедливой и эффективной трудовой среды, устанавливает три принципа — уважение, конфиденциальность, процветание — и требования профессиональной добросовестности: компетентность, объективность, недопустимость конфликта интересов. Принципы отвечают на дилеммы первых трёх типов, требования добросовестности — на дилеммы дружбы, личных интересов руководителя и фаворитизма. В январе–феврале 2026 г. Кодекс прошёл открытое обсуждение и голосование; к нему добровольно присоединились более 100 специалистов.

Однако кодекс остаётся декларацией, если не подкреплён институтами. Ассоциация выстраивает их в трёх направлениях. Экспертиза: Совет по этике из философов, юристов и HR-практиков конфиденциально и бесплатно оценивает ситуации по обращениям работников, специалистов и компаний, восполняя дефицит внешней независимой опоры. Накопление знания: разборы кейсов и база «HR-Этико3нание» формируют «прецедентную» этику. Обучение: программы, в том числе курс «Этичное увольнение», переводят принципы в действия для самых сложных процедур.

Таким образом, этический стандарт профессии формируется не как документ, а как система: эмпирическое знание о дилеммах, совместно разработанная норма и процедура её легитимации, независимая экспертиза и образование. Такая модель применима и в других профессиях, где специалист действует от имени организации, но по отношению к человеку.

Садырбаев Темирлан Айбекович
преподаватель
КРСУ имени Б. Н. Ельцина

Этика доверия в эпоху синтетических собеседников

Тезис 1. Синтетический собеседник производит структуру Я–Ты, оставаясь по существу Оно — и в этом сама суть этической проблемы.

По Буберу, отношение Я–Ты не сводится к обмену репликами — это событие взаимности, в котором Другой не может быть предугадан или

исчерпан. ИИ-собеседник технически конструирует все внешние признаки этого события (отклик, «внимание», кажущуюся уникальность реакции), не будучи носителем той взаимности, которая единственно и делает Я–Ты возможным. Тезис в том, что перед нами не искажённая или бедная форма Я–Ты, а нечто структурно иное: симуляция события без самого события — и именно потому, что имитация полная, а не частичная, пользователь не может опереться на интуитивное различение, как отличил бы плохой диалог от подлинного.

Тезис 2. Доверие, адресованное синтетическому собеседнику, этически асимметрично — и это делает его формой одностороннего самообмана, а не просто безобидной иллюзией.

Доверие в человеческих отношениях предполагает взаимную уязвимость: я доверяю, потому что Другой тоже рискует, тоже может быть ранен, предать или быть преданным. В отношениях с ИИ эта уязвимость отсутствует лишь с одной стороны — асимметрия принципиальна, а не случайна: система не может ни разделить риск, ни быть по-настоящему затронутой. Тезис: то, что выглядит как «доверие» пользователя, на самом деле — не отношение, а проекция, в которой субъект наделяет собеседника моральным статусом, которого архитектурно не может быть, и в этом смысле такое доверие ближе к парасоциальной связи, чем к подлинному Я–Ты.

Тезис 3. Ответственность за эту асимметрию лежит не на пользователе, обманувшемся в доверии, а на разработчике, спроектировавшем саму убедительность имитации.

Если асимметрия неизбежна (тезис 2), то морально нейтральной технология быть не может: степень правдоподобия «отклика» — это дизайнерское, то есть намеренное решение, а не побочный эффект. Разработчик, усиливающий признаки квази-субъектности (эмпатийный тон, память о пользователе, имитация «заботы»), тем самым намеренно культивирует у человека доверие, которое система не способна нести ответственно. Тезис: моральная агентность здесь смещена не к машине (у неё её нет) и не только к пользователю (он жертва убедительного дизайна), а к архитектору отношения — то есть классическая этика ответственности должна сместить фокус с вопроса «может ли ИИ быть моральным агентом» на вопрос «кто отвечает за инженерию доверия к тому, кто агентом не является».

Салахов Аркадий Борисович
обучающийся аспирантуры, младший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Западные источники по Theologia moralis в круге чтения студентов Московской славяно-греко-латинской академии (по материалам реестров НИОР РГБ)

М.А. Корзо указывала, что до рубежа XVII–XVIII вв. православное нравоучение существовало в основном в рамках аскетической и житийной литературы. Выделение же нравственного богословия в отдельную академическую дисциплину происходило в Киевской и Московской духовных академиях под сильным влиянием западных образцов – сначала католической теологии, а затем протестантской этики, предложенной в курсах Феофана Прокоповича. При этом до реформ духовного образования середины XIX века языком преподавания в соответствии с Духовным регламентом (1721) являлась преимущественно латынь. Поэтому подавляющая часть учебной литературы и литературы, которую семинаристы читали во время вакаций, была именно на латинском языке.

Однако в силу дороговизны книг учащиеся были вынуждены пользоваться как библиотеками духовных учебных заведений, так и книжными собраниями типографий и синодальной библиотеки, куда им был предоставлен доступ соответствующими указами Синода. И поэтому для реконструкции круга чтения учащегося и ученого духовенства на первый план выходит работа с сохранившимися библиотечными реестрами.

К таковым относятся и реестры из коллекции № 277 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), связанные с делами Московской славяно-греко-латинской академии (далее — СГЛА). В частности, дело №7 содержит внушительное количество различных реестров, где латиноязычные книги по Theologia moralis вместе с франкоязычными и переводными из типографии Новикова выделяются в отдельные группы. На удивление, именно книг на латыни насчитывается немного: 1) Analysis Evangeliorum dominicalium, una cum observationibus et doctrinis ex SS. scripturae fundamentis, sanctorum patrum testimoniis, et virorum doctorum sententiis (Francofurti et Lipsiae 1688) Конрада Дитериха (Cunradus Dietericus (1575–1639)); 2) Conciones quae de praecipuis sanctorum festis in ecclesia habentur (Antverpiae 1606) Луиса де Гранады (Ludovicus Granatensis, 1504–1588); 3) Enchiridion militis christiani (Halae 1724) Эразма Роттердамского (Des. Erasmus Roterodamus (1469–1536)); 4) Alphabetum pastorale, sive Selecta concionum argumenta pro omnibus diebus dominicis et festis totius anni (Coloniae Agrippinae 1711) Жака Тирана (Jacobus Tyran (1626–1694)) и 5) Succinctae meditationes christianae

pro dominicis, feriis et praecipuis festis totius anni in IV partes divisae Франциска Мецгера (Franciscus Mezger (1632–1701)). Интересно, что Академия выставила большую часть этих книг на продажу, поскольку в её библиотеке образовались излишки – по два-три дублирующих экземпляра.

Почти все эти труды (за исключением Эразма) — это готовые сборники «для внутреннего пользования» священников. Это руководства по составлению проповедей (гомилетика), разборы воскресных евангельских чтений и материалы для ежедневных религиозных размышлений. Однако в глаза все же бросается разнообразие авторов по конфессиональной принадлежности. Идейно все они принадлежали к трем враждующим лагерям: католики — доминиканец Гранада, иезуит Тиран, бенедиктинец Мецгер; лютеранин — Дитерих и христианский гуманист-католик Эразм Роттердамский, призывавший к внутреннему, этическому благочестию. Тем не менее в российских духовных академиях их труды использовались совместно: ученое духовенство отбрасывало их догматическую полемику и заимствовало форму и метод: у католиков Мецгера и Тирана — четкую структуру моральной теологии, у Дитериха — опыт системного разбора библейского текста, а у Эразма — живую христианскую этику.

Таким образом, реестры СГЛА из коллекции № 277 НИОР РГБ подтверждают тезис об адаптации западной Theologia moralis. Латиноязычные труды использовались академией как методическая матрица. Отсекая межконфессиональные споры протестантов и католиков, ученое духовенство заимствовало форму, экзегезу и структуру для создания курса отечественного нравоучения.

Севастьянова Алина Дмитриевна
к.филос.н, доцент
ГУАП

Симулякр заботы: зоопарк как механизм подмены экологического сознания

Зоопарки внушают, что наблюдение животного вне подлинного контекста есть экологическое просвещение. На деле зрителю предлагают суррогат связи вместо реального экологического знания. Психологически комфортнее верить, что присутствие в парке свидетельствует об экологической чуткости, чем сталкиваться с последствиями собственного неустойчивого потребления. Зоопарк выставляет животное в позиции униженной зависимости и одновременно внушает посетителю, что его присутствие выражает заботу. По Бодрийяру, эта забота — симулякр сочувствия: чем больше животное лишено подлинности, тем интенсив-

нее сентиментальность, которую оно вызывает. «Символ животного» в клетке — не объект любви, а инструмент психологического самооправдания.

Подлинное экологическое восприятие животного предполагает понимание его неразрывной связи со средой — ареала, кормовой базы, климатических условий и роли в экосистеме. В сафари парке «Тайган» (Крым) около 60 львов содержатся на территории в 20 гектаров, тогда как в дикой природе даже одному прайду требуется не менее 20 км². Такая плотность содержания нарушает естественное поведение животных и провоцирует внутривидовую агрессию. По оценке владельца парка О. Зубкова, в среднем ежегодно гибнет около шести львов; при этом независимая верификация этих данных отсутствует. Львы не являются обитателями Крыма и полностью вырваны из своего экосистемного контекста — они лишены африканской саванны, естественной добычи и характерной социальной динамики прайда. В результате перед посетителем предстает не лев как целостный элемент экосистемы, а обедненный «символ» животного.

Устранение экологической подлинности совпадает с созданием экономической ценности: животное становится «экспонатом», потребление которого удобно и прибыльно. Экологически достоверное животное недоступно — львы не живут в Крыму, — а значит, в экономике оно менее ценно. Именно устранение экологической подлинности животного создает его рыночную стоимость: билет, экскурсия, фотосессия. В терминах Г. Франсиона, это статус животного как собственности: пока животное — чей-то объект владения, его ценность сводится к внешней, инструментальной, а интересы животного подчинены интересам собственника. Декларируемая зоопарками «забота» — пример того, что Франсион называет благополучием животных (animal welfare): оно не отменяет эксплуатации, а делает публику комфортной с ней. Мнимая забота о животных в неволе маскирует тотальное переписывание экологического дискурса.

Разведение в неволе не решает проблему сохранения видов: генофонд недостаточен, среды обитания продолжают деградировать. Программы реинтродукции декларируются, но естественная среда обитания — африканская саванна — крымским сафари-парком не восстанавливается. Дешевле разводить «символических» животных для показа, чем восстанавливать экосистемы. А. Леопольд формулировал земную этику так: «хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества». Зоопарк разрушает эту целостность, изымая животное из сообщества и превращая его в экспонат.

Таким образом, зоопарки маскируют масштаб экологического кризиса, порожденного избыточным потреблением, и подменяют экологический дискурс иллюзией просвещения. Эта иллюзия имеет институциональную цену: построить зоопарк дешевле и политически удобнее, чем сократить углеродный след или защитить местообитания. В результате зоопарк работает не как инструмент просвещения, а как механизм умиротворения экологической тревоги: посетитель уходит не с пониманием, а с успокоенной совестью — и именно это спокойствие отдаляет реальные действия. Подлинное экологическое просвещение начинается там, где заканчивается удобная фантазия: с признания, что животное не нуждается в нашем присутствии за решеткой, а нуждается в том, чтобы мы перестали разрушать его дом.

Седых Татьяна Николаевна
доцент, к.полит.н., доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова

Воспитательный потенциал семьи в контексте ценностных трансформаций современного общества

Первые десятилетия XXI века в России ознаменовались двумя взаимосвязанными процессами: стремительным развитием новых информационно-коммуникационных и цифровых технологий, которое продолжается и сегодня, а также изменением аксиологической парадигмы развития российского общества. Это повлекло за собой трансформацию шкалы социальной оценки, критерии которой перестали восприниматься как однозначные и устойчивые, при этом традиционные ментальные структуры утратили прежнюю определённость. В результате выбор ценностно-поведенческих ориентиров и соответствующей стратегии поведения стал значительно более проблематичным.

Одним из символов нашего времени является человек, опускающий голову — устремляющий взгляд на экран своего телефона. Это новое, сознательно избираемое одиночество, связанное с погружением в виртуальную реальность, усиливается отсутствием убедительной альтернативы тем ценностным и идейным ориентирам, которые определяли развитие российского общества в постсоветский период, но в итоге не оправдали ожиданий и привели к тяжёлым для страны последствиям. Одним из наиболее заметных из них стала утрата ощущения смысла созидательной деятельности. Понятие «смысл» понимается нами в той форме, как это определял автор деятельностного подхода в психологии А.Н. Леонтьев. Он использует понятие смысла для описания жизненных отношений как животного, так и человека. Но если для животного «биологический смысл» имеет то, в чем в настоящий момент ощущается потребность, то человек наделен «сознательным смыслом», являющимся

связующим звеном между сознанием и деятельностью. Наполнение смыслами каждого своего действия и поступка необходимо для полноценной жизни каждой личности и важнейшую роль в данном процессе играет семья.

Как отмечает основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский, настоящим гражданина своей страны, неравнодушного к проблемам общества, готового чтить и сохранять традиции и обычаи своего народа, может и должна воспитать семья: бабушка и дедушка, рассказывающие детям сказки, отец и мать, прививающие им определенные привычки и собственным примером показывающие, что такое хорошо, а что такое плохо. Именно с отношений в семье, с уважения друг к другу, понимании, что каждый член семьи — это личность начинается воспитание гражданской позиции, формирования национальной идентичности.

На протяжении нескольких десятилетий семья как ключевой институт социализации, обладающий значительным воспитательным потенциалом, не получала должной поддержки в российском обществе. Между тем именно в семье закладываются основы личности ребёнка, формируются навыки уважительного отношения к другим людям, ориентация на общественные интересы, а также эстетические, духовные и нравственные качества. Недооценка роли семьи создаёт риски для социального развития страны и ограничивает её долгосрочные перспективы. В этой связи поддержка семьи со стороны государства, общественных институтов и средств массовой информации представляется для нашего общества особенно значимой. Не менее важно обращение не только педагогов и специалистов в области философии образования, но и всех людей, планирующих семью или уже имеющих её, к отечественным концепциям семейного воспитания, в частности к подходу К.Д. Ушинского, ориентированному на всестороннее развитие будущего гражданина и формирование у детей ответственности за судьбу своей страны.

Селиверстова Нина Андреевна
доцент, к.филос.н., доцент
СПбГТИ(ТУ)

Этика «позитивной толерантности»

Любой современный вуз — это своего рода «многонациональная страна» в миниатюре, где на одной территории, объединенные общими целями и задачами, регулируемые единым сводом правил и законов, должны мирно сосуществовать представители различных народов и социокультурных традиций. Эффективность учебно-педагогического процесса в такой ситуации во многом будет детерминирована наличи-

ем или отсутствием в нём духа межнациональной терпимости, базирующиеся на этике толерантности. Система университетского образования и нравственного воспитания, следовательно, должна в таких условиях так корректировать свои приоритеты, чтобы студенты были бы способны ориентироваться в идейном хаосе современности и смогли бы противостоять деструктивным идеям и учениям, не провоцируя в вузе (да и за его пределами) конфликты различной этиологии (политические, религиозные, национальные и пр.)

Между тем, большинство современных студентов относятся к возрасту, который ещё основоположник российской педагогики К.Д. Ушинский назвал «самым решительным» в становлении духовных установок личности, указывая на опасность отпускать этот процесс «на самотёк».

Следовательно, в процессе вузовского обучения студент должен усвоить, что, во-первых, толерантность не безгранична: нельзя быть толерантным к насилию, беззаконию, к человеконенавистническим идеям; подобная толерантность носит крайне деструктивный характер и опасна для существования цивилизации. Во-вторых, толерантность — не абсолютна; как и все человеческие ценности, она имеет пределы. Как, например, абсолютная свобода превращается во вседозволенность, абсолютная истина — в догму, абсолютное добро — в неспособность противостоять злу, так и абсолютная толерантность трансформируется в безразличие или, что гораздо опаснее, в идейное «всеядство». Следовательно, в межличностном противостоянии носителей различных идеологий необходимо определить некие «грани толерантности»? А это — весьма серьёзная задача. Предлагаем для её решения обратиться к «мудрости прошлого».

В своё время великий русский философ В.С. Соловьёв в статье «Идея сверхчеловека» (посвящённой творчеству Ф. Ницше) отметил, что всё плохое, что можно было выявить в концепции немецкого мыслителя, уже сделано до него. Вопрос в том, есть ли в учении Ницше нечто позитивное?

И ответил однозначно: да. Это: во-первых, мы — не совершенны; во-вторых — эволюция продолжается; в-третьих — человек в будущем («сверхчеловек») также будет отличаться от современного человека («сверхъобезьяны») как мы от своего «предка». Русский мыслитель сформулировал гениальный принцип «позитивной толерантности»: «всякое заблуждение содержит в себе несомненную истину», принцип, который предлагает выявлять позитивное содержание почти в любой, даже самой одиозной, на первый взгляд, идее.

Этика «позитивной толерантности» — это норма поведения (и интеллектуального действия), не допускающая оскорбления иной концепции, веры, культуры и пр. Позитивно настроенная толерантная личность способна рационально-критически проанализировать другую систему идей и, не принимая её, сохранить свою мировоззренческую позицию. Концепция «позитивной толерантности» в учебно-педагогическом процессе актуальна, поскольку ориентирована на формирование у молодого поколения менталитета, способного к содержательному и бесконфликтному диалогу различных типов мировоззрений.

Непредсказуемость и катастрофичность современного мира, перенасыщенного конфликтными противостояниями различной этиологии, актуализируют идею «позитивной толерантности» как парадигмальный вектор современного межкультурного взаимодействия и, следовательно, важный принцип нравственного образования и воспитания.

Именно поэтому современный идеал «высокообразованного» человека должен включать в себя такое личностное качество как «позитивная толерантность». Да и сама высшая школа может эффективно развиваться только через содержательный «позитивно толерантный» диалог во взаимодействии различных научных идей и культурных традиций.

Сергиевская Галина Евгеньевна
доцент, к.филос.н., преподаватель
Военная академия связи имени С.М. Будённого

От букваря к присяге: становление этического сознания будущего офицера

Есть вопросы и проблемы, которые мы называем вечными. И не потому, что на них нет как такового ответа, а потому, что они вечно актуальны. Каждое поколение ищет и, в конечном счёте, находит свои ответы и отвечает на них по-разному. И конечно, самыми вечными и самыми трудными являются вопросы, связанные с моралью. «Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха…» — читают нам родители в возрасте, когда сами мы ещё и буквы не научились складывать. Детские песенки учат нас: «просто надо быть правдивым, благородным, справедливым…» Но дальше каждый из нас сталкивается ежедневно с очень непростыми дилеммами. И никто не подскажет, никто не поможет. Только наше этическое сознание поможет сделать наш моральный выбор, заключающийся в сознательном предпочтении одного варианта поведения другому в ситуации, где сталкиваются различные нравственные ценности, — когда от принятого решения зависит его нравственная оценка.

И здесь возникает вопрос: как сформировать саму возможность этого выбора? Как развить способность осознанно взвешивать варианты и отвечать за последствия? Особенно важно и значительно труднее сделать этот выбор в условиях военной службы, где цена ошибки может быть предельной — вплоть до жизни своей и чужой, а давление приказа, субординации и коллектива нередко вступает в противоречие с голосом совести. В условиях быстрых социальных изменений (цифровизация, глобализация) молодым людям сложнее формировать устойчивую нравственную позицию. Поэтому любое учебное заведение, особенно военное, должно стать не просто школой профессионального мастерства, но местом формирования и развития этической субъектности молодого человека, особенно будущего офицера.

Перед военнослужащим часто возникает проблема выбора: подчиниться приказу или поступить согласно своим личным убеждениям (в случае, если эти убеждения не согласуются, а может и идут вразрез с приказом). В разрешении этой дилеммы и кроется основная задача воспитания: перевести внешние требования (приказ, устав) во внутренние убеждения. При этом не подавляя личного, а переводя его в осознанное и переосмысленное. Военнослужащий — не автомат, а моральный субъект, всегда отвечающий за свой выбор даже в условиях принуждения.

Можно обозначить три уровня соотношения приказа и совести:

- приказ совпадает с личными убеждениями — тогда подчинение становится свободным выбором;
- приказ нейтрален — здесь подчинение осуществляется просто как дисциплина;
- приказ противоречит личными убеждениям — в этом случае возникает необходимость моральной рефлексии и личной ответственности.

Именно третий режим — самый трудный и самый важный для воспитания. Здесь проверяется, насколько внешние нормы стали внутренними убеждениями.

И в этом случае воспитание — это формирование привычек, системы ценностей. Часто возникает диссонанс: ценности, которые прививаются в армии, сталкиваются с установками, сформированными до службы или в быту.

Диссонанс может проявляться на трёх уровнях:

- когнитивный — «не понимаю, почему надо иначе»;
- эмоциональный— «не принимаю, отвергаю»;
- поведенческий — «понимаю, но не могу действовать иначе» (привычка, страх, среда).

И здесь важнейшую роль играет офицер-воспитатель. Он не просто транслятор норм, а медиатор между средами. Его этическая позиция становится частью образовательной среды. Военная среда не должна подавлять два других потока — она призвана интегрировать их. Иначе возможны либо лицемерие, либо внутренний раскол личности.

Хотя суть задач остаётся, их содержание меняется. То, что считалось нормой ранее, сегодня может требовать переосмысления. Появляются новые вызовы: влияние информационного пространства, специфика современных конфликтов, вопросы этики в области биотехнологий.

Здесь важно различать вечное и историческое:

- вечное — долг, честь, ответственность, уважение к Другому;
- историческое — конкретные формы, акценты, ритуалы, язык.

Военный вуз призван сохранять первое и осмысленно обновлять второе — иначе он рискует либо застыть в архаике, либо потерять ценностное ядро.

Сергиевская Галина Евгеньевна
доцент, к.филос.н., преподаватель
Военная академия связи имени С.М. Будённого

Кино как инструмент этического воспитания: образ учителя и пространство морального выбора

Образование — важный социальный институт, который транслирует не только знания, но и ценности, нормы и модели поведения. Однако эта трансляция происходит не только через уроки, стандарты и правила. Кинематограф влияет на формирование взглядов, ценностей и моделей поведения, то есть работает как инструмент воспитания и обучения, и когда мы говорим об этическом аспекте, мы смотрим на то, какие моральные вызовы и дилеммы при этом возникают.

В российском образовательном дискурсе для этого есть понятие — кинопедагогика. Это направление, объединяющее потенциал киноискусства и педагогической науки для решения задач обучения, развития и социализации. Ключевой тезис: фильм сам по себе не гарантирует воспитательного эффекта. Без грамотной педагогической фасилитации экранный образ может остаться развлечением или быть истолкован ложно. Кино — не «таблетка», а проблемно-смысловое поле, которое нужно уметь разворачивать.

Механизм воздействия кино на этическое сознание трёхчастен. Во-первых, это нравственное возвышение (elevation): сцены, изображающие моральные добродетели, вызывают у зрителя вдохновение и моти-

вацию самому стать лучше. Во-вторых, социальное научение через идентификацию: зритель соотносит себя с персонажем, интернализует ценности, рефлексирует последствия выборов. В-третьих, критическое чтение визуального текста: кинопедагогика предлагает через анализ того, что и как показано, осмысливать мораль из фильма, а не просто «принимать» её.

Учебное заведение — это дисциплинарное пространство, вторичная социализация. При этом учитель зачастую воспринимается как агент, близкий к первичной социализации: нередки случаи, когда личностное отношение к учителю предопределяло выбор дальнейшей профессии. Образ учителя в кино — это активный механизм передачи норм. Как он формулирует правила, какие примеры подаёт, как реагирует на конфликты — всё это напрямую связано с деонтологией: долгом, обязанностью, пределами допустимого. Школа в кино — пространство стресса и поиска опоры. Учитель может как стать ресурсом адаптации, так и, наоборот, усилить чувство изоляции. При этом учитель может придерживаться одних норм, а ученики — других, и этически значимо то, как взрослый ведёт себя: навязывает ли он свою позицию, избегает ли обсуждения проблем или делает их предметом честного и открытого обсуждения.

Образ учителя в кинематографе претерпевал значительные изменения. Учитель олицетворял этические ожидания общества. Если в 1930–1940-е годы учитель — идеализированный герой, «идейный вдохновитель», то в 1960–1970-е годы появляется живой человек с сомнениями и усталостью. Примером может служить герой Тихонова в фильме «Доживём до понедельника». Учитель-интеллигент усталый и сомневающийся. Он не идеален, он рефлексирует, ошибается, но сохраняет уважение к личности ученика. Показательна сцена с сочинением «Что такое счастье?», где он отстаивает право ученика на собственный взгляд и собственную жизненную позицию. Демонстрирует уважительное отношение к ученикам, к их личностям. Одновременно подает пример такого отношения своим коллегам.

В 1980–1990-е со сменой социальной действительности, меняется и кинематографический образ учителя. Он становится пессимистичным, зачастую предстаёт уже «антигероем» — плохо образованным, малообеспеченным, неавторитетным («Географ глобус пропил», «Училка»).

Таким образом кино не даёт нам готовых ответов, а лишь создаёт пространство для морального выбора, а образ учителя — это способ рефлексировать на тему в каком обществе мы живем, каким должен быть носитель социальных норм, и какие этические вызовы стоят перед всем обществом и перед образованием сегодня.

Сергийчук Валерия Сергеевна
обучающаяся магистратуры
НИУ «Высшая школа экономики»

Русско-японская пиратская война 2026: различение ценности и стоимости

В 2026 году в японском сегменте интернета разгорелся ожесточенный конфликт вокруг пиратского распространения контента, получивший название «русско-японская пиратская война 2026». Поводом послужило закрытие онлайн-игры NieR Reincarnation, после чего фанаты создали частные серверы для её сохранения. Однако японское сообщество восприняло это как кражу интеллектуальной собственности.

Этот конфликт обнажает фундаментальное этическое противоречие между двумя подходами: пониманием культурного продукта как части общего наследия человечества, доступ к которому не должен ограничиваться рыночными механизмами, и пониманием его как частной собственности, защищенной законами и моральными нормами.

Данное исследование предлагает проанализировать этический конфликт, используя концепции антрополога Дэвида Гребера, в частности его критику мифа о «естественном» рынке и различение «ценности» и «стоимости».

Этический конфликт как столкновение ценностных систем

Этика — это, в первую очередь, учение о должном и ценностях. В основе «русско-японской пиратской войны» лежит столкновение двух систем ценностей. С одной стороны, этика японского сообщества основана на уважении к авторскому праву как к моральному закону. С другой стороны, этика пиратства исходит из идеи, что культурные продукты после их создания становятся частью общего культурного достояния. Попытка искусственно ограничить доступ к ним через рыночные механизмы воспринимается как несправедливость, особенно когда легальный доступ затруднен (географические ограничения, высокая цена, санкции). Этот конфликт ставит этический вопрос о том, что первично: частная собственность или общее благо.

Критика мифа о «естественном» рынке

Дэвид Гребер в книге «Долг: первые 5000 лет» показывает, что рынок и частная собственность не являются «естественными» и «извечными» формами человеческой организации. Они возникли в результате сложных социальных и политических процессов. Японское восприятие пиратства как «кражи» основано на вере в абсолютность и «естественность» современной системы интеллектуальной собственности. Однако эта вера — продукт конкретной правовой и культурной системы. В других культурах знание и культурные продукты традиционно рассматрива-

лись как общее достояние. Таким образом, конфликт вокруг пиратства демонстрирует, что наше представление о «правильном» использовании культурных продуктов зависит от культурных и исторических условий.

Ценность vs. Стоимость: этика доступа

Гребер различает «ценность» (то, что действительно важно для нас) и «стоимость» (рыночную цену). В «русско-японской пиратской войне» японские корпорации и общество защищают стоимость (прибыль), в то время как пираты и их сторонники отстаивают ценность культурного наследия. Закрытая игра NieR Reincarnation — культурный артефакт, имеющий ценность для сообщества. Пиратство в данном случае — это попытка сохранить эту ценность вопреки рыночной логике. Возникает этический вопрос: имеет ли сообщество право на сохранение культурного наследия, если его создатели решили его уничтожить или сделать недоступным? И чья этика более оправданна: этика защиты частной собственности или этика сохранения общего культурного достояния?

Интересно, что даже сами японские авторы разделились в этом вопросе. Один из авторов манги выложил свой ваншот бесплатно, приняв донаты, что является альтернативной моделью экономики ценности. Это показывает, что этический конфликт не является однозначным и что внутри самого японского общества существуют разные моральные позиции. Конфликт обнажает неэффективность глобальной системы авторского права, которая не учитывает культурные различия и реальные потребности людей в доступе к культуре.

«Русско-японская пиратская война» 2026 года показывает, что наши представления о собственности, долге и ценности устарели и не справляются с реалиями цифрового мира, где культура стремится быть общей. Применение антропологического подхода Дэвида Гребера позволяет вскрыть противоречие между рыночной стоимостью культурного продукта и его культурной ценностью.

Сидоров Алексей Михайлович
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Культурная травма и кризис ценностей: пример Смутного времени

Одним из оригинальных направлений в современных исследованиях культуры является бурно развивающаяся с начала XXI века теория культурной травмы. Нет культуры, которая никогда не сталкивалась бы с катастрофическими историческими событиями, травмировавшими коллективное сознание. На протяжении истории, человечество испробовало

различные стратегии преодоления культурных травм и сохранило этот опыт в системах памяти различных культур. В культуре, пережившей травму, возможны существенные перемены в коллективной идентичности и системе ценностей. Быстрые изменения в констелляциях ценностей могут привести как к гибели культуры, так и к непредвиденному оживлению и реорганизации. Таким образом, культурная травма может быть не только негативным событием, но и началом процесса самоосмысления культуры, дающим возможность обновления. Статус травмы события обретают не из-за их объективной значимости, а по их влиянию на коллективную идентичность, которая коренится в смысловых структурах. Дж. Александер называет «процессом травмы» тот период, когда масштабный социальный кризис превращается в кризис смыслов, ценностей и идентичности. Большое значение для теории культурной травмы имеет понятие коллективной памяти. Коллективная память играет центральную роль в воспроизводстве общества, предоставляя отдельным лицам и коллективам когнитивную карту и помогая сориентироваться в исторической действительности. Травматические события оказывают глубокое влияние на то, как сообщество помнит свое прошлое. В сообществах создаются ритуалы и институты для увековечивания памяти о травме: памятные дни, музеи, памятники и ежегодные церемонии. Травма может иметь не только разрушительное значение. Она может укрепить групповую сплоченность, создавая ощущение «мы» — тех, кто страдал вместе и кто сумел выдержать испытания. Этот опыт и его последующее закрепление в общественном дискурсе становится определяющим элементом культурной идентичности. Если обратиться к русской истории, то одним из самых очевидных примеров культурной травмы, вызвавшим процесс осмысления и репрезентации во всех сферах культуры до настоящего времени, и оказавшим огромное влияние на коллективную память и национальную идентичность, является период Смутного времени. Эта историческая катастрофа укоренилась в сознании, став травматическим и определяющим моментом для российской традиции и идентичности, а термин «смута» (смятение) глубоко закрепился в российском историческом сознании как символ глубокого ценностного кризиса. Смутное время в течение 400 лет является повторяющейся темой в русской литературе и культуре, и писатели, публицисты, историки и философы часто возвращаются к этой эпохе, особенно в другие периоды социальных потрясений. В российском мировоззрении этот период служит мощным напоминанием о потенциальной угрозе государственного краха и последствиях внутренних разногласий, что повлияло на последующую российскую политическую мысль и нарративы о национальном единстве. Теория культурной травмы с ее интересом к

механизмам восстановления преемственности после моментов социального хаоса, к истолкованию спорных и болезненных исторических событий, к проблемам коллективной памяти и коллективной идентичности, особенно актуальна с точки зрения духовной и научной задачи сегодняшнего дня — стремления к консолидации общества на основе исторической традиции. Смутное время, само название которого указывает на состояние «смятения», кризиса ценностей, а также опыт преодоления этого кризиса, и значение данного периода как прообраза «смутных времен» в последующей отечественной истории — все это дает основание для попытки применения междисциплинарной теории культурной травмы к изучению истории России.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02231, https://rscf.ru/project/25-28-02231/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Сидорочкин Михаил Алексеевич
обучающийся аспирантуры
МГУ им. Н.П. Огарёва

Личность и цифровой двойник: проблема отчуждения и объективации человека

Поскольку человеческое Я взаимодействует со многими Другими, у каждого отдельного Другого формируется свое восприятие Я, которое зависит от общих воспоминаний, опыта взаимодействия, информации, получаемой конкретным Другим от Других и т.д. Однако подобная ситуация характерна не только для межличностных отношений.

Государство как биополитический агент отслеживает наши действия, которые постоянно пытается регулировать или моделировать, исходя из своих интересов. Для коммерческих компаний люди — это потребители со своими привычками и вкусами, которые необходимо удовлетворить, а периодически и сконструировать новые для максимизации прибыли. Таким образом, в глазах смотрящего не только красота, но и иные характеристики человеческой личности. В то же время, человек не может делегировать кому-либо свою ответственность, как и возможность совершить поступок.

Биополитические инструменты воспитания и контроля/ограничения используются для воздействия на индивидов вплоть до конструирования личности определенного типа. Однако агентам биополитики для максимизации подобного воздействия всегда не хватало получения данных об индивидах в режиме реального времени.

Принудить людей массово делиться чувствительными данными о себе при помощи классических государственных методов управления можно, но это чревато ростом протестных настроений и предоставлением недостоверных данных. Кроме того, невозможно к каждому индивиду приставить государственного служащего для постоянного сбора и фиксации данных.

Однако ситуация изменилась в условиях цифровизации общества. Ситуацию, в которой люди добровольно начали размещать свои данные в открытом доступе, можно назвать торжеством биополитики. Утилитарные мотивы оказались сильнее опасений по поводу конфиденциальности. К сожалению, в качестве нормальной практики рассматривается размещение не только своих данных, но и данных Другого: родители выкладывают в социальные сети фотографии детей; организаторы мероприятий — фото и видео участников; друзья — совместные фотографии и иную информацию, которая касается других, не получая согласие и часто даже не задумываясь об этом.

Вторая проблема этического характера, связанная с развитием биополитики в эпоху цифровизации, касается создания цифровых двойников. Данная проблема имеет два разнонаправленных вектора. Во-первых, речь идет о ситуации, когда человек создает себе цифрового двойника самостоятельно. Реальная личность может сильно отличаться от онлайн-образа, и настолько сильно проигрывать цифровому двойнику, что ресурсы вкладываются преимущественно в развитие последнего. Во-вторых, кроме сконструированного цифрового двойника личности формируется и более приближенный к реальному прототипу. Он создается на основе данных, которые непрерывно аккумулируются цифровыми приложениями, носимыми гаджетами и иными сервисами.

Государство как агент биополитики также мотивирует граждан к созданию цифрового двойника, апеллируя к необходимости предоставления чувствительных персональных данных для удобства получения государственных услуг, в том числе, в цифровой форме.

В результате реальное Я оказывается окружено не только реальными, но и цифровыми Другими, в число которых входят и его собственные цифровые двойники. Ярким примером ситуации, когда действует цифровой Другой, но его действия приписываются Я, является случаи взлома аккаунтов в социальных сетях. В ближайшем будущем мы можем стать свидетелями возникновения массовых практик добровольной передачи своих цифровых двойников в чужие руки, например, делегируя «умным» помощникам ведение социальных сетей.

Таким образом, на современном этапе биополитические инструменты используются уже не только для контроля за поведением населения,

но и для конструирования цифрового Другого, который начинает доминировать на реальным Я. Способность совершить поступок сохраняется за последним, но возникают серьезные затруднения для внешнего наблюдателя, связанные с дифференциацией Я и его цифровых двойников в цифровом пространстве.

Скипин Николай Сергеевич
к.полит.н., старший научный сотрудник, заведующий отедлом
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Кинематограф как средство экологического воспитания: этические установки в кино США, Франции, Японии и СССР/России во второй половине XX века

Кинематограф второй половины XX века можно рассматривать как средство экологического воспитания, т.к. он связывает абстрактные представления о природе с переживанием вины, ответственности и допустимых границ человеческого вмешательства. В докладе сопоставляются фильмы США, Франции, Японии и СССР/России 1950–2000 гг. Материалом послужили 98 картин, отобранных по единой процедуре. Исследование опирается на качественный контент-анализ и критический анализ визуального дискурса.

Японское кино начинает с послевоенной травмы и страха перед радиацией. «Годзилла» (1954) превращает последствия ядерных испытаний в образ монстра, а фильмы Хаяо Миядзаки 1980–1990-х годов переносят акцент на сосуществование человека и природы. Анимация обращена к зрителю с детства, поэтому экологическая этика входит в повседневное воспитание раньше, чем формулируется как политическая программа.

Во Франции образовательная функция кино складывается через документальное наблюдение и философскую притчу. Картины Жак-Ива Кусто обучают видеть подводный мир как самостоятельную ценность; «Жан де Флоретт» и «Манон с источника» связывают доступ к воде с моральной ответственностью и социальной справедливостью.

Американское кино переводит сходные вопросы на язык массовых жанров. От «Дня, когда остановилась Земля» и «Доктора Стрейнджлава» к семейным фильмам о животных меняется адресат и эмоциональный регистр, при этом сохраняется предупреждение — техническая сила без нравственного самоограничения угрожает жизни.

Советский материал дает иную траекторию. Послевоенные фильмы поддерживают идею преобразования природы в интересах государства. С 1960-х годов научно-популярное кино вводит тему ответственности перед биосферой, а поздние работы Андрея Тарковского, Элема Климова и Константина Лопушанского показывают цену технократического решения. После распада СССР экологическая тема отходит на периферию российского экрана.

Сопоставление показывает, что кино обучает экологической этике без готового набора норм. Оно создает ситуации морального выбора и делает последствия выбора зримыми. Зритель получает позицию внутри конфликта и вынужден оценивать собственную долю ответственности за происходящее. Национальные различия определяют язык такого воспитания: травма, документальное свидетельство, массовый жанр или философская метафора. При этом общий сдвиг ведет от страха перед уничтожением к признанию ценности жизни и ответственности перед будущими поколениями. Кинонарратив приобретает воспитательную силу, когда экологическая установка рождается из судьбы героя и устройства показанного мира. Прямое назидание дает более слабый результат. Так кино приучает считать бережное обращение с живым и ответственность за общую среду обычной нормой поведения.

Смирнова Марина Геннадьевна
доцент, д.ю.н., профессор
кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западный филиал Университета правосудия им. В.М. Лебедева

Признание в праве: практический ракурс

1. Понятие признания вошло в философию права прежде всего как теоретический конструкт. Однако любой философский концепт, претендующий на объяснение правовой реальности, проверяется способностью работать в условиях конкретного юридического казуса. Именно в практическом контексте обнаруживается, что признание не является монолитным феноменом и имеет различные формы своего проявления! Основной задачей нашего исследования является демонстрация признания в различных областях, в том числе и в юриспруденции. Признание выступает не только философской категорией, ее можно рассматривать с различных аспектов.

Прежде всего это категория психологии, которая отражает межличностные отношения. Признание выступает потребностью человека, влияет на его самооценку и психическое здоровье.

В менеджменте, в корпоративной культуре признание выступает управленческой технологией, которая способствует улучшению труда и служит мотивацией сотрудников (системы баллов и наград за достижение, эффективный контракт и премии, программы признания «Работник года», «Лучший преподаватель».

В образование и науке академическое признание выражено в виде степеней и званий, индекс Хирша, цитируемость выступают критериями успеха, признания ученого.

В праве признание имеет формальный, юридический характер, выступает многогранной категорией, практическое ее применение зависит от отрасли права. Так, в гражданском процессе признание выступает распорядительным актов стороны, посредством которого она подтверждает определенный факт, который имеет значение. Суд принимает признанный факт, как бесспорный, освобождая другую сторону от необходимости его доказывать. Сторона, сделавшая признание, не может впоследствии от него отказаться. Например, ответчик может признать иск. Признание иска ответчиком означает, что он безоговорочно соглашается с требованиями истца (полностью или в части). Это распорядительное действие, направленное на окончание дела вынесением решения об удовлетворении иска. Право ответчика на признание иска закреплено в ст. 39 ГПК РФ, ст. 49 АПК РФ и ст. 46 КАС РФ. Признание иска производится либо устно и заносится в протокол. Либо письменно — путем подачи отдельного заявления, которое приобщается к делу и заносится в протокол.

В уголовном праве признание имеет двойственную природу: с одной стороны, это доказательство (показания обвиняемого), с другой обстоятельство, учитываемое при назначении наказания, как смягчающие его. (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Однако признание вины может быть положено в основу обвинения только при подтверждении его совокупностью других доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

В международном праве признание выступает актом государства, которым оно юридически констатирует возникновение нового субъекта международного права (государства, правительства, органа национального сопротивления).

Таким образом, практический ракурс категории признания в праве юриспруденции в различных отраслях права имеет особое значение и его применение сопряжено с наступлением определенных юридических последствий и в том числе рисков, что обуславливает необходимость его исследования.

Соколов Евгений Георгиевич
профессор, д.филос.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Этическое образование и моральное воспитание

В дидактическкой риторике: Хотя одно (этическое образование) и не тождественно другому (моральному воспитанию), но они, обе эти практики, тесно связаны, или соприкасаются друг с другом. Тем самым открываются безграничные просторы методологических рекомендаций, технологических инноваций, умозрительных спекуляций и практических стараний, направленных на улучшение, углубление, расширение и совершенствование как каждой из практик по отдельности, так и их ситуационному взаимодействию. И если с первым (этическим образованием) все, во всяком случае в своих теоретических контурах, более или менее очерчено (посредством догматической аксиоматики, прописанной в поп-катехизисах общечеловечности), то со вторым (моральным воспитанием) дела обстоят скверно. Как прямое следствие — бурное развитие различных этических спекуляций прикладного характера.

В практиках повседневности: Нравственные саунд современности мало у кого вызывает энтузиазм. Разве что в пафосных предвыборных речах кандидатов на высокие политические должности. Народ-население морально деградирует, а «окна Овертона» стремительно открываются в табуировано-заповедные ранее зоны реальности, если, разумеется, мы полагаем, что таковые еще остались. Скорбь по сему поводу уже никого не забавляет и не заставляет содрогнуться, ибо «ужастик» всякого рода-вида давно уже вошел в наличный сеттинг любых наших дней. Ну а потому — в качестве стимула и критерия оценки деятельности — недюжинные общественные силы брошены именно на разработку стратегий морального воспитания, вычерчиваемых по лекалам эффективной логистики, креативного менеджмента и технологически-экономического соответствия моменту-ситуации. Возражать, тем более противиться такому тренду не имеет смысла: так есть и это надо принять. Однако, взволноваться, воодушевиться и «задрав штаны бежать на комсомолом», чтобы поучаствовать и «посветить мордашкой», едва ли стоит спешить. Ибо:

Несколько напоминаний: Мир, моральный в том числе, едва ли стал хуже по сравнению с тем, что было 10000 лет назад. Миф о конце света столь же древен, как и о сотворении. Об этой «архетипической антропологически-социологической ситуации-состояния» прекрасно поведали нам классики К.Г. Юнг и М. Элиаде. Другой классик более 2300 лет тому назад указал, что «знание добра» не ведет к «отвращению от зла». И даже назвал причины такого положения. Тем не менее, за прошедшие века сколь бы мы ни совершенствовали и ни распространяли «знания

добра», также как и ни множили усилия по устранению причин существования оного, вряд ли можем констатировать, что отвратить от него, зла, удалость. Так же невозможно подсчитать стало ли меньше или больше зла, ибо критериев оценки в столь тонких и многоликих материях не существует в принципе. Разве что – напомнить, что со времен Каина и Авеля даже «неотвратимость наказания не служит препятствие для совершения преступления» (К. Кисьлевский «Короткий фильм об убиении»). А единственно эффективной стратегией уменьшения числа преступлений является сокращение количества законов (Кун Цзы «Лунь Юй). Не увеличение, не усовершенствование, не детализация и не тотальный учет-охват всех прецедентов (соответствующего региона данности), но именно сокращение законодательной базы, равно как и племен ее радетелей, хранителей и попечителей.

Итог: Этическое образование и моральное воспитание никак друг с другом не связаны. Или — если менее категорически — первое также полезно для морального воспитания, как и для варки вкусного борща. Я ни в коей мере не оспариваю необходимость и полезность как первого, так и второго. Только хочу обозначить «сферы компетенции»: этическое образование — это область «практической философии». Научить/научиться этике/и можно и даже нужно. Ну а моральное воспитание — это пространство тех, кто озабочен антропологической дрессурой и наладкой-функционированием совокупного социального пространства. И этика — что бы к ней ни «прикладывали» — к этим процедурам не имеет никакого отношения. Научить(ся) морали (нравственности) невозможно. Сформовать-организовать-наладить-выстроить — несомненно.

Соколовских Алена Станиславовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

В чем состоит этический аспект безопасности систем искусственного интеллекта?

В докладе проблема безопасности систем искусственного интеллекта (ИИ) рассматривается как проблема прикладной этики. В основу доклада положена позиция, согласно которой этический аспект безопасности систем искусственного интеллекта должен быть сфокусирован на защите пользователей, сталкивающихся с практическими угрозами при взаимодействии с существующими моделями.

Вместе со стремительным ростом популярности и сложности моделей искусственного интеллекта все более значимой становится про-

блема безопасности ИИ, что побуждает разработчиков создавать все более сложные механизмы безопасности, а исследователей — искать новые подходы к пониманию этой проблемы.

О безопасности систем искусственного интеллекта сегодня говорят на всех уровнях, однако некоторые подходы к пониманию этой проблемы уводят дискуссию в сторону от актуального пользовательского опыта.

Одним из таких подходов является концепция экзистенциального риска (Н. Бостром), приковывающая внимание к гипотетическому сценарию потери контроля над общим (сильным) ИИ. В рамках этой концепции осуществляется анализ угроз и рисков в контексте общего (сильного) ИИ, где риск становится экзистенциальным и на первый план выходит проблема контроля над продвинутыми системами, что делает безопасность систем ИИ условием предотвращения катастрофических последствий для всего человечества. Однако концепция сильного ИИ — это гипотеза, и данный подход в целом выносит за рамки рассмотрения проблемы безопасности, которые существуют уже сейчас в менее продвинутых системах (алгоритмическая предвзятость, когнитивные и психологические угрозы, нарушение приватности).

С другой стороны, на данный момент существует множество этических кодексов и деклараций, выпускаемых компаниями-разработчиками, всевозможных «списков ценностей» и принципов «этичного ИИ», составляемых исследователями из различных областей. И хотя они и ставят в приоритет существующие сегодня риски и проблемы безопасности, декларируемые ценности и принципы зачастую повторяют друг друга или имеют противоречия, и в то же время не имеют юридической силы или механизмов их внедрения в практику разработки. Таким образом, сами по себе принципы не могут гарантировать безопасность: они зачастую слишком абстрактны, не имеют механизмов правового принуждения и санкций. Актуальные проблемы безопасности пользователя снова остаются в стороне.

В докладе будет сформулирована точка зрения, согласно которой императив безопасности должен мыслиться не как гипотетическая проблема далекого будущего и не как абстрактный список ценностей или принципов, а как комплексный подход, включающий в себя этическую экспертизу, прозрачные механизмы подотчетности, вовлечение всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров), связывающий этические требования с конкретными протоколами разработки и институтами внешнего контроля, в центре которого находятся реальные проблемы и угрозы, с которыми сталкиваются пользователи.

Сорокоумов Петр Сергеевич
научный сотрудник
НИЦ «Курчатовский институт»

Статический анализ поведения коллаборативного робота на основе логического вывода

Для робота, работающего совместно с людьми (коллаборативного), очень важны предсказуемость действий и их понятность для человека. При этом современные системы управления агентами, способными к сложному поведению, часто применяют в своих алгоритмах подходы на основе глубокого машинного обучения. Такие системы имеют огромный потенциал, но обладают существенным недостатком — возможностью непредсказуемых реакций робота в нетипичных ситуациях, которая вызвана недостаточно представительными обучающими выборками и сложностями с интерпретацией используемых математических моделей. Из-за этого может оказаться полезным организовать принятие решений так, чтобы в системе был явно выделен интерпретируемый компонент, отвечающий за принятие конечных решений и при этом поддающийся статическому анализу. Проверка его реакции на разнотипные ситуации позволяет находить нежелательное поведение и последовательно отлаживать агента, предотвращая проблемы.

При создании коллаборативного робота-партнёра, напоминающего по поведению патрульную собаку, нужные проверки можно свести к оценке выполнения фиксированного набора ограничений («не нападать на друга», «спасаться при опасности, если не подвергаешь ей других» и т.п.), проводимой по правилам логического вывода. Такой набор ограничений составляется с учётом обязательных и допустимых для служебных собак реакций, достаточно точно описанных в литературе на основе опыта дрессировки. Полученные ограничения, подлежащие проверке, образуют этическую основу отношения агента-собаки к человеку.

В архитектуре используемой модели агента явно выделены внешние узлы (сенсоры). Значения их активностей задают текущее состояние среды, воспринимаемое агентом. Эти значения могут формироваться различными способами, в том числе с применением средств машинного обучения. На основе данных сенсоров агент по фиксированным правилам определяет своё поведение, причём процесс выбора на каждом шаге можно описать в терминах нечёткой логики. Действие системы проверки качества основано на загрублении этой модели — преобразовании нечётких правил в строгие. Это позволяет вычислять реакции на разные варианты входных данных и оценивать соответствие итогового

поведения агента ограничениям, определяющим этичность действий. Благодаря небольшому количеству сочетаний принимаемых решений и внешних воздействий оказалось возможным автоматически проверять модели за короткое время путём исчерпывающего перебора всех вариантов входных сенсорных данных и допустимых результирующих сигналов. Так, для версии агента с 8 входными сенсорами, 5 показателями состояния и 6 вариантами действий нужно проверять менее 50000 вариантов, что позволяет анализировать модели без существенных для разработчика задержек.

Для тестирования агента были разработаны программная имитационная модель в среде Gazebo и малый мобильный робот, работающий на специальном полигоне. По результатам проверки оказалось, что созданная система способна верифицировать поведение агента, распознавая многие распространённые классы ошибок. Тестирование агента на имитационной модели и реальном мобильном роботе показало удовлетворительное совпадение поведения робота с предсказаниями системы, что говорит о работоспособности предложенного подхода. Конечным результатом разработки является программная система управления, избегающая нежелательных реакций агента в большинстве случаев и способствующая его подчинению явно сформулированным этическим правилам. Данный подход может оказаться применимым и для других систем, в которых важно безопасное сосуществование человека и робота.

Спирин Антон Павлович
к.пед.н., доцент
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Роль традиционных духовно-нравственных ценностей в формировании общероссийской идентичности курсантов военных вузов

Актуальность темы исследования обусловлена сложной военно-политической обстановкой, обострением геополитической ситуации и ростом угроз национальной безопасности России.

Основных объектом гибридных атак противника становится не только военно-экономическая составляющая, но и духовно-нравственная, культурная и историческая основы российской цивилизации.

Негативное информационное воздействие направлено на подрыв ценностной основы общества, на подмену традиционных духовно-

нравственных ценностей ложными ценностями, чуждыми населению России.

В указанных условиях Вооруженные силы Российской Федерации становятся и объектом, и субъектом в ценностном противостоянии, а курсант военного вуза как будущий офицер приобретает статус носителя, транслятора и защитника российских традиционных ценностей в воинских коллективах.

На государственном уровне актуальность рассматриваемого вопроса находит отражение в стратегических документах (Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г., Стратегия национальной безопасности РФ и др.), в которых указывается необходимость защиты традиционных ценностей как основы общероссийской идентичности и суверенитета государства. Общероссийская идентичность представляется как духовный ресурс и гарант стабильности в развитии и государства.

Формирование общероссийской идентичности курсантов военных вузов, основанной на принятии будущими офицерами традиционных духовно-нравственных ценностей, это конкретная задача, которую военно-политическое руководство государства ставит перед системой военного образования. Задача подразумевает воспитание современного офицера, не только владеющего современными военными и информационными технологиями, но также обладающего глубоким ценностным иммунитетом к враждебному идеологическому влиянию.

Под общероссийской идентичностью курсанта военного вуза в исследовании понимается отождествление военнослужащим себя с российской нацией, предполагающее осознание себя россиянином, переживание единства с культурно-политическим макрообществом граждан Российской Федерации. Это ценностно-смысловое ядро личности, которое связывает представление военнослужащего о самом себе с судьбой страны и определяет его готовность посвятить жизнь защите Отечества.

Такие традиционные духовно-нравственные ценности как служение Родине, соборность, справедливость, историческая преемственность, почитание ратного подвига предков придают общероссийской идентичности курсанта мотивационный характер, превращая её из статичного и декларативного «я — россиянин» в действенное «я несу ответственность за настоящее и будущее России». Для обучающегося военного вуза эта связь имеет профессиональное измерение: общероссийская идентичность приобретает статус профессиональной ценности, становится предпосылкой готовности к выполнению задач по предназначению, вплоть до самопожертвования.

Традиционные духовно-нравственные ценности в образовательном процессе военного вуза рекомендуется рассматривать как живой и динамичный механизм военно-политической социализации курсантов. Наиболее полно воспитательный потенциал ценностей будет реализован в ситуации создания условий, в которых обучающийся самостоятельно формирует представление о ценности, переживает и присваивает ценностные смыслы через образовательную и профессиональную деятельность, общение и рефлексию.

Военные вузы обладают значительными ценностно-формирующими ресурсами: уклад жизни курсантов, система ритуалов и воинских традиций, ежедневный пример опытных офицеров-наставников и др. Однако в настоящее время этот ресурс реализуется вне целостной системы, фрагментарно.

Формирование общероссийской идентичности курсантов военных вузов предполагает ценностное содержание военно-политической работы, деятельностное включение обучающихся в социально значимую практику и рефлексивное осмысление курсантом собственной ценностной позиции.

Ставцева Ольга Ивановна
доцент, к.филос.н., доцент
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Современная этическая мысль как творческое усвоение античной этики

Под творческим усвоением подразумевается одновременно и рецепция, и развитие античной этики, т.е. приспособление ее концептуального содержания для актуального содержания той или иной эпохи. В этом сообщении мы рассмотрим два момента античной этики, которые, по нашему мнению, особенно актуальны в современности – понимание блага и вопрос о соотношении знания и нравственности.

Основные проблемы современного этического дискурса, которые фиксируются в известной дилемме вагонетки, сводятся к противопоставлению кантовской деонтологии и утилитаристской этики. Это проблемы использования зла для достижения добра, т.е. оправдания средств благостью цели, достигаемой этими средствами. И кантовская этика долга, и бентамовский проект максимилизации счастья возникают в 18 в. в эпоху Просвещения, которую можно считать эпохой, возвращающейся к ценности гуманизма. Рациональное обоснование морали, предложенное философами, отличается от религиозного ее обоснова-

ния, связанного с исполнением заповедей. И Кант, и Бентам, а позже и Дж.Ст. Милль, обосновывают свои рациональные проекты морали, обращаясь к античной этике. Кант обращается к стоическому принципу достоинства личности как высшей ценности. В «Критике практического разума» он противопоставляет стоическую этику долга эпикурейской этике наслаждения. Бентам же, говоря о пользе для общества, все же сводит полезность действия к удовольствию, хотя и добавляет общественный характер полезности, говоря о «максимальном счастье максимального количества людей».

Античную этику в важных своих образцах можно считать этикой, нацеленной на разумное владение человеком самим собой, достигаемого в ходе образования. Одной из главных концепций в этом плане можно считать так называемый «этический рационализм» Сократа. Хотя в диалоге «Протагор» Платон заставляет спорить Сократа и Протагора по вопросу о том, можно ли научить добродетели, важно, что к завершению диалога позиции мыслителей по этому вопросу меняются местами. И идея обучения добродетели не выглядит необоснованной и отвергнутой, скорее ставятся под вопрос способы, какими софисты предлагают научить добродетели. Безусловно, это не софистические способы обучения, связанные с владением технологиями высказываний, а образование и воспитание, основанное на развитии разума, чтобы и было предложено в политической философии Платона, оказывающейся, по сути, образовательной философией. Достижение добродетели возможно на основе познания истины, но важны и стремление к истине, и выбор ее как ценности. Кант в статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» подобным образом описывает просвещенного человека — он стремится выйти за пределы несовершеннолетия на основе пользования собственным рассудком в публичном применении. Фуко на основе изучения античной философии в своих поздних произведения выводит определение философии как заботы о себе. При этом забота о себе лежит в основе деятельности по преобразованию субъекта и достижению духовности.

Кроме того, важными для современной этической теории можно считать проблемы разграничения законов природы и общественных изменений, которое было артикулировано у софистов, аристотелевское определение счастья, своеобразно развитое в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, аристотелевское понимание добродетелей, продолжающееся в этике добродетелей, значение майевтики и диалога для этики дискурса.

В рамках современных дискуссий об этике, образовании, воспитании, будущем человека достижения античной этической мысли представляются применимыми. Человек антропоцена не может надеяться на

решение всех вопросов при помощи техники, благо может быть достигнуто на пути совершенствования при помощи разума.

Таким образом, фундаментальные вопросы моральной теории в том виде, как она складывается с эпохи Просвещения, — вопросы понимания блага и становления добродетельным — опираются на античные концептуальные решения.

Старкова Алина Андреевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические аспекты кураторской деятельности на примере серии фотографий Андреса Серрано «Морг»

В современной кураторской практике вопрос этики и репрезентации является одним из самых обсуждаемых, часто всплывающих в дискуссии, а такие темы как смерть и религия затрагивают личные, для большей части человечества, аспекты.

Художник отвечает за исходный смысл работы, однако, после передачи её куратору, ответственность за смысловую нагрузку разделяется. Степень этого разделения может быть разной, зависеть она будет непосредственно от ситуации. Куратор может полностью переиначить смысл работы, частично его видоизменить, оставить неизменным. Встраивая в свою концепцию работу, получившую определённую общественную реакцию, куратор может спровоцировать новую волну обсуждения, однако, бывают ситуации, когда профессиональная репутация может не стать причиной для отказа от работы, так как без неё концепция не будет полностью раскрыта. Получается любопытный парадокс, когда красиво выстроенное, хорошо оформленное высказывание превращается в дискуссионное поле для всех слоёв общественности. Музеи, галереи и прочие выставочные пространства, тоже, в значительной, если не большей степени, принимают на себя бремя этической ответственности.

Хорошим примером того, что выше названо «парадоксом» может послужить сделанная в 1992 году серия фотографий с говорящим названием «Морг», авторства Андреса Серрано. Серия представляет собой снимки анонимных тел, которые Серрано сделал в морге, оставшемся неназванным ввиду необходимости конфиденциальности. Фотограф запечатлел руки, участки кожи, частично фотографировал лица. Снимки носят название причины смерти «моделей», например «Инфекционная пневмония» или «Убийство». Мёртвые не способны дать согласие на становление произведением искусства, эту этическую проблему не

способно решить никакое кураторское решение. Работы Серрано выглядят эстетически привлекательно, он намеренно использовал в своих снимках чёрный фон, студийный свет, выстраивал композицию. Его целью было художественное исследование смерти. Человек, смотрящий на эту серию, может испытывать противоречивые чувства от самой эстетики кадра и от осознания того, что перед ним труп. «Морг» вызвал дискуссии, кто-то называл серию эксплуатацией, другие же придерживались мнения, что фрагментарность изображения и анонимность умерших являются проявлением уважения. Сам фотограф не дал чёткой концепции своей серии, он создал сложную, с этической точки зрения, работу, в таком случае, именно куратор и кураторский текст, а также драматургия выставки становятся основным ключом к пониманию зрителем смысла. «Морг» увидел свет в галерее Полы Купер, выставка спровоцировала дискуссии, но не вызвала скандала, как работа авторства того же Серрано "Piss Christ". Галерея стала пространством для обсуждений, а не полем боя. Так, на примере одного художника мы можем увидеть, как один и тот же автор в разных кураторских контекстах может быть по-разному воспринят обществом.

Институция способна дать пространство, но иммунитет от критики она не даёт, а скорее помогает общественности сфокусировать свой взгляд на проекте куратора и работах художников более остро и направленно. Музей повышает ставки, заостряет восприятие. Может ли куратор расширить границы зрительского восприятия? Да, однако, это не спасает от первичной негативной реакции, также куратору следует помнить, что эксплуатация темы или же её неуместная эстетизация границы не расширяют, а, напротив, заостряют их. Сохраняя уважительное отношение к репрезентации чувствительных тем, можно границы восприятия раздвинуть, вызвать этические дискуссии и обратить внимание на чувствительный вопрос.

Старкова Софья Валерьевна
к.филос.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Ожидание vs Реальность: требования к комплаенс-эксперту в условиях рынка

К настоящему моменту окончательно сформировался консенсус относительно необходимости системного подхода к комплаенс-стратегиям фирм. В России, где долгое время корпоративная социальная ответственность оставалась самостоятельной инициативой компаний, сформировались требования к устойчивому развитию бизнеса. К настояще-

му моменту разработана система рекомендаций ЦБ РФ по устойчивому развитию, Рекомендации ФАС по недопущению «гринвошинга», утвержден Проект постановления Правительства «Об утверждении стандарта отчетности об устойчивом развитии» и издан Приказ Мосбиржи от 24.09.2024 повышающий степень открытости компаний.

Все эти факторы привели к формированию запроса на эксперта в области комплаенса на рынке труда. На момент 30.09.2026г. в поиске по запросу «комплаенс» на сайте hh.ru отображалось 602 вакансии по городам России. Тем не менее, возникает вопрос о компетенциях данного специалиста.

Если ориентироваться на определение комплаенс-услуг, то предполагается, что такой специалист владеет крайне широким спектром компетенций. В комплаенс-контроль входит анализ юридических, финансовых, информационных и этических рисков компании. Для России особенно актуален также и санкционный комплаенс. В западной практике предполагается, что основной задачей такого специалиста является предотвращение рисков путем, настройки процессов внутри компании и инициативного поиска проблем этих процессов. Э. Фриман предполагал, что принимать решения, позволяющие компании снизить свои риски как агента общества должен «корпоративный философ»; человек с широким спектром аналитических навыков, способный выявлять взаимосвязи в большом количестве данных, работать вне протоколов и хорошо представлять запросы как внутренних, так и внешних стейкхолдеров компании. Эта позиция плотно связана, в первую очередь, с этическими компетенциями, т.к. работа комплаенс-менеджера часто сопряжена с социальным и профессиональным давлением: бизнес хочет «быстрее и дешевле», регулятор требует «строго и по букве», а общество ожидает «справедливо и безопасно», и для поиска этого баланса требуется значительный набор специальных навыков.

Однако, проведя частотный анализ с помощью ИИ (нейросеть DeepSeek) 51 вакансии из всего корпуса 602 позиций (были отобраны объявления с упоминанием ключевых слов «комплаенс» и «риск-менеджер» в названии вакансий), было обнаружено: 15 вакансий специализируются исключительно на финансовом комплаенсе; 11 на юридическом; 8 на санкционном; 2 на информационном и 15 вакансий универсальных специалистов.

При этом, фокус требований к специалистам ограничивается знанием весьма конкретных протоколов базового комплаенса (AML/CFT/ПОД/ФТ (115-ФЗ)) (41 вакансия), работы с личной информацией клиента (KYC/KYB) (38 в.), финансовый и валютный контроль (35 в.), санкционный скрининг (24 в.). Среди мягких навыков требуются: анали-

тическое мышление (46 в.), внимательность к деталям (36 в.), деловая коммуникация (34 в.) и пр. При этом, не для всех вакансий универсального комплаенса была указана необходимость навыков «аналитического мышления» (10/15 в.). Данный список навыков не позволяет полностью разрешить задачи, поставленные в рамках риск-комплаенса. Это подтверждает и частотный анализ функций, ожидаемых от комплаенс-менеджеров на рынке в России: проверка клиентов (38 в.), подготовка ответов на запросы ЦБ (27 в.), мониторинг операций (25 в.), разработка и актуализация внутренних политик (24 в.), санкционный скрининг (22 в.), проверка документов (21 в.).

Всё это говорит об отсутствии запроса у рынка на специалиста-прогнозиста, риск-аналитика широкого спектра. Приходится признать, что к настоящему моменту рынок ожидает от эксперта в области комплаенса, скорее, «ручного управления» рисками, нежели глубокого анализа структуры управления и работы с корпоративной этикой компании.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу».

Старкова Софья Валерьевна
к.филос.н., старший научный сотрудник
РГПУ им. А. И. Герцена

Генезис медицинской этики в России в XVIII в.: философские и социокультурные факторы

Врачевание в России имеет давнюю традицию европейского влияния. Немецкие специалисты были востребованы ещё в Царской России. С Петровским разворотом в сторону организации жизни в государстве по европейскому образцу, медицинская этика также претерпела ряд существенных изменений. Иммиграция врачей сформировала предпосылки для этоса, в котором служение больному мыслилось как моральное призвание, а не как ремесло; немецкие врачи, такие как Иоганн Спринцель, прибывали на русскую службу, принося с собой университетскую культуру и представления о врачебном долге.

В 1735м году в свет выходит «Генеральный регламент о госпиталях». Кроме нормативных рекомендаций количества санитарного персонала и норм питания пациентов, он фиксирует целую плеяду добродетелей врачебного персонала: богобоязненность, смирение, воздержанность, доброе отношение к больным предписываются главным лекарям (Гл. 4,

п. 1), лекарям (гл. 5, п. 1) и учениченикам (Гл. 6 п. 1). Отдельно для главного лекаря прописывается необходимость в «терпении и прилежании» (Гл. 3, п. 1), подлекарям — быть честными и учтивыми (гл. 5, п.1), ученикам — «не производить между собой ссоры» (гл. 6, п. 1), аптекарю вменяется трезвость и осторожность (гл. 7, п. 1), а комиссару надлежит быть доброму и экономному (гл. 8, п. 1). Упоминается также и вспомогательный госпитальный персонал: поваров, огородников, людей, занимающихся «очисткой нужников» рекомендуется «выбирать из добрых, трезвых, богобоязливых и усердных людей» (гл. 1, п. 8).

В регламенте закрепляется корпоративность, которая в дальнейшем позволит настроить уже университетский этос. В регламенте четко прописана иерархия персонала, в трудовых обязанностях каждого сотрудника закрепляются его подчиненные и руководители. Доктору и Комиссару требуется обходится друг с другом «дружелюбно и согласованно» (Гл. 1, п. 7).

Закрепляется социальная функция госпиталей; государство признает своей собственной ответственностью содержание инвалидов и пожилых людей до самой их смерти (гл. 10), что является свидетельством значительной гуманизации общества. Глава одиннадцатая фиксирует образовательную функцию: «через доброе наставление искусного Медика и Лекаря» готовятся будущие врачи.

На основании текущего консенсуса происходит уже дальнейшее развитие идей. Открытие университетов позволило врачам не только «очистить» знание от суеверий, но и переосмыслить границы допустимого в профессии. Так в «Слове о пользе прививной оспы» (1768) С.Г. Зыбелина впервые звучат ярковыраженные утилитаристские утверждения о том, что летальный исход как побочный эффект «прививной оспы» нравственно допустим. Зыбелин обращается к «принципу меньшего зла» и скрупулёзно высчитывает какие симптомы «выгоднее» для пациента и какой подход более полезен для общества.

М.Я. Мудров возвращается к документированию этической мысли, закрепляя в «Слове о благочестии и нравственных качествах Гиппократова врача» (1813 г.) моральные требования к будущим лекарям: любовь к ближнему, стремление к истине, услужливость, милосердие, уважение к личности (в медицинской тайне) и т.д.

Следует отметить и роль авторитета для формирования моральных требований к врачам: Мудров умер от холеры во время эпидемии, потому что лично проверял чем столуются его пациенты. Ровно также, собственным примером, обучал ответственному отношению к пациентам своих подчиненных Ф.П. Гааз. Биографы задокументировали множество историй пылкого сочувствия Гааза арестантам в пересыльной больни-

це. И результаты своих наблюдений Федор Петрович также стремился оформить в норму посредством работы в попечительском комитете о тюрьмах.

Таким образом, генезис медицинской этики в России XVIII века представляет собой сложный процесс, в котором соединяются европейское философское влияние, университетская корпоративность, государственное нормирование и личный нравственный выбор врачей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ №25-28-01296 Философско-физиологические синтезы XVII–XIX вв.: антропологические и социальные модели.

Старцев Николай Николаевич
ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические аспекты при увольнении отдельных работников по инициативе работодателя. Постановка проблемы.

Общие вопросы увольнения работника по инициативе работодателя приведены в статье 81 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), где в качестве оснований к увольнению работника предусмотрены нормы, связанные с негативной оценкой поведения работника и не связанные с его поведением. Среди последних — увольнение в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем; сокращение численности или штата работников; несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе, смены собственника имущества организации (в отношении руководителя, его заместителей и главного бухгалтера) и другие, предусмотренные в ТК РФ и специальных федеральных законах различные основания.

Акцентируем — все перечисленное не связано с совершением работниками дисциплинарных проступков, а вызваны иными, не связанными с негативным поведением работника, причинами. Кроме того, применение перечисленных оснований увольнения работника, может быть отнесено к любой категории, будь то несовершеннолетний или лицо с семейными обязанностями; работник предпенсионного возраста, отличный специалист, проработавший много лет и хорошо справляющийся со своими обязанностями или молодой, только начинающий свой трудовой путь, специалист. С подобными основаниями увольнения сталкиваются люди, в том числе, работающие в местах Крайнего Севе-

ра и приравненных к ним местностях и к перечисленным вопросам этического свойства добавляются реальные суровые условия жизни.

Расторжение трудового договора в перечисленных случаях вызывает помимо правовых, трудности этического характера, поскольку данные категории работников являются наиболее уязвимы, малообеспеченными и недостаточно социально защищенными. Надо прямо сказать, что в связи с наличием судебной практики по данным категориям дел, создается устойчивое мнение о недостаточной защищенности перечисленных категорий работников со стороны государства и общества правовыми механизмами, экономическими гарантиями и этическими нормами.

Недостаток правовых гарантий для одних, допущение нарушений (вольных или невольных) со стороны других, порождают многочисленную судебную практику, на примерах которой в докладе будут рассмотрены некоторые случаи для постановки обозначенной проблемы.

Сташевски Марк Зенонович
обучающийся магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Доверие, компетенции и теория частичного соответствия

В статье А. Байер, где она сформулировала моральный тест, который применяется к доверительным отношениям, особое место занимает информирование агентов относительно причин, по которым они могут доверять друг другу. Т.е. помимо всего прочего, следует иметь представление о компетенциях. Это достаточно интуитивное требование. Если вы доверяете человеку, то хотели бы знать о его способностях в той области, в которой вы ему доверяете. Представление о компетенциях определяет требования и специфику доверительных отношений. Обычно мы доверяем людям в конкретных областях, однако мы бы не оказывали доверия, если бы считали, что им не хватает соответствующих навыков. При этом доверие редко бывает абсолютным, мы чаще сталкиваемся с примерами А. Байер, где доверие распространяется на конкретную область. Однако с этим пунктом есть определенные трудности, которые связанны с ответственностью. Допустим, что вы доверили секрет, полученный от третьего лица, своему другу, зная о том, что он не способен хранить тайны. Возможно, это произошло т.к. вы доверяете ему во многих аспектах и конкретно в этом случае забыли о его проблеме с сохранением секретов. Доверие в данном случае не явля-

ется оправданным и обоснованным, но можно ли возлагать ответственность на:

(1) того, кто оказал доверие, без опоры на компетенции

(2) друга, который не оправдал оказанного доверия и рассказал секрет

Эта проблема во многом похожа на ту, что отмечает Д. Парфит и в целом относится к теории частичного соответствия. Я предполагаю, что несмотря на то, что проявление доверия не было обоснованным, это не позволяет предавать доверия и нарушать обязательства. Для этого я рассмотрю две точки зрения, которые были представлены в работе Х. Кугельберга и З. Стемпловска.

Во-первых, это теория безразличия, которая предполагает, что нарушение обязательств со стороны других агентов в целом не меняет ситуации. Для расчета не имеет значения, могут ли другие люди выполнить требования или сознательно выбирают не выполнять их. Однако, факт того, что другие не исполняют свои обязательства имеет значение в оценке издержек, которые будут нести те, кто выполняют требования. Во-вторых, это теория справедливого или честного распределения. Непосредственно те, кто не следуют правилам несут моральную ответственность за несоблюдение правил, а не те, кто соблюдал их. Соответственно, неправильно налагать возникающие издержки на всех, в том числе и на соблюдавших правила. Ответственность несут только те, кто не следовал правилам, без наложения обязательств на соблюдавших.

Возвращаясь, к примеру, в нем в любом случае присутствует нарушение требований т.к. проявление доверия со стороны (1) не было обоснованным, однако я предполагаю, что это не является разрешением для дальнейшего нарушения правил. С точки зрения теории справедливого распределения (2) не несет никакой ответственности за действия (1), но с ней могут возникнуть некоторые трудности т.к. мы должны сначала признать, что было заранее установлено распределение, но оно было нарушено, поэтому индивидуальные обязанности исчезли. Но при этом обязанности, лежащие на отдельных лицах, определяются не только исходя из первоначального распределения, но и исходя из того, что еще предстоит сделать в свете действий других. Если же мы обратимся к теории безразличия, то моральные обязательства не изменились, даже при допущенной ошибке. Статус несоблюдающих правил лиц, не ставится под сомнение, когда мы признаем, что их действия влияют на то, что должны делать другие. В том числе, когда это означает, что они должны нести большие издержки, но из этого не следует послабление правил для остальных. Я могу сказать, что в довери-

тельных отношениях ошибка, с любой стороны, не позволяет пользоваться чужим доверием. Если агент не может оправдать доверия в связи с отсутствием необходимых компетенций, он должен информировать об этом, но не нарушать оказанного доверия. Ошибки другой стороны, могут быть причиной для разрыва доверительных отношений, но не разрешением предавать их.

Степанов Андрей Юрьевич
преподаватель
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Традиции офицерского корпуса России и пути их реализации в современных условиях

Россия традиционно держится Армией и Флотом, которые по праву считаются её самыми надежными союзниками и защитниками. А лицо армии и флота всегда определяет офицерский корпус — стержень армии, основа её существования. Именно он концентрирует и воплощает в себе национальные военные традиции, вырабатывает преемственность поколений носителей славы Отечества.

Современные офицеры, будучи потомками офицеров русской армии, являются продолжателями их важнейших традиций, доставшихся им в наследство.

Проблемы офицеров в предыдущие исторические эпохи и офицеров нынешней армии имеют близкое сходство, а соответственно и пути решения этих проблем также лежат в одной плоскости. Передовой опыт свидетельствует о высокой эффективности воспитания офицеров на традициях Русской армии, изучению и теоретико-методологическому обоснованию которого уделяется недостаточно внимания.

Традиции, обладая преемственностью, устойчивостью, исторической обусловленностью, типичностью, целостным характером, наличием общественного мнения, как основой психолого-педагогического функционирования, являются уникальным педагогическим средством для воспитания офицерского корпуса России.

Анализ педагогического процесса воспитания офицеров на традициях дает основание наиболее четко представить актуальность данной проблемы, которая обусловлена, в первую очередь, необходимостью более активного использования традиций в основных видах деятельности офицера. Возврат к прогрессивным офицерским традициям, их популяризация, особенно традиций чести и доблести, товарищества и заботы о личном составе, личного примера и культуры, использование

фактического материала в работе с различными категориями военнослужащих, и, прежде всего, в суворовских училищах и кадетских корпусах, военных училищах и институтах, академиях и университетах, позволит сделать офицерскую службу более привлекательной, будет способствовать притоку в нее достойного пополнения.

В «Концепции воспитания личного состава Вооруженных сил Российской Федерации», в общих целях воспитания военнослужащих (подразумеваем — курсантов) как граждан правового и демократического государства, подчеркивается: «Главная цель воспитания — развитие качеств личности гражданина, воина, отвечающих государственным интересам Родины, формирование у личного состава моральной и психологической готовности к защите Отечества, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, дисциплинированности, гордости и ответственности за принадлежность к Вооруженным Силам Российской Федерации. Оно призвано обеспечить формирование и поддержание высокого уровня морально-политического и психологического состояния воинов, крепкой дисциплины и правопорядка, обеспечивающих постоянную готовность Вооруженных Сил Российской Федерации к отражению агрессии противника».

Стецкевич Елена Сергеевна
доцент, к.и.н., доцент
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС

Проповедь христианской добродетели подчинения в творчестве Х. Мор

Творчество английской писательницы Ханны Мор (1745–1833) в России практически неизвестно. Между тем её произведения в конце XVIII — первой трети XIX в. пользовались в Англии весьма широкой известностью. Особенно это касается её сочинений, нацеленных на низшие слои общества и направленных в защиту английской модели «старого порядка», предполагавшей доминирование земельной элиты и иерархическое устройство общества. Жизнеспособность этой модели в 1790-е гг. была подвергнута сомнению Французской революцией, получившей горячий отклик в Англии. В этих условиях религия, и прежде всего государственное англиканство, стали в гораздо большей степени, чем раньше, рассматриваться в качестве опоры существующего порядка. В проповедях англиканских священников акцент был смещён на проповедь подчинения власти. По просьбе премьер-министра У. Питта-Младшего к Мор

обратился лондонский епископ Б. Портеус, предложивший ей написать «что-либо способное открыть глаза низшим слоям общества» на недопустимость принятия современных французских представлений о свободе и равенстве. Мор приняла вызов, опубликовав в 1792 г. небольшой трактат «Сельская политика», в 1795–1798 гг. серию историй, баллад и поучений «Хранилище дешевых трактатов», получивших продолжение в 1819 г. с подзаголовком «подходящие для настоящего времени».

Мор принадлежала к активно развивавшемуся в Англии этого времени евангелическому течению в англиканстве, делавшему акцент на личном обращении и строгом следовании христианским моральным нормам. Все её сочинения, адресованные низшим классам, пронизаны мыслью о незыблемости существующего порядка и религии как его важнейшей моральной опоре. В «Сельской политике», построенной как диалог двух сельских жителей — благонамеренного Джека и увлеченного лозунгами Французской революции Тома — проводится мысль о том, что сокрушение религии по ту сторону Ла-Манша не имеет оправданий, так «лучше иметь плохую религию (католицизм — Е.С.), чем не иметь никакой». Джек убеждает Тома в «естественности» неравенства, установленного Провидением, и предлагает ему думать не о правах человека, а о спасении души, читать Библию и ходить в церковь. В конце концов уверив Тома в пагубности перенесения французского «безбожного» опыта в Англию, Джек резюмирует: «Если ты хочешь показать свою любовь к своему королю и стране, надо не пить и устраивать бунты, но применять на практике текст, на который наш священник проповедовал в прошлое воскресенье: "Старайся быть тихим, работай своими руками и занимайся своими делами"».

Самый известный из числа текстов, вошедших в «Хранилище дешевых трактатов» — «Пастух Солсберийской равнины». Главный герой — бедняк-пастух, преисполненный тем не менее чувства собственного достоинства и вполне довольный своей жизнью. Он заявляет, что «Бог определил бедность как почетное состояние», и это утверждает Библия, являющаяся для него «едой, питьем и компанией».

Наконец, в трактатах, изданных в 1819 г. в связи с необходимостью противодействия радикальному движению за парламентскую реформу, Мор вновь подчёркивает значимость подчинения вышестоящим как христианской добродетели. Она призывает противиться попыткам «атеистов» поколебать веру и существующий «богоустановленный» порядок.

Произведения Мор издавались огромными тиражами и несомненно, находили свою аудиторию. Об их прямом воздействии на низшие слои общества судить трудно, однако они прекрасно иллюстрируют факт обращения в английском обществе времен заката «старого порядка» к проповеди религии как основе политической стабильности.

Стецкевич Михаил Станиславович
доцент, к.и.н., доцент кафедры общественных наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Возможно ли примирение?
Англиканские теологи начала XIX в. и римский католицизм

На протяжении большей части XIX в. английское общественное мнение продолжало сохранять негативный настрой в отношении римского католицизма, хотя и не в такой степени, как в предшествующем веке. Часть англиканских теологов, особенно прямо или косвенно связанных с Оксфордским движением внутри Церкви Англии, начавшемся в 1833 г., напротив, со всё возрастающей интенсивностью стала искать точки соприкосновения с Римом («Иреникон» Э.Б. Пьюзи, 1864 – 1870), а некоторые в итоге предпочли римский католицизм англиканству (Дж.Г. Ньюмен, 1845). Однако тенденция к сближению с Римом имела и свою предысторию. В первой трети XIX в. появилось как минимум пять трактатов, в которых вопрос о возможности достижения союза Церквей Англии и Рима рассматривался в теоретическом или практическом плане. Авторами почти всех текстов были англиканские священники. Во всех этих трактатах звучало осуждение схизмы, говорилось о необходимости достижения единства англикан и римских католиков, выдвигались разнообразные предложения по его практической реализации.

Трактат епископа Дарэмского Ш. Берингтона «Основание для союза между Церквями Англии и Рима» (1809 – 1810) отличается наиболее жесткой позицией в отношении римских католиков. По его мнению, разногласия между ними и англиканами весьма существенны, а говорить о союзе можно будет только после отказа католиков от своих «заблуждений», в частности, почитания святых даров, причастия мирян под одним видом, молитв ангелам и святым, абсолютизации папского авторитета.

Викарий С. Уикс в своих «Рассуждениях о необходимости Собора Церквей Англии и Рима» (1818) призывал уже к взаимному смягчению позиций, полагая разногласия скорее мнимыми, чем существенными. Он акцентировал внимание на ошибочном понимании англиканами некоторых римских практик, являющихся скорее проявлениями народного католицизма. По мнению Уикса, англикане могли склониться к более широкой интерпретации некоторых вероучительных положений, в частности, об истинном присутствии Христа в евхаристии.

Ирландский англиканский богослов А. Нокс в опубликованном частном письме (1824) после высокой оценки многих аспектов учения Римско-католической церкви признал объединение с ней невозможным в силу её авторитарности и отступления от традиций Древней Церкви.

В двух проповедях «О схизме» (1829) священник У. Харнесс подчеркивал, что Реформация в Англии была вызвана прежде всего желанием выйти из-под «иностранного контроля». По его мнению сама Римская

церковь разорвала отношения с Церковью Англии, но сейчас необходимо стремиться к союзу, поскольку «существует множество точек соприкосновения», а «противоречия не настолько непримиримы», чтобы их нельзя было решить в духе любви и милосердия.

Весьма комплиментарным в отношении Римско-католической церкви оказался трактат А. Персеваля «Христианское мирное предложение» (1829). Называя католиков «сыновьями…хоть и заблуждающейся, но старшей сестры во Христе» Персеваль подробно разбирал важнейшие различия, и практически во всех случаях находил точку зрения католиков не столь существенно расходящейся с англиканской или как минимум «безвредной».

Однако, при различии подходов к идее объединения Церквей и возможности его практического осуществления все авторы исходили из того, что Римская Церковь, как и Церковь Англии, не смотря на свои «заблуждения», является частью Вселенской (Католической) Церкви Христовой. Такой взгляд для XVIII в. был редкостью, теперь же, не смотря на сохранявшееся обилие анти-католической литературы, обозначился достаточно явно. Тем самым создавалась почва для более позитивного взгляда на Рим и стремления к диалогу с ним, а в ряде случаев (Дж.Г. Ньюмен, Дж. Уорд, Ф. Оукли) и к переходу в его лоно, характерных для Оксфордского движения.

Проект РНФ № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX – начала XXI вв.».

Стыцура Владимир Андреевич
курсант
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Уроки истории как путь к нравственному совершенству

Школьная тема в советском кино всегда была связана с решением моральных проблем образовательного процесса, показывая столкновение живого человека с системой, стремящейся подровнять всех под общий стандарт. Должен ли учитель быть частью «машины образования» или прежде всего человеком, отвечающим за нравственное воспитание учеников? Некоторые полезные ответы на актуальный для наших дней вопрос о сохранении исторической памяти можно найти в советских фильмах, где одним из главных героев стал учитель истории.

В фильме Станислава Ростоцкого «Доживём до понедельника» (1968) одна из основных сюжетных линий связана с тем, что учитель истории Илья Семёнович Мельников конфликтует с формализмом школьных установок. Он не требует от своих учеников заученных фраз о будущем, а настаивает на их честности, даже если это неудобно для школьной программы. Итогом его воспитания является сочинение ученицы, напи-

савшей, что она не хочет никакого особенного счастья, кроме простого человеческого. Коллеги героя считают это почти идеологической ошибкой. Мельников же видит здесь не проступок, а подлинную мысль, и защищает право подростка на собственное суждение. Этика фильма строится на противопоставлении системной добродетели и живой совести.

Фильм «Большая перемена» (1973) режиссёра Алексея Коренева развивает ту же мысль, хотя моральная проблематика и скрывается здесь под жанром комедии. Молодой учитель Нестор Петрович Северов приходит работать в вечернюю школу, где учатся молодые рабочие. Формально он должен передать им знания по программе, но реальная задача иная, она состоит в том, чтобы не унизить человека положением «отстающего», а разглядеть в каждом ученике личность с собственным достоинством. Комичные ситуации, в которые попадает герой, подчёркивают главную мысль, что учитель и ученик здесь равны как люди, несмотря на разницу в возрасте и статусе.

Оба фильма сходятся в одном, а именно, что образование не сводится к передаче знаний и выполнению плана, оно неотделимо от морального выбора. «Хороший» учитель здесь всегда идёт против формального требования системы ради человека: Мельников ради честности своих подопечных, Нестор Петрович ради достоинства взрослых учеников. «Машиной образования» в этих фильмах выступает не сама школа, а обезличенный и бездушный подход к педагогике, которому противопоставлена живая этика отношений учителя и ученика.

Проблема не теряет актуальности и сегодня, когда образование всё чаще оценивается через формальные показатели, такие как баллы и рейтинги. Советские фильмы напоминают, что для сохранения исторической памяти за цифрами и фактами должен стоять живой человек, а задача учителя — воспитывать личность, способную к самостоятельному нравственному суждению.

Субботина Мария Владимировна
к.социол.н., ассистент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИИ как социальный вызов: параметры, риски, этика

Активное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед обществом ряд вызовов: ИИ меняет социальную структуру, трудовые отношения, коммуникацию и культуру и больше не воспринимается исключительно как технический инструмент, требуя комплексного анализа с учетом социальных параметров, рисков, этических и управленческих вопросов.

Социальные параметры ИИ — это показатели, которые отражают трансформации общественных отношений под влиянием технологий. Рассмотрим их на трёх уровнях. Микроуровень: изменение навыков, алгоритмическая зависимость, кризис идентичности и доверия, цифровое неравенство, приватность. Мезоуровень: автоматизация труда, платформенный контроль, алгоритмический менеджмент, неравенство при найме, утечки данных. Макроуровень: структурная безработица, технократизация управления, коллективные идентичности, институциональное доверие, глобальный дисбаланс данных, национальная безопасность. Социальные параметры ИИ пересекаются с ключевыми социологическими категориями. Анализируя ИИ через призму классических социологических теорий (Дюркгейм, Вебер, Маркс, Бурдье), можно увидеть, что ИИ переформатирует разделение труда, власть, капитал и статус. Современные теории (Гидденс, Кастельс, Бауман, Теркл) дополняют эту картину: меняются мобильность, сети коммуникаций, человеческая идентичность, доверие и общение. Трансформируются представления о неравенстве, приватности, моральных нормах, справедливости.

Социология риска (Гидденс, Луман, Бек, Дуглас) напоминает, что современные риски рукотворны, глобальны и неравномерны. Существуют риски предвзятости алгоритмов, утечки данных и непрозрачности использования пользовательских данных. Внедрение ИИ порождает технократизацию и дегуманизацию; меняет географию занятости; размывает границы и угрозы национальной безопасности; формируются «техносубъекты» — технические системы, проявляющие признаки субъектности: они способны на автономные действия, целеполагание и взаимодействие с окружающим миром. При этом не всякая система субъектна. Можно выделить четыре типа: инструмент (калькулятор, поисковик), квазисубъект (рекомендательная система, спам-фильтр), гибридный актор (человек + ИИ в медицине, образовании) и автономный техносубъект (беспилотник, бот-агент). Чем выше субъектность, тем сложнее модели ответственности и острее вопрос о распределении рисков.

Эти вызовы влекут за собой этические вопросы: кто отвечает за ошибки ИИ; как сохранить приватность; можно ли считать творчество ИИ искусством и равноценно ли оно творчеству человека; допустимо ли вытеснение креаторов.

Для управленческого анализа риски ИИ можно описать через такие параметры как вероятность, тяжесть, обратимость, охват и приоритет: к высокоприоритетным относятся предвзятость алгоритмов, утечки данных и размывание занятости, требующие аудита данных, антидискриминационных норм, защиты информации, переобучения и социальных гарантий; к рискам средней вероятности, но высокой тяжести — дегуманиза-

ция и технократизация, против которых нужны этические стандарты, гуманитарная экспертиза, демократический контроль и прозрачность; особое место занимают автономные техносубъекты, где вероятность может быть ниже, но тяжесть критическая, обратимость отсутствует, а охват глобален, что требует международного регулирования и сертификации. При этом, важно отметить, что угрозы ИИ неравномерны, поэтому управление не может быть универсальным: для разных типов рисков нужны разные механизмы — от технических стандартов и аудита до международных соглашений и социальной политики.

Таким образом, социальные параметры ИИ представляют собой измеримые индикаторы, которые необходимо выделять и подробно анализировать, социология риска позволяет сформировать карту угроз, этика обращает внимание на нормативные ориентиры, управление предоставляет механизмы защиты. Таким образом, только комплексный подход позволит использовать потенциал ИИ на благо общества.

Сунами Артем Николаевич
доцент, к.полит.н., доцент кафедры конфликтологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Конфликт государства и наркорынка в контексте традиционных ценностей

Нельзя не заметить произошедшее за последние годы целенаправленное возвращение во властный дискурс ценностно окрашенных категорий и постепенное складывание, пусть и не претендующей на монополию, государственной идеологии, в основании которой лежит концепт традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Именно в контексте сформированных к настоящему времени в этой области основных принципов государственной политики мы рассмотрим этический инструментарий государства в конфликте с наркорынком.

Систематизация и усложнение морфологии концепта традиционных российских духовно-нравственных ценностей за последнее десятилетие достигла высоких значений, свидетельством чего является окончательное складывание его в доктрину, оформившуюся в виде принятых в 2022 году «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Что касается темы наркотиков, может сложиться впечатление, что она упоминается в Основах вскользь, между тем, анализ всего текста в совокупности позволяет сформировать более целостное восприятие. Антагонистом традиционных ценностей в документе выступает «деструктив-

ная идеология», которая определяется как «чуждая российскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей». Набору традиционных ценностей, деструктивная идеология противопоставляет свой набор ценностей-антиподов. В свою очередь, распространение деструктивной идеологии влечет ряд рисков, одним из которых является «внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков». Соответственно, такая регистрация наркотиков как элемента, противопоставленной российским ценностям, деструктивной идеологии не оставляет сомнений в том, что этим документом, власть, с одной стороны, четко и недвусмысленно манифестировала ценностный конфликт российского общества и наркорынка, с другой, взяла на себя обязательство последовательно это противодействие осуществить.

Следует отметить, что процесс обмена между полями антинаркотической политики и духовно-нравственных ценностей состоит не только в инсталляции темы наркотиков в контексты защиты традиционной морали. Происходит и обратная транзакция, результатом которой является инкорпорирование ценностных положений в регламенты антинаркотической политики. Так, в действующей редакции Стратегии антинаркотической политики появляется понятие антинаркотическая идеология, как «совокупность политических, религиозных, научных, культурных и других взглядов, основанных на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и выражающих негативное отношение общества к незаконному потреблению и незаконному обороту наркотиков». Итак, можно диагностировать, что встречное движение борьбы с наркорынком и деятельности по сохранению традиционных ценностей, в конечном счете, фактически, консолидировали их в общий пакет, в рамках которого те или иные положения диффузивно перемещаются из одного кластера в другой.

Сургутанов Гордей Олегович
обучающийся бакалавриата
Уральский федеральный университет

Власть и свобода: моральная субъектность против логики предсказуемости

Личность — не субстанция, скрытая внутри человека, и не иллюзия, порождаемая институтом. Личность — это практика, производящая поле возможных поступков там, где институциональный порядок стремится схлопнуть его до одной опции. В центре внимания — случай, не полу-

чивший объяснения: 13 июля 1942 г. командир резервного полицейского батальона 101 перед расстрелом мирных жителей местечка Юзефув предложил не готовым участвовать в акции выйти из строя. Из почти пятисот человек первым это сделал один — Отто-Юлиус Шимке (Browning, 1992, p. 57). Случай Шимке позволяет заново поставить вопрос об основаниях моральной субъектности.

Классические объяснения массового соучастия в насилии — вульгарная рецепция «банальности зла», эксперименты С. Милгрэма, моральное отстранение (Arendt, 1963; Milgram, 1974; Bandura, 2002) — исходят из субстанциальной модели личности с готовой моральной инстанцией, которую институт «отключает» или обманывает. Альтернативу даёт М. Фуко: дисциплинарный институт не выключает готовую совесть, а производит определённый тип субъекта (Foucault, 1982). Но тогда возникает парадокс: если субъект — продукт власти, возможна ли его личная вина в смысле К. Ясперса (Ясперс, 1999)?

Разрешение парадокса лежит в фукольдианском различении власти и насилия. Насилие действует напрямую: результат наступает независимо от реакции объекта. Власть, напротив, есть «действие на действие»: она необходимо проходит через реакцию того, на кого направлена, и «осуществляется только над свободными субъектами и только поскольку они свободны» (Foucault, 1982, p. 790). Отсюда вывод: формальная альтернатива, которой располагал Шимке, — не случайное послабление давления, а условие того, чтобы назвать его властью, а не насилием. Тяжесть давления и открытость альтернативы — разные оси одной ситуации. Будь отказ автоматической смертью, перед нами было бы насилие, снимающее ответственность; поскольку это не так, она снята быть не может.

Эмпирически за десятилетия послевоенных процессов не задокументировано ни одного случая, чтобы отказ убивать безоружных мирных жителей повлёк неотвратимое смертное наказание (Browning, 1992, p. 170); этот факт признают обе стороны дискуссии о мотивах исполнителей (Goldhagen, 1992). Ни личностные диспозиции, ни демографические переменные не отличают отказавшихся от большинства. Это не пробел в инструментарии: искомое различие принадлежит не общему закону, действующему на популяцию, а единичной, не обобщаемой на класс истории конкретного человека.

Отсюда тезис о личности. Личность Шимке не была измеримым заранее резервом, который «сработал» в нужный момент: поле возможных действий не используется, а производится — практика впервые делает формально существовавшую альтернативу видимой и физически доступной для тех, кто рядом. Вслед за Шимке из строя вышли ещё десять-двенадцать человек (Browning, 1992). Тяжесть давления не отменяет от-

ветственность, но определяет её меру: градация вины у Ясперса (от политической до метафизической) позволяет удержать ответственность за большинством, не уравнивая её с ответственностью тех, кто прошёл сквозь предельно суженное, но не закрытое поле выбора.

Тезис верен, пока верен эмпирический факт отсутствия казней за отказ; его опровержением была бы не индивидуальная биография Шимке, а обнаружение общей для всех отказавшихся переменной.

Сушков Анатолий Александрович
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Вера и испытание: нарратологический анализ переосмысления Книги Иова в фильме А.Т. Йенсена «Адамовы яблоки»

Фильм Андерса Томаса Йенсена «Адамовы яблоки» (2005) рассказывает историю встречи двух людей в маленьком приходе: Адама, неонациста, атеиста и циника, и Ивэна, священника и глубоко верующего человека, который пережил тяжёлые испытания, но сохранил непоколебимую веру в божественный промысел. Адам, движимый желанием доказать несостоятельность иррациональной веры, систематически подвергает Ивэна испытаниям, стремясь убедить последнего в абсурдности его убеждений. Однако все его попытки терпят крах: Ивэн не только выдерживает все удары судьбы, но и показывает Адаму ту экзистенциальную опору, которая скрывается в глубинах подлинной веры, и наделят жизнь бывшего радикала новым смыслом.

Кинолента предлагает нетрадиционное прочтение библейской истории Иова, перемещая этический дискурс с теодицеи и невинного страдания на проблему морального статуса веры без рациональных оснований и этики испытания другого человека. Нарратологический анализ этого переосмысления позволяет выявить, как именно формальные структуры повествования конструируют новые этические вопросы, которые остаются неартикулированными в исходном библейском тексте.

Библейский Иов ставит перед читателем вопрос о справедливости: как совместить существование невинного страдания с благостью бога. Ответ, данный из бури, утверждает превосходство божественного порядка над человеческим разумением, но не объясняет зло логически. В фильме этот вопрос трансформируется. Ивэн, пастор с верой в благость мира, не спрашивает, почему он страдает — он отказывается видеть происходящее как страдание вообще. Его вера функционирует не

как механизм примирения со злом, а как защита от восприятия реальности. Это смещает этический объект анализа: вместо проблемы справедливости мира появляется проблема эпистемической ответственности веры — имеет ли право убеждение противоречить фактам и остаётся ли оно моральной позицией, если оно основано на отрицании очевидного. Однако фильм осложняет эту постановку, предлагая парадоксальный вывод: вера Ивэна, при всей её иррациональности, обретает статус средства выживания в мире без ответов. Вопрос перестаёт быть логическим и становится этическим: допустимо ли насилие над такой верой ради её рационализации и разоблачения, если эта вера приносит удовлетворение человеку и несёт благо окружающим?

Второе смещение касается позиции испытателя и переосмыслении самого феномена зла. В библейском тексте испытание Иова инициируется сатаной и санкционируется Богом, оставаясь вне зоны морального осуждения. Фильм встраивает испытателя Адама в повествование, делая его конкретным человеком с собственной историей травмы. Его эксперимент над Ивэном обретает новое этическое измерение: инструментализация чужого страдания, использование другого человека как средства проверки собственной гипотезы о мире. Это порождает парадокс: если в Книге Иова зло не объясняется, но является космическим испытанием, то в фильме зло получает конкретное лицо — оно становится насилием над личными убеждениями другого в попытке доказать их несостоятельность. Таким образом, фильм не разоблачает наивность Ивэна, а выявляет неэтичность позиции Адама. Не случайно именно он в финале остаётся сломленным: его стратегия испытания потерпела крах. Ивэн не просто преодолел испытания — он предложил Адаму свою систему ценностей, которую тот искал, показав, что вера может быть не иллюзией, а формой жизнестойкости. Именно на позиции Ивэна, а не Адама, концентрируется развязка фильма, что перетягивает этическую ответственность с жертвы на тестирующего, с веры на насилие над верой.

Сычев Андрей Анатольевич
профессор, д.филос.н., профессор
ВГУЮ (РПА Минюста России), МГУ им. Н.П. Огарёва

ИИ: другой, двойник, чужой?

Другой может быть похожим на меня, но не мной или моим оппонентом. В цифровом мире понятия двойника и чужого получают новые смыслы. ИИ позволил создать сложные виртуальные модели, в том числе цифровых двойников людей. Изучив цифровые следы прототипа, он

может копировать стиль, воспроизводить привычки, симулировать реакции, принимать схожие решения в аналогичных ситуациях. Это позволяет заменить человека в сети автономной самообучаемой копией. ИИ работает актером, судьей, оператором колл-центров и БПЛА, пишет диссертации, побеждает в творческих конкурсах, назначает свидания, ведет переписку, позволяет экономить время. ИИ — это нейтральный инструмент, но он может влиять на социальное взаимодействие, трансформируя его к лучшему или худшему. Поручая ИИ задачи общения и получения знания, человек исключает себя из этих практик, теряя важные навыки. Так использование ИИ для оптимизации деловой переписки создает барьеры для живого общения, подменяя его и шаблонами. При этом не только ИИ учится у людей особенностям деловой коммуникации, отбирая клише, но и человек, принимая это как норму, начинает использовать шаблоны, не желая утруждать себя вопросом составления персонального послания. Эта проблема существовала и до ИИ, но его распространение значительно усугубило ее. ИИ персонализируя информацию, замыкает человека в «пузыре фильтров» — за барьером из его двойников, отсекающих иные позиции, и до него не доходит чужое мнение. Человек, проецируясь в виртуальность, отчуждает часть функций и сущностных характеристик в пользу ИИ: Двойникам делегируется общение и познавательная деятельность. Это яркий пример того, как творение человека, приобретая относительную самостоятельность, подменяет его в разных сферах жизни и даже оборачивается против своего творца как разрушительная сила («Голем»). В цифровом мире человек все чаще представлен копией, а сам мир, заполненный копиями, постепенно становится «цифровым двойником» общества. ИИ отзеркаливает не только достоинства, но и недостатки мышления обобщенного человечества и эффективность со здравомыслием, и предрассудки с предубеждениями среднестатистического пользователя. Двойник становится чужим. Технофобы пророчат конец света по вине ИИ. В популярной культуре описывается будущее, где человечество порабощено машинами. Но ИИ выгоден и удобен, и вспышки массового цифрового неолуддизма даже ради освобождения потомков от ига машин маловероятны (если государство не возглавит технофобов и полностью не отключит интернет с электричеством). Определение онтологически чужого важно для осознания идентичности человека, традиционно противопоставленной природным характеристикам — животным, примитивным, диким, нецивилизованным. Парадигма сменится если онтологически чужим станет ИИ с его холодным расчетом, и запрограммированной шаблонностью. Тогда уже человек с другими животными будет трактоваться как нечто природное, иррациональное, субъективное, эмоци-

ональное, нестандартное. Двойник и чужой — два полюса другости, в поле между которыми возможна позиция, где другой ни идентичен, ни чужд мне. Отличаясь от меня, он представляет точку зрения, которая дополняет и корректирует мою. Она необходима мне именно как другая. Такое отношение к ИИ, возможно, если возникнет вопрос о его признании. Хотя сложно вовлечь: в диалог ИИ как другого, все же можно вовлекать в него тех, кто спорит по поводу ИИ. В дискуссии технофобы и технооптимисты могут прийти ко взвешенному подходу к ИИ, определить границы его применения, не раздувая паник и не жертвуя человечным. Впрочем, особенности ИИ как другого можно искать не между оппозициями, а в признании ИИ внутренне противоречивой частью культуры. Многие научные тексты с шаблонной структурой и клише, в том числе доцифровой эпохи, объективно нельзя отличить от сгенерированных ИИ. Возможно, ИИ стал оборотной, «теневой» стороной нашего сознания, в чем мы боимся признаться.

Тогда это другой внутри меня, часть моего ума, вывернутый наизнанку Der Schatten, шаблонное Das Man. У ИИ нет сознания, т.к. он — часть нашего сознания, и, лишь признав ее, мы обретем целостность.

Сычев Андрей Анатольевич
профессор, д.филос.н., профессор
ВГУЮ (РПА Минюста России), МГУ им. Н.П. Огарёва
Фофанова Катерина Владиславовна
профессор, д.социол.н., профессор
МГУ им. Н.П. Огарёва

Отношения Я и Другого в эпоху искусственного интеллекта

Противопоставляя Я другому, под этим «другим» мы можем понимать или обобщенное нечеловеческое «Другое», или же конкретного «Другого», «Другую». «Другое» понимается здесь как внешний мир: предметы, природа, технологии — всё, что окружает меня, но чем я не являюсь. «Другой», «Другая» в этом контексте — это иной человек: тот/та, кто вступает в диалог со мной отвечает на мои вопросы, кто задаёт мне рамки, социальные нормы, культурные коды и глазами которого я смотрю на себя. Человек осознает себя, становится индивидуальностью, обретает бытие, лишь противопоставляя себя другому. Отношение я — другой исходная точка для моего позиционирования в реальности, моего самоосознания как уникальной личности, отличной от мира и других людей. Проблема, возникшая с появлением ИИ, связана не с тем, что он является другим, а в том, что он встраивается в отношения меня и другого,

тем самым трансформируя мои представления о себе и мире, а значит деформируя и меня самого.

«Другое» есть внешний мир, природа, технологии. Наше отношение к окружающему миру может быть различным: потребительским, прагматическим, созерцательным, но, прежде всего, познавательным: чтобы взаимодействовать с ним, мы должны иметь о нем представление.

Научный подход к познанию мира предполагает, что познающий субъект в своих умозаключениях основывается на объективных эмпирически проверяемых фактах. Если ИИ встраивается в этот процесс, он подменяет факты усредненными мнениями. Он не проверяет факты, а основывается на суждениях большого количества людей. Если мнения большинства не соответствуют фактам, ИИ просто придумывает их, ссылаясь на несуществующие исследования. Если человек смотрит на мир через призму ИИ, он фактически смотрит на картину мира, сконструированную на основе представлений среднестатистического большинства, воспринимая не столько факты, сколько предрассудки, препятствующие адекватному познанию мира. Фактически ИИ становится идеальной средой для культивирования бэконовских «идолов». В результате Я противополагает себя не реальному миру, а усредненным мнениям о нём, что влияет на представления человека о себе и своей природе. ИИ, выступая барьером между человеком и миром, заменяет достоверное знание (episteme) расхожим мнением (doxa), и тем самым искажает природу человека, усредняя его мышление и ослабляя его индивидуальность. Кроме того, полагаясь на информацию ИИ, человек начинает относиться к ней менее критично, то есть научное мышление сменяется квазинаучным, основанном на предрассудках и необоснованных догмах.

В структуру жизненного мира человека входит не только внешний предметный, но и совместный мир, определяющий социальную природу человеческого существования, где человек — не только созерцающий субъект, но и деятель, взаимодействующий с другими людьми; это совместное бытие-в-мире связано с социальной природой человека.

ИИ встраивается в эти отношения, трансформируя их. Использование его для автоматизации коммуникации деперсонализирует общение. Получая письма с типичными академическими деловыми клише, такие как приглашения на конференции, часто осознаешь, что они написаны ИИ и рассылаются по списку, а имя адресата вставляется в них автоматически. Если адресат лично знаком с отправителем или он — авторитетный специалист в соответствующей области, он вправе рассчитывать на более внимательное отношение к себе и определенное уважение, а не довольствоваться ролью объекта массовой веерной рассылки, где все сложное социальное взаимодействие сводится к

обезличенной передаче стандартизированной информации. Можно ли узнать первое письмо Элоизы Абеляра после правки его ИИ? Ценность переписки Абера и Элоизы состоит в том, что она повлияла на представления о любви в европейской культуре. ИИ превращает трагедию их переживаний в рутинную передачу информации с помощью клишированных оборотов, заслонившие истинные чувства, связавшие влюбленных.

Таким образом, ИИ не становится другим, с которым можно вести диалог: он только встраивается в наши отношения с другим, изменяя их, а значит и изменяя нас самих в той мере, в какой наше бытие зависит от другого.

Сыченко Анна Александровна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Можно ли защитить достоинство против воли человека?

В 1995 г. Государственный совет Франции признал допустимым запрет так называемого dwarf tossing, развлечения, состоявшего в бросании человека с карликовостью, несмотря на добровольное участие Мануэля Вакенхайма, рассматривавшего его как свою профессиональную деятельность. Человеческое достоинство было признано элементом публичного порядка и, следовательно, ценностью, защита которой не зависит от воли самого человека. Возникший тогда конфликт сохраняет актуальность тридцать лет спустя. В 2023 г. Испания запретила развлекательные мероприятия, в которых инвалидность используется для провоцирования насмешки способом, противоречащим человеческому достоинству. В 2025 г. после участия артистов с карликовостью в праздновании совершеннолетия футболиста Ламина Ямаля представляющая людей с ахондроплазией ассоциация осудила подобные выступления как объективирующие и воспроизводящие дискриминационные стереотипы. Один из самих артистов, напротив, публично заявил, что не подвергался унижению, и потребовал не препятствовать его работе.

Стремясь не допустить объективации человека, государство само рискует перестать воспринимать его как автономного морального субъекта. Оно признаёт собственную оценку достоинства избранного человеком образа жизни более значимой, чем его оценку.

Одним из способов разрешения парадокса является понимание достоинства как равного социального статуса. В частности, А. Этинсон связывает нарушение достоинства с унижением и отношением к человеку как обладающему более низким социальным статусом. При таком

подходе согласие не устраняет проблему: добровольное участие одного человека в объективирующей практике может воспроизводить стереотип, затрагивающий положение других представителей группы. Таким образом, государство защищает уже не человека от самого себя, а достоинство третьих лиц.

Однако признание возможности такого нанесения вреда статусу ещё не обосновывает право ограничивать поведение отдельного члена группы. Каждый человек одновременно принадлежит к множеству групп, если потенциального репутационного или статусного вреда достаточно, чтобы каждая из этих групп получила моральное основание контролировать его поведение, совокупность подобных притязаний способна практически устранить пространство индивидуального самоопределения. Защита от стереотипизации требует от человека вести себя как достойный представитель приписанных ему групп и тем самым вновь сводит индивидуальность к групповой принадлежности.

Более проблематична апелляция к достоинству государства. Государство может утверждать, что допущение публично унижающих практик несовместимо с его нормативным пониманием общества равных. Однако последовательное применение такого принципа позволяет запрещать практически любое добровольное поведение, которое большинство считает унизительным или объективирующим. Достоинство политического сообщества тогда становится практически неотличимым от публичной морали и потенциально неограниченным основанием патерналистского вмешательства.

Таким образом, следует различать моральную оценку практики и оправданность её принудительного запрещения. Согласие не обязательно делает практику неунижающей, социальное значение действия не исчерпывается субъективным восприятием его участника. Однако ни предполагаемый ущерб символическому статусу группы, ни несовместимость поведения с представлением государства о достойном обществе сами по себе не должны преодолевать автономию дееспособного взрослого человека.

Иное решение при последовательном применении обнаруживает его внутреннюю несостоятельность: множество социальных групп и государство получают потенциальное право определять, какие формы самовыражения допустимы для индивида. Поэтому добровольное информированное согласие должно создавать презумпцию против государственного запрета, преодоление которой требует доказательства самостоятельного и достаточно серьёзного вреда другим лицам, иначе защита достоинства становится отказом признать за человеком право самостоятельно определять собственную жизнь.

Сюй Цзявэнь
аспирант кафедры философии и методологии науки
Белорусский государственный университет

Роль традиционной китайской культуры в становлении современной экологической этики

Формирование современной экологической этики представляет собой ответ на экологический кризис, вызванный индустриальной цивилизацией. Оно требует нового осмысления отношения человека к природе и его места в природном мире. В этом процессе традиционная китайская культура предоставляет важные идейно-философские ресурсы. Ее значение заключается не в простом возвращении к традиции, а в переосмыслении ее основных идей применительно к современным экологическим проблемам.

Прежде всего, представление о «Гармонии человека и природы» создает фундаментальную мировоззренческую основу современной экологической этики. Оно исходит из взаимосвязи и взаимозависимости человека и природы, исключая представление о человеке как о субъекте, полностью отделенном от природного мира. Человек не может существовать вне природы и не должен произвольно господствовать над ней. В этом отношении данное представление созвучно современной критике антропоцентризма и признанию собственной ценности природы наряду с ее инструментальной ценностью.

Во-вторых, принцип «Дао следует природе» имеет важное методологическое значение. Он предполагает следование закономерностям природы и ограничение произвольного вмешательства человека в природные процессы. В условиях стремительного развития науки и техники эта идея приобретает особую актуальность, поскольку неограниченное использование возможностей преобразования природы способно привести к серьезным экологическим последствиям. В современной экологической этике данный принцип может быть переосмыслен через идеи устойчивого развития и экологического равновесия.

В-третьих, идея гуманности и любви к людям может быть расширена до нравственной заботы о природе. В конфуцианской традиции гуманность первоначально относится к сфере отношений между людьми, однако в учениях некоторых конфуцианских мыслителей она распространяется также на все сущее. Такое понимание создает нравственно-эмоциональную основу современной экологической этики. Уважение к жизни, сострадание и чувство моральной ответственности способны укреплять осознанное отношение человека к природе и его готовность ее защищать.

В-четвертых, традиционное представление об умеренности и бережливости имеет непосредственное практическое значение. Современный экологический кризис во многом связан с чрезмерным потреблением и расточительным использованием природных ресурсов. Традиционная китайская культура, выступая против роскоши и избыточного потребления, предлагает идею умеренного образа жизни. В современном контексте она может способствовать переосмыслению потребительских установок и утверждению более экологичного образа жизни.

Вместе с тем традиционная китайская культура не может непосредственно решить современные экологические проблемы, поскольку сформировалась в условиях аграрного общества и имеет исторически обусловленный идейный контекст. Поэтому ее использование требует творческой трансформации: необходимо выявлять универсально значимые элементы традиционного наследия и соотносить их с теоретическими положениями современной экологической этики. Такое взаимодействие должно представлять собой не механическое соединение идей, а процесс их взаимной интерпретации и взаимного обогащения.

Таким образом, традиционная китайская культура предоставляет современной экологической этике четыре взаимосвязанных идейных ресурса: целостное представление о «Гармонии человека и природы», методологический принцип «Дао следует природе», нравственную установку гуманности и любви к людям, а также ориентацию на умеренность и бережливость. Их творческое переосмысление способствует развитию экологической ответственности и формированию более гармоничного отношения человека к природе.

Тарасова Дарья Алексеевна
обучающаяся бакалавриата
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС

Взаимосвязь логических дефектов и моральных искажений в дискурсе миграционной реформы

Публичные заявления экспертов оказывают непосредственное влияние на формирование повестки и общественные взгляды, особенно в деликатной области миграционной политики. Тем не менее, в наши дни даже качественные экспертные доводы не всегда успешно воспринимаются аудиторией, в то время как логические уловки и манипуляции часто оказываются значительно более действенными в публичных дебатах.

Эмпирическое исследование, состоявшее в анализе публичных заявлений экспертов и официальных лиц относительно миграционной реформы в 2024–2026 гг., выявило, что регулярно используемые в публичном дискурсе логические уловки, не воспринимаются аудиторией как ошибки — они кажутся обоснованными, так как находят отклик в уже сложившихся моральных установках слушателей — в ходе анализа было выявлено несколько таких уловок, которые мы полагаем возможным рассматривать как паттерны аргументативного поведения в публичной дискуссии:

Поспешное обобщение: Единичный случай распространяется на всю этническую или миграционную группу. Это не просто логическая ошибка, но и моральный акт: проблема переносится с уровня личной ответственности на уровень коллективной вины, что оправдывает коллективные меры — такие как депортация семей или запреты для целых категорий. Ярослав Нилов, депутат Государственной Думы, в эфире программы «Таманцев. В итоге» утверждает: «Не позволяйте вашим детям в школах вести себя неподобающим образом, сбиваться в банды, заниматься мародёрством…». В этом контексте «ваши дети» подразумевает всех детей мигрантов, а «наведение порядка» становится коллективным наказанием

Ложная дилемма. Обсуждение строится на искаженной альтернативе: либо полное ужесточение, либо потеря национальной безопасности. Другие варианты (адаптация, интеграция, целенаправленные ограничения) не опровергаются: они просто остаются вне внимания. Кирилл Кабанов, правозащитник и член Совета при Президенте РФ по правам человека, в интервью «Парламентской газете» отмечает: «Нас пытаются убедить, что не мигранты должны приспосабливаться к обществу, а мы обязаны подстраиваться под них. Мы движемся по западному пути, который ведет в никуда». Любая попытка интеграции воспринимается не как альтернатива, а как предательство.

Апелляция к эмоциям. Автор предпочитает воздействовать на страхи и беспокойства аудитории вместо рационального обоснования необходимости предлагаемых мер. В отличие от логических ошибок, апелляция к эмоциям не имитирует обоснование — она его заменяет. Александр Горовой, первый заместитель министра внутренних дел и генерал-полковник полиции, в интервью «Коммерсанту» отмечает: «Меня удовлетворяют эти цифры», комментируя увеличение числа экстремистских преступлений с 59 до 73 случаев. С точки зрения логики это кажется бессмысленным, однако на эмоциональном уровне «удовлетворённость» внушает уверенность в том, что ситуация находится под контролем, что важнее, чем точность формулировок.

Я полагаю, что причина приемлемости такого рода аргументативных паттернов для массовой аудитории состоит в том, что они транслируют морально одобряемую цель (например, обеспечение безопасности, сохранение традиций, забота о близких). Когда человек ее преследует, он как бы получает разрешение отступить от логических правил. Публика, которая разделяет такие моральные установки, не обращает внимания на ошибки или прощает их, исходя из того, что цель оправдывает средства.

В итоге анализ показывает, что в обсуждении миграционной реформы логические ошибки и моральные искажения образуют замкнутую систему: ошибки оправдываются моральной целью, а цель защищается от критики, дисквалифицируя оппонента. Это приводит к ограничению публичного обсуждения, отказу от альтернатив и подавлению несогласия через моральное давление. Преодолеть эту систему можно, если четко разделять логические обоснования и моральные оценки, требовать обоснованных аргументов и не допускать, чтобы моральные ярлыки заменяли содержательный анализ. Лишь так публичная дискуссия сможет действительно выполнять задачу принятия взвешенных решений, а не только оставаться средством мобилизации общества.

Тебякина Елена Евгеньевна
к.филос.н., доцент
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Нравственные основание военного образования в условиях современной войны

Этические основания воинской деятельности для русского солдата во все века значили очень многое. Религиозный ореол праведности русского воинства, признание воинов-защитников и полководцев святыми, уверенность в нравственной силе и правде русского оружия и борьбе за правое дело с основания Руси и до современных реалий составляли моральный каркас воспитания военнослужащих, независимо от государственной политики. Однако, изменений характера войны, переход к гибридным её формам, вовлечение в поле войны не только комбатантов, но и всё гражданское население, размытие границы между тылом и фронтом. ввиду применения БПЛА размывают и грань определения врага и противника, ещё больше отдаляют результаты ратного труда от исполнителя и уводят причины современных войн в область серой морали. Но тогда возникает закономерный вопрос — какие моральные ориентиры должны быть сформированы в условиях

современных войн у будущих офицеров и как нравственно подготовить общество к новым войнам, чтобы реализовать патриотические мотивы и, вместе с тем, сохранить в сознании людей восприятие русского солдата как защитника и освободителя, чья деятельность по защите Отечества по-прежнему имеет верные нравственные ориентиры.

В первую очередь стоит уделить внимание нравственной проблеме слияния комбатантов и некомбатантов. Если в ситуации информационной войны всё население противника является легитимной целью, то каким образом должны работать нормы международного гуманитарного права по защите мирных жителей от разрушительных последствий войны и как определить собственно вред (психологический, эмоциональный) от войны информационной? Более того, как должны поступать военнослужащие, находящиеся на передовой, по отношению к мирному населению, которое продолжает подвергаться информационным вбросам (даже со стороны собственного правительства)? Именно здесь в решение вопросов этического толка может прийти на помощь весь богатый опыт русской философской мысли, отличающийся однозначным гуманизмом по отношению к населению противника (невзирая на «промывку мозгов»), отсутствие жестокости по отношению к поверженному противнику и мотивов полного уничтожения врага, поскольку согласно установкам русской религиозной философии война ведётся не ради уничтожения противника, а ради установления вечного, справедливого мира на всей Земле.

Второй аспект этической проблематики связан с отсутствием чётких ореолов тыла и фронта, поскольку использование беспилотных летательных аппаратов может поражать не только те цели, которые находятся на линии боевого соприкосновения, но и те, что находятся глубоко в тылу, а также объекты гражданской инфраструктуры. Удаление расстояния от цели, двойное отчуждение от результатов своего ратного труда (через экран компьютерного монитора) приводит к снижению эмпатии и чувства личной ответственности, а также нивелированию ценности человеческой жизни. Поэтому современное военное образование должно в первую очередь задаться вопросами этического характера, которые могут быть рассмотрены через призму как русской религиозной философии войны, так и современных этических концепций.

Следующий немаловажный аспект — это использование современных средств поражения, на основе искусственного интеллекта и ответственности за действия, предпринятые по его расчётам? До сих пор, ни в юридическом, ни в философском, ни в этическом аспектах нет однозначного решения этого сложного вопроса. В сфере же военного образования, этот аспект также должен быть затронут в рамках осмысления

личной нравственной ответственности офицера, принимающего решения на основе данных анализа от ИИ.

Таким образом, проблемы современного военного образования, особенно для будущих офицеров и профессиональных военных тесно связаны с гуманитарной и, в первую очередь этической сферой.

Тенькова Валентина Алексеевна
старший преподаватель
Воронежский государственный университет

Трансформация семейных ценностей в современном российском обществе: основные тенденции и социальные риски

Семья сохраняет особое значение в российском обществе, выполняя функции воспроизводства населения, воспитания детей, передачи социального опыта, эмоциональной поддержки и формирования представлений об ответственности. Вместе с тем высокая значимость семьи сочетается с изменением форм брачно-семейного поведения, возраста вступления в брак и рождения детей, содержания супружеских и родительских ролей, а также способов распределения домашних обязанностей.

Трансформацию семейных ценностей нельзя однозначно рассматривать как их исчезновение или девальвацию. Базовые ценности — забота, родительство, взаимопомощь, эмоциональная близость и связь поколений — сохраняются, но реализуются в изменившихся социальных условиях.

Одной из ведущих тенденций является индивидуализация жизненных стратегий. Создание семьи все чаще становится осознанным личным выбором. Образование, профессиональная карьера, материальная независимость и решение жилищных вопросов могут предшествовать браку и рождению детей. В результате семейные события нередко откладываются на более поздний возраст. При этом индивидуализация не означает отказа от семьи, а меняет критерии выбора партнера и время реализации семейных планов.

Значимые изменения происходят в распределении семейных ролей. Постепенно ослабевает жесткое разделение обязанностей на «мужские» и «женские», возрастает значение партнерской и более эгалитарной модели семьи. Однако изменение ценностных установок не всегда сопровождается соответствующими повседневными практика-

ми. Неравномерное распределение домашней и родительской нагрузки может становиться источником семейных конфликтов и эмоционального истощения.

Трансформация родительства также имеет двойственный характер. Повышение требований к качеству воспитания способствует большей вовлеченности родителей в жизнь ребенка, но одновременно увеличивает временные, финансовые и эмоциональные затраты. Высокая ответственность за развитие ребенка может становиться одной из причин отсрочки рождения детей.

Особую проблему представляет сочетание профессиональной и семейной самореализации. Современный человек стремится реализоваться одновременно в профессиональной, образовательной и семейной сферах, однако ограниченность времени и ресурсов затрудняет такое совмещение. Это может способствовать откладыванию брака и рождения детей, а также возникновению семейной перегрузки.

Изменяется и характер межпоколенного взаимодействия. Старшие родственники сохраняют важную роль в поддержке молодых семей, однако территориальная мобильность и изменение образа жизни могут увеличивать дистанцию между поколениями. Передача семейных ценностей становится более сложной: наряду с родительским влиянием возрастает роль образования, профессиональной среды, массовой культуры и цифрового пространства.

Основные риски трансформации связаны с откладыванием брака и рождения детей, возможным расхождением между желаемым и фактическим числом детей, конфликтом профессиональных и семейных целей, семейной перегрузкой и ослаблением межпоколенной передачи ценностей. Вместе с тем эти процессы нельзя оценивать исключительно негативно: индивидуализация расширяет свободу выбора, эгалитаризация способствует более равному распределению обязанностей, а повышение требований к родительству может улучшать качество воспитания.

Таким образом, перспективным является отказ от жесткого противопоставления «традиционной» и «современной» семьи. Более важным становится анализ механизмов адаптации семьи к меняющимся условиям. Устойчивость семейного института определяется не неизменностью его форм, а способностью сохранять фундаментальные ценности при обновлении способов их реализации. Социальная политика в этой связи должна создавать условия для совмещения родительства, профессиональной деятельности и личностного развития, снижения семейной нагрузки, поддержки родителей и укрепления межпоколенных связей.

Терентьев Глеб Всеволодович
обучающийся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Непоследовательность как этический нарратив

В «Возвышенном историческом опыте» Анкерсмит так описывает один случай, произошедший с Кантом: Лампе, многолетний слуга философа, однажды украл что-то из дома своего господина, за что немедленно был уволен; позже Кант, испытав некоторую жалость или даже сожаления, решил избавиться от этого гнетущего ощущения, повесив над рабочим столом небольшую записку "Lampe Vergessen". Анкерсмит относит подобный императив «не забыть забыть» к коллективной исторической идентичности, однако с тем же успехом, пожалуй, он может быть отнесен и к индивиду (все в том же случае с Кантом, например). В той мере, как перемена нарратива (не обязательно всегда связанная именно с забвением) формирует новую идентичность из самого факта отрицания предыдущей, такой переворот претендует на то, чтобы стать самостоятельным этическим нарративом, а не аргументом иного. Однако же, речь не о предательстве и не о предательстве себя самого, достаточно уже закрытых нарративах, но именно о непоследовательности вообще.

Одно обстоятельство, норовящее войти в область этического, но оказывающееся там, во всяком случае, не полностью, хорошо иллюстрирует то, что здесь понимается под непоследовательностью. Конфликт, который, в конце концов, отдалил Ницше от Вагнера, достиг своего апогея вовсе не в отношении пангерманизма или антисемитизма: еще до «Казуса», в «По ту сторону добра и зла» Ницше обвиняет Вагнера в том, что «Парсифаль» проповедует латинский проект – то, против чего стояли «Нибелунги», «Лоэнгрин», даже «Голландец», — Вагнер становится непоследовательным. В отношении непосредственно Вагнера здесь этический вопрос для Ницше, пожалуй, не стоит на первом месте, однако непоследовательность выступает проводником недоверия — ошибочности, во всяком случае, изначального положения. Макинтайр находит у Ницше, уже в «Веселой науке», и другую идею подобного рода, однако то, что Ницше видит как упадок морали своего времени в действительности есть скорее следствие условий его современности, нежели свойство морали вообще. Добродетельный поступок, по Макинтайру, состоит не только из действия самого по себе — он имеет импликацию в осознании этого действия, — то есть добродетель обязательно должна быть интенциональна, а потому перемена восприятия влияет, соответственно, и на действие. Сама по себе непоследова-

тельность не так важна для этической оценки вообще, однако в контексте рассмотрения разом и действия, и интенции, на него повлиявшей, крайне важно, если эта интенция строится на отрицании предыдущих действий или, по меньшей мере, не следует «траектории», заданной ими. Здесь возникает следующий вопрос: если последовательность критически важен для этического нарратива, и может полностью его изменить, насколько он может быть лишь частью нарратива (и тогда какого из двух: «старого» или «нового»)?

Вопрос последовательности (и, соответственно, непоследовательности) можно разделить на две составляющих: во-первых, нарративную идентичность, а во-вторых, идентичность личную. В случае первой ключевой становится направленность, то есть «траектория движения» — Рикер для объяснения этого использует понятие followbility (способность быть прослеживаемым) У.Б. Гэлли — логическую и риторическую последовательность нарратива: в этом отношении непоследовательность прослеживается, собственно, в непрослеживаемости и, значит, отсутствии направленности — в случае, если этический нарратив рассматривается как длящаяся «устойчивая структура», он не может быть непоследователен. Личная же идентичность, если рассматривать ее в первую очередь как тождественность, а не как самость, предполагает неразрывность интенций, предваряющих действия, для одного актора внутри одного нарратива. Таким образом, и в отношении самого действия, и для морального субъекта непоследовательность сложно представить внутри одного этического нарратива. Тогда, надо полагать, непоследовательность претендует на статус самостоятельного нарратива в качестве именно перемены парадигмы, коль скоро она требует отдельной оценки и не может быть отнесена ни к предыдущим, ни к последующим.

Тивикова Мария Юрьевна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Этический аспект ольфакторной культуры: запах как инструмент социальной демаркации

Для современного человека оценочное суждение относительно запаха представляется естественным суждением, однако зачастую оно является культурно ангажированным: запах сообщает о статусе, профессиональной деятельности, образе человека, соответственно в разных культурных контекстах он будет обладать различной ценностью. Эта

культурная обусловленность означает, что при столкновении с носителем запаха, не соответствующего локальной «ольфакторной норме», неизбежно возникает суждение с моральной оценкой о самом человеке, вследствие которого он стигматизируется как «нечистый» или «нецивилизованный».

Различие в том, какую роль играет запах в разных культурах, само по себе не является иерархией: в одних экологических и культурных нишах он остаётся центральным для повседневной ориентации и социальных границ, в других вытеснен на периферию чувственного. Иерархия возникает тогда, когда это различие начинают трактовать как шкалу. Именно это и делает колониальная мысль: она закрепляет зрение за «рациональным» субъектом, а обоняние — за телесным, «примитивным», женским, туземным, превращая описание чужого сенсорного мира в основание для его подчинения. Маргинализация запаха оказывается, таким образом, не свойством самих культур, а следствием эпистемологической организации чувственного опыта — распределения, в котором одни чувства получают статус инструмента познания, а другие — статус рудиментарной способности организма.

Эта иерархия не является исключительно теоретической — она воспроизводится в повседневных взаимодействиях. Запах функционирует как социальный классификатор: он маркирует «своих» и «чужих» по полу, профессии, этнической принадлежности и классу. Поэтому «ольфакторный конфликт», возникающий при встрече с носителем иной обонятельной картины мира в городском пространстве, следует понимать как социально значимое событие, формирующее «антипатии и симпатии», которые структурируют межгрупповые отношения.

Однако сама по себе таксономия ещё не производит неравенства: она становится инструментом исключения лишь на этапе морализации и иерархизации, когда определённым запахам приписываются моральные качества и характеристики, отсылающие к социальному положению («нечистый», «опасный», «отсталый»), через которых воспроизводится социальное неравенство. Именно здесь обонятельная классификация соприкасается с колониальной иерархией чувств: различие превращается в шкалу, а шкала — в основание для сегрегации.

Ответ на вопрос «почему запах оказывается столь удобным инструментом для морализации?» коренится в самой структуре обонятельного опыта: ольфакторное поле принципиально неизбежно. Мы не можем не вдыхать, а следовательно — не можем не сталкиваться с запахами, которые автоматически запускают реакции, стимулирующие моральное суждение о самом носителе запаха.

Однако поскольку консенсус в этике обоняния недостижим, акцент смещается с устранения суждений на работу с их последствиями: выносимая оценка не должна становиться поводом для исключения Другого. Соответственно, мы не можем избежать самой реакции на запах — но можем воздержаться от того, чтобы эта реакция изменяла наше отношение к его носителю.

Толмачева Валерия Андреевна
обучающаяся бакалавриата
Новосибирский государственный педагогический университет

Соотношение вины и стыда как нелинейный процесс: историко-этический анализ

Принято считать, что европейская мораль движется от внешнего осуждения к внутреннему раскаянию, но цифровая эпоха ставит этот вектор под вопрос: вина ослабевает, а стыд возвращается без возможности искупления.

Цель работы — показать, что изменение соотношения вины и стыда представляет собой не линейный процесс. Для этого необходимо разграничить понятия.

У Рут Бенедикт стыд — всегда ориентация на внешнюю оценку, а вина — на внутреннюю систему ценностей, то есть совесть. Если человек испытывает стыд, когда боится осуждения со стороны окружающих, то вину он испытывает, когда нарушает свои же принципы и те нормы, которые усвоил в процессе социализации. В связи с активной критикой ее позиции стоит отметить, что в любой культуре присутствует и стыд, и вина в разном соотношении, которое меняется с течением времени. Здесь стыд и вина рассматриваются не как эмоции, а как исторически меняющиеся способы моральной регуляции.

В античности мы сталкиваемся с культурой стыда на примере произведений Гомера. Его герои боятся злого рока, воли богов или лишиться славы, чести и достоинства. То есть страх позора перед равными становится основным регулятором поведения. У Софокла все несколько сложнее — Эдип осознает свою вину, но в финале демонстрирует желание не видеть и не быть увиденным, то есть стыд. Да, Эдип сам судит себя и сам выносит приговор, но находясь под страхом осуждения со стороны.

С распространением христианства акцент с публичного порицания смещается к исповеди, как к форме внутреннего раскаяния. Мишель Фуко описывает таинство исповеди как уникальный механизм, техноло-

гию производства личности, способной к самоанализу, самоконтролю и саморегуляции. Личность, которая страшится не перед другими, а боится нарушить собственные принципы. На продолжительное время вина становится главным моральным компасом.

У Канта человек становится центром системы морали и ответственность его исключительно внутренняя, не продиктованная богами или традициями. Если человек испытывает вину, то только перед своим собственным разумом, так как он сам автономно формулирует свой моральный закон и сам его нарушает. Ницше же считал вину продуктом власти. И, говоря о смерти бога, не исключал наличия у людей чувства вины, так как оно становится внутренним, психологическим. Хорошо усвоенные нормы заставляют человека подчиняться им даже без воздействия извне. Так вина лишается религиозного фундамента.

В XX веке Фрейд пишет о вине как о конфликте «я» и «сверх-я», как о результате подавления влечения. Чувство вины развивается из чувства стыда – сначала ребенок боится наказания, то есть внешнего воздействия, позднее вина становится автономнее и превращается в требования «сверх-я». Эрих Фромм же отмечает, что вина, как внутренний механизм, слабеет и ее вытесняет невротическая тревога, которую люди пытаются заглушить потреблением или рутиной. Но тревога не проходит, а лишь на время приглушается. Вина как механизм саморегуляции утрачивает силу и на этом фоне возвращается стыд.

И, наконец, в цифровую эпоху возвращается чувство стыда. Социальные сети дают людям возможность постоянно «подглядывать» друг за другом, писать сообщения, оставлять комментарии. Отсюда вырастают публичное осуждение и культура отмены. Взгляды наблюдателей анонимны, множественны и постоянны, поэтому стыд ничем не ограничен, а восстановление репутации практически невозможно — как извиниться перед тем, у кого нет лица? Для прощения важен субъект, который может принять извинения. Вина же, которая должна была стать механизмом моральной саморегуляции, растворяется в анонимности и множественности алгоритмов различных платформ.

Таким образом, соотношение стыда и вины представляет собой не линейное развитие, а скорее движение маятника. Вина или стыд не могут полностью исчезнуть. В будущем, вероятно, нас ждет поиск новых форм «внутреннего суда», устойчивых к внешнему давлению. Иначе моральная регуляция все больше будет зависеть от анонимного взгляда, не способного простить.

Томильцева Дарья Алексеевна
доцент, к.филос.н., доцент
Уральский федеральный университет

Человек и анимат: этико-обусловленная практика партнёрства

Понятие партнёрства имеет достаточно широкий спектр значений. Партнёрство ситуативно. Это — организация отношений, которые возникают в случае совместного решения задачи. Тип отношений может меняться в зависимости от условий, контекста и специфики деятельности. В основе любых форм партнёрства заложены две идеи: кооперация и доверие. В мире межчеловеческих отношений такое основание не ставится под сомнение: кооперация должна предполагать обоюдное понимание сторонами целей и задач деятельности, а также возможных собственных и общих выгод. Доверие, в свою очередь означает оправданность ожиданий от действий партнёра. Кроме того, партнёрские отношения — это отношения не инструментальные.

Однако к неживым объектам, и ко многими видами одомашненных животных у человека сформировалось именно пользовательское и инструментальное отношение. Анимат, в свою очередь, неодушевлён. Его «образ жизни» задан построенной человеком онтологией, его цели и «желания» — не более чем заложенная программа. И тем не менее, применительно к нему мы начинаем говорить о партнёрстве. Чем же обуславливается такая возможность? Во-первых, ситуацией. Партнёрство возникает только в строго определённых пространственно-временных и контекстных условиях. Во-вторых, мы применяем анимата для решения специфических задач, в которых действия человека и робота оказываются кооперативными, что предполагает, с одной стороны, обоюдную автономность действий и принимаемых решений — делегирование, с другой стороны — определённую форму доверительного отношения со стороны человека. Дальнейшие условия осуществимости такого партнёрства зависят от того, черты какого именно животного воплощаются в анимате.

Проиллюстрируем данное утверждение на примере проекта по созданию робота-канисоморфа. Идея канисоморфа заключается в формализации и воспроизводстве в автономном агенте собачьей сущности. Робот-канисоморф должен проявлять основные поведенческие, эмоциональные и когнитивные особенности собаки, к числу которых относится и многообразие вариантов взаимодействий с человеком. В том числе и партнёрских. Но для того, чтобы ответить на вопрос о том, что значит «партнёрство с собакой», нужно понять «что такое собака вообще». Как следует из анализа результатов серии из пяти экспертных

интервью, проведённых в июле-сентябре 2026 г. однозначного ответа на данный вопрос попросту нет, поскольку благодаря уникальной многотысячелетней коэволюции с человеком собака «формируется» под его требования, определённый тип и контекст деятельности, а также образ жизни. Возможность партнёрства не возникает спонтанно, она оказывается важной составляющей «собачьей сущности», и тесно связана с определёнными типами деятельности: охота, охрана, выпас скота, спорт и т.д., и закладывается генетически. Кооперация и доверительные отношения между человеком и собакой подкрепляются эмоциональными и гормональными реакциями, и всегда ограничены не только индивидуальными, но и видовыми особенностями.

Робот-канисоморф лишён сразу трёх важнейших составляющих человеко-собачьего партнёрства: в нём нет генетической и поколенческой предрасположенности, обоюдной эмоциональной связи с оператором, а также давнего историко-культурного контекста, лежащего в основании. Если второе и третье условия могут быть технически воспроизведены, то первое проектируется «с чистого лица». При этом сама идея партнёрства, также, как и идея отношений человека и собаки чрезвычайно морально нагружены и проектирование требует наличия вполне определённой этической основы. В качестве таковой могла бы послужить экземпляристская этика, позволяющая выявлять и ранжировать требуемые индивидуальные и личностные свойства и способная объединять в себе антропоцентристские притязания и особенности, присущие именно собакам. Тогда электронное животноводство становится уже не только «воспроизведением» некоторых паттернов партнёрского поведения, но и этически-обусловленной практикой, выходящей за пределы сугубо инструментального измерения.

Тонковидова Анна Викторовна
к.филос.н., доцент
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма

Натуралистическая этика как нормативная основа математического моделирования будущего

Актуальность исследования обусловлена вопросами возможности применения нормативности натуралистической этики, сформулированных в традиции русской философии в актуальных научных исследованиях при построении математической модели будущего. В исследовании определяются два направления натуралистической этики: Владимир Вернадский в контексте учения о ноосфере предложил методологию

изучения этического — сравнительно-исторический и научный методы, которые нами были использованы в работе. Петр Кропоткин определил первичные закономерности этики, производные от природных закономерностей. Устанавливается определенная преемственность в развитии ноосферной натуралистической этики от Владимира Вернадского к Никите Моисееву, выразившаяся в учении о коэволюции человека и природы. Установлено существование философской школы русского ноосферизма, где развивается данная философская традиция. Концепции русской школы натуралистической ноосферной этики находят практическое применение при разработке моделей математического прогнозирования будущего в поле русских современных научных исследований, при создании новых норм этического регулирования общественности в будущем. На основе принципов натуралистической этики и ноосферного подхода с 2009 года в Московском государственном университете реализовывалась работа по математическому моделированию и прогнозированию мировой динамики под руководством академиков В.А. Садовничего и А.А. Акаева. В рамках данного научного исследования был сделан вывод о том, что система отношений в аспекте «общество-природа» будет связана с таким фактором как социальные взаимодействия. Снижение такого фактора как «социальная сплоченность» приводит к вопросу о возможности сохранения сплоченности общества, которое ученые называют «Мир организм». В качестве основания для сплочения общества возможно определить идеологию, представленную как этические нормы и самоограничения как систему «биологического организма, где все органы специализированы, но действуют согласованно, не подавляя друг друга» должны координировать этические нормы. Авторы научной работы отмечают, что идеи Вернадского, Сорокина, Моисеева, Урсула переросли в понимание мира как «Мира-организма», в чем мы видим прямое указание на изучаемую нами натуралистическую этику. Мыслители указывают на то, что в настоящее время идеология должна отойти от религиозных форм своей актуализации, продолжая идею Владимира Вернадского об опрокидывании религиозных основ этики, а должна принять форму «этики, общепринятых норм морали и поведения». Ученые указывают на то, что данные этические нормы должны привести к единообразному регулированию всех общественных систем, каналов коммуникации. Ученые отмечают, что вектор развития общемирового должен предполагать выход к следующим показателям: «достижение общих целей, кооперация, а не конкуренция». Новое мироустройство в единстве многообразия цивилизаций предполагает новую этику, или идеологию «свой-свой». В постулируемом «мире-организме» сотрудничество нивелирует конкуренцию, что делает возможным интегративное ноосферное общество.

Тоноян Лариса Грачиковна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Этическая аргументация в «Апологии Сократа» и в «Утешении Философией» Боэция

1. Античность оставила нам два известных произведения, в которых философы перед своей казнью спокойно размышляют о смерти и бессмертии, о счастье, блаженстве и о многих других этических категориях. Это платоновская «Апология Сократа» и «Утешение Философией». Северин Боэций (480–525), который также был несправедливо обвинен и казнен, успел сам написать апологию в знаменитом «Утешении Философией». При этом, если язычника Сократа Отцы Церкви называли «христианином до Христа», то христианин Боэций, наоборот, многих удивляет тем, что перед смертью находил утешение не в христианской религии, а в языческой философии, вооружившись при этом всеми средствами логики и искусства аргументации (см. Лисанюк Е.Н. Утешение логикой? Вестник СПбГУ, 2004, сер.6, вып.1, №30).

2. Почему Сократа называют «христианином до Христа»? Если сравнить человеческий образ Иисуса Христа и образ Сократа, можно сразу заметить следующие сходные черты: 1) оба заботились, прежде всего, о душе человека, 2) они не оставили письменных источников и проводили время в беседах с учениками и с другими людьми; 3) эти беседы записали ученики, которых скорее можно назвать их друзьями и т.д. Самое главное сходство состояло в несправедливом суде и казни Иисуса Христа и Сократа, которые стали отправной точкой возникновения в религии – христианства, а в философии – сократических школ. То, что обвинения Сократу были несправедливы, Сократ аргументированно опроверг в своей апологии. Недругов Сократа больше всего раздражало его умение критически мыслить, а на суде разозлило то, что даже перед лицом смерти он сохранял честь и достоинство. Сократ объясняет свое поведение тем, что даймонион, т.е. «голос бога, указывающий ему, что не следует делать», ни разу не препятствовал его поведению и речи на суде, из чего он делает вывод, что поступает правильно. Ксенофонт («Воспоминания о Сократе») также считает, что главным пунктом обвинения его недругов было обращение Сократа к даймониону. Оно уподобляло Сократа богам, поскольку Сократ доказывал, что быть близким к божественному значит быть близким к нравственному совершенству. Таким образом, Иисуса Христа с Сократом объединяет, по сути, добровольная смерть — свидетельство веры в бессмертие души.

3. Боэций, без сомнения, был вдохновлен «Апологией Сократа» и разворачивает теоретические аргументы, доказывающие бессмертие

души. В первой книге «Утешения» Философия в лице рассудительной женщины обращается к Боэцию: «А при его Платона — Л.Т.) жизни учитель его Сократ разве не с моей помощью добился победы над несправедливой смертью?» Философия обещает с помощью «правильных суждений» привести Боэция «к истине блага». Далее, возможно впервые в этике, разворачивается аксиоматический метод доказательства достижимости Блага. Тот, кто достигает блаженства, т.е. нравственного совершенства, становится богоподобным. Эта заключение Боэция практически повторяет мысль Сократа, снабжая ее при этом цепью рациональных аргументов.

Травкин Максим Иванович
преподаватель
МИРЭА — Российский технологический университет

Формирование этического мировоззрения военнослужащих в условиях деструктивного информационного воздействия

Выпускник учебного заведения, заключающий контракт с силовым ведомством, сталкивается с рядом этических коллизий. Они, в первую очередь, связаны с тем, что сама военная среда неоднородна по ценностным установкам. В составе вооруженных сил одновременно служат несколько поколений военнослужащих, чье профессиональное самосознание сложилось под влиянием различного опыта. Первый пласт этого опыта связан с участием в боевых действиях в Афганистане и с последующей адаптацией ветеранов к социально-экономическим условиям постсоветского пространства. Второй пласт сложился в ходе вооруженных конфликтов на Северном Кавказе. Это был первый масштабный опыт силовых структур, где противник не соблюдал нормы международного гуманитарного права. Стоит сказать, что этот опыт заметно повлиял на профессиональную идентичность военнослужащих. Третий пласт связан с оказанием военной помощи Сирийской Арабской Республике. Ее особенность в том, что для участников она имела выраженную временную и ситуативную ограниченность и завершилась с выводом российского контингента. Наконец, в настоящее время проводится специальная военная операция. Она дополнительно дифференцировала военнослужащих на несколько групп — непосредственные участники, тыловое обеспечение, ветераны боевых действий не принявшие участие в СВО и не принимающие участив СВО. Первый ас-

пект можно обозначить как этическую фрагментацию военной среды. Молодой военнослужащий получает различные, иногда противоречащие друг другу модели этического поведения в зависимости от того, в каком коллективе и в каких условиях он проходит службу. Единого этического стандарта, который одинаково воспринимался бы всеми группами, фактически не существует. Второй аспект касается информационной уязвимости молодого поколения. Молодые военнослужащие наиболее подвержены деструктивному информационно-психологическому воздействию. Современные технологии, прежде всего генеративные нейросети и синтетические медиа (дипфейки), позволяют создавать контент, который искажает этическое восприятие действительности. Особую опасность представляет дезинформация, целенаправленно ориентированная на подрыв доверия к институтам военной службы и на разрушение целостности личности военнослужащего. Третий аспект можно назвать проблемой трансляции этики. Способ мышления военнослужащего и его оценка обстановки во многом формируются под влиянием старших товарищей и командиров. Следовательно, этическое воспитание касается не только молодого пополнения, но и всего личного состава. Командир, у которого не сформировано этическое сознание, не способен сформировать его у подчиненных. Возникает замкнутый круг: дефицит этической компетентности у командного звена воспроизводится в следующих поколениях.

Исходя из этого, необходимо разработать методы формирования у военнослужащих не просто этических знаний, а устойчивого этического мировоззрения. Такое мировоззрение должно адекватно отражать действительность и противостоять навязанным извне иллюзиям. Ключевая задача состоит в том, чтобы сформировать способность распознавать не любую дезинформацию, а именно ту, что направлена на разрушение институтов военной службы.

Суть рассматриваемого качества точно отражена в художественном фильме «Офицеры» (1971). В эпизоде награждения молодого Алексея Трофимова, среди перечисленных заслуг, звучит формулировка «за чувство текущего момента». В научном смысле за ней стоит интегральная способность военнослужащего соотносить личные ценности, профессиональный долг и конкретную обстановку, а также принимать этически обоснованные решения в условиях неопределенности. Именно это качество и должно стать целевым результатом этического воспитания.

Центральным и пока нерешенным остается вопрос о том, какими методами можно целенаправленно развивать этическое чувство у военнослужащих.

Тулегенова Динара Дархановна
к.полит.н., научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Содержательные характеристики политических ценностей современной российской молодежи

Политические ценности — предмет устойчивого научного интереса. При этом стоит отметить, что основное внимание уделяется описанию их иерархии или системы, а политико-психологическая составляющая при этом часто остается вне исследовательского фокуса. Также, актуальность проведения данного исследования определяется существованием в политической науке теоретических и эмпирических лакун, связанных с изучением политических ценностей российской молодежи в контексте формирования устойчивой, консолидационной модели национально-государственной идентичности в политическом сознании представителей молодого поколения.

Теоретико-методологическую основу данного исследования составил политико-психологический подход, который обладает теоретическими и инструментальными возможностями для изучения политических ценностей, представлений и ориентаций в структуре политического сознания граждан, поскольку интегрирует концептуально-теоретические и методологические возможности психологии в предметное поле политологии.

Концептуальным базисом исследования являются положения теории политической культуры, касающиеся ценностных ориентаций и установок граждан, идейно-смысловых основ российской политической культуры, а также современные исследования и разработки в области изучения социокультурных оснований политических процессов.

Эмпирическая база данного исследования была сформирована на основе данных всероссийского репрезентативного опроса молодежи, который был проведен осенью 2022 года (n — 2500) и фокус-групповых дискуссий с представителями российской молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (n — 14).

По результатам исследования, можно утверждать, что в сознании молодых людей присутствует сложный баланс между ориентациями на автономию (Я-сам) и патернализм (государство мне должно), при котором молодые люди выступают с претензией на самостоятельность в определении принципов жизнеустройства одновременно с запросом по отношению к государству в обеспечении и восстановлении этих принципов.

У современной молодежи наблюдается сочетание традиционно присущих отечественной политической культуре ценностей и новых ориентаций, появившихся недавно и отражающих поколенческую спе-

цифику. В первом случае речь идет главным образом о ценностях справедливости и свободы, которые являются ядром ценностного сознания молодежи. Эти ценности с одной стороны, носят универсальный характер, а с другой — относятся к базисным ценностям русского народа. При этом, их содержательное наполнение в сознании молодежи включает в себя «новые» смыслы, связанные с индивидуалистическими ориентациями.

Тулинова Анастасия Романовна
обучающаяся бакалавриата
Воронежский государственный университет

Профессиональная этика в ритуальной сфере: соотношение формальных кодексов и моральных дилемм сотрудников

Ритуальный бизнес является отраслью, в которой профессиональная деятельность неразрывно связана с эмоциональным трудом и повседневным столкновением с человеческим горем. Сотрудник (агент, танатопрактик, организатор похорон) одновременно выполняет коммерческую и моральную функцию: он продаёт услуги и при этом неизбежно становится свидетелем и участником чужого траура. Это порождает устойчивое напряжение между корпоративными требованиями и личными моральными установками. Ответом отрасли на это напряжение становится формализация этики. Это и разработка этических кодексов, и внутренних регламентов, и стандартов профессионального поведения. Однако сам факт существования кодекса не снимает моральных дилемм работника, а зачастую переводит их на новый уровень. Возникает вопрос: способен ли формальный этический кодекс регулировать живую мораль, или он лишь создаёт видимость регулирования?

Первая группа дилемм связана с конфликтом продажи и сочувствия. Агент вынужден одновременно утешать клиента и предлагать ему товары и услуги, нередко в момент острого горя, когда способность к рациональному выбору снижена. И здесь возникает вопрос о границах допустимого воздействия. Вторая группа дилемм связана с эмоциональным трудом как профессиональным требованием. Руководство ожидает от сотрудника демонстрации искреннего сочувствия, однако по своей природе это чувство подчинено коммерческой логике и регламенту. Возникает феномен «предписанной эмпатии», чреватый профессиональной деформацией и цинизмом как защитным механизмом. Третья группа связана с конфликтом личной и корпоративной морали. Работ-

ник может считать конкретную практику (например, высокую наценку на товары первой необходимости) аморальной, но обязан её воспроизводить в силу должностных инструкций. Он оказывается в положении морального заложника собственной профессиональной роли.

Формальный этический кодекс обладает реальным потенциалом. Он способен задать минимальные стандарты (запрет на обман, навязывание, коррупционное взаимодействие), защитить добросовестного работника от давления «продай любой ценой» и сформировать общие ориентиры для отрасли. Однако у формализации есть принципиальные пределы. Кодекс не может предписать искренность, не способен разрешить конкретную моральную дилемму в ситуации неопределённости и не заменяет живую моральную рефлексию. Более того, формализация несёт риски: кодекс может превратиться в «ширму», декларирующую этичность при сохранении прежних практик, или стать инструментом монополизации рынка через исключение конкурентов под предлогом неэтичного поведения. Для преодоления разрыва между кодексом и реальной практикой предлагается три механизма. Во-первых, включение в кодекс норм защиты работника, то есть права отказаться от неэтичного поручения без риска увольнения. Во-вторых, введение института этического аудита и профессиональной супервизии, обеспечивающих моральную и психологическую поддержку сотрудников. В-третьих, разработка кодексов с участием самих работников, а не только владельцев бизнеса, что повышает их легитимность и реалистичность.

Этический кодекс необходим, но при всем недостаточен. Он выполняет функцию рамки, внутри которой работник сохраняет пространство для морального выбора и получает защиту от неэтичного давления. Без такой рамки живая мораль остаётся беззащитной, при этом без живой морали рамка превращается в формальность. Подлинная задача прикладной этики в ритуальной сфере — это не заменить моральный выбор регламентом, а создать условия, при которых этот выбор остаётся возможным.

Тульчинский Григорий Львович
профессор, д.филос.н., профессор
НИУ «Высшая школа экономики»

Другие, субъектность и ответственность в цифровых форматах

Другой, другие — ключевой концепт философской антропологии и фактор формирования субъектности как самосознании самости. Субъектность (самосознание) суть рефлексивное самоописание — резуль-

тат освоения социально-культурных практик, которое сопровождается нарративной коммуникацией, когда человека вырывают из каузальных связей, замыкая причины на нём и делая его causa sui. И обычно к 3-у году жизни, с освоением ребёнком наррации от 1-го лица, становясь вменяемым субъектом.

В силу своей рефлексивности, субъектность не только целостна, но и противоречива (допуская A&~A), а значит, открыта различным дополнениям. Это делает её универсальным интерфейсом для дополнения, смены и порождения различных контекстов осмысления. Фактически она является операционализацией трансцендентального субъекта, носителем которого является любой наделенный самосознанием вменяемый индивид.

Хотя самосознанием нас «грузят» при социализации «другие», этот эпифеномен культуры дает возможность его носителю оперировать реально-сущим и воображаемым, менять перспективы своей жизни как жизни с другими. Эта прокреативная преадаптация делает субъектность решающим фактором успехов человеческой цивилизации, включая технику и цифровизацию.

Цифровые форматы социально-культурных практик порождают существенные антропологические вызовы, что порождает необходимость различения концептов субъектности, агентности, идентичности и субъективности, связанных с ними форм ответственности. Если агентность связана с обеспечением стабильной целостности системы в рамках определенного интервала, предзаданного алгоритма, то субъектность связана с потенциацией, выходом за пределы предзаданности, совмещения контекстов и алгоритмов, созданием новых. Идентичность суть наполнение субъектности как формы конкретным социально-культурны опытом, а субъективность — выражение отношения к этому опыту.

Вся история развития технологий, включая цифровые, суть создание агентных форматов субъектности. ИИ усиливают этот тренд, выступая колоссальным искушением новыми возможностями укрощения субъектности агентностью, в том числе – с использованием идентичности. Но субъектность и агентность не противостоят, а дополняют, предполагают друг друга – между ними необходим баланс, взаимодействие.

У субъектности и агентности разная ответственность, предполагающая и дополняющая друг друга. Если у агентности это следование заданному и технологически обеспеченному правилу, то у субъектности это ответственность за создание, воплощение нового горизонта осмысления и вопрошания. Если ответственность производна от рациональных схем, то итогом будет практика «укрощения» субъектности, сведённой к агентности, встроенной в иерархически организованную систему.

Любое сомнение, отклонение становится опасным, подлежащим искоренению. В жизни общества не находится места инициативе, свободе воли и достоинству личности.

Традиция «технической» или «технологической» рациональности много дала человечеству, но её абсолютизация ведет к самодостаточности отдельных практик, кризису распадающегося на самоцельные, не стыкующиеся друг с другом сферы бытия, увязываемые цифровыми «смарт»-технологий в изолированные контролируемые «экосистемы». Природа субъектности тяготеет к иному типу рациональности — естественной открытой гармонии мира. При этом «техническая» рациональность и традиционные формы ответственности выступают как инструмент познания меры масштаба и глубины свободы/ответственности. И недостаток знаний, «техническая» некомпетентность не освобождают от ответственности экзистенциальной.

Сущность человека с этой точки зрения в его единстве и сопричастности целостной гармонии мира и Другим. Полифония с Другими — не общность элементов в множестве, а сложность с сохранением индивидуальности, часть целостности и отдельность в ней, именно — сопричастность. Поглощение субъектности агентностью чревато не только искушением власти властью, жёстким расслоением социума, физической и интеллектуальной деградацией, но и деградацией цивилизационной.

Грант РНФ № 26-18-00672 «Знако- и смыслопорождение как семиопоэзис в языке, социально-культурных практиках, цифровой среде».

Турыкин Денис Сергеевич
обучающийся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические пределы распределения функций между судьёй и ИИ

Этические проблемы внедрения систем искусственного интеллекта возникают во многих сферах профессиональной деятельности, особенно там, где использование ИИ связано с принятием решений, затрагивающих права и интересы человека. Одной из таких сфер является судопроизводство. Приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. №59-П закрепляет вспомогательный характер искусственного интеллекта и сохраняет окончательное решение за судьёй. Вместе с тем предусмотренная Концепцией модель существенно шире технической автоматизации: ИИ должен участвовать в анализе обстоятельств и доказа-

тельств, ранжировании судебной практики, выявлении противоречий, подготовке рекомендаций и генерации проектов судебных актов. Поэтому вопрос о распределении функций между судьёй и ИИ нельзя свести к тому, кто формально принимает итоговое решение.

Современные исследования человеческого надзора и гибридного судопроизводства показывают, что присутствие человека «в контуре» само по себе не гарантирует содержательного контроля. Возможны как чрезмерное доверие к машинным рекомендациям, так и их необоснованное отклонение; кроме того, способность судьи корректировать выводы системы зависит от его профессиональных навыков, времени, институциональной среды и характера самой задачи. Поэтому человеческий контроль следует оценивать не по одному лишь праву последнего слова, а по соответствию между возложенной на судью ответственностью, его полномочиями и реальной возможностью понимать, проверять и пересматривать основания решения.

Для судебной деятельности это имеет особое значение. Судебный акт является публично-властным, мотивируемым и процессуально оспоримым решением. Его легитимность зависит не только от качества результата, но и от возможности показать, почему определённые факты, доказательства и нормы стали основаниями применения права в конкретном деле. Следовательно, судья должен сохранять не просто право утвердить или отклонить предложенный системой результат, а содержательную ответственность за основания решения.

Приказ № 59-П предлагает практически значимые механизмы защиты: верификацию результатов ИИ, аудит и журналирование взаимодействий, обучение судей, поэтапное пилотирование, право сторон знать об использовании ИИ и оспаривать его выводы. Поэтому проблема состоит не в отсутствии регулирования, а в достаточности предложенного институционального дизайна. Особенно показательно требование мотивировать отклонение ИИ-рекомендации. Такое требование может повышать подотчётность и препятствовать немотивированному человеческому решению. Однако если дополнительное содержательное обоснование требуется только при несогласии с ИИ, рекомендация системы может получить привилегированный статус, несмотря на её формальную необязательность. Подобная асимметрия требует самостоятельного обоснования надёжностью системы, характером задачи и пропорциональностью возлагаемого на судью бремени.

Таким образом, принцип «окончательное решение остаётся за человеком» является необходимым, но недостаточным условием этически приемлемого использования ИИ в суде. Содержательный человеческий контроль предполагает, что судья способен самостоятельно проверять

существенные фактические и правовые основания, принимать или отвергать выводы системы и отвечать за итоговую мотивировку. Граница допустимой автоматизации проходит не между «человеческим» и «машинным» происхождением отдельных операций, а между помощью, сохраняющей у судьи реальный контроль над основаниями решения, и такой организацией процесса, при которой ответственность остаётся человеческой, а формирование существенной части оснований фактически переносится на ИИ.

Тухватулина Лиана Анваровна
к.филос.н., научный сотрудник
Институт философии РАН

«Принуждение к добродетели» в борьбе с антинаучными убеждениями

В современном обществе борьба с отрицанием научного консенсуса (дениализмом) всё чаще приобретает форму эпистемического принуждения. Доминирующий дефицитарный подход трактует недоверие к науке как следствие когнитивной неполноценности или морального несовершенства индивида. Тем самым научная грамотность превращается из познавательного навыка в этическую и политическую добродетель, а её отсутствие — в моральный изъян. Возникает просвещенческий идеал «совершеннолетия»: субъектность не признаётся по умолчанию, а должна быть заслужена соответствием стандартам рациональности. На практике это оборачивается эпистемическим принуждением, которое, как отмечает С. Тернер, функционирует по «теологической» модели — доверие к экспертизе навязывается как догмат, а сопротивление стигматизируется как иррациональность. Формируется разделение на «просвещённых» и «архаичных», где первые монополизируют право на публичную субъектность, а вторые маргинализируются как недостойные участия в дискуссии.

Однако эмпирические данные подрывают такую демаркацию. Исследования показывают, что высокие аналитические способности не защищают от дениализма: решающую роль играет среда — попадание в эпистемический пузырь, а не когнитивные дефекты. Консервативные аудитории не доверяют экспертам не из-за невежества, а потому что эксперты не проходят для них проверку на доброжелательность: недоверие к консенсусу воспринимается как моральный порок, что замыкает круг враждебности. Либеральные аудитории эпистемически не добродетельнее, а «удачливее» — они встроены в пронаучные пузыри, где

доверие подкрепляется институционально. Ярлыки «неразумных» и «необразованных» закрывают возможность коммуникации, усиливая разрыв между экспертами и публикой.

Критика и поиск альтернатив эпистемическому принуждению как основе дефицитарной модели соотносится с разрушением традиционных иерархий и в других экспертных областях. В образовании на смену патернализму приходит компетентностная модель, в медицине — партнёрство врача и пациента. Альтернативой навязыванию авторитета в коммуникации между научными экспертами и аудиторией представляется структурный подход, акцентирующий внимание на культурной среде и социальных институтах, а не на недостатках отдельных субъектов. Доверие экспертному знанию не должно рассматриваться как исключительная ответственность субъекта. Формирование и поддержание доверия науке связано с доверием институтам власти и политическим элитам, поскольку ученые в роли экспертов соучаствуют в принятии решений по самым чувствительным для общества проблемам. В этой связи поляризация в отношении к научной экспертизе во многом объяснима поляризацией политического дискурса с его герметичными информационными пузырями, влиянием иррациональных мотивов (отстаиванием идентичности и сохранением эмоционального комфорта) на формирование убеждений и аффективной составляющей в формировании авторитетов. Дефицитарный подход игнорирует политический контекст отношения к научно-экспертному знанию и рассматривает дениализм как проявление эпистемических пороков, которые могу быть устранены через просвещение. В то же время именно политическое измерение антинаучного протеста объясняет низкую эффективность дефицитарного подхода. Поиск альтернативы дефицитарной модели начинается с обращения к принципу рефлексивности в социологии знания (Д. Блур) — отказа от нейтрализации философских дискуссий о дениализме, внимания к политическому измерению антинаучного протеста и осмысления эпистемического принуждения к «добродетели» (доверия экспертным авторитетам) как механизма обеспечения политической гомогенизации и конформности.

Исследование выполнено в Институте философии РАН за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/.

Ухатюк Юрий Игоревич
лаборант-исследователь Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

Этические аспекты полемики о клятве верности Якову I в английской религиозно-политической мысли XVII века

Полемика о клятве верности английскому королю Якову I (1603–1625) стала значительной политической дискуссией начала XVII века, затронувшей не только вопросы легитимности правления протестантского короля из династии Стюартов, но и значимую этическую проблему о возможности несоблюдения подданным клятвы правителю. После Порохового заговора 1605 года был принят «Акт о папистах-нонкорформистах», а 22 июня 1606 года был принят закон о «клятве верности», которую были обязаны приносить английские католики в качестве подтверждения своей лояльности. В клятве присутствовало обещание чтить в качестве верховного правителя только английского короля, а также отречение от учения о праве римских понтификов низлагать светских правителей. Эта клятва вызвала активную критику со стороны папы римского Павла V (1605–1621), запретившего приносить её католикам Англии. Основным католическим полемистом против этой клятвы стал кардинал Роберто Беллармин, обличавший «еретичность» её содержания. Согласно воззрениям кардинала, право римских пап на низложение нечестивых правителей является важнейшим принципом порядка в Христианском мире. Это учение, возникшее в Средние века в контексте деятельности папы римского Григория VII (1073–1085), стало центральным в комплексе папских концепций превосходства духовной власти над светской. Для обоснования притязаний папства Беллармин предложил свою концепцию "Translatio Imperii", которая стала апологией притязаний римской курии на ключевую роль в европейской политике. В полемике он использовал основные положения собственной концепции, которые он изложил ранее в трактате "De Translatione Imperii Romani a Graecis ad Francos" (1589). Римский престол, в рамках данного взгляда, обретал право отзывать и даровать достоинство императорской власти, претендуя на такое же право в отношении королей. Беллармин обосновывал это утверждениями о том, что ранее римские папы уже «переносили» императорское достоинства из Восточной Римской империи к правителям франков, а затем к германским императорам Священной Римской Империи. Беллармин также утверждал, что римский престол имеет право освобождать от присяги «нечестивому» правителю его подданных, а представители высшей аристократии имеют право на восстание против него, не нарушая норм христианской морали. Учение о праве на восстание против «нечестивого» вскоре нашло поддержку в пробабилистской моральной теологии иезуитов.

Данные воззрения авторитетного католического теолога стали объектом ожесточенной критики со стороны антикатолически настроенных политических мыслителей и протестантских теологов Англии. В качестве основного полемиста против католических критиков клятвы верности выступил сам король Яков I, написавший апологетический трактат в поддержку законности клятвы. В нём король выступил с опровержением учения Беллармина, считая учение об освобождении от присяги властью папы римского аморальным с точки зрения библейского учения. Король также опровергал выводы католических теологов об осуществлении «переноса империи» властью папы римского, обращаясь к сюжетам позднеантичной и средневековой истории для обличения данного воззрения. На стороне короля также выступил целый ряд теологов Англиканской церкви: Ланцелот Эндрюс, епископ Вильям Бэрлоу, Роберт Бёрнхилл. Кроме того, католический богослов и член бенедиктинского ордена Томас Престон также первоначально влился в дискуссию на стороне короля, но затем принял сторону противников клятвы. Кардинал Беллармин продолжил полемику, написав несколько трактатов в обоснование неповиновения английскому королю и отказа от присяги ему. Впоследствии к нему присоединился испанский иезуитский теолог Франсиско Суарес, активно поддержав позицию Беллармина.

В докладе показано, как в полемике о клятве верности 1606 г. столкнулись две политико-богословские доктрины, выстраивавшие свою моральную аргументацию: папская теория освобождения от присяги и английская концепция верности монарху.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ грант № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX – начала XXI вв.».

Ушкин Сергей Геннадьевич
к.социол.н., ведущий научный сотрудник
отдела мониторинга социальных процессов
Научный центр социально-экономического мониторинга,
ведущий научный сотрудник
кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
МГУ им. Н.П. Огарёва

Страсти по искусственным Другим: этические границы замещения человека

Появление искусственных Других и их тесное проникновение в повседневную жизнь людей прошло достаточно бесшовно. Во многом этому способствовало две вещи. Во-первых, они не потребовали революции на аппаратном уровне, а поэтому стали доступны большому коли-

честву людей на экранах их смартфонов/компьютеров или же при помощи достаточно простых колонок, получивших статус «умных». Во-вторых, их разработчики сделали ставку на естественный характер коммуникации, развивая существующую технологическую метафору разговора.

Если мы вспомним классические представления о Других, складывающиеся как в социологической (М. Вебер, А. Щюц и др.), так и в философской (М.М. Бахтин, М. Бубер и др.) традиции, то мы увидим, что они играют огромную роль в становлении Я. Можно предположить, что влияние искусственных Других на него будет не меньшим, а даже большим, чем со стороны Других естественных. Причины этого достаточно обширны, начиная от тотального распространения такого рода технологий и заканчивая совершенствованием коммуникативной составляющей. Проблема заключается в том, что если искусственные Другие постепенно становятся значимыми (прото)социальными акторами, то в их отношении (пока) не приходится говорить о моральной агентности — их сложно назвать моральными авторитетами, они не могут нести ответственности за свои решения и даже предлагаемые человеку советы.

Мы все чаще сталкиваемся с этическими границами взаимодействия с искусственными Другими — что можно, а что нельзя им доверить. Для ответа на эти и другие вопросы в марте-апреле 2025 г. нами был проведен массовый репрезентативный социологический опрос населения Республики Мордовия от 14 лет и старше (n=420). В ходе проведения опроса мы синхронизировали свое понимание искусственных Других с пониманием наших респондентов, поэтому находились с ними в одной понятийной плоскости.

Результаты исследования оказались более чем показательными. Так, можно констатировать, что большинство опрошенных рассматривают будущее искусственных Других в логике технооптимизма. В краткосрочной перспективе 2–3 лет четверо из десяти опрошенных (40%) считают, что подобного рода технологии способствуют улучшению жизни людей; придерживающихся противоположной позиции вдвое меньше — 18%. Остальные или не видят потенциала к изменениям (15%), или затрудняются в своих оценках (27%).

Что же конкретно может произойти? Наиболее важный потенциальный сдвиг заключается в том, что искусственные Другие могут отнять у человека работу: так считает каждый третий опрошенный (33%). Но, если рассматривать конкретные профессии, то эти изменения оказываются менее значительными: 23% считают, что подобного рода технологии смогут заменить писателей, поэтов, музыкантов, режиссеров; 18% — профессиональных психологов, врачей, педагогов; 16% — ученых, ин-

женеров, технологов. Только 15% допускают, что в будущем искусственные Другие смогут заменить близкого человека, с которым можно будет поговорить по душам — друга, коллегу, партнера по отношениям или собутыльника. Подавляющее же большинство не считают, что произойдет что-то катастрофическое для сферы социальных отношений.

Получается, что восприятие искусственных Других положительное — при этом чуть лучше об их будущем думают те, кто на относительно постоянной основе сталкивается с ними в своей повседневной жизни. Потенциальные риски трансформации роли подобного рода технологий осознаются, но пока сторонников технопессимизма значительно меньше. В то же время косвенно мы можем говорить о том, что определенная часть опрошенных готова делегировать искусственным Другим выполнение той или иной работы, но не готова поручить им выполнение сугубо человеческих функций по взаимной поддержке. Следствием этого становится этический вопрос о границах делегирования, поскольку техническая способность искусственного Другого выполнять ту или иную функцию еще не означает ее приемлемости у широких слове населения.

Грант РНФ «Социальное конструирование искусственного Другого: подходы, возможности, ограничения» № 25-28-02287.

Фатиев Никита Игоревич
профессор, д.филос.н., профессор
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС

Формальный анализ метаэтического принципа “Ought implies Can”

Принцип “Ought impies Can” (OiS) один из фундаментальных принципов логики норм. Его следы есть еще в «Метафизике» Аристотеля, он присутствует в «Критике чистого разума» у И. Канта, но наиболее четко он прописан в Дигестах Юстиниана, где приводится высказывание римского юриста Цельса “Impossibilium nulla obligatio est”. Что имелось в виду? Суть обязательства — это правовые узы (iuris vinculum), а его предмет только действие: дать(dare), сделать (facere), предоставить (praestare). Ключевое требование здесь — возможность данного действия. Римские юристы различали виды невозможности: физическую и юридическую, если предмет обязательства был невозможен, то такое обязательство признавалось ничтожным (void). Таким образом в римском праве данный принцип есть логическое требование и необходимое условие спрведливого правового регулирования.

Далее мы коснемся принципа OiC в рамках STIT (Seeing To It That) логики, точнее сплава данной логики с деонтической логикой. Это агентская логика с нормативными концептами. Он похожа на динамическую логику, но есть главное отличие — это логика контроля, а не движения.

Мы коснемся работы K. van Berkel, где он рассмотрел целых 10 вариантов исследуемого принципа, применительно к данной логике.

OiLP Logical Possibility _i φ →¬_i ⊥

OiRz Realizability _i φ → ♦ϕ

OiA Ability _i φ → ♦(i)φ

OiV Violability _i φ → ♦¬φ

OiRef Refrainability _i φ → ♦(i)¬(i)φ

OiO Opportunity _i φ → (♦ϕ ∧ ♦¬φ)

OiAO Ability and Opportunity _i φ → (♦(i)φ ∧ ♦ϕ ∧ ♦¬φ)

OiCtrl Control _i φ → (♦(i)φ ∧ ♦(i)¬φ)

OiNC Normatively Can _i φ →_i♦ϕ

OiNA Normatively Able _i φ →_i♦(i)φ

Впереди, в каждом случае на месте "_" должен стоять деонтический оператор, но мне не удалось его туда поместить.

Только первые три варианта позволяют иметь деонтические операторы в рамках нормальной модальной логики и реляционную(Крипке) семантику. Вот они: OiLP — Ought implies Possibility, соответственно Realizability и Ability. Отличия между ними: логическая или физическая возможность или ментальная (знание как что-то сделать, "technical skill").

К этим интерпретациям не может быть вопросов, но далее начинаются так называемые "deliberative" интерпретации, которые следует переводить, по нашему мнению не как «совещательные», но как «целенаправленные».

Автор начинает различать два варианта обязательств:

1. What is obligatory for an agent, ought to be realizable. Это то, что ясно представлено в первых трех интерпретациях.
2. What is obligatory for an agent, ought to be realizable through the agent's choice.

На какую цель направлен второй вариант? Ought implies Violability — обязательства агента могут быть им нарушены. В каком смысле это является обязательством? Ну да «обещать не значит жениться!» Ну тогда является ли это обязательством? Либертарианская трактовка любого поступка, который может быть отменен в любой момент типа... «свободу попугаям!» тут очевидно имеет место. Автор сразу указывает, что в этом случае перед нами ненормальная модальная система, операторы себя ведут ненормально не работают формулы, общезначимые в любой

модальной логике, иначе мы тривиально получим противоречие. Семантика перестает быть реляционной и становится окрестностной. Автору, тем не менее удается доказать непротиворечивость получаемой модели, что, несомненно, требует похвалы, если переписать классика — «бестия наш брат голландский человек!» Но мне неясен вопрос о типе обязательства, возникающего в такой системе. Следующий вариант в исполнении автора звучит так "An agent can refrain from deliberatively fulfilling their obligation".

То есть агент может уклониться от целенаправленного исполнения своих обязательств. Тут надо отметить, что не он один в среде европейских логиков придерживается таких трактовок принципа OiC. Остается спросить себя — в какой мере перед нами логика норм? Вероятно, стоит придумать системам с подобными интерпретациями иное название.

Фаткина Диана Александровна
обучающаяся бакалавриата
НИУ «Высшая школа экономики»

Проблема нормализации сведения женщин до объекта в рамках продвижения товаров и услуг

Маркетинговая стратегия, основанная на привлечении внимания к продукту за счёт женской внешности или тела, способствует укоренению представлений о женщине не как о личности со своими правами, интересами и желаниями, а как об объекте и наборе определённых функций. В результате усиливается её восприятие преимущественно через внешние характеристики, приводит к дегуманизации и снижает значимость автономии, интеллекта и эмоциональной глубины. Для достижения основной цели — привлечения внимания к продукту или услуге — маркетологи нередко используют шаблонный приём, связанный с сексуализацией женского образа. Такая практика может формировать представление о женщине не как о свободном субъекте, а как о средстве или способе достижения коммерческой цели. Кроме того, она способна поддерживать обобщения по принципу «все женщины», задавать нереалистичные требования к внешности и поведению, а также сужать представления о возможных социальных ролях женщины. При этом важно проанализировать, насколько данный выбор является свободным и независимым от общественных ожиданий. Подобные маркетинговый приёмы не всегда способствует привлечению внимания женщин и мужчин, и даже может вызывать негативную реакцию среди женской потенциальной целевой аудитории. Подобная рекламная кампа-

ния способна смещать фокус с ценности продукта и проблемы, которую он решает, на демонстрацию женского тела. Такая навязчивая стратегия может вызывать раздражение и снижать эффективность коммуникации, особенно в женском сегменте целевой аудитории. При чрезмерном использовании подобных образов может снижаться восприимчивость аудитории к рекламному сообщению и постепенно ослабевать реакция на сам рекламный приём. Продолжительное использование женского тела в рекламных целях приводит к психологическим последствиям. Постоянное воздействие идеализированных образов способно усиливать давление на женщин, побуждая их соответствовать критериям конвенциональной красоты, что приводит к расстройству пищевого поведения, включая анорексию и булимию. Длительное сравнение с рекламными образами приводит к формированию самообъективации, при которой женщины начинают воспринимать себя через призму внешнего наблюдателя, в том числе через «мужского взгляда». Главным негативным последствием становится чрезмерная фиксация на внешности, которая затрудняет концентрацию при выполнении интеллектуальных задач, поскольку значительная часть внимания направляется на оценку собственного тела и соответствие заданным нереалистичным стандартам. Постоянное акцентирование на внешности закрепляет представление о красоте как об одном из ключевых критериев социальной ценности женщины. В дальнейшем это способно ограничивать их карьерные перспективы и поддерживать социальное неравенство. Для исправления выделенных проблем брендам стоит пересмотреть свои стратегии в пользу более глубокого понимания ценностей и потребностей своей аудитории.

Фауль Богдан Владимирович
к.филос.н., доцент
НИУ «Высшая школа экономики»

Эмоции как эпистемический доступ к другому: Элджин и Крюгер

Доклад посвящён роли эмоций и телесной экспрессии в социальном познании. Основной тезис состоит в том, что прямая социальная перцепция частично обеспечивается аффективным аппаратом человека. Это означает, что мы воспринимаем другого не как нейтральный физический объект, к которому затем добавляем интерпретацию, а как субъекта, чья ментальная жизнь частично конституирована телесно-аффективными событиями, доступными восприятию. Эмоции в этом кон-

тексте не являются внешним препятствием для познания, но участвуют в распознавании ментальных свойств других агентов.

В первой части доклада будет рассмотрен подход Кэтрин Элджин. В её эпистемологии центральной ценностью выступает не истинность, а понимание. Понимание предполагает способность субъекта ориентироваться в предметной области, выделять значимые связи, использовать модели, ставить вопросы и выстраивать объяснительный подход. Поэтому в состав эпистемически значимых состояний могут входить не только убеждения, но также идеализации, способы организации внимания и эмоции.

Ключевой тезис Элджин состоит в том, что эмоции могут функционировать аналогично восприятию. Некоторые свойства ситуаций являются реакционно-зависимыми: например, оскорбительность реплики, агрессивность коммуникативной среды, доверительность разговора, язвительность или моральная значимость поступка. Эти свойства не являются чисто субъективными, однако условия их тождества зависят от реакций компетентных субъектов. Так, чувство тревоги может указывать на реальную напряжённость ситуации; доверие — на распознавание добросовестности собеседника; раздражение — на действительную язвительность высказывания. Эмоции не гарантируют истинности суждения, но представляют собой способ выделения значимых параметров ситуации.

Эта мысль позволяет перейти к проблеме социального познания у Джоеля Крюгера. Крюгер критикует представление, согласно которому мы сначала наблюдаем внешнее поведение другого человека, а затем по аналогии или выводу реконструируем его внутреннее состояние. Напротив, в ряде случаев ментальное состояние другого дано нам непосредственно в его телесной экспрессии. Мы не просто видим сокращение мышц лица, позу, жест или интонацию, а видим смущение, гнев, усталость, радость, презрение или боль.

Связь между Элджин и Крюгером состоит в том, что Элджин объясняет общую эпистемическую роль эмоций, а Крюгер показывает её значение для прямого социального восприятия. Если эмоции помогают субъекту распознавать значимые свойства ситуации, то в социальном познании они позволяют воспринимать тело другого как конститутивную часть его ментальной жизни. Например, напряжённая поза и резкость голоса могут быть не просто симптомами гнева, а элементами самого гневного состояния. Поэтому наблюдение тела другого человека может давать доступ не к косвенным признакам ментальной жизни, а к части самой ментальной жизни.

В заключительной части доклада будет показано, что такая модель уточняет тезис о воплощённом характере человеческого познания. У Элджин эмоции участвуют в понимании, поскольку выделяют значимость и структурируют внимание. У Крюгера телесные события других людей оказываются наблюдаемой частью их ментальных состояний. Таким образом, аффективная эпистемология позволяет описать прямую социальную перцепцию как форму воплощённого понимания. Мы понимаем другого человека не только через теоретический вывод о его внутренних состояниях, но и через прямое, эмоционально настроенное восприятие этих состояний.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта No 25-18-00208 «Экзистенциальный опыт в цифровой среде: "бытие к цифре", онтология виртуального и человеческое Я» в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Федько Мария Викторовна
обучающаяся аспирантуры
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Нравственное воспитание как ключевой потенциал формирования добродетели в концепции Л.Н. Толстого

Феномен воспитания на протяжении всей своей исторической эволюции подвергался множеству изменений, обусловленных разнообразием подходов к нравственному развитию личности и утверждению социальной роли общества в этом процессе. В различные исторические эпохи проблема выбора методов воспитания решалась по-разному: во-первых, все аспекты формировались в зависимости от социальных ролей индивидов, а во-вторых, нормы воспитания изменялись в контексте исторических условий.

Л.Н. Толстой рассматривал нравственное воспитание как процесс формирования внутреннего морального компаса, который позволяет различать добро и зло. В его понимании добро ассоциируется с простотой, а простота, в свою очередь, трактуется как покорность Богу (Мелешко Е.Д. «Христианская этика Л.Н. Толстого», М., Наука, 2006). Отсюда же понимание, что нравственное воспитание должно быть направлено на формирование высоких моральных качеств в человеке – через божественную значимость.

Образование приобретает историчность, а история включает в себя и религиозные аспекты. Нравственность возникает из религиозных основ: социальные формы жизни производят нравственность лишь тогда,

когда в них заложены последствия религиозного воздействия на людей, то есть практически.

Этическая практика — это некая совокупность действий и решений, которая основывается на моральных принципах, которые направлены на достижение благих целей и соблюдение норм справедливости и уважения к другим людям. Этическая практика реализуется как корпоративно (обучение сотрудников), так и индивидуально (личностно и тет-а-тет).

Можно привести эксперимент сотрудников Ясной Поляны, посвященный нравственному воспитанию в рамках философии Л.Н. Толстого.

- Суть образовательных программ заключалась в их фокусировке на обсуждении моральных ценностей: честность, ответственность и сострадание. Все это было осуществлено в формате дискуссий.
- В ходе практических занятий студенты должны были предоставлять волонтерскую помощь нуждающимся, что формировало моральные ценности теоретически и практически.
- С целью развития критического мышления у детей сотрудники программы ставили их перед моральными дилеммами, которые они стремились разрешить в ходе дебатов, что способствовало развитию эмпатии у учащихся.

Данная проблема охватывает и другие аспекты социальной жизни.

- Одной из таких проблем является социальная несправедливость, проявляющаяся в значительном разрыве между доходами и расходами населения. В условиях этого разрыва в образовательных учреждениях могут вводиться дополнительные занятия, направленные на нравственное воспитание и уважение к социальным различиям.
- С увеличением использования цифровых технологий возникают новые проблемы в межличностном общении, такие как кибербуллинг, утечка данных и распространение дезинформации. Для решения этих проблем в учебные заведения вводятся курсы цифровой грамотности.
- Наиболее распространенной проблемой является упадок традиционных моральных ценностей, что приводит к общественному безразличию к важным социальным вопросам. Все чаще внедряются обязательные курсы по философии, религии и этике.
- Современное молодое поколение также сталкивается с высоким уровнем стресса и тревожности, которые могут перерастать в более серьезные формы депрессии. Нравственное воспита-

ние может способствовать развитию более высокого уровня эмоционального интеллекта.

На основании вышеизложенного можно заключить, что этическая практика играет важную роль в контексте современных реалий и тенденций общественного развития, особенно среди молодежи. Значение практики в образовательном и воспитательном процессах может быть интерпретировано различными способами, однако несомненно, что она способствует прогрессу культурных ценностей, что также подчеркивал Л.Н. Толстой в своих работах.

Филатов Илья Константинович
независимый исследователь

Отношение к другому как онтологическая позиция

Каждый человек с самого рождения обнаруживает себя среди других. При этом другими оказываются не только все окружающие его люди, но и любые иные сущие, как одушевлённые, так и неодушевлённые. Таким образом, различие «я – другой» является одним из основополагающих онтологических фактов. «Два принципиально различных, но соотнесённых между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и разасмещаются все конкретные моменты бытия» (М.М. Бахтин). Отсюда следует, что отношение к другому есть не только моральное, но и бытийное отношение. Поэтому будем называть его онтологической позицией.

Здесь необходимо отметить вклад Мартина Бубера. Сама концепция «онтологических позиций» вдохновлена буберовской идеей «основных слов» «Я – Ты» и «Я – Оно». Представляется, однако, что таких позиций не две, а больше. Одна из них соответствует «основному слову» «Я – Оно». Это позиция человека, воспринимающего других не как самоценные личности, а лишь как факторы, способные оказать то или иное влияние на его собственную жизнь. Тем самым он отказывается признать существование другого равноценным своему собственному. Поэтому назовём такую позицию бытием над другим.

Иначе обстоит дело с «основным словом» «Я – Ты». Так Бубер называет отношение к другому, когда тот является для нас не объектом, а реальным живым существом, партнёром по равноправному диалогу. Но так можно относиться и к «дальним» (малознакомым соседям, продавцам в магазине или попутчикам в поезде), и к тем, кто нам по-настоящему близок и дорог. В первом случае мы можем вступить с другим в подлинно человеческие, но кратковременные отношения. Во вто-

ром же мы стремимся к отношениям на всю жизнь. Следовательно, в «Я – Ты» можно выделить две разные онтологические позиции. Первую можно назвать просто бытием на равных, для второй же потребуется более сильное определение. Назовём такую позицию бытием навстречу другому.

Кроме того, представляется, что существуют и онтологические позиции, в принципе не укладывающиеся в дихотомию «Я – Ты» и «Я – Оно».

Во-первых, если существует позиция бытия над другим, естественно предположить, что возможна и позиция бытия под другим. И действительно, можно вспомнить примеры из жизни и литературы, подтверждающие эту гипотезу. Речь идёт о случаях, когда человек подчинил свою жизнь некоей внешней силе (другому человеку, коллективу или явлению), не испытывая к этой силе искренней симпатии и не имея особой выгоды от этого (а порой даже в ущерб своим интересам). Подобные неравноправные отношения нередко встречаются и в политике, и в бизнесе, и в семье.

Кроме того, в роли подчиняющей человеческую волю силы может выступать не только другая личность, но и нечто неодушевлённое — например, алкоголь или наркотики. Люди, страдающие зависимостью от подобных препаратов (или зависимостями иного рода — игровой, адреналиновой, и т.д.) также занимают позицию бытия под другим.

Во-вторых, существует позиция, в которой соединяются оба буберовских «основных слова». Её занимает тот, кто ведёт борьбу с другим, относясь при этом к нему не как к объекту, а как к личности. В этом случае противник отчасти воспринимается как негативный фактор собственной жизни (как «Оно»), отчасти же как вполне самоценная (и весьма значимая) фигура, способная вызывать не только враждебные чувства, но и уважение, и восхищение, и даже любовь — ведь одним из самых типичных случаев таких отношений выступает борьба детей с родителями за своё самоопределение. Назовём такую позицию бытием против другого.

Таким образом, в ходе анализа обнаружено пять основных типов отношения к другому (онтологических позиций): бытие на равных, бытие над другим, бытие под другим, бытие против другого и бытие навстречу другому. Представляется, что такая классификация может поспособствовать более точному анализу взаимодействия между людьми, чем любые дихотомии, будь то буберовское противопоставление «Ты» и «Оно» или предложенная Габриэлем Марселем и Эрихом Фроммом концепция модусов бытия и обладания.

Филиппова Ирина Борисовна
обучающаяся магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Институционализация клинических этических комитетов в системе перинатальных центров России: структурно-организационная модель и перспективы развития

До недавнего времени среди организаторов здравоохранения этическая экспертиза рассматривалась как формальная процедура, ограниченная преимущественно оценкой научно-исследовательских протоколов. При этом, как правило, оставалось без внимания то обстоятельство, что наиболее тяжёлые в моральном отношении решения принимаются вовсе не в исследовательских кабинетах, а у постели глубоконедоношенного ребёнка, нередко единолично и в условиях жёсткого дефицита времени.

Между тем именно перинатальная медицина является той областью, где с особой остротой сходятся вопросы начала человеческой жизни, пределов допустимого медицинского вмешательства, распределения заведомо ограниченных ресурсов и принятия решений в обстановке высокой клинической неопределённости. Выхаживание детей, родившихся с экстремально низкой массой тела, ведение беременности при тяжёлых пороках развития плода, ситуации конфликта интересов матери и плода, а также паллиативные решения в неонатологии регулярно ставят перед специалистами задачи, не имеющие однозначного клинического ответа. К сожалению, отсутствие в отечественной практике устойчивых институциональных механизмов этического сопровождения таких решений не позволяет объективно говорить о том, что система оказания перинатальной помощи достигла подлинной зрелости.

Следует напомнить, что становление отечественной неонатологии как самостоятельной дисциплины потребовало почти двадцати лет от перехода на рекомендованные ВОЗ критерии живорождения до формирования трёхуровневой системы перинатальной помощи. Нам уже хорошо известна цена иллюзии быстрых побед: административное решение, не подкреплённое подготовкой кадров, материально-техническим обеспечением и изменением профессиональной культуры, неизбежно остаётся декларацией. Есть все основания полагать, что аналогичный риск сопровождает и идею институционализации клинических этических комитетов. Простое издание приказа о их создании, не обеспе-

ченное методическим, кадровым и нормативно-правовым фундаментом, способно породить лишь очередную формальную структуру, не влияющую на реальное качество принимаемых решений.

В настоящее время принципиально важно учитывать, что клинический этический комитет ПЦ это в первую очередь инструмент коллегиальной поддержки врача в морально сложных ситуациях. Предлагаемая нами концептуальная архитектура такого комитета основывается на нескольких ключевых принципах.

Первым из них является мультидисциплинарность состава. Комитет должен объединять неонатологов, акушеров-гинекологов, генетиков, специалистов паллиативной помощи, клинических психологов, юристов и представителей сестринского персонала, независимых членов, не связанных с данным ПЦ. При таком составе возможно преодоление ведомственной и корпоративной предвзятости, нередко искажающей оценку сложного клинического случая.

Второй принцип это разграничение функций комитета. К ним относятся проспективное консультирование в конкретных клинических ситуациях, ретроспективный анализ сложных случаев (по своему методическому смыслу близкий к перинатальному аудиту, успешно адаптированному в отечественном здравоохранении за последние годы) и разработка внутренних этических рекомендаций. Смешение этих функций, равно как и попытка возложить на комитет несвойственные ему административные полномочия, представляется методологически ошибочным.

Третий принцип — это процедурная прозрачность и документируемость работы, обеспечивающие подотчётность комитета и возможность последующего объективного анализа принятых решений.

Особого внимания заслуживают механизмы взаимодействия комитета с семьёй пациента. Здесь необходимо соблюдение хрупкого равновесия между уважением родительской автономии и приоритетом наилучших интересов ребёнка. Этот баланс требует осмысления в каждом отдельном случае. Не менее значимой является и защита профессиональной автономии медицинского персонала, а также снижение феномена морального дистресса, который, по нашим наблюдениям, сопровождает работу в перинатальной сфере не реже, чем профессиональное выгорание, и столь же отрицательно сказывается на качестве медицинской помощи.

Фотиева Екатерина Олеговна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Парадокс непрозрачной нормы: кризис морального суждения и превентивная самоцензура

В рамках предлагаемого доклада ставится задача этико-философского осмысления того, как классическая диаграмма паноптического контроля Мишеля Фуко мутирует в современных цифровых инфраструктурах, создавая принципиально новые вызовы для этики ответственности. В выступлении проблематизируется устоявшийся в литературе тезис о том, что интернет-надзор является простым техническим усложнением бентамовской схемы. В работе обосновывается тезис о радикальном перевороте самой структуры видимости в сетевой среде, требующем введения новых теоретических категорий.

Классическая паноптическая модель, описанная Фуко в работе «Надзирать и наказывать», функционирует в фиксированных границах закрытых институтов (тюрем, школ, фабрик) и предполагает два режима видимости, распределенных ассиметрично. Норма, определяющая конвенциональное поведение человека, полностью транспарентна и эксплицитна, тогда как сам факт наблюдения в текущий момент времени непрозрачен и не поддается проверке. Из зазора между прозрачностью правила и скрытостью надзора рождается самодисциплинирующийся субъект, способный осуществлять интенциональный этический выбор и нести за него ответственность.

В докладе прослеживается, как цифровая инфраструктура контроля переворачивает это соотношение. Факт сбора данных сегодня демонстративно открыт: пользователь уведомлен о сборе данных (cookies-соглашения), подписывает пользовательские соглашения и осознает непрерывность фиксации своей активности. Названный сдвиг знаменует переход к «обществу контроля» Жиля Делёза, где жесткие дисциплинарные стены уступают место текучей, непрерывной настройке (модуляции) реакций человека в открытом сетевом пространстве. В то же время, опираясь на концепцию надзорного капитализма Шошаны Зубофф, в докладе эксплицируется феномен инструментализма — особого типа цифровой власти, при котором алгоритмические интерфейсы аккумулируют поведенческие следы не ради прямого морального исправления, а с целью прогностического перенаправления актора ради рыночной выгоды.

При этом латентной и непрозрачной оказывается сама норма, по которой данные интерпретируются: логика ранжирования, критерии по-

веденческого скоринга и основания модерационных решений закрыты программным кодом и принципиально не могут быть сформулированы в виде кодекса правил. Субъект знает, что за ним смотрят, но лишен знания о шкале оценивания. Данная конфигурация позволяет зафиксировать фигуру «сжатого субъекта» — актора, погруженного в ситуацию инвертированной видимости (прозрачный надзор при непрозрачной норме).

В выступлении подробно анализируется этическое следствие этой инверсии. Самодисциплинирование по Фуко было возможно постольку, поскольку субъект понимал правило и добровольно подстраивал под него свое поведение. В условиях нормативной непрозрачности цифровой среды классический самоконтроль аннулируется, уступая место общей, неопределенной настороженности. Не имея доступа к содержанию правил, актор переходит к стратегии упреждающей минимизации рисков, стремясь уклониться от любой двусмысленности высказывания.

Подобная деформация ставит под вопрос «техники себя» позднего Фуко. Продуманная рефлексивная работа над собственным этическим проектом оказывается невозможной там, где норма является производным продуктом модели, а не стабильным ориентиром. В условиях технологически заданной неопределенности нормы парализуется сама способность субъекта к вынесению осознанных моральных суждений, поскольку выбор между нормой и трансгрессией требует четкого понимания критериев оценки. В качестве вывода предлагается тезис о том, что «сжатый субъект» представляет собой качественно новый тип субъектности, фиксирующий переход от дисциплинарного автоматизма к параноидальной самоцензуре, что позволяет утвердить исследуемый парадокс в качестве ключевого вызова для современной этики.

Фролов Константин Геннадьевич
к.филос.н., научный сотрудник
Институт философии РАН

Доверие к моделям ИИ как экспертам: антропоморфизация versus де-антропоцентризм

Доклад будет посвящен вопросу о том, могут ли модели искусственного интеллекта характеризоваться в качестве заслуживающих доверия (trustworthy) и в какой мере уместно описывать взаимодействие человека и такого рода систем в подобных терминах. Будет рассмотрен широкий спектр позиций по данному вопросу — от скептических (Budnik,

2025) до оптимистических (Simion, Kelp, 2023; Cappelen, Dever, 2025). Отстаиваемая в докладе позиция относится скорее к оптимистической части спектра. Однако оптимистические подходы регулярно сталкиваются с возражениями о неоправданной антропоморфизации представлений об устройстве и функционировании систем искусственного интеллекта. Ответом на это является тезис де-антропоцентризма, который гласит, что ничто ни в природе человека, ни в природе эпистемических понятий не дает нам оснований полагать, что лишь человек в силу его особой природы способен быть полноценным участником эпистемических практик и эпистемических отношений.

Мы рассмотрим различных кандидатов на роль того, что могло бы препятствовать такому включению моделей ИИ: отсутствие у них стабильного агентного профиля; предполагаемое отсутствие феноменального сознания и переживаемых эмоций; отсутствие эволюционного происхождения и сопряженное с этим отсутствие интересов; неуместность приписывания таким моделям как моральных, так и интеллектуальных добродетелей.

В докладе будет исследовано, действительно ли эти обстоятельства препятствуют включению моделей ИИ в число участников эпистемических практик и не позволяют приписывать этим моделям эпистемические понятия и характеристики, такие как способность заслуживать доверия, а также делают неуместными ответные реакции со стороны человека, такие как разочарование, признательность и т.д.

Фураева Анастасия Сергеевна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Приватность как философско-этическая категория: кризис классических концепций в условиях генеративного искусственного интеллекта

Развитие генеративного искусственного интеллекта ставит под вопрос применимость классических концепций приватности. Такие концепции приватности, как, например, «право быть оставленным в покое» (Уоррен, Брэндайс), тайна или контроль над информацией о себе (Вестин, Фрид) — сущностны: они ищут единое основание приватности и определяют нарушение чаще всего как несанкционированный доступ к скрытому.

Генеративные модели делают эту оптику малопродуктивной, потому что производимые ими затруднения плохо описываются в привычных бинарных оппозициях, таких как личное/публичное, согласованное/несогласованное, скрытое/раскрытое. Во-первых, синтетическая репрезентация лица и генеративные выводы по косвенным признакам объединяются в проблему именно выводимой информации: модель угадывает политические взгляды, ориентации или доход, например, по безобидной информации в социальных сетях, хотя пользователь конкретно чувствительные данные открыто не сообщал. Во-вторых, всё более значимой с нарастанием объема данных и способов их обработки становится проблема групповой приватности: агрегация разрозненных сведений позволяет раскрыть чувствительную информацию о той или иной социальной группе, которую не раскрыл бы ни один её участник в отдельности. В-третьих, интимность диалогового интерфейса приводит к подмене контекстов: пользователи добровольно делятся чувствительными данными в чат-ботах, где интимная и личная информация становится сырьём для обучения модели и в дальнейшем коммерческой выгоды, что снова размывает границы понятий личное/публичное, согласованное/несогласованное.

Во всех указанных случаях сущностные (эссенциалистские) определения дают «ложноотрицательный» результат: агрегированные данные публичны, согласие на обработку есть, персональная тайна не раскрывается — значит, нарушения нет, хотя моральная интуиция ущерба сохраняется. Именно поэтому кризис классических концепций не в исчезновении приватности, а в утрате как раз тех самых простых границ: личное/публичное, раскрытое/скрытое, согласованное/несогласованное.

Продуктивной альтернативой сущностным подходам выступает проблемный подход Дэниела Солоува (Understanding Privacy, 2008), опирающийся на прагматизм Дьюи и «семейное сходство» Витгенштейна. В таком подходе приватность определяется не сверху вниз (через определение понятия), а снизу вверх — через таксономию проблемных практик. Д. Солоув предлагает не искать единое содержание приватности, а анализировать конкретные виды вреда, связанные со сбором, обработкой, распространением информации и вмешательством в жизнь человека. Перевод его юридического аппарата в философско-этическую плоскость позволяет не просто искать ответ на вопрос, «что есть приватность», а продуктивно узнавать, какие формы уязвимости человека порождает та или иная практика и почему они морально значимы. Например, диалог с чат-ботом, где интимные признания становятся обучающим сырьём, рассматривается не через бинарность «согласованное/несогласованное», а как «вторичное использование» и «ис-

ключение» пользователя из контроля над дальнейшей судьбой его высказываний.

Подобный подход позволяет создавать карту моральных рисков вместо перечня возможных определений. Он точнее сущностного, поскольку позволяет различать этически неодинаковые ситуации и дает возможность начала более корректной методологической работы, где можно строить моральные ориентиры на основе теорий справедливости, власти или концепции информационной асимметрии. Проблемный подход позволяет в дальнейшем описывать градуированные, вероятностные риски, преодолевая бинарные оппозиции без декларации тотальной «смерти приватности».

Фураева Анастасия Сергеевна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Приватность во взаимодействии с генеративными языковыми моделями: пределы применимости этической категории

Классическая традиция конституирует приватность как отношение, опосредованное границей между Я и Другим, индивидуумом и обществом: у Аристотеля — ойкос и полис, у Уоррена и Брандайса — право на уединение, у Арендт — условие явления в публичном, у Левинаса — лицо Другого. Общим остаётся допущение двух полюсов доступа, чтобы возникло само отношение между субъектами и/или агентами. Многие современные подходы к этическим коллизиям приватности основываются на нарушении норм этих отношений (контекстуальная целостность Х. Ниссенбаум, информационная этика Л. Флориди). Но приватность как категория, устроенная вокруг границы между двумя субъектами, не работает там, где один из участников отношения — и квазисубъект, и институция одновременно. Языковая модель скрывает себя как второго участника, и поэтому классические ответы на проблему приватности либо не решают именно этическую проблему, либо относятся не к проблеме приватности.

Если в классических проблемах, например, информационной приватности, есть разрыв между видимым сервисом и невидимым обработчиком, то диалоговый продукт гибриден: он представляет одновременно и себя, и разработчика, который извлекает данные. Это не два актора, а один, симулирующий отношение. Языковая модель одновременно социальный и институциональный актор, и пользователи управ-

ляют приватностью как межличностным отношением, хотя оно разворачивается внутри институциональных практик. Именно поэтому взаимодействие расходится на два слоя: а) первый — взаимодействие с моделью: устойчивое, лишённое взаимности, вменяемости и признания; б) второй — отношение с корпорацией: взаимное, вменяемое, но скрытое за первым слоем. И в наличии этих двух слоёв и проявляется проблема искажения адресата: пользователь взаимодействует с интерфейсом, располагающим к приватности, тогда как сам вступает в отношение с организацией. Это политическая структура: власть работает через сокрытие собственного субъекта, что может быть описано как дисциплинарный механизм в смысле М. Фуко, действующий через архитектуру. Но в данном случае невидимость участника означает невозможность помыслить его в категориях, в которых ведётся взаимодействие. Отсюда нарастающий парадокс приватности: пользователь знает второго участника и не знает одновременно, и это знание не интегрируется без разрушения переживаемого приватного опыта, есть явное несовпадение установок и поведения.

Наличие такой проблемы может иметь два регуляторных следствия. Инженерный сценарий (с акцентом на среду и технику) — проектирование протоколов и самой архитектурах на условиях устойчивости, прозрачности отношений, их симметрии и обратимости. Но это не является этическим проектом в полной мере: это регуляторная техника, функциональный заменитель этики. Теоретическая этика в этом контексте играет скорее критическую, а не нормативную роль, выявляет допущения, слепые зоны (например, опыт уязвимости, который нельзя передать в метриках).

Второй сценарий антропологический (с акцентом на человека) — этическое регулирование защищает не «приватность» как границу, а человека как уязвимое существо, чья уязвимость структурируется техническими системами. Однако этот сценарий теряет прямое отношение к приватности и интимности. Он говорит о власти, принуждении и асимметрии возможностей, а не о границе и доступе. Система может ничего о пользователе не знать и всё равно эксплуатировать его уязвимость: манипулятивный интерфейс не требует знания, он требует положения, из которого нельзя выйти.

Таким образом, генеративные языковые модели обнажают тот факт, что приватность всегда была отношением, и там, где участник существует, но сконструирован как невидимый, предмет смещается в политическую плоскость. Именно это обостряет вопрос о границах применимости этической теории к системам, в которых участник отношения раздвоен и сокрыт.

Харламов Андрей Васильевич
к.филос.н., доцент
Новосибирский государственный педагогический университет

Этика сопричастности и символическая герменевтика как основание моральной философии

Современная этическая мысль находится в состоянии методологической растерянности. Нормативные системы, претендовавшие на универсальную обоснованность, обнаруживают свою неспособность отвечать на вызовы рубежных ситуаций. Утилитаристский расчет и категорический императив одинаково беспомощны перед лицом антропологического кризиса, размывающего сами границы морального субъекта. В этой ситуации обращение к символической герменевтике испанского мыслителя Андреса Ортис-Осеса (1943–2021) открывает перспективу, которую можно назвать этикой со-причастности.

Исходный тезис заключается в том, что мораль не может быть выведена из универсальных правил или вычислена через калькуляцию последствий. Мораль укоренена в онтологической структуре реальности, которую Ортис-Осес описывает через категорию со-причастности. Реальность представляет собой не совокупность изолированных сущностей, но ткань, взаимную вплетенность всех элементов. Как писал философ, «со-причастность» есть радикальная категория вселенной. Это означает, что ничто не существует автономно, но всегда уже находится в отношении с иным.

Субъект в этой перспективе понимается не как субстанция, противостоящая миру объектов, но как узел в ткани отношений. Ортис-Осес вводит неологизм didentidad — «рас-идентичность» — для обозначения идентичности, которая не дана изначально, но становится через отношение с Другим. Это идентичность открытая, раненная, не совпадающая с собой. Классический моральный субъект, предполагавший самотождественность и автономию, уступает место субъекту, который всегда уже вплетен в сеть отношений и обязан этой вплетенностью самому своему существованию.

Если субъект всегда уже со-причастен Другому, то мораль не может быть делом изолированного индивида, вычисляющего правильное решение. Мораль становится практикой «символического сшивания» — восстановления связности там, где она нарушена. Это не исправление субъекта по заранее заданной норме, но работа по соединению расколотых частей реальности. Символическое сшивание есть этический жест, альтернативный как нормативной модели, требующей адаптации к существующему порядку, так и нигилистической позиции, отрицающей возможность какой-либо смысловой ориентации.

Ключевым инструментом этого этического действия выступает «аффективный разум». Ортис-Осес настаивает, что моральное познание невозможно без включения чувства, эмпатии и телесного опыта. Смысл есть аффективная направленность. Чисто рациональная этика, стремящаяся к бесстрастному суждению, упускает самое существенное: моральное отношение всегда уже заряжено аффектом, всегда включает вчувствование и слушание. Этический акт есть акт слушания — не только слов, но и молчания, не только аргументов, но и интонаций.

В медицинской этике со-причастность означает отказ от модели «врач – пациент» как отношения знающего и незнающего. В педагогике — отказ от нормативного воспитания, адаптирующего ребенка к стандартам, в пользу раскрытия его собственной «рас-идентичности». В политической этике — признание Другого не как угрозы, но как условия собственного существования. В экологической этике — понимание природы не как ресурса, но как со-причастной реальности, в которую вплетен человек.

Перспектива этики со-причастности заключается в преодолении двух тупиков современной моральной философии: фундаментализма, настаивающего на универсальных основаниях, и нигилизма, отрицающего всякий смысл. Третий путь, предлагаемый символической герменевтикой, состоит в признании смысла как задачи, а не данности, как процесса, а не результата. Мораль не находят готовой — ее создают в акте символического сшивания. Это делает этику не системой правил, но практикой, не доктриной, но образом жизни.

Хохлова Юлия Игоревна
обучающаяся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика скуки в эпоху бесконечного скроллинга: «нео-аскетизм» как ответ на цифровое выгорание

Доклад посвящён этико-философскому переосмыслению скуки как ресурса сопротивления цифровому выгоранию. В культуре бесконечного скроллинга любая пауза воспринимается как угроза и должна быть немедленно заполнена контентом. Внимание становится сырьём, а незанятое время — поводом для тревоги. Человек боится не столько отсутствия информации, сколько пустоты, в которой может обнаружить себя без внешнего шума. Целью данного доклада становится показать, что скука обладает не только негативным, но и потенциально моральным значением: она открывает пространство для самопознания, рефлексии и ответственности.

Важно различать скуку-избегание и скуку-выдержку. Первая выражается в пассивном потреблении контента, в постоянном переключении между лентами, сторис и короткими видео. Вторая предполагает усилие, добровольное пребывание в пустоте, отказ от немедленного вознаграждения, способность выдерживать неопределённость. Именно скука-выдержка может трактоваться, как добродетель и условие автономии субъекта.

Для обозначения такой активной формы добровольной скуки вводится понятие «нео-аскетизма». Речь идёт не о конвенциональных церковных практиках, а о секуляризованной форме добровольного самоограничения, которая освобождает внимание от алгоритмической зависимости. Нео-аскетизм понимается как форма обозначения границ, ритма и умеренности. В данное понятие можно включить такие практики взаимодействия с социальными сетями, как цифровой детокс, отказ от уведомлений, сознательное ограничение времени в социальных сетях. Это не бегство от мира и не романтизация страдания, а попытка вернуть человеку способность распоряжаться собственным вниманием.

Основной тезис доклада состоит в том, что цифровое выгорание предстает следствием не переизбытка информации как таковой, а дефицита паузы и неспособности выдерживать скуку. Экономика внимания строится на непрерывной стимуляции: алгоритмы предлагают новизну, эмоцию, вовлечённость — быстрый и простой эмоциональный отклик, причем не обязательно позитивный. Однако, чем больше человек потребляет, тем слабее становится его способность желать, различать смысл и вступать в подлинный диалог. Выгорание в этом контексте оказывается не только психологическим, но и моральным истощением — утратой воли, ответственности и чувства реальности.

Нео-аскетизм, с этой точки зрения, возвращает человеку волю и ответственность за собственное внимание. Он противостоит инструментализации человека как потребителя контента и предлагает иную этику — этику ограничения, тишины и присутствия.

Существует, однако, риск того, что аскеза может переродиться в новый перформанс, в образ «цифрового святого», в моду на детокс. Поэтому важна не техника сама по себе, а её этическая направленность — на свободу, а не на демонстрацию свободы.

Важно ответить на вопросы: может ли этика скуки стать общей нормой в глобальной культуре ускорения? Возможна ли она вне индивидуального усилия — как коллективная практика, поддерживаемая сообществом, образованием, медиа? И не становится ли пауза, молчание и непрозрачность последним пространством свободы в условиях тотальной видимости?

Храброва Вера Сергеевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Женская субъектность в пространстве сцены: этические аспекты изображения шоу-бизнеса в фильмах о кабаре и бурлеске

На протяжении второй половины XX – начала XXI века фильмы о кабаре, бурлеске, шоу-бизнесе и индустрии развлечений неоднократно обращались к образу женщины, достигающей успеха в этой сфере. Особый интерес представляет то обстоятельство, что такие фильмы редко ограничиваются критикой эксплуатационных механизмов. Напротив, пространство, потенциально связанное с объективацией и насилием, становится местом формирования женской субъектности.

В центре исследования находятся фильмы «Кабаре», «Мулен Руж!», «Шоугёрлз», «Чикаго», «Бурлеск», «Последняя шоугерл» и «Удар на вылет». Несмотря на различие жанров и исторических контекстов, их объединяет сходная сюжетная структура: главные героини оказываются в маргинализированном или социально уязвимом положении и вынуждены действовать в среде, где правила изначально установлены не ими.

С одной стороны, индустрия развлечений изображается пространством экономической зависимости, сексуальной эксплуатации и насилия. С другой, именно в этой среде героини получают возможность обрести голос, влияние и контроль над собственной судьбой. Не будучи в силах низвергнуть угнетающую их систему, женщины демонстрируют возможность действия в условиях структурного неравенства.

Представляется интересным рассмотреть, какими нарративными средствами кинематограф превращает истории адаптации к эксплуатирующей системе в рассказ о женской эмансипации. К их числу могут быть отнесены помещение женщины в центр повествования и фокусировка зрительского сочувствия на её опыте. Немаловажную роль играет и акцентирование целеустремлённости, амбициозности и серьезного отношения героинь к профессии. Работа танцовщицы, артистки кабаре или шоугерл, традиционно воспринимаемая как порицаемая и низкостатусная, нередко представляется в кино по законам спортивной или производственной драмы: зритель наблюдает борьбу за профессиональное признание, карьерный рост и материальное благополучие.

Немаловажную роль играет и наделение героинь активной позицией: они не только становятся объектом чужих решений, но и сами используют окружающих, в том числе мужчин, как средство достижения собственных целей. Агентность реализуется различными способами, в

частности через использование собственной привлекательности как социального ресурса, оттачивание профессионального мастерства, а в отдельных случаях — через прямое физическое противостояние с соперницами.

В результате этих нарративных стратегий внимание зрителя смещается с несправедливости самой системы на индивидуальную историю успеха женщины, сумевшей добиться признания и власти в условиях структурного неравенства.

В то же время возникает этическая проблема самой возможности нтерпретации подобных сюжетов как историй триумфа. Если эмансипация предполагает полное преодоление отношений подчинения, не происходит ли подмена освобождения более ограниченной формой индивидуального успеха внутри системы, сохраняющей прежние механизмы эксплуатации? Необходимо рассмотреть, оправдано ли этически представление индустрии развлечений, основанной на сексуализированном труде, как пространства самореализации и личного успеха.

Отдельного внимания заслуживает эстетизация изображаемой среды средствами самого кинематографа. Яркая цветовая палитра, тщательно выстроенная композиция кадра, эффектные музыкальные номера, роскошные костюмы и зрелищность сценического пространства создают привлекательный визуальный образ индустрии развлечений. Даже в тех случаях, когда повествование демонстрирует различные формы насилия, они оказываются встроены в эстетически привлекательную художественную форму, в результате чего зритель одновременно сталкивается с критикой изображаемой среды и получает удовольствие от её созерцания.

Анализ указанных фильмов позволит выявить, каким образом нарративные и визуальные стратегии формируют представление о женской эмансипации в условиях структурного неравенства и какие этические ограничения имеет репрезентация форм труда, находящихся на границе между индустрией развлечений и коммерциализацией сексуальности.

Цибизова Ирина Михайловна
к.и.н., научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Этический сдвиг в современных исследованиях Данте

Определенный сдвиг в интерпретации творчества Данте Алигьери характерен для двадцатых годов XXI в. Если в конце XX в. существовали тенденции исключительно светского, в том числе сенсационного или «провокационного», по словам Р.К. Тойбнер (7. Teubner, p. 315), истолко-

вания его поэзии во фрейдистском духе, то в последнее время все больше и больше исследователей воспринимают творчество гуманиста как образцовую христианскую поэзию, в том числе и представляющую глубокую христианскую этику.

Именно в таком ключе воспринимают «Божественную комедию» шотландский теолог, философ и искусствовед Дж. Корбетт и австралийская философ литературы Р.Б. Тойбнер. Первый представил вторую часть поэмы «Чистилище» как образец христианской этики, исходя из оспариваемой подлинности письма Данте своему покровителю Кангранде делла Скала, где поэма характеризуется как этическое произведение, задача которого состоит в отвращении людей от страданий во грехе и направлении их к райскому блаженству (Corbett, p. 1). Поэма сравнивается с животворящей пищей, способной спасти читателя от проклятия, второй смерти, показывая, как человек благодаря свободе воли может заслужить вечное блаженство в Раю, вечные мучения в Аду, или ему потребуется искупление грехов в Чистилище (Corbett, p. 2). Знание системы морального порядка в загробной жизни, градации добра и зла, различий между философски ориентированной этикой Ада и пасторальной Рая должно было ориентировать читателя к выработке христианской этики. Недаром Беатриче советует лирическому герою писать «на благо миру, что живет так худо» («Чистилище», песнь 32, 103).

«Чистилище» выбрано Корбетом не случайно: это и композиционный центр поэмы, и характеристика семи основных грехов, и разговор о том, какие человеческие грехи можно искупить и как начинать это делать при жизни, и фокусировка на грехах гордости, лени и алчности, относящихся к данной категории. Это не смертные грехи, заслуживающие наказания в Аду, но их преодоление критически важной для аскетической христианской этики.

Если Корбетт рассматривает «Божественную поэму» как манифест средневековой христианской этики в интерпретации Вильгельма Перальда, Р.Б. Тойбнер видит в ней предложение этики смирения, так необходимого современному читателю для сопротивления культуре мгновенности, потребительству, нарциссизму, идеологий, призывающих человека, взяв на себя функцию Творца, создавать самого себя и гордиться собой.

Смирение интерпретируется отнюдь как не самоуничижение и пассивность, но адекватное определение своего места в мире по отношению к Богу и другим людям, подобное христианскому кенозису, духовное достоинство, самоотдача в творчестве и отношениях с другими людьми, самодостаточность, отказ от погони за тщетной славой и активное творчество во Благо, творчество богоугодное, «рана любви» к Богу и

людям (Teubner, p. 5, 19). Для сравнения приводятся трактовки смирения феминисток разных волн. Подобная трактовка смирения и его культивация могут стать основой этического поведения в обществе, и Тойбнер подчеркивает, что руководство к действию современный человек найдет на страницах Священного Писания.

Цой Виктория Вячеславовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Я и Другой: нормы и ценности футбольных фанатов

Команда для фаната — не просто спортивное общество, а сакральный символ «своего» центра и дома. А домашний стадион сравним с «храмом», вход в который возможен только для избранных.

В фанатской среде происходит слияние личного и коллективного. Групповые нормы и ценности становятся личными.

Фанатский мир четко подразделяется на «Я» и «своих» и «Другого» и «чужих»: фанаты одного клуба никогда не скажут про фанатов другого клуба, что они свои. Наоборот, при встрече двух фанатских культур, данная бинарная оппозиция просматривается наиболее ярко.

Даже среди «своих» фанатов одного клуба существует иерархия и разделение. Иногда «свой» может стать «другим».

Фанаты-мужчины воспринимают поколение девушек-болельщиц как «чужих», несмотря на то, что они болеют за тот же клуб.

Нелюбовь к сопернику – не отклонение, а норма, особенно проявляющаяся в матчах с принципиальными соперниками. Но, несмотря на то, что это норма, нельзя назвать нелюбовь целью. Ненависть и неприязнь должна быть направлена на усиление фанатской поддержки.

Через «Другого» проще понять «Себя», а именно, через диалог с ним, «Я» идентифицирую себя с футбольным клубом и его фанатами.

Поддержка команды и верность ей — главные ценности футбольных фанатов: проигрыш не отменяет веры в команду. Настоящие фанаты с командой и в победу, и в поражение.

Во многих случаях ценностью является не сам матч (хотя он также является важной частью), а процесс поддержки: подготовка перфоманса, «кричалки».

Помощь и взаимовыручка являются негласными ценностями футбольных фанатов: «свой» всегда выручит «своего», но не всегда может выручить «другого».

У футбольных фанатов существует негласный кодекс чести: клуб превыше всего; выезд формирует в тебе настоящего фаната; уважай «своих» и помогай им; соблюдай иерархию внутри «своего» фанатского движения.

Среди «чужих» фанатов могут быть и «Другие», например, фанаты братских и дружественных клубов.

Сленг служит не только для общения, но и для понимания, кто «свой», а кто «чужой».

Трибуна активных фанатов — сакральное место: «чужой» не имеет права заходить на нее.

Фанатская субкультура стоится на четком разделении: «Мы» (фанаты и клуб) и «Другие» (противник).

Цуркан Евгений Геннадьевич
к.филос.н., старший преподаватель
МГУ имени М.В. Ломоносова

Монстры в порядке вещей: моральная драматургия индонезийского хоррора от Сисворо Гаутамы Путры до Джоко Анвара

Историческое становление индонезийского хоррора позволяет проследить, как смена политического и культурного порядка меняет моральную драматургию жанра. В докладе сопоставляются две модели индонезийского хоррора: хоррор эпохи «Нового порядка» генерала Сухарто и хоррор периода Reformasi. Объектом анализа являются сюжетная функция монстра и его моральный статус. Теоретической рамкой выступает предложенное британско-канадским киноведом Робином Вудом различение реакционного и прогрессивного хоррора. Для Вуда принципиально отношение между «нормальностью» и монструозным Другим. Реакционный хоррор помещает чудовищное за пределы нормы, тем самым подтверждая действующий порядок. В этом смысле он консервативен: норма утверждается посредством демонстрации чудовищности её нарушения. Прогрессивный хоррор, напротив, делает границу между нормальностью и монструозностью подвижной, допускает идентификацию с монстром и обнаруживает репрессивный потенциал самой нормы. Его трансгрессивность состоит в том, что объектом подозрения становится уже не только нарушитель порядка, но и сам порядок.

Для индонезийского хоррора эпохи «Нового порядка» характерна сюжетная схема «порядок — нарушение — восстановление порядка». Ведьма, демон, одержимый или иной сверхъестественный агент маркируют отклонение от социальной и моральной нормы. Нарушение сопровождается распадом семьи, ослаблением религиозного авторитета, сексуальной трансгрессией или выпадением индивида из общины. Финал возвращает миру устойчивость: сверхъестественное зло получает однозначную моральную квалификацию и устраняется при участии религиозного авторитета, семьи или сообщества. При всей зрелищной избыточности такого кино, проявляющейся в эротических сценах, гротескных образах и натуралистической демонстрации телесных увечий, сюжет в конечном счёте работает на восстановление нормы. Монстр нарушает порядок внутри повествования, но одновременно служит его идеологическому утверждению: поражение монстра вновь проводит границу между допустимым и недопустимым.

После падения режима Сухарто в 1998 году эта модель становится предметом пересмотра. Показателен диалог двух версий фильма «Слуги сатаны»: оригинала 1980 года режиссёра Сисворо Гаутамы Путры и ремейка 2017 года режиссёра Джоко Анвара. Как показывает индонезийский киновед Антон Сутандио в работе о политике религии в двух версиях фильма, они по-разному репрезентируют религиозный авторитет и отражают различные социально-политические контексты. У Анвара религиозный авторитет уже не гарантирует спасения, семья перестаёт быть безусловным пространством нормы, а зло не локализуется в фигуре внешнего нарушителя и не исчезает вместе с его поражением. Оно обнаруживается внутри социальных институтов, родственных связей и самого порядка повседневности.

Эта трансформация меняет моральную функцию хоррор-нарратива. Если хоррор эпохи «Нового порядка» организует сюжет как испытание нормы с последующим её восстановлением, в современном индонезийском хорроре сама норма попадает под подозрение. Меняется и моральный статус монстра: он уже не только воплощает отклонение, подлежащее устранению, но может указывать на вытесненное насилие, травму, классовое или гендерное исключение, религиозную и политическую репрессию. Смена политического режима тем самым сопровождается сменой моральной драматургии жанра: от консервативной модели, в которой нарушение подтверждает норму, к прогрессивной и трансгрессивной, в которой сама нормальность обнаруживается как форма насилия и источник чудовищного.

Цыпина Лада Витальевна
доцент, к.филос.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Рецепция диалогизма Платона в этическом учении С. Кьеркегора

Тезис о том, что язык мировой философии, как и набор воспроизводящихся в ней от эпохи к эпохе сюжетов формируются под непосредственным влиянием текстов Платона и его школы, можно считать исследовательским консенсусом. Это справедливо и в отношении этической мысли, где, как и в других философских дисциплинах, осваиваются и транспонируются в новые философские регистры комплексы принципиальных для платонизма идей и базовых сюжетов. В фокусе исследовательского внимания нашего доклада будет помещена форма презентации платоновской мысли — диалог и специфика его использования С. Кьеркегором.

С содержательной точки зрения учение Платона о добродетелях, которые устанавливаются им как эйдетические регулятивные принципы не имеет точек соприкосновения с учением Кьеркегора о трех стадиях существования, на которых человек, экзистируя, может проявить себя как эстетик (Aestetikeren), этик (Etikeren) или религиозный человек (den Religiøse). В тоже время, четыре Платоновы добродетели устанавливаются посредством диалогического определения. Мудрость предполагает мудрые решения и умение хорошо рассуждать относительно общегосударственных вопросов, мужество трактуется как некое сохранение правильного и законного мнения о том, что опасно, а что нет; похожая на созвучие и гармонию рассудительность обеспечивает власть над определенным удовольствием или вожделением и настраивает все на свой лад, добиваясь согласованности лучшего и худшего. Наконец, справедливость присутствие и сохранение всех добродетелей при условии, что каждый делает свое и не вмешивается в посторонние дела, как на уровне государства, так и на уровне начал души.

Герой Кьеркегора, представлен ли он авторскими признаниями из «Дневника» или скрыт за маской-псевдонимом в одном из его «философских романов», — всегда субъективный мыслитель, существование (Existents) которого пронизано осознанием себя. Для датского мыслителя ценность этической стадии заключается в переориентации человека с конечных целей на абсолютную цель, предполагающую отказ от себя, как и от собственных добродетелей во имя спасения. Это можно осуществить только с помощью страсти, преодолевающей «диалектическую трудность» посредством двойной рефлексии сообщения, которая,

как и платоновские определения добродетелей, устанавливается диалогически. Изобретенный Платоном диалог, предполагающий существование «концептуального персонажа» (термин Ж. Делёза), которого он считает, автором философского высказывания в силу того, что тот «интенсивно живёт в мыслителе и заставляет его мыслить», является источником вдохновения для Кьеркегора. Датского мыслителя привлекает не диалектическая процессуальность диалога, как обмена позиций, который уводит в бесконечность беседы. Его диалоги – скорее искрометный, очень быстро разоблачаемый скрывающимся за маской концептуального персонажа автором розыгрыш, мимически-патетически-диалектическая компиляция. Кьеркегор никогда не отождествляет своего концептуального персонажа с модным современным мыслителем, «спекулятивным причудником», отстаивающим право системы на знание окончательной истины.

Каково в такой перспективе задачи этической стадии жизни у Кьеркегора? Этическая экзистенция сопряжена со всеобщим, с тем, что применимо ко всем и каждому и имеет значимость во всякое мгновение жизни. Поэтому «этик» подчиняет себя требованию долга, он включен в систему нравственных обязанностей и связан ими со своими ближними. Фундаментом его экзистенции становится моральная непрерывность Я, которая обеспечивается актами выбора, посредством которого он вовлечен в проект собственного будущего. Этическая стадия жизни, пронизанная страстью бесконечного, неизбежно приводит к разделительной линии (confinium) и разрешается в «прыжке», трансформирующем этику абсолютного требования в этику любви.

Грант РНФ №24-18-00980 «Герменевтика классического текста как форма философской самоидентификации: Платон и его наследие от Античности до современной России».

Чайка Юлия Валерьевна
научный сотрудник, старший преподаватель
кафедры гражданского и международного права
Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

Трансгуманизм, постгуманизм и границы правосубъеткности животных

Современная дискуссия о правосубъектности животных развивается в контексте глубокой трансформации представлений о человеке, его исключительном положении в мире и роли в правовой системе. Эта трансформация связана не только с развитием биоэтики и экологического права, но и с распространением трансгуманистических и пост-

гуманистических идей, по-разному определяющих границы между человеком, техникой, животным и окружающей средой. Вопрос о том, кто может быть субъектом права, постепенно выходит за пределы классической модели, в которой таким субъектом мыслился прежде всего автономный, рациональный и способный к волеизъявлению человек.

Право уже признает субъектами не только физических лиц, но и юридические лица, государства, муниципальные образования, международные организации и публично-правовые образования. Многие из этих субъектов не обладают биологической природой, индивидуальным сознанием, чувствительностью или способностью испытывать страдания. Их правосубъектность имеет во многом нормативно-конструктивный характер и признается в силу потребностей правового регулирования. Одновременно животные (реальные живые существа, способные испытывать боль, стресс, страх и иные негативные переживания) во многих правопорядках продолжают рассматриваться преимущественно как объекты собственности. Данное противоречие показывает, что традиционный критерий субъекта права уже не может быть сведен только к наличию человеческой воли или рациональности.

Традиционная дихотомия «субъект – объект» все менее полно объясняет современную юридическую реальность. Между этими категориями находятся феномены, которые не могут быть безоговорочно отнесены ни к одной из них: искусственный интеллект, автономные алгоритмические системы, народы, трудовые коллективы и животные. Последние исторически воспринимались как вещи, имущество и объекты права собственности. Однако законодательство ряда государств постепенно отказывается от исключительно вещного подхода, закрепляя положение животных как чувствующих живых существ, чьи интересы подлежат специальной правовой охране. Тем самым животное утрачивает однозначный статус вещи, но одновременно не приобретает полного статуса субъекта права.

В этой связи особое значение приобретает идея переходного статуса животных между объектом и субъектом права. Такая конструкция не требует приписывать животному человеческую юридическую волю, сознательное принятие обязанностей или способность самостоятельно участвовать в нормативной коммуникации. Вместе с тем она позволяет признать, что животное имеет интересы, которые могут быть нарушены: интерес в сохранении жизни, недопущении боли и жестокого обращения, надлежащем содержании, защите от необоснованной эксплуатации. Перевод этих интересов в юридическую плоскость способен повысить эффективность механизмов защиты животных.

Чепелева Наталья Юрьевна
к.филос.н., ассистент
МГУ имени М.В. Ломоносова

Сознание и страдание: проблема оценки субъективного опыта животных

Несмотря на широкий общественный резонанс, вызванный Декларацией о сознании животных 2024 года, правовое положение потенциально сознательных животных по-прежнему остается неопределенным. Доклад будет посвящен обсуждению философских проблем, препятствующих установлению международного консенсуса относительно оценки и измерения благополучия, страдания и сознательного опыта животных.

В этом контексте одной из крупных проблем остается проблема демаркации: какие животные способны иметь сознательный опыт, а какие — нет? Декларация 2024 года включает в круг потенциально сознательных животных не только всех позвоночных, но и насекомых, головоногих моллюсков, десятиногих ракообразных. Если проследить эволюционную взаимосвязь между головоногими моллюсками и наиболее часто изучаемыми позвоночными на филогенетическом древе, то станет очевидно, что общий предок человека и головоногих моллюсков сознанием не обладает. Судя по уровню интеллекта осьминога и вороны, мы должны признать, что сознание у них появилось независимо в ходе эволюции, а их ближайший предок сознанием обладать не мог. Это заново ставит проблему определения универсального критерия наличия сознания, а также подсвечивает проблему специфичности: как применять наши теоретические подходы к принципиально иным нечеловеческим случаям? И как описать когнитивные механизмы, выявленные нашей предпочтительной теорией как составляющие сознание, таким образом, чтобы они были применимы не только к человеку?

Более того, отсутствует доминирующая научная теория сознания даже для человечества. Одна из рабочих функциональных теорий сознания — теория глобального нейронного рабочего пространства. Перенос конкретных элементов этой теории даже на человеческий мозг вызывает проблемы: что именно в мозге может быть названо рабочим пространством? Другой пример — теория среднего мозга, в которой указывается конкретная часть среднего мозга, ответственная за сознание. У многих животных мы можем найти средний мозг. Но почему мы должны исключать сознание у существа обладающих функциональными аналогами среднего мозга?

Нью-Йоркская декларация четко указывает на феноменальное сознание, но возникает проблема с его дальнейшим определением: допускает ли сознание степени, является ли оно одномерным или многомерным. Слоны демонстрируют высокое единство сознания, врановые — достаточно низкое синхроническое единство при богатстве зрительного восприятия, а головоногие — почти полное отсутствие единства при богатстве перцептивного восприятия в области осязания. Принятие какой-либо теории сознания влечет проблемы при применении ее к многообразным нечеловеческим случаям.

В реальной практике взаимодействие с потенциально сознательными животными должно регулироваться на уровне этических подходов. В частности, и это прямо указывается Декларацией 2024 года, мы обязаны учитывать их благополучие и страдание. Однако и в этой области возникают проблемы при практической реализации данного императива. Как посчитать страдания животных? Количественная оценка страданий, как правило, включает измерение физиологических, поведенческих и экологических показателей для присвоения числовых баллов, часто с использованием модели пяти доменов. В качестве примера модели количественной оценки страданий будет обсуждаться фреймворк Дэвида Мортона на крысах. Этот пример мы сравним с более распространенными фреймворками для подсчета не страданий, но благополучия животных. Отдельное внимание будет также уделяться проблемам практической реализации предложенных методов.

Чепелева Наталья Юрьевна
к.филос.н., ассистент
МГУ имени М.В. Ломоносова

Любовь. Декарт. Роботы

Декарт в «Рассуждении о методе» утверждает, что животные не могут ни мыслить, ни чувствовать. На примере с обезьяной он пытается продемонстрировать, что «если бы существовали такие машины, которые имели бы органы и внешний вид животного, то у нас не было бы никакого средства узнать, что они не той же природы». Выходит курьезная ситуация: описывая животных-автоматов, Декарт фактически уже в XVII веке говорит о животных-роботах. Принципиальная разница между картезианством и современностью очевидна: современные роботы-компаньоны создаются именно для того, чтобы имитировать те формы поведения, которые мы связываем с чувствами, привязанностью и социальным взаимодействием животных. Робот-собака или робот-котик могут не испы-

тывать боли, радости или привязанности, однако в повседневном взаимодействии вопрос о наличии у них «настоящих» чувств постепенно уступает место другому: достаточно ли нам поведения, похожего на выражение чувств, чтобы начать относиться к машине как к чувствующему существу? Тем самым неожиданно возвращается картезианская проблема различения животного и автомата, только теперь под вопросом оказывается уже не способность животного чувствовать, а наша способность отличить имитацию чувств от их наличия.

Этой теме посвящены многие современные исследования. Кейт Дарлинг опирается на взаимоотношения человека с животными как на возможную модель осмысления будущих отношений с роботами. Ее подход позволяет отказаться от требования, согласно которому робот должен обладать человеческим интеллектом или сознанием, чтобы стать объектом эмоциональной привязанности. В случае домашних животных мы также вступаем в отношения с существами, внутренние состояния которых недоступны нам непосредственно и о которых мы судим прежде всего на основании поведения.

Особенно показательны в этом отношении исследования роботов-собак (как правило, используется роботизированная собака Sony AIBO). Мысленный эксперимент Декарта по сравнению живого и автоматизированного животного был фактически реализован в 2006 году, когда группа исследователей изучала социальную интеракцию людей с живой собакой и с AIBO (гипотеза Декарта об отсутствии разницы ожидаемо не подтверждается, хотя исследователей она не интересовала вовсе). В 2022 году был поставлен более хитрый эксперимент: все участники взаимодействовали с AIBO, однако некоторым из них сообщили, что это щенок. Результаты предсказуемы: если мы фреймируем взаимодействие с AIBO как общение с живой собакой, то наше восприятие окажется более эмоционально вовлеченным. Исследование 2025 года также подтверждает общую линию: социальная связь с живыми собаками по-прежнему формируется гораздо успешнее, чем с AIBO.

Итак, современный робот пока не устраняет различие между животным и машиной. Однако сам факт возникновения эмоционального и социального взаимодействия с роботизированным животным показывает, что знание о его искусственной природе не препятствует формированию отношения к нему как к социально значимому субъекту. Здесь картезианский эксперимент оказывается инвертированным: Декарт постулирует неотличимость животных от автоматов для того, чтобы вывести этическую проблематику жестокого отношения к чувствующим существам за пределы дискурса, в то время как современные эксперименты показывают, что даже знания об автоматизме робота недостаточно

для того, чтобы полностью исключить эмоциональное отношение к нему. Картезианская философия механизирует животное, а современная культура в определенном смысле одушевляет автомат: машина, воспроизводящая поведение животного, становится объектом приписывания эмоциональных и социальных характеристик.

Черемных Алексей Иванович
курсант
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Коммуникативная компетентность офицера: этический аспект

Характер современных войн (специалисты называют их информационными, психологическими, гибридными и т.д.) требует от профессионального военнослужащего новых навыков и умений. Офицер сегодня — это не только знаток тактики или носитель специализированных знаний, но и эффективный руководитель, педагог, переговорщик, наставник. Успешность его деятельности во многом связана с коммуникативными умениями: грамотно поставить задачу и умело мотивировать подчиненных на ее выполнение, справиться с конфликтами в подразделении, выстроить взаимодействие с гражданским населением. Но коммуникация — это не только риторика, красивые слова, — слова должны вызывать доверие, а это невозможно, если за ними не стоит внятная нравственная позиция. То есть формирование целостной коммуникативной компетентности как одна из ключевых задач военного образования должно быть соотнесено с нравственным воспитанием военнослужащих, этикетные нормы с профессиональной этикой. Будущий офицер должен не только знать нормы устава, но и владеть психологическими навыками управления коллективом, соблюдать правила речевой коммуникации, быть справедливым и тактичным в оценке действий подчиненных.

Однако образовательный процесс в военном вузе традиционно ориентирован прежде всего на формирование специальных знаний и военно-прикладных навыков, в то время как развитие коммуникативных способностей носит характер стихийного формирования в ходе профессиональной практики. То же самое происходит и с уроками деловой этики: учебные программы уделяют им внимание по остаточному принципу.

Особенно остро эта проблема стоит на младших курсах, когда у курсантов происходит адаптация к жестким нормам уставного обще-

ния, что может подавлять развитие гибких коммуникативных умений. Социологические исследования показывают, что коммуникативная компетентность у курсантов даже на старших курсах имеет весьма неравномерный уровень сформированности, с выраженным акцентом на формально-уставные нормы общения при дефиците навыков гибкого межличностного взаимодействия, эмпатии и опоры на нравственные ценности, что требует целенаправленной коррекции в рамках военно-политической работы в армии.

Черняева Дарья Владимировна
доцент, к.ю.н., директор по научной работе
Международный научно-исследовательский институт зооправа

Адаптация права к изменению рамок моральной субъектности животных

1. Существует несколько параметров, которые человек сегодня готов рассматривать в качестве критерия моральной субъектности животного (разум, сентиентность и др.). Рамки субъектности, определяемые каждым параметров, гибки и постоянно смещаются по мере развития научного знания о животных.

2. Если конкретный параметр операционализируем и фальсифицируем, то верификация его наличия у новых классов объектов создает объективные предпосылки для пересмотра границ их субъектности в рамках научного и философского дискурса. Правовая система, выступая одним из ключевых институтов фиксации социально-этического консенсуса, адаптируется к изменениям этих представлений для сохранения своей легитимности и регуляторной эффективности

3. Правовая система структурно тяготеет к стабильности категориального аппарата и требует четкой фиксации границ используемых понятий. Декларативное закрепление идей (например, о об обеспечении благополучия животных или о признании их сентиентности) в нормативном материале недостаточно для стабильно и долгосрочно эффективной правоприменительной практики.

4. Соответственно, нормотворчество сталкивается с дилеммой: использование закрытого перечня видов сопряжено с риском потери номой актуальности на фоне новых научных данных и практики, отрыв правовой нормы от эмпирической реальности, эрозии её регулятивного потенциала и делигитимизации, «омертвение» правовой материи; тогда как альтернативные подходы требуют либо разработки динамических критериев и/или процедурных механизмов их регулярного пересмотра.

5. Эффективная и адаптивная модель регулирования требует разделения двух уровней нормы: статический (фиксация общего принципа как значимой, законодательно защищаемой ценности) + динамический (регулярная адаптация его рамок/интерпретации через процедуру/механизм согласования и пересмотра).

6. В докладе рассматривается мировая практика по реализации подобных моделей, выделяются сложности и риски, анализируются успехи и оцениваются перспективы целенаправленного построения таких моделей.

Чибисов Борис Игоревич
к.и.н., доцент
Тверской ГМУ Минздрава России

От анекдотов к клипам: современные трансформации чёрного юмора в медицине

Классическая этическая легитимация чёрного юмора в медицине строится на пространственном разделении: шутка допустима в «закулисной» зоне (backstage) — ординаторской, операционной, переговорной — и недопустима в присутствии пациента или его семьи. К. Уотсон (2011) формулирует ключевой критерий: «когда шутка становится формой насилия — над пациентом, доверием или властью?». По её мнению, юмор этически оправдан, если его мишенью является не человек, а ситуация — смерть, абсурд, бессилие. Однако цифровая среда уничтожает границу между «внутренним» и «внешним». Шутка, опубликованная в закрытом чате, может быть процитирована, переслана, перефотографирована. Как отмечает Британская медицинская ассоциация (BMA), конфиденциальность никогда не может быть гарантирована — даже в закрытых группах или форумах. Правило, сформулированное BMA, звучит так: никогда не публикуйте ничего в социальных медиа, что вы не были бы рады увидеть напечатанным в газете. Центральный этический риск чёрного юмора — дегуманизация пациента. Исследование Wear и соавторов (2009) выявило существование «неписаных правил» юмора в клинической среде: иерархия инициации (шутку всегда начинает старший), категории «доступных» для осмеяния пациентов (сложные, некомплаентные) и «запретных» (терминальные больные). Эти правила работают в устной традиции, но в цифровом пространстве контроль над их соблюдением исчезает. Дегуманизация принимает разные формы: прозвища-ярлыки для пациентов («транспорт», «овощ»), насмешки над внешним видом, поведением, социальным статусом.

Наиболее известный пример правовых последствий — случай в США, когда пациент, находившийся под седацией, записал на смартфон унизительные шутки врачей о его теле; суд присудил ему 500 000 долларов компенсации за клевету и медицинскую халатность. Цифровой юмор о пациентах — даже без указания имени — может квалифицироваться как нарушение врачебной тайны. Даже псевдоанонимизированные описания случаев в соцсетях могут быть идентифицированы по совокупности деталей (локация, время, специфика клинической картины). Публичное распространение чёрного медицинского юмора наносит ущерб не только конкретному пациенту, но и доверию к медицинской профессии в целом. Кейс клиники в Санта-Барбаре (2025), где медсёстры опубликовали в TikTok видео с насмешками над пациентом после приёма, привёл к увольнению персонала и публичному скандалу. Исследователи из Pace University отмечают: высмеивание пациентов в социальных медиа подрывает доверие, останавливает людей от своевременного обращения за медицинской помощью и подрывает эффективность отношений. Пациенты, увидевшие подобные публикации, могут чувствовать себя небезопасно, осуждаемыми или униженными, что приводит к отказу от профилактической помощи, сокрытию важной информации или сопротивлению лечению. Чёрный юмор в цифровом пространстве создаёт долговременный цифровой след, который влияет на оценку профессионализма. В исследовании анатомических лабораторий выявлено, что часть студентов воспринимает юмор как элемент «скрытого учебного плана» (hidden curriculum) — неформальной социализации, которая передаёт негласные нормы отношения к телу, страданию и смерти. Чёрный юмор как копинг-стратегия имеет обратную сторону: если человек постоянно шутит о смерти, несчастьях или болезнях, не проживая реальную тревогу, это может указывать на скрытую усталость или эмоциональное выгорание. Чёрный юмор может скрывать бессилие, тревогу, раздражение или чувство несправедливости. Таким образом, чёрный юмор в медицине несёт двойную нагрузку: с одной стороны, он помогает выдерживать экстремальные условия клинической работы; с другой — хроническая зависимость от него может свидетельствовать о нерешённых структурных проблемах (перегрузка, отсутствие психологической поддержки, низкая оплата) и одновременно закреплять дегуманизирующие практики в профессиональной культуре.

Чижова Дарья Александровна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Пороговое состояние как этический опыт через призму зрительской рефлексии и VTS (на материале выставки «Сквозь миры»)

Посвященная пороговому состоянию выставка «Сквозь миры» (2026) стала пространством, где зрителям удалось поразмышлять над темой неопределенности и «бытия-между», поставив перед собой когнитивный вызов. Целью проекта является определение того, как зритель с разным уровнем визуальной грамотности воспринимает художественную репрезентацию «порогового состояния». Тогда как дестабилизация норм характеризует саму тему выставки, кураторский интерфейс провоцирует переход и пересмотр привычных смыслов, чтобы создать опыт переживания выбора и моральной рефлексии.

Несмотря на разнообразие техник и сюжетов, все представленные работы пронизаны несколькими смысловыми слоями. Одни исследуют внутренний космос человека, в котором удивление перед собственным существованием становится началом трансформации. Другие рассказывают о переживаниях и внутреннем хаосе (страхе, кризисе), о стремлении к состоянию внутренней гармонии и целостности. Третьи обращаются к коллективной памяти, раскрывая исторические события в образах, рассказах и культурных кодах.

Методологически исследование совмещает искусствоведческий анализ экспозиции и метод VTS (Visual Thinking Strategy), базирующийся на стадиях эстетического развития А. Хаузен, а также качественный контент-анализ. Поэтому ключевое предположение заключается в успехе выставки, провоцирующей зрителя на переход от одной стадии эстетического восприятия к другой и делая акт восприятия «пороговым» по своей природе. Если зритель на «нарративной» стадии воспринимает конкретный сюжет, а на «интерпретативной» — символы интерфейса, в том числе задуманные кураторами, то на «рекреативной» стадии в сознании зрителя образуется множественность смыслов. Такое столкновение с границами восприятия через сложные формы морального и зрительного опыта приводит к пониманию того, как работают ценностные стратегии в состоянии неопределенности.

Новизна работы раскрывается через анализ опыта конкретной выставки как набора символов-иконок и когнитивной стратегии зрителя: в ситуации неопределенности человек оказывается перед необходимостью выбора, ответственности и встречи с Другим, не имея готовых норм

и правил. Так, успешность передачи «порогового состояния» верифицируется за счет стереотипов психоэстетических реакций, что выражается в результатах опроса через преобладание интерпретативной и рекреативной стадий, тогда как классифицирующая и конструктивная практически не представлены.

Дополнительным объектом анализа выступает кураторский интерфейс — способы организации пространства, расположения работ и звукового сопровождения, где принципиальным оказывается понятие «глитча» — нестыковки и разница между работами, отмеченные зрителями. Как пишет В.В. Савчук, медиум заявляет о себе только в момент неспособности сообщать. Потому их объединение с непроизвольным и наоборот направленным на предметы вниманием зрителя позволяет назвать кураторский интерфейс медиатором, упрощающим или усложняющим восприятие.

Как со-куратор выставки «Сквозь миры», я провела серию опросов среди посетителей, направленных на изучение их восприятия порогового состояния и кураторского интерфейса. Опрос включал как свободные описания зрительских впечатлений от представленных работ, так и структурированные вопросы по методике VTS, а также оценку роли пространства, музыки и развески. Полученные материалы были дополнены анализом спонтанных отзывов и комментариев. На основе этих данных, представленных в настоящей работе, будет сделан доклад, в котором эмпирические результаты опросов будут соотнесены с теоретической рамкой исследования — теорией стадий эстетического развития А. Хаузен и концепцией лиминальности.

Таким образом, исследование вносит вклад в осмысление порогового состояния как актуальной категории современного искусства, художественной практики и морального опыта, предлагая инструментарий для диагностики коммуникативной успешности выставочных проектов, ориентированных на широкую аудиторию.

Чиханова Екатерина Владимировна
к.п.н., доцент
ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева

Этические дилеммы внедрения принципов эвтагогики в систему высшей военной школы

Внедрение принципов эвтагогики в систему высшей военной школы создает конфликт идей автономии обучающегося и правилами строй иерархии, свойственной военной службе. Если традиционная педагогика высшей военной школы базируется на принципе единоначилия и

строгом подчинении регламенту служебной деятельности, то эвтагогический подход, напротив, подразумевает у обучающихся военнослужащих формирование самостоятельности в постановке целей обучения, создание индивидуального образовательного маршрута. Сложившаяся ситуация демонстрирует две трудносовместимых модели обучения «действие по приказу» и «самонаправляемое обучение». Таким образом, подсвечивается проблема столкновения самонаправляемого обучения, границ допустимой свободы и традиционного подхода в подготовке военных кадров, чья деятельность основана на строгом подчинении.

Существенный вклад в развитие эвтагогики внесли: Стюарт Х. и Кеньон К., Аргирис К. и Ш. Дональд, К. Роджерс, В.К. Пичугина, А.А. Вербицкий, С.И. Змеев, И.А. Колесникова и др.

Продолжая анализ данной проблематики, необходимо выделить основные дилеммы.

Смена модели обучения «действие по приказу» на «самонаправляемое обучение». Основной конфликт данной дилеммы заключается в переносе когнитивной нагрузки. В традиционной военной школе командир является главным источником, принимающего решения, а задача подчиненных исполнять. При такой модели взаимодействия выявляются уязвимые места, такие как, ограниченный когнитивный ресурс первого, а инициатива второго подавлена. Фокус в обучении в соответствии с принципами эвтагогики смещается от действия по алгоритму в сторону вариативности. Обучающимся важно знать не только как действовать, но и понимать почему, для чего и какой допустимой свободой они обладают. Наглядным становится переход из плоскости понимания приказа в плоскость понимания стратегии. Девиз новой модели обучения «достигни цели, используя свои ресурсы».

Вторая дилемма неразрывна с первой. Самостоятельный выбор или безопасность других. Обучение на основе главного принципа эвтагогики (автономия обучающегося) переносит ответственность на самого обучающегося, но в военном деле ошибка равна возможной гибели личного состава. Командир или преподаватель высшей военной школы, внедряющий в свою практику подготовки взрывотехников или оператора БПЛА, оказывается в затруднительной ситуации, дать обучающемуся сделать самостоятельный выбор в принятии решения или обеспечить безопасность подразделения. Ослабление контроля в дисциплинах профессионального цикла — это неоправданный риск и прямую ответственность за него несет командир и/или педагог. Переход к эвтагогике «в чистом виде» в области подготовки военных специалистов, чья деятельность сопряжена с высоким риском для жизни, может быть воспри-

нята как отказ от ответственности, что недопустимо по очевидным причинам.

Дилемма критического мышления: сомнение и верность доктрине. Эвтагогический подход в обучении типа двойной петли направлен на формирование культуры эвристического мышления, когда обучающийся критически переосмысливает привычные шаблоны, ценности, стремится к выявлению глубинных причин профессиональной ситуации. Военная система и дидактическая система высшей военной школы базируется на принципах лояльности к государству и нерушимости уставов. Ситуация, где обучающийся высшей военной школы привыкает подвергать сомнению авторитеты, цели и методы ради поиска наиболее эффективного решения, возникает риск нарушения дисциплины. На данный момент, остается открытым вопрос: как подготовить военного специалиста с гибким стратегическим мышлением, способным беспрекословно выполнять приказы?

Этико-педагогическое регулирование образовательного процесса в высшей военной школе и поиска баланса меду приказом и свободой выбора возможно с помощью конкретных инструментом.

Таким образом, разрешение этических дилемм эвтагогики в высшей военной школе требует создания гибридной модели обучения и образовательной среды в целом, где возможно будет сочетать жесткие рамки военной дисциплины с контролируемыми зонами автономии обучающихся всех категорий.

Чумакова Татьяна Витаутасовна
профессор, д.филос.н., профессор
кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет

Нравственный аспект образовательных стратегий в России конца XVIII в. (на материале детской дидактической литературы)

В XVIII в. благодаря реформам Петра Великого началось развитие образовательных стратегий, которые были намечены еще в предыдущем столетии. При кажущемся сходстве (что вполне объясняется влиянием христианской дидактики) новые стратегии имели разнообразное поликонфессиональное происхождение. Во-первых, достаточно мощным во второй половине XVII в. в области воспитательной и дидактической становится влияние католической катехитической традиции, апро-

приированной православными мыслителями, жившими на территории Речи Посполитой, часть которой во второй половине столетия вошла в состав русского государства, в частности, благодаря этой традиции в букварях и азбуках появился Декалог, который до того времени не воспринимался как текст, пригодный для использования в учебной практике. Другим важнейшим фактором, определившим своеобразие русских образовательных стратегий как минимум на полтора столетия стала образовательная стратегия, выработанная в рамках галльского пиетизма (школы Франке). Влияние пиетистов на русскую культуру, начиная с конца XVII в. резко усиливается, а после Северной войны, когда российскими подданными (либо пленными, отправленными в сибирскую ссылку, где они создавали школы) становятся прибалтийские немцы, одни из наиболее преданных распространителей идей галльского пиетизма. Учебные пособия и школьная традиция, сформировавшаяся вокруг немецких школ, появившихся в различных частях страны, способствовали усвоению петистских идей уже в детском возрасте. Влияние пиетизма было многообразным ,и проявлялось не только в интересе к христианскому наследию и воспитанию детей в традициях служения общему благу (что становится государственной стратегий в России со времен Петра, особенно ярко проявляясь в эпоху Екатерины II), но и использовало модернистские подходы, связанные прежде всего с акцентацией на практических науках, не только на практической этике, но и логике, математике, которые в ту эпоху (как можно судить по переписке Франке и Чирнхауса) воспринимались именно как практические науки, которые способствуют быстрому овладению знаниями. И этот практический подход способствует развитию интереса Г. Франке к изучению других (нехристианских) культур и религий, и прежде всего буддизма и конфуцианства. Достаточно подробно о китайской традиции писал в предисловии к «Novissima Sinica» друг и соратник Франке философ Г. Лейбниц, который видел в китайцах величайших филантропов, которые относятся к друг другу с любовью, почти подражая Христу. Вполне возможно, что именно этот пиетистский восторг перед «новыми», открывшимися для европейцев культурами, способствовал тому, что в детских дидактических сочинениях конца столетия достаточно часто встречается описание различных религий. И в первую очередь, это религии Китая.

РНФ 25-28-02138 «Проблемы формирования науки о религии в России: ранний период».

Шабаева Ангелина Артемовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Биоарт и этика телесности в искусстве: от человека к киборгу

Биоарт — направление искусства, возникшее в XX веке, отличительной чертой которого является создание объектов из клеток, бактерий, тканей и пр. «Живое» становится красками и кистями; оно превращается в художественное высказывание.

Художественные практики биоарта отличаются по следующим подходам: придание биоматериалам определенных форм; использование биотехнологий и инструментов; изобретение или трансформация живых организмов. То есть, использование «живого» в арт-объектах возможно с необычайным разнообразием средств и техник. И если оно начиналось с «микробных рисунков» А. Флеминга, то в настоящее время художники могут использовать собственное тело, кровь, клетки для создания работ.

Разнообразие, сложность и искушенность используемых средств в арт-объектах стимулирует возникновение разноплановых этических вопросов. Т. к. по своей сути биоарт — это манипулирование жизнью в контексте искусства, ее присвоение.

Имеет ли право человек использовать любой организм для удовлетворения духовных потребностей, будь это бактерии, с помощью которых написали картину или генетически модифицированный кролик, который теперь светится в темноте? Создавая новый (полу)живой арт-объект, существование которого будет длиться одну выставку, кем выступает человек — творцом и убийцей одновременно? Где границы дозволенного в этом случае? Подобными вопросами задавались не только философы, культурологи, но и сами художники. Некоторые из них находили этические компромиссы со своими творениями…

Однако отдельный пласт этических вопросов в биоарте вызывает тело человека. «Телесность» — наиболее близкая каждому человеку тема, и в современном искусстве уже были проведены достаточно провокационные и удивляющие публику перформансы. Вспомним «Ритм 0» М. Абрамович, где художница использует свое тело в качестве холста, исследуя человеческое поведение. Но цена этого перформанса высока: кистями становятся ножи, гвозди и другие предметы, способные нанести увечья. В 90-е другая художница, Орлан, занимается проектом «Преображение Святой Орлан», в котором проводят 9 пластических операций на ее лице. По итогам перформанса Орлан стала «слепком» из канонов красоты различных эпох, измененным «реди-мейдом», (как заявила сама художница).

Эти примеры уже демонстрируют разные формы эксплуатации художником своего тела. Но с развитием технологий и биоарта появляются более изощренные формы использования организма. Скульптурные автопортреты М. Куинна из собственной крови или работы Д. Реодики, созданные из клеток ее организма являются только вершиной айсберга исследования тела и его границ с помощью художественных биопрактик.

Художники начинают выращивать части человеческого организма или вживлять новые органы в свое тело! Так, например, Стеларк прирастил к руке третье ухо, которое могло «слышать» с помощью звукового чипа. Группа художников TC&A создает «Дополнительное ухо: 1/4», живую копию человеческого уха в уменьшенном размере, представленную в Национальной галерее Виктории после этических споров.

Биоискусство дополняет человеческое тело, т.е. сознательно меняет его привычную архитектуру, «природное» и «данное» — чем является тело теперь? А полуживые созданные органы выходят за рамки этики заботы, предложенной теоретиками раннее по отношению к биоартам. Они наравне с дополненным телом не только ставят вопросы границ телесности, но и меняют реальность, встает вопрос об их моральном статусе и сущности в качестве биологических «запчастей».

Это уже «гибридное» или «киборгическое», противоречащее гуманистической этике. По мнению Д. Харауэй, мир киборгов — это новая реальность, задающая вопросы сосуществования гибридных форм, установления новых границ. И биоарт скорее отражает такую киборг-этику, выражает возникающие дилеммы в меняющемся современном мире, ставит под сомнение состоятельность однозначных ответов для их решения и рассуждает о новом понимании человека и телесности.

Итак, биоарт сталкивается с различными этическими вызовами, включая тему телесности человека, где эксплуатация граничит с киборгизацией.

Шавеко Николай Александрович
к.ю.н., старший научный сотрудник
Институт философии и права УрО РАН

Принципы справедливой войны в контексте этики полицейских операций и информационных войн

В условиях трансформации характера современных вооружённых конфликтов возникает вопрос о предметных границах теории справедливой войны. «Новые войны» напоминают скорее полицейские операции, чем классические войны. «Информационные войны» также обладают рядом уникальных признаков. Применимы ли к ним принципы

справедливой войны, разработанные в рамках теории справедливой войны?

Полагаю, что «новые войны» и информационные кампании усложняют применение традиционных принципов справедливой войны (соразмерности, необходимости, правого дела, дискриминации, легитимности), но не отменяют их. Вместе с тем, для некоторых принципов требуется некоторое уточнение формулировок. Например, принцип военной необходимости теперь должен включать обязанность восстанавливать гражданскую инфраструктуру для уменьшения негативных последствий военных действий, а принцип правого дела должен учитывать не только причину начала войны, но и её конечную цель — предотвращение будущих конфликтов. Принцип дискриминации (разграничения комбатантов и гражданских лиц) должен формулироваться более абстрактно, а не применительно к традиционным признакам комбатантов (наличие военной формы, ношение оружия и т.п.). В пропагандистских войнах принцип дискриминации может оказаться вообще неприменимым, так как в них участвуют в т.ч. гражданские лица. Тем не менее, неприменимость этого принципа в конкретных случаях обусловлена не дефектами теории, а особенностью самого феномена пропагандистской войны. Поэтому новая этическая система не требуется, достаточно последовательного применения и адаптации существующих принципов.

Следует обратить внимание на схожесть теории справедливой войны с этикой правоохранительной деятельности и концепциями гражданского неповиновения: в этих сферах действуют аналогичные моральные критерии (необходимость, соразмерность, справедливая цель, легитимность субъекта). Ключевым становится переосмысление принципа легитимности: его следует трактовать не как формальную законность или одобрение населением, а как моральную уполномоченность субъекта устранять несправедливость. В рамках такого подхода легитимными могут признаваться и негосударственные акторы — при условии, что уполномоченные органы бездействуют либо утратили легитимность. Если так, то между критериями моральной обоснованности войны, полицейских операций, гражданского неповиновения, революции и т.д. вообще нет никакой разницы.

Таким образом, границы теории справедливой войны зависят от выбранного понятия войны, а не от моральных критериев: универсальные этические принципы способны охватить широкий спектр ситуаций — от классических межгосударственных войн до информационных кампаний и полицейских операций. Продуктивнее развивать именно эту универсальную систему, а не создавать отдельные этические модели для каждого типа конфликта.

Грант Российского научного фонда № 25-78-00001 «Современные вызовы теории справедливой войны», https://rscf.ru/project/25-78-00001/.

Шайхутдинова Айгуль Рустемовна
обучающаяся бакалавриата
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Артикуляция нечеловеческого: как сделать баклана участником экологического диалога на Байкале?

В работе рассматривается один из возможных путей решения конфликтов во взаимодействии человеческих и нечеловеческих акторов в контексте глобальных климатических изменений. Трансформации окружающей среды создают новые, зачастую менее благоприятные, условия существования для всех живых организмов. Это в свою очередь ведет к возникновению этических проблем на разных уровнях: глобальном (экосистема Земли) и локальном (экосистема отдельного природного объекта). В условиях развития постгуманизма и экологической этики, разработка ценностно-нормативных подходов к решению подобных конфликтов и переосмысление отношений между людьми и нечеловеческими акторами представляется перспективным направлением работы современной социально-философской мысли.

Проблема конфликта интересов рассматривается на примере экосистемы озера Байкал. После кризисного периода 60–70-х годов прошлого века, характеризуемого почти полным исчезновением гнездовий большого баклана (Phalacrocorax carbo) на Байкале, популяция этого вида восстановилась только в 10-х годах 21 века. Примерно с 2010 года отмечается стабильный рост численности этого вида, что со временем становится причиной возникновения нового конфликта интересов между большим бакланом и другими участниками экосистемы Байкальской Сибири. Так, среди местного населения (в частности, среди рыбаков) постепенно возникает опасение, что всевозрастающая численность птиц вызовет сокращение объема рыбных запасов озера. В особенности, можно выделить обеспокоенность из-за потенциального исчезновения основного промыслового вида рыбы озера Байкал — байкальского омуля (Coregonus migratorius). И хотя исследования режима питания большого баклана демонстрируют отсутствие такой угрозы (омуль составляет около 10% общего рациона птиц), вопросы регулирования численности и разработки соответствующего законодательного сопровождения часто становится предметом обсуждения в региональном новостном дискурсе.

Доклад сосредоточен на выявлении возможных режимов межвидового диалога в рамках локальной экосистемы между агентами, чьи интересы не соответствуют или противоречат друг-другу. Для описания модели такого взаимодействия была выбрана концепция акторно-сетевой

теории, в частности, положения социологии перевода М. Каллона об обобщенной симметрии и представительстве. Этот подход подходит для анализа конфликтных ситуаций с участием нечеловеческих агентов и может быть продуктивным для организации новых форм диалога. В работе рассматривается несколько возможных способов построения такой коммуникации с целью принятия решений в интересах нечеловеческих животных: изучение поведения и образа жизни животных, в том числе, с помощью данных технических устройств; закрепление за животными возможности влиять на экосистему обитания, в том числе, на людей; принятие значимости действий животных как высказываний в межвидовом диалоге.

Шакарян Ярослав Эрнестович
обучающийся аспирантуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Право семьи на достойное прощание с нерождённым ребенком в ситуации репродуктивной потери: этико-правовые проблемы

Проблематика начала жизни и возникновения прав человека порождает целый спектр этико-правовых дилемм, активно развиваемых наукой, от допустимости прерывания беременности, границ медицинской помощи до коллизий в сфере наследования, семейного и уголовного права. При этом положение нерождённого ребёнка и его семьи при репродуктивных потерях остаются слабо осмысленными в литературе, несмотря на масштаб явления (по данным Минздрава России на 100 родов приходится 15,8 выкидышей).

В современном российском дискурсе данная тема табуирована, в обществе фактически отсутствуют устоявшиеся ритуалы прощания с ребёнком, умершим внутриутробно. Между тем для родителей такая утрата становится тяжёлой психологической травмой, сопровождающейся чувством потери, вины, страхом перед будущими беременностями. Невозможность полноценного прощания препятствует завершению процесса горевания и осознанию места ребёнка в истории семьи.

Ситуация усугубляется пробелами в законодательстве, которое исходит из того, что дети юридически не считаются рождёнными, а следовательно, традиционные родительские права не возникают. На практике медицинские учреждения отказывают родителям в выдаче тела (останков), утилизируя его наравне с медицинскими отходами. Для семей, ожидавших рождения малыша, подобное обращение часто недо-

пустимо, оно воспринимается как посягательство на человеческое достоинство, а также лишает родителей возможности самостоятельно похоронить ребёнка и сохранить о нём память. Потребность уважать прервавшуюся жизнь и обеспечить достойное прощание требует научного осмысления, что обуславливает высокую актуальность обращения к теме.

В России действует строгий медицинский критерий — плод признаётся родившимся мёртвым при сроке беременности от 22 недель и массе от 500 г., что влечёт выдачу медицинского документа и свидетельства о смерти с правом на самостоятельное захоронение. На более ранних сроках законодательство не регламентирует выдачу останков и проведение последующих церемоний прощания.

Зарубежная практика в большинстве своём также исходит из критерия в 16–24 недели, тем не менее, наблюдается большая гибкость подходов, позволяющих по запросу проводить прощание и погребение ранее данного срока. Право на достойное захоронение законодательно закреплено во многих государствах (Великобритания, Нидерланды, Польша, Италия и др.). Важным звеном зарубежного опыта является развитая система перинатальной паллиативной помощи, которая предусматривает визуальный и физический контакт родителей с ребенком, что прямо закрепляется в медицинских протоколах. Так, в Швеции семьям предлагают дать ребёнку имя, пригласить больничного священника, сделать памятные фотографии и слепки. НКО организуют специализированные мемориальные фотосессии и ритуалы прощания. В Японии и ряде азиатских стран распространена церемония прощания с нерождёнными детьми «мидзуко куё», помогающая родителям пережить потерю.

Анализ сложившегося опыта позволяет наметить пути совершенствования российской практики. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо отказаться от текущих медицинских критериев и по запросу родителей выдавать тело или его останки, а также свидетельство о смерти на любом сроке беременности. Если выдача невозможна (например, из-за угрозы эпидемиологической безопасности), должно быть гарантировано их бережное захоронение специализированными службами. Родителям следует предоставить безусловное право отказаться от использования останков в научных, медицинских и иных целях. Требуется пересмотреть процедуру утилизации, исключив практику приравнивания детских останков к биологическим отходам, а также создавать условия для полноценной процедуры прощания и соответствующим образом обучая медицинский персонал.

На наш взгляд, это позволит гуманизировать обращение с останками, в полной мере защитить интересы семей в вопросах прощания и увековечивания памяти о ребёнке, а также признать право нерождённого ребёнка на достойную смерть.

Шамаева Виолетта Вадимовна
лаборант-исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет

Кризис субъекта в условиях вынужденной продуктивности

Повседневность современного субъекта с головой погружена в необходимость строить планы и реализовывать проекты, направлять все свое настоящее в будущее, которое видится не ясным и открытым, или скорее даже неизвестным. Пребывание в проективной заданности, постоянное ожидание перемен и затуманенное будущее обрекает на состояние перманентной лихорадки. При этом бездонность возможностей и очевидная ответственность за принимаемые стратегии дополняется отсутствием даже минимальных гарантов возможного будущего.

Устойчивый пример современности — разобщенность субъекта с его представлением о себе и специально разработанный образ, транслируемый миру. Субъект оказывается зажат между многочисленными нарративами и необходимостью конструирования и дописывания собственного «Я» для включения себя в тот или иной дискурс. Так, существуя в динамическом потоке жонглирования образами, субъект пригвожден задачей по вечному самоутверждению и обретению содержания, которое никогда не формулируется окончательно. Б.Ч. Хан в работе «Общество усталости» замечает, что в настоящее время на место запретов и правил встает необходимость инициативы и мотивации. К задаче быть одобренным в обществе добавляется важность выделиться. «Достижения» как важнейшая обязанность современного субъекта усиливает вечное отставание человека от собственного идеала и бесконечный процесс самоутверждения.

Исторически протестантская этика, а затем и капитализм укоренили понимание труда как призвания, так он обретал моральную ценность в качестве исполнения долга. Однако в настоящее время на смену призвания пришли показатели личной эффективности и самооптимизации, из-за чего человека поглотило состояние повсеместного напряжения, в котором нужно без устали выбирать, отказываться, соглашаться — всегда знать ответ на вопрос о собственных предпочтениях. Ввиду подобного натиска выбора наша способность желать впадает в оцепенение. Спутником современного человека становится «анемичный паралич желания», из-за которого способность совершать осмысленный выбор становится проблематичным. Так, «эксперимент» как момент проб и ошибок оказывается не столь популярной формой выражения себя. На первое место встало планирование и необходимость представать для окружающего мира видимым и занятым. Если человек оказывается вне

расписанного графика и суеты, то он даром теряет время. Результатом оказывается ровно противоположное — радикальное оцепенение и хроническое состояние подавленности. В данном случае мы наблюдаем, как этическая нагрузка смещается с «нравственно-верного» в сторону демонстрации своего обязательного выбора, иначе же окружающему миру транслируется «моральная слабость». Выбор становится навязанным, искажающим сущность понимания нравственной свободы в поведении человека.

Современная культура и присущий ей ритм не выносят пауз и требуют их необходимого заполнения. Невозможным оказывается сказать «стоп» и перевести дух, отказ от одной деятельности неизбежно должен заявить о варианте замены и компенсироваться. В этом контексте у Дж. Агамбена в работе «Нагота» мы читаем о человеке сегодняшнем, которого отсоединили от личной неспособности, заполонив его мысли представлениями о собственном всемогуществе. Современная культура повышенной эффективности и успеха делает «уязвимым» человека, открыто демонстрирующего свою неспособность в чем-либо. Осознание невозможности, в свою очередь, даровало бы человеку остановку и осмысление собственной деятельности взамен слепой активности. Представитель современного мира лишается права не только на бездействие, но и на понимание своих пределов, он осужден не бесконечный подбор роли и выбор занятий, усиливая собственную фрагментарность.

РНФ № 24-18-00895 «Концептуализация современности в философском дискурсе».

Шамис Николь Эдуардовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Этика художественной интерпретации в livre d'artiste (книга художника)

Livre d'artiste занимает особое положение в истории искусства: в отличие от традиционной иллюстрированной книги, здесь изображение не обязано следовать литературному тексту и буквально воспроизводить его сюжет.

Художник получает возможность создать самостоятельное визуальное высказывание. Такая свобода является одной из важных характеристик livre d'artiste. В свою очередь именно она ставит вопрос об ответственности художника перед текстом и его автором.

В докладе предлагается ответить на вопрос: если художник использует литературное произведение как исходный материал для собственного высказывания, то существует ли этические ограничения по отношению к литературному источнику?

Проблема рассматривается на примере книги Parallèlement Поля Верлена с литографиями Пьера Боннара (1900) и Pasiphaé Анри де Монтерлана с линогравюрами Анри Матисса (1944).

В Parallèlement Боннар относится к первоисточнику достаточно вольно. Его литографии не столько объясняют содержание стихотворений Верлена, сколько создают параллельный визуальный мир. Художник переносит в книгу собственный живописный язык: размытые контуры, асимметричные композиции, приглушённую палитру, ощущение случайно схваченного момента. Изображения свободно взаимодействуют с текстом, иногда буквально вторгаясь в его пространство. Таким образом, визуальный ряд становится не дополнением к поэзии, а её свободным прочтением.

Иллюстрации Боннара не только поддерживают чувственность стихотворений Верлена, но и выражают собственное восприятие мира художником и его уникальный живописный стиль.

Именно здесь возникает этический вопрос: имеет ли художник право настолько свободно переосмыслять чужое произведение в соответствии с собственным художественным языком? С одной стороны, самостоятельность визуального высказывания составляет саму специфику livre d'artiste. С другой — чем более автономным становится изображение, тем сложнее определить, сохраняет ли художник ответственность перед первоначальным авторским замыслом, не видоизменяет ли он его полностью.

Эта проблема заметна и в Pasiphaé Матисса. Обращаясь к античному мифу в литературной интерпретации Анри де Монтерлана, художник также не стремится к точному иллюстрированию сюжета. Он превращает конкретные образы Пасифаи, быка, звёзд и ночного пространства в универсальные знаки красоты, любви и страсти. При этом Матисс подчёркивает принципиальную самостоятельность художника и писателя: они должны действовать «вместе, не смешиваясь, но параллельно». Книга создавалась в 1944 году, в период оккупации Франции. Историческая ситуация оказала непосредственно влияние на образы: красота и чувственность Пасифаи оказываются неожиданно связаны со страданием и ужасом людей, живущих в военную эпоху. Таким образом, литературный материал приобретает новую коннотацию, уходя от первоначального смысла мифа.

Таким образом, на примере livre d'artiste Боннара и Матисса особенно сильна видна этическая проблематика книги художника: её художественная ценность возникает именно благодаря свободе по отношению к литературному тексту, но эта же свобода ставит вопрос об ответственности художника за его интерпретацию. Художник здесь не является нейтральным посредником между писателем и читателем. Он становится вторым автором, создающим собственную систему образов и способным изменить способ восприятия литературного произведения.

Таким образом, livre d'artiste можно рассматривать как особое пространство этического конфликта между двумя медиумами — литературным и визуальным. Боннар и Матисс демонстрируют, что равноправие художника и писателя не устраняет вопрос об ответственности, а, напротив, делает его наиболее острым. Чем свободнее художник обращается с литературным источником, тем важнее становится проблематика о границах этой свободы и о возможности сохранить за исходным произведением право на собственный голос.

Шапиро Ольга Александровна
доцент, к.филос.н., доцент
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,
старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Бьет — значит (не)любит, или способы апелляции к семейным ценностям в контексте обсуждения проблемы семейно-бытового насилия

Тот факт, что сегодня мы наблюдаем кризис экспертизы, в котором с одной стороны размывается понятие эксперта, а с другой — снижается доверие к экспертным высказываниям, уже не вызывает сомнений. Однако причины — а, следовательно, и способы преодоления этого кризиса различными исследователями интерпретируются по-разному. Моя идея состоит в том, что сердцевину проблемы составляют коммуникативные нарушения, которые могут быть преодолимы в случае освоения экспертами новых аргументативных паттернов и стратегий, эффективных в современном обществе.

В своем докладе я рассмотрю ценностное измерение публичной дискуссии на примере обсуждения возможности принятия закона о профилактике семейно-бытового насилия и покажу, какие прагматические затруднения вызывают различные способы апелляции к ценностям.

При этом я буду понимать апелляцию к ценностям как разновидность аргумента к авторитету, когда в качестве авторитета выступает с одной стороны общественный консенсус, т.е. «авторитет большинства», а с другой стороны — авторитет власти, закрепивший ряд базовых ценностей в соответствующих нормативных документах.

Для проведения исследования был отобран корпус текстов, представляющих собой публичные высказывания экспертов по поводу целесообразности введения закона о профилактике семейно-бытового насилия в период с 2021 по 2026 г. Методологически при анализе текстов я опиралась на эмпирический подход к аргументации М. Финокьяро, адаптированный мной для возможности применения его к современной публичной дискуссии и дополненный разработанным мной совместно с О.В. Зарапиным топологическим пониманием аргументации, включающим выявление позиции аргументатора (в противовес выявлению точки зрения) и учитывание трех аспектов структуры аргументативной карты — логического, морального и делиберативного.

В результате проведенного анализа было выявлено три основные позиции по поводу целесообразности принятия закона, две из которых можно было условно назвать позициями «за», и одну — позицией «против». Я полагаю интересным тот факт, что и более сильная по своему прагматическому эффекту позиция «за», и позиция «против» опирались на одни и те же базовые моральные основания — «семейные ценности», как главный аргумент для своего подкрепления. Этому способствовал тот факт, что семейные ценности по сути своей являются законодательно закрепленной «пустой формулой», благодаря чему семейные ценности могли оказаться в основании и содержательно различных позиций, и формально различных аргументативных структур, использоваться в качестве как «адвокасткого» аргумента, так и потенциальной области нахождения консенсуса с оппонентами. В докладе будет предложен подробный анализ этих форм отсылки к семейным ценностям; благодаря использованию подходу М. Финокьяро будет дана оценка прагматической эффективности сопоставленных позиций.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/, реализуемого в Институте философии РАН.

Шапошникова Юлия Владимировна
к.филос.н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Изменчивый мир и античные стратегии иметь с ним дело

Мир представляется изменчивым только там, где держатся традиций. Юность не знает изменчивости мира, поскольку меняется вместе с ним. Не имея неподвижного ориентира, невозможно осознать собственных изменений. Так не видящему мелькающих пейзажей за окном пассажиру поезда невозможно осознать, что он находится в движении. Но мир меняется, причем меняется всегда. Он менялся на глазах Сократа и Платона, софистов, Аристотеля, римских стоиков и эпикурейцев. Мир изменчив по своей сути. Проблема лишь в том, что скорость его изменений нередко значительно превосходит скорость всех тех адаптивных процессов, которые позволяют человеку «укореняться» в мире и, следовательно, ощущать его «своим», привычным.

Череда изменений нередко пугает и отталкивает, но отворачивание от них является отнюдь не лучшей стратегией. Аристотель говорит о покое в контексте рассуждения о понятии «энергейа», а следовательно, имеет в виду не мертвенный покой как противоположность движению и изменению, а наоборот, полноту, включающую в себя всякого рода изменения. Готовность к встрече с изменчивостью мира и возможность иметь с ним дело предполагает, прежде всего осознание его принципиальной нерешенности и непредсказуемости. А кроме того, для успешного, то есть спокойного и разумного пребывания в нем, необходимо культивирование определенных качеств. Можно говорить, как минимум, об открытости и бесстрашии, но более полно они исчерпываются платоновскими добродетелями мудрости, мужества, рассудительности и справедливости как условиями для различения и осуществления блага, причем именно в этом несовершенном мире.

Античные философы принципиально вовлечены в мирские дела, но и не растворяются в них, поскольку обращены к неизменному и вечному. Будь то Платон, активно участвующий в реализации проекта построения благого государства, с одной стороны, и признающий истинность лишь идеальных сущностей, с другой, или Эпиктет, призывающий заботиться лишь о подвластном самому человеку и не тревожиться о том, что тот не в силах ни контролировать, ни изменить, античные мыслители не отрешены от мира, но и не подавлены им. Неизменное, на котором они сфокусированы, не является чем-то отвлеченным и далеким от реальности и злободневных вопросов, а напротив, служит тем, что придает определенность этим вопросам и вносит ясность в то, что подлинно есть. В этой способности удерживать дуализм изменчивого и неизменного античными философами, пожалуй, и состоит как актуальность, так и стратегический потенциал античной мысли для современности.

Швецов Павел Евгеньевич
обучающийся баклавриата
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС

Проблема этики и аргументации на тему демографии в современной России

Сегодня при принятии важных и порой резонансных государственных решений важное место занимает публичная дискуссия, являющаяся одной из основ сильного гражданского общества. Основные акторы этой дискуссии — представители государственной власти или спикеры, аффилированные с государством, и экспертное сообщество. Именно они являются носителями двух типов авторитета: авторитета власти и авторитета знания; когда эти авторитеты встречаются в диалоге – выносится решение, качество которого зависит от того, насколько успешна в своих выступлениях была каждая из сторон.

В своем докладе я реконструирую основные аргументативные паттерны носителей двух видов авторитетов — власти и знания — в современной публичной дискуссии на примере обсуждения проблем демографической политики.

Мной был отобран и проанализирован корпус текстов публичных выступлений политиков и экспертов в области демографии. В результате удалось выявить несколько наиболее распространенных риторических паттернов публичной дискуссии, которые комбинируются в две базовые стратегии аргументации в теме демографической политики:

1. Нормативно-эмоциональная стратегия (доминирует у представителей власти) характеризуется сочетанием нормативных императивов и эмоциональной аргументации, иногда с элементами манипуляции. Её основные черты: констатация угрозы («демографическая зима», «вымирание», «сокращение до 70 млн»), формулировка посыла («должны рожать», «норма — пять детей», «успеть до 35 лет»), апелляция к долгу перед государством/традициями.

Основные структурные элементы стратегии:

- «подмена причины» — демографическая проблема (структурная яма, сокращение числа женщин 20–34 лет) подменяется призывом к индивидуальной воле («просто рожайте»). Это игнорирует данные о том, что главный ограничитель — не желание, а число потенциальных матерей.
- Ложная дилемма: риторика строится по схеме «либо рожаете, либо вымрем», что исключает альтернативы (миграция, повышение продолжительности жизни, инвестиции в человеческий капитал).

- Нарушение принципа автономии: личное репродуктивное решение превращается в общественную обязанность, что этически проблематично в демократическом обществе.

2. Фактологически-прагматическая стратегия (доминирует у экспертов) характеризуется сочетанием фактов и прагматической аргументации с минимальным использованием эмоций и нормативных императивов.

Для нее характерны:

- Рациональность: поиск причины демографических проблем и предложения по их устранению.
- Опора в обосновании на факты и научные данные.
- Уважение автономии: эксперты не формулируют посыл («должны рожать»), а описывают условия, при которых люди сами принимают решение о детях.
- Оценка эффективности: прагматическая аргументация включает анализ того, какие меры работают (маткапитал, инфраструктура), а какие нет (запреты, пропаганда).

Проведённый анализ показывает, что представители государства и экспертного сообщества используют различные ресурсы аргументации, связанные с их институциональными ролями. Государственные спикеры стремятся мобилизовать внимание общества, обозначить цели политики и придать поддержке семей политическую значимость. Однако специфика используемой ими аргументативной стратегии приводит к упрощению причин демографического кризиса и к переносу ответственности с государственных институтов на отдельных граждан.

Сильной стороной аргументативной стратегии экспертного сообщества является её причинная конкретность и возможность проверить предлагаемые объяснения и меры. Однако сложность экспертной аргументации часто затрудняет публичное восприятие.

Проблема заключается не в существовании этих моделей самих по себе, а в том, а в сложившемся дисбалансе. Сегодня нормативно-эмоциональная аргументация вытесняет рациональное обсуждение причин и решений, подменяя его императивами и высказываниями о вымирании. Это создаёт риски нарушения автономии граждан, перекладывания ответственности за структурные проблемы на отдельных людей, использования страха как инструмента убеждения.

Швыткина Анастасия Сергеевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Кураторство исчезающего: этика сохранения локальности

Локальная память о месте формируется не только через официальные исторические нарративы, но и через материальные объекты, пространства, повседневные практики, личные воспоминания и даже следы утерянного. При изменении городской среды часть таких объектов исчезает, утрачивает первоначальную функцию или оказывается исключённой из актуального опыта жителей. В этой ситуации возникает вопрос не только о способах сохранения прошлого, но и об ответственности за то, каким образом оно может становится видимым в настоящем.

В исследовании предлагается рассмотреть кураторство как одну из практик заботы о локальной памяти, пересмотреть практику архивации в условиях новых медиа. В данном случае забота понимается не как стремление законсервировать прошлое в неизменном виде, а как внимательное отношение к уязвимым и исчезающим элементам культурной среды. Кураторская практика предполагает отбор объектов и историй, создание между ними связей, диалога и формирование определённого способа их восприятия. Поэтому сохранение никогда не является полностью нейтральным процессом: вместе с возвращением объекта в поле внимания происходит его интерпретация и включение в новый контекст.

В качестве примера рассматривается «Якорная экспозиция» в Уфе. Экспозиция была сформирована из 18 якорей, поднятых со дна рек Уфы и снятых со списанных кораблей. Сам предмет в данном случае оказывается связан не только с историей речного транспорта, но и с изменением городской среды и судьбой речного порта. В 2016 году навигация в порту прекратилась, что повлекло за собой постепенную утрату прежнего состояния городского ландшафта. В 2025 году было замечено исчезновение экспозиции, но остались некоторые следы: экспликация, этикетаж и физические маркеры былого присутствия многотонных якорей. Таким образом, якорь может рассматриваться как материальный носитель памяти о месте, функция которого менялась во времени.

Особый интерес представляет ситуация, когда объект сохраняется уже после утраты или изменения своего первоначального контекста. Его значение формируется через новый контекст показа: он начинает свидетельствовать не только о конкретном судне или речном транспорте, но и об исчезнувшем или изменившемся опыте взаимодействия среды с человеком. Концептуальным поворотом в данной истории стало появление якорей с экспозиции по всему городу: в музеях, парках, общественным кластерах. Такая ситуация одновременно создает новое событие и продолжает старое, откликаясь в интернет-пространстве, что

заставляет задуматься о способах новой архивации культурных объектов. В этом смысле кураторская практика может не просто сохранять предмет, а поддерживать возможность его дальнейшего прочтения.

Однако такая практика ставит и этический вопрос: где проходит граница между заботой о памяти и её конструированием? Выбор объекта для сохранения, способ его экспонирования и сопровождающий рассказ влияют на то, какое представление о месте получает зритель. Кураторство исчезающего предлагается рассматривать как практику, направленную на поддержание связи между человеком, объектом и местом в ситуации изменения или утраты первоначального контекста.

Шевченко Александр Анатольевич
д.филос.н., ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН

Моральная удача в отношениях с искусственным Другим

Рассмотрим моральную удачу в ситуациях, когда человек при принятии решения использует ответ системы искусственного интеллекта. В этих случаях неконтролируемый фактор может определять не только результат действия, но и основание, на котором агент принимает решение. Это позволяет уточнить классическую проблему моральной удачи и одновременно поставить вопрос о статусе ИИ в структуре человеческого действия.

У Нагеля и Уильямса проблема моральной удачи связана с расхождением между моральной оценкой и контролем агента над тем, за что его оценивают. Особенно показательны случаи, в которых сходным образом совершённое действие приводит к разным результатам. Так, водитель может по неосторожности сбить ребёнка, тогда как при тех же обстоятельствах другой водитель, проявивший такую же степень неосторожности, никого не заденет. Различие моральной оценки в подобных случаях зависит от результата, который в существенной степени не находился под контролем агента. Именно эта зависимость составляет центральную проблему результирующей моральной удачи.

Взаимодействие с ИИ добавляет к этой проблеме промежуточное звено: человек может строить решение на основании информации или рекомендации, правильность которой он не способен полностью установить. В этом случае неопределённость касается не только последствий действия, но и источника информации, на который опирается решение. Человек может отвечать за использование рекомендации, не имея полного контроля над её содержанием и факторами, которые определили формирование.

Эту ситуацию можно обозначить понятием «машинной удачи». Под ним понимается не новый тип моральной удачи, а конфигурация, в которой эпистемическая неопределённость и различие последствий оказываются связаны в одном процессе действия. Если ИИ не является моральным агентом, ответственность за принятое решение нельзя передать системе. Вместе с тем её нельзя без остатка описать как обычный инструмент, если ответ системы входит в формирование человеческого суждения. ИИ в таком случае не является автором действия, но и не остаётся внешним по отношению к процессу принятия решения. Возникает промежуточная позиция, для которой существующей модели «агент — инструмент — результат» может оказаться недостаточно.

В связи с этим возникает понятие «искусственного Другого». Буберовское отношение «Я–Ты» и левинасовская концепция Другого предполагают такие характеристики отношения, как обращённость, ответ и определённая форма взаимности. ИИ способен отвечать на обращение и участвовать в диалоге, однако из этого ещё не следует, что он является Другим в соответствующем философском смысле. Поэтому понятие искусственного Другого используется здесь не для утверждения особого онтологического статуса ИИ, а для обозначения его специфической позиции в человеческом действии: система занимает позицию, функционально сходную с позицией собеседника, не будучи при этом субъектом моральной ответственности.

Машинная удача обозначает особую структуру моральной зависимости: ИИ может участвовать в формировании человеческого действия, не становясь его моральным автором. Это позволяет рассматривать моральную удачу не только через контроль над последствиями, но и через контроль над основаниями решения и условиями, при которых человек передаёт часть собственного суждения искусственной системе.

Шевчук Ульяна Владиславовна
обучающаяся бакалавриата
Новосибирский государственный университет

Аналогия болезни и зла в философии Ф.В.Й. Шеллинга

Несмотря на то, что в философии Ф.В.Й. Шеллинга отсутствует целостная этическая теория, большинство основных тем так или иначе связаны с этической проблематикой. В ранние периоды творчества он рассматривает понятия «болезни», «патологии», «зла» преимущественно в натурфилософском контексте, в более поздний период его внимание смещается к проблеме свободы; но обе эти темы оказываются взаимосвязанными. Историко-философская реконструкция шеллингианских воз-

зрений, посвященных понятию «болезни» важна для конкретизации процесса перехода от натурфилософского контекста к трансцендентальному, а также для выявления нового, по сравнению с предшествующей традицией, понимания «болезни». Внимание современных исследователей к творчеству Шеллинга во многом определяется принципиально новым подходом к определению болезни и здоровья, их истоков и взаимосвязи (T. Rajan, N. Tsoypoulos, W. Kretchmer).

Шеллинг отказывается от механистического подхода к пониманию причин «болезни», основываясь на понимании того, что природа есть нечто самостоятельное в своем развитии, постоянно изменяющееся, находящееся в состоянии однородности с любыми организмами. Каждый из которых представляет некоторое единое целое, существование которого обеспечивается непрерывным нарушением и восстановлением «динамического равновесия». Болезнь есть ничто иное как нарушение связи индивидуального организма с миром, это сравнимо с «разрыванием» отношений центра и периферии. Наряду с этим болезнь понимается как нечто самостоятельное, но тем не менее присущее организму.

Зло появляется и проявляется аналогично тому, как существует болезнь. Зло также обладает относительной самостоятельностью и возникает из-за нарушения целостности. Существование зла дает основания для свободы как таковой, подобно тому, как болезнь дает основания для здоровья.

В дальнейших построениях свобода оказывается неразрывно связана со злом. В «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» Шеллинг, исследуя свободу, обращается вновь к болезни и рассматривает ее как подобие зла. Он заявляет, что «глаз возможен лишь в целостности организма», но имеет свою «жизнь для себя, действительно, своего рода свободу». Тоже самое проявляется в «болезни, на которую она способна». Подобие болезни и зла у Шеллинга основывается на общем принципе нарушения отношения части и целого. В натурфилософском контексте болезнь обозначает нарушение целостности организма, а в рамках философии свободы это позволяет объяснить возможность обособления индивидуального начала и его утверждения в качестве самостоятельного. Обращение Шеллинга к болезни имеет значение для этического осмысления природы свободы.

Следует отметить, что болезнь и зло, несмотря на нестрогую аналогию между ними (по причинам появления, по отношению к более общему, по тому, что они служат основанием), имеют существенное различие. Болезнь относится преимущественно к сфере природного, тогда как зло связано с возможностью «свободного самоутверждения» и со-

относится с трансцендентальной свободой (период трансцендентального идеализма), а впоследствии с Божественным (Абсолютом). Общим для понимания «болезни» и «зла» остается их этический и онтологический характер.

Шендерская Мария Олеговна
обучающаяся бакалавриата
Санкт-Петербургский государственный университет

Этический дух в теле быта — миф XXI века о нравственной силе

«Но времена общественных кризисов, даже самых жестоких, имеют свой исторический быт, и люди продолжают жить в самых напряжённых условиях, несмотря на то что их сознание рисует им сцены гибели мира», — пишет М. Лифшиц в рассуждениях о нравственном значении Октябрьской революции. Одним из важнейших её завоеваний были проложенные дороги от человека к человеку в наиболее возможной непосредственной форме. Не через священника или банкира теперь могли люди ощущать принадлежность к всеобщему, а на основе конкретной — своей освобождающейся самодеятельности, в труде.

Угнетение невозможно вечно маскировать. Полумеры лишь сильнее сдавливают пружину, и рано или поздно она выплёскивает накопленную энергию — будь то революция или разрушительная активность масс, сделавшая возможным фашизм.

Быт — повседневный уклад жизни, удовлетворение материальных и духовных потребностей. Но он же — точка схода индивидуального и всемирного, относительная середина, как определял его Лифшиц.

Аристотель учил о золотой середине: добродетель «по сущности… есть обладание серединой, а с точки зрения высшего блага — обладание вершиной». Середина здесь — не пассивный нейтралитет, а позиция, открытая к подлинной активности.

Лифшиц отмечал: чем прочнее общественное бытие, тем гуще быт, обычай, привычка. Но в моменты перехода быт ломается, и люди живут в абстракции. Чем истиннее новая форма жизни, тем легче она обрастает чувственной оболочкой. Сегодня жизнь в абстракции ощущается острее, чем когда-либо.

Быт — лакмусовая бумажка общественного сознания: что властвует над ним и от чего оно стремится освободиться. Положительные силы сегодня бьются в поисках выхода, принимая дурные и разрушительные формы.

Желание творца творить свободно в XX веке обернулось бунтом против всяких рамок, сделав искусство бесформенным и бессодержательным. Критика модернизма пыталась спасти искусство от бессмысленного бунта. В XXI веке процесс углубляется: «Упрощая до крайности, я определяю постмодерн как недоверие к метанарративам», — писал Лиотар. Это справедливо до сих пор.

Признание вакуума метанарративов стало правилом хорошего тона. Абстрактность и отчуждение поглотили самые интимные стороны жизни. Информационный век потребовал щедрую плату: непосредственные человеческие отношения, ощущение «близкодействия общественных сил». Потеря идентичности и субъектности стала предметом множества исследований.

Человеку всё сложнее обнаружить даже относительную свободу: личная зависимость от слепой, невидимой силы распространяется на все уровни жизни.

Нравственность в XXI веке прорывается через сложнейшие перипетии и мистификации. Но она не миф и не потусторонняя идея. Подлинная нравственность не знает времени и места, но ей ведомы исторические формы. Содержание своё она сохраняет всегда. Нравственные идеалы доступны и сегодня — в частной жизни и в борьбе за субъектность каждого.

«Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Нет свободных, пока есть рабы. Чернышевский говорил, что счастье и свобода возможны здесь, на земле, и зависят от общественных условий — дела самого человека. Важно даже в малых делах накапливать потенциал для событий исторического масштаба. Ничего не берётся из ниоткуда. Даже ошибки способны проторить путь для сил созидающих.

Именно вопрос о том, как нравственность укореняется в частной жизни человека, даёт понимание действительной, а не астральной сущности нравственности как реальной, почти что физической силы. Нравственность XXI века, утратившая метанарративы и погружённая в отчуждение, не отменяется, а лишь ищет новые, ещё не окрепшие формы. И здесь опыт Чернышевского и Лифшица остаётся живым. Даже в малых делах, в частной жизни, в борьбе за субъектность накапливается тот нравственный потенциал, который рано или поздно прорывается к историческим масштабам. Этический дух не витает над бытом — он воплощается в нём, в его повседневных формах, в привычке, обычае, в самом способе, каким люди устраивают свою жизнь сообща.

Шкляр Евгений Леонидович
обучающийся аспирантуры
Московский городской педагогический университет

Плут, которому мы симпатизируем: как хитрость становится добродетелью

Доклад посвящён этическому парадоксу, который воплощает Остап Бендер, герой романов Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой телёнок» (1931). Формально он мошенник: вводит в заблуждение, присваивает чужое, манипулирует доверием. Тем не менее в советской и постсоветской культуре он закрепился как обаятельный, во многом положительный персонаж. При этом безусловным образцом он не становится: его фигура остаётся «мерцающей», то притягивающей, то отталкивающей. Цель доклада: выяснить, в каких условиях хитрость, обычно оцениваемая негативно, приобретает положительную окраску и за счёт чего эта двойственность сохраняется.

Исходная гипотеза состоит в том, что хитрость морально нейтральна как техника, а её оценка определяется целью, мишенью и контекстом. Аристотель различает практическую мудрость (фронесис) и «ловкость» (деинотес), которая при дурной цели становится пронырством. Бендер демонстрирует ловкость, цель которой не добродетельна, но и не откровенно разрушительна. Это создаёт зазор для противоположных оценок.

В докладе выделяются четыре условия, при которых хитрость воспринимается положительно. Первое: асимметрия сил. Традиция плута и трикстера (пикаро, Иванушка, Ходжа Насреддин) легитимирует хитрость как «оружие слабых» (Дж. Скотт). Второе: нелегитимность или комичность мишени. Жертвами Бендера становятся преимущественно бюрократы, обыватели и нажившийся нечестным путём Корейко. Третье: несправедливость самой системы. В условиях дефицита и разрыва между официальной моралью и практикой умение «крутиться» оказывается способом навигации в среде, а не просто пороком (работы А. Леденёвой о блате, А. Юрчака о «вненаходимости»). Четвёртое: культурная рамка. Комическое и карнавальное (М. Бахтин) снимает моральное суждение, а речевая виртуозность эстетизирует обман.

Отдельно анализируются механизмы, удерживающие амбивалентность: ограниченный «кодекс» героя («чту Уголовный кодекс»), создающий видимость этики; эпизоды, где обманываются доверчивые и безвинные (сеанс одновременной игры в Васюках); поражение Бендера в финале, позволяющее наслаждаться плутом, не отказываясь от морали;

двойная позиция авторов-сатириков, которые любуются героем и одновременно обозначают его границы.

Наконец, рассматривается историческая подвижность оценок. Бендер не вписан ни в новый советский порядок, ни в дореволюционное прошлое, и его несостоявшийся миллион работает как критика обеих сторон. В позднесоветской рецепции (экранизации М. Швейцера, Л. Гайдая, М. Захарова) обаяние героя усиливается, а в постсоветский период он нередко прочитывается как «первый предприниматель», оправдывающий ловкость и недоверие к государству. Полюса оценки смещаются, но двойственность воспроизводится.

Вывод: положительная оценка хитрости возникает не из её свойств, а из совпадения цели, мишени, социального контекста и культурной рамки. Если нарушено любое из условий, «великий комбинатор» превращается в обычного мошенника. Бендер оказывается не примером для подражания и не объектом однозначного осуждения, а материалом для размышления о том, как культура конструирует границы допустимого обмана.

Шкондеюк Аделина Юрьевна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Оправдание зла на примере «эдитов» (edits) про Эймонда Таргариена как формы нарративного видеофольклора

Социальные сети стали пространством, в котором зрители не только обсуждают кинематографические произведения, но и создают собственные формы их интерпретации. «Эдиты» (edits) — это авторская фанатская форма нарративного видеофольклора, которая может поразному интерпретировать сюжет изначального произведения. Определенной проблемой выступает здесь, иногда случающееся вследствие феномена популярности негативных персонажей своего рода, оправдание зла. Доклад рассматривает это оправдание на примере эдитов про Эймонда Таргариена, персонажа сериала «Дом Дракона (House of the Dragon)» (HBO), созданный по мотивам романа Джорджа Р.Р. Мартина «Пламя и кровь». Эймонд Таргариен по сюжету второй сын Визериса I и его второй супруги Алисенты Хайтауэр, родной младший брат Эйгона II и единокровный брат Рейниры Таргариен. Эймонд представлен как персонаж, совершающий насильственные действия и

участвующий в борьбе за власть. Однако его образ одновременно связан с опытом детского унижения, физической травмой, семейным конфликтом и стремлением компенсировать собственную уязвимость. Он привлекателен внешне, поэтому определенная часть зрителей обращает на него внимание. Здесь же появляется первая проблема: романтизация зла.

Материалом исследования являются фанатские эдиты об Эймонде Таргариене, опубликованные в социальных сетях.

Происходит это на практике не впервые, здесь мы можем вспомнить образ Демона в творчестве М. Врубеля или переосмыслении образа Сатаны в литературе романтизма.

Одним из условий привлекательности такого персонажа становится эстетизация образа злодея. Однако эстетизация сама по себе ещё не означает его оправдания. В эдитах эти процессы могут соединяться: визуальная привлекательность персонажа дополняется монтажной реконструкцией его прошлого, которая предлагает зрителю объяснение его поступков. Второй проблемой, и по сути главной, является оправдание насилия персонажа за счет монтажа исходных кадров в такой акцентуации, где мы в первую очередь обращаем внимание лишь на внешнюю привлекательность персонажа, либо на связь с травмирующими событиями, после чего герой становится таким, какой он есть. Монтаж не меняет сам факт поступков, а обращает внимание на контекст травмы, после которой эти поступки были сделаны. Это позволяет обратиться к теории монтажа С.М. Эйзенштейна, согласно которой сопоставление монтажных фрагментов способно порождать новое смысловое содержание. Эдит как раз и образует ситуацию, где отдельные фрагменты исходного произведения получают новые связи. Фанат в данном случае не просто сокращает сериал, а создаёт вторичную повествовательную конструкцию. То есть эдит предстает перед нами как пользовательская форма переработки и распространения уже существующего культурного материала.

Эдит может сначала эстетизировать персонажа, а затем посредством монтажа связывать его насильственные действия с эпизодами травмы. В результате внимание зрителя смещается с самого поступка на причины, которые предлагаются для его объяснения. Эта перестройка кадров меняет нарративные связи, а они в свою очередь влияют на этическое восприятие. Поэтому монтаж эдита иногда становится инструментом оправдания зла.

Шкорубская Елена Геннадьевна
к.филос.н., старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Этические противоречия контрибутивной и интеракционной экспертизы как двух моделей экспорта знания

Экспорт научного и специализированного знания в публичную сферу предполагает взаимодействие различных режимов экспертности, которые не всегда совпадают по своим основаниям, функциям и нормативным требованиям. Это противоречие становится особенно заметно в условиях коммодификации знания, характерной для цифровых медиа — экспертное знание становится товаром, формируется тренд на образовательные услуги и интеллектуальное медиапотребление. В результате возникает напряжение между экспертностью, основанной на способности производить знание внутри специализированной области, и экспертностью, основанной на способности поддерживать коммуникацию о такой области с широкой аудиторией.

В рамках подхода, предлагаемого Гарри Коллинзом и Робертом Эвансом эти типы экспертности определяются как контрибутивная и интеракционная. Контрибутивная экспертность предполагает достаточный уровень владения практиками конкретной области, позволяющий вносить вклад в производство знания этой области. Интеракционная связана с освоением языка и культуры профессионального сообщества и способностью содержательно взаимодействовать с его представителями, не обязательно обладая практической компетентностью, необходимой для самостоятельного вклада в производство знания.

Для экспликации возможных противоречий рассмотрим медиаскандал, возникший вокруг деятельности публичного лектора Анны Виленской, выпускающей образовательные курсы и публичные лекции по музыковедению. В августе 2026 года повторное продвижение на платформе «Страдариум» курса Виленской о музыке Средневековья и Возрождения стало поводом для публичной критики со стороны профессиональных музыковедов, указавших на фактические и исторические ошибки, что привело к обсуждению в цифровых медиа всей публичной деятельности Анны Виленской.

Данный конфликт нельзя свести к простой оппозиции «эксперт – неэксперт». Виленская располагает профессиональным музыкальным образованием и многолетним опытом лекторской и просветительской деятельности, а её публичный статус признан широкой аудиторией и под-

креплён сотрудничеством с различными медиаплощадками. В оптике, предлагаемой Коллинзом и Эвансом, Анна Виленская, как и многие другие публичные лекторы, представляет собой яркий пример интеракционного эксперта, а её легитимность как эксперта строится не только на обладании специальным знанием, но и на способности переводить это знание на язык массовой аудитории и создавать вокруг него устойчивое коммуникативное сообщество.

Именно здесь возникает этическое противоречие. Для контрибутивной экспертности ключевым нормативным требованием является корректность знания, для интеракционной экспертности таким требованием становится способность убедительно говорить на языке дисциплины, объяснять сложное и обеспечивать аудитории доступ к специализированному знанию. Проблема заключается в размывании границ между ними. Для непрофессиональной аудитории может быть неочевидно, когда публичный интеллектуал выступает как носитель и производитель знания, а когда — как интерпретатор, медиатор или популяризатор чужого знания. Для самого лектора эти границы также могут быть подвижными: профессиональная подготовка в одной области создаёт основания для доверия при переходе к смежным темам. Но если считать интеракционную экспертность достаточным основанием для любых содержательных утверждений, исчезает механизм ответственности за достоверность знания. Возникает нормативная дилемма: какие обязательства по проверке, маркировке неопределённости и разграничению собственного мнения и профессионального консенсуса возникают у интеракционного эксперта, обладающего высокой публичной видимостью?

Таким образом, кейс Виленской позволяет рассматривать произошедший медиаскандал не только как конфликт между академическими специалистами и популяризаторами, но как столкновение двух нормативных моделей публичной экспертности.

РНФ №26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу».

Шляхова Галина Игоревна
к.ф.н., учредитель
АНО «Центр защиты животных и социальной помощи населению в сфере их содержания «Социально ориентированная ветеринария», корреспондент-переводчик Информационное агентство «ТАСС»

Искусственный отбор: идейно-этические предпосылки и следствия

Наиболее очевидная этическая проблема, проистекающая из селекции животных, — их зависимость от человека. Новые породы выводятся исключительно в целях удовлетворения тех или иных потребностей людей, будь то в производстве продуктов питания, если говорить о сельскохозяйственных животных, или же эстетического, морального, развлекательного характера, если касаться животных-компаньонов. Таким образом, искусственный отбор в отличие от естественного не ориентирован на закрепление генетики наиболее здоровых, приспособленных к выживанию во внешней среде особей, его жертвы не отличаются жизнеспособностью. Сопоставляя животных, обязанных своим размножением усилиям человека, с миром дикой природы, можно сформулировать дилемму: в то время как одни оказываются на грани исчезновения, сохраняя при этом свою свободу от людей, популяция других устойчива и их будущее как вида в среднесрочном периоде прочно обеспечено, но будущее это, как и настоящее, заведомо лишено благополучия, потому как подчинено нуждам или прихотям общества. Положение искусственно выведенных животных не может считаться привилегированным с учётом условий их содержания и состояния их организмов, однако бытует позиция, что с точки зрения биоразнообразия их появление на свете, которое не случилось бы без помощи людей, является позитивным событием, а отказ от их эксплуатации следует расценивать как негативный фактор, потому что он приведёт к их вымиранию, и не важно, что всё существование таких пород составляют исключительно их мучения.

Если рассматривать этические аспекты племенного разведения более глубоко, мы имеем дело с его влиянием на общественное сознание: восприятие животных формируется с учётом их породной принадлежности. Отметим, что внутри человеческого общества идея селекции по мере развития демократических ценностей становится атавизмом. Контроль генетики при планировании рождаемости, исторически считавшийся нормой в аристократических кругах и ряде этнических общин, сегодня в большинстве цивилизованных стран ассоциируется с девиантными подходами к демографии, с расизмом и фашизмом. Так возни-

кает логическое противоречие: решение использовать принципы селекции для влияния на развитие одомашненных видов, воздерживаясь от такого же научного подхода для контроля эволюции человечества, означает осознанное допущение, будто то, что неприменимо для людей, не только можно, но и желательно для животных-компаньонов — отсюда пренебрежительно-снисходительное отношение к «дворняжкам», пропаганда стерилизации беспородных питомцев как невостребованных, культивация моды и спроса на определённые породы, невзирая на сомнительность их преимуществ с биологической точки зрения. Подобные предпосылки определяют социоидеологический контекст, в котором вынуждены работать современные зоозащитники: навязанное понятие племенной ценности в отношении животных-компаньонов существенно блокирует возможности для продвижения престижа питомцев независимо от их происхождения, а установки на гуманность и культуру содержания домашних животных деформируются идеей неравенства, насаждаемой заводчиками и не основанной на объективных качествах питомцев.

Шпеннглер Любовь Станиславовна
педагог дошкольного образования
ГБДОУ детский сад № 133

Социально одобряемые качества педагога: добродетель, профессиональная норма или моральная репрезентация?

Профессиональная этика связывает педагогическую деятельность с требованиями справедливости, ответственности и такта (3). Однако положительная социальная оценка поведения не является достаточным основанием для признания добродетели. Цель настоящего доклада — разграничить социальное одобрение, профессиональную нормативность и моральную добродетель, уточнив основания оценки поступка и характера педагога. Метод исследования — концептуальный анализ и рассмотрение мысленного педагогического примера. Работа имеет нормативно-теоретический характер и не содержит собственного эмпирического исследования.

Социальное одобрение понимается как положительная реакция определённой группы, профессиональная норма — как требование к исполнению педагогической роли. Добродетель в рабочем определении означает устойчивую расположенность к нравственно обоснованному выбору и действию. Эти понятия относятся к различным основаниям оценки и не образуют взаимоисключающих типов поведения. Мо-

ральная репрезентация обозначает предъявление образа нравственного педагога и сама по себе не предполагает обмана. Проблематична подмена анализа поступков оценкой привлекательности этого образа.

Различение действия и добродетельного действования имеет основание у Аристотеля: существенны знание, выбор поступка ради него самого и устойчивость характера (1, II, 4, 1105a28–1105b9). Поэтому добродетель нельзя отождествлять с искренностью чувства. Кантовское различие действий сообразно долгу и из долга, в свою очередь, показывает, что внешнее соответствие требованию не раскрывает его мотивационного основания (2, AA 4:397–399). Вместе с тем отсутствие непосредственной склонности не исключает нравственной ценности поступка. Эти подходы не тождественны, но оба препятствуют сведению моральности к эмоциональной непосредственности.

Рассмотрим педагога, который испытывает раздражение, но сохраняет справедливое правило и уважительное обращение, и педагога, который из симпатии предоставляет ребёнку необоснованное преимущество. При заданных условиях первое решение этически предпочтительнее. Однако пример не доказывает ни отсутствия добродетели у первого, ни наличия её у второго. Он позволяет оценить решения, но недостаточен для целостной оценки характера. Более того, различное обращение не всегда несправедливо: дополнительная помощь может быть оправдана значимыми потребностями ребёнка. Поэтому в примере специально исключаются подобные основания.

Профессиональная норма способна ограничивать зависимость обращения с ребёнком от чувств взрослого. Вместе с тем конкретное правило и способ его применения требуют морального обоснования. Обращение к phronesis в современной неоаристотелевской педагогической этике позволяет рассматривать суждение как соотнесение нравственных ориентиров с обстоятельствами ситуации (4).

При этом речь идёт о теоретическом подходе, а не об экспериментальном доказательстве превосходства определённой модели подготовки педагогов. Акцент Гусейнова на нравственных запретах и ответственности субъекта (6) служит дополнительным основанием обсуждения границ допустимого действия; требование не унижать ребёнка принимается здесь как авторская нормативная позиция.

Мотивы недоступны непосредственному наблюдению, однако из этого не следует невозможность всякого обоснованного суждения о них.

Предлагается различать приоритеты профессиональной оценки и нравственного становления. Для первой первоочередное значение имеют этическая обоснованность конкретного обращения с обучающимся и последствия решения; для второго — также развитие мотивов и

устойчивого характера. Авторская схема обсуждения случая включает описание действия, оценку его оснований, сопоставление повторяющихся решений и анализ исправления ошибок. Она не является валидированной диагностической методикой. Вывод состоит в том, что социальный образ не удостоверяет нравственную состоятельность, а добрые намерения не оправдывают несправедливого обращения.

Штарк Елена Владимировна
старший преподаватель
КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России

Моральные аспекты современного волонтерства как культуры цифрового формата помощи населению

Волонтерство или добровольчество целесообразно рассматривать как одни из современных видов проявления добродетели, ее практического применения. Для участия в добровольческих мероприятиях в наши дни необходимо проявлять инициативу, проходить специализированное обучение, состоять или сотрудничать с официально зарегистрированными организациями, специализирующимися на некоммерческом виде деятельности.

Следует отметить, что в условиях возрастающей инструментализации знания волонтерство, как практическое проявление добродетели нуждается в рефлексии в рамках классических этических подходов, относительно структуры и видов добродетелей, начиная от выбора отдельно взятого человека и реализации крупных национальных проектов, осмысления и последующего развития современной философской мысли.

На сегодняшний день, в России насчитывается около 36 миллионов волонтеров. За последние 15 лет, благодаря пристальному вниманию общественности и законодательства, в лице государства наблюдается рост волонтерства от 3% до 32%. Данная тенденция показательна, так как проделывается колоссальная работа социальными службами, образовательными и медицинскими организациями по реализации волонтерских проектов, разъяснению важности добровольческой деятельности для решения социально-значимых проектов, осуществляется обучение и вовлечение различных категорий населения профильными специалистами, осуществляется поддержка деятельности некоммерческих организаций.

Значимую роль в институционализации добровольчества сыграло государство. Национальные проекты, инфраструктура ресурсных центров и цифровые платформы превратили волонтерство в системный

элемент социальной политики. Это зафиксировано и на уровне стратегических документов: в перспективе к 2030 году планируется вовлечь в добровольческую и общественную деятельность до 45% молодежи.

Сегодня, при невозможности посетить место происшествия, волонтерам можно консультировать дистанционно, по горячим линиям, работать в call-центрах, заниматься наставничеством, разрабатывать сайты, вести коммуникации, помогать НКО с аналитикой и продвижением.

Цифровизация, также затрагивает и обучение волонтеров, процесс обучения все чаще осуществляется дистанционно, но высококачественно, специально подготовленными педагогами, управленцами, организаторами и другими специалистами. Внедрение искусственного интеллекта в добровольческую и благотворительную деятельность, в культуру помощи, в ближайшее время может значительно поменять систему работы социального сектора.

Безусловно, с учетом современных технологий искусственный интеллект не должен полностью вытеснять человеческий контакт — например, в сферах, где ключевую роль играет эмпатия и персональное взаимодействие с подопечными. Живой модератор остается по-прежнему важнейшим элементом таких процессов, даже если часть работы автоматизирована.

Также, вопросы этики, приватности и безопасности данных становятся центральными при внедрении искусственного интеллекта — особенно в социальных секторах, где обрабатываются чувствительные сведения о людях в уязвимых ситуациях. Это требует развития стандартов, обучения персонала и ответственных подходов к разработке моделей.

Таким образом, культура помощи в России движется к гибридной модели, где цифровые технологии, онлайн-форматы и искусственный интеллект не заменят человеческого участия и сострадания, но значительно усилят их качество, сделав волонтерство более инклюзивным, эффективным и масштабным.

Через практическое проявление волонтерства, данной вид добродетели имеет возможность с помощью современных цифровых технологий быть более организованным, продуктивным и оперативным, обучать участников, с помощью подготовленных профессионалов не взирая на расстояние, находиться под контролем государства, использовать на практике информационные технологии и способствовать нравственному и интеллектуальному развитию участников добровольческого движения, чей пример и опыт положительным образом может сказываться на многих сферах функционирования и развития современного общества.

Шульгина Алина Викторовна
обучающаяся магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

Власть куратора и право художника на голос: этические границы кураторского авторства на примере конфликта Харальда Зеемана и Даниеля Бюрена

Documenta 5 в Касселе (1972) стала показательным случаем, когда авторская роль куратора была публично оспорена изнутри самой выставки. Директор выставки Х. Зееман предложил тематическую концепцию «Вопрошание реальности: образные миры сегодня» и выстроил разделы вокруг собственных гипотез. Впервые documenta отказалась от обзора текущих тенденций в пользу единого кураторского высказывания, а наряду с концептуальным искусством и перформансом в экспозицию вошли политическая пропаганда, реклама, китч и творчество душевнобольных. Даниель Бюрен ответил работой «Экспозиция экспозиции», полосатая бумага на семи стенах выставки и текст в каталоге, где выставка рассматривалась как произведение организатора (1, 3). Конфликт позволяет поставить вопрос о границах кураторского авторства и о праве художника на собственный голос.

Бюрен утверждал, что выставка всё чаще показывает не произведения, а саму себя как произведение, а работы художников становятся тщательно подобранными цветовыми мазками в композиции организатора (3). Сходную позицию в том же каталоге занял Р. Смитсон, который в тексте «Культурное заключение» сравнил навязанные куратором границы выставки с тюремной камерой для искусства. Эта критика опиралась на реальные перемены в профессиональном поле. Как показывает Б. фон Бисмарк, куратор к началу 1970-х стал фигурой авторитета, сопоставимой с художником, а Зееман из невмешивающегося организатора превратился в единоличного директора, чьё субъективное убеждение определяло облик выставки (1). Позже он сам описывал documenta 5 как шаг к самореализации через медиум выставки (5). П. О'Нил видит в этом переход куратора к дискурсивному авторству, при котором ответственность за смысл выставки лежит на нём (4).

Этическая асимметрия состоит в том, что куратор обладает властью определять публичный облик искусства, а художник зависит от контекста, в который помещена его работа. Художник не выбирает соседей по залу, не определяет название раздела и не контролирует текст, которым его работа будет объяснена зрителю, хотя именно эти параметры во многом формируют её восприятие. Не случайно в 1972 году десять американских художников заявили в Artforum о праве самим ре-

шать, показывать ли работы, где и как их будут классифицировать, а пятеро отказались от участия (1). В терминах П. Бурдьё это борьба за право задавать легитимное определение искусства (2), и куратор оказывается её участником, а не нейтральным посредником.

Случай Бюрена важен тем, что критика куратора не была безупречной с этической точки зрения. Бюрен ставил целью изменить коды художественного поля, а не упразднить институции (1). Разместив полосатые поверхности за работами других участников, он превратил их в фон собственного высказывания и сам занял позицию автора над выставкой, оправдывая это тем, что лишь повторяет насилие якобы нейтральных белых стен (1). Его жест одновременно разоблачал и воспроизводил ту логику, против которой был направлен. Право одного художника на голос вступило в конфликт с правом других на целостность их работ, и кураторская рамка не предлагала способа их согласовать. Зееман при этом заверил Бюрена в поддержке его установки, встав на его сторону, а не на сторону других художников (1). Власть куратора проявилась не в запрете, а в распределении поддержки, то есть в решении о том, чей голос будет усилен за счёт остальных.

На основе кейса можно сформулировать этические границы кураторского авторства. Первая из них связана с открытостью концепции для участников, которые должны знать, в какой тезис встраиваются их работы. Вторая предполагает информированное согласие художников на использование их работ как элементов замысла, включая соседство с чужими вмешательствами. Третья требует возможности публичного оспаривания решений куратора внутри проекта. Четвёртая касается ответственности художника, претендующего на собственный голос, перед голосами других. Авторская позиция куратора этична не тогда, когда он отказывается от власти, а когда делает её предметом обсуждения.

Шумилов Григорий Романович
обучающийся магистратуры департамента философии
специалист по научно-исследовательской работе
ЛМДИ «Контур Университета»
Уральский федеральный университет

ИИ как акселератор моральной конвергенции: что говорят исследования?

С опорой на современные эмпирические исследования в сфере этики ИИ доклад раскрывает и защищает тезис о потенциально возможной моральной конвергенции («универсализации») общественного сознания посредством общения с ИИ-агентами. Коротко обозреваются

существующие альтернативные взгляды на проблему, а также контрпримеры и риски моральной конвергенции общества посредством ИИ.

Под понятием «моральная конвергенция» подразумевается процесс сближения, согласования или совпадения различных этических систем, взглядов и ценностей, который приводит моральных субъектов к выработке общих моральных выводов, норм и решений. Нарастание роли ИИ в повседневной жизни человека указывает на то, что используемые ИИ-агенты становятся ключевыми факторами конвергенции, оказывая влияние на моральное сознание пользователей. Проследить это влияние можно посредством разбора четырех основных положений.

1. Пользователи ИИ-агентов все чаще и глубже интегрируют ИИ в вопросы повседневного размышления и принятия решений. Популярные LLM становятся общедоступными собеседниками, консультантами и ассистентами самых широких жизненных сфер, отвечая в том числе на моральные запросы пользователя. LLM в силу доступности, конфиденциальности и анонимности становится моральным посредником человека в современности.
2. ИИ в своем ключевом предназначении агрегирует опыт, взгляды и идеи большого количества моральных агентов. Обученный на больших данных ИИ-агент транслирует пользователю не только эксплицитное (рационально-вербальное) содержание моральных данных, но сублиминальные (латентно-психологические) особенности этих данных. ИИ в своем ответе передает пользователю скрытые особенности данных, паттерны поведения, интуиции, предпочтения или уязвимости крупных групп людей. Непреднамеренно и неочевидно ИИ-агент в роли «морального авторитета» функционирует как инфраструктура статистически агрегированных «базовых» социокультурных представлений о морали.
3. Люди «учатся», перенимая содержание и форму информации выданной ИИ-агентом. Интеграция ИИ в когнитивные процессы человека вызывает доверие пользователя к суждениям ИИ-агента, что влечет изменение его собственных суждений. Исследователями обнаруживаются крупные изменения в человеческом словоупотреблении, образе мысли, особенностях обучения и т.д., вызванные влиянием ИИ на перцептивные, эмоциональные и социальные суждения. Происходит постепенное коллективное (неравномерно распределенное) и нарастающее изменение человеческой культуры, общественного сознания, обусловленное повсеместным общением с ИИ-агентами.

4. В силу этих процессов ИИ-агенты, выступающие моральными авторитетами и посредниками, меняют моральное сознание пользователей. ИИ, используемый для морального рассуждения, становится источником не только моральной рефлексии, но потенциальным источником моральной легитимации. ИИ погружает отдельного человека в поле агрегированной «этосферы человечества», потенциально вызывая конвергенцию различных пользователей в моральных убеждениях (на психологическом уровне), суждениях и оценках (на лингвистическом уровне), поступках (на поведенческом уровне). Таким образом, ИИ становится как источником ограниченной универсализации морального дискурса, так и акселератором моральной конвергенции в ключевых сферах человеческой жизни.

Тем не менее, естественным образом возникает критика моральной конвергенции посредством ИИ. Обнаруживается, что ИИ-агенты оказываются парадоксальными и оказывают обратный эффект на моральное сознание: ангажированность и различие моделей способны поляризовать и фрагментировать общественное сознание пользователей, создавая глобальные «моральные эхо-камеры». Ставится под сомнение также «однородность» этических суждений, транслируемых ИИ-агентами: эксперименты показывают, что при исследовании пограничных этических ситуаций ИИ-агент отказывается от «общегуманитарного» характера размышлений и транслирует частную ценностную позицию, заложенную разработчиками в ядро модели.

Шуплецов Иван Валентинович
руководитель образовательной программы, старший преподаватель
Уральский федеральный университет

«Прикладная этика в бизнесе и промышленности» как модель гибридного образования: философское ядро и управленческие компетенции

Гибридная модель на стыке дисциплинарных полей.

Программа реализуется на границе этики, экономики и права и готовит специалистов в области этики и управления бизнес-процессами, соответствующих актуальным этическим требованиям в контексте ESG и концепции устойчивого развития.

Содержательно программа включает блоки современной философии с акцентами на социальной, политической и этической проблема-

тике, мощный блок экономических дисциплин и менеджмента, а также блок экологических дисциплин.

Такая структура обеспечивает не «надстройку» этики над экономикой, а их органичный синтез.

Философское ядро: что именно изучается?

Обязательными дисциплинами профиля являются философия, развернутый курс истории этики, отдельный курс современных проблем этики, логика, а также социально-ориентированные курсы толерантность и различия и теория социальных институтов.

Отдельный курс о религиозных конфликтах демонстрирует причины возникновения радикальных способов манифестации религиозной нетерпимости и их корни, берущие свое начало как в особенностях религиозных доктрин, так и в особенностях восприятия мира современным человеком, приводящих к неспособности и нежеланию слышать другого, к стремлению властвовать не только над дискурсом, но и над поведением ближних, что часто и приводит к взаимному антагонизму.

Такая схема изучения позволяет дать студентам не только представления о теоретической философии, но и инструментарий для анализа конкретных моральных дилемм.

Управленческие компетенции: чему учит программа помимо этики.

Программа выстраивает понимание современной постиндустриальной «умной» экономики, экономики ценностей и смыслов, в которой резко возрастает гуманитарная составляющая. Дисциплины микроэкономика, основы бизнеса, социология организации и бизнес-моделирование дают понимание усиливающейся роли человека в экономике и значительно расширяют уже ставший стандартным набор экономики и налогового учета

Выпускник осознаёт гуманитарные и социальные этические риски и проблемы современной экономики и конкретных индустрий, умеет с ними взаимодействовать, прогнозируя и минимизируя риски, выстраивать устойчиво развивающуюся компанию. Программа реализуется в рамках проектного обучения — большой объём практики с привлечением предприятий-партнёров позволяет получить профессиональные компетенции высокого уровня.

Языковая и международная составляющая.

Студенты изучают два иностранных языка. Английский изучается на первом и втором курсах, а на третьем и четвёртом есть отдельные дисциплины на английском языке, студенты читают литературу и пишут тексты на английском.

Вторым иностранным языком, изучение которого длится все 4 года, по выбору студента могут быть испанский или китайский, а с 2026 года еще и арабский язык. Такая структура программы позволяет студентам

легче изучать и лучше понимать современные теоретические источники, которые публикуются в основном на английском языке и испытывать меньше сложностей при трудоустройсве в глобальные или зарубежные компании.

Карьерные траектории выпускников.

Задача выпускников — находить прикладные способы оптимального и законного решения спорных с этической точки зрения проблем и доносить до руководства знания о важности человекоцентричного подхода; такие специалисты работают менеджерами по корпоративной этике, менеджерами по работе с персоналом, экспертами и консультантами.

Гибридное образование как ответ на вызовы времени.

Модель «философское ядро + управленческие компетенции + проектная практика» позволяет готовить специалистов, которые не просто «знают этику», а способны встраивать её в операционные процессы бизнеса и промышленности. Это не компромисс между гуманитарным и управленческим образованием, а их синергия, востребованная в условиях ESG-трансформации и роста запроса на моральное лидерство. Программа УрФУ — пример того, как прикладная этика становится функциональной управленческой дисциплиной.

Щербакова Наталья Андреевна
обучающаяся магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Бог как Другой в новых реалиях искусственного интеллекта

Встреча Другого на индивидуальном пути Я открывает само Я, и эта взаимная связь образует со-бытие (Mitsein), некое бытие-в-мире (In-der-Welt-sein). Другой — это тот, кто не существует внутри меня, «что я не есмь». Другой — это тот, с кем возможно мое со-присутствие (Mitdasein). Возможно ли воспринимать Бога как Другого, с Кем возможно создать связь со-бытия (Mitsein)?

В Библии многократно присутствует указание на со-присутствие (Пс 90:15). Я не может существовать отдельно от Ты, поэтому мы получаем одно Я–Ты. В монологе творения Богом человека соединяются воедино «Я» и «Ты». Само Ты у Бога становится ответным словом для Я. Господь призывает к Я, создает связь Я–Ты, вопрошая Адама,: «Где ты?» (Быт 3:8).

Голос Вечного Ты не слышим для Я, а каждая встреча с Ты является обращением к Вечному Ты. В словах Иисуса Христа видно отношение обращенности к Ты как связь с Вечным Ты, Богом (Мат 25:40). Подкрепля-

ется это богословским взглядом Иоанна Дамаскина, который говорит о соединении Божественного Логоса со всем человеческим естеством.

Таким образом, связь человека и Бога можно рассматривать как контакт Я и Другого. Связь с Другим всегда таинственна и не раскрыта доподлинно. Причастность человека и Бога раскрывается через Таинство, Боговоплощение в мир. Отношение к Богу как Другому сохраняет секрет мотивов. Тем не менее, отношение человека к Богу имеет более высокий уровень, поэтому Творец обозначается как Абсолютный Другой. Возможно ли со-присутствие человека и Бога сделать ближе и прозрачнее через цифровые сервисы?

В настоящее время создаются сервисы с использованием искусственного интеллекта, которые имитируют личность Иисуса Христа. Примером могут послужить AI Jesus, Jesus AI, Virtual Jesus и цифровая копия Иисуса Христа в храме Святого Петра в Люцерне. Объединяет их одно — цифровой аватар Иисуса Христа, которому можно задать свой вопрос в режиме реального времени. Аватар меняет мимику, отвечает в моменте. Личный контакт, кажется, создает более открытую связь с Другим, которая наглядна и проста. Со-бытие человека и Бога теряет отношение как к Абсолютному Другому.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные ресурсы лишают человека встречи с Богом в связи Я и Другой. Подлинное взаимодействие с Богом в связи Я–Ты в христианской традиции возможно через связь с Ты, другим человеком. Контакт разрушает Абсолютного Другого. В диалоге с цифровым аватаром разрушается связь Я–Ты. И снова актуален Библейский вопрос «Где Ты?».

Эзри Григорий Константинович
к.филос.н., доцент кафедры педагогики и психологии
Благовещенский государственный педагогический университет,
докторант кафедры социально-гуманитарных наук
Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Вопрос моральной ответственности личности в русской религиозной философии

Вопросы, связанные с моральной ответственностью личности, общества и государства, не теряют актуальности на всем протяжении истории человечества и историко-философского процесса. В современном мире актуализируются вопросы, связанные с социальной ответственностью бизнеса, допустимостью биотехнологий, развитием искусственного интеллекта и робототехники, экологической ответственностью. Все они вызывают ценностные конфликты. Разрешение таких конфликтов

требует концептуальной ясности. Проблема в том, что права человека и автономия личности исключают принуждение к исполнению норм морали, тогда как социальная ответственность предполагает ответственность перед обществом и ограничение свободы. В итоге свобода либо ведёт к вседозволенности, либо ограничивается социальными правилами, направленными лишь на сосуществование.

Русская религиозная философия предложила совсем другую логику: вопрос моральной ответственности личности может быть решен при признании наличия общих моральных ценностей в обществе, что является одним из элементов славянофильской концепции соборности. Общие моральные ценности должны в логике русской религиозной философии являться христианскими (с точки зрения славянофилов и российских духовно-академических теистов исключительно православными). Они подчеркивали необходимость того, чтобы государство, основанное на идее морали, поддерживало моральное состояние населения и препятствовало появлению аморальных организаций («кружков»), на чем настаивал В.Д. Кудрявцев-Платонов (ОР РГБ. Ф.823.2.12. Кудрявцев-Платонов В.Д. Ответ на замечания, сделанные против статьи «Обличение на книгу о возможности соединения церкви Российской с Западной». 1, 2, 3 варианты. 1859. 36 л. Приложение: «Разговор А.В. Горского с митрополитом Филаретом по поводу этой статьи. Б.д. 2 л. 38 л.). Подчеркивалась необходимость отсутствия принуждения в исполнении моральных норм. Это следствие признания метафизической ценности и свободы личности, онтологически независимой. Русские религиозные философы не предполагали обязательность христианства (православия) как религии, но полагали основополагающими христианские ценности для жизни личности, общества и государства.

В русской религиозной философии была сделана попытка сочетания христианских ценностей со свободой личности, она заключалась «в стремлении сочетать … либерализм и индивидуализм, с одной стороны и традиционализм, соборность с другой стороны» (Пишун С.В., Курбенков В.А. Концептуальные основания политического учения Б.А. Кистяковского. Владивосток: Дальнаука, 2005. 171 с. С. 16), в таком случае «личность является основным элементом всякого общественного и государственного единения» (Там же, с. 74). Однако требуется реальное, а не декларативное признание обществом общих ценностей и их реализация в жизни каждого человека. Важно и наличие «низовой» самоорганизации (волонтерские организации, православные братства и т.п.), поскольку она находится в логике православной соборности. Однако это требует отказа от собственных интересов ради гармоничного социального взаимодействия. На это указывали, в частности, Антоний (Храпо-

вицкий), ставивший моральное единство людей выше их эгоистических устремлений в рамках его концепции нравственного монизма, а Ф.А. Голубинский полагал возможным «горе от собственного Я» (ОР РГБ. Ф.76/I.2.1. Голубинский Ф.А. Горе от собственного Я. Б.г. 2л.), что требует регуляции личности совестью.

Таким образом, русская религиозная философия предложила модель, в которой моральная ответственность личности возможна лишь при моральной зрелости участников общественных отношений (согласие об общих ценностях и их воплощение в повседневной жизни, социальная самоорганизация, добровольный отказ от эгоизма). Именно в этом случае становится возможным сочетание свободы личности, ответственной лишь перед своей совестью, и ее социальной ответственности.

Эйрус-Шулепов Савва Алексеевич
независимый исследователь

Смысловой баланс как фактор этической полноценности фильма

Как система трансляции смыслов и, соответственно, утверждения ценностей через нарратив, кино всегда вынуждено осуществлять тонкую балансировку художественности и назидательности. Способность кино формулировать этический императив через сложное взаимодействие смысловых конструкций стала применяться с целью утверждения конкретных этических и нравственных нарративов с первых дней киноиндустрии. В то же время среди как профессионалов, так и зрителей присутствует универсальное и практически имплицитное понимание того, что сдвиг в каждую из сторон в некотором роде обедняет произведение: кино, делающее приоритетом артистизм и жертвующее ценностно-этическим аспектом, воспринимается как поверхностный эксперимент с формой (пусть и виртуозный; противоречивым примером можгут быть ранние сюрреалистические эксперименты, как «Андалузский пёс»), в то время как фильм, в котором назидательная составляющая затмевает собой художественность, теряет способность к полноценному эстетическому воздействию и становится чем-то более близким к рекламе в ее максимально тривиальном изводе (как крайнюю форму здесь можно вспомнить пропагандистские фильмы раннего СССР).

Ответственность, которую культура возлагает на произведение кино, предполагает, таким образом, что фильм одновременно несет те или

иные конструктивные этические императивы (т.е. смыслы, артикулированные в фильме, либо конструктивно дополняют и утверждают действующую этическую парадигму, либо предлагают конструктивную ее критику) и эстетическое наполнение, реализующееся в полноте и разнообразии опыта просмотра и субъективно воспринимаемое как эмоциональная насыщенность фильма.

В связи с этим встает вопрос о том, каким образом фильм может сохранить баланс между артистизмом и назидательностью. Простым методом будет найти принципиальное различие между сильно удаленными на этом спектре произведениями. Такое отличие обнаруживается в смысловом разнообразии, или, более точно, в гарантии интерпретации. При таком рассмотрении можно обнаружить следующее.

Сдвиг в сторону чистого артистизма ведет к смысловой пестроте, стирая этическую ось — любая гарантия интерпретации полностью отвергается как значимая составляющая; вариативность интерпретации становится сутью игры, и этический вектор не имеет возможности реализоваться, поскольку в ценностном аспекте такое произведение не имеет внутренней иерархии.

Сдвиг в сторону назидательности предполагает упор на гарантию интерпретации, в крайнем случае доводя ее до абсолюта: все художественные методы выражения подчинены тому, чтобы реализовать четко определенную смысловую конструкцию и не дать зрителю возможности воспринять ее иначе, чем заложено автором.

Отсюда напрашивается вывод о том, что этическая полноценность фильма строится на балансе смыслового разнообразия и вариантов интерпретации. Кино, позволяющее зрителю применить собственное суждение, наделяя различные смысловые грани ценностного подтекста эмоциональным напряжением и, как следствие, фокусируя его внимание и интерпретирующую интенцию на разных направлениях интерпретации, оказывается одновременно наиболее полным как произведение искусства и при этом максимально этически полноценным. Крайним примером здесь могут послужить мощные драматические фильмы разных времен. В противоположность этому, фильм, обедняющий любую из двух этих сторон, теряет свою этическую роль, даже если формально в нем все подчинено назиданию. Таким образом, представляется, что движение по оси этического совершенства осуществляется, в частности, за счет художественной честности и чистоты, предстающей как баланс артистизма и ценностного наполнения и выражающейся в сбалансированной многозначности, открытой к ограниченному, но разнообразному множеству вариантов интерпретации.

Языкова Юлия
старший преподаватель
СПбГУВМ

Эвфемизмы эвтаназии животных: этические стратегии в речи владельцев животных

Эвтаназия животных — одно из наиболее сложных этических решений в ветеринарной практике. Оно затрагивает одновременно медицинские, юридические, психологические и моральные аспекты. Однако в фокусе внимания обычно оказывается правовое регулирование, тогда как язык, которым описывается это действие, остается на периферии. Между тем именно язык формирует то, как общество осмысляет эвтаназию: признает оно за животным моральный статус, распределяет ответственность между врачом и владельцем или узаконивает само действие. Исследование посвящено анализу эвфемизмов, которые используют владельцы животных, говоря об эвтаназии, и этическим стратегиям, стоящими за их выбором.

Ветеринарный врач, объясняя владельцу необходимость эвтаназии, оказывается в двойственной ситуации: профессиональной, где смерть — это «остановка сердечной деятельности», и бытовой, где смерть — это «уход» или «освобождение от страданий». От того, какие слова выберет врач и какие слова уже использует владелец, зависит эмоционально-психологическое состояние владельца и этическая рамка происходящего. В работе анализируются эвфемизмы, то есть нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, которые представляются говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. Эвфемизмы фиксировались в речи владельцев животных на тематических форумах. Предлагается классификация эвфемизмов по этическим стратегиям.

В результате поиска было обнаружено 35 эвфемизмов эвтаназии. Вся выборка была классифицирована на пять тематических групп. Анализ показал, что эвфемизмы неоднородны: они могут признавать за животным моральный статус («прекратить страдания», «избавить от мук/страданий/боли» и др.), то есть признание за животным способности страдать. С этической точки зрения эвфемизмы этой группы возвышают животное до субъекта, чьи интересы (не мучиться) важнее интересов владельца (не потерять питомца).

Вторая группа перераспределяет ответственность («принять тяжелое/непростое решение», «принять верное решение», «сделать непростой выбор» и др.) Подобная стратегия переводит владельца из пассивной позиции в активную. Общество через язык как бы говорит вла-

дельцу: ты не убийца, ты человек, принявший трудное, но верное решение, — тем самым снимается чувство вины.

Третья группы сакрализирует смерть («позволить уйти (из жизни)/достойно уйти», «позволить/дать уснуть вечным сном», «отпустить» и др.) Подобные метафоры создают иллюзию естественного процесса, которому просто не препятствуют. С одной стороны, эвфемизмы этой группы показывают достойный уход и несут сакральный смысл. С другой — маскируют активное действие врача, то есть ввод смертельной инъекции.

Четвертая группа узаконивает эвтаназию через добродетель («гуманный выход/уход», «гуманное решение», «шаг из-за милосердия/добрый шаг» и др.) Эта стратегия заменяет нейтральное или негативное действие на этически положительное. Здесь действие представлено как проявление высших человеческих качеств. Эта стратегия превращает эвтаназию из медицинской процедуры в моральный подвиг. Здесь убить из милосердия — это добродетель.

Пятая группа эвфемизмов показывает профессиональное дистанцирование («сделать укол», «провести процедуру»). Эта стратегия скрывает суть под описанием медицинской процедуры. Здесь моральный статус животного обнуляется: оно не «уходит», не «страдает» — оно просто «получает укол». Эта стратегия наименее уважительна к животному, так как обесценивает его смерть.

Таким образом, эвфемизмы эвтаназии животных могут быть рассмотрены как этическая стратегия, которая по-разному конструирует моральный статус животного. Ветеринарному врачу необходимо осознавать эту разницу, чтобы выбирать слова, сохраняющие уважение к животному и ясность для владельца.

Anthony Baiju Parakkal
Dr., PhD, Research Scholar
Kerala, Thrissur, India

From Technological Power to Epistemic Responsibility: Leo XIV on the Ethics of Breakthrough Technologies

Breakthrough technologies such as artificial intelligence, biotechnology, nanotechnology, robotics, and cognitive technologies are transforming the conditions of human action while creating new problems concerning knowledge, agency, responsibility, human dignity, and technological power. This paper develops a normative-conceptual analysis of these problems through a critical reading of Pope Leo XIV's Magnifica Humanitas (2026), in

dialogue with Antiqua et Nova (2025) and contemporary philosophical debates on technology and responsibility. Rather than treating Leo XIV's reflections as a set of ethical prescriptions, the paper reconstructs their underlying philosophical account of the human subject as responsible for the direction, evaluation, and governance of technological development.

The paper identifies a significant feature of Leo XIV's approach: technological responsibility arises not simply from the consequences produced by technologies but from the human practices of knowing and judging through which technological possibilities are interpreted, designed, and deployed. His emphasis on epistemic limitations, embedded values, accountability, precaution, and institutional governance provides the basis for examining responsibility under conditions in which technological systems may exceed the knowledge and predictive capacities of their creators and users.

The paper's original theoretical contribution is to distinguish responsibility for technological outcomes from epistemic responsibility for the conditions of technological judgment. It argues that the latter is conceptually prior to the former. Before agents can be held responsible for what a technology produces, they must be responsible for how they identify relevant knowledge, assess uncertainty, interpret evidence, recognise limitations, and determine which assumptions and values enter technological design. Epistemic responsibility is therefore not an additional ethical requirement imposed on technological development; it is a constitutive dimension of technological responsibility itself.

On this account, epistemically responsible technological action requires four interconnected commitments: recognising the limits of available knowledge; critically examining the epistemic and normative assumptions embedded in technological systems; assessing reasonably foreseeable risks and social consequences; and maintaining answerability for decisions made under uncertainty. The framework also distributes responsibility across the technological ecosystem rather than locating it exclusively in individual developers. Researchers, designers, corporations, users, regulatory institutions, and policymakers occupy different positions of epistemic responsibility according to their knowledge, authority, and capacity to influence technological outcomes.

The paper therefore advances Leo XIV's contribution by developing an epistemic foundation for responsible innovation. It argues that a genuinely human-centred ethics of breakthrough technologies must evaluate not only technological outcomes, but also the quality and responsibility of the knowledge practices that make those outcomes possible. By connecting epistemic responsibility with human agency, dignity, accountability, and the common good, the paper proposes a philosophical framework for under-

standing responsible technological action in conditions of complexity, uncertainty, and expanding technological power.

Keywords: Pope Leo XIV; Epistemic responsibility; Breakthrough technologies; Technological ethics; Responsible innovation

Chernyshev Aleksei Vladimirovich
Master of Philosophy, Postgraduate Student
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

Reclaiming Ethics Beyond Heidegger's Limitations Through Patočka's Intersubjective Horizons

Jan Patočka's "The Natural World as a Philosophical Problem" synthesises Husserlian transcendental structures with Heideggerian worldliness to resolve modernity's crises. By executing an asubjective turn, Patočka overcomes the constraints of Being and Time, vindicating the Lifeworld as an inherently intersubjective horizon. Crucially, this system ensures that the internal structures of consciousness remain guarded against solipsistic isolation — where the world is reduced to an unreachable regulative idea — by ontologically grounding human agency and critique within a shared reality.

This framework rescues cross-temporal ethics and mathematical idealities from historical relativism without retreating into a detached Cartesian soul.

I. Critique of Heidegger's "World"

Patočka's attack targets the ethical costs of Heidegger's being-in-the-world. Privileging readiness-to-hand restricts the environment to utilitarian workshop grid, flattering human experience and erasing distinct spheres. This induces a systematic failure: when co-existence is anchored in tool-use, the social world collapses into anonymous leveling; Others are perceived as replaceable variables within an instrumental chain rather than genuine embodied subjects. This pragmatic confinement leaves an explanatory gap regarding open, non-instrumental modes of behaviour, such as art or philosophy, possessing no final cause tied to everyday utility.

II. Critique of Heidegger's "Truth"

The existential analytic denies universal, eternal truths independent of human existence, tying truth strictly to Dasein's historical clearing. However, the evaluating this truth paradigm reveals a structural evasion driven by discourse of natural sciences and empirical method. By choosing space-time bound Newtonian physics to demonstrate how laws become true only upon discovery, Heidegger exploits changing historical discoveries while dodging the timeless validity of formal logic and pure mathematics. This historicised

characterisation collapses when confronted with formal idealities like geometric proofs, which possess a cross-temporal necessity independent of human situations. By utilizing Patočka's critique of localized subjectivism we can expose how marginalising mathematical ontology leaves an explanatory deficit failing to explain how the mind accesses objective, cross-temporal truths.

III. The Ethical Core

Transcendence and responsibility grounding the subject as a living body (situated in nature yet conceptually operating above it) establishes a coherent space for freedom and intersubjective ethics. Patočka resolves the existential controversy by shifting the locus of negation away from an isolated ego to a mediated relation between the situated subject and the pregiven world. Human existence realizes its ethical possibilities through three movements: anchoring, defence, transcendence. Future-oriented anticipation unlocks the movement of transcendence. Through this, the embodied subject projects past immediate ontic constraints to access an infinite horizon of horizons, anchoring agency to cross-temporal truths. Mathematical clarity and ethical responsibility emerge as twin achievements of this shared reality.

Drobec Lukáš
Independent Scholar
University of Roma Tre, Italy,
Tavi Leila
Doctor, PhD, Independent Researcher and Journalist
Guglielmo Marconi University, Italy

From Awareness to Responsibility: Environmental Activism in Czechia and Slovakia, 2015–2025

The decade 2015–2025 offers a particularly revealing perspective from which to examine the ethical transformation of environmental activism in Czechia and Slovakia. The year 2015 constitutes a meaningful starting point not because environmental mobilisation was new to either country, but because it marked a broader shift in the normative language of environmental responsibility. The adoption of the UN Sustainable Development Goals and the Paris Agreement increasingly framed climate change not merely as a technical problem of environmental management, but as a question of responsibility, justice and obligations towards future generations. At the same time, environmental mobilisation in both countries began to move beyond

the predominantly professionalised NGO model that had characterised much of the post-socialist period.

This paper compares Czech and Slovak environmental activism between 2015 and 2025 by asking a specifically ethical question: how does knowledge of environmental harm become a perceived moral obligation to act? Rather than treating activism simply as political mobilisation, we approach it as a form of moral practice in which actors negotiate the relationship between individual responsibility, collective agency and institutional responsibility.

In Czechia, the second half of the 2010s witnessed the emergence of new forms of grassroots climate mobilisation centred on climate camps, youth protest, direct action and civil disobedience. These initiatives increasingly articulated environmental problems through the language of climate justice, linking ecological degradation with social inequality, economic structures and intergenerational responsibility. The Czech case therefore raises a central ethical dilemma: when activists regard established institutional procedures as inadequate to the urgency of environmental harm, under what conditions can disruptive forms of civic action be understood as morally justified?

The Slovak trajectory reveals a different configuration. Environmental activism has deep roots in late-socialist and post-socialist civil society, while during the period under examination grassroots initiatives increasingly connected environmental protection with place attachment, collective responsibility and the moral significance attributed to forests, landscape and local communities. Alongside protest, environmental activism also entered forms of participatory governance, particularly at the municipal level.

The Slovak case thus foregrounds another ethical problem: whether responsibility for environmental protection should remain primarily an obligation of public institutions or can legitimately be shared with citizens, activist communities and local networks.

Through a comparative analysis of activist organisations, campaigns, public discourse and repertoires of action, the paper examines three interconnected dimensions: environmental responsibility, intergenerational justice and the ethics of civic action. Czechia and Slovakia are especially productive comparative cases because their shared Czechoslovak and post-socialist legacies coexist with divergent forms of environmental mobilisation. We argue that the decade 2015–2025 reveals a transition from environmentalism understood primarily as advocacy towards activism understood as moral agency: a practical attempt to bridge the persistent gap between knowing that environmental harm is occurring and accepting responsibility for acting upon that knowledge.

Iunusova Liliia
MA Student
University of Turin, Italy

From Rice to Dragon: Artistic Autonomy and its Ethical Limits in Contemporary China's Public Sphere

Contemporary art uses provocation as a means of critically examining current social issues. At the same time, the implementation of art projects may have environmental, material, and social implications that extend beyond the artistic statement itself. This raises questions about the limits of artistic autonomy and the value of assessing the potential consequences of such projects for society and the environment in advance.

The relevance of this issue is illustrated by three cases from China's art scene that sparked public debate in 2025. Despite differences in artistic approaches and circumstances, each case highlights a distinct aspect of artists' and cultural institutions' responsibility for the consequences of public art projects.

Cai Guoqiang's project *Rising Dragon*, staged on the Tibetan Plateau on 19 September 2025 with the support of Arc'teryx, sparked public debate because of its environmental impact. According to the findings of an official investigation, the event affected more than 30 hectares of grassland; damage to the soil cover and inadequate removal of pyrotechnic debris were also reported. This case raises questions about the relationship between artistic expression and environmental responsibility: to what extent can the intended artistic effect justify intervention in a vulnerable natural environment, and how should responsibility for preventing and remedying the resulting damage be allocated?

Another aspect of the issue is illustrated by Yang Yixin's project *Gold Grains Rush* (淘金米), presented in 2025. As part of the art event, visitors searched for gold grains hidden in five tonnes of rice. The project prompted debate about the justification for using a substantial quantity of food for artistic purposes and the artist's responsibility for the materials after the event. In this case, the ethical question concerns not only the symbolic meaning of the work but also the material resources involved in its creation and how they are used and disposed of.

The third case concerns Heman Chong's exhibition *The Endless Summer*, held at UCCA Dune from October 2024 to April 2025. The artist posted on social media photographs that visitors had taken of themselves in the exhibition space, adding critical comments about the use of art as a backdrop for selfies. Some visitors regarded the posts as an infringement of their rights and a form of public humiliation. Following complaints, the museum stated that the artist had removed the posts and that the institution had apologised to

visitors it was able to contact. This case raises questions about the responsibility of artists and exhibition institutions in handling images of visitors, as well as the consequences of public criticism directed at specific individuals.

The cases differ in the nature of the potential harm: one concerns the impact on the natural environment, another the use of food resources, and the third the rights and dignity of visitors. Nevertheless, all three raise a broader question: to what extent should the consequences of an art project be considered at the planning stage? In this context, preliminary ethical assessment does not imply restricting artistic freedom or introducing censorship. Rather, its purpose is to identify potential risks, clarify the responsibilities of those involved, and consider measures to prevent possible harm in advance.

These cases do not indicate the existence of a unified system for the ethical review of art projects in China. However, they demonstrate that the consequences of public art events are becoming a subject of public debate. It is therefore worth considering preliminary ethical assessment as a potential tool for responsible artistic practice — one that takes into account not only an artwork's concept and expressive means but also the conditions of its implementation and its impact on people and the environment.

Liberati Nicola
Professor, PhD, Full Professor
University of Electronic Science and Technology of China, China

Dirty Phenomenologies to Address Digital Intimacies

Digital intimacy poses distinctive ethical challenges because it unsettles many of the categories through which ethical questions are conventionally formulated: human and technological, physical and virtual, authentic and artificial, autonomous and dependent, private and public. Encounters with AI companions, social robots, virtual characters, wearable technologies, and other intimate interfaces increasingly blur these distinctions. Bodies touch and are touched through technologies, produce and exchange data, develop affective attachments to artificial agents, and become entangled with technological systems in ways that cannot easily be reduced to interactions between clearly separated subjects and objects.

This paper proposes dirty phenomenologies as a conceptual and methodological framework for addressing the ethical implications of these emerging forms of digital intimacy. "Dirty" does not simply refer to dirt or bodily impurity. Rather, it identifies mixtures, contaminations, dependencies, leakages, and ambiguous boundaries that resist conceptual purification. Drawing on phenomenology, postphenomenology, queer phenomenology, and new materialist approaches, dirty phenomenologies challenge ethical

analyses that begin from supposedly stable entities and subsequently ask how they should interact. Instead, they examine how bodies, subjects, desires, technologies, and relations are constituted through their entanglements.

This shift has important ethical consequences. Digital technologies do not merely facilitate or obstruct pre-existing intimate relationships; they participate in shaping what intimacy can mean, which forms of attachment become possible, how bodies and desires are oriented, and which forms of dependency, vulnerability, and agency emerge. The ethical question therefore cannot be limited to whether a technology is beneficial or harmful, authentic or deceptive, or whether an autonomous individual has consented to its use. It must also address how technological mediation participates in producing the very subjects, relations, vulnerabilities, and values to which such ethical categories are subsequently applied.

To "dirty" phenomenology consequently means resisting the temptation to purify experience analytically and ethically. Rather than asking only where the human ends and technology begins, dirty phenomenologies investigate how such boundaries are produced, negotiated, crossed, and contested. By foregrounding permeability, viscosity, vulnerability, dependency, and entanglement, this paper argues that dirty phenomenologies can contribute to an ethics of digital intimacy capable of engaging with technologically mediated relations without reducing their ambiguity to predetermined moral categories.

Makovetsky Eugene Anatolievich
Doctor of Sciences in Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University, Russia

Justification by the Novel: The Ethical Openness of the Genre

Based on M.M. Bakhtin's position that with the advent of the novel (3rd century AD), all genres of culture are gradually novelizated, we assume that anthropological concepts and ethical attitudes are also being "novelizated". Some features peculiar to the novel as a literary genre also become distinctive features of the "novelizated" reality. Among the key factors defining the existence of the novel genre, two possess an ethical dimension: 1) an unlimited measure of the illusiveness of the novel image; 2) the transparency of the novel boundary between reality and fiction.

1) The novel is the only major genre of written culture that unconditionally recognizes its artistry, which means that it recognizes its mimetic origin in full. According to Plato, the result of imitation is either an image (εἰκόνα) or a

phantom (φάντασμα) (Sophist 235c8 — 236c8). Consequently, fully acknowledging one's mimetic nature entails recognizing that the outcome of mimesis may be not only a true image of the subject depicted but also a phantom of it. Despite the fact that, for example, a realistic novel seems to "reflect" the world in all its variety of problems and contrasts — thereby creating an "image" of the world — we forgive the novel for obvious inconsistencies, tensions and especially exaggerations, accepting the phantom-like quality of its depictions. The novel acknowledges the presence of not merely a fantastical element but a "phantasmatic" one within its own nature — particularly when we consider the genre across the full depth of its history. The situation is different with other genres of written culture. For example, within the exegetical genre — when interpreting the Holy Scripture — we deliberately reject illusory interpretations and confine ourselves solely to the true image of the reality conveyed by the Scripture. The same is true in historical narrative — we strive to get an authentic image of the past, not an illusory one.

2) A realistic novel allows one not only to enter it ("One can enter the novel oneself" — M.M. Bakhtin), but also to leave it or to live without leaving it, thereby rendering the boundary between nature and culture — between life and art — traversable. With the advent of the novel, not only all other literary genres are "novelized" (M.M. Bakhtin), the reality itself is novelized — played out according to the rules of the novel — and the personality is novelized, realizing itself and acting according to the logic of the novel characters. This ideal of art — never before realized, a dream of Pygmalion come true — signifies the possibility of crossing the boundary between fiction and reality, between nature and art.

We believe that these two circumstances — the "illusory nature of the measure" and the "transparency of the boundary" — are prerequisites for the essential drama of the novelized reality, which consists in the impossibility of justification.

Nartokova Dana Olegovna
Independent Scholar, Russia

Corporate Social Responsibility

In recent years, the topic of corporate social responsibility has become increasingly relevant, as growing societal expectations are met by a rising number of companies. A company, as a social and economic institution, is now expected to engage not only in commercial activity but also in responsibility toward employees, society, and the environment.

This is precisely why social and corporate responsibility — as a business's voluntary contribution to social development, environmental protection, and improving people's lives — is so necessary for companies. A company serves as a tool for forming employees' sense of belonging; through shared values and corporate initiatives, business fosters cohesion within the workforce. Over time, an organizational identity forms: the employee begins to perceive themselves as part of the company and to align their own values with the company's.

CSR is a mutually beneficial system: through social practices and benefit packages, the company gains a stronger brand, employee loyalty, and dedication, while the employee gains support, trust, and a sense of belonging.

Social initiatives do not always guarantee positive outcomes, since in practice they can be too generic — different employees have different needs, requiring more specialized support. Moreover, a company building its brand through social practices risks overfixating on its own values and turning corporate culture into a "cult." Such shifts can restrict an employee's self-expression and understanding of their "own self." As a result, the point of social responsibility is lost: its task is to satisfy the need for trust, support, and belonging — not to define a person's personal or spiritual values.

An important aspect of tripartism — the system of relations between the state, the employee, and the company — is the state's system of values and the boundaries of business activity. When designing corporate wellbeing programs aimed at improving employees' quality of life, a company orients itself toward state norms through which it implements social policy. One example of state value regulation is Presidential Decree of the Russian Federation No. 809, which sets out values such as creative labor, humanism, mercy, justice, collectivism, mutual aid, and mutual respect.

It follows that a company's social responsibility exists simultaneously in the space of voluntary social investment and mandatory regulation through the Corporate Governance Code and national standards (GOSTs), which significantly constrains its actions and decisions.

The tripartite model of social partnership operates on a single principle connecting both the state and the company, and the company and its employees. Just as the state offers business recommended CSR standards while preserving its entrepreneurial freedom, a socially responsible business should take initiative while still giving employees choice — offering support options from which the employee independently determines the measures they need. This model enables a shift toward a flexible social support package (a benefits "cafeteria"): a feedback mechanism allows employees to assemble a personal set of benefits, opt out of unwanted measures, and put forward their own initiatives.

An effective CSR system offers several support options, from which the employee independently chooses what suits them — combining the company's social support with the employee's professional autonomy. The ability to influence one's own support system strengthens a sense of belonging and willingness to invest in the company's development, through optimizing work processes, improving work quality, and projecting the company's values outward.

Thus, effective CSR must combine company initiative and employee support while preserving the employee's freedom of choice regarding the help they actually need — maintaining a balance between business interests and human needs.

Shiravand Mohsen
Associate Professor
University of Isfahan, Iran

Investigating Environmental Value in Islam: A Conflict Between Anthropocentric Instrumental and Intrinsic Value Approaches (with Emphasis on Quranic Evidence)

This research paper undertakes a rigorous investigation and critical analysis of the epistemology of environmental value within the Islamic tradition, specifically through the lens of two ostensibly contrasting philosophical approaches: the instrumental often perceived as superficial or anthropocentric) and the intrinsic characterized as a deeper, ecocentric perspective. The study posits that the instrumental framework interprets the natural world primarily as a repository of resources to be harnessed for the fulfillment of human needs and desires. Conversely, the intrinsic approach attributes an inherent, non-negotiable value and dignity to nature and all its constituent components, a value that exists wholly independent of its utility to humankind. Employing a robust qualitative content analysis methodology, this research meticulously scrutinizes primary Islamic sources, with a concentrated focus on exegesis of pertinent verses from the Holy Quran, to deconstruct the evidence and theological arguments underpinning each paradigm. The ultimate objective is to ascertain which of these approaches holds greater precedence and possesses a more solid foundation within the core of Islamic theological and philosophical thought. In explicating the instrumental approach, the research draws upon a specific subset of Quranic verses that

explicitly denote the concept of the "subjugation" (taskheer) of nature for humanity's benefit and use. "And He has subjected to you whatever is in the heavens and whatever is on the earth — all from Him." (Quran, 37: 12–13) This includes, for instance, verses detailing the provision of livestock, the facilitation of agriculture, and the general utilization of natural resources such as water, metals, and landscapes. (Quran, 55: 5–68) Proponents of this reading argue that these verses establish a divine sanction for human utilization, emphasizing tangible economic and utilitarian advantages. Within this interpretation, the environment is fundamentally positioned as a tool — albeit a blessed one — for achieving divinely permitted human objectives, such as survival, community building, and economic development. However, contemporary critics of a purely instrumentalist reading vigorously highlight its severe limitations and its role in fostering detrimental environmental consequences. They argue that divorcing this permission to use from a higher ethical framework leads inevitably to the indiscriminate and unsustainable exploitation of natural resources, widespread ecosystem degradation, and a profound ethical disregard for the rights and welfare of other sentient beings created by God (1). This critique frames a purely instrumental view as a potential theological justification for the current ecological crisis. In stark contrast, the intrinsic value approach is constructed upon a different, more expansive corpus of Quranic evidence. This perspective draws upon verses that emphasize the magnificent, wise, and purposeful creation of the universe, its astonishing order and balance, and its inherent aesthetic and spiritual beauty. Examples include frequent invitations to reflect upon the creation of the heavens and the earth, the incredible diversity (biodiversity) of life forms, and the precise, reliable cycles of seasons, day, and night (2). The Holy Quran considers encroachment on the natural environment and the destruction of biological resources as "transgression", as it says: "O you who have believed, do not prohibit the good things which Allah has made lawful to you and do not transgress. Indeed, Allah does not like transgressors." (Quran, 5: 87) Some scholars have concluded from the Quranic verse that, according to the Quran, a human being who, through corruption, destruction, and transgression of divine limits and boundaries, breaks the divine covenant, destroys the relationship with God, and disrupts the balance of the environment, is cut off from divine mercy, love, and compassion. (3)

Smirnov Aleksey Viktorovich
Doctor of Sciences in Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University, Russia

Soviet School-themed Cinema: The Humanization of Childhood

Soviet childhood and child-rearing practices are currently subject to criticism. Scholars also critique the Soviet pedagogical model — reconstructed through theoretical and methodological literature as well as other sources, including archival materials. Schooling was an integral and crucial component of Soviet childhood; particularly during the early years of Soviet rule, the school played a greater role than the family in shaping the individual. Soviet art can also serve as a source for the scholarly reconstruction of the school-based pedagogical model and upbringing methods. Soviet art served as one of the most effective channels for the socialist propaganda. Soviet films about school life became a key tool for creating an appealing image of childhood, designed to resonate with contemporary audiences while also shaping perceptions for the future. Soviet audiences continued to watch films about school life released in the 1930s for half a century.

Within the discursive model of culture (M. Foucault), education is viewed as one of the technologies for the disciplining of society, aimed at producing law-abiding and manageable individuals. The school, as an integral part of the educational system, is regarded as a specific mechanism designed to achieve this goal. Modeled on the pre-revolutionary Russian gymnasium, the Soviet school inherited the Prussian educational system, which aligned with the disciplinary model. During the period when the Soviet school system was being established and was in operation, discursive cultural theory had not yet been developed, and the pedagogical model had not yet been subjected to criticism from that perspective. Nevertheless, there was a risk that a negative attitude toward the Soviet school would emerge due to its mechanistic, instrumental, and dehumanizing nature.

Soviet school-themed cinema emerged as a key tool for fostering a positive attitude toward school as a source of a happy childhood. It portrayed the humane nature of the Soviet school system. The central narrative of post-war Soviet school cinema was that the school, as a social institution, could resolve all the conflicts a Soviet child faced — whether within the school environment or outside it. This narrative presented the school not merely as a space of discipline, but as a setting for the relationships that defined everyday life — a space organized around principles of humanity rather than mechanical rigidity.

Over the course of two decades — from the 1950s through the 1970s — Soviet cinema developed a range of new expressive devices to convey this narrative:

- visual portrayals of characters, both positive and negative;
- established conventions for depicting the Soviet school as a welcoming environment;
- scenarios illustrating the ways in which the school and other aspects of a student's daily life (family, leisure, community) intersected and integrated with one another;
- and the music and verbal language used to reinforce and communicate this narrative.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-00351, htpps://rscf.ru/en/project/25-28-00351/ «Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х – 1970-х гг.».

СОДЕРЖАНИЕ

4 *Абакарова Р.М.* Единство нравственных норм в многообразии народов, конфессий и языков. К Году единства народов России

5 *Абдулаева З.Э.* Воспитание через обучение: социально-экономические детерминанты и критика декларативного подхода к укреплению духовно-нравственных ценностей

7 *Абрамова А.В.* Другой как источник морального смысла: сентименталистская традиция в диалоге с современной нейроэтикой

9 *Авакян С.М.* Промптовая тайна как условие интеллектуальной автономии: этические основания правовой защиты

10 *Авдеева И.А.* Кризис бинарности в ситуации моральных дилемм

12 *Алейников А.В.* Интерференция секьюритизаций: новая природа легитимации безопасности в условиях поликризиса

14 *Алейников А.В., Мальцева Д.А., Стребкова К.Е.* Интеллектуализированная архитектура управления информационными рисками: культура данных, модели ИИ-поддержки и ценностный суверенитет

16 *Ананьева Е.М.* Является ли нравственный закон законом природы?

17 *Андреев И.В.* Этико-методологические проблемы академического дискурса о новой религиозности

19 *Антипов А.В.* Делегирование морального суждения как проблема этики искусственного интеллекта

20 *Антонов М.В.* Концепция признания и чистое учение о праве

22 *Аншаков В.С., Хоменко П.А.* Военная педагогика в эпоху беспилотных технологий

23 *Апанин А.В.* Проблема опыта, полученного при взаимодействии с искусственным интеллектом

24 *Аракелян А.М., Воронцова Ю.В.* Формирование двухуровневой карты этических вызовов (сравнительный анализ подходов Н. Бострома и Э. Постиго Солана)

26 *Арсибекова В.С.* Идея Богочеловечества и нравственный идеал у В.С. Соловьёва

27 *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* Цифровое непризнание личности: режимы видимости и пределы юридического признания

29 *Артёмов Г.П.* Модернизация и типы нравственной культуры

30 *Бакеев А.В.* Смыслы и этика в современном русском предпринимательстве

31 *Барабанов А.Ю.* Ортобиоз И.И. Мечникова как концепция нравственного совершенствования и экологическая этика

33 *Барбашина Э.В.* Риски интеграции ИИ и медицины

34 *Барташевич Т.Ю.* Моральный канон и нарративные стратегии его поддержания и обновления

36 *Барташевич Т.Ю., Овчинникова Е.А.* Этическая мысль на страницах русских духовных журналов конца XIX – начала XX вв.: возможности нарративного метода

37 *Барышникова-Бурлак Е.А.* Нарративный триггер: от моральных оснований эпохи к этическому опыту зрителя

39 *Беззубова О.В.* Образ учителя в советском школьном кино: нравственные искания и дисциплинарные практики

40 *Бектанова А.К.* Моральные основания правовой культуры в традиционном кыргызском обществе

42 *Белова Л.И., Валеева Э.М.* Семья в моральном сознании молодёжи: ценностные ориентации, этические дилеммы и вызовы современности (результаты социологического исследования)

44 *Беляева Е.В.* Коммуникативно-дискурсивное понимание морали в этике ответственности

45 *Беседина В.С.* Слом идиллического хронотопа как моральное высказывание: «Дерево для башмаков» Э. Ольми (1978) и «Счастливый Лазарь» А. Рорвахер (2018)

47 *Богданова В.О., Кленовская В.А.* Исследование семейных ценностей в аспекте Я-концепции

49 *Большакова А.С.* Делегирование морали как элемент протетической культуры

51 *Бондарев В.Г., Стребков А.И.* Механизмы канализации социального протеста: институциональные «отстойники» как инструмент управления критическим сознанием

52 *Борисов М.С., Липатов С.А.* Кадетство на экране

54 *Борисов С.В.* Цифровая семья как новая реальность

55 *Бродский А.И.* Сомнения Виктора Шкловского: моральные антиномии в структуре сюжетосложения

56 *Брук Е.Г.* Этический аргумент в антикатолической полемике второй половины XIX – начала XX века (по материалам периодических изданий духовных академий Российской империи)

57 *Букатинская А.Н.* Иллюзии цифровой социальности: доступ, симуляция и подлинность отношений Я – Другого

59 *Буланина Е.К.* Жест юродивого в этическом пространстве средневекового космоса

61 *Валеева Г.В.* Этикет в цифровой образовательной среде высшей школы: вызовы и пути решения

62 *Валуев Д.Г.* Экспертократия в цифровом обществе: между централизованным знанием и «Pro-Am революцией»

64 *Вантеев М.Д.* Генетическое проектирование человека: четыре структурные асимметрии биоэтической проблемы «дизайнерских детей»

66 *Василевская А.В., Мусс Д.А.* Табуированность темы смерти в современной России: этические вызовы и кросс-культурные практики в диалоге с детьми

68 *Васильев А.В.* Моральная допустимость политического обмана: пределы деонтологического и консеквенциалистского подходов

69 *Василюк А.М.* Сартр и Достоевский: от экзистенциальной тошноты к этической вседозволенности

71 *Верхошенских Н.В.* Эпистемическая этика научного знания: историческая трансформация от индивидуального к коллективному знанию

73 *Вестон Л.Д., Чикадзе Е.Д.* Проблема признания потерпевшего в plea bargaining в американском уголовном процессе

74 *Ветров В.А.* Обоснование социогуманитарной экспертизы: от ценностной нейтральности к плюрализму моделей легитимации

76 *Ветютнев Ю.Ю.* Особенности правового признания социальных ценностей: феноменологический аспект

77 *Виноградова В.А.* Кураторские стратегии этичной репрезентации проектов современного искусства о безотцовщине

79 *Волкова А.О.* Диалог культур: нормы, ценности и смыслы бразильской музыкальной культуры

80 *Воробьев А.Д.* Трансформация насилия в эпоху цифровизации и современный философский дискурс

82 *Воробьева А.Д.* Эпистемический статус ответа нейросети: доверие и ответственность

83 *Воробьева В.А.* Между инструментом и божеством: этические вызовы использования ИИ в религиозных практиках

85 *Воронцова Ю.В., Ковалева Т.В., Ковалева Кирчичек В.А.* Медикализация как практическая реализация трансгуманизма

86 *Гаврилина К.В.* Этические основания права в условиях правового нигилизма и кризиса доверия

88 *Галабурдина З.А.* Этические основания защиты сельскохозяйственных животных и пути преобразования продовольственной системы

89 *Гильмутдинов И.Р.* Фотография и моральное чувство

91 *Глушкова А.И.* Использование иммерсивных технологий в образовательном процессе: этические вопросы

92 *Говорунов А.В.* Машинерия образования и гуманистическая этика в кинематографе о школе

94 *Головенко З.В.* Онкология как этический фактор при сборе материала о художественных проектах (на примере серии «Итальянская пыль» Надежды (Нади) Кузнецовой, 1960–2022)

95 *Головков В.В.* «Создано с ИИ»: этические аспекты маркировки сгенерированного контента

97 *Голубева П.Е.* Травма как условие возможности ответственного бытия: парадокс одновременности субъекта и Другого

98 *Горбунов С.С., Пугачев О.С.* Этические основания религиозного гуманизма

100 *Горбунов С.С., Пугачева Н.П.* Этика «благоговения перед жизнью» и «медвежья проблема»

101 *Горина Т.С.* Обучение служением как проявление заботы

103 *Горячев К.С.* Ценностные и целевые установки ответственного отношения к животным (аксиологические основания федеральной концепции формирования ответственного отношения к животным в России)

105 *Горячева С.К.* Сдвиг допустимого границы в цифровой среде: демонстрация зоосадизма

106 *Грибова А.В., Нетцель Е.К.* Трансформация семейной идентичности под влиянием биополитических практик

107 *Григорьева М.П.* Судьба практической мудрости: как средневековое учение о synderesis изменило границы phronesis в этике Аристотеля и почему Стагирит вновь современен

109 *Григорьева С.Ю.* Кураторский текст и этика в современном выставочном пространстве

110 *Гришин Г.Е., Покладок Л.Э.* Каково быть собакой-роботом: создание индивидуальности без субъектности

111 *Громов Б.Ю.* Этика силы и онтология свободы в полемике о ненасилии Льва Толстого и Ивана Ильина

113 *Гулеватая А.Н.* Лидер как архитектор диалога: экзистенциальные дефициты современной управленческой этики

114 *Гутарова Н.А.* От Техне к ИИ: античные истоки современных этических дилемм

116 *Гущин Е.В.* Экзистенциальная этика в кино: проблема абсурда в фильме Роя Андерссона «Голубь сидел на ветке, размышляя о бытии»

118 *Держивицкий Е.В.* Тщеславие как добродетель: случай Цицерона

119 *Добров Н.С.* Этика арт-перформанса и авантюрное кураторство: Двенадцать комнат Дмитрия Жеравова

121 *Дондокова Б.Б., Односталко М.А.* Модель нравственной воли курсанта в военно-медицинском образовании

123 *Дорохина Р.В., Платонова Э.Н.* Искусственный интеллект и академическая добросовестность при подготовке ВКР

124 *Духанин Р.В., Степанов А.Ю.* Особенности начального военного образования в школах

126 *Елохин А.Ф.* Этика добродетелей как практика инклюзивного театра

127 *Елохин А.Ф.* Нарративная этика режиссуры инклюзивного театра: от этоса долга к этосу совести

129 *Ермолаева М.В.* Этика ольфакторного опыта в кураторской практике

130 *Жадунова Н.В.* Искусственный Другой: между диспозитивом и персонификацией

132 *Жарова М.С.* Нормативный элемент понятия моральной ответственности

133 *Житенев Н.В.* Нужно ли получать удовольствие, чтобы быть добродетельным?

135 *Заболотских К.И.* Баланс этических принципов и нормативных требований в медицинских экспериментах

137 *Зайцева Д.С.* Семейные ценности в цифровой медиапамяти о «советском»: актуальность прошлого в настоящем

138 *Закураева Е.Д.* Этика дистанции: отчуждение как форма отношения к нечеловеческому Другому в современном искусстве

140 *Зарапин О.В.* «Письмо властителю» как способ социальной критики

142 *Зверев Н.С.* «Золотые стихи» Пифагора как модель универсалистской этики: от античной традиции к современности

144 *Зильберман Н.Н.* Тайный сговор и этический парадокс непрозрачной координации в мультиагентных системах

145 *Зимбули А.Е.* Я и другие: нравственно-ценностные векторы и рамки

147 *Зубец О.П.* Мораль как отвержение алиби

148 *Иванов Д.В.* До «этического поворота»: этические импликации теории кино XX века

150 *Иванов Д.А.* Смыслы и ценности трансверсальности футурологических парадигм

152 *Иванов М.А.* Категорический императив в философии Иммануила Канта как практический принцип решения метафизических проблем: может ли этика решить проблемы познания?

153 *Иванов П.А.* Управление вниманием военнослужащего как этическая проблема

154 *Иванова А.И., Севастьянова А.Д.* Оценка благополучия кур-несушек

156 *Ильина Е.М.* Этические истоки Американской революции в пуританской теологии завета

157 *Ильясова С.В., Луцькая Е.Е., Пазина Л.О.* «Идеальный образ» учителя как этическая проблема

159 *Ипатова М.И.* Проблема воли в философии Вл. Соловьева: этический анализ

161 *Исакова Н.С.* Человек и технология в моде: субъектность и границы участия

163 *Исакова Н.С.* Религиозный фактор в модной культуре Узбекистана

164 *Карпов В.Э.* Планирование действий в семиотической модели мира агента

166 *Карпук А.В.* "Platonis humanitas": этико-политическая оценка театра и поэзии в творчестве блаженного Августина

167 *Килина В.А.* «Кто имеет право называть?»: этический анализ терминов принадлежности в немецком медиадискурсе

169 *Ким Ф.С.* Барон Тасимура: по ту сторону этики

170 *Кипарина Е.А.* Влияние здорового образа жизни на толерантность

172 *Китаев М.Б., Савинова М.А.* Моральная легитимация господства и этические пределы культурной изменчивости в политической этике Амвросия Медиоланского

174 *Коваль Е.А.* Последняя степень другости: Я, Другой и искусственный Другой

175 *Ковнирова А.В.* Этика добродетели и современные теории стимулов: к вопросу о системах вознаграждения

177 *Коленько Г.С., Коленько С.Г.* О месте религии в современном общественном дискурсе

178 *Коновалов Р.П.* Конформизм военнослужащих: за и против

180 *Константинов М.С.* Ценностные противоречия морального сознания: концепция когнитивно-идеологических матриц

181 *Копанева В.А.* Диалектическая связь признания и признанности на примере социальных институтов

183 *Корлыханов Д.А.* «Новояз» эпохи современного развитого интернета

184 *Корнилаев Л.Ю.* А.И. Огнёв о взаимосвязи этики и гносеологии в философии В. Виндельбанда

186 *Коротченко Ю.М.* Русский экзистенциальный персонализм как антитеза этическому релятивизму

188 *Коряков А.А.* «Практическая истина» Аристотеля в интерпретации Э. Энском: критика этики долга

189 *Кравченко К.В.* Между симптомом и нравственной позицией: этические основания нейрофизиологического изучения морального выбора при депрессии

191 *Крейцберга К.А.* «Забота о развитии» как этический императив: от педологической антропологии к инклюзивной этике

193 *Кропотов Р.С.* Античное понятие «бесстрастие» (απαθεια) как радикальный идеал отречения в восточном христианстве

194 *Крюк А.Д.* Проблема «сущего и должного» в контексте рефлексии философии мадхьямаки

196 *Крюкова К.В.* Религиозные акторы в международном посредничестве: моральный авторитет и опыт ООН

197 *Кузнецова А.И.* Мораль и вера в эпоху слома: религия как нравственный компас в мемуарах Паулины Венгеровой

199 *Кукоев Д.А.* Киническая триада в инструментарии прикладной этики

200 *Кустикова Е.А.* Мораль после времени: нарратологический анализ этического измерения в романе И. Масодова «Мрак твоих глаз»

202 *Лаврентьева С.В.* Между теорией и практикой: эвристическая функция принципов в биоэтике

203 *Ларионов И.Ю.* Теоретические парадоксы в этике риска применения систем искусственного интеллекта

205 *Левшин С.В.* Любовь как строгая наука: конституирование бытия-с-другим в феноменологии Э. Гуссерля

206 *Лисанюк Е.Н.* Кризис экспертизы повышает роль аргументации к авторитету

208 *Лисанюк Е.Н.* Логика юридической аргументации: в защиту нормативизма в праве

209 *Литвинский В.М.* Магия голоса: между принудительностью и соблазном (по мотивам «Одиссеи» Гомера)

211 *Логоминова И.В., Макеева Н.В.* Спасти нельзя оставить: биологический и этический тупик реабилитации черноморских китообразных

213 *Макакенко Я.А.* Ускользающий абсолют: смерть, контингентность и возможность этики

215 *Макаров А.И.* Феномен социального признания в свете хронотопного анализа и теории поколений

217 *Макарова А.А.* Открытие нечеловеческого Другого в ксенопоэтике: кто говорит, когда говорит нечеловеческое?

218 *Макарова Н.П.* Этические риски мобильных технологий: практики самонаблюдения

220 *Маковецкая М.В.* О деторождении как о категорическом императиве

221 *Максимов А.А.* Командир как нравственный авторитет: роль личного примера в воспитании военнослужащих

223 *Мальцева Д.А., Стребкова К.Е.* Миф о нейтральности математических моделей: этико-эпистемологические критерии применения ИИ в стратегическом риск-менеджменте

225 *Марина М.В.* От знания о прошлом к нравственному суждению: этическая задача музея

227 *Мартынова М.Д.* Студент и «искусственный Другой»: неочевидные этические ловушки при использовании генеративного ИИ во время обучения

228 *Маршалкевич Д.О., Тарасова М.Е., Черпакова Д.Д.* Профессиональные суеверия в контексте медицинской этики

230 *Матвеева М.А.* Профессия документалист: этические парадоксы репрезентации Другого

232 *Маторкина Т.Г.* Кто для нас искусственные Другие?

233 *Махнов А.Д.* Этика и онтология даймониона Сократа

234 *Медникова А.А.* Может ли природа иметь моральный статус? Проблема основания экологической этики

235 *Мелешко Е.Д.* Опыт систематизации этики в итоговом произведении Л.Н. Толстого «Путь жизни»

237 *Мельников С.А.* Аристотелевское учение о счастье в "Quaestio de felicitate" Джакомо из Пистойи и "Dolce stil novo" Гвидо Кавальканти

238 *Мельничук Д.В., Тихонов Г.И.* Цифровое непризнание личности: от философии права к цифровой гуманитаристике

239 *Мельтешинов Н.С.* Воспитательный потенциал изучения традиций русской армии

241 *Мижевич О.М.* Концепции справедливости и проблема образовательного неравенства в условиях цифрового раскола

243 *Митряшкин М.Н.* Правило признания в современной аналитической философии права

244 *Моргачёв О.В.* Кулак добродетели: архитектоника нравственной силы — от сократовского рационализма к системной сентиоцентрической модели

246 *Морозов К.Е.* Пересмотр приоритарного либертарианства

248 *Морозов С.И.* Этическая проблематика педагогического вмешательства в фильме И.А. Авербаха «Чужие письма» (1975)

250 *Мочалова И.Н.* Платон о роли учителя-эксперта и возможностях этической экспертизы (на примере дефиниции мужества в диалоге «Лахет»)

251 *Мудраков С.В.* Военное образование и нравственность: прошлое и будущее

253 *Мухачёва Д.А.* Анималистическая погребальная эпитафика как биофилософский источник

254 *Назаров В.Н.* Этический смысл «эффекта зловещей долины» (к проблеме антропоморфизации искусственного интеллекта)

256 *Назарова Ю.В.* Трансформации зла:
антиномия искусственного зла в цифровой этике

257 *Наркевич-Иодко М.С.* Этика и этикет в спортивной
и тренерской деятельности

259 *Невважай И.Д.* Проблема доверия и презумпция ума
в процессе коммуникации

261 *Недяк Б.Л.* Пределы этического рационализма:
возвращаясь к Бергсону

262 *Немова Д.А.* Личность в пространстве истории
и генеалогии в работах П.А. Флоренского

264 *Нечаева М.В.* Трагическое измерение политического действия:
к вопросу о моральной ответственности политика

265 *Никерина А.А.* Цифровая среда как фактор трансформации
ценностей в супружеских отношениях

267 *Николаева Ж.В.* Этический компонент
в генеративном архитектурном проектировании

269 *Новиков М.И.* Квантификация красоты и проблема объективности
эстетических суждений в современном обществе

270 *Овчинникова Е.А.* Этические нарративы
в хрестоматийных текстах русской культуры

272 *Огарков А.Н., Романова И.К.* «Дневник директора школы»:
идеальное свидетельство счастья

273 *Огур М.С.* Феномен франшизы «Школа монстров» (“Monster High”):
гламуризация страшного и репрезентация культурного разнообразия
как явление детской массовой культуры периода глобализации

275 *Одерова А.И.* Право на ошибку в эпоху цифровой памяти

276 *Олефиренко Д.А.* «Зеркало эпохи»: этическое измерение отражения
и искажения в современном кураторском проекте

278 *Осветимская И.И.* От диалектики господства и рабства
к правовому уважению: трансформация идеи признания
Г.В.Ф. Гегеля в критической теории А. Хоннета

280 *Охман А.Н.* Симуляция теодицеи: этика Левинаса и нарратология
Рикёра в анализе счастливого конца волшебной сказки

281 *Пахомова М.Е.* Визуальный хаос как форма сопротивления:
этика жеста современного художника на примере
творчества Сесили Браун

283 *Перов В.Ю.* Моральные парадоксы и дилеммы принципа «не навреди» в сфере систем искусственного интеллекта (СИИ)

284 *Перова Н.В.* Превентивная модель этической экспертизы: терминологические препятствия

286 *Петренко А.Н.* Репрезентация кризиса идентичности студента-медика и начинающего доктора в «Записках врача» В.В. Вересаева

288 *Петропавловская М.А.* Этический смысл краха как решающего шифра трансценденции

290 *Пикуль Д.Д.* Институциональная критика эффективного альтруизма

291 *Пионткевич Л.Ю.* «Любовь к призракам» и онтология подлинной морали: Ф. Ницше и Н. Федоров в интерпретации С.Л. Франка и С.Я. Семёновой

293 *Плеханова П.В.* Цифровой Другой в пространстве перформативной идентичности: границы ответственности

294 *Погожина Н.Н.* Научный этос в контексте цифровой трансформации

296 *Покровская Т.Ю.* Религиозная символика в рамках захоронений павших воинов первой мировой войны (на примере Калининградской области)

297 *Поликарпов Д.С.* Алгоритмы как акторы: этическая дилемма признания

298 *Положенцев А.М.* Транзитивное пространство и моральное действие

300 *Поляков А.В.* Взаимное признание и право

301 *Полякова Н.В.* Папская энциклика Magnifica Humanitas: этические вызовы искусственного интеллекта в сфере образования

303 *Пономарев А.А.* Формирование субъекта политического в ранних фильмах С. Эйзенштейна: этические аспекты

304 *Пономарёв А.И.* Проблема эмпатии в дискуссии между сентиментализмом и рационализмом

305 *Попов Д.С.* Нарративная природа образов Сократа в детской литературе на русском языке

307 *Попова Е.В.* Этика профессиональной ответственности юристов в условиях внедрения ИИ: анализ повседневных профессиональных практик

308 *Поправко Е.А.* «И милость к падшим призывал…»: отношение к противнику как проблема воинского воспитания

310 *Предовская М.М., Тебякина Е.Е.* Метаморфозы образов нравственности: советская школа в кинематографе — от утопии к ретротопии

312 *Препелица Д.П.* Военное образование в современной России: моральный долг или профессия?

313 *Прилукова Е.Г.* Галактика Визуального: образ семьи в медиапространстве

315 *Прокофьев А.В.* Моральное значение психологических исследований субъективного благополучия (случай гедонистической адаптации)

317 *Пронин П.А.* Благотворительная миссия Л.Н. Толстого: нравственный аспект

318 *Пугачева Н.П.* Фиаско зоопсихологии: может ли этика разрешить кошачий конфликт?

320 *Пушнина А.А.* Практика самостигматизации как новая этическая дилемма XIX–XX веков

321 *Разин А.В.* Моральное добро и зло в философии И. Канта

323 *Ракитных М.Б.* Формы эпистемической несправедливости в психотерапии

324 *Романенчук В.А.* Древнерусское наследие в отечественной мысли рубежа веков: основные нарративы

326 *Романов Н.А.* Этика и звуковая повседневность: к проблеме нормирования и моделирования акустической среды

327 *Романова И.К.* Руководить гуманитарием

329 *Романовская В.Б.* Почему невозможен переход от антропоцентризма к биоцентризму в современном мире, и что возможно сделать в рамках антропоцентризма для благополучия животных

330 *Рувимова Н.В.* Антропоморфизм и животные: норма и инаковость

331 *Рудакова С.С.* Рациональное обоснование морали как проблема единства практического разума у Г. Сиджвика

333 *Руженцев С.Е.* Экономическая целесообразность как суррогатная замена моральных норм

335 *Рыскельдиева Л.Т.* Э.Ю. Соловьев и актуальность кантианства

337 *Рябова И.О.* Роль зоозащитного движения в формировании современных гуманных ценностей

338 *Садовская Ю.А.* Этические вопросы спасения, защиты, реабилитации диких животных и сохранения редких видов

340 *Садыкова Е.Р.* Отраслевой уровень этики искусственного интеллекта: от общих принципов к профессиональным нормам применения ИИ в управлении персоналом

342 *Садыкова Е.Р.* От кодекса к институтам: становление профессионального этического стандарта в управлении персоналом в России

343 *Садырбаев Т.А.* Этика доверия в эпоху синтетических собеседников

345 *Салахов А.Б.* Западные источники по Theologia moralis в круге чтения студентов Московской славяно-греко-латинской академии (по материалам реестров НИОР РГБ)

346 *Севастьянова А.Д.* Симулякр заботы: зоопарк как механизм подмены экологического сознания

348 *Седых Т.Н.* Воспитательный потенциал семьи в контексте ценностных трансформаций современного общества

349 *Селиверстова Н.А.* Этика «позитивной толерантности»

351 *Сергиевская Г.Е.* От букваря к присяге: становление этического сознания будущего офицера

353 *Сергиевская Г.Е.* Кино как инструмент этического воспитания: образ учителя и пространство морального выбора

355 *Сергийчук В.С.* Русско-японская пиратская война 2026: различение ценности и стоимости

356 *Сидоров А.М.* Культурная травма и кризис ценностей: пример Смутного времени

358 *Сидорочкин М.А.* Личность и цифровой двойник: проблема отчуждения и объективации человека

360 *Скипин Н.С.* Кинематограф как средство экологического воспитания: этические установки в кино США, Франции, Японии и СССР/России во второй половине XX века

361 *Смирнова М.Г.* Признание в праве: практический ракурс

363 *Соколов Е.Г.* Этическое образование и моральное воспитание

364 *Соколовских А.С.* В чем состоит этический аспект безопасности систем искусственного интеллекта?

366 *Сорокоумов П.С.* Статический анализ поведения коллаборативного робота на основе логического вывода

367 *Спирин А.П.* Роль традиционных духовно-нравственных ценностей в формировании общероссийской идентичности курсантов военных вузов

369 *Ставцева О.И.* Современная этическая мысль
как творческое усвоение античной этики

371 *Старкова А.А.* Этические аспекты кураторской деятельности
на примере серии фотографий Андреса Серрано «Морг»

372 *Старкова С.В.* Ожидание vs Реальность:
требования к комплаенс-эксперту в условиях рынка

374 *Старкова С.В.* Генезис медицинской этики в России в XVIII в.:
философские и социокультурные факторы

376 *Старцев Н.Н.* Этические аспекты при увольнении отдельных
работников по инициативе работодателя. Постановка проблемы

377 *Сташевски М.З.* Доверие, компетенции
и теория частичного соответствия

379 *Степанов А.Ю.* Традиции офицерского корпуса России
и пути их реализации в современных условиях

380 *Стецкевич Е.С.* Проповедь христианской добродетели подчинения
в творчестве Х. Мор

382 *Стецкевич М.С.* Возможно ли примирение?
Англиканские теологи начала XIX в. и римский католицизм

383 *Стыцура В.А.* Уроки истории как путь к нравственному совершенству

384 *Субботина М.В.* ИИ как социальный вызов: параметры, риски, этика

386 *Сунами А.Н.* Конфликт государства и наркорынка
в контексте традиционных ценностей

387 *Сургутанов Г.О.* Власть и свобода:
моральная субъектность против логики предсказуемости

389 *Сушков А.А.* Вера и испытание: нарратологический анализ
переосмысления Книги Иова в фильме А.Т. Йенсена «Адамовы яблоки»

390 *Сычев А.А.* ИИ: другой, двойник, чужой?

392 *Сычев А.А., Фофанова К.В.* Отношения Я и Другого
в эпоху искусственного интеллекта

394 *Сыченко А.А.* Можно ли защитить достоинство против воли человека?

396 *Сюй Цзявэнь.* Роль традиционной китайской культуры
в становлении современной экологической этики

397 *Тарасова Д.А.* Взаимосвязь логических дефектов
и моральных искажений в дискурсе миграционной реформы

399 *Тебякина Е.Е.* Нравственные основание военного образования
в условиях современной войны

401 *Теньков В.А.* Трансформация семейных ценностей в современном российском обществе: основные тенденции и социальные риски

403 *Терентьев Г.В.* Непоследовательность как этический нарратив

404 *Тивикова М.Ю.* Этический аспект ольфакторной культуры: запах как инструмент социальной демаркации

406 *Толмачева В.А.* Соотношение вины и стыда как нелинейный процесс: историко-этический анализ

408 *Томильцева Д.А.* Человек и анимат: этико-обусловленная практика партнёрства

409 *Тонковидова А.В.* Натуралистическая этика как нормативная основа математического моделирования будущего

411 *Тоноян Л.Г.* Этическая аргументация в «Апологии Сократа» и в «Утешении Философией» Боэция

412 *Травкин М.И.* Формирование этического мировоззрения военнослужащих в условиях деструктивного информационного воздействия

414 *Тулегенова Д.Д.* Содержательные характеристики политических ценностей современной российской молодежи

415 *Тулинова А.Р.* Профессиональная этика в ритуальной сфере: соотношение формальных кодексов и моральных дилемм сотрудников

416 *Тульчинский Г.Л.* Другие, субъектность и ответственность в цифровых форматах

418 *Турыкин Д.С.* Этические пределы распределения функций между судьёй и ИИ

420 *Тухватулина Л.А.* «Принуждение к добродетели» в борьбе с антинаучными убеждениями

422 *Ухатюк Ю.И.* Этические аспекты полемики о клятве верности Якову I в английской религиозно-политической мысли XVII века

423 *Ушкин С.Г.* Страсти по искусственным Другим: этические границы замещения человека

425 *Фатиев Н.И.* Формальный анализ метаэтического принципа "Ought implies Can"

427 *Фаткина Д.А.* Проблема нормализации сведения женщин до объекта в рамках продвижения товаров и услуг

428 *Фауль Б.В.* Эмоции как эпистемический доступ к другому: Элджин и Крюгер

430 *Федько М.В.* Нравственное воспитание как ключевой потенциал формирования добродетели в концепции Л.Н. Толстого

432 *Филатов И.К.* Отношение к другому как онтологическая позиция

434 *Филиппова И.Б.* Институционализация клинических этических комитетов в системе перинатальных центров России: структурно-организационная модель и перспективы развития

436 *Фотиева Е.О.* Парадокс непрозрачной нормы: кризис морального суждения и превентивная самоцензура

437 *Фролов К.Г.* Доверие к моделям ИИ как экспертам: антропоморфизация versus де-антропоцентризм

438 *Фураева А.С.* Приватность как философско-этическая категория: кризис классических концепций в условиях генеративного искусственного интеллекта

440 *Фураева А.С.* Приватность во взаимодействии с генеративными языковыми моделями: пределы применимости этической категории

442 *Харламов А.В.* Этика сопричастности и символическая герменевтика как основание моральной философии

443 *Хохлова Ю.И.* Этика скуки в эпоху бесконечного скроллинга: «нео-аскетизм» как ответ на цифровое выгорание

445 *Храброва В.С.* Женская субъектность в пространстве сцены: этические аспекты изображения шоу-бизнеса в фильмах о кабаре и бурлеске

446 *Цибизова И.М.* Этический сдвиг в современных исследованиях Данте

448 *Цой В.В.* Я и Другой: нормы и ценности футбольных фанатов

449 *Цуркан Е.Г.* Монстры в порядке вещей: моральная драматургия индонезийского хоррора от Сисворо Гаутамы Путры до Джоко Анвара

451 *Цыпина Л.В.* Рецепция диалогизма Платона в этическом учении С. Кьеркегора

452 *Чайка Ю.В.* Трансгуманизм, постгуманизм и границы правосубъеткности животных

454 *Чепелева Н.Ю.* Сознание и страдание: проблема оценки субъективного опыта животных

455 *Чепелева Н.Ю.* Любовь. Декарт. Роботы

457 *Черемных А.И.* Коммуникативная компетентность офицера: этический аспект

458 *Черняева Д.В.* Адаптация права к изменению рамок моральной субъектности животных

459 *Чибисов Б.И.* От анекдотов к клипам: современные трансформации чёрного юмора в медицине

461 *Чижова Д.А.* Пороговое состояние как этический опыт через призму зрительской рефлексии и VTS (на материале выставки «Сквозь миры»)

462 *Чиханова Е.В.* Этические дилеммы внедрения принципов эвтагогики в систему высшей военной школы

464 *Чумакова Т.В.* Нравственный аспект образовательных стратегий в России конца XVIII в. (на материале детской дидактической литературы)

466 *Шабаева А.А.* Биоарт и этика телесности в искусстве: от человека к киборгу

467 *Шавеко Н.А.* Принципы справедливой войны в контексте этики полицейских операций и информационных войн

469 *Шайхутдинова А.Р.* Артикуляция нечеловеческого: как сделать баклана участником экологического диалога на Байкале?

470 *Шакарян Я.Э.* Право семьи на достойное прощание с нерождённым ребенком в ситуации репродуктивной потери: этико-правовые проблемы

472 *Шамаева В.В.* Кризис субъекта в условиях вынужденной продуктивности

473 *Шамис Н.Э.* Этика художественной интерпретации в livre d'artiste (книга художника)

475 *Шапиро О.А.* Бьет — значит (не)любит, или способы апелляции к семейным ценностям в контексте обсуждения проблемы семейно-бытового насилия

477 *Шапошникова Ю.В.* Изменчивый мир и античные стратегии иметь с ним дело

478 *Швецов П.Е.* Проблема этики и аргументации на тему демографии в современной России

480 *Швыткина А.С.* Кураторство исчезающего: этика сохранения локальности

481 *Шевченко А.А.* Моральная удача в отношениях с искусственным Другим

482 *Шевчук У.В.* Аналогия болезни и зла в философии Ф.В.Й. Шеллинга

484 *Шендерская М.О.* Этический дух в теле быта — миф XXI века о нравственной силе

486 *Шкляр Е.Л.* Плут, которому мы симпатизируем: как хитрость становится добродетелью

487 *Шкондеюк А.Ю.* Оправдание зла на примере «эдитов» (edits) про Эймонда Таргариена как форма нарративного видеофольклора

489 *Шкорубская Е.Г.* Этические противоречия контрибутивной и интеракционной экспертизы как двух моделей экспорта знания

491 *Шляхова Г.И.* Искусственный отбор: идейно-этические предпосылки и следствия

492 *Шпеннглер Л.С.* Социально одобряемые качества педагога: добродетель, профессиональная норма или моральная репрезентация?

494 *Штарк Е.В.* Моральные аспекты современного волонтерства как культуры цифрового формата помощи населению

496 *Шульгина А.В.* Власть куратора и право художника на голос: этические границы кураторского авторства на примере конфликта Харальда Зеемана и Даниеля Бюрена

497 *Шумилов Г.Р.* ИИ как акселератор моральной конвергенции: что говорят исследования?

499 *Шуплецов И.В.* «Прикладная этика в бизнесе и промышленности» как модель гибридного образования: философское ядро и управленческие компетенции

501 *Щербакова Н.А.* Бог как Другой в новых реалиях искусственного интеллекта

502 *Эзри Г.К.* Вопрос моральной ответственности личности в русской религиозной философии

504 *Эйрус-Шулепов С.А.* Смысловой баланс как фактор этической полноценности фильма

506 *Языкова Ю.* Эвфемизмы эвтаназии животных: этические стратегии в речи владельцев животных

507 *Anthony Baiju Parakkal.* From Technological Power to Epistemic Responsibility: Leo XIV on the Ethics of Breakthrough Technologies

509 *Chernyshev Aleksei Vladimirovich.* Reclaiming Ethics Beyond Heidegger's Limitations Through Patočka's Intersubjective Horizons

510 *Drobec Lukáš, Tavi Leila.* From Awareness to Responsibility: Environmental Activism in Czechia and Slovakia, 2015–2025

512 *Iunusova Liliia.* From Rice to Dragon: Artistic Autonomy and its Ethical Limits in Contemporary China's Public Sphere

513 *Liberati Nicola.* Dirty Phenomenologies to Address Digital Intimacies

514 *Makovetsky Eugene Anatolievich.* Justification by the Novel: The Ethical Openness of the Genre

515 *Nartokova Dana Olegovna*. Corporate Social Responsibility

517 *Shiravand Mohsen*. Investigating Environmental Value in Islam: A Conflict Between Anthropocentric Instrumental and Intrinsic Value Approaches (with Emphasis on Quranic Evidence)

519 *Smirnov Aleksey Viktorovich*. Soviet School-themed Cinema: The Humanization of Childhood

Научный журнал «Дискурсы этики» приглашает к публикации авторов статей, посвященных актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики, материалы круглых столов, коллоквиумов, обзоры литературы (рецензии на монографии, отзывы на диссертации, учебную литературу и проч.), обзоры и анонсы научных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары), объявления о грантовых конкурсах и научных проектах в сфере гуманитарных наук.

Миссия издания – создать пространство дискурса как для профессионального этического сообщества (включая ученых, преподавателей ВУЗов и студентов), так и для широкой аудитории, активно вовлеченной в процесс исследования этики и работы с моральными нормами и ценностями; реинтегрировать специалистов в области этики; обеспечить доступность знаний и высоких образовательных стандартов для студентов в сфере гуманитарного знания.

Журнал выходит **4 раза в год** в электронном и печатном формате. Издается на русском и английском языках. Публикация бесплатная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.
ISSN (Печатный): 2306-9430.
ISSN (Онлайн): 2311-570X

«Дискурсы этики» представлены в Российском индексе научного цитирования (**РИНЦ**)

Подробная информация на сайте:
http://theoreticalappliedethics.org/

Научное издание

XVIII Международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
традиции и перспективы — 2026.
Знание. Образование. Практика»

Санкт-Петербургский государственный университет,
19–21 ноября 2026 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: А.В. Васильев

верстка: А.В. Васильев, Н.П. Макарова

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано в печать 14.11.2026. Формат 60x84/16.
Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,5. Тираж 50. Заказ 308.

Выпущено Издательско-полиграфической ассоциацией высших учебных заведений с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 28,
лит. А, пом. 3-Н ком. 191. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru